

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

Я Н В А Р Ъ.

*Февраль
Мартъ.*

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Sm 9766 / 1815 №1-3

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Января
8 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Двигубскій.

24567-69

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Спран.

I.	Россъ, или обновленіе Европы. Ода. - - - - -	1
II.	Каковъ долженъ бытъ Писатель. - - - - -	24
III.	Россіяда, Поэма Эпическая, Гна. Хераскова. Письмо. -	32
IV.	Меланхолія. - - - - -	98
V.	Къ надменному богачу. -	103
VI.	Баснь. Двѣ собаки. - -	106
VII.	Къ Л. В. С . . . . ой. -	107
VIII.	Къ Надеждѣ. - - - - -	110
IX.	Надгробныя. - . . - -	111
X.	Надпись къ портрету добра- го Поэта. - - - - -	112
XI.	Эпиграмма. - - - - -	—
XII.	Письмо къ Издателю. -	113

О г л а в л е н і е.

	Стран.
XIII. Чувства при открытіи Дома Московского Благороднаго Со- бранія.	128
XIV. Воззваніе съ того свѣта.	133
XV. На новый годъ.	138

~~~~~

РОССЪ,

и л и

ОБНОВЛЕНІЕ ЕВРОПЫ

Лирическая пѣснь.

Внуши земля! — Владыки міра
Въ благоговѣйный спаньше ликъ!
Младенцевъ лепешанье — лира,
Органъ да будетъ всякъ языкъ!
Взыграй торжественно вселенна!
Ликуй Европа обновленна:
Се! Богъ вражду боговъ свершилъ:
Во вышнихъ слава и хваленье,
И на земли благоволенье,
И въ челоуцѣхъ миръ почилъ!

Въ лѣсахъ и дѣлѣхъ длань Господня!
Онъ мѣришь Царства и Царей.
Чье небо, пвердь и преисподня?
Чья суша и пупи морей?
Богъ Океаны возмущаетъ,
Богъ язвы люпы посылаетъ,
Пополь; и прусь, и морь, и гладь!
Дерзнете-ль мыслишь, чпобъ разкрывши
Въ Наполеонѣ адъ ожившій, —
И не возмогъ закрыть сей адъ!

Книж. I.

Высоко, сынъ вражды, коварства,
 Высоко возносился ты:
 Уже обширны пали Царства
 Подъ игомъ буйственной мечты; —
 Уже Царей священны троны,
 И искаженные законы, —
 Въ смиренной Церковь лѣпотѣ,
 Спрадальцовъ убѣжденныхъ пѣни: —
 Подножье хищнику, спупени,
 И пушеводцы къ высотѣ!

*

Европа дикимъ полемъ спала,
 Гдѣ возросшимъ Соблазнъ пшени; —
 Трапезу Злоба успрояла, —
 И пилъ безумія вино —
 Тиранъ пилъ слезы, рабства, муки;
 Онь скаль, гдѣ Опыта, Науки
 Между поставилъ Геркулесь,
 До Еридана, Вислы вскорѣ,
 Какъ чаша гнѣва — крови море
 Уже дымилось до небесъ! —

*

Врагъ рекъ: „весь мѣръ моей рабъ славы!
 Забудь гражданство — гражданинъ!
 Оставь законъ, искусства, нравы,
 Слѣпый моихъ хопѣній сынъ!
 Нѣтъ Вѣры, Бога . . . Я единый
 Богъ, вождь Царей земныхъ судьбины! . . .

И плуги, и серпы въ мечи!
 Будь добродѣшель — ухищренье!
 Долгъ, Правда, Совѣспь — заблужденье!
 И смершнйй, шрепеща, молчи! . . .

*

„Къ шрудамъ, къ шрудамъ, мои клеверпы,
 Коварспво, Леспь, корыспи Сшраспъ!
 Вы, коимъ Доблеспи, Совѣшпы,
 Младый и спарый данъ во власпъ!
 Вреднѣйши бишвъ, огня, язвъ, глада,
 Со мной, со мной на подвигъ ада!
 Раздоръ, мой, рапникъ - исполнйй!
 На брата бранпъ, на рождшихъ дѣшпи!
 Крушисъ весь мйръ, опушанъ въ сѣшпи,
 Крушисъ, да я роспу одинъ!“

*

„Такъ рекъ — и поднйль перспь желѣзшй,
 И клялся именемъ своимъ, —
 Сынъ праха въ обласпи надзвѣздны —
 Въ Россію вниши съ игомъ злымъ !!! —
 „Она — едино мнѣ крушенье!“ —
 Вопилъ сей *Волхвъ*: — и вкругъ волненье!
 Какъ пощія спада овновъ,
 Народы имъ обворожены,
 Изъ края въ край другой вселенны
 Влекушъ позоръ своихъ оковъ!

*

Поморья Норда возспенали,
 Пески возвихрились въ шуманъ,

А 2

И горы Кіевски дрожали,
 Завидя Ордь неомѣстныхъ стань;
 Спешей имъ въ ходъ не доставало,
 Великихъ рѣкъ ихъ жаждѣ мало!
 Разлились всюду, какъ попопъ;
Волынъ одѣлась въ громны брони;
Двину, *Двину* пьютъ чужды кони;
 И *Днелръ* — опверсный рашямъ гробъ.

*

И пы, надмѣнныхъ спрахъ Сарматовъ,
Смоленскъ, въ укрѣпѣ спѣнь свяпыхъ,
 Подмыпный кровью супоспатовъ,
 Уналъ въ громады прунувъ ихъ!
 Твои почпенны возвышенья, —
 Олшаръ, гдѣ жертву всесожженья
 Опчизифъ первый пы вознесъ! — — —
 Но нѣтъ предѣловъ бурной волѣ! — —
 „Доколѣ, Господи! доколѣ?“ . . . . .
 — Еще не часъ! — Богъ рекъ съ небесъ!

*

Еще не часъ, еще не мѣра! —
 Мужайся, стой, благоговѣй! —
 Въщаль — и ополчилась *Ввра*,
 И кропкая *Надежда* съ ней,
 И *Твердоспъ*, душъ великихъ знамя,
 И пы, небесно, чисто пламя,
 Какъ солнце грѣющая мѣръ,
 Какъ *Океанъ*, неиспощима,

Какъ вѣчность вся, неизмѣрна, —
 О слава и краса порфирь, —

*

Многоочита, многокрыльна, —
 О пы, къ *отечеству* любовь!
 Возвела къ чадамъ пы, всеильна, —
 Вспылала въ миллионѣхъ кровь, —
 Дѣтся жизнью, рвеньемъ, злапомъ! —
 Рифей, одѣянный булапомъ,
 Пошекъ въ громахъ, и въ спражу спаль!
 Девята часть (*) земнаго шарѣ,
 Опъ непоспичнаго удара
 Всклубилась вдругъ, какъ въ морѣ валь!

*

Какъ птиць спада разнопернапы,
 Обсѣвши льдяны берега, —
 Когда ихъ съ Норда Май богатый
 Скликаешъ въ южныя луга, —
 Подъсмлясь пучей, пмяпъ свѣпъ Феба;
 И своды сребряныя неба
 Гремяпъ, въ несмѣпныхъ голосахъ;
 Паряпъ и спройно и высоко, —
 Слухъ внемлетъ, не объеделетъ око
 Числа ихъ въ облачныхъ спранахъ:

*

(*) Россія въ своей обширности составляетъ почти
 девяную часть всего земнаго шарѣ.

Такъ Россы, Матерью воззванны,
 Опъ вѣчныхъ зноевъ, вѣчныхъ льдовъ, —
 Чрезъ весь Воспокъ, для нихъ распланный,
 Опъ всѣхъ морей, опъ всѣхъ хребтовъ,
 Орлы, забывши мирны гнѣзды,
 Вдругъ вспрепенулись — и подъ звѣзды! —
 Парятъ; — шумъ крыль, какъ голосъ волнъ;
 Опець, подруга, домъ блаженный,
 Пшенцы еще не оперенны, —
 Забышо все — всякъ меспи полнь! —

И Холмы Бородински вспали!
 Безувіи — мспишель заревѣль! —
 Уста геенны воспылали;
 Самъ *Марсъ* вечерній поблѣднѣль! . . . .
 Велика, произвольна жершва,
 Какъ дѣва блѣдна, полумертва,
Москва, склонилася челою! — — —
 Свящъ, свящъ Твой судъ непоспизимый,
 О Боже, . . . мы *Опцомъ* судимы! . . .
 Мы спраждемъ! . . . мы Тебя поёмъ! . . .

Разлилось пламенное море
 По спогнамъ, Храмамъ и доламъ!
 Сей пламень — супосшаповъ горе —
 Тебъ опъ вѣрныхъ фиміамъ!
 Сей пламень намъ еспъ свыше благо,
 Чистилице опъ зла и злаго! . . .

Москва! ты огненная печь,
 Разженна древле седмерицей,
 Да Доблеснь чистится спорицей,
 Во пльни неспльнна вещь! —

*

Москва! ты камень испытанья,
 По коему увѣдалъ врагъ,
 Что всѣ соблазновъ обаянья —
 Ничто сыновъ пивомхъ въ сердцахъ!
 Москва! Среди развалинъ грозныхъ,
Эклезіастъ, пощомковъ поздныхъ
Любви къ отечеству учи! . . .
 Не ты-ль, бывъ пльницей Сармата,
 Терпя, въ шерпѣниі богата,
 Спасла Россію бѣдъ въ ночи? —

*

Не ты-ль Агаринъ дщери злобной
 Препоной, жерпвою была?
 Опечества пріюпъ пригробной, —
 Не ты-ль въ смятеньяхъ брань вела
 Пропиву буйныхъ чадъ едина? . . . . .
 О коль красна швоя судьбина,
 Любимица Сіонскихъ горъ!
 И няпъ сопъ льпцъ швѣихъ мученій
 Изчисля, чада заблужденій.
 Взнесупъ горъ невольню взоръ!

*

Не видите-ль? — Израйля - водецъ
 Грядеть Всесильный во громахъ,

Господь господствъ, побѣдоносецъ,
 Се Херувимовъ на крылахъ!
 Онъ Брань женеть во мракъ Эреба;
 Повѣсилъ лукъ на своды неба,
 И, Примирицель, съль на пронь! —
 Вы, Вѣры чуждые, закона!
 Спрашились нова Вавилонна: . . .
 О маловѣри! гдѣ же онъ? —

*

Явдся Мстицель: сферы звѣздныя
 Восколыхались на осяхъ; —
 Иль держецъ Онъ Денницу въ бездны?
 Иль землю вновъ казнишь въ водахъ?
 Или, свернувъ все небо въ ризу,
 Огнепалая сходитъ низу
 — Сверщишь послѣдній смертнымъ судъ?
 И мракъ, и бури подъ стопами,
 Дымятся горы облаками,
 Пучины отъ лица бѣгутъ! —

*

Средь цѣли Ангеловъ гремящей
 Онъ сходитъ съ выпреннихъ зыбей,
 Какъ древлѣ въ купинѣ горящей, —
 Въ огняхъ Москвы судишь Царей.
 „Здѣсь моя, рекъ, мѣсто славы.
 Сей пламень изсушишь кровавый
 Всемирныхъ браней океанъ!
 Сей пепелъ свящаго всеожженья

Даръ Благочестія , Смиренья ,
Въ Мое подножіе избранъ ! —

*

„Сей Кремль , высокой , опаленный ,
Вънчаный домъ Моихъ Святыхъ ,
Рукой неиспой оскверненный , —
Мнѣ жертвенникъ сердець благихъ , —
Олтарь вѣщораго Авраама ,
Когда въ куреньи еиміама
Мнѣ , сладость сердца — сына онъ
Для жертвы предложилъ священной : —
Сей Кремль , спокрапно искушенной —
Опшынѣ Мой пребудеть пронь !

*

„На немъ , какъ прежде опъ Синая ,
На немъ сужду Моихъ сыновъ ! —
Земля , раба соблазновъ злая ,
Реки предъ Господомъ Боговъ ,
Рѣкише , буйные народы :
Кто создалъ бранны непогоды ,
И даль познашь вамъ боль скорбей ?
Не Я — вы сами ; — слабость ваша ,
Сія испиша яда чаша :
Взлелѣянь вами лющый змѣй !

*

„Я въ Россѣ даль вамъ образъ Вѣры ; —
Посмѣвались вы ему ;
Любви къ Опчизнѣ даль примѣры ; —
Вы пали своевольства въ шму ;

Въ Немъ солнце правды Мною блистало; —
 Васъ Самолюбье обуяло,
 Въ храмы заперли сердцецъ;
 Онъ благъ для васъ, а вы крамольны;
 Онъ жерпвуетъ, вы недовольны;
 Онъ Другъ для всѣхъ; вождемъ вамъ — льствецъ!

*

„Не съ вами-ль Я, Чадолюбивый,
 Презъ АЛЕКСАНДРА совѣщаль? —
 Онъ Кропость испа, вы спропшивы;
 Онъ брань за васъ, въ васъ духъ уваль!
 Свершилась мѣра! — Родъ избранный,
 О Россъ, въ горниль испытанный,
 Взнеси побѣдоносный рогъ!
 Судьбы не укоряй высоки:
 Довольно! — Кончились уроки!
 И не реки мнѣ; гдѣ твой Богъ! —

*

„Твой Богъ, Богъ брани и спасенья,
 Незримый, въ Царскомъ духѣ жиль!
 Прешло спраданье! время мщенья! —
 Возстань, возстань, моихъ Князь силъ!
 Возстани АЛЕКСАНДРЪ предъ Мною!
 Тобой Я хаосъ въ мѣрь устрою, —
 Ты крѣпость, Ты Моя любовь;
 Ломаю для Тебя бичъ ярый,
 Бичъ гнѣва, коего удары
 Всю землю преложили въ кровь!

*

„Ломаю бичь сей очищенья,
 И вънви сопрясу его, —
 И снидеть въ бездну посрамленья,
 Въ позорь исхода своего.
 Булашорребрая темница,
 Живому, Эльба, пы гробница;
 Пещецъ и всадникъ — снѣдь волковъ;
 Чадь, опьяненныхъ дымомъ злоспи,
 Дробить Россійско рало коспи
 Съ Москвы до Немана бреговъ!

„Свяпись, Афета поколѣнье!
 Изъ АЛЕКСАНДРОВЫХЪ устень
 Прими, Европа, оживленье,
 Возстань и преломи свой плѣнь!“
 Изрекъ — и въ кляшву словъ священныхъ,
 Подъяль свой перспъ средь пучь стущенныхъ
 На горни небеса небесь! . . . . .
 Дрожишь земля въ благоговѣнни,
 Забыли солнцы ихъ печенни,
 Вселенна новыхъ ждешь чудесь!

Вкругъ небо мѣдяно висѣло,
 Отъ заревъ, отъ убійспвъ, кровей;
 Горяще мщеніемъ, болѣло,
 Казалось, о судьбѣ людей. . . .
 Самъ Ангель смерти изумленный,
 Тьмой жерпвъ невинныхъ упоженный,

Возсцаль и мыслиль: что же мiръ? —
 И се — изъ благопворна пламя
 Москвы подъялось мира знамя:
 Раздались хоры горнихъ лиръ!

И симъ же пламенемъ горящи,
 По всей небесной широтѣ
 Нагнулись радуги блестящи
 Крестообразно въ высонѣ,
 Отъ скаль Торнео до Абила,
 Отъ Альбіона и до Нила,
 Концами спавъ въ кристалль морей!
 Слились лучи ихъ въ свѣпло море;
 И всю облекъ Европу вскорѣ
 Изъ благовѣспныхъ сводъ зарей! . . .

Отколѣ шумъ и восклицанья? —
 Не спая-ль лебедей гремишь?
 Превыспрення исполнь сiянья,
 Злапное облако летишь.
Да будель тако! — слыщны клики,
 То праведныхъ свящые лики,
 Нешаѣнны коихъ пѣлеса,
 Осквернены злодѣйспивъ руками, —
 Плывущъ сапфирными волнами,
 Склонивши долу очеса.

Да будель! — праощески пѣни
 Владѣвшихъ Россами Царей;

Изъ благоварной горней сѣни
 Гласяшь въ услышанье дѣшеи:
 Трясунся гребы ихъ священны;
 Убитыхъ кости оживленны;
 Спѣна, рѣка, и брегъ, и храмъ,
 И холмы маперняго града,
 И тридцать тысячъ (*) въ пльнѣ ада;
 — Да будетъ! — воюшь къ небесамъ!

*

— О чада! въ слѣдъ враговъ, на мщенье!
 Влу кара въ логовищѣ зла!
 Европы цѣлой пробужденье; —
 Шумъ, голосъ Росскаго Ора.
 Кто сей Архиспрашигъ всевѣдый?
 Онъ мечъ свой знаменемъ побѣды
 Въ холмы *Тарутина* вонзилъ!
 Здѣсь, здѣсь, изрѣкъ рѣшителъ боевъ;
 Начало подвигамъ Героевъ;
 Конецъ — Парижъ! такъ Богъ судилъ!...

*

Мегера дышетъ многозевна
 Средь *Малоярославскихъ* горъ;
 Напрасно девять крапъ геенна
 Въ нее вмѣщалась намъ въ оппоръ!

(*) Сколько считалось, по достовернымъ извѣстіямъ,
 жителей въ Москвѣ во время пребыванія въ ней
 Наполеона.

Дѣсь очарованный подъ Краснымъ
Кулузова умомъ ужаснымъ
 Преобразился въ грозну рапъ!
 О! какъ, свирѣлый! изумился,
 Когда гонящій Россъ открылся
 Впреди, въ лице свое опять!

Какъ волкъ, опъ спада удаленный,
 Съ изсохшимъ рпомъ, исполненъ ранъ,
 Бѣжипъ на пупъ окровавленный,
 На трупы, пепель — злой пирань. —
 — Куда? — Смоленска тѣнь завыла,
 И Голодь въ брань съ побой пустила,
 И съ Сѣвера призвала мразъ;
Везна хипрая по блапамъ
 Просперла мрежи супоспашамъ,
 И въ льдинахъ изъ береговъ неслась.

Спаль Ангель гибели и пѣна,
 Спаль ярый на свое гумно;
 До Немана опъ Бориспена,
 Одѣпо льдомъ, лежипъ оно.
 Какъ опрѣваютъ классовъ зерны,
 Безчисленны, неимовѣрны,
 Опъ пѣль онъ души свѣялъ въ адъ.
 Не паспырь ли овецъ гнѣвлимый
 Зазимовавшихъ гонипъ съ нивы? —
 Останки Спрахъ женепъ назадъ.

Какъ тѣни, простию Ермія
 Изъ міра къ Спиксовымъ брегамъ,
 Безъ вида, блѣдны, немощныя,
 Во врепищахъ предспали вамъ,
 О Висла, Эльба, Одеръ славный,
 Сіи, сіи верходержавны
 Жрецы, и идоль, и рабы!
 Еще-ль не явень Богъ созданью?
 Еще ли время обаянью? — — —
 Читайше Божіи судьбы, —

Читайше въ небесахъ горящихъ,
 Въ волненіи стихій, — въ громахъ,
 Или на челахъ Россовъ мспящихъ,
 На ихъ пресыщенныхъ мечахъ!
 Читайше спыдъ свой въ семь Пропеѣ,
 Въ семь чарами крылапомъ зифѣ,
 Который посрамлень, бѣглець,
 Своихъ по шрупамъ пеплымъ воевъ,
 По падшимъ пѣсячамъ героевъ —
 Средь преданныхъ ему сердець,

Въ послѣдній часъ, его же славой
 Еще біющихся, — увы! —
 Бездушный, робкій, величавой,
 Къ ихъ скорбямъ не склонилъ главы, —
 Проползь, какъ свяпопашъ укрылся,
 И гордъ, и наглъ, предъ васъ явился, —

Сей зѣйшій Минотаврѣ спократѣ;
 Самъ лабиринта зодчій, житель,
 Притекѣ — и претребувалъ власпинцель
 Вновь крови въ снѣдь — послѣднихъ чады:

И взялъ! и ополченъ! — О время!
 Елѣкупся дряхлостъ, и недугъ;
 И младшесть несозрѣвша — сѣмя
 Пяти родовъ грядущихъ вдругъ!
 Къ чемужь? Чтѣобъ брани духъ суровой
 По ихъ пѣламъ сѣпой свинцовой
 Доспигъ *Лютеци* до врагъ!
 Чтѣ се? дрожащъ *Боеновъ* (*) горы;
 Мулдава, Спрея, Одеръ скорый
 Во спрахѣ попекали назадъ!

О міру дивное видѣнье! . . .
 Среди дебриспой глубины,
 Упорно съ гидрою сраженье,
 Боруссовъ (**) и Славянъ сыны
 Ведуть Европы для свѣбоды;
 Внизу дымъ, громы, непогоды; —
 Верху горы блестяща сѣнь,
 Изъ облакъ упреннихъ сопканна;
 Какъ радуга, средь тучъ желанна;
 Какъ среди ноци вспавшій день! —

(*) Древніе жители Богеміи. Здѣсь размѣются мѣстѣ
 сраженій при Кульмѣ и пр.

(**) Прусакі:

Явились Опціи — Владыки!
 Тамъ, вижу, Рюрикъ, тамъ Донской;
 Тамъ Цезарь Рима, Карль великій,
 Взираеть съ гнѣвною поскою
 На тронъ свой посрамленный долу;
 Тамъ сей, Германіи престолу
 Права отдавший вновь, Опіонъ;
 Тамъ Албертъ, Пруссовъ свободитель;
 Тамъ *Петръ*, Царей примѣръ, учитель;
 Предходишь лику славныхъ Онъ! —

*

„Преемникъ доблестей Конрада,
 И ты, о мудрый (*Петръ* изрекъ),
 Опъ коего вождей розсада,
 Вильгельмовъ славный родъ изшекъ: —
 Оспавше древни непріяни,
 Раздѣль межъ васъ, начало казни.
 Чтобъ ада сокрушишь уста,
 Чтобъ спершь съ рамень единовластѣе,
 Потребны пвердоспъ и согласье —
 И АЛЕКСАНДРА правоша!

*

„Довѣренность потребна строга,
 Охотны жертвы добрыхъ душъ, —
 А паче — Вѣра *Другу Бога*:
 Онъ вашего спасенья Мужъ!
 Иль днесъ, иль никогда! воспанемъ,
 И въ Немъ, во благо міру, грянемъ!
 Книж. I. Б

Послѣдній опытъ здѣсь Царямъ!
 Теперь воскресите Тевтоны!
 Теперь Союзы, Вѣра, проны!
 Возстань, Германія! шамь . . . шамь . . .

*

Въ слѣдъ АЛЕКСАНДРА, — шамь, — и пер-
 спомъ

На Лейпцигъ указаль съ грозой, —
 И въ полѣ огненномъ, отперспомъ
 Всѣ Тѣни вдругъ, — рука съ рукой,
 Какъ пучи гнѣва, понеслся!
 Надъ ними небеса возжглися,
 Какъ въ горнѣ раскаленна мѣдъ;
 Подъ ними заревѣли бури;
 Померкли горнія лазури,
 Земная возшашалась швердъ! —

*

Что вижу? брань ли я жеспоку,
 Мль паче, Триумвировъ ходъ?
 Нѣтъ слуху мѣспа, мѣспа оку
 Въ борьбѣ ужасныхъ непогодъ!
 Земля во препешномъ смятеньи
 И небо въ тайномъ онѣменьи,
 Вкругъ пламень, громъ, и шрусъ, и шрудъ!
 Роскошной, шумной пиръ геены! . . .
 Спокойны, важны, возвышенны
 Союзники впередъ грядуть!

•

Опъ сей, опъ той спраны смерпями
 Чады Божьихъ осыпаешъ ады;
 Опъ той, опъ сей спраны сѣпями
 На нихъ коварспвуешъ Развращъ:
 Грдущъ свершишели судьбины;
 Въ полмилліонѣ духъ единый!
 Не смерпныхъ, Ангеловъ шо хорь!
 Ты, *Лейпцигъ*, образъ мѣспа лобна,
 Крестомъ пернѣнія незлобна,
 Гдѣ смерпъ Европы всей позоръ! —

*

И се! рабы соблазна, плѣна, —
 Опъяпы чада опъ семьи,
 Любезной маіери колѣна (*)
 Объемлющъ, слезъ ліющъ спруи! —
 За мигъ, — о срамъ! — боролись съ нею;
 Теперь предъ ней — гроза злодѣю! —
Вобанъ безмолвенъ въ крѣпостяхъ;
Арсисъ, *Ножанъ* и *Баръ* пылаешъ,
 И спыды Парижа освѣщаешъ
Монмартръ на гордыхъ висопахъ.

*

Триумфъ, пріумфъ, пріумфъ великій,
 Триумфъ небесъ и Россіанъ! . . .

(*) На Лейпцигскомъ сраженіи съ Германіей соединяющіеся оппорженные опъ нея члены, какъ шо: Баварцы и пр.

Тріумфъ вамъ , Троны и Языки ,
 Тріумфъ всемірныи Христіанъ !
 О челоѳчество ! свобода —
 Тебѣ съ побѣдой отъ народа ,
 Все кровью купльшаго своею !
 Эфирны озаритесь горы !
 — Божественны безплотныхъ хоры ,
 На пирь , на пирь вселенной всей ! —

И ты , о Гугъ , и вы , Калелы ,
 И ты , спрададецъ Людовикъ !
 Во градъ , святынею одѣшій ,
 Сойдите , спаньте въ Царской ликъ !
 Се АЛЕКСАНДРЪ васъ призываетъ !
 ОНЪ вашихъ чадъ вамъ возвращаетъ ,
 Права , порфиру и престоль ;
 Земля , ЕГО носяща снопы ,
 Выиграй , земля вся Европы :
 Чиста ты крови и крамоль !

О воздухъ ! — о спихій сліянья !
 Древа , доль , горы , токи водъ !
 ЕГО исполнитесь дыханья ,
 ЕГО любви , ЕГО добротъ !
 ЕМУ хвала морей и суши !
 ИМЪ , ИМЪ одушевитесь души !
 ИМЪ освятитесь всѣ сердца !
 Права правамъ , престоламъ прочностъ !

Законамъ , нравамъ безпорочность !
 Блаженство міру безъ конца !

*

Но что ? Такова ли чада ,
 Свидѣнья скинію проспя ,
 Враждебнаго на спогнахъ града ,
 За распупившіяся моря ,
 За спадше иго Фараона ,
 По чину опческа закона ,
 Молебну пасху днесь пворятъ ? —
 Нѣтъ ! всѣ , всѣ племена земныя
 Въ единый церкви ликъ святыя ,
 Сліясь , Творца благодарятъ !

*

Гдѣ , гдѣ безвѣрія пророки ?
 Гдѣ ихъ клеветы и рабы ?
 На сей , на сей примѣръ высокій
 Дерзните обратитесь вы !
 Гдѣ совопросники днесь свѣта ,
 Враги власпей , добра , совѣта !
 На сей возрише милліонъ ,
 Предъ Господомъ любви склоненный , —
 Единодушьемъ укрѣпленный !
 И ты , богъ падшій ! ... но гдѣжь онъ ? ...

*

Среди пущыни многоводной ,
 Между великихъ двухъ міровъ , (*)

(*) Между Африкою и Европою.

Когда надъ бездною бесплодною
 Накинешь ночь свой черной кровью, —
 Двумя свѣшилами геенны,
Везувьемъ, Этной озаренный, —
 Какъ волны превращаясь въ кровью,
 И двухъ борцовъ — (судьбы измена!) —
 Руины Рима, Карфагена,
 Себя другъ другу являшь вновь:

Подобясь спорнымъ чудамъ въ гнѣвъ
 Европы, Африки съ береговъ,
 Послушны мстительной *Еревш*,
 Изшедши пѣни изъ гробовъ,
 Несущся дикимъ хоромъ, воюющъ,
 Крылами брега *Эльбы* кроющъ,
 Пящъ миллионъ жертвъ (*); — о спрахъ!
 Дрожащъ гранишныя укрѣпы,
 Рыкающъ волны водъ свирѣпы,
 И шумъ, и гулъ, и прескъ въ лѣсахъ!

Гдѣ пы, несущый кровопійца!
 (Громовый вопищъ мщенья ликъ)
 Гдѣ свяпопашъ, пиранъ, убійца?
 Гдѣ пы, — доселъ споль великъ!
 Познай, познай пвои въ насъ жертвы!
 Для муки пвоея не мерщвы,

(*) По достоверному изчисленію сполько погубилъ лю-
 дей Наполеонъ,

Мы будемъ присно живы съ тобой!
 Изчисли насъ, безчеловѣчный!
 Мы — узы осужденья вѣчны;
 Безъ искупленья жребій пшвой.

Ты, вссобилюющій! — объеми
 Теперь сей камень скаль пуспыхъ,
 Куда тебѣ, пучинѣ земли
 Извергнули, какъ язву ихъ.
 Какъ небо въ адъ Люцифера,
 Тебѣ законъ, доброша, Вѣра
 Здѣсь заключили, сынъ щещы! —
 Терзайся! — извергъ! — люди живы . . .
 Терзайся . . . естъ Цари правдивы!
 Терзайся . . . . змей безъ жала шы!

Рекли, — слова ихъ провождали
 И скрежетъ зубъ, и спукъ цѣпей,
 И спонъ грѣха, спонъ мерпвый спали,
 И хохотъ Ноши дочерей. — — —
 Но се ужь Улро пробудилось;
 Сіянье радужно разлилось!
 На сушѣ злапо и моряхъ!
 Умолкли вои, скрылись бури;
 Средь раннія споя лазури,
 Оно воспoka при врапахъ.

Оливной вѣпвью помаваетъ,
 И міру миръ благовѣспитъ!
 Какой чудесный блескъ сіяетъ
 Днесъ надъ побой, Царей синклилъ,
 О Виндобона (*) многоглава!
 Въ тебѣ Европы судъ и слава!
 Синай вспылалъ! — Завѣла часъ!
 Народы ждите, преклонитесь;
 Со спрахомъ радуйтесъ, молитесъ:
 Тамъ Богъ и АЛЕКСАНДРЪ за васъ!

Мрзковъ.

II.

Каковъ долженъ быть Писатель?

Исполкователь нравственности и добродѣтели долженъ бытъ самъ добродѣшелемъ, сохранятъ чистоту нравовъ и сообразность поступковъ съ швореніями ума своего. — Всякое благородное чувствованіе должно бытъ для него драгоценно. Перо истиннаго мудреца срѣтаешъ сіе чувство, и, какъ защитникъ рѣшипелный, громко говоритъ въ его пользу. Блаженъ Писатель, если вку-

(*) Имѣ старое *Вѣны*.

шаешь онъ сладости жизни семейственной, если домъ его есть святилище природы, если душа его свѣтла и спокойна! Блаженъ, если онъ всегда возможешь любить то, что чинитъ его сердце! если всякой день благовоенно и сладостно прижимаешь въ объятіяхъ своихъ почитеннаго отца, милую мать, взаимно его ласкающихъ; — если маститая старость ихъ есть для него живое, назидательное изображеніе добродѣтелей, и любезное напоминаніе благодѣлій!

Провождая жизнь посреди друзей, въ кругу не блестящемъ, но скромномъ, равно чуждый лицемерія и излишней строгости, онъ вѣщаетъ людямъ истину, не льстя имъ, и не спрашась ихъ. Почтеніе къ родителямъ и почтеніе, коимъ обязанъ себѣ каждой человекъ, для него нераздѣлимы. Онъ знаетъ, что опличія и чины принадлежатъ немногому числу гражданъ, но достоинство души есть общее достояніе; что человекъ, украшенный первыми, и не имѣющій послѣднихъ,

низокъ, презришелень! — Гражданинъ добродѣшельный почтенъ безъ чиновъ и почестей. Если случай доставляетъ ему благодѣшеля, онъ благодаритъ Небо за низпосланіе новой, пріятной сердцу его обязанности; — врагамъ пропивупоспавляетъ — мужество и крепость; зависни — палантъ отъкрытый; сапиръ — молчаніе; клеветникамъ — добродѣшель. Добродѣшель въ сердцѣ челоуѣка благороднаго пишається свободою. Такъ! — онъ не зависимъ, но независимость его есть повиновение чести и благоговѣйный страхъ шокмо къ законамъ и Государю.

Возможеть ли шопъ наслаждаться сею независимостию, коего душа заражена алчностію почестей и низкимъ спяжаніемъ богатства? Нѣтъ! исканіе корыстей и свобода враги между собою. Писатель! если самолюбіе шобою обладаетъ, шо мысли швои — мысли раба. Душа швоя не принадлежитъ тебѣ больше! — Такъ! — Корысполубіе чуждо сердцеу, дышущихъ свободою. Оно отвра-

шаешься отъ скромнаго ихъ уединенія! — Оно не можешь шеспвовать во слѣдъ добродѣтели; а паче оно спрашишься справедливости. Гоняясь за мечтами счастья, ты самъ выводишь себя на шоржище народное, самъ предаешь оцѣнкѣ талантъ свой, назначаешь мзду своей подлости и лжи. Спрашишь сего приобрѣшенія! Если сердце швое благородно, возвышенно; ты уже богатъ, и богатства швои нешлѣнныя, неизсякаемыя; это: — честь, уваженіе Опечесшва, любовь согражданъ и шѣ блага, копорыя можешь ты оказашъ человѣчеству. Если сихъ священныхъ, сихъ благодатныхъ чувспвованій для шебя не довольно, опрекись отъ званія, копорое ты посрамляешь, или будь предметомъ всеобщаго посмѣянія, жершвою безпокойствъ и мученій, пресшупникомъ, перзаемымъ совѣспію, и едва дошпойнымъ сожалѣнія!

Время, время, почшишь Ишпину. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошекло съ шѣхъ поръ, какъ сочиненія появились

въ свѣпть; и во все сіе время являюпся онѣ, упоенныя леспію! — Спихопворцы, Орапоры, Испорики, — всѣ вы болѣе, или менѣе причастны сему пресупленію! Мало, весьма мало Писапелей, копорые могли бы предспапть, не краснѣя, предъ облицающія, всепронцапельныя очи Испины. Мало книгъ, въ копорыхъ бы спрогой умъ, негодованія и жалоспи исполненный, не вспрѣспилъ черспы приспраспія и леспы. — Чепыре вѣка Искусспвъ и Наукъ сущъ памяспники Умовъ великихъ, и памяспники униженія! Да наспанепъ пясшый вѣкъ, и да будептъ онъ вѣкомъ Испины! Всегда леспъ удаляла правду опъ лица Царей; испорченноспъ правовъ гнала ее изъ общеспвъ; спрахъ задушаль ее въ сердцахъ нашихъ при самомъ рожденіи. О Писапели! да обрѣспепъ она убѣжиспе въ вашихъ швореніяхъ; да клянеспся каждый изъ васъ, быспъ чуждымъ леспы и обмана! —

Прежде нежели воспоепте вы Героя, — изслѣдуиспе его дѣвнція; прежде нежели

восхвалише вы могущество, спросите сердце ваше! Если какія-нибудь надежды обольщаютъ васъ, если какой-нибудь страхъ владѣеть вами; умолкните; вы низки, вы недостойны высокаго своего призванія. Если ваши дарованія предназначили васъ къ славѣ, помыслите, что всякое слово, вами начертанное уже не изгладимо; помыслите о безприсрастномъ попомснвѣ, которое спашетъ чинитъ васъ, и спрашитесь, чтобы оно не опшрашило опъ васъ взоровъ своихъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Нѣтъ! Геній не рожденъ для того, чтобы торговалъ лестію; онъ гнушается всякою слабостію, шерзается опъ одной мысли униженія!

Давать судъ всему, оцѣнивать дѣянія, жизни, измѣривать страхъ и надежду, постигать выгоды людей, выгоды цѣлыхъ обществъ, обогащаться уроками вѣковъ, и поучать современниковъ; — раздѣлять между сынами земли славу и поношеніе, съ такою правотою и безприсрастіемъ,

какъ повелѣваете совѣспь, и какъ раздѣлил бы самъ Богъ: — вопъ призваніе Генія! — Онъ вѣщаепъ, и каждое слово его священо; онъ безмолвспвуепъ, и самое сіе безмолвіе почшенно, и знаменуепся правою. Грозный завоу вавель, болѣ любящій славу, нежели справедливоспъ, удивлялся шому, чшо одинъ добродѣпельный спарець, уважаемый цѣлымъ народомъ, никогда не говорилъ объ немъ. „Не уже ли, вопросилъ онъ его, всѣ мудрѣйшіе въ Имперіи молчашъ о побѣдахъ моихъ?“ „Государь! опвѣспвоваль спарець, мудрецы грядущихъ вѣковъ повѣдаюпъ объ нихъ помомспву;“ сказалъ — и удалился. Геній не ищепъ награды; его награда въ его сердцѣ. Если богатспва досташюся ему въ наслѣдіе, онъ облагородспвуепъ ихъ употребленіемъ; не имѣя ихъ, гордится своею бѣдноспію! Такъ проходяпъ дни его, шакъ шекушъ годы, шасппливыя и спокойныя! Наконецъ блаженная спароспъ приходишъ увѣчашъ пруды его. — Безъ шерзаній совѣспи, безъ спраха, ожидаепъ онъ

послѣдней минушты своей жизни, обращая взоры къ опечесиву, съ которымъ разлучаешся! Оно чтило его, и проливаетъ пеперь слезы сожалѣнія. Мудрецъ зреть попомсво, готовое срѣшашъ его уваженіемъ и признашельноспію. Разсмапривая самага себя, воспоминаешъ мысли, дѣянія свои, и не находишь ни одной чершы, которую, по своей совѣспи и разумѣнію, должно бы было стершь со дски памяпи. — Всѣ чувспва и дѣла его полезны, всѣ посвящены благу людей! Сладоспное чаяніе вѣчноспи, соединяясь съ мыслию о прошедшемъ, разливаетъ упѣшипельной свѣспъ на его послѣднія минушты. Онъ умираешъ, но пворенія его живы, и будущъ благопворишь землѣ и шогда, когда изчезнешъ самой прахъ его! Таково поприще Писашеля - гражданина! Но развѣ еспъ другое поприще, гдѣ бы возможно было приобрѣспъ сполько славы мирной и вѣрной, гдѣ бы сердце челоувѣка чеспнаго могло вкушашъ сполько удовольспвія чиспаго, сладкаго! . . . .

Смирн.

РОССІЯ Д А ,

Поэма Эпическая Гна. Хераскова.

(Письмо къ другу.)

Какъ тебѣ угодно, любезный другъ, а я не могу разсѣпаться съ моимъ почтеннымъ, знаменитымъ *Херасковымъ*! Поэма его, заключающая въ себѣ одно изъ важнѣйшихъ произшествій въ бытописаніяхъ нашего Ошечества, произшествіе, которое, по всей справедливости, должно быть почишаемо основою того величія, до котораго въ послѣдствіи времени достигла Россія; — сія Поэма, говорю, знаменіе нашей славы, заслуживаетъ, по требованіямъ самаго патріотизма, гораздо болѣе, нежели шѣ похвалы, которыя воспѣваются ей въ каждомъ домѣ нашъ Клеонъ, признающій все то священнымъ, чего онъ непонимаетъ, или нашъ Дамешъ, котораго лѣнивая душа живетъ чужими мыслями, и говоритъ чужими словами, или наконецъ нашъ самолюбивый Трисопинъ, стихотворецъ, которой ополчается противъ рав-

бора всѣхъ Авшоровъ, не изъ любви къ нимъ, а изъ болзни, чѣобы не дошла очередь и до него. — Напрасной спѣрахъ! эптошь бѣднякъ можешь навсегда оспашься спокойнымъ. Поэма Хераскова заслуживаетъ, чѣобы на нее обрапили особенное вниманіе; пошому, какъ я сказалъ, чѣо она еспь зеркало, въ копоромъ предспавляющся знаменныя дѣянія предковъ нашихъ, назидательныя примѣры великодушія, мудроспи, храброспи, перпѣнія, любви Опечеспвенной, изображенныя живописною, важною кистію испиннаго Россіянина и друга челоѣчеспва; пошому, чѣо она можешь бышь всегда полезнымъ училищемъ для попомковъ, копорые, шеспвуя по слѣдамъ правды, и нынѣ безспертное мщеніе и поржеспво Москвы, споль величеспвенно и благодѣшпльно совершили на спогнахъ униженнаго Парижа; . . . Это съ одной споронны; . . . а съ другой, — Спихотворцы принимающъ меня! — завидное пріобрѣшеніе въ Словеспности, имѣшь свою Эпическую Поэму оригинальную, и припомъ, шакъ рано! — (ибо сіе чядо опыта, науки,

Книж. I. В

чрезвычайныхъ усилій зависишь нѣкопѣрымъ образомъ не опъ одного Генія, но также опъ медленныхъ успѣховъ образованности народной); имѣшь, и не занимаешься, не хвалишься ею!... -- Кшожь ее не хвалишь? — скажутъ въ опвѣшь нѣкоторыя изъ, такъ называемыхъ, спрасныхъ любителей Словесности. Милоспивые Государи! конечно вы хвалише Поэму? Но гдѣ разобраны красоты и недоспашки ея? гдѣ опредѣлено истинное достоинство того, что вы хвалише? — Такое почитаніе, съ позволенія вашего сказать, похоже немного на то, которое пишашуть Кишайскіе Мандарины къ старымъ своимъ книгамъ. Изъ какой-шо особенной набожности запрещено къ нимъ прикасаться; онѣ оспашюпся на съѣденіе мышамъ и червямъ! — Не такъ принимаемы были знаменитѣйшіе Спихопворцы въ другихъ земляхъ своими соопечеспивенниками! Каждое необыкновенное въ Словесности явленіе обращало на себя вниманіе всего народа, который славу Ученаго почиталъ своею собственною славою, и шочно также

гордился его именемъ и дѣлами, какъ онъ гордился именемъ и дѣлами своихъ Героевъ. Возьмемъ примѣры недалеко: — онъ сихъ же самыхъ Французовъ, копорые всегда желали имѣть вредное вліяніе на всѣ почпи опрасли національной нашей чести. О какъ они радовались, когда у нихъ показалась Эпическая Поема *Генриада!* Сколько усилій употреблено было для того, чпобы ввести ее въ малое число Поэмъ Эпическихъ? Сколько знаменитыхъ Мужей писало и *pro* и *contra*? Представь попомъ благородную гордоспъ Англичанъ, хвляющихся Поемою *Мильтона*, воскрешеннаго *Адиссономъ*.

Cedite Romani scriptores, cedite Graii!

Восклицалъ Адиссонъ. Онъ раскрылъ, показавъ, раздробилъ швореніе *Мильтона*, и Англія украсила чело свое новымъ, безсмертнымъ перломъ славы, драгоценнѣйшимъ, нежели лтъ, копорыми надвляющъ ее обв Индіи. — Чпо сказать о *Камоенсѣ*? Въ буряхъ нещастія, сей, шакъ прозванный своими

В 2

соопечесивенниками, Князь Спихомворцовъ, наслаждался совершеннымъ уваженіемъ своего вѣка. Сіе уваженіе оказываешся погда. когда ученые и Публика *судятъ* о сочиненіи; ибо спраиное молчаніе и холодность читашелей значить болѣе презрѣніе, нежели уваженіе. Что сказашь о *Клопштокѣ*? Едва явилось въ свѣтъ его безсмертное швореніе: попчасть обрапили на него всѣ наблюдашельныя, испышующіе взоры. Знаменишыя Мужа, *Крамеръ*, *Зульцеръ*, *Громанъ*, *Бенковичъ* размашпривали его съ разныхъ споронъ, дабы, такъ сказашь, сіе небесное рожденіе низвести на землю, и сдѣлашь видимымъ и дѣйствуюшымъ во благо, посреди всѣхъ *человѣковъ*. Воздана ли кому-нибудь изъ нашихъ Писашелей подобная почешть? Но общее мнѣніе, скажешъ шы, гремишь въ похвалу *Хераскова*! — Что шакое общее мнѣніе, другъ мой? Оно сущешсвуешть полько погда, когда собрано, предшавлено, опредѣлено. А что значашь сіи пущшыя крики вѣспронныхъ людей, кошорые проповѣдуюшь

о Стихопворствѣ и вкусѣ, или для того, чѣшобъ убить время, или для того, что подобные разговоры въ модѣ? — Превозносятъ Поэму; но — что такое Поэма? въ чемъ состоить? какія свойства ея, правила? — Эшаго не спрашивай . . . . .

Почему же хвалятъ? по тому, что нравишя! — Что вамъ нравишя? спросиль я у одного изъ нашихъ Стихопворцевъ... Ахъ, Боже мой! опѣвчалъ онъ: въ ней... въ ней... не ужели вы хопише ея критиковать? не уже ли въ ней ешь что-нибудь дурное? . . . Какая легкость въ римахъ! какіе гладкіе стихи! засвиспаль, и ушелъ! — Вопъ образчикъ общаго мнѣнія; ибо подобныхъ судей, и при наспоащемъ даже образованіи, у насъ еще много. Для того-то древніе и новѣйшіе народы разумѣли болѣе важность Поэмы Эпической, и берегли ея, какъ нѣкую драгоценность, не предавая никогда на прихопливый, и часпо несправедливый судъ народной. Они смопрѣли на сіи рѣдкія произведенія Генія; какъ смопрять Аспрономъ на вновь показавшюся звѣз-

ду въ нашемъ мірѣ. — Народъ, увидя брадашную комешу, удивляешся ей съ однимъ только суевѣрнымъ чувствомъ; — но звѣздочетъ опредѣляешъ ея параболу, быспрошу ея движенія, величину, вліяніе на землю, будущій возврашъ ея. — Такимъ образомъ народное мнѣніе исправляешся, суевѣріе исчезаешъ, истинное понятіе о величествѣ Творца и его швореніи распросстраняешся повсюду, и санъ челоуѣка высишся горѣ. — Чшо здѣсь дѣлаешъ наблюдателъ швореній Божіихъ, то же самое дѣлаешъ въ царствѣ искусствъ разсмашривателъ швореній челоуѣческихъ. Онъ обличаешъ заблужденіе, и усшанавливаешъ на прочѣйшихъ началахъ непрерывно волнующійся вкусъ Публики. — Аристошели, Гораціи, Боало, Лагарпы съ эшой спороны сполько же служатъ людямъ, сколько Каршезіи и Невшпены. — Не сердись, мой другъ, чшо я проповѣдую предъ тобою объ истинахъ, всѣмъ уже извѣстныхъ и доказанныхъ: эшо ёсть слѣдствіе спора, которой имѣлъ я за нѣсколько времени передъ симъ съ

однимъ моимъ знакомымъ; онъ шакже думаетъ, что Поэма Хераскова не прикосновенна. — Боже мой! я сказалъ ему наконецъ, по крайнѣй мѣрѣ избавимъ себя отъ стыда въ глазахъ иностранцевъ, и защитимъ честь нашихъ Писателей! . . . Почему допускаемъ мы ихъ предупредить себя въ разборахъ? — Пріятно ли вамъ читать какого-нибудь Француза, громко объявляющаго, что въ его курсѣ разобраны лучшіе Стихотворцы Польскіе, Турецкіе и — о, милость необыкновенная! — Рускіе. — Пріятно ли видѣть вамъ, какъ эпосъ смѣльчакъ, раздѣливъ пополамъ одну и ту же Оду Ломоносова, въ невѣжествѣ своемъ, первую часть критикуетъ, какъ сочиненіе Тредьяковскаго, а другую, какъ сочиненіе Ломоносова, — сравниваетъ обоихъ Писателей, находить болѣе воображенія и пылкости въ первомъ, и похваляя другаго, говоритъ однако же, что въ немъ нѣтъ приличнаго начала и связи! И не мудрено! ибо онъ эпосомъ началомъ и связью осудилъ Тредьяковскаго! . . . Пріятно ли читать тамъ же пре-

вращной и низкой судъ его о другихъ нашихъ Писателяхъ, и обо всей нашей Литтературѣ, сообщенной ему, можешь быть, отъ какого - нибудь учителя Француза, или отъ добраго пріятеля въ пракширѣ?.. Французъ, не знающій ни Генія нашего языка, ни нашихъ нравовъ, ни тѣхъ непоспозимыхъ прелестей идиомата, копоря только знакомы отъ природы владѣющему языкомъ, — Французъ цѣнишь нашу славу, лучшихъ нашихъ Писателей; а мы почиаемъ за грѣхъ, къ нимъ прикоснувшись! — Если бы запрошивъ были разборы на сочиненія отечественныя; если бы народное мнѣніе было опредѣлено и извѣстно у насъ вездѣ; тогда — могли бы явиться сіи споль оскорбительныя для чести Литтературы нашей мнѣнія? — Француза винишь не лзя, а винишь надобно самихъ себя, — сію холодность къ Изящнымъ Наукамъ, и сіе слѣпое уваженіе ко всему тому, что скажутъ другіе. — Кромѣ сего оскорбленія, Литтература теряетъ еще и съ другой стороны; она живетъ соревнованіемъ: гдѣ же

пружины сего соревнованія? Одни кричатъ: у насъ пишушь только пѣсенки да романы . . . . Сами виноваты: вы другого ничего не чипаете; вы не дѣлаете отличія между достоинствомъ одного творенія и другого, — вы не разбираете. — У насъ еще мало Авшоровъ; на что пугашъ ихъ? — другіе повпоряюшь важнымъ и соспрадапельнымъ пономъ. — Милосивые Государи! . . . изъ вашихъ словъ вижу я не доброжелательство ваше къ Словесности, а совершенную къ ней несправедливость! . . . но прежде позволите спросить: почему мало Авшоровъ? Мы уже имѣли многихъ превосходныхъ Писателей во многихъ родахъ Словесности. Одинъ Державинъ представляеть огромнѣйшій, разнообразный садъ для ума и вкуса разборчиваго. Кому не пріятно слѣдовать за величественною Музою Ломоносова? Кто откажется спранствовать за Богдановичемъ въ очаровательные чертоги Амура? Или, оживясь Папріотизмомъ, спремимся на крылахъ пламенныхъ за Херасковымъ въ древній Херсонъ, или сподъ

твердыни Казанскія, или къ чудеснымъ пожарамъ Чесмы? — Но пусть мало! — не опъ васъ ли же зависипъ, чпобы ихъ было болѣе? — Хопите ли, чпобы ихъ число умножилось? Будьте къ нимъ внимашельнѣе. Еще скажу: разбирайте ихъ, или не осуждайте разборовъ. — Писатель никогда не доспигаешъ совершенства, когда Публика не въ силахъ судипъ объ немъ. — Кришика благодарная раздражаешъ его чесполубіе и понуждаешъ къ великимъ усиліямъ: равнодушіе наше — убійство Словесности. Публика и Писатель взаимно другъ друга совершенствуюшъ: Публика судипъ и награждаешъ, Писатель даешъ ей пищу; одна упончаешъ вкусъ свой, другой приобрьшаешъ себѣ славу. Увидѣвъ, чшо истинное достоинство опличено, слабостъ обнаружена; увидѣвъ, сколь много труда спойпъ выдти изъ обыкновеннаго круга людей, — всяксі захочешъ испыпашъ блистательное сіе поприще. Покажи важностъ искусства, — Аплетъ не замедлипъ явипся. — Другъ мой!

еще повпору, такъ образовались Франція и Германія! Ни въ какое время не было у нихъ шакого множества Писателей, какъ погда, когда царшвовала крипика! — Почпенныя шѣни Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Княжнина! неуже ли мы будемъ въ опношеніи къ вамъ Кипайцами? Для чего же, и для кого вы писали? Вы хопѣли бышь намъ полезными: — какъ же мы возможемъ вами воспользовашься, если не будемъ разбирать васъ? . . . „Оспавъ воспоргъ свой! — пы перерываешь меня; все правда, все правда! да говори, объ другихъ, а не объ нихъ?“ . . . О комъ же? — Разборъ посредшвенныхъ Писателей, не возмогихъ дѣйшвовашь на умы и сердца, ешь разборъ безъ цѣли. — Онъ не приноситъ ни малѣйшей пользы, не предшвляя, ни красотъ высокихъ достойныхъ подражанія, ни недоспашковъ, увлекающихъ еще неушвержденный вкусъ молодыхъ людей. Пришомъ — шолько швердые камни полируются, говоришь Блеръ, а слабые, мягкіе не выносяшъ полировки! —

„И то правда! . . . Но! . . . все рано!“ продолжаешь ты. Почему рано? — — — Развѣ не примѣчаемъ мы уже теперь обыкновенныхъ волненій вкуса и раздѣленія мнѣній? — Развѣ всемогущая мода по сию пору не ошдѣлила уже насъ отъ первыхъ образцовъ нашихъ въ писаніи? — Послѣ Хераскова, Ломоносова, Княжнина, — немного имѣемъ мы новаго, достойнаго сихъ почтенныхъ учителей: — Одинъ почти Державинъ сіяетъ на холмѣ Музъ, какъ старой, священный дубъ, обвѣщенный праведными приношеніями и жертвами! — Къ одѣ Ломоносова охладѣли; не въ обиду новымъ Драмашистамъ также должно сказать, что они не сдѣлали важнаго шага къ усовершенствованію сего обширнаго и самаго труднаго рода сочиненій. — У насъ много Трагиковъ; но достойный всякой признательности и уваженія, *Озеровъ*, одинъ блистаетъ, благородствомъ сцены и изящесвомъ стиховъ, хотя иногда не-вспрѣчаемъ и въ немъ правильнаго расположенія дѣйствія и хода; — это, можешь быть, отъ того, что не видимъ сколько

желательныхъ новыхъ его сочиненій. Фон-Визинъ единственъ по сію пору въ пред-сказаніи сцены и характеровъ комиче-скихъ; — Дмипріевъ и Крыловъ одни, ка-жешся, стоятъ близь мѣшъ своего славнаго поприща; но многіе изъ безчисленныхъ по-дражанелей ихъ, обольщенные наружною легкостію слога, пишутъ часто, не по-нимая даже, въ чемъ истинное существо басни? — Въ разсужденіи Краснорѣчія, опи-сывается теперь болѣе кафедра духовная, какъ было и прежде. Въ чемъ же мы по сіе время подвинулись? — — конечно во мно-гихъ мягкихъ пріятныхъ сочиненіяхъ, во-обще въ чистотѣ и наружной изящности слога. Но и въ семъ случаѣ сомнѣнія не рѣшены еще. Одни укоряютъ другихъ въ излишнемъ употребленіи словъ Сла-вянскихъ, а другіе въ излишнемъ отступ-леніи отъ Славянскаго и въ ослабленіи языка? — Отъ чего главное богатство но-вѣйшихъ произведеній состоитъ шокмо: въ романахъ, въ Эпиграммахъ, въ шуш-ливыхъ посланіяхъ, прологахъ, въ над-писяхъ, въ водевиляхъ, пѣсняхъ и въ

цѣсахъ , которыя совсѣмъ не знаешь къ
 какому опнесни роду? — Опъ того, что
 не занимаемся, какъ должно, Теорією искус-
 ства и презираемъ ее; опъ того, что
 не разбираемъ своихъ предшественниковъ,
 которыхъ красота и ошибки вели бы
 насъ къ совершенству; опъ того, что не
 читаемъ Ломоносова, который за сто лѣтъ
 умѣлъ уже искусно соединять Славянскій
 языкъ съ Рускимъ; опъ того наконецъ,
 что мы, бросаясь на мнимое легчайшее и
 простое, не хотимъ распространять ни
 сферы общественныхъ своихъ занятій, ни
 сферы удовольствій Публики! Скажу
 не обинуясь, что прежде гораздо болѣе
 занимались важнѣйшими предметами, не-
 жели нынѣ: это доказываютъ между про-
 чимъ и книги (сочиненія и переводы),
 тогда изданныя; это доказываютъ и живыя
 книги, — мнѣнія и образъ мыслей многихъ
 знаменитѣйшихъ Мужей, получившихъ
 свое воспитаніе въ вѣкѣ Сумарокова, Княж-
 нина, Пешрова и прочихъ Друзей Липше-
 рашуры. Съ какимъ воспоргомъ говорятъ
 они теперь въ своей старости о величе-

ешвенной цѣли Поэзіи, о богатствѣ языка
 Россійскаго! Мудрено ли, что имъ кажется,
 будшо мы (избави Боже, чшобъ я самъ такъ
 думаль!) — шеперь ребячимся, играемъ, какъ
 избалованныя дѣши, на шой самой аренѣ,
 кошорую сдѣлали безсмершною знамени-
 шѣйшіе Аплены, наши предшешвенники!
 И шы говоришь, рано, вспомнишь объ ихъ
 подвигахъ, объ искусствѣ въ пользу свою
 и другихъ! Молчатьъ объ эшомъ было бы —
 неблагодарность съ одной стороны, а съ
 другой несправедливость, пагубная въ об-
 ласши Словесности. Я шеперь пишу къ
 шебѣ шолко о Херасковѣ, и представляю
 собственныя мысли его объ эшомъ пред-
 метѣ. Знаменишый Пѣснопѣвецъ часшо го-
 вариваль, что Поэма его ешь ранній плодъ
 на языкѣ Россійскомъ; но что богатство
 и выразишельность сего самаго языка и
 величіе подвиговъ Рускихъ увлекли его; что
 Поэма его не можетъ бышь единственною
 въ Россіи; но онъ утѣшается и шѣмъ,
 что она научить кого-нибудь изъ его по-
 слѣдователей сдѣлать лучшую. — „А въ
 предметяхъ — какъ говорилъ сей Почтен-

ный Россіянинъ, — у насъ недоспашки не будешь, было бы только ободреніе къ Изящнымъ Наукамъ.“ Я нещасливъ: меня всѣ хваляшъ не за то, за что должно, говорилъ онъ общему нашему другу А. И. Т. . . . при мнѣ, поручая ему для послѣдняго изданія одѣлать сокращеніе цѣлой Поэмы, Россіады. Напишишь его со всею подробностію и спрогосію: пускай изъ вашего сокращенія узнаюшъ и шрудность такой Поэмы, и мои ошибки. Я еще въ силахъ многое поправишь въ ходѣ и связи, эшо не спыдно: Вольперъ всю жизнь поправлялъ свою Генриаду. Если N. N. пересприваешь безпрестанно свой домъ, не угождая на собственннй свой вкусъ: по какъ же можно воздвигнушь вдругъ зданіе безсмертное, долженствующее угодишь всеобщему вкусу народовъ и вѣковъ? — Такъ говорилъ Мужъ благонамѣренный; а мы хопимъ сдѣлать честь ему, удивляясь только чиспошѣ и гладкости стиховъ, и припомъ въ такое время, когда сіе достоинство слога сдѣлалось уже обыкновен-

нымы! Вопшь каковъ завѣщъ одного изъ Папріарховъ нашихъ въ Липперашурѣ, и мы, такъ пользуемся его уроками! Я самъ ихъ слышалъ, и всегда сохранию въ своемъ сердцѣ; но сохранию, не какъ слѣпой обожающей великаго учителя: ибо чрезъ по оскорбилъ бы я почтенную тѣнь его; но послѣдую въ семь случаѣ, — хотя очень, очень издалека, столь мало опытный, благородному примѣру *Далота*, предложившаго судъ скромной ошвореніяхъ своего учителя Фоншенеля: ибо такимъ только образомъ исполню его святыя намѣренія, клонящіяся къ пользѣ опечесивенной Липперашуры. — Ты будешь писанъ бури, сказалъ онъ однажды пріятелю моему и соповарицу Б. . . . у, прослушавъ его сочиненіе, читанное на публичномъ Университетскомъ акціѣ: — но помни, что у Бога и самыя бури соотвѣтствуютъ правильному и вѣчному плану. Я самъ учусь до сихъ поръ. Надобно учиться, учишься много: у насъ къ несчастію нынѣ все спало легко. . . . — Я сіе привожу тебѣ на память, другъ мой, единъ.

Книж. I. Г

спвенно для того, чшобы показати, какъ самъ знаменитый Херасковъ разумѣлъ свое искусство, какъ онъ не любилъ слѣпыхъ своихъ Хвалищелей; и чего онъ претовалъ опъ всѣхъ, кои честь имѣли находиться подъ его начальствомъ. — Да будетъ благословенна память твоя, Писновецъ почтенный! только по твореніямъ тебѣ подобныхъ совершенствуется языкъ отечественной и вкусъ потомковъ; но ты еще почтеннѣе, еще выше тѣмъ, что для пользы ихъ, забывалъ собственное самолюбіе, въ назидательный примѣръ другимъ своимъ послѣдователямъ! ... Другой мой! теперь видишь ты, сколько причинъ заставляло меня обращать вниманіе на сочиненія нашихъ Писателей! И совѣты одного изъ нихъ знаменитѣйшаго, блистающаго и теперь на горизонтѣ Словесности Россійской съ такимъ оплечіемъ, — и желаніе научиться, и желаніе бытъ по возможности полезнымъ, и правила, которыя приобретаю я въ неслабейшемъ, — можешь бытъ, уже не возвраще-

номъ для насъ, любознательномъ обществѣ
 •Словесности, гдѣ мы, поиспинивъ упра-
 вляемые благороднѣйшею цѣлю, всѣ въ
 цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ,
 одушевленные единымъ благодашнымъ чув-
 ствомъ дружества, не оправленнымъ
 частными выгодами самолюбія, — учили
 и судили другъ друга въ перѣыхъ нашихъ
 занятіяхъ; и жертвуя по видимому своимъ
 удовольствіямъ, между шѣмъ нечувстви-
 шельно и скромно, исполненные патрио-
 тизма и любви къ изящному, пригото-
 вляли себя на будущее наше служеніе. —
 Гдѣ вы, драгоценное время? гдѣ вы,
 друзья моей юности? — Они разсѣяны по
 разнымъ мѣстамъ и пушямъ службы!... —
 Но упѣшимся въ разлукѣ съ ними! они
 не измѣнили своимъ обѣщаніямъ; они помнятъ,
 помнятъ дружественную нашу школу,
 наши правила и цѣль: она сіяетъ въ ихъ
 поступкахъ и въ ихъ сочиненіяхъ, при-
 обрѣтшихъ уже лестное благоволеніе Пуб-
 лики. — Я хочу бытъ вѣренъ этимъ пра-
 виламъ; я воспоминаю все то, чѣмъ за-
 нимались мы тогда, какъ друзья, чуж-

дые предразсудковъ, вредныхъ успѣхамъ нашей Словесности; — я намѣренъ изобразить здѣсь тогдашнія наши размышленія о Россiадѣ, о семъ первомъ и важнѣйшемъ предметѣ во множествѣ хорошихъ сочиненій стихотворныхъ, какъ безприсрастный наблюдатель; я постараюсь представить мнѣнiе свое о важности, единствѣ содержанiя, объ ходѣ дѣйствiя, о чудесномъ, о характерахъ; однимъ словомъ, о всемъ томъ, что составляетъ существенное достоинство сей Эпической Поэмы, если не въ пользу другихъ (ибо боюсь мечтать объ этомъ), то по крайней мѣрѣ въ пользу свою, и въ память безцѣнныхъ бесѣдъ нашихъ. — „Да за чемъ ты именно принялся за это? . . подождешь бы...“ — прерываешь ты меня, грозя пальцомъ съ обыкновенною доброю своею улыбкою! .... За чемъ я? — Вотъ вопросъ, который немного меня смущаетъ. — Утверждаю: чпобъ судить объ Авторѣ опличномъ, надобно самому быть таковымъ же; — чпобъ сказать достойное о Цицеронѣ, должно быть Цицерономъ, о Гомерѣ — Гомеромъ. —

Но Квинтилианъ, споль почтенный въ древности криптикъ, но Ла-Гарпъ — единственныи изъ новѣйшихъ судія — Липерапоръ опвѣчали уже на это возраженіе довольно удовлетворительно. — Сколько было Судей и Комменшаторовъ на Гомера, которые споль же были опъ него далеки, какъ небо опъ земли; однако симъ самымъ безвѣспнымъ Комменшаторамъ обязаны мы и шѣмъ, что Гомера имѣемъ, и шѣмъ, что Гомера понимаемъ. — Въ свободномъ царствѣ Липерапуры нѣтъ никакого исключительнаго права. — Всякой сочи-няешъ и судишъ, чтобы бытъ взаимно судиму. — Всякой объявляешъ свои мысли, и долженъ слушашъ опроверженіе, или — сомнѣніе. Чуждый самонадѣянности, исполненный позволеннаго всѣмъ желанія бытъ по возможности полезнымъ, и припомъ обязанныи возложеною на меня должностію говоришъ о Россійской Словесности и ея успѣхахъ, — я почпу себя уже награжденнымъ, когда слабыи мои замѣчанія пробудяшъ живѣйшую внимательность молодыхъ моихъ соотечесш-

венниковъ къ твореніямъ знаменитыхъ нашихъ Писателей, и убѣдятъ ихъ въ необходимости подробнѣйшаго изученія теоріи такой великой науки, какова Поэзія; когда другой искуснѣйшій и опытнѣйшій, съ тѣмъ же духомъ безприсрастія и усердія къ общей пользѣ, самъ предприметъ трудъ споль важной для успѣховъ Словесности, и покажетъ намъ, что доспойно въ ней подражанія, и чего должно остерегаться. — — — „Но люди не поймутъ тебя, разтолкуютъ иначе твое намѣреніе“... повторяешь ты, другъ мой. — Такъ и бытъ! — какъ хотѣшь, такъ пусть и толкуютъ; наши наслажденія невинны. Мы учимся, — довольно. Вотъ тебѣ сокращеніе Россіяды. — Оно необходимо нужно для того, чтобы лучше узнать цѣлое, ходъ и связь между частями сего огромнаго творенія.

Пѣнь первая. Воспочная часть древней Россіи спенала подѣ властію дерзновенныхъ Орда за-Волжскихъ (*). Казань

(*) Сей разборъ сдѣланъ по самому послѣднему изданію сочиненій М. М. Хераскова.

градъ, созданный *Батыемъ*, сія оппор-
 женная дщерь опъ своей мащери, изъ пом-
 ныхъ рукъ ея принимала дани позорныя. —
 Всѣ усилія Россійскихъ Иракловъ пресѣчь,
 или ошановить ея свирѣпости были
 тщешны. — Ташара, подобно зміямъ,
 возобновляющимъ ядъ свой и силы въ
 глухихъ ущеліяхъ, выползали изъ норъ
 своихъ и, мнишя, еще болѣе укрѣпля-
 лись съ каждымъ новымъ сопротивлені-
 емъ опъ стороны Россійской. — Во время
 юности вшораго *Юаца* оказалось въ са-
 мой высочайшей мѣрѣ свирѣпство враговъ
 неисповыхъ. — Сей младый Государь едва
 совсѣмъ не выпустилъ Казань изъ сла-
 быхъ рукъ своихъ, послѣ несчастнаго
 похода, учиненнаго за годъ. Возвра-
 тившись въ Москву, онъ побѣжденъ былъ,
 къ новому горю Россіи, другими непріа-
 телами: — роскошью и лешію. Сіи
 внушренніе враги, его борющіе въ лицѣ
 вельможей, сдѣлали вреда гораздо болѣе,
 нежели внѣшніе. Они закрыли слухъ и
 очи его ко всѣмъ воплямъ и спраданіямъ
 изнуренной безчеловѣчными Ташарами

Россіи. Истина умолкла; — неустройство повсюду. Въ самой Москвѣ возпылали мяшежи, среди кошорыхъ и послѣдніе, немногіе праведные вельможи содѣлались жершвою корысти и злобы. Темное Опе-чештво склонилось на край своей погипе-ли. Тогда наконецъ обратило оно слез-ныя мольбы свои на небо. Всемогущій, милосердствую о возлюбленной спранѣ, посылаетъ къ ушопающему въ роскоши Юанну единого ошъ предковъ царешвен-ныхъ, избранныхъ причаспниковъ блажен-сшва небеснаго, — Александра. Свяшная Тѣнь укоряетъ во сновидѣніи Царя праз-днаго, напоминаетъ ему спрадана іа и смершь его предковъ, побуждаетъ его къ законному опмщенію. Пораженный бо-жешвеннымъ сномъ, онъ зоветъ *Адаше-ва*, единого изъ благороднѣйшихъ Вель-можъ и друга своего, кошпорому отккры-ваетъ перзаемое раскаяніемъ сердце. Сей, увѣривъ Государя, что сонъ дѣйсшвишель-но посланъ ошъ Бога, склоняетъ его уда-лишься въ мѣсто уединенное, куда бы не досягалъ соблазнъ свѣша и лесшь при-

дворныхъ. Они оба опсправляются въ монастырь Свято-Троицкой, — гдѣ каждой шагъ былъ укоризною для Іоанна. Тамъ онъ, преклонивъ колѣна, обратился молибвы свои къ Преподобному Сергію: шамъ вдохновенный Пресвишеръ возвѣспилъ ему будущіе шруды и славу. Укрѣпленный Царь возвращается въ Москву, съ неизмѣнною рѣшимостію возобновить брань; но прежде повелѣлъ собрать избранную *Дуиу*.

Пѣснь вторая. Дума собралась. Царь изобразивъ предъ нею всѣ спраданія Россіи, всѣ междуусобныя несогласія Князей, увѣряетъ ее, что не Татары, но сами вельможи виновники нещасній народныхъ. Онъ шребуетъ отъ нихъ совѣта и способовъ къ скорѣйшему низложенію поспыднаго ига. — Почти всѣ показываютъ нерѣшимость. *Даніиль* Первосвященникъ, первой даетъ свой голосъ на брань, и благословляетъ опечесшвенное вооруженіе и походъ. Старый Князь *Кубенской* предлагаетъ совѣщы опсорожностши. Рускіе

слабы, говоришь онъ, Ташары сильны; теперь гораздо нужнѣе сберегать людей, нежели завоевывать грады; должно бышь всегда гошовыми ко брани, но опасно начать брань и обольщаться суешною славою. Коварный льстецъ, Князь Глинскій подхватилъ сіе слово, и нагло утверждалъ, что война совсѣмъ не нужна. Ты Царь и богъ нашъ, говорилъ сей придворной, бреги свое и наше спокойствіе! и о чемъ тебѣ сокрушаешься? мы щаспливы! — Многіе согласны были съ мыслями сего вельможи; но Князь Курбскій, какъ левъ, воссталъ прошивъ него, гошовый на всѣ опасности и ужасы для спасенія спрадающаго Отечества. — Кропкій Адашевъ примиряетъ ихъ, наклонивъ дѣло къ общей цѣли; мудрый Хилковъ подкрѣпляетъ его голосъ. Царь принялъ благосклонно его слова, и самъ рѣшился шествовать прошивъ Ордынцовъ. Дума кончилась. Но Князь Глинскій обратился къ Царицѣ, и возмутилъ ея спокойствіе скорымъ опбышіемъ Государя. Юная Супруга Иоанна, съ младенцемъ на рукахъ, шечетъ

къ Государю сокрушенная, и умоляетъ его оспашься въ Москвѣ, или хопя взявъ ее и сына съ собою. Царь не поколебимъ. Въ то самое время являешся гонецъ съ извѣстіемъ, что *Алей*, соединясь съ *Суибкою*, зашворился въ Казани. Таковы друзья нынѣшнихъ вѣковъ, воскликнулъ *Юаннь*; но я съ вами, и неспрашусь цѣлаго востока. — Пойдемъ, друзья мои; возвѣстите народу, что я *сборнымъ либтомъ* воинствъ назначаю *Кололну*. Съ симъ словомъ, все подвинулось: -- Все дышетъ бранію; роскошь онѣмѣла, веселія умолкли, повсюду видны были спрашныя приугошвленія. Князь *Пронскій* предводителствуетъ полками конными. Князь *Палецкій* ведетъ стрѣльцовъ съ пищалями и копьями. Сонмъ *Опричниковъ* окружаетъ Царя. *Даниль* благословляетъ свободителей Опечесшва.

Пѣснь третія. Спѣны *Свіажска*, его блюстителя *Казанскихъ* хитросей, возвышались грозно на ужасъ варварамъ. Вѣсть о возобновленіи брани со стороны

Россійской достигла Казани; всеобщее смятеніе! — все спекается въ сей городъ, какъ кровь изъ разныхъ жилъ приливается къ сердцу. Отъ Суры, Камы и Волги Ошяки языческіе, Заволжскіе покрыли собою его обширныя окрестности. Народъ въ прелепѣ; одна мужеспвенная Сумбека не мыслишь о предстоящей опасности. Любовь, одна любовь обладаетъ ея сердцемъ. Напрасно-шаинспвенный нѣкій духъ, члимый ею на Камѣ, всечасно грозитъ ей паденіемъ Царспива: — Она дышешъ единспвенно *Османолю*, Таврійскимъ Княземъ, копорый въ то же время влюбленъ былъ въ рабу ея *Эмиру*. Несчастливая, съ одной стороны сокрушаемая невѣрностью любовника, съ другой шревожимая жалобами своего народа призываетъ къ себѣ Первосвященника *Свита*, непріателя Османова, съ шѣмъ, чшобъ послать его для совѣщанія съ духами въ лѣса Камскія, и -- въ опсущспвіе его сочешаться съ Османомъ. Сеишь удаляется. Царица шолчасъ собираешъ народъ: предлагаетъ ему объ опасностяхъ, о всеобщемъ вооруженіи, о необходимо-

сти избрать себѣ супруга, и склоняетъ мысль народную въ выгоду Османа. Нечаянно ужасное явленіе прервало *Совѣтъ*: оно изрыгнуло угрозы Царицѣ и народу; еще не успокоившимся ошъ прерволненія Казанцамъ, предспаль Сеипъ; боги насъ забыли, восклицаетъ онъ; поидемъ и призовемъ Срацынь единовѣрныхъ для защищенія опечеспвенной короны. Онъ, по вдохновенію *тѣни Царской*, увѣщеваетъ Царицу прошивишься всѣмъ влеченіямъ любви сладоспной и избрать себѣ досшойнаго супруга, преданнаго общей пользѣ. Являются искашели: *Сагрунъ*, другъ Сеиповъ; *Алея* предлагаетъ *Гирей*; *Асталонъ* пребуетъ руки Сумбеки, и весь народъ на его споронъ. — Сумбека жалуется, что съ нею поступаютъ, какъ съ невольницею, лишая свободнаго выбора. Оскорбленный опказомъ *Аспалонъ* даетъ мѣсяць сроку на размышленіе, и клянется мшишь тому, кто получитъ руку Царицы. — Сумбека увѣряетъ народъ въ могуществѣ волшебсва своего, и обѣщаетъ сама назначить себѣ супруга.

Между тѣмъ опять посланъ Сеипъ въ Крымъ просить помощи. Устроивъ шакъ дѣла, возмущенная Царица, прогуливаясь въ саду, слышитъ Османа воспѣвающаго свою Эмиру, которую онъ скрылъ уже изъ града, прощаетъ всѣ вины его, и зоветь его во храмъ для совершенія брака. Онъ опрелекается подъ разными предлогами; возвѣщающъ о побѣгѣ Эмиры: — Сумбека неистоспвуетъ, великъ взялъ измѣнника подъ спражу, призываетъ духовъ подземныхъ; но адъ безмолспвуетъ, запечатанный силою Всевышняго. Въ опчаяніи и горести хотѣла она умереть; но рѣшилась наконецъ шеспвовать на гробъ супруга для совѣщанія о судьбѣ своей и своего народа.

Пѣснь четвертая. Описываются гробы Царскіе. Сумбека приходитъ къ могилѣ Сафгиреевой. Тѣнь сего Хана, силою Божіею оживленная, является, и убѣждаетъ ее избрать себѣ супругомъ Алея, предсказываетъ будущую славу Россіянъ и славу вѣры Христіанской, поноситъ

Магомешанство, пророчесвуетъ о будущихъ своихъ спраданіяхъ, и молишь супругу, чшобы она предала огню всѣ гробы предковъ. Трещущую Сумбеку ободряешь Сафгирей, и указуешь ей мѣсто, гдѣ скрывается таинственный огонь, назначенный для всеожженія. Сумбека свершаетъ повелѣніе. Спихопворецъ описываетъ адъ, куда визошли освобожденные отъ узъ могильныхъ пѣни. Сафгирей послѣдній изходишь, и благодаришь ее за шаковое къ предкамъ благодареніе. — Паки пророчесвуетъ о славѣ Хрисціанства и побуждаешь преклонишься сердцемъ къ Алею, копорый, по словамъ его, уже близокъ. Сумбека въ обморокъ.

Пѣснь пятая. Алей приближился къ спѣнамъ Казани, дабы соглядашь новыя укрѣпленія сего города. Ему являещя *Законъ*, и повелѣваетъ удалишься отъ сихъ опасныхъ мѣспъ. Онъ не повинуется сему гласу, и вступаешь въ роцу, въ копорую перенесъ уже пресполь свой злашовласый *сынъ Киприды*. Все ожив-

аяется : лѣсъ пріемлеть невѣдомыя до-
 селѣ прелести, подобно саду Гесперійскому.
 Алей, не внимая совѣшамъ *Разсудка*,
 спремился далѣе и далѣе въ глубину дуб-
 равы. Онъ испилъ волшебной воды, со-
 ставленной хипроспїю, и почувствовалъ
 любовь. Между шѣмъ Купидонъ пове-
 лѣваетъ своимъ геніямъ превратитъ въ
 оправу спраситъ Сумбекину, дабы мучились
 оба, и Алей и Сумбека. Сей Царь видитъ
 ее почивающую среди очарованной роши, —
 влюбляется; опкрывшей глаза предлагаетъ
 удалиться съ нимъ въ *Свіажскъ*, дабы, по
 уничиженіи Казани, раздѣлишь съ нею
 шамъ престоль свой. „Я сама нѣсколько
 разъ порывалась идти въ *Свіажскъ*, го-
 ворила коварная Сумбека; но народъ мнѣ
 препяшествовалъ: шеперь сей же самой на-
 родъ выслалъ меня изъ града за то, что
 я, по мнѣнію его, не любила Алей... я не
 любила Алей! смотри: Сія самая
 спраситъ заспавила меня испребишь гро-
 бы Сафгирея и всѣхъ моихъ предковъ.
 Жестокой! возвратись на престоль свой,
 и раздѣли со мною любовь и Царь

шиво мое. Слабый Алей склонился, надѣясь
 какимъ образомъ примирить Москву съ
 Казанью, и взявъ съ сей послѣдней дань Рос-
 сіянамъ. Спирася споспѣшествовала ему
 неосторожному согласію! — Хоръ дѣвиць
 встрѣчаетъ двухъ любовниковъ; — ко-
 лесница воспріяла ихъ у вратъ градскихъ.
 Они шествуютъ посреди ликующаго на-
 рода. — Но Алей смущася; обративъ
 очи на испуканъ, оиъ сохраненія кошо-
 раго зависѣла побѣда Казани. Опъ еще
 помнилъ Россію: Всевримѣчающая; новая
 Армида умѣла очаровать его, и допущивъ
 всѣ безпокойства совѣсти: Между шѣмъ
 вельможи устрояютъ прошивъ него козъ.
 Сіи властители не любили Алея за то;
 что чернь была предана ему, и желала
 возложить на него корону. *Сдгрунѣ* ды-
 шень зависію; *Гирей* на спорочѣ на-
 рода; Сумбека, шерзаемая мщеніемъ и любо-
 вію, коварно изводитъ изъ темницы Ос-
 мана, и передаетъ его голову Алею: Сей про-
 щаетъ врага своего, оставивъ на сіо волю
 жить въ Казани, или удалиться. Раз-
 вратная Царица дышетъ единымъ Ос-
Книж. I. Д

маномъ. Еще болѣе разрашнвый Османъ живешъ и дышетъ Эмирою, въ образѣ копорой являешся ему во снѣ *развратная* Любовь, и укоряетъ въ невѣрности. — Сагрунь проситъ его представившся Сумбекѣ, совѣщуетъ взойти на престоль, желая такимъ образомъ, возбудивъ взаимную недоувѣрчивоспъ, погубить ихъ *всѣхъ* проихъ, дабы самому овладѣти Казанью. Съ такимъ же коварспвомъ являешся онъ Сумбекѣ, говоритъ въ пользу Османа, упверждаешъ, что онъ позабылъ Эмиру, копорая убѣжала невъ Крымъ, а въ Москву, и что онъ любитъ ее одну. Сумбека всему повѣрила. Алей ненавидимъ: Османъ опять воспріялъ надъ нею свою власпъ. — Алей, подозрѣваемый въ Свѣяжскѣ *измѣною* (смон. 1 ю пѣснъ), едва уже не плѣнникъ въ Казани.

Пѣснь шестая. Когда въ семь градѣ свирѣпешвовали междуособія, тогда Россія подняла шомную главу свою, увидѣвъ рашныя знамена, вносимыя *въ Кололну* Войска отъ различныхъ странъ шуда спекаются. Отъ Волхова, отъ Избор-

ска, опъ Москвы и Твери, опъ луговъ Самарскихъ и Днепровскихъ, опъ Коспроты и Дона приходящъ полчища на спасеніе Опечеству. Коломна казалась сердцемъ всея Россіи. Но Богъ восхотѣлъ на время остановить успѣхи ея оружія. Нечаянной гонецъ возвѣщаетъ Царю о раззореніи Рязани опъ Хана Крымскаго *Исканара*, соединившагося съ Нагайскими Ташарами. Онъ возбужденъ былъ Сеишомъ, принесшимъ ему опъ Казанцовъ знаменную дань. Дабы не остановить главнаго дѣла, Іоаннъ поручаетъ Курбскому наказашъ Крымскихъ грабителей. Герой идетъ на *Тулу*. Исканаръ свирѣпствуетъ; Ташары все жгутъ, рубятъ, опустошаютъ; Сеишъ, Первосвященникъ неблагодарный, подлый — ненавидитъ своего защитника; онъ любитъ только корысть, и плѣненъ красотою *Ремы*, его супруги, которая не могла расстаться съ своимъ возлюбленнымъ, и раздѣляла съ нимъ всѣ военные подвиги и опасности. Соблазнитель-спарецъ опправился также съ Исканаромъ и Ремою на брань опустошительную.

Д 2

Снанъ вражескій укрѣился на Улѣ. Горестныя предчувствія шерзаютъ Рему; Сеипъ упѣшаетъ ее, и непремѣнно требуетъ, чтобы Исканаръ спалъ предъ войскомъ въ первыхъ рядахъ. Жители Тульскіе ободрились, увидѣвъ пришествіе Курбскаго. Сраженіе. — Устрашенные внезапнымъ нападеніемъ Ташара бѣгутъ; Исканаръ ихъ оспановилъ; одинъ онъ стоилъ цѣлаго войска. Побѣда колеблется; тогда Курбскій вызываетъ Хана на единоборствіе, убиваетъ его. — Невѣрныя въ опчаяніи. *Борисъ* и *Габъ* являюся на облакахъ, и кидаютъ молніи въ Магометанъ. Снанъ Крымскій достаетъ въ добычу побѣдителемъ. Рема бродитъ посреди пруповъ, чтобы обрѣсть своего возлюбленнаго, находитъ его, оплакиваетъ; въ рукахъ ея была глава Сеипа, копорой среди общаго смятенія хотѣлъ увлечь ее съ собою; но пораженъ мечемъ вѣрныя сея супруги. Курбскій передаетъ два шѣла единому гробу, и возвращается къ Іоанну, шоржествующій. Тогда безпрепятственно всѣ войска двинулись подъ Казань.

Пбень седьмая. Часъ войска плыветь по Окѣ, подъ предводительствомъ Морозова; другая шествуетъ нагорною спороною. — Опъ Владиміра до Нижняго града, до пограничной *Вилетлы*, все покрыто печалію и опусошеніемъ. Царь проливаетъ слезы при жалобахъ супруговъ, брашневъ, сеестеръ, копорыя вездѣ скорбѣли предъ нимъ о своихъ потеряхъ прошедшихъ и о потеряхъ будущихъ. Почтенный нѣкій мужъ старается удержашъ на время быспропу Іоанна, и предсказываетъ ему бури и зной, долженствующіе скоро послѣдовать. Спарецъ наконецъ вручаетъ ему щитъ волшебный, копорой темнѣлъ, какъ скоро носящій его опспупалъ опъ пупи испиннаго. При *Саканскомъ* лѣсѣ, гдѣ ужасы насилія и убійствъ еще болѣе поразили Царя, Адашевъ предлагаетъ ему послать къ Ордынцамъ вѣспника съ такимъ условіемъ, что, естли прекрапашся мучительсшва, шо онъ не пойдешъ на Казань. — Царь не принялъ и сего совѣша. Уже войска доешигли до водъ *Медянскихъ*, и, ненавѣшныя, посмѣвались пророчеству безвѣсп-

наго спарца, грозившаго нещастіемъ. Всѣ были веселы; одинъ Адашевъ казался прискорбнымъ. Но испытаніе настало для Іоанна. *Безбожіе* пропивъ него вооружается; оно призываетъ къ себѣ всѣ Злодѣйства, и лепитъ къ Ордамъ Заволжскимъ, гдѣ дымились черные олшари его. Оно собираетъ *духовъ*, и ополчаетъ ихъ пропивъ Креса и Россіянь. *Богиня*, управляющая *зноемъ*, *Киреметъ*, возмущающій огонь и воды, божества, подъ именемъ *Триглава* и *Полели* почишаемыя, — всѣ, какъ *волки голодные* воззаклали погибели Іоанновой. — Кокшанцы приносятъ жершвы кляшвенныя; Киреметъ стремится къ Волгѣ, грозитъ ей пламенемъ, и побуждаетъ вооружиться пропивъ Россіи: свирѣпая взволновалась, да пресѣчетъ путь судамъ Россійскимъ; мужественные Россы спрадуютъ, но не опшчаваются. Морозовъ велѣлъ приваливать къ брегамъ; Ордынцы язвятъ и рубятъ ихъ, не позволяя высадить войска. Между тѣмъ Іоаннъ на сушѣ терпитъ зной и бури заразительныя; онъ спрадаетъ, и

печется не о себѣ, но о войскѣ. Напрасно ожидали подмоги отъ Морозова, также спраждающаго. Возпламеняется мяшежъ. Царь оспанавливаетъ его однимъ словомъ. Между тѣмъ онъ уединяется въ рощѣ, и возлегаетъ подъ древомъ, упомненъ будучи горестною и бѣдспвіями своихъ подданныхъ.

Иѣснь осьлая. Царь видитъ сонъ: Спускается съ небесъ на пламенномъ Драконѣ нѣкій спарець, величественный и ужасный. Преклонясь къ Іоанну съ доброхопною кропоснію, предлагаетъ онъ Царю, оставить навсегда Бога и почипать его; потомъ обѣщаетъ, не только спасти его воинство отъ настоящаго бѣдспвія, но и спокрапно умножить его славу и обладаніе на цѣломъ воспоѣ. Сомненный Царь склоняетъ взоры свои на щипъ, и видитъ его померкшимъ. Разитъ онъ чудовище, которое при первомъ семъ движеніи полетѣло отъ него съ громомъ и шумомъ. Это было Безбожіе. Сей чудный Демонъ въ ярости пророчеспвуетъ еще нещастія, копо-

рыя Царь долженъ испыталъ въ домашней своей жизни. Возскорбѣлъ Іоаннъ; но вдругъ являешся предъ нимъ Алей. Будучи встрѣченъ грозно Царемъ, и оправдавшись въ своихъ поступкахъ, онъ зовесть его къ пустынною, ожидающему ихъ обоихъ. Во время шествія рассказываетъ, какъ онъ съ помощію Гирея испоргнулся изъ Казани, и подалъ помощь Морозову, и помимымъ голодомъ войскамъ. — Доспигли пещеры. Въ пустынноикѣ узналъ Царь того самаго, который предсказалъ ему прежде зной и бури. — Онъ успыдился. — Старецъ прощаетъ его, и поздравляетъ съ побѣдою надъ безбожіемъ, подъ видомъ *Магомета* ему явившимся. Помошь ведетъ его въ *храмъ Судьбы*, на таинственную гору, при подошвѣ которой, усыпивъ напередъ Алея, недостойнаго знать будущее, открываетъ свое имя. — На чудесной спези срѣпали ихъ ужасныя чудовища; но онъ были покарны при первомъ мановеніи старца. Наконецъ отъверзаются небеса, и въ обителяхъ горныхъ видимы предки Царя, ликующіе

безсмертнцю радостію; попомъ *Вассіанъ*, (такъ назывался спарець): показываешъ Іоанну будущее въ книгѣ судьбы.

Пѣснь девятая. Спарецъ пробуждаешъ Алея, и скрывается. Утѣшенный Царь направляетъ путь свой къ войску, огорченному его отсутствіемъ. Адашевъ наиболѣе перзался неизвѣстностію. Наконецъ являешся Государь вмѣстѣ въ Алеемъ. Дѣла воспріали прежній порядокъ. Кокшайцы и *Мордва* покорились, и дополнили полки его ослабѣвшія. Знамена Магомешанскія соединились съ Россійскими. — Царь двинулся къ Свіяжску; въ семь-то городѣ увидѣлъ онъ и воинства, по Волгѣ плывущія, къ особливой и нечаянной своей радости. — Всѣ рапи сліялись въ одну громовую тучу; но миролюбивый Царь еще посылаетъ пословъ съ предложениемъ мира въ Казань. Вмѣстѣ съ послами переносицца Пѣвецъ Поэмы шуда же. Мстительное *безбожіе* соединяется съ *Разратомъ* противъ Царства Россійскаго. Онъ летитъ въ Казань, читаетъ сердце Сум-

беки, и миритъ ее съ Османомъ. Несчастная пребуешъ совѣсна у Сагруна, своего непріятеля; копорый, послѣ многихъ разговоровъ, наконецъ, съ припворспвомъ придворнаго, укоряетъ ее въ шомъ, что она слишкомъ возвысила Алея, и что для благоденствія Казани непремѣнно нужно Алея убить, и голову его положишь вмѣсто черепа Рускаго невольника, на копоромъ нѣкогда основанъ былъ градъ, въ слѣдствіе извѣснаго пророчества. Сумбека склоняется на сей совѣщъ, и вручаешъ Государспвенную печать, и вмѣспщъ всю власпъ Сагруну, имѣющему намѣреніе взойти на пресполь. Надъ брегами пиниспаго Булака собираетъ онъ заговорщиковъ, изображаетъ имъ коварспва, умыслы Алея, и заклиняетъ убить его. Бѣгушъ къ его дому; но Османъ вспрѣпсясь съ ними, увѣдомляетъ, что Алея ушелъ. Сагрунъ обращаетъ гнѣвъ свой на друга его Гирея. Сей мужъ неколебимъ и вѣренъ среди ужасовъ смерпной казни. Сумбека въ испуленіи, узнавъ о бѣгспвѣ Алея, проклиняетъ самаго Сагруна, по-

давшего ей совѣтъ, столь пагубной; ибо она еще боялась супружняго предсказанія. Уже допрашиваютъ на мѣспѣ казни Гирея; онъ неустрашимъ. Уже заносится секира надъ его главою; но является Аспалонъ, и избавляетъ его. Слабый Османъ, подущенный хипрымъ Сагруномъ, выходитъ пропивъ богатыря, котораго, познавъ въ немъ своего противника, кидаетъ его на спѣну, какъ перо, и раздробляетъ на части. Тогда же великъ сказать Сумбекъ, чтобы она пришла къ нему за градскіе спѣны съ покорностію. Сагрунъ приноситъ Царицѣ радостную для него, а для ней печальную вѣсть. Потерявъ любовника, она хотѣла было сама умертвить себя; но младенецъ сынъ остановилъ ея руку. Сагрунъ вооружаетъ между шѣмъ всѣхъ пропиеъ Аспалона; чудеснымъ образомъ отнимаетъ силы у палицы его, оставленной на шоржищѣ; потомъ съ двенадцатью Рыцарями идетъ за градъ къ шашру, и нападаетъ на спящаго. Богатырской конь и злоба въ видѣ шѣви Османовой влекутъ Сагруна и Аста-

дона на дно Казанки. Они понушъ. Въ то время приходяшъ послы Россійскіе во градъ съ предложеніемъ мира. Коварные Казанцы просяшъ прехъ дней на размышленіе, обѣщаются быль данниками, и посылають Сумбеку залогомъ.

Пѣснь десятая. Опчаянная Сумбека слышишъ вѣсть о своемъ изгнаніи. — Является Ангель въ сновидѣніи, и утѣшаетъ ее. Нещасная прощается съ порфиною, вѣнцомъ, праномъ, и съ изваяніемъ возлюбленнаго своего супруга. Она совершенно отдаетъ себя Россіянамъ; Казанцевъ чшишъ своими врагами, и пребуелъ опъ нихъ одного только *Гирея*, вѣрнаго друга *Алеева*; рабыни ея охотно послѣдуютъ за нею. — Украшенная ладія несетъ ее къ *Свіажску*. — Россій Царь, осмашривая градъ, внимаетъ пѣніе плывущихъ по *Волгѣ*. Онъ принимаетъ весьма благосклонно Сумбеку, и обѣщаетъ сыну ея покровительство. — Онъ миритъ ее съ *Алеемъ*. Въ то же время выпушилъ на берегъ и другъ его *Гирей*, который

возвѣспилъ Іоанну; что Казанцы избрали
 себѣ Царемъ *Едигера*; Князя отъ воды
 Каспійскихъ; что при немъ находятся
 шесть сильныхъ рыцарей; и двѣ славная
 своею красотою и храбростію; что Ка-
 зань приугошляенъ къ упорнѣйшей бра-
 ни; и что плѣнники Христіанскіе тер-
 пѣтъ всѣ ужаснѣйшія мученія за то, что
 они отвергають Магомеданство. Царь
 отправляетъ Сумбеку въ Москву. Нѣжно и
 горестно прощается она съ Алеемъ. Приу-
 гошленія къ осадѣ. Іоаннъ раздѣляетъ
 все войско на полчища и части. *Микулин-
 скій* приѣмлетъ большій полкъ; *Щенитевъ*
 и *Курбскій* правое крыло; *Пронскій* и
Хилковъ управляютъ передовымъ пол-
 комъ; *Романовъ* и *Плещеевъ*, лѣвымъ
 крыломъ; *Палецкій*, *Серебряной* и *Трое-
 куровъ* ведутъ *Стѣржевой*; *Муромскіе*
Дворяне сославляли особенное ополченіе;
 военныя снаряды поручены *Розмыслу*:
 Такимъ образомъ все войско двинулось
 къ Казани. По шрехъ дняхъ наконецъ предъ
 взоры ратниковъ показывается гордый
 градъ сей. Дѣдъ Іоанна являеся Ему;

и благословляешь сраженіе. Священная хоругвь поднимается на воздухъ. — Князь Пронскій открылъ первый нападеніе со стороны Булака. Казанцы бросились на встрѣчу Россіянамъ. Началась кровавая сѣча. *Озмаръ* свирѣпствуетъ; но онъ пораженъ Троекуровымъ. Когда сей Герой, желая овладѣть броней падшаго, сошелъ съ коня; нападаетъ на него другій вишязь непріятельскій, и поражаетъ чеканомъ. Троекуровъ бы погибъ, еслибъ не подошлъ Пронскій. Паль непріятель, и съ паденіемъ его смѣшались полки враждебные. Пронскій взялъ множество въ плѣнъ; наступившая ночь прекратила сраженіе. Между тѣмъ Троекуровъ внесенъ былъ во станъ Царскій, весь окровавленный. Іоаннъ приемлетъ о немъ опеческое попеченіе. — Онъ бодрствуетъ въ ночи, и обходитъ свое воинство. — Въ полкъ спорежемъ шревога. Четыре вишязя: *Мирседъ*, *Бразинъ*, *Раида*, *Гидромиръ* напали во мракъ на передовыя войска. Темноша ночи мѣшала усиліямъ сражающихъ

ся ; но возставшая варя показала , что съ чепырьмя Героями сражались двое Россійскихъ : Курбской и Палецкой. Сей послѣдній раповаль съ преме одинъ , но пораженъ съ пылу Гидромиромъ ; и онъ бы погибъ , если бы нечаянно не поспѣшилъ къ нему Князь Курбскій , копорой , сражаясь съ неизвѣстнымъ рыцаремъ , успѣлъ раздробить его шлемъ , -- кровь попекла ; -- оказалось , что это была *Раида*. Она обратилась ко граду. Въ слѣдъ за нею , позабывъ бипву и честь , обратились вишязи. Князь Палецкой , увидѣвъ ихъ , спремился въ слѣдъ , ослѣпленный мщеніемъ. Онъ взялъ въ плѣнь.

Пѣснь одиннадцатая. Сирѣпый Едигерь , швердо надѣясь на чепырехъ вишязей , презираетъ всѣ усилія Россіянъ , особливо , когда увидѣлъ въ плѣну Князя Россійскаго. Палецкій выведенъ окованный на мѣсто мученія ; съ одной стороны Алкоранъ , съ другой представляется прекрасная дѣва ; его принуждали , или служить Казанцамъ и получить ея руку , или

шербѣтъ мученія. Палецкій пребываетъ пвердымъ. Онъ уже подъ орудіями смерти; но Гидромиръ вступаешся; и защищаштъ права рыцарскія. Онъ выводитъ Палецкаго за сѣны, взявъ кляпву; съ нимъ сражащся. Между тѣмъ раскопѣ придвинупы кѣ граду. Турами и войсками обложены сѣны. Опричникамъ поручено учредитъ подкопѣ. Ордынцы примѣшили все сіе; и хлынули на осаждающихъ чрезъ ровѣ. Россіяне уступили. Казанцы достигають до Стана. Засада непріятельская ускоряетъ побѣду; и она бы рѣшилась въ пользу Ордынцовъ, если бы не поспѣшили Дворяне Муромскіе. Между тѣмъ три воишеля, вышпунивъ изъ сѣнь, зовупъ на единоборствіе: Курбскаго, Шемякина, Палецкаго. Укорипельныя слова сыплюся съ обѣихъ споронъ. Мстиславскій, Палецкій, Курбской рѣшились: условіе побѣды — испребленіе Царствѣ Московскаго. — Іоаннъ соглашашся на поединокъ. Онъ призываетъ Бога; Гидромиръ призываетъ храбрость. Великанъ нападаештъ на Палецкаго; Бразинъ на

Мстиславскаго , Мирседь на Курбскаго. —
 Сраженіе. — Мирседь упалъ пыломъ на
 хребетъ коня , жестоко уязвленный отъ
 Князя Курбскаго. — Любящая его Рами-
 да, примѣшивъ сіе, лепишь, и вопреки кляш-
 вѣ вспомошествоешь Вишязямъ. — Все-
 общее сраженіе. — Мирседь разишь обра-
 нившагося для возстановленія порядка
 въ своемъ войскѣ Курбскаго , и сей упа-
 даетъ безчувственъ. Вишязи торжеству-
 ютъ. Близъ лежащій подлѣ Курбскаго
 Тамаринъ хотѣлъ еще ударить его кин-
 жаломъ ; но младшій Курбскій спасаетъ
 брата. — Онъ въ ту же минуту лепишь
 опмстишь за него непріятелямъ. Онъ
 окруженъ полною , и единый всѣмъ со-
 прошивляется. Мирседь и Рамида заж-
 гаютъ раскаль и рубятъ лѣспницы, при-
 спавленные къ спѣнамъ. Непобѣдимый
 Гидромеръ окруженъ Муромскими Дворяна-
 ми ; Курбскій поспѣшаетъ къ нимъ на
 помощь. Гидромида наконецъ ослабѣваетъ ;
 но пуля ударила въ грудь младому Герою,
 и варваръ избѣгаетъ роковой смерти; — все
 обратилось въ бѣгство. Загремѣли со

Книж. Г.

Б

спѣвъ убійственныя орудія. — Иоаннъ велѣлъ Адею вязать къ ешполбамъ плѣнныхъ Ордынцовъ, дабы спасти свое войско отъ града стрѣлъ и орудій пламенныхъ; щещно. — Не престають непріятели разить, и Россіяне плѣнниковъ влекутъ обратню. Войско Россійское опшупило. Ордынцы между тѣмъ спарались зажечь всѣ Россіянами успреенныя машины. Царь съ прискорбіемъ осматриваетъ поле сраженія и предаетъ землѣ тѣла умершихъ, между копорыми находятъ едва дышущаго, опважнаго младаго Курбскаго, копорый векорѣ и умеръ. Царя беспокоитъ сомнительная брань; къ умноженію его прискорбія, въ то же время потонули въ Волгѣ отъ бури многія суда съ снарядами военными. — Шпіонъ являетъся для согляданія войска; Царь узналъ его, и несчастный убѣжалъ. — Между тѣмъ Едигерь устроетъ засаду въ лѣсу подлѣ града *Арскаго*, копорая седьмь супокъ беспокоила Россіянь, будучи сама безвредна. Царь собираетъ совѣтъ военный, послѣ копората Хил-

кову препоручено изгнать изъ засады Тапарь, изъ окоповъ кидать перуны. Тверскому Князю велѣно ожидать невѣрныхъ со стороны нагорной. Между шѣмъ войска, споящія предъ Казанью, подъ предводительствомъ Троекурова, терпѣли великое безпокойство; — къ счастью, немогли еще противъ нихъ дѣйствовать израненные Випязи. — Являешся въ Казань чародѣй Нигринъ. Предположеніе Хилкова исполнено: вышедшіе изъ засѣки Тапары погибли, и лѣсъ очищенъ. Между шѣмъ Розмысль, успроившій могилу подъ градомъ, шакъ далеко просперъ подкопы свои, что могъ слышать разговоры осажденныхъ; рѣка, пекущая во градъ, опвѣдена. Казанцы опчаялись. Спиховорець повѣствуетъ погибель чепырехъ Рыцарей, возженныхъ другъ противъ друга взаимною ревностію. Нигринъ преобращаетъ шѣла ихъ въ ужасныхъ драконовъ, и отправляется на нихъ же въ царство Зимы за хладомъ и бурей, съ кошорыми даетъ слово возвратишься чрезъ три луны.

Пѣснь двенадцатая. Описаніе царства Зимы. Нигринъ возвращается съ бурями; попомъ освобождаетъ изъ плѣна змievъ своихъ. — Но что при вымыслахъ оставились мы? взываетъ Стихотворецъ. — Подкопъ наполненъ былъ селитрою. Царь дожидался возвращенія Хилкова, дабы соединить всѣ войска. — Онъ возвратился съ великими богатствами, приобрѣтенными по разореніи Арскаго града. Приближается воинство къ Казани. Но вдругъ измѣнился чинъ Природы. — Она превратилась въ царство Зимы. *Іоаннъ*, взявъ совѣту Вельможъ, велѣлъ водружить хоругвь, и — хладъ исчезъ. Святой Крестъ во второй разъ избавляетъ Россіанъ. Подкопы подмочены. Алей и Адашевъ совѣтуютъ посласть еще съ предложеніемъ міра. Посланъ плѣнный. — Грозныя чудеса въ Казани. Упорной отвѣтъ Казанцовъ, написанный на снѣгѣ. — Всеобщій приступъ. Царь ободряющій является воинству. — Шествующъ. — Курбскій и Алей — предводители. При словѣ Литургіи: *единъ Пастырь днесь едина*

будетъ стада! — Спѣны поднялись на воздухъ. Нигринъ погибъ.... и войска бросились въ проломъ. — Не смощря на всѣ сопропивленія Ордынцовъ, Россы восходяпть на спѣны; знамена сами возлепающъ предъ ними; Алеи по раскатамъ влечепъ ужась и опуспошеніе въ сердце града. Князь Курбскій, предводителбснвуа рашію, несъ уже на копѣ главу Ордынскаго Князя. Казанцы въ опчаяніи умершвляющъ другъ друга. Рускіе спасающъ ихъ опть убійственнаго изступленія. Между шѣмъ сѣча не преставала. Съ кровель и башенъ спрѣляли непріятели. Успрашенный Едигерь сокрылся въ *Истуканъ* со своими женами, будучи убѣжденъ къ тому пророчеспвами волхвовъ своихъ. Россіане кинулись на корыспь, и раздоръ поселился между ними. Курбскій и Алеи удѣрживающъ ихъ. Иоаннъ шеснвуепть въ городъ, шоржеспвующій, и окруженный полкомъ своихъ Опричниковъ; но подъ самыми спѣнами вспрѣшилъ Его грозный вѣспникъ: *тамъ рубятъ, тамъ обкутъ!* Чшо такое? — Бѣгушъ корыспію ошягченныа Рускіа

воины. — Царь останавливаетъ ихъ мечами, и снова обращаетъ въ Казань. У *Тезицкаго рва* еще являлось только сопротивление. Тамъ робкій Едигерь зашворился съ женами. Справа слабѣетъ, воины у *Збойливыхъ* воротъ оставили мѣста свои, и устремились за градъ, но были встрѣчены и поражены Палецкимъ. Опечаленный Едигерь высылаетъ наложницъ своихъ, дабы плѣнить красотою побѣдоносное воинство; но Мспиславскій и Алей укоряютъ слабыхъ Россіянь. Юноша, предводительствующій женами, пораженъ Алеемъ, и побѣжалъ назадъ, а за нимъ и всѣ женщины. Царь остановилъ руку Алея, хотящаго убить сего предводителя женъ и пинюнца Царскаго. — Казань взята. — Ударилъ бомба въ Испукань. Царь Казанскій уже изъ окна падающей поддержанъ Ангеломъ и утѣшенъ. Онъ по гласу трубы пришелъ со смиреніемъ, и упалъ предъ Царемъ Россійскимъ. Сей приемиетъ его благосклонно. При звукахъ торжественныхъ являющагося *Іоанну* вожди побѣдоносные. Онъ повелѣваетъ соорудить алтарь Богу

испипному посреди града, — и приносипть Ему благодареніе. Солнце радоспно взглянуло на Казань. — Благодать сошла съ небесъ, раздоръ уничтожился, и Россія вознесла къ облакамъ главу свою.

Вопшь другъ мой, *Россеіада*, созерцаемая не въ стихахъ однихъ, а въ своемъ дѣйствиі, содержаніи, или баснѣ, какъ шебъ угодно. Съ этой спороны особенно, или по крайней мѣрѣ, прежде на нее смосрѣшь должно. — Какое обширное, какое великолѣпное поле! Сколько подвиговъ, усилій, пожертвованій, испипно героическихъ, предпріяпыхъ съ высокою цѣлію — *избавитъ Россію отъ ига варваровъ, почти три ста лѣтъ тяготѣвашаго надъ нею!* — Опъ сопрясенія сего изнуришельнаго, убійспвеннаго ига зависѣло шокмо, чшобы споль многочисленный народъ, какъ Россійской, имѣлъ наконецъ свою самоспояшельность, свое полишическое достоипство, независимость, и наслаждался собспвенностію, спокоспвіемъ, благами закона, благами

вѣры, благами Самодержавія. — Сіе великое дѣло свершено Іоанномъ, который укротилъ, или паче уничтожилъ злѣйшаго неприятеля, имѣвшаго доселѣ всѣ способы впоргашья не только въ предѣлы Россійскаго Государства, но даже въ самое сердце его, въ перводревнюю Столицу, въ сей Палладіумъ любви и славы Ошечественной, омрачая красные холмы ея убійствами и разрушеніемъ. — Отселѣ произвели послѣдствія благодѣтельныя для великаго народа, для знаменишѣйшей часши рода человѣческаго.

*Отъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ
начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.*

Іоаннъ далъ, такъ сказать, второе бышје Ошечеству, послѣ нещастнаго раздѣленія его на удѣлы. — Сверхъ того предметъ сей избранъ совершенно удачно и пошому, что походъ Государя на Казань былъ благодѣтеленъ не только извнѣ, но и въ нѣдрахъ Царства для самой нравственности Россіянь. Онъ убѣдилъ ихъ

въ собственномъ могуществѣ и доблестяхъ; онъ воззвалъ ихъ изъ униженія, изъ рабскаго страха, къ которому пріучили оковы, и кою побѣждалъ ихъ доселѣ однимъ взглядомъ на Ордынца: Побѣдитель Казани, кажешся, изрекъ народу Россійскому: *ты рожденъ не повиноваться, а господствовать!* — Короче: изъ сего Опечесивеннаго похода возродилась паки народная гордость, начало и источникъ всѣхъ Опечесивенныхъ добродѣтелей. — Такъ, другъ мой! — походъ сей былъ истинно великое дѣло, особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. — *Рюрикъ, Иоаннъ, Петръ, АЛЕКСАНДРЪ:* вопль Предводителя Россіи по стези Нравственной и Политической на эту высоту, съ кою спасаешь и судишь она теперь Европу. — — —

По всемъ симъ отношеніямъ предметъ, избранный *Херасковилъ*, есть совершенно предметъ *Епической*, или достойный *безсмертной Эпопеи*. — Онъ имѣетъ въ себѣ три высокія качества:

1) пользу человечества: ибо избавлены многие народы отъ мучительствъ и развореній ужаснѣйшихъ, которыми опягощали ихъ лютые варвары. 2) Пользу Религии и Законовъ: ибо съ покореніемъ Казани приобрѣли и та и другіе свою безопасность и прочность; 3) Пользу Отечественную, народную, заключенную въ свободѣ, спокойствіи, благоденствіи, нравственности независимаго Государства. — Почему не избралъ Писнопѣвецъ ^{внѣз} другого предмета для Эпопеи своей изъ Россійской Исторіи, столь богатой великими произшествіями? — Потому что ни одно изъ нихъ не было столь рѣшительно, и не могло имѣть столь послѣдствій; потому что, хотя и прежде, — со временъ Димитрія Донскаго, Князя Россійскіе, начинали уже быць спрашными Ташарамъ; но безъ сомнѣнія, одно токмо покореніе Казани, сего гнѣзда драконова, изъ котораго по временамъ, залѣчивъ свои раны, всегда онъ могъ излешапъ на пагубу нашу; — съ се-

то только времени, говорю, Отечество получило наспоющую свою независимость и силу. — Земный творецъ - Спихотворецъ — не можетъ дѣйствовать такъ, какъ Творецъ Верховный. — Сей единымъ взоромъ своимъ обнимаетъ вселенную, — прошедшее, наспоющее и будущее; — и единымъ словомъ изъ *ничего* творитъ мiры новые, — Геній земной напрошивъ того, связанъ въ своихъ силахъ и въ кругу своего дѣйствiя; онъ не можетъ произвести ничего новаго, и что производитъ, то должно быть только такое, что могли бы понять и чувствовать существа, подобно ему ограниченныя, слабыя: — онъ опъ цѣлой неизмѣримой массы творенiя опламываетъ одинъ кусокъ такой величины, чтобы люди съ перваго взгляду познали, что онъ значить, и послѣ образуепъ его по своимъ видамъ и цѣли. Такимъ-то образомъ въ Поэмѣ, носящей на себѣ знаменiе славнаго имени Росскаго, — въ *Россiадѣ* — всѣ усилiя сыновъ Отечества, на его избавленiе подъявша, всѣ несчастiя, ими пре-

шerpѣнныя, всѣ опличныя доблести, въ
 продолженіи вѣковъ — тамъ и здѣсь — бли-
 сставшія, соединены подъ одною важ-
 нѣйшею почкою зрѣнія, на которой вся-
 кой легко поставишь себя можешь, и съ
 которой онъ вдругъ однимъ взглядомъ обни-
 маешь прошедшее, настоящее и будущее:
 Россію въ униженіи, въ битвахъ, въ
 блескѣ немерцающей славы. — Сія поч-
 ка, избранная Поэтомъ есть *покореніе*
Казани. Вотъ дѣйствіе Эпическое, цѣ-
 лое, имѣющее начало, средину и конецъ.
 Походомъ на Казань началась Поэма; взя-
 тіемъ Казани она окончилась. — Главное
 Августѣйшее лицо, въ ней являющееся —
 Государь *Іоаннъ*; но важность и труд-
 ность предпріятія требовала необходи-
 мо Помощниковъ, мужей храбрыхъ, муд-
 рыхъ, испытанной вѣрности и любви къ
 Отечеству, ратующихъ съ достойными
 себѣ соперниками, *Ахиллесовъ* съ *Гекто-*
рами, *Энеевъ* съ *Турнами*; — и съ этой
 стороны Поэма Хераскова, какъ увидимъ
 въ послѣдствіи, довольно себя оправды-
 ваетъ, и можешь назваться Героичес-

кою. — Всѣ усилія Героевъ, управляемые великимъ духомъ Іоанна, не могли бытъ успѣшны безъ особеннаго покровительсва Божія, ознаменованнаго на своемъ Любимцѣ: онъ побѣждаетъ не токмо людей, но стихіи, волхвованія, и даже духовъ подземныхъ. Въ Поэмѣ дѣйствуютъ небо, земля и адъ: и такъ заключаешъ она въ себѣ чудесное. — Многія махины, союзы, обыкновенно случающіеся, когда дѣло идетъ о судьбѣ двухъ Царствъ, безчисленныя обстоятельсва, необходимо сопровождающія важные походы, великіе подвиги, время, земли на споль обширномъ пространствѣ, наконецъ виды самаго Пѣснопѣвца: все должно произвести въ Поэмѣ — *Эпизоды*, или такія постороннія происшествія, которыя, относясь къ одному цѣлому, какъ препяшствующія, или споспѣшествующія ходу его событія, всегда составляютъ непременныя его часши, единымъ духомъ оживленныя. — Отъ сего искусства расположенія Поэмы зависитъ главное, первое достоинство ея — *единство*, обыкновенно

представляемое въ первыхъ, весьма крап-
кихъ сѣнахъ шворенія, какъ предло-
женіе, или его содержаніе. — Прочтемъ
начало Россіяды:

*Пою оль варваровъ Россію свободенну,
Полранну власть Таларь, и гордость
униженну,
Движенъе ралное, лруды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.*

Чѣмъ проспѣе, чѣмъ опредѣленнѣе сіе
изложеніе, шѣмъ оно болѣе цѣны имѣешъ.
Эпо общее признаніе благоразумныхъ
Крѣпиковъ.

Гомеръ пакъ начинаешъ свою Иліаду:

*Μῆνιν ἄειδε, θεά, πηληϊάδεω Ἀχιλῆος
Ὀδυσμένῃν, ἧ μύρι' Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε·
Ποδαῖς δὲ ἰφθίμης ψυχᾶς αἰὶδὶ προΐχψεν
Ἠρώων.* . . . . .

Повѣдай, богиня, гибельный гнѣвъ Ахилле-
са, сына Пелеега, приключившій безчи-
сленное множество золъ Грекамъ, и нис-
пославшій во адъ многія великія души
Героевъ.

Также свою Одиссею:

Муза! повѣдай лиѣ о Героѣ, кото-
рый, послѣ разрушенія стѣнъ Троянскихъ,
позналъ нравы многихъ народовъ и гра-
довъ.

Вошъ все сказано, ни болѣе, ни менѣе,
сколько въ Поэмѣ, и припомъ, съ какою
скромностію! —

*Non fumum ex fulgore; sed ex fumo dare lucem,
Cogitat. . . . .*

Не дымъ изъ молніи, изъ дыму свѣтъ
рождается!

Изложеніе Энеиды Виргиліевой шебъ
извѣстно. Тассъ, великій Пѣснопѣвецъ,
почнымъ исполненіемъ принятыхъ древлѣ
правилъ, оправдалъ великіе образцы свои;
его, изложеніе только въ двухъ списахъ.

Canto l'armi pietose, e l'Capitano

Che l'gran Sepolcro liberò di Cristo.

Пою священну рапъ и паспыря полковъ,

Который свободилъ опъ плѣна Гробъ Хри-
сповъ.

И выпрeнный Клопшпокъ :

Sing, unsterbliche Seele, der sündigen Menschen Erlösung,
Die der Messias auf Erden in seiner Menschheit vollendet,
Und durch die er Adams Geschlechte die Liebe der Gottheit
Mit dem Blute des heiligen Bündes von neuem geschenkt hat.

*Воспой, бессмертная душа, падшаго во
грѣхѣ чeловѣка изкупленіе, которое со-
вершилъ на землѣ вочеловѣчившійся Мес-
сія, кровію священнаго союза возвра-
тившій паки въ объятія любви Божест-
венной поколеніе Адаме.*

Какъ хорошо обняшь и окруженъ весь
предметъ Поэмы! съ какою высокою про-
стотою извѣщаешь Пѣснопѣвецъ о сво-
емъ намѣреніи! Предоставляю тебѣ са-
мому, любезной другъ, сравнишь сіи из-
ложенія съ изложеніемъ нашего Поэта. —
Мнѣ кажется, что оно не столько про-
сто и почно. 1) слово *варвары* не опре-
дѣленно; иной подумаетъ, что это кпо-
нибудь другой, кромѣ Татаръ. — Послѣ
попранной уже власти Татаръ, уничто-
женная гордость, безнужное изобиліе для
изложенія; — главное необходимое здѣсь

должно быть одно последнее: *разрушенная Казань*. Вошь для чего Поэма начата, и чѣмъ она кончится. Подробности, излишне употребленные здѣсь Спихотворцемъ, довели его до оборота не весьма щасливаго: *Пою поправну власть Татаръ, пою гордость униженную, пою разрушенную Казань* — вмѣсто: *пою униженіе гордости, поправіе Татаръ, разрушеніе Казани*.

Descriptur fiesse recti!

Оставимъ изложеніе; не въ немъ еще самое важное достоинство! Чтобы лучше видѣть единство дѣйствія въ Поэмѣ, обратимся опять къ нашему сокращенію, и испытаемъ, всѣ ли частныя произшествія точно опносятся къ одному цѣлому; всѣ ли связаны между собою, и направлены къ главной цѣли; всѣ ли Герой сохраняющъ точно высокой, однажды определенной характеръ; имѣетъ ли свою систему чудесное. — Но ты уже испугался отъ одного моего намѣренія. — Знаю, что я наскучилъ. — И такъ останю-

Книж. I.

Ж

вимся на время на берегу, дабы, собравъ
новыя силы, пуститься надежнѣе въ сіе
море пространное и глубокое... Прости
до слѣдующаго письма!

Мрзлкъб.

(Продолженіе впрѣдъ)

IV.

М Е Л А Н Х О Л І Я .

Волъ здѣсь, гдѣ чернѣйшій боръ шумитъ,
Густыя вѣтви пѣнь мрачную разслали,
Гдѣ воды сонныя едва ручей капитъ, —
Здѣсь Меланхолія, сестра Печали,
На локопъ опершись, сидитъ,
Въ глубоку думу погруженна. —
Тоска ея души извѣстна только ей;
Таитъ ее опъ всѣхъ, и даже опъ друзей;
Бѣжитъ свидѣтелей; — уединенна
Сокрыто слезы льетъ!
И слезы сладки ей! — какъ ландышъ росу
льетъ
И ею оживаетъ,
Такъ Меланхолія слезами грусть питаетъ.
Предметомъ лишь однимъ вся мысль ея полна;
Едино имя повпоряетъ! —
Мечтой обольщена.

Въ восторгъ назовешъ , и пусклыми очами
 Блуждаешь вокругъ , и ждешь — и щепно
 ждешь она!

То взоры томные наполняются слезами,
 И не опершись засохнуть слезы сами.
 То посреди подругъ случится воздохнуть:
 Завѣдаешь сей вздохъ одна спѣсенна грудь.
 Иль робко иногда произнесешь желанье;
 А сердце въ пошъ же мигъ: — *напрасно упо-*
ванье!.....

Напрасно! спрогой рокъ! — и упованья нѣтъ ,
 Сего послѣдняго нецѣспныхъ обольщенья,
 Сего мгновеннаго въ спраданыяхъ усыпленья!
 О, Нина! для тебя печалень, мраченъ свѣтъ.
 Денница для тебя какъ будно не всходила;
 Ты на зарѣ еще пвоихъ весеннихъ дней,
 Распалась съ счастьемъ души пвоей,
 И радости пвои всѣ въ землю положила.

Вошце въ осенню ношъ , какъ облака грядой
 Надъ *Бородинскою* пывупъ равниной,
 Креспы могильные освѣпяся луной,
 И закачаешь боръ печальною вершиной; —
 Вошце водимая сердечною поской,
 Подобна призраку , или унылой пѣни,
 Блуждаешь ты среди могиль.
 Вошце передъ креспомъ ты спавши на ку-
 льни ,
 Спеная ждешь , чпобъ спонъ пвой повториль

Изъ подъ сырой земли гласъ сладкій, незаб-
венный! —

Увы! пвой другъ почилъ глубокимъ, вѣч-
нымъ сномъ.

Колышется ковыль надъ гробовымъ холмомъ,
И нѣшь опзываетъ, нѣшь! — пвой спонъ не по-
впоренный,

Пустыннымъ вѣпромъ разнесенный,
Опдастся въ сердцѣ лишь пвоёмъ.

Воппце зовешь, воппце пы въ думѣ изчи-
сляєшь

Надежды всѣ пропекшихъ дней;

И часъ ужасный вспоминаешь,

Когда въ послѣдній, *Онъ*, душа души пвоей,

Прижавъ шебя къ груди своей,

И показавъ на Бородинско поле,

Сказалъ: не жди меня, доколѣ

Не вспануть эдѣсь холмы изъ вражескихъ
костей,

Доколѣ на Руси, на родинѣ моей,

Врага останется хопь слѣдъ не замешенной!..

Сказалъ — и панцырь закаленной

Вздымался на груди спѣсненной,

И пжжкой, пжжкой вздохъ рѣчь друга пере-
рвалъ. . . .

„И Нина за тобой! нѣтъ, нѣтъ! я не
опстану!

„Гдѣ ты падешь, я тамъ уляну!“

Нѣшь, Нина! — онъ сказалъ,

Коль любишь ты меня, — коль я того до-
споинь,
Не множь опасностей присутствіем сво-
имъ.

Одинъ иду на брань надеженъ и покоенъ,
Покоенъ о тебѣ — и я непобѣдимъ!
Но коль паду, врагомъ глубоко изъязвленный,
Ты врачеваніе на язвы мнѣ пролей:

Я, къ жизни возвращенный,
Любовію своею,

Ужасный, гибельный явлюсь передъ врагами!..

Иди ко перему, и горькими слезами,

О, Нина, милой другъ!

Не ослабляй мой духъ.

Сказаль — и трубы загремѣли!

И опъ мечей оппрыгнуль лучъ,

Какъ молнія изъ грозныхъ тучъ! — — —

У Нины чувства ошмѣли.

Въ послѣдній, Омъ вздохнуль,

На полумертвую взглянуль,

И къ небесамъ возведши руки: . . . .

„О, Боже! коль сей мигъ — мигъ вѣчныхъ раз-
луки;

„Спаси Опечесство, и Нину сохрани! . . . .

„Я дорого продамъ мои злодѣю дни!“ — —

Опомнилась — но другъ ужъ за стѣнами.

Не слышишь трубъ, и — ахъ! — не зришь

И праха, рашными взметаема спонами. —

Напрасно въ слѣдъ его свой взоръ стремишь:

Не видишь глазъ и слухъ не чувствуетъ! —
Ушихло все . . . лишь духъ тоскуетъ! . . .

Проходишь день,
И ночь разслала мрачну пѣнь ;
Вокругъ Москвы все небо запылало ;
Кроваво зарево сіяло
Надъ спаномъ опъ огней ,
И сонъ не досягалъ до Нининыхъ очей ;
И въ перемѣ своемъ, какъ призракъ блѣдный,
бродишь ;
Тупь грустно! — шупъ шоска! — и мѣсна
не находишь.

Пошла погоревать на каменно крыльцо.
И слезы каплютъ на кольцо. —
Но глядь, — и сердце сжалось! —
Кольцо вѣнчально распаялось,
И песь любимый друга взылъ,
Хладъ душу обложилъ . . . .
„О, милой другъ! она взываетъ
„Иль все въ природѣ предвѣщаетъ,
„Что мнѣ тебя ужь не выдашь,
„И сиротою жизнь унылу корошатъ!“

Ты, сердце, угадало
Нещастіе свое!
Любезнаго не спало;
Онъ вспрѣшилъ грудію копье.

Ивановъ.

КЪ НАДМЕННОМУ БОГАЧУ.

(Вольной переводъ Оды Горация).

Ни рѣзбою, ни златомъ
 Не блещеть сводъ простой
 Въ жилищѣ небогатомъ,
 Гдѣ я обрѣлъ покой;
 Ни мраморы Гиметта
 Не бременяшъ столбовъ,
 Изсѣченныхъ край — свѣща
 На диво хипрецовъ;
 Я Танталу роднею
 Себя не причипаль;
 Безвѣспностью своею
 Дворцовъ не посрамляль;
 Клиентовъ знашныхъ дщери, —
 Лаконской чудной прудъ —
 Мнѣ пурпуръ не несуть;
 Моей не знаютъ двери. —
 Мнѣ правда — честь и щипъ;
 Любимъ я Аполлономъ, —
 И къ бѣдному съ поклономъ
 Ко мнѣ богачъ спѣшишь!
 О чемъ скупаешь мнѣ болѣ
 Модницами Богомъ?
 Въ Сабинскомъ маломъ полѣ,
 Блаженъ, богачъ, — я самъ,

При другѣ многосильномъ,
 Въ щедротахъ мнѣ обильномъ,
 Спыжусь о чемъ-нибудь,
 И даже намѣкнушь! . . . . .

Смотри . . . . съ лица земли уныла
 День днемъ спирается другимъ!
 Сей мигъ насъ радость осѣнила:
 Чрезъ мигъ — коспра могильна дымъ!
 Теперь Форсуну ловимъ злую,
 Чпобъ завтра же о ней пужишь! —
 А ты . . . . и землю гробовую,
 Слѣпой, хлопчешь набупишь
 Богащствомъ мраморовъ привозныхъ;
 Забывъ могилу, спрошишь домъ! —
 И море, въ преволченьяхъ грозныхъ,
 Ты хочешь опягчить ярмомъ,
 И даль прешь его берегами,
 Несыпный суцей, островами! . . . . .
 Но такъ и бышь! . . . скажи, какъ смѣль,
 Проспершь ты ногу дерзновенну
 Полой сосѣда въ грань священну —
 Кліента своего въ предѣль,
 На хлѣбъ его насущный жадный? . . . . .
 Влекусь изгнанны побой
 Супругъ, супруга безопрады
 Во степь изъ хижины родной;
 Боговъ опеческихъ изнесаишь.

И врещищемъ повишыхъ чадъ,
 Которы плачемъ пищи просятъ! . . . .
 Но домъ, швой домъ надежной — адъ! —
 Корысть ли — бѣдныхъ пепелище! —
 Вельможѣ алчному не здѣсь —
 Нѣтъ — Оркуса насыпа весь —
 Опредѣленное жилище.

• Куда паришь въ своихъ мечтахъ?
 Земля, копорой всё мы пища,
 Разверзется равно для нища,
 И для блестящаго въ вѣнцахъ!
 Паупона *Вѣстовой* (*) на злопо
 Желательныхъ не клонить глазъ;
 Ахъ, опъ него — и умъ крылатой
 Тебя, Япеповъ сынъ, не спасъ!
 Онъ гордоспъ Танпала високу,
 Онъ оковаль Танпаловъ родъ!
 Гроза надменному пороку,
 Награда правыхъ и сиропъ, —
 Сняшь съ бѣднаго тяжело бремя
 Трудовъ, напаспей и скорбей,
 Незванный, званный въ благо время
 Другъ — ушѣщитель — у дверей.

Мрзлкъб.

(*) *Смерть.*

VI.

Б А С Н Ъ .

Д в ѣ с о б а к и .

Собака на лѣсу собаку повспрѣчала ;
 А! жучька! — да поспой! — Чпо щакъ спе-
 сива спала!

Пойдемъ, по старинѣ глосать ко мнѣ коспей...
 Нѣтъ, шавка! недосугъ; — мапъ душенькѣ моей!
 Не до обѣдовъ мнѣ; — хлопотъ не оберешься...
 „Да, безъ ѣды съ шрудовъ вѣдь скоро на-
 дорвешся! —

И чпо за хлопоты?“ — Охъ, чпо ужъ гово-
 рить! . . . .

Солому собрался хозяинъ нашъ возить —
 „Такъ чпожъ? — вѣдь не въ шебѣ шупъ сила ;
 Чай, бурка безъ шебя однабъ перевозила.“ —
 А бѣгапъ-шо кому, — а на кусны брехапъ?
 Нѣтъ, мнѣ не до коспей — прости — вѣдь
 спанупъ ждапъ,

Не рѣдко мы видали сами

Не жучекъ, а людей,

Людей засыпанныхъ чеспями;

Миниспръ въ шрудахъ; они — лишь въ две-
 ри изъ дверей,

А все кричапъ: — ужъ намъ не до коспей!

Ивановъ.

VII.

Къ Л. В. С...ой.

(при полученіи отъ нее пера.)

Ельвина! — я не суевѣрь! — и коврикъ-
самолѣпъ,

И невидимка - шапка,

И нипка - пушеводъ,

И шуфель — скороходъ,

И въ ступъ съ помеломъ Ягая-спара-Бабка,

И всѣхъ чудесныхъ бредней пѣма: —

Не что для моего ученаго ума,

Какъ просто: сказка,

Игривыхъ вечеровъ спрахъ, радость и при-
баска;

Такъ думаль прежде, а шеперь, —

Повѣришь ли?... повѣрь,

Я измѣнился весь; — поминь меня
сомнѣнье,

И все, какъ ключъ ко дну, ушло мое ученье! —

И опъ кого же чудо? — опъ пера,

Копорымъ пы вчера

Меня на горе подарила!! —

Въ ужасномъ семь перѣ волшебна скрыпа сила.

Не знаю, вырвано, бытъ можешъ, изъ крыла —

Оно чудесной *Жара-птицы*;

Или, шебъ его Сильфида принесла

Изъ Обероновой столицы;

Иль, можешъ бышь, Амуръ, кружась вокругъ

шебя,

Изволилъ выронить къ своимъ ногамъ въ
задапокъ,

Что скоро, упомясь опъ въпренныхъ уха-
покъ,

Совсѣмъ онъ крылушки обрѣжетъ у себл.

Или — и въ помъ не много дива —

(Ахъ, женщина всегда хитра и молча-
лива! —)

Быть можеть . . . . ты — волшебница сама,
Меня лишившая ума! —

Скажи, не пы-ль сей палисманъ чинила?

Не пы ли чувсва имъ свои живошворила,

Когда съ подругою въ Альбомъ говорила? —

Собранье прелестей, помипельныхъ заразь!

Не прикасалась ли къ нему, скажи, холъ разъ? —

Не обращался ли къ нему швой сладкой гласъ? —

Не палъ ли на исто швой взоръ, швое дыханье,

Иль слезка, — Ангельской чувсвишельности
даръ,

Иль взоръ, исполненный не избѣжимыхъ чаръ?

Довольно! — почно шакъ! — вопъ въ чемъ
очарованье! —

Теперь я знаю жребій свой!

Послушай, какъ перо шунило надо мной:

Лишь подько взялъ его . . . . мгнобенно

Какой-то огонь прошекъ во мнѣ неизрѣченной!

И вдругъ, я весь — живѣе какъ-то спалъ,

И все вокругъ меня видъ новый воспріяло;

Все было мнѣ милѣй, все радостью сіяло; —

Я самъ себя не постигаю.

Но мало этого . . . непоспима сила ! . . .

О дерзкое перо! — какъ смѣшь мнѣ измѣнять?

Какъ можно шаинства чужія объявлять?

Представь! — моя рука имъ болѣ не водила;

Оно моею рукой, —

Но что я говорю? рукою вмѣстѣ и — душой

Водило . . . . .

И прошивъ воли! — Ахъ! — проспимъ мнѣ, — на-

чертило,

„Что ны одна мнѣ все, — что свѣшь мнѣ безъ

тебя

Пустыня, или могила;

Что Богомъ отдана тебѣ моя судьба

И сердцемъ навсегда! “. . . . о чаръ всемош-

на сила ! . . . .

Мрзкѣ.

VIII.

Къ Надеждѣ.

Богиня сладостныхъ отрадъ и ушѣшеня,
 Чарующая язвы бѣдъ,
 Прими, благая, гласъ усердный пѣснопѣня!
 Прими души моей обѣщъ!

*

Подъ грозной бурей, несомый преволненьемъ,
 Я въ безднѣ водной погибаль;
 Средь пысячи смертей, грозящихъ разру-
 шеньемъ,
 Къ тебѣ, къ тебѣ одной взываль! —

*

И гласъ мой вняшенъ былъ! пивой свѣпмый
 лучъ опрадный
 Миѣ пупъ ужасный озарилъ —
 Я къ берегу приспаль, и въ сердца благодарный
 Тебѣ слезу я посвящилъ.

*

Урокомъ времени и бѣдспвй наученный,
 Молю теперь: да въ мирной часъ
 Подъ кровомъ пишины, съ побой не раз-
 лученный,
 Услышу смерти кропкй гласъ!...

Волковъ.

IX.

НАДГРОВНЫЯ.

Подъячму.

Прохожій! опойди, надгробной не читай;
 А по изъ подъ земли подъячій вскрикнешь:
 дай! —

*Ис.**Музыканту.*

Здѣсь плоть Аншипова по смерти пре-
 бываешь;
 Но въ адѣ духъ его днесъ должность оп-
 правляешь:
 Для муки грѣшниковъ на-скрыпкѣ пѣшь
 играетъ! —

А. Нахимовъ.

X.

Надпись къ портрету добраго Поэта.

Онъ участъ горькую несчастныхъ облегчалъ,
Прочтя его стихи, спрадалецъ засыпалъ.

Ив.

XI.

Э П И Г Р А М М А.

Кричишь во снѣ жена: ага!
Поймала я барана за рога!
Опомнись, — Богъ съ тобою!
Мужъ опивчается ей.
Ты сонная рукою
Меня схватила за шупей!

А. Нахимова.

Письмо къ Издателью.

Любезный другъ!

Я живо представляю себѣ удивленіе твое, когда, получа письмо сіе, адресованное на имя Издателя *Алифона*, увидишь ты въ концѣ подпись твоего *N. N.* . . . Это конечно должно удивить тебя. Читай далѣе, и намѣреніе мое само собою объяснится.

Странныя, почти невозможныя произшествія такъ чудно на меня подѣйствовали, что вмѣсто того, чтобы затерзаться поскою: — я теперь . . . смѣюсь! Но чего же споймъ мнѣ смѣхъ мой! что долженъ былъ я перенести! . . . О, сколько предпочель бы я слезы — горькія слезы этому смѣху! . . . Но и онѣ не производящъ ни малѣйшаго облегченія въ сердцѣ моемъ; и послѣ нихъ судорожная улыбка являе:ся на устахъ моихъ. — Ахъ! мнѣ тяжело, очень тяжело! Вспупленіе это можетъ потревожить тебя на щепъ

Книж. I.

Э

моего разсудка. — Успокойся — къ нещасію, я еще не сумасшедшій; а, признаюсь тебѣ, близко къ тому былъ. — Смѣшно, мой другъ! естѣ люди, копорые меня же обвиняють въ моемъ злополучіи! — Прошу тебѣ, — напечатай письмо мое въ швое издание: оно можетъ быть вдвойнѣ полезно. — Пусть иные посмѣются на щепъ моей сентиментальности, а у другихъ пусть сердце обольется кровію, увидя, до чего можетъ довести воспитаніе, съ копорымъ, какъ съ кормилицынымъ молокомъ, всасывается поклоненіе Французамъ (*).

Ты помнишь, какъ мы распались съ шобою — я поѣхалъ въ мою деревню; — тамъ всѣ бѣды меня ожидали. —

(*) Казалось бы, что послѣ недавнихъ происшествій поклоненіе сіе должно исчезнуть. Иные думаютъ, что ему надлежало даже обратиться въ вѣчную народную ненависть; — это правда. Но, къ сожаленію, тебѣ же *мадэмы* и тебѣ же *гвернеры* опять приняты учителями въ тебѣ самые дома, копорые были разграблены руками сихъ учителей!

Прим. Сов.

Я принялъ послѣдній вздохъ отца моего; онъ проснулся, и раны, пріяшья за Опечесство, открылись и отворили ему гробъ. Я оплакалъ добраго Родителя, почтеннаго воина, любезнаго сосѣда, обожаемаго Господина и истиннаго сына Опечесства. Но поелику я остался наследникомъ нѣсколькихъ сотъ душъ, то можешь себѣ представить, сколько явилось утѣшителей, хотя утѣшенія ихъ ни мало не были мнѣ полезны. Наконецъ горестъ успушила времени и необходимоши приняхся за распоряженіе дѣлами. —

Прошло срочное время траура, и надлежало заплашить визиты, кошорыми осыпали меня сосѣди и не сосѣди, знакомые и незнакомые (то есть, мнѣ незнакомые; — можешь бышь, покойной съ ними встрѣчался). — Дорого, братъ, заплашила я за визиты этихъ пріяшелей: — я заплашила моимъ щаспиемъ! —

Въ одномъ семействѣ сихъ назойливыхъ доброжелателей встрѣшила я Антона, — не согнанаго съ неба (какъ послѣ

горькой опытъ доказаль мнѣ); она оборотилась меня. Ахъ! все въ ней было очарованіе, — и я обезумѣлъ; но нѣсколько повторенныхъ скоро одинъ за другимъ посвѣщеній, явное и щцательное исканіе случаетъ говорить, и бышь неразлучно съ Софіею, бросились въ глаза родспвенниковъ, и — я женихъ. О, безцѣнные минушг! нѣшъ, вопреки всѣмъ моимъ усиліямъ и философскимъ умспвованіямъ, я не могу, вспоминая васъ, не плакать! — плачу — и шеперь еще, какъ ребенокъ, плачу. — О! какъ былъ я щаспливъ! все, чемъ невинность, вдругъ объятая пламенемъ любви, можешь спрасшное ею сердце увлекать опъ радости къ радости, опъ восхищенія къ восхищенію.... при мѣсяца упивался я всѣми сими сердечными, неспзяснимыми наслажденіями! Приближалось время нашего союза; — но враги вторгнулись въ Россію; ГОСУДАРЬ воззвалъ къ сынамъ Своимъ: — я Руской Дворянинъ! что могло оспановишь меня? — Бракъ опложенъ, я спалъ подъ знамена, въ рядахъ сыновъ, избранныхъ Опечеснгомъ на

своею защипу. Не буду лебѣ описывать разспаванія нашего; невѣсну мою извлекли изъ объятій моихъ въ обморокъ — я не лишился чувствъ, итъшь! — живо помню, и сохранию въ душѣ до послѣдняго дыханія послѣднія минушы счастья моего — иочно счастья! ахъ, тогда я былъ еще любимъ!... Воптъ еще слеза — скорѣй, скорѣй оптъ сихъ напоминаній — но эшо послѣдняя.

Я въ походѣ, я подѣ Бородинылъ; видѣлъ адъ, зіяющій на пограніе Россіи; не берусь ничего описывать. Мы подѣ Тарутинынъ. Однажды бывъ командированъ для поисковъ надѣ мародерами проевѣщенныхъ людодовъ, наѣхалъ я на стаю сихъ гарцій. Они упившись, какъ скоты, или просто, какъ Французы, злодѣйствоввали покмо изъ удовольствія злодѣйствовать; но лишъ показались наши пики; они заревѣли: *les cosaques!* и вся эша оспервецелая челядь бросилась искашь кѣ оружія, но спасенія. Къ намъ присоединились крестьяне; половина изверговъ

добыта, другая переловлена. Начальствующій ими между шѣмъ, какъ прочіе свирѣпствовали, забрался въ оставленной крепостьянами домъ и, отбивъ замокъ у сундука, шаскалъ изъ него рубашки и другія тряпицы. Собравшіеся хозяева заспали его въ семь упражненіи, доспойномъ воина Наполеонова, и припачили ко мнѣ за волосы и за превеликіе бакенбарды. Французъ бросился предо мною на колѣни (ибо при удачѣ нѣтъ гордѣе, нѣтъ жесточе, а при неудачѣ нѣтъ подлѣе и униженнѣе швари воина Бонапартова), и со слезами молилъ о жизни; я велѣлъ взять у него саблю, а о жизни его и не подумалъ. Но еслибъ я могъ предчувствовать, — не знаю, чшобъ сдѣлалъ я. — О, судьбы неисповѣдимыя! чшо человекъ послѣ этого? — Но далѣе; — плѣнные приведены въ главную квартиру, и исчезли у меня изъ вида и изъ мыслей!

Много прошекло времени, много я видѣлъ славнаго, великаго, чудеснаго! Наконецъ пали сшѣны новаго Вавилона, и я

лечу въ любезное, безцѣнное Отечество: вижу вездѣ слѣды звѣрства ничтожныхъ варваровъ и непоприсяемаго величія Россіянъ. Приближаюсь къ городу, въ кошоромъ заключалось жилище всѣхъ радостей моихъ; сердце сильно бьется въ груди, украшенной знаками опличія. Прости мнѣ, другъ мой, что я вспоминалъ объ нихъ; признаюсь, я пламенно искалъ ихъ; — для чего? — и для кого? — Но мнѣ казалось, что каждая рана, полученная мною за Отечество есть новая жертва опъ меня Софіи; каждой знакъ заслуги украсишь меня болѣе въ глазахъ ея. — Золотыя мечты! не о собственной пролипой крови, не о пошерянной рукѣ, въ жертву вамъ опданной, сожалѣю я, — сожалѣю, оплакиваю вѣчную съ вами разлуку. Ахъ! я уже и мечтать болѣе не могу.

Я приближаюсь къ дому возлюбленной, и думаю, что невѣста моя, все семейство, предувѣдомленное о возвращеніи моемъ, ожидаютъ меня на крыльцѣ; во-

ображаю, какъ завидя пылъ опъ коляски моей, она вскрикиваетъ: ѳдишь! ѳдишь! — вижу горячіе надеждою и нешерпѣніемъ взоры Софіи. Но вотъ солнце садится, заря попухаетъ, спановишься холодно: — Софія можетъ простудиться, я содрагаюсь и кричу кучеру; пошодъ! — влепаю на дворъ — все спокойно и на крыльцѣ никого; я думаю. . . они, увидѣвъ коляску на дворѣ, всѣ бросились вспрѣпичь, но я предупреду — лечу въ грихожую. Безмольная шишина. Не удивленіе, но неизъяснимое какое-то чувство овладѣло мною, и вдругъ мысль: она больна — она, о Боже! — она умерла съ шоски! — Какая-то сверхъестественная сила повлекла меня быстро чрезъ грихожую, чрезъ залъ, чрезъ госпиную — я вхожу въ диванную; спрашиваю: кто взошелъ? Боже мой! это голосъ мапери ея! я скорыми шагами подхожу, называю ее именемъ, спрашиваю, гдѣ Софія? жива ли она? здорова ли? — и проспираю мои объятія. Вдругъ раздадось: ахъ! . . . и объятія мои шщешно проспирались: ничто не спѣшишь въ нихъ;

я блуждаю взорами вокругъ комнаты. Луна, какъ нарочно, слабо освѣщала лучами своими сію пещеру измѣны и моего злополучія. Всѣ предметы были смѣшаны. Но я слышалъ окрестъ себя шорохъ, кошорой замораживалъ сердце мое; я думалъ — я ничего не думалъ; — попомучто всѣ способности мои уничтожились опъ какого-то недоумѣнія, опъ какого-то ужаса, овладѣвшаго мною, и сердце мое едва, едва билось. Не знаю, долгодли безмолвная сцена сія продолжалась; вносящъ свѣчи, и я вижу споящихъ предъ собою мать и дочь; — на диванѣ въ углу, весьма небрежно сидящаго пльннаго Француза; — у окна — на креслахъ (откуда вспорхнула моя нареченная), споль же неучливаго другаго усача и шой же орды; — но я увидѣлъ Софію — я все забылъ, и со всею довѣренностію спрашной любви заключилъ ее въ объятія мои. — Вдругъ сидящій на креслахъ Французъ вскочилъ и, подошедъ ко мнѣ, громко сказалъ: развѣ вы брашь ея? Я долго сморрѣлъ на него, — наконецъ сказалъ: я женихъ

«! Но какъ вы смѣете меня о помѣ спрашивать? — Господинъ Офицеръ! воскликнулъ онъ .... Голосъ мнѣ показался незнакомымъ; я схватилъ свѣчу и, посмопрѣвъ приспально ему въ лицо — вскричалъ: несчастный! и ты смѣешь грозить мнѣ, мнѣ, которой изъ одного презрѣнiя оставилъ себя пресмыкающаго на сей землѣ!... Французъ узналъ меня (ибо это былъ шопъ, котораго около Тарушина приплатили ко мнѣ за бакенбарды) „А! это вы, государь мой! вы спасли мнѣ жизнь. Я благодаренъ! — вы имѣете право на мои услуги, но обнимать мою невѣсту“! .... Твою невѣсту! вскричалъ я изумленный, и обратился къ мапери. Сударыня! Бога ради, скажите мнѣ, Французъ этошъ безумной, или. . . и всѣ члены мои препенали. Успокойтесь, сядьте, опшвѣчала мнѣ холодно мапъ; вы завпре все узнаете: пенерь познакомьшесь съ Графомъ В. и съ Маркизомъ Z. Они иностранцы; они были несчастливы, и имѣють все право на вѣжливостъ вашу. Не завпре, сударыня по сей часъ, ою минушу скажите мнѣ,

что все это значишь? — „Ахъ, Боже мой! кровь ваша отъ дороги въ великомъ движеніи; вы вѣ себя.“ . . . . И хопѣла выдти. Я взялъ ее за руку, — поспойте, сударыня. Она обратилась къ Французамъ: — господа, спасите меня! — Сидѣвшій на диванѣ Французъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Гнѣ. Офицеръ! оставьте руку Гжи. -- Д. сей часъ, или я заспаваю васъ раскаявшись! Я, вмѣсто отвѣта, вынулъ изъ кармана дорожной мой пистолетъ, и поставилъ ему въ въ глаза. Парижанинъ, увидя это, прыгнулъ назадъ, сказавъ: *pardon, Générale*. Я, посадивъ хозяйку на кресла, опять началъ говорить: прошу васъ, заклинаю щастіемъ вашей дочери, ежели оно еще вамъ дорого, объявите мнѣ, что значили слова этого Француза! . . . . Она мнѣ съ насмѣшкою: развѣ вы разучились по Французски? — онъ вамъ сказалъ очень ясно. Едва устоялъ я на ногахъ. — Желалъ бы, но не могу выразить тогдашнихъ чувствъ моихъ. Любовь, ескорбленіе, стыдъ опьяли у меня языкъ; по нѣкоторое молчаніемъ сказалъ я сквозь слезы:

объ одномъ тебѣ вась прошу, сударыня!
 позволше, чшобъ Софія подшвердила
 мое нещасіе и ваше посрамленіе. „Она
 не здорова.“ „Я не выду ошсюда безъ
 того, — я умру здѣсь.“ Вдругъ отворилась
 дверь, и Софія блѣдная вышла, и сказала
 мнѣ прерывающимся голосомъ: я думала,
 сударь, чшо могу быть съ вами щаспли-
 ва; но *Monsieur le Marquis* разрушилъ
 мое очарованіе, и я буду принадлежать
 ему, или никому. Простите! Дверь хлоп-
 нула; казалось, земля разтупилась меж-
 ду нами. — Софія! вкричалъ я, и не
 знаю, какъ вышелъ, какъ сѣлъ въ коляску,
 и опомнился уже на половинѣ дороги (мнѣ
 сказали, чшо я велѣлъ себѣ везти въ мою
 деревню). Тутъ мнѣ предспавилось все,
 со мною происшедшее; слезы хлынули изъ
 глазъ моихъ; сердце ныло ужаснѣйшимъ
 образомъ. Жестокіе! думалъ я, онѣ да-
 же не видящъ и собспеннаго безчестія
 въ ужасномъ бракѣ семъ! Какъ, Софія!
 благородная Руская дѣвушка оидаеть ру-
 ку свою пойманному Французскому раз-
 бойнику! она забудеть, чшо кровь се-

гражданъ ея, — можешь бышь, кровь ея
родственниковъ запеклась, и еще видна
на одеждѣ его; что рука, кошорая долж-
на приняшь руку ея у алшаря, недавно
еще обдирала алшари сіи, обдирала окла-
ды съ ликовъ Угодниковъ Вожіихъ; что
успа, кошорыя обѣщающъ ей вѣчное
щасіе, изрыгали хулу и проклятіе име-
ни Рускому, и насмѣхались надъ шѣмъ
Богомъ, Кошорой долженъ благословишь
ихъ кляшвы! Она забыла все — а я!
о, безумецъ! какъ я любилъ ее! . . . . Въ
сихъ горесныхъ размышленіяхъ, я до-
ѣхалъ до деревни моей. Уже была глубо-
кая ночь; — какая ужасная ночь! — Къ
скорби душевной присоединились скорби
шѣлесныя; раны мои открылись, и го-
рячка лилась по всѣмъ жиламъ моимъ.
Черезъ девять дней я пришелъ въ памяшь,
и первое слово было: Софія! — Бо-
лѣзненный одръ окружали слуги мои;
старой доброй Пешръ стоялъ у изго-
ловья на колѣнахъ, и цѣловалъ слабую
руку мою, обливая ее слезами; Архиповъ,
уншеръ - офицеръ моего полка, пріѣхавшій

со мною, и спасшій мнѣ подъ Лейпцигомъ жизнь, сидѣлъ у меня въ ногахъ, блѣдень, и крупныя слезы капали на усы его; старая нянька моя молилась на колѣнахъ предъ Образомъ, которымъ благословили покойную мамъ мою при зговорѣ, и которой былъ со мною въ походѣ; лѣкаръ быспро смотрѣлъ мнѣ въ глаза и, назвавъ меня именемъ, сказалъ мнѣ: ободрипесь, ободрицесь; ежели вы будете предаваться непомѣрной горести вашей, то я принужденъ буду опъ васъ опказаться; — я васъ не хочу обманыванъ: — жизнь ваша въ опасности. Пепръ мой зарыдалъ: „На кого ты насъ, опецъ нашъ, хочешь покинуть?“ Архиповъ вспалъ, и взхлипывая: — ваше Высокоблагородіе! для Бога, Которой сохранилъ васъ подъ Лейпцигомъ, ободрипесь; ей же хуже, коли она опказалась опъ щаспія; а васъ, за ваше доброе сердце, Богъ не оставипъ. . . . Какъ прохладительная роса, слова добраго служиваго разлились по жиламъ моимъ, и оживили

взсохшее горестію сердце. Наконецъ я сдѣлался послушенъ Лѣкарю; попеченія усердныхъ домохадцевъ моихъ были неизъяснимы. Гдѣ взоры мои, шамъ души ихъ, и я мало по малу выздоровѣлъ плѣсно!

Но во время болѣзни моей, вопреки предсавленіямъ и увѣщаніямъ родныхъ и знакомыхъ, вопреки ругашельсшвамъ цѣлой Губерніи, бракъ совершенъ, и зажи-гашель Москвы сдѣлался супругомъ дочери Россійскаго Дворянина.

Но да воспрепещушь, подобныя Со-фіи, и ея мапері! О! какъ скоро, о! какъ жестоко опомшило имъ Провидѣніе за мои слезы! —

N. N.

(Продолженіе впрѣдъ)

XIII.

ЧУВСТВА ПРИ ОТКРЫТИИ ДОМА МОСКОВСКАГО
БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.

12 Декабря Московское Дворянство праздновало, высокошоржественный день Рожденія Благословеннаго ОТЦА своего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и вмѣстѣ открытіе дома Собранія, обновленнаго Высочайшими щедротами, и усерднымъ споспѣшествованіемъ Членовъ. -- Несправедливые, завистливые *Иноземцы!* почто не были вы свидѣтелями шоржества сего, совершаемаго на шомъ мѣстѣ, гдѣ за два года хищническіе руки попрясали пламенниками, подобно неисповымъ Фуріямъ, и разливали повсюду пожаръ и опустошеніе; гдѣ усна варваровъ изрыгали ужасные вопли дикой радости, видя низвергающіеся во прахъ памятники искусствва, благодарности и благоговѣнія подданныхъ къ великимъ добродѣтелямъ великихъ Монарховъ своихъ; — Почто не были вы, говорю, мѣнеръ при шоржествѣ семъ? —

Души и сердца ваши поразило бы удивле-
 ніе! — Изъ дымныхъ развалинь, какъ Фе-
 никсъ изъ пепла, вдругъ возродился маню-
 веніемъ *Благословеннаго* Домъ *Благород-*
наго Собранія! — Та же величествен-
 ная, украшенная благородною, гро-
 сшою Архитекпурою; зала, освященная
 еще съ большею роскошью! Гремятъ
 мусикійскія орудія, и хоры, сочешаваясь
 съ ними, повпоряютъ Высочайшее Имя,
 сполько любезное Рускимъ, Европѣ, цѣлому
 человѣчеству. — Тѣ же Лица, кои встрѣ-
 чались въ семъ храмѣ веселій прежде до
 наводненія враждебнаго, и теперъ встрѣ-
 чаюся, и съ пою же улыбкою, и съ
 пѣмъ же привѣтспвіемъ! — Иногда, и
 часпо, съ какимъ-то неизьяснимъ
 чувствомъ увидишь молодаго человѣка,
 кошорой за два до сего года являлся, укра-
 шенный свѣжимъ цвѣшомъ юности; — и
 едва мягкой пухъ опушалъ ланипы его; —
 теперъ увидишь сего Юношу, носящаго
 на челѣ свяшыя рубцы, пріяшыя во свя-
 шой брани, а на груди знаки побѣды! —
 О! какъ улыбаешся ему, Красоша! — Да
 Книж. I. И

сопровождаетъ тебя улыбка сія до сѣдинь, и опшь сѣдинь до дверей гроба, достойный соповарищъ новыхъ Крестноносцевъ! давно ли взоръ мой любовался побою на семъ самомъ мѣстѣ, когда пы, подобно Эропу, порхалъ по лаковымъ поламъ съ юною, прелестною, какъ Майское утро, Нимфою! — Теперь вижу въ тебѣ защитника Опечесства, рапника великой, могущесственной Россіи, подвизавшагося пропиву цѣлаго ада за свободу, за спокойствіе человѣчесства; — и загорѣлыя подъ шапромъ небеснымъ ланины швои, и воинственное движеніе очесъ исполняющъ взирающую на тебя Красу не ужасомъ, но надеждою, но сладкою увѣренностію въ другой пріятнѣйшей побѣдѣ. — Бѣлая рука ея, теперъ, въ общей радости, въ общемъ хороводѣ подерживаешься швоею рукою.... О шастливецъ! знаешь ли пы сію руку? — Въ то время, какъ спавиль пы грудь свою щипомъ Россіи, она, движимая благошвореніемъ, сосшраданіемъ и любовью къ Опечесству, расшускала шкани льняныя,

и посылала ихъ въ спань Героевъ на врачеваніе язвъ! — Можеть бышь, одна прядь разпущенной ею шкани потушила язь, разжигающій и швою рану! . . . А сіи доблестные Мужи, кои шакже за два до сего года казались уклонившимися на всегда опъ пуши рапнаго, дабы врачевашь недуги, пріяшыя въ шолкиихъ славныхъ для Россіи браняхъ, и посвятившъ ошпакки дней своихъ на образованіе юныхъ Героевъ въ сынахъ, и достойныхъ машерей Героямъ во дщеряхъ своихъ, — а сіи испытанные герои, — развъ по первому мановенію Россіи, — развъ не поднимались со гнѣздъ машпшые орлы сіи? . . . Врагъ узналъ ихъ по пущеннымъ ими перунамъ! — Ты имѣлъ право, неисповый и униженный похипшпшель, ненавиѣшь и почишашь злѣйшимъ врагомъ своимъ Дворянъ Рускихъ! — И прельщенія, и угрозы швои были для нихъ ничшожны: въ душахъ ихъ вѣра, Ошечештво, и ГОСУДАРЬ. — Вошь я вижу ихъ! — вошь они, — сашовишые, крошкіе, какъ видъ небешь, послѣ укрошвшейся бури! —

И 2

Вотъ Камиллы, вотъ Эпиминнды, Цинциннаты, облеченные новою славою, возвращившіеся съ поля побѣдъ паки на села свои, къ мирнымъ своимъ занятіямъ! — Здѣсь веселятся они шеперь, посреди милыхъ семействъ своихъ, и сладостно воспоминають о продолжительной разлукѣ, доселѣ ихъ раздѣлявшей, и объ опасностяхъ, посреди которыхъ ратовали они за правое дѣло. — Они возвышаютъ блескъ торжества сего! — Опцы и дѣти, всѣ равно подвизавшіеся, наконецъ соединены въ своимъ домѣ! — Вся Россія, великое, благословенное семейство здѣсь веселился въ своемъ домѣ, предъ Священнымъ изображеніемъ ОТЦА своего благодѣтельнаго, великаго! — Сколько видовъ для размышленія! Сколько предметовъ, для сердца усладительныхъ! — — — Поклоненіе Рускому Богу, Слава Рускому Царю, честь Рускому Дворянству! — —

Ивановъ.

XIV.

ВОЗЗВАНІЕ

сѣ того свѣта.

Почтенные обитатели подлуннаго міра! Оскорбленная плѣнь взываетъ къ вамъ о справедливости. — Скажите: не уже ли плѣсна спала вселенная для удовольстворенія прихотливаго, хищнаго корыслолюбія? — Не уже ли мало ему въ жертву живыхъ людей, когда посягнуло оно на самыя обитатели мертвыхъ? — Скажите: почто ограбленъ памятникъ, покрывающій безмольной прахъ мой! Уже ли и за священными стѣнами, за высокими башнями Новодѣвичьяго монастыря — въ семь пикомъ жилищѣ усопшихъ, не возможно спасти намъ послѣдняго достоянія нашего на землѣ, единого сокровища, оставляемаго намъ земными друзьями нашими!... Увы! святошащипвенная рука Спихотворца - самозванца и къ нему прикоснулась! — *Эпитафія, вы-*

рѣзанная на мраморной колоннѣ, о которую опирается *Печаль*, изліяніе добраго сердца почтеннаго друга моего *Ф. Ф. И.*-ва, желавшаго почтить и сохранить память мою на землѣ, — сія *Эпитафія* списана и, какъ еказываютъ пришедшія недавно къ намъ опъ ваеъ пѣни, напечатана въ *Вѣспникѣ* Европы прошедшаго 1814 года въ Ноябрь мѣсяцѣ, № 22 на стран. 103, подъ заглавіемъ: *Эпитафія доброму человеку*, съ подписью: *І. Паш.* . . . Почтенные обитатели подлуннаго міра! если память объ умершихъ еснѣ другая ихъ жизнь на землѣ по кончинѣ, особенно, когда обитаетъ она въ сердцахъ и памятникъ друзей нашихъ; по судите, сколь велико преступленіе сего безчеловѣчнаго! Онъ въ другой разъ заставляешъ меня умереть, и припомъ самымъ чувствительнымъ образомъ! — И что наконецъ будетъ, если такого роду убійства сдѣлаются у васъ позволенными? Что *Эпитафія* дѣйствительно мнѣ принадлежишь, въ помъ — свидѣтельствуюсь также весьма

огорченною поступкомъ симъ щѣнью бывшаго у васъ на землѣ скульпшера Родчева. Онъ работалъ памятникъ мой, и вырѣзалъ на немъ сію надпись, сочиненную въшерѣченнымъ моимъ другомъ. И горестная шѣнь скульпшера, и я, вопіемъ изъ Царства мрачнаго во услышаніе всѣхъ, что Господинъ, приславшій сію Эпитафію для напечатанія въ Вѣспникъ, протверъ собранія свои слишкомъ далеко; — онъ думалъ, что мерщые не говорятъ. — Нѣтъ! для наказанія сего пресупленія нарушены вѣчные законы, отдѣляющее два міра: я получилъ свободу говорить съ вами; мнѣ позволено восклицать противъ похитителя: — „не стыдно ли шапаться по могиламъ, списывать украдкою Эпитафіи съ памятниковъ, и съ незаконною добычею сею пробиваться въ щолпу Спихотворцевъ!“ — Да будетъ вамъ извѣстно, обитатели подлунные, что мы, всѣ шѣни сдѣлали

между собою слѣдующій заговоръ : поль-
 ко воробѣ Тѣнь сія появишся на нашемъ
 берегу, но мы въ ту же минуту ушопимъ
 ее въ рѣкѣ *Летѣ* ! — Стихотворцы ! —
 заклинаю васъ, воздержитесь опть сего, не
 послѣдуйте дурному примѣру ! — Я помню,
 что подѣ луной у васъ всегда охотнѣе
 соблазнялись на дурное, или *даровое* ! —
 Нынче, сказываютъ приходящія къ намъ
 съ земли почтенныя и заслуживающія
 всякое вѣроятіе шѣни, что воровство
 между вами дошло до такой степени,
 что, явно выбирая, а по нашему, выкра-
 дывая изъ разныхъ Журналовъ и другихъ
 книгъ цѣлыя чужія піэсы, составляютъ
 изъ нихъ свои книги и свои Журналы,
 и давъ имъ какое-нибудь безсовѣстное
 названіе, безсовѣстно торгуютъ симъ
 чужимъ имѣніемъ, какъ благопріобрѣтен-
 нымъ. — Но знайте, что, ежели у васъ
 это хищничество не причтено еще къ не-
 стоящему воровству, и не наказывается

маровнѣ съ нимъ; по у насъ уже взяты
прошивъ еего надлежащія мѣры, и самыя
спрогія мѣры! — а именно: шакихъ кра-
дуновъ вѣдно вѣчно съчь по пальцамъ!
Просшите до свиданья! —

Оскорбленная шѣнь Е . . . .

XV.

На новый 1815 й годъ.

Часъ ударилъ во вселенной,
 Годъ минуль своей чредой,
 Надъ землею обновленной
 Сынъ врежень парилъ молодой.

На челъ вѣнецъ надежды,
 И волшебный жезлъ въ рукахъ . . . .
 Блещупъ свѣшлыя одежды,
 И улыбка на устахъ!

„Другъ Минервы, Марса, Феба,
 „Вѣспникъ мирныхъ, красныхъ дней!
 „Приди, посланникъ неба!
 „Будь опрадою людей!

„Возвѣсти судебъ намъ волю:
 „Милосердо-ль Небо къ намъ?
 „Облегчи несчастныхъ долю,
 „Положи конецъ бѣдамъ!

„Миромъ оживи народы,
 „Зависть, гордость поспыди;
 „Защипи права свободы,
 „И достойныхъ награди!“ —

* /

Сынъ времянь возрѣвъ съ эфира,
 Такъ народамъ рекъ въ отвѣтъ:
 „АЛЕКСАНДРЪ съ оливою міра
 „Вамъ спокойствіе даетъ!“ —

Г. Сокольскій.

Конецъ I ѱ книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

64568

~~~~~  
Ф Е В Р А Л Ъ.



---

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Печатать дозволяется съ шѣмъ, чтобы по  
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-  
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,  
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго  
Комитета, другой для Департамента Мини-  
стерства просвѣщенія, два экземпляра для  
Императорской публичной Библиотеки и одинъ  
для Императорской Академіи Наукъ. Февраля  
10 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-  
валеръ Иванъ Двигубскій.



---

## О Г Л А В Л Е Н І Е.

~~~~~

	Стран.
I. Гимнъ къ Дѣяшельности.	- 1
II. Спраданія Евдора.	- - 9
III. Россіада, письмо къ другу. Продолженіе.	- - - 36
IV. Эльвина и Эдвинъ. Баллада.	77
V. Лель нищій.	- - - 82
VI. Осель. Басня.	- - - 84
VII. Пѣсня.	- - - 85
VIII. Безсмертіе.	- - - 87
IX. Воспокъ и Западъ.	- - —
X. Чпо есть Амуръ?	- - 88
XI. Умирающій Эдипъ.	- - —

Оглавление.

	Стран.
XII. Театральное поприще Гна. По- меранцева. - - - -	103
XIII. Письмо къ Издашелямъ. -	119

Г И М Н Ъ

Дѣятельности.

Святая, блаженная Дѣятельность! для чего мыслявишь въкопорые, что Ты утрюмое, мрачное божество, чуждое всѣхъ удовольствій, всѣхъ радостей? — Для чего представляюшь храмъ Твой кузницею Вулкана? — Говоряишь, что съ чела Твоего печешь кровавый потъ, опираемый хладною, дрожащею рукою Твоего блѣднаго, преснарѣлаго, но всегда неушомимаго шоварища, котораго смерпные называютъ *Терривіелъ*. Нѣтъ! я видѣлъ Тебя въ другомъ образѣ: свѣпное чело Твое сіяло младосіію и здравіемъ; на главѣ швоей вѣнецъ величешвенный, знаменующій Тебя божешвомъ, и войны и мира, общешвь и Царешвь, семейешвь и гражданъ, — могущешвенною Силою, душою всея Природы: — злешые класы, переплешенные вѣшвями лабра и

Книж. II.

А

дуба, въ шѣни свѣжихъ розъ, окружающаго змѣю, эмблемою безсмертія. — Въ одной рукѣ Твоей серпъ, а въ другой скипетръ. — Окресъ престола Твоего гени Наука и Художество, Земледѣлія и Торговли. — Предъ Тобою — вдали, въ одной споронѣ бѣлѣющіе парусами, какъ крылами облеченные флоты; а въ другой, — великолѣпные, крѣпкіе грады, мирныя села; и еще далѣе, — благодапною шѣнію освѣщенные, богатыя жашвы, волнующіяся, подобно морямъ безбрежнымъ, Храмъ Твой — весь міръ, Тобою образованный, облагодѣшельствованный, сохраняемый Тобою!

Движущаяся моря великія отъ Воспока до Запада; высіяющаяся и упадающія горы; возгорающіяся подземные огни, попрясающаяся земля, пылающія Эпны и Везувіи, возстающія и исчезающія въ безднахъ острова; ревушья бури и громы, шумящія рѣки съ небесъ; день и ночь, предводимыя зарями румяными, лобзающіяся, и смѣняющія другъ друга; Весна привѣтствуетъ

Лѣто, угощаемое за пруды свои Осенью, кошорая, послѣ роскошнаго пиршества, спѣшишь успокоиться въ хладныхъ и мрачныхъ, но благодѣтельныхъ, черпогахъ Зимы, сестры своея. . . . . Что все сіе значишь? — Это Твои преображенія въ Природѣ; это Ты мудрый, невидимый Хозяинъ, безпрестанно прудящійся въ своемъ домѣ. — Ты угощываешь пищу Солнцамъ, и назначаешь быспрошу въпрямъ, рабамъ Твоимъ, разносящимъ Твои повелѣнія и матеріалы. Ты творишь воды и огонь для оживленія всего распуцаго и дышущаго; ни одно зерно не пропадаетъ въ Твоей области. Самая смерть есть Твое орудіе. Воздухъ, огонь и вода — Твои служители; вселенная — художественная Твоя храмина:

Но и малѣйшая часть праха земнаго, бшреваемая быспро легчайшимъ въпрямъ съ дикаго камня скалы, — развѣ также не художественная Твоя храмина, о! всеобъемлющая и въ ничтожной пылинкѣ присутственная

А 2

Дѣятельность! — Начало жизни и красоты прозябающей, сѣмя былія возникаетъ изъ грубаго нѣдра земли, и разсшиляется въ великолѣпной, зеленоцвѣтной покровъ для своей мащери. Пипапельная, живошворная сила Твоя высинся опъ корня въ класъ, дровѣ и вѣшвахъ, и преобразуется въ очаровашельныя прелести цвѣтновъ и лиспьевъ. — На одномъ лиспкѣ пысячи невидимыхъ, едва вооруженнымъ окомъ поспигаемыхъ, швореній начицающъ, продолжающъ, и оканчивающъ мгновенное бытіе свое, какъ мы на своей огромной планетѣ. — И въ нихъ шрепещетъ сердце; и въ нихъ пылающъ желанія; и въ нихъ дѣйствуешь Ты по шайнственнымъ законамъ Предвѣчнаго! — Что сущъ сїи незримыя шворенія, соединяющія царства Природы между собою, — сїи шворенія, наполняющія воздухъ, воду и землю! — Ахъ! и въ нихъ споль же велики и чудесны шруды Твои, какъ въ громадѣ слона, какъ въ чувшвишельной правкѣ, какъ въ произведеніи несокрушаемаго алмаза и блиспашельныхъ мешалловъ; -- какъ

въ ульѣ пчелы и въ пещерахъ Аншипароса, какъ въ магнитѣ, познающемъ сѣверъ, и въ яншарѣ, кошорой, скрываяся на днѣ моря, заключаетъ въ себѣ признаки силъ грома небеснаго; споль же велики, какъ въ мѣрахъ озаряющихъ неизслѣдныя пущыни горнія, и въ челоѣкѣ, въ семъ маломъ мѣрѣ, болѣе всѣхъ чудеснѣйшемъ! — Ты вливаешь искусство въ муравья, сполько хипраго въ домашнемъ устройствѣ своемъ, и всеобъемлющую силу Генія въ Цевшоа, дающаго законы небесамъ.

Общества разумныхъ существъ давно сдѣлались бы жертвою ничпожества, если бы Твое благодѣтельное могущество не охраняло бытія ихъ. — Волнующіяся народы, воспокъ идешь пропиву запада, и сѣверъ устремляется на югъ. Подобно всезаливающимъ морямъ, милліоны смертныхъ переселяются изъ одного края въ другой; воюють Готы, Гунны, Германны пропивъ ослабѣвшей Имперіи; — исчезаютъ Царства, яко страшные величественные призраки; возстають новыя

на развалинахъ другихъ Царствъ. — Что значать сіи беспрепятствныя разрушенія и воскресенія? — это Ты, въ образѣ Честнолюбія, сего великаго агента мыслящей Природы, или въ образѣ Нужды — сего всеозаряющаго учителя человѣковъ, Ты совершаешь полико же обширныя намѣренія, колико обширенъ чертежъ, соопвѣтствующій неизмѣримости **ПЕРВЫХЪ ПРИЧИНЫ.** —

Кто воздвигнулъ сіи гордыя пирамиды? кто соединилъ великія рѣки, осушилъ моря, ископалъ горы, очертилъ столпы дикихъ смертныхъ, и сдвигнулъ ихъ, такъ сказать, въ одинъ кругъ, чтобы покрышь одною порфирною для ихъ благоденствія? — *Дѣятельность!* — вѣки были ея служителями; добродѣтели и самыя слабости людей были ея орудіемъ! —

Ты изливаешь все блага, все радости щедрою рукою на тѣхъ, которые Тебя любятъ; непроницаемой щитъ Твой

проспереть надъ ними, и никакая болѣзнь, и никакая язва, и никакое несчастіе не прикасаются къ нимъ. — Они блаженствуютъ въ богатыхъ, вѣчно цвѣтущихъ садахъ Твоихъ: — имъ принадлежишь все въ мірѣ, они Твои наслѣдники! Сколь напротивъ того несчастны тѣ, кои опвергають Твои внушенія! Сіи ослѣпленные, уродливые дѣши праздности и распущенства, подобно Гарпіямъ, оскверняютъ міръ имъ чуждый; болѣзни и бѣдспвія желѣзными бичами гоняць ихъ въ поприще опчаянной жизни; они не достойны того воздуха, кошорымъ дышуть, и той пядени земли, въ кошорую бросишь ихъ смерти, умилоспивленная ихъ спраданіемъ. Какъ? они снѣдають пруды Твои, и не вспоминають того, что они въ чуждомъ домѣ!

Для чего не именую я Тебя *Трудолюбъ*, *Работою*, *неусыпною Тщательностію!* — Нѣтъ! Ты дщерь Верховнаго Разума, Ты дѣйствуешь по неизмѣннымъ черпежамъ Отца своего, и достигаешь однажды поло-

женной цѣли. Весьма много занятыхъ непрерывными трудами, и очень мало дѣятельныхъ! —

Сколь сладостно бытъ, Тебѣ посвященнымъ въ самомъ несчастіи! Дни горестіи проходящъ, какъ сонъ, для того, кно *ульфетъ* прудинься: они быспры и ясны. Но Ты благошворишь еще болѣе человѣчеству: Ты ограждаешь его отъ бурнаго вихря спраспей, отъ гибельныхъ чадъ роскоши и лѣности. Въ храмѣ Твоемъ, какъ въ небѣ, нѣтъ праши отъ времени. — Оно все принадлежишь Тебѣ; оно не чувствительнo, и оно не поперяно. Каждая минуша услаждаетъ трудолюбиваго человѣка болѣе, нежели празднолюбца цѣлой вѣкъ, влекущійся спопами медленной скуки и болѣзни. Для чего все блѣдно и мертво; съ Тобою радость и здравіе; памъ въ изобиліи бѣдность, среди утѣхъ горестное уныніе; съ Тобою богапство въ бѣдности и оспрада въ самомъ несчастіи. Все, что не изъ Твоихъ рукъ бываетъ часно ядомъ для тѣла, а еще чаще ядомъ для души.

Ты соединяешь меня съ друзьями моими. Ты сопровождаешь насъ въ храмъ нашего благополучія и чести, озаряешь умъ и сердце сѣѣпомъ насъ достойнымъ. Предъ Твоими очами разгнуша книга Природы таинственной; Ты одна можешь поспигать ее, Ты одна можешь и учить ей.

Мрзлкв.

II.

СТРАДАНИЯ ЕВДОРА.

(Извлеченіе

изъ *les Martyrs de Chateaubriand.*)

Евдоръ облобызалъ друзей въ шемницѣ и, поручивъ свою супругу Симодосею и родителея ея Демодока (*) любви и Христіанскому ихъ попеченію, провождаемый воплями, предспалъ предъ Судію во храмъ Правосудія. Вънутри сего пространнаго и онкрышаго храма воз-

(*) Демодокъ жрецъ въ храмъ Гомера, и его родственникъ; Симодосея дочь Демодока, принявшая Віру Христіанъ, невѣста Евдора.

вышается пронь изъ слоновой кости предъ спашую Фемиды, мапери правопы, закона и мира. На немъ возсѣдипь Судія; ошуюю его: жерпвоприносители, жерпвенникъ, жерпва; одесную: Ценпурионы и войны; предъ нимъ: оковы, скамья, косперъ, желѣзный спуль, пысяча различныхъ орудій казни и множесиво палачей. — Въ храмъ полпа народа. Евдоръ въ оковахъ при подножии Трибунала. Геродьды, служисели Юпипера и человеквъ даюпъ знакъ — и все умолкло. — Судія вопрошаетъ; — писецъ изображаетъ на дскѣ отвѣпы Мученика,

Фестусъ (Судія), слѣдуя успановленному порядку, вопрошаетъ Евдора:

Какъ нарицаешься пы, юноша?

Евдоръ. Я Евдоръ, сынъ Ласпенесовъ,

Судія. Вѣдаешь ли пы повелѣнїе, обнародованное прошиву Хриспианъ?

Евдоръ. Знаю.

Судія. И такъ принеси жерпвы богамъ!

Евдоръ. Я приношу жерпвы токмо
единому Богу, Творцу неба и земли.

(Фестусъ повелѣваетъ сорвать съ
него одежду, возложить его на
скамью, и обременить ноги желѣз-
ными колодами.)

Судія. Евдоръ! блѣдность покрываешь ланиты твои; — ужасъ спраданій обрѣмлетъ тебѣ. Сжался надъ самимъ собою, вспомни о славѣ и блистательныхъ почестяхъ своихъ; — обрати свой взоръ на домъ отца своего: онъ разрушился вмѣстѣ съ твоимъ паденіемъ; возри на слезы отца, внемли жалобамъ матери; — уже ли не спрашишься ты обременить вѣчною тоскою плачевную старость даровавшихъ тебѣ жизнь!

Евдоръ. Моя слава, мои почести и
мои родители — небеса!

Судія. Уже ли пребудешь ты безчувственъ и къ наслажденіямъ благословеннаго супружества? . . . .

(*Евдоръ безмолствуетъ.*)

Судія. Сердце швое смягчается; — рѣшись, окончай, принеси богамъ жертвы, или шрепещи.

Евдоръ. Христіанинъ не шрепещеть предъ Судіею, подобно ему, смертнымъ! (Феспусъ повелѣлъ шерзанъ Евдора желѣзными когшями. Кровь покрыла шѣло Исповѣдника, подобно Тирскому пурпуру, разливающему багряной цвѣшь по бѣлизнѣ слово-вой косши.)

Судія. Побѣжденъ ли ты, и хочешь ли принести жертвы богамъ? Помысли, что малѣйшее сопрошвлєніє повлечеть въ пошбєль швоего ошца, швоихъ сєшперъ и шу, которая назначена шєбѣ въ невѣсты.

Евдоръ. Боже милосердый! уже ли я шолько шасшлєвъ, что возмогу вдругъ чєшyre раза принести себя на жертву?

Ноги шпрадальца оковываютъ цѣпми; разжигаютъ желѣзный стуль, готовятъ кипящую смолу и клєщи. — Евдоръ являешся превыше шпраха и шпраданіи; —

вѣселіе блистаетъ на челѣ его; грозная важность и величіе съ пріятностію изображаются во взорахъ. Желѣзный стулъ пышетъ пламенемъ, и, Учитель Христіанъ, возсѣдая на немъ спокойно, проповѣдуетъ Евангеліе. Казалось, что Серафимы разливають окрестъ его небесную росу, и Ангель - Хранитель пріосвящаетъ его своими криліями: — въ семь пламени казался онъ бытъ священнымъ хлѣбомъ, приготовляемымъ для вѣчной трапезы. Язычники, самые безстрашные ошвращали взоры свои; — они не могли снести блеска, коимъ окружалъ Мученика; упомленные палачи безпрестанно смѣняли другъ друга. Судія съ тайнымъ ужасомъ взираетъ на Христіянина; — онъ представлялся ему Богомъ, сѣдящимъ на престолѣ пламенномъ! Евдоргъ воскликнулъ къ нему:

„Всмошрись въ мое лице, дабы познать его въ оный страшный день, въ коимъ всѣ челоѣки воззовутся на судъ!“

Фестивусъ возшрепешавъ опъ словъ сихъ, повелѣлъ прекратишь мученія; бѣжалъ опъ Трибунала; скрылся за завѣсомъ; испуганный писецъ, оставленный одинъ, едва возмогъ прочишашъ предъ Мученикомъ сей приговоръ:

„Благоспъ непобѣдимаго Августа повелѣваетъ неповинующихся священнымъ его велѣнїямъ, и опрекшихся принесши жезпы Богомъ, предати въ амфитеатръ люлости дикихъ звѣрей на зрѣлищъ, на значенномъ въ божеспивенный день рожденїя безсмертнаго нашего Императора.“

Послѣ сего воины опнесли Евдора въ темницу. Исповѣдники уже вѣдали о торжествѣ собрата своего. — Въ ту самую минуту, когда врата темницы расшворились, и взорамъ благочестивыхъ предшавился Мученикъ блѣдный, обезображенный, они предводимые Кирилломъ, приближающіся къ нему; — и хвалебная пѣснь возгремѣла!

„Ты побѣдилъ адъ; Ты пожалъ палму безсмертїя; вниди во святилище Бога Вышняго, знаменишый воинъ Христовъ!

„Какой исходитъ свѣтъ изъ безчисленныхъ язвъ его! — онъ прошелъ сквозь огонь, яко сребро, седмерицею очищенное въ горнилѣ испытанія! —

„Ты побѣдилъ адъ, Ты пожалъ пальму безсмертія, — вниди во храмъ Бога Вышняго, знаменимый воинъ Христовъ!“

Ангели повторили пѣснь сію въ небесахъ, и новая радость осіяла души блаженныхъ. —

Римляне имѣли древнее обыкновеніе, пресупниковъ, осужденныхъ на смерть, наканунѣ казни угощашъ опкрыпою трапезою при врапахъ темницы. Это называлась *трапеза свободы*. Всѣ возможныя яства и сласти щедро предлагались въ трапезѣ сей, какъ на самомъ великолѣпномъ пиршествѣ: упонченное варварство закона и звѣрское милосердіе язычества! — Первое имѣло намѣреніемъ заставитьъ людей жаднѣть о жизни, которую они приносятъ на жертву; второе, — представляя себѣ челоуѣка, полагающаго щастіе жизни только въ одномъ сладострастіи, и въ самую

минути смерши окружало его удволеніи спвіями ! —

Послѣдняя трапеза сія была угощана въ преддверіяхъ темницы на обширномъ столѣ. Любопытный и жестокой народъ толпился вѣкругъ стола; но войны блюди порядокъ. Мученики исходящъ изъ темницъ своихъ, и занимающъ мѣста окрестъ сего погребальнаго пиршества: они были окованы, — но руки ихъ были свободны, дабы они могли вкушати пищу. Тѣ, кои не въ силахъ идти по причинѣ ранъ, были несомы своими браціями. Евдоръ влекся, опершись на рамена двухъ Епископовъ. Другіе Исповѣдники, исполненные состраданіемъ и благоговѣніемъ, подспинали маншіи свои подъ столы Мученика. Когда же онъ появился предъ народъ; внезапный вопль состраданія пробѣжалъ оупъ одного края до другаго, и рапники прежнему своему полководцу воздали честь воинскую. Евдоръ и Кириллъ заняли первыя мѣста. На челахъ сихъ Христіянъ блистало все, что только юность и старость

имѣютъ въ себѣ прелестнаго. Евдоръ и Кирилль казались подобными Иосифу и Иакову, бесѣдующимъ на пиршествѣ Фараона. Кирилль предложилъ братамъ своимъ роскошныя яствы сіи раздѣлить народу; а самимъ вкусить отъ снѣди и брашна, обыкновеннаго у Христіянъ: — не много хлѣба и вина чистаго. Удивленная толпа хранила молчаніе, и жадно внимала словамъ Исповѣдника:

„Трапеза сія, рече Кирилль, поистиннѣ можетъ назваться претезою свободы; она освобождаетъ насъ отъ цѣпей міра и золь чловѣческаго. Богъ не сотворилъ смерти: чловѣкъ сотворилъ ее. Заупра чловѣкъ убіешъ насъ; но Богъ, Творецъ жизни, дастъ намъ жизнь. — Помолимся; братія о народъ семь; онъ, нынѣ, кажется, соболъзнуешъ о нашей участи. Заупра съ восклицаніями радости будетъ взирать на мученія наши. О koliko достоинъ онъ сожалѣнія! Помолимся о немъ и объ Императорѣ нашемъ Галеріи.“

Книж. II.

Б

Мученики воспають. Руки и очи подъялись къ небесамъ; на лицахъ Христіанская любовь и крошкое состраданіе; въ умоляющихъ взорахъ — благоговѣйныя слезы; окрестъ глубокая тишина изумленія. Своды небесныя преклонились къ землѣ, надъ главами лика праведнаго и побѣдоноснаго. Тако молились они о народѣ и о Галеріи ихъ Императорѣ! —

Язычники, привыкшіе видѣть преступниковъ, или безумно веселящихся въ семъ плачевномъ пиршесствѣ, или плачущихъ о жизни, пребывали въ нѣмомъ изумленіи; болѣе просвѣщенные изъ нихъ говорили:

„Это собраніе Капоновъ, спокойно
„размышляющихъ о смерти, копорую
„должны они пріять завтра, или они — Фи-
„лософы, копорыхъ представляють намъ
„врагами боговъ! Какое величіе на лицахъ
„ихъ! какая простота въ разговорѣ!“

Народъ говорилъ:

„Кто сей спарець, вѣщающій съ по-
„ликою важностію, споль крошко и не-

„винно поучающій? Христіане моляшъ о насъ, и дѣляшъ съ нами шрепезу; они покрывы язвами, и не приносяшъ жалобъ ни на насъ, ни на Судей нашихъ! Уже: ли ихъ Богъ есть Богъ истинный?“

Таковы были слова народа; многіе изъ сихъ несчастныхъ язычниковъ удалились, объявше ужасомъ; другіе въ слезахъ воскликнули:

„Великъ Богъ Христіанъ! великъ Богъ мучениковъ!“

Нѣкоторые оспались здѣсь для слушанія проповѣди, и вѣровали во Христа:

Какое зрѣлище въ очахъ языческаго Рима! Какой урокъ подавала ему сія трапеза Мучениковъ! Спрадальцы, осужденные на смерть, бесѣдовали съ собою, и бесѣда ихъ была измяніе благодати; словеса ихъ — ушѣщеніе Святаго Духа!

Та к ъ быспрокрылыя ласновицы, спремясь оснавивъ спрану временной своей обихели, соединяющя на брегѣ пустыннаго озера, или на башнѣ уединенной церкви, и оглашающъ окрестность

Б 2

звучкомъ сладкаго, прощальнаго пѣнія; но вдругъ возстаесть Аквилонъ, и онѣ устрашенныя лепятъ искать другой весны, другой земли щаспливѣйшей. —

Среди сего, шoliko умилишельнаго зрѣлища вдругъ являесть невольникъ; — онъ еспремился проникнушь сквозь толпу, онъ вопрошаесть Евдора, и вручаесть ему письмо отъ Судіи. Евдоръ читаесть письмо слѣдующаго содержания:

„Фестусъ, Судія Евдору желаесть здравія. Симодосея, осуждена на сосланіе въ жилище посрамленія. Героклесь (*) памъ ожидаесть ее. Заклинаю тебѣя тѣмъ уваженіемъ, которое ты поселилъ во мнѣ великодушнымъ терпѣніемъ въ страданіяхъ: пожри богамъ, приди, изсоргни супругу твою; а я даю слово, возвращишь ее въ твои объятія невинною и тебѣя доспойною.“

(*) Фи роофъ, гонитель Христіанъ, наперстникъ и министръ Галерія, жестокой врагъ Евдора, какъ защитника Вѣры Христіанской, влюбленный въ Симодосею.

Евдоръ въ оцѣпленіи; — народъ спремился къ нему, воины схватываютъ письмо; народъ пребуещъ — и Трибунъ читаещъ во услышаніе; Епископы, объявляющыя ужасомъ, пребывающыя безмолвны — все собраніе въ движеніи и ужасѣ — Евдоръ приходишь въ чувство; воины у ногъ его:

Пожри богамъ! вопь орлы Рима вмѣсто жертвенниковъ, вопіющыя они, — и чашу, исполненную виномъ представляющыя ему для возліянія; — спрашное соединеніе овладѣло сердцемъ Евдора: Симодосея въ жилищѣ разврата, въ объятіяхъ Тіероклеса! Народъ, пронутый жалостію, падаетъ предъ нимъ, и повсюду речетъ съ воинами:

Пожри, пожди богамъ!

Евдоръ вопрошаетъ мрачнымъ голосомъ:

Гдѣ орлы ваши?

Воины ударяющыя о щиты во знаменіе торжества, и спремяющыя за орлами. Евдоръ востаетъ; Ценсуріоны

поддерживаюпъ его; онъ приближается къ подножію знаменъ невѣрныхъ; молчаніе царшвуешъ повсюду; Евдоръ пріемлетъ чашу; Епископы покрываютъ чела своиманшіями; вопли ужаса изпоргаюпся изъ устъ спрадальцевъ: чаша выпадаетъ изъ рукъ Евдора; онъ повергаетъ орловъ и обратившись къ Мученикамъ, вѣщаетъ:

Я Христіанинъ!

Такъ поржешвовалъ Евдоръ. Въ то время невѣспа его Симодосея въ другой шемницѣ перзалась между страхомъ и надеждою о возлюбленномъ своемъ другѣ. Извѣстіе, полученное Евдоромъ отъ Судіи, было вымышленное.

Себусъ, начальникъ шемницы, въ коей помилась сія юная жерштва, исполненный звѣрскою радостію объ изданномъ повелѣніи, осуждающемъ на смерть всѣхъ Христіанъ, започенныхъ въ шемницахъ, прикасываетъ сугругъ своей Левкоѣ, вручая Симодосеѣ одежду женъ - Мученицъ: голубую тунику, поясъ, сандалии,

мантію, все черное, и бѣлое покрывало. Опечаленная супруга Севуса, съ очами слезными идешь исполнить горестное для нее порученіе; ибо она была втайнѣ Христіанка; она желала бы опкрышь невинной, ошавленной всѣми, учасишь ее ожидающую; но силы измѣняюшь ей. Сеспра моя! сказала она Симодосеѣ, я принесла тебѣ новую одежду. Да ниспошлеть Господь душѣ твоей спокойствіе!

Но что значишь одежда сія, спросила Симодосея, — не брачная ли, посланная ко мнѣ супругомъ моимъ?

Такъ! Для него должна приняшь ты одежду сію, ошвѣщсшвовала Левкою.

Какъ! супругъ мой получилъ прощеніе? радостно воскликнула Симодосея. — И такъ бракъ нашъ совершился скоро? . . .

Невинная радость юной жертвы поразила Левкою, и она произнесла: молись, сеспра моя, молись о себѣ, молись о мнѣ! . . . Она хотѣла сказать еще, но уста замерли: она мгновенно удалилась.

Симодосея, оставшись одна, прилжно разсмаширивала одѣяніе славы своей. Мнѣ повелѣвають, думала она, украсишься для моего супруга: должно повиноваться!

Немедленно облакается шуникою, препоясывается, воздѣваетъ сандали на ноги; — рамена покрываются маншіею, главу украшаетъ бѣлое покрывало. Симодосея не вѣдаетъ, что одежда смерти — ея облаченіе. Печальное сіе убранство придавало ей болѣе прелестей, неказанно привлекательныхъ; она сморитъ на себя, и воспоминаетъ пошъ день, когда, украшенная одеждою Музь впервые узрѣла сына Ласпенесова.

Брачная сія одежда, говорила она, конечно не сполько блистательна; но она угодна супругу моему, пошому что это одежда Христіанъ.

Воспоминаніе о прежнемъ щастіи, о спранъ опечесива оживило въ сердцѣ Симодосеи какое-шо чувство горести;

Унылая, возсѣвъ предъ окномъ шемницы своей, голову украшенную покровомъ Мученицы преклонивъ на руку, воспѣла она пѣснь сию :

Гдѣ вы легкіе, крылатые,
Гдѣ вы, корабли Авзоніи?
Не у берега-ль моря шихаго? —
Ужь пора вамъ, чада бѣлыхъ волкъ,
Ужь пора предаць вамъ парусы
Духу въпра благосклоннаго! —
Межь супругомъ и родителемъ
Возсѣдая на палубѣ,
Я увижу, встрѣчу первал
Брегъ щасливой милой родины.

Птицы Либіи перелетныя,
Злапокрылыя, гордогрудыя!
Упредите мое плаванье,
Понеситесь по поднебесью
На утесы славной Греціи,
Свейте гнѣзды на родныхъ горахъ,
Восплещите и воскликните,
Во услышанье подругъ моихъ:
Дѣвы милыя, прекрасныя!
Скоро съ вами дочь Гомерова
Обоймешъ древа отечески! . . .

Тамъ проводяшь меня пѣснями
 Съ крупа берега въ домъ родительскомъ ;
 Тамъ успалой мнѣ покой дадутъ
 Ласки, Нѣжностъ, Добродушіе.
 Тамъ Невинностъ, пы укажешь мнѣ
 Ложе дѣвственное, мирное ;
 Тамъ увижу я вновь бѣдой свѣтъ,
 И луга цвѣтны, лазоревы,
 И струи рѣки кристальныя,
 И святыя роуи скромности !

Какъ изъ гроша, въ тѣняхъ лисвенныхъ,
 У хозяина домовишаго
 Выходила нѣжна Юница
 Разгулялась по наклонамъ горъ,
 Цоципашъ съ нихъ благовоныхъ правъ,
 Разыграшъ въ злачной роскоши,
 При свирѣляхъ ликовствующихъ :
 Выходила я пакъ изъ перема
 На забавы, игры сельскія ! —
 А теперь — среди темничной мглы
 Ночи, дни помлюсь — одръ солома мнѣ ! —

Но почто же пичка радости
 Другъ весны, любовь - малиновка
 Противъ воли свещеть жалобно !...
 Ахъ, почто жъ пою невольно я
 Горьки пѣсни погребальныя ? —
 Не на мнѣ-ль одежда брачная ?

Не волнуется ли сладостно
 Во груди моей предчувствія
 И ушѣхъ и заботъ матернихъ? —
 Скоро, можетъ быть, малюпочка,
 Друга милого подобіе,
 Будетъ випись и рѣзвиться вкругъ,
 Заплещется въ ризахъ матери,
 Такъ какъ пшенчикъ робкой кроется
 Подъ крыломъ своей родимыя! . . .
 Но сама я, — ахъ! не пшенчикъ ли,
 Похищенный отъ родныхъ своихъ?

*

Гдѣ отецъ мой? — гдѣ пы милой другъ? —
 Гдѣ вы скрылись отъ любви моей!
 Гдѣ вы медлите, гдѣ терзаете
 И самихъ себя и несчастную? . . .
 Для опчаянныхъ все позволено! . . .
 Мореплаватель въ бурѣ яростной,
 Въ часъ гибели неизбежной
 На все кинется, что попадется! . . .

*

Не спросишь ли мнѣ, не призвать ли
 мнѣ
 Покровительницъ, благодѣтельницъ
 Дома опчаго, дома древняго,
 Грацій, Дѣвъ-богинь, Музъ Гомеровыхъ? —
 Не раскрышь ли мнѣ чрево пучныхъ
 жерпѣвъ,

Чтобы въ нихъ прочесть судьбу свою —
 Жребій милаго, меня родшаго,
 Жребій друга, мнѣ драгоцѣннаго!...
 Нѣтъ... спрашуся, о Невѣдомый!
 Нѣтъ, во вѣки, Боже истинный —
 Не дерзну я оскорбить Тебя!...
 Крестъ Твой — мнѣ успокоеніе!...

Уже ночь облекла опьяненный Римъ
 мрачнымъ своимъ покровомъ. Врапа шем-
 ницы мгновенно растворяюся, и Центу-
 рионъ, возвѣспителъ императорскаго
 ариговора: смерти Хрисіанамъ, пред-
 спаешъ Симодосѣ; онъ былъ сопровож-
 даемъ многими воинами; нѣкопорые изъ
 нихъ, оставшись въ преддверіи храма,
 удерживали спражу, упоенную виномъ.

Какъ голубица, поспигнушая внезап-
 но спрѣльцомъ въ ущеліяхъ скалы, пре-
 бываешъ неподвижною отъ страха, и не
 смѣешъ лешѣшь въ высоты небесныя:
 шакъ дщеръ Демодока, пораженная удив-
 леніемъ и ужасомъ, остаешся непод-
 вижною на полуизломанной скамѣ, на
 коей сидѣла она. Воины возжигаютъ

пламенникъ. О чудо! Симодосея мнишь познашь Θεодора (*), въ одеждъ Ценшуріона. Θεодоръ, равномерно изумленный, увидя Симодосею въ одеждъ Мученицы, взираетъ на нее; и не можетъ произнести ни одного слова. Никогда не казалась она ему шoliko прекрасною: голубая шуника, черная маншія придавали блескъ бѣлизнѣ лица ея; — въ глазахъ, упомленныхъ слезами, изображалась крошость Ангела: она подобна была нѣжному нарциссу; преклонившему слабую свою голову ко брегу уединеннаго ручья. Θεодоръ и пришедшіе съ нимъ Христіане, передѣтые воинами, подъяли руки къ Небсамъ, и слезы состраданія полились изъ глазъ ихъ! —

„Се Ты спасишь и бывшій спутникъ мой въ странствіяхъ, столь далекихъ отъ моего Отечества, воскликнула

(*) Θεодоръ, бывшій начальникъ императорской стражи. Въ тайнѣ Христіанинъ и другъ Евдора, и прежде сего спасшій Симодосею отъ гоненій Гіероклеса.

юная Мессениенка, упавъ на колѣни, и простирая руки, къ Θεодору. Ты посѣщаешь наконецъ швою Есѣирь, великодушный смершной! ты безъ сомнѣнiя пришелъ препроводить меня къ моему опцу и къ моему супругу? О! пойдемъ, пойдемъ скорѣе! . . . Сколь бы продолжительна была безъ тебя ночь сiя!“

Гласомъ, рыданiями прерывающимся, опвѣществуешь ей Θεодоръ:

„И такъ, Симодосея, тебѣ уже извѣстна швоя участь . . . сiя одежда . . .“

„Сiя одежда брачная, воскликнула двѣва красошы. Но если все уже конечно, если супругъ мой спасенъ и свободенъ; — шо чшо значать слезы сiи, сiе шайншвенное прищеспвiе?“

Убѣжимъ опселѣ, вѣщаетъ Θεодоръ, облекись въ шогу сiю; каждое мгновение драгоцѣнно намъ. Сопровождаемый великодушными моими друзьями, подѣсимъ одѣянiемъ, я прокрался въ шемницу швою: Севусь, коему показалъ я повелѣнiе

Императора, принялъ меня за Ценпуриона, пришедшаго объявить тебѣ гибельной приговоръ.“

Какой приговоръ? — спросила дочь Демодокова.

„Какъ! развѣ тебѣ не извѣстно, превралъ Θεодоръ, что всѣ Христіане, заключенные въ темницахъ, осуждены умереть завтра въ Амфитеатрѣ?“ —

„Но.... супругъ мой, свободенъ ли онъ отъ сего осужденія? — воспрянувъ, воскликнула новая Христіанка съ видомъ поразительнаго величія; вѣщай, да языкъ пшвой не произносетъ жи! Священныя кляпвы Христіанъ мнѣ не вѣдомы; прежде сего я клялась бы Дребомъ, или Геніемъ моего родителя; — но вошь сваяная книга Христіанъ; — и въ ней изображено: не солги. Клянись мнѣ Евангеліемъ: спасенъ ли супругъ мой?“

Блѣдность покрыла лице Θεодора, глаза помрачились слезами; толосомъ пренеющимъ произнесъ онъ:

„Дѣва! или хочешь ты; чптобы я повѣдалъ тебѣ о славѣ, кою открылъ себя супругъ твой, — о славѣ еще блистательнѣйшей, копорая ожидаетъ его!“

Воспрепешала Симодосея, подобно палмѣ, пораженной громомъ. — Слова твои, вѣщала она, какъ острие меча, пронзили мое сердце. Я уразумѣла тебѣя; но ты пребуешь моего бѣгсхва, и я не познаю въ тебѣ правиль Хрисіанина! Евдоръ супругъ мой покрытъ язвами въ честь Бога своего; заупра преданъ будетъ на разшерзаніе звѣрямъ дикимъ; а ты совѣщуетъ мнѣ пропивихся моему предопредѣленію, и оставихъ супруга. Я ощущаю въ груди своей блаженство, доселѣ мною неиспытанное. Надежда сладостная освѣщаетъ предо мною будущее щастіе и радоспи божешвенныя! Слабая, удрученная я скорбѣла нѣкогда о жизни; нынѣ спрахъ сей изчезъ! — Нѣтъ, не вопще вода Иордана излилась на главу мою. (*) При-

(*) Симодосея была крещена въ Иорданѣ Святымъ Геронимомъ.

въспсвую тебя, священное одѣяніе! — дещелѣ я невѣдала цѣны швоей; познаю шеперь, ты ешь одѣяніе Мученицы. Кровь, копорая обгришь тебя завтра, ешь кровь безмершія; она содѣлаешъ меня болѣ доштойною, дабы явишься предъ супругомъ моимъ.

Произнося сіи слова, Симодосея, объяшая божешвеннымъ воспоргомъ, лобзаешъ одежду свою съ благоговѣніемъ.

И шакъ, воскликнулъ Феодоръ, ешли ты не хочешъ слѣдовашь за нами — мы всѣ погибнемъ съ шобою; мы не пойдемъ опселѣ; объявимъ себя Хриспіанами, и завтра ты сама поведешъ насъ въ Амфитеатръ; но что говорю? не ужели Вѣра наша повелѣваешъ шобѣ бышь шолико жестокою? Ты хочешъ умерешъ, не приявъ благословенія опца швоего, не облызавъ сего старца, шщешно тебя ожидающаго! — Знай, намѣреніе швое низринешъ его во гробъ! Ахъ! ешли бы ты зрѣла посѣдѣлую главу его, посыпанную горячимъ

Книж. II.

В

непломъ; если бы ты зрѣла его, раздражающаго ризы свои, поверженнаго на прахъ у стѣнъ темницы твоей: тогда — Симодосея, тогда познала бы ты состраданіе,

Какъ тонкая льдина, образованная легкимъ морозомъ въ первыя дни воскресающей весны, рассыпается при появленіи лучей солнца; какъ цвѣтъ, готовый разпуститья, разрываетъ удерживающую его нѣжную оболочку: такъ при сихъ словахъ исчезаетъ намѣреніе Симодосеи; такъ любовь дѣтская разцвѣтаетъ во глубинѣ сердца ея. Она не можетъ рѣшиться предать великодушныхъ, для ея спасенія подвергнувшихъ себя опасности; она не можетъ умереть, не изливъ упѣшенія въ душу опчаяннаго родителя. Нѣсколько минутъ хранить молчаніе, какъ бы внимая совѣщанью Ангела небесной надежды, бесѣдующаго съ нею; попомъ съ видомъ, сокрывающимъ въ себѣ какое-то высокое намѣреніе, мгновенно восклицаетъ: пойдемъ, увидимъ моего родителя!

Исполненные радостию Христиане покрываютъ главу ея шлемомъ опереннымъ; облакають ея въ бѣлую погу, обложенную вокругъ шипымъ пурпуромъ, какую обыкновенно надѣвали Римляне, переходя изъ дѣтскаго въ юношескій возрастъ. Симодосея была подобна быспрому Камиллу, прелестному Асканію, или несчастному Марцеллу. Христиане окруживъ ея, погашають пламеники, исходящъ всѣмъспѣ, и оставляютъ упоеннаго спража, щашельно запирающаго нуспую шемницу.

Евдору уже было извѣстно, что письмо Феспуса Судіи, извѣщавшее о заключеніи Симодосеи въ жилище посрамленія, было вымышленное; — уже скорбь переѣнилась на радость, и осіявала справедлическое чело его. Вдругъ является Захарій, единый изъ свиты Феодора, съ вѣспію, что Симодосея изведена изъ шемницы, что слабая агница изпоргнуша изъ пещеры лвиной въ объятія родишельскія. — Крикъ воспора излетѣлъ изъ

В 2

глубины сердца Эвдора, и повпоряемый Мучениками, гремѣль по мрачнымъ сводамъ шемницы; они, съ подъяпыми горѣ взорами, воспѣли привѣшпвенную пѣснь грядущей къ нимъ смерти.

Сирнѣв.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

РОССИАДА.

(Письмо къ Другу. Продолженіе.)

Denique sit, quod vis, simplex duntaxat et unum.

Мы при началѣ нашего поприща, и осмѣливаемся пусшиться въ пространное море наблюдений. — Другъ мой! эпо пребуешъ немаловажнаго труда. Сколько разъ я перечисывалъ Россіаду! сколько разъ разбиралъ ее самъ съ собою! — Чего мнѣ споиди замѣчанія, копорья шеперь посылаю къ тебѣ! — И когда, осмошрѣвъ предметъ свой во всѣхъ его подробностяхъ, почишалъ я трудъ уже окончаннымъ, вспомнилъ я одну басенку, разсказанную Гномъ Боккалини, и послѣ по-

впоренную въ стихахъ Гномъ *Николаи* въ его припчяхъ. Позволь и мнѣ повпорить ея въ собственное свое наученіе. Одинъ славный Крищикъ собралъ всѣ погрѣшности Гомера, и представилъ свою рецензію Аполлону. Богъ Музъ принялъ ее весьма благосклонно, и рѣшилъ наградишь Автора приличнымъ образомъ за трудъ, имъ совершенный. — Чпо же онъ сдѣлалъ? — Онъ велѣлъ принести мѣшокъ хлѣба, въ зернахъ, еще не вѣянаго, и поручилъ крищику опдѣлить чистыя зерна отъ плевелъ. — Гнѣ. крищикъ взялся за сію работу съ обыкновеннымъ своимъ трудолюбіемъ и ревностію. Чистыя зерна опдѣлены, и Аполлонъ за всѣ труды и заботы наградишь несчастнаго крищика — опвѣянными плевелами.

Вошь и наша судьба, другъ мой! — Пусть Аполлонъ не будетъ къ намъ столь гнѣвнымъ, почему чпо онъ видишь, и уваженіе наше къ шворцу Поэмы, и намѣреніе, споспѣдеспвовать по возможности своей благороднымъ усиліямъ нашихъ

Литераторовъ, чрезъ распространеніе свѣта теоріи на ихъ знаменитыя произведенія, и сердечную нашу увѣренность въ томъ, что всегда кришика легче искусства. Такъ! — но что подумаютъ люди, не столько справедливые? — Не смотря на образованный вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, и который, будучи обильнымъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, требуетъ, — вопіетъ о необходимости кришики; — сколько еще найдется такихъ, которые осудятъ насъ на ту же казнь, какую получилъ выше-сказанный кришикъ отъ Аполлона! и гдѣ это? — Въ самыхъ, такъ называемыхъ, Литературныхъ бесѣдахъ! Тамъ при чтеніи пьесы, Боже сохрани, припомнишь какое-нибудь правило Аристотелево или Квинтилианово, относящееся къ расположенію сочиненія, особливо, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь модномъ писателѣ. Тамъ назовутъ тебя педагогомъ, если ты вздумаешь сказать, что ода, посланіе, баллада и пѣсня должны имѣть свои границы, свои опредѣленные качества, и достойную цѣль. По ка-

кимъ - по новымъ правамъ часпо у насъ смѣшивающъ всѣ роды Поэзіи; или, по крайней мѣрѣ почипающъ для себя опягошительнымъ, думашъ о раздѣленіи сихъ границъ, и даже о томъ, что онѣ существують, хотя Гораций не спыдился спросиць самъ себя:

*Descriptas servare vices operumque colores,
Cur ego, si nequeo ignoroque, poeta salutor?*
Пѣвецъ ли, другъ ли я искусства и Природы,
Когда, неопытный, твореній разныхъ
роды

Ни слогомъ не могу, ни звукомъ опшличить?
Учишься нѣтъ спыда; невѣждой — спыд-
но быть! . . .

Не смощря на превосходные образцы, копорые имѣемъ мы въ басняхъ, сколь часпо видимъ, что сказку пишущъ какъ басню, и басню какъ сказку; и нерѣдко одинъ простой примѣръ безъ всякаго дѣйствія, идешь подъ именемъ прекраснаго аполога, изобрѣшеннаго Эзопомъ и споль славно опшличеннаго опъ другихъ родовъ Федромъ и ла Фоншеномъ! -- Сдѣлавъ, какъ говоришь Блеръ; Поэзію и музыку, шок-

мо минушною прихопью своею, мы иногда радуемся и вѣнчаемъ похвалами одни стихи, шолько то, что пріятно щекошитъ наше ухо, не заботясь, имѣеть ли сочиненіе другія необходимо потребныя достоинства. — Это, кажется, я уже повторяю тебѣ въ другой разъ! . . . Нужды нѣтъ! это буду я повторять сто разъ, и болѣе. . . . Знаю, что прочитавъ сіе письмо, многие спануть обвинять меня за то, что осмѣлился искать какихъ-то внутреннихъ достоинствъ въ Поэмѣ; что дерзнулъ отккрыть ходъ и порядокъ въ твореніи великомъ, освященномъ, если смѣю сказать, какимъ-то суге вѣрныи мѣ уваженіемъ, котораго гораздо выше творецъ его! — Къ суду, къ суду Аполлонову! закричатъ модные хвалищели! . . . но я швердъ въ моемъ намѣреніи. — Я уже доказалъ, какимъ глубокимъ почипаніемъ исполненъ къ шаланшамъ и заслугамъ славнаго пѣснопѣвца Іоаннова; но еще болѣе почишаю и люблю я справедливость и пользу науки. — Хвала сочиненію,

когда его разбирають, когда опдѣляютъ въ немъ зерна отъ плевель; заслуживаешь уваженіе и крипикъ, которой это дѣлаешь съ хорошею цѣлю . . . Вѣда принимаешься за то, гдѣ нечего опдѣлять; но я говорю о Херасковѣ: этого довольно. Гомеръ остался Гомеромъ, или еще болѣе возвысился крипикою; Херасковъ также останется Херасковымъ, когда его шворенія будутъ изслѣдованы съ надлежащею точностію и подробностію. Приступимъ къ дѣлу. — Сокращеніе самое вѣрное, въ которомъ не пропущено ни одного важнаго обстоятельство предъ швоими глазами. Это наспольная карта, по которой будемъ мы путешествовать, дабы, разобравъ части, обнятьъ цѣлое и его расположеніе.

Главное въ Поэмѣ есть басня или содержаніе, заимствующее свою важность и величіе отъ важности и величія предмета; послѣ него, по совѣту Аристотеля, должно всегда обращать вниманіе на расположеніе. Я уже сказала, что произшествіе, избранное Херасковымъ, совер-

шенно *Эпическое*. Но надобно, чтобы оно было *одно, цѣлое, полное*, имѣющее *обширность*, правилами искусства и самымъ вкусомъ опредѣляемую.

Гомеръ, чтобы сохранить *единство* дѣйствія, переносится въ средину произшествій, какъ замѣчаетъ Гораций. Если бы онъ началъ опять яиць Леды, или опять похищенія Елены, или даже опять начала осады Трои, тогда бы, само по себѣ разумѣется, Поэма была сплешеніе *неудобосовмѣстныхъ* произшествій. Напротивъ того, онъ избралъ послѣдній годъ сей осады, и припомъ событіе самое важное: раздоръ между Полководцами, вмѣшавъ въ продолженіе шворенія съ неподражаемымъ искусствомъ все обшпояшельства, прежде случившіяся, какъ необходимы для поясненія, и относящіяся къ дѣйствію, въ видѣ эпизодовъ. Точно такъ же поступилъ и *Виргилій*. Въ первой пѣсни поставилъ онъ своего спрашивающаго Героя въ морѣ *Тосканскомъ*, въ виду береговъ южной самой *Италіи*,

копорой онъ, по опредѣленію судьбы, ищешь, гдѣ назначено его будущее царство, гдѣ ожидаетъ его обреченная Небомъ супруга . . . . гдѣ цѣль и конецъ Поэмы. — Разсказъ Энея предъ Дидоною во вѣпорой и прешней книгѣ есть изложеніе обспояпельспвѣ, прежде случившихся и входящихъ по необходимости въ составъ цѣлаго. Сему правилу слѣдовалъ и безсмертный Фенелонъ въ Эпическомъ своемъ Романѣ. — Херасковъ, кажешся, не хотѣлъ шеспвовать за сими образцами, и попомо одному приуготовилъ себѣ множеспво неудобспвѣ, копороыхъ при всемъ своемъ искусствѣ, если смѣю сказати, преодолѣти не могъ. Какъ не удивляться, другъ мой, Иліадѣ, въ копорой всѣ безчисленныя, великія произшеспвія, всѣ усилія Мужей храбрыхъ, увѣнчанныя благодашною побѣдою: — всѣ совершились на одной и той же сценѣ: на поляхъ, окружающихъ *Силюисоль* и море! — Вопшь, какъ Гомеръ далъ правило и примѣръ не только для Поэмы, но и для Трагедіи. — Чшо же произошло

опъ сохраненія сего порядка, сей почности! — Какъ во время спектакля, на пр. въ Оперѣ, при блестящихъ декораціяхъ и машинахъ въ одно и по же время видѣшь можно: — и небо, и луга, и море, и фурий, исходящихъ изъ адской пропасти; такъ въ сей несравненной Поэмѣ въ одно время изумленнымъ взоромъ созерцаешь и боговъ, и Героевъ, и Юпитера на горѣ Идѣ, и Непшуна, изъ волнь морскихъ воздымающагося, и сраженія рапей, и единоборствія вождей, и опчаяніе осажденнаго града: — все въ виду! — Такъ поставленъ чишатель, что онъ, не сходя съ мѣсна, можетъ видѣшь все, что происходитъ въ продолженіи всей Поэмы: небо, землю и адъ! — Надобно показати чишателю внутренность града: что дѣлаешь Гомеръ? — Онъ собираетъ Спартейшинъ, кои подъ предводительствомъ Пріама, поддерживаемаго Еленою, шествуютъ на стѣны града, и опшолъ обзорѣвають и спанъ, и Героевъ Греческихъ; или иногда нисходитъ съ небесъ Ириса, посланница боговъ, съ новыми повелѣніями,

или благодѣпельствующая богиня уноситъ съ поля сраженія любимаго Героя , находящагося въ опасности; — и взоръ нашъ нечувствительно увлекается за ними , не теряя изъ виду между тѣмъ главной сцены : ни Грековъ , ни сраженія , ни ихъ жерпвъ , ни ихъ совѣщаній. Произшествія сами собою связываются; и не видишь , и не слышишь того , кто ихъ соплетаетъ. — Херасковъ не пославилъ насъ сначала на такомъ выгодномъ мѣстѣ , и пошому принужденъ былъ дать Поэмѣ своей ходъ Исторической, послѣдовательной; и пошому долженъ былъ , какъ Историкъ , часто выславлять самаго себя на сценѣ посреди своихъ Героевъ , и передвигать своихъ чинашелей , такъ сказать , съ мѣста на мѣсто , когда напроливъ того Гомеръ нигдѣ не сказалъ о себѣ ни слова. Напрасно говорятъ нѣкоторые , что сіе происходило отъ скромности Гомера ; и Херасковъ не менѣе скромный и благородный! — Нѣтъ! это зависило отъ искусства. Если бы Россійскій Пѣснопѣвецъ въ ходѣ дѣйствія своей Поэмы под-

ражалъ первымъ образцамъ, по имѣлъ ли бы онъ нужду соединить въ одну пѣсню съ прешьюею такимъ образомъ, какимъ часпо соединялъ славный Аріостъ безчисленныя свои отдѣленныя исторіи, всегда начинающіяся, и всегда недокончанныя? — Херасковъ въ одну пѣсню окончиваетъ слѣдующими стихами для связи съ прешьюею :

Но пусть къ ордамъ, несетъ Россійскій Царь
перуны ;

Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
Воззримъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
О Музы! лиру мнѣ военну перестройте,
И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ
пойте ,

Дабы за вами въ слѣдъ быстрой духъ парилъ;
Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ
крыль:

Еще отдалены побѣдоносны брани,
Вѣщайте пререпеть, страхъ и хипросни Ка-
зани !

Легко сказать самому Авшору: *хощу* перемѣнить и пр. — Его воля благая! Конечно, онъ можеть еще больше сдѣлать:

перенести насъ за придевяты земель въ тридесятое Государство, и представить льшо зимою, весну осенью; — но, кажешся, эшо не ешь искусство, должествующее безъ труда переселять чинашеля отъ произшесствія къ другому: эшо *насиліе* нашей душѣ, копорой порядокъ ~~и~~ понимаешь сообразень системѣ природы, и копорая не умѣеть и не хочеть такъ перескакивать! — Справно то особливо, что Спихотворецъ въ эпихъ спихахъ и впередъ обѣщаетъ поступать такимъ образомъ, и безъ всякой нужды, не въ своемъ мѣстѣ объявляеть *тайну* своего плана: — все то, что чинашель имѣлъ бы удовольствіе отгадывать:

Еще опдалены побѣдоносны брани. . . .
Вѣщайше пренепть, страхъ и хипрости
Казани.

И онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Большая часть произшесствій такимъ *слишкомъ обыкновеннымъ* образомъ связывающя между собою.

Въ концѣ пятой пѣсни говоритъ Херасковъ :

И время пренести мнѣ лиру къ Иоанну.

Въ седьмой, переходъ отъ *Морозова*, спраждащаго на Волгѣ съ войсками, къ Иоанну, который долженъ прешерпѣшь зной на сушѣ :

О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле,
Гдѣ спраждешь Иоаннъ, и зришься смертныхъ
болѣ . . . и пр.

Въ девятой пѣсни, чѣобы, послѣ долгаго ожиданія, ушѣшій наконецъ читателя въ невѣденіи о произшествіяхъ Алея, чудеснымъ образомъ явившагося изъ Казани, мы остановлены на самомъ важномъ мѣстѣ: въ виду Казани, по прибытіи въ *Свѣяжскъ*, — тамъ, гдѣ сердце читателя — Россіянина порывается поспѣшь видѣть совершенными любезныя свои надежды; — и для кого? для Алея! . . .

Ведущая меня доселѣ на Парнассъ,
О Муза! укропи на время звучный гласъ.
Послы грядущъ въ Казань со миромъ, не
съ войною;

Въ сей градъ, мятежный градъ приди и ты
 со мною;
 Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину;
 Разврати предъставь очамъ; дай миру; пѣшь
 начну!

Пѣшь Разврати!!! — И въ концѣ сей
 же пѣсни, приготовляя чипашеля къ опи-
 санію изгнанія Сумбеки:

Но ахъ! какія мнѣ то Музы возвѣспѣять,
 Какѣи былъ горькой стонъ, коликое рыданіе,
 Когда услышала Сумбека о изгнаньѣ!
 Тоску ея въщашъ мнѣ силъ недоспаетъ:
Пожедлимы!... я спеню... *перо изъ рукъ*
падесть.

И такъ потому, что перо упало изъ
 рукъ, надобно пожедлить и Поэмъ, и
 Героямъ, которые на сценѣ, и дѣйствию,
 которбе въ природѣ не встанавливалось,
 и папріотическому любовышству чипа-
 шеля, который, переселясь во времена
 своихъ предковъ, предлетаетъ въ вообра-
 женіи подвигамъ ихъ назидательнымъ!!!
 и для кого же? — для Сумбеки!...

Книж. II.

Г

Въ началѣ двѣнадцатой пѣсни, послѣ прекраснаго во многихъ своихъ подробностяхъ Эпизода, о чудесномъ явленіи Зимы подъ Казанью, Писатель уничтожаетъ въ очарованномъ воображеніи читателя собственную свою вымысль переходомъ, заключающимся въ слѣдующихъ стихахъ:

Но что при вымыслахъ остановились мы?
Головаясь Казань изобразилъ полранну!
 О Музы! обратимъ нашъ взоръ ко Иоанну.

Въ послѣдней пѣсни Поэмы, Писатель готовится изобразить полранную Казань! — Для чего говоришь: *готовился?* Мы *готовились* къ этому сначала Поэмы. — И для чего говоришь о себѣ? — Вопь что значишь искусство расположенія! Если бы оно лучше было успроено заблаговременно, нужны ли тогда Поэту сіи несчастные переходы? —

Разсказъ Энея предъ Дидоною всегда предсавляемъ былъ, какъ образецъ искусства, не только самъ по себѣ, но и по

тому особенно, что онъ *приведенъ* легко, естественнo, и совершенно въ свое время, и въ своемъ мѣснѣ. Эней нашелъ Благотворительницу, воспріавшую его послѣ губительной бури. Спраннопріимная Царица хочетъ знаніе: кто онъ, откуда, и куда спремишся; хочетъ знатъ всѣ его спраданія. Предводитель Троянъ долженъ былъ повѣспвованъ предъ нею, и о началѣ, и о причинахъ своихъ бѣдствій, и о способѣ, которой даровали ему боги во спасеніе, и объ лестныхъ, блистательныхъ надеждахъ для него и для Трои, въ которыхъ утвердили его тѣ же боги. Такимъ образомъ, какъ будто безъ намѣренія, разсказаны Писнопѣвцомъ всѣ предварительныя, необходимыя для свѣденія читателя обстоятельственна главнаго дѣйствія. Точно также искусно приведенъ разсказъ *Жантравы*, по случаю игры въ честь Геркулеса. Точно также у Ломоносова Великій *Петръ* Первосвященнику Соловецкаго монастыря повѣспвуетъ о своемъ младенчествѣ и буншахъ спрѣмецкихъ. — Во всѣхъ сихъ разсказахъ,

такъ сказать, постороннихъ, дѣйствіе не оспанавливается; напротивъ того получаешь новыя силы, и озаряешься особеннымъ какимъ-то блескомъ въ глазахъ читателя. Я вижу два важнѣйшія лица бесѣдующія между собою: я вижу ихъ характеры, и по сему шокмо мечтаю уже оптадывашь, какъ онѣ впредь будутъ дѣйствовать; однимъ словомъ: это драма! Въ Россіядѣ напротивъ: первое повѣствованіе о бѣдствіяхъ Россіи, при всѣхъ стихотворныхъ красотахъ своихъ, есть исторія; оно обращено просто отъ Пѣнопѣвца къ читателямъ, и припомъ далеко отъ главнаго мѣста сцены. — По мнѣнію моему, гораздо бы болѣе оно дѣйствовало, если бы разсказано было другимъ лицомъ, ксшапи, или въ *Колодѣ*, гдѣ опредѣленъ сборъ войска, или въ *Свіяжскѣ*, предъ спѣнами Казани, какъ цѣли всѣхъ военныхъ подвиговъ. — Такъ поступилъ и Волперъ, заставившій Героя своего разсказать о бѣдствіяхъ народа Французскаго Королевѣ Елисаветѣ. Описаніе гробовъ, занимающее всю четвертую цѣсню пре-

восходно по своему слогу, но также не вpleшено въ общую нить Поэмы; ибо, если я осмѣлюсь сказать свои мысли, не великое искусство, соединять разныхъ происшествія словами; но полно объ этомъ! перенесемся къ другому предмету; оставимъ Сулбеку съ ея кокетствомъ; будемъ говорить о Царѣ Иоаннѣ; это слишкомъ горестно, расскажемъ что-нибудь повеселѣе. Такие переходы, и въ обыкновенномъ романѣ нестерпимыя, особенно не пріятны въ Поэмѣ для читателя, который хотѣлъ бы самъ не чувствовать спези, по коей переводитъ его Пѣснопѣвецъ отъ одного происшествія къ другому, приближая между тѣмъ безпрестанно къ цѣли. — Херасковъ очень хорошо изобразилъ бѣдствія Зноя, произведеннаго какою-то спранныю сверхъ-естественною силою, но позабылъ удовлетворительно сказать намъ, какъ эпосъ зной окончился. — Кажется, что чудомъ началось, по чудомъ и кончилось должно. Разсмапривая подробности въ описаніи Зноя, можно примѣтить, что Спихо-

шворецъ подражалъ Тассу ; но Тассъ
уничтожилъ сіи козни враждующаго ада
гласомъ Бога Всемогущаго, умилоспивлен-
наго шеплыми мольбами Готфреда :

. . . . .
. . . . .

Описалъ новый чинъ явленій да начнешся!
Да благо възшешъ ихъ (Христіянъ), да дождь
съ небесъ прольется !

Возстани , /возвращись желанный къ нимъ
Герой !

Египеть прииди одѣянь ихъ хвалою !

Вѣщаль, подвигъ главу ; — прясущся своды
звѣзды ,

И небеса небесъ , и пламенныя бездны ,

Дрожишь земля , ефиръ , вдругъ спрахомъ
обуянь ,

И преисподняя , и дольний Океанъ . —

Вспылалъ ошую перунъ блѣднозубчатый ,

И грянулъ дальный громъ . — Веселиемъ объ-
япый ,

Съ возгласомъ , съ плесками возпорженныхъ
высошь ,

Сдилъ клики шумные воспорженный на-
родъ . —

И се ступилъ внезапно пучи мрачны , —

Не солнцемъ опъ земли подъяны въ мръ
прозрачный :

Се плодъ самихъ небесъ — оубо, онѣ теперь
 Сокровищницу своихъ оплели вѣтну дери;
 Дожде — носяца Нощь, сложившася надъ
 горами,
 Закрыла свѣтлой день свинцовыми крылами,
 Излилася моря изъ сканыхъ облаковъ, —
 И рѣки бурныя исходятъ изъ береговъ.

Освобож. Иерусалима. П. XII.

Я бы еще предсказалъ могъ много ша-
 ковыхъ разсказовъ, несвязанныхъ, или не
 конченныхъ, но боюсь щербъ наскучить.
 Это вѣкопороды образомъ дикіе
 наросты на цѣломъ сосавѣ: они не
 питаются тѣло, и не соединяются съ
 нимъ обыкновенными каналами.

Прежде я замѣтилъ уже, другъ мой,
 что Эпизоды суть шація произшествія,
 которыя должны рождаются изъ главна-
 го же произшествія, не мѣшай ему, не
 заземляй его своимъ пространствомъ
 или частую встрѣчею; но замедляя
 на время, или ускоряя ходъ главнаго дѣй-
 ствія, заставляя чинателя, болѣе за-

ниматься имъ; — или по крайней мѣрѣ, служишь пріятнымъ отдохновеніемъ, разсѣяніемъ упомянутому вниманію. Справедливо обвиняешь Волперъ въ Тассѣ прекрасной опривокъ Олинпа и Софроніи, потому что онъ ни къ чему не служишь, Сіи два лица явились и скрылись: ни ихъ спрдаанія, ни ихъ освобожденіе ни мало не способствовало ходу Поэмы, которая ничего не потеряла бы, если бы ихъ и совсѣмъ не было. — По мнѣнію критиковъ находящаяся таковыя же погрѣшности въ Гомерѣ и Виргиліи; но онѣ чрезвычайно рѣдки, и зависятъ нѣкопорымъ образомъ отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. По крайней мѣрѣ, естественна то, что носящій на челѣ своемъ морщины прехъ вѣковъ, Неспоръ, часто шамъ, гдѣ дѣло не терпимъ ни малѣйшаго замедленія, начинаешь продолжительной разсказъ о томъ, что онъ нѣкогда видѣлъ, или слышалъ. — Въ Россіадѣ много Эпизодовъ, и многіе изъ нихъ шѣмъ болѣе погрѣшительны, что не только не дѣйствуютъ въ пользу, но

и совершенно противны намеренію Автора: они уменьшаютъ важность подвига, знаменитость побѣды и Героевъ Поэмы. Я представляю шебѣ по порядку всѣ почти Эпизоды.

Въ первой глѣсн маленькой Эпизодъ, содержащій въ себѣ печаль разлучающейся Царицы, прогашеденъ и естественъ: онъ кспаши и не препящспвуемъ дѣйспвію. Второй Эпизодъ — преобширной: разврапная и низкая любовь Сумбеки, Османа и Эмиры. Ктобы подумалъ, чтобы и раба, могла попасшь въ эпическія героини! — Въ чемъ дѣло? Когда узнали въ Казани о вооруженіи Россіи, все возпрепешало: Сумбека не думала ни о чемъ; она дышала Османомъ, который влюбленъ въ Эмиру, ея прислужницу. — Не говорю, что пакія лица достойны являться не въ Поэмѣ, а только въ романѣ. Но скорблю о средствахъ низкихъ, которыя употребляютъ онѣ къ достиженію различныхъ своихъ намереній. — Сумбека посылаетъ *Сеита* совѣтовацца съ богами не для того, чтобы радѣла.

пользѣ Опечества ; но для того , чтобы сочешашся съ Османомъ безъ него тайно ; первые Герои предлагаемые въ ея супруги отвергнуты : она , Царица , бродитъ въ садахъ своихъ , и слѣдитъ за Османомъ , который успѣлъ уже выпроводитъ свою милую Эмиру съ великими сокровищами за городъ. — Вошь , другъ мой , достойные соперники Юанна !!! Ты знаешь спаринное правило : чемъ труднѣе дѣло , тѣмъ важнѣе побѣда ; чѣмъ болѣе иреляпсивый , тѣмъ упѣшительнѣе преодоленіе , тѣмъ занимательнѣе происшествіе. — Съ кѣмъ здѣсь сражаешься? Дворъ Сумбеки едва ли не домъ сумасшедшихъ. Онъ не только не представляетъ славнаго сопротивленія , но заблаговременно самъ уже стремится къ своей гибели ; — и мы увидимъ , что дѣйствительно безъ Юанна погибнешь самъ собою ! — Изъ продолженія письма сего ты усмотришь это яснѣе. Четвертая пѣснь заключаетъ описаніе гробовъ древнихъ Хановъ. Имена ихъ , спрашцыя Россіи , дѣлающъ сіе описаніе сподько же занимательнымъ , сколь-

ко спраннымъ: сіе всесоженіе гробницъ, сія нѣнь Сафгирея, коего успа распечатавшія Ангеломъ цѣстнаго Бога, велятъ Сумбекъ любить Адея; сей спраспной Алей, забывшій Россію, сперва обладающій сердцемъ Сумбеки, попомъ ея ненавидимый; — сей бѣглець, кошораго, не знаю, почему Пѣснопѣвецъ въ 10й пѣсни на спран. 210й величаетъ слѣдующимъ образомъ:

*Суровый сей Калмонъ спалъ нѣжный Ил-
лоमितъ.*

— а сей Османъ, кинупшій Царицею, и снова обратившій любовь ея: — все сіе, и наконецъ несогласія вельможей, безпреставные выборы Царей: вошь благородныя, занимательныя происшествія, давно уже опдѣлившія насъ отъ Іоавна и его Хрисполюбиваго воинства, которое оставили мы идущимъ къ Коломнѣ! Это составляетъ цѣлыя три пѣсни, не достойно посвященныя интригамъ вѣрной женщины и ея служанкѣ! Не понимаю, какъ могло патристическое

сердце почтеннаго Хераскова унизишь такимъ образомъ пріумфы Іоанновы! — Въ шестой пѣсни естъ весьма хорошій Эпизодъ, приличный Эпопѣ. Исканаръ, Ханъ Крымскихъ Ташаръ, подущенный Сеипомъ, дабы остановить стремленіе Россіянь, нападаетъ на Рязань и Тулу; Царь прощивъ него посылаетъ Курбскаго, который оспаетъ побѣдителемъ. Но ты обращаешь мое вниманіе на прекрасную, мужеспвенную Релу, вѣрную супругу Исканара? — . . . . Оставимъ это, другъ мой! Больно сердцу чинать и сей прекрасной Эпизодъ, обезображенный презрѣннѣйшимъ поступкомъ Сеипа, неблагодарнаго, подлаго жреца сего, который, позабывъ главное опечесство своего препорученіе, нарочно увлекъ Исканара въ первые ряды сражающихся, дабы погубить его и завладѣть Ремою; онъ дѣйствительно посадилъ уже ее на коня, но рука вѣрной супруги ошрѣзала шею нечестивцу. — Такія романическія, ошвращительныя произшествія

не затемняютъ ли перваго предмета? — и чѣмъ они привязываются къ дѣйствию главному? Если бы Херасковъ не позволилъ Сеишу сдѣлать такого безстыдства, чшобы поперяла Поэма? Исканаръ могъ бытъ пораженнымъ и безъ его козней на поединкѣ съ Курбскимъ. Миѣ кажется, Поэма еще бы выиграла, если бы Сеишъ оспался живымъ; ибо тогда оспалась бы злоба и коварство запрудненіями, противоборствіемъ для великодушныхъ усилій мужественнаго Іоанна! — Для сихъ-то произшествій должны мы были поперять изъ виду знаменитое воинство, сражающееся за свободу Отечества! Какой романъ! . . .

Но гдѣ они, гдѣ Рускіе? — Худо подвигаются, хопя и собрались усердно, и по въ 7 й шолько пѣсни! Новая бѣда! на пупи, уже одушевленныхъ героизмомъ воспрѣчаетъ ихъ неизвѣстный старецъ, и волшебникъ и Христіанинъ вмѣстѣ; онъ предсказываетъ несчастія, которыя шощастъ

и совершились, слѣдовательно могли обойтись безъ предсказанія; можетъ быть эпо нужно было, дабы показать сперва упорство Иоанна къ совѣшамъ, а потомъ его смиреніе. — Но могъ ли благороднаго, великаго духа Государь, взирая на ужасные слѣды опустошеній варварскихъ, вникая опчаяннымъ воплямъ своихъ подданныхъ, могъ ли, говорю, безъ униженія своего величія, и даже безъ нарушенія правилъ разсудка, вникать совѣшамъ чернеца, внезапно явившагося, который даже не объявлялъ ему своего имени! — — —

Вопъ, по словамъ сего *вѣщуна*, прямо въ очи Россіянамъ новый ужаснѣйшій Эпизодъ: безбожіе вмѣспѣ со многими богачами (!!), возбудившее зной и бурю, и потомъ искушающее Иоанна въ видѣ дракона и Магомеша (!!!); — и потомъ улетшающее съ намѣреніемъ мспинъ ему жесточайшимъ образомъ. — Но какъ явился, и откуда Алей? — Какъ спасено войско на водѣ и на землѣ? какъ, и куда сокрылись чудесные зной и бури, — и

сіи, еще болѣе странные боги? — Какой романъ!...

Возведеніе старцомъ *Вассіаномъ* ибо, хотя поздно, однако мы наконецъ узнали его имя) Іоанна во храмъ судьбы, и пророчество его о будущемъ есть такой ошривокъ, которому подобные встрѣчаются во всѣхъ Поэмахъ: — это дѣло позволенное и даже похвальное; но я желалъ бы, что бы Эпизодъ сей былъ гораздо искуснѣе приведенъ. Какъ натурально, стихотворно показывается Энею будущая судьба его! — Онъ видитъ ее внезапно на щипѣ, которой сѣдалъ богъ Вулканъ по просьбѣ матери героя, богини, покровительницы его и будущаго Рима. Какъ приятно также чинанъ въ Іерусалимѣ освобожденномъ такое пророчество, сказанное уснами Гуга, сего царственнаго воителя Гѣнфреду, его другу! — Но Вассіанъ, — кто онъ? — лице неважное, явившееся не изъ обителей небес-

ныхъ , а изъ лѣсовъ , явившееся , не какъ Пещръ пустынный вдохновенный и безпрерывно въ Поэмѣ дѣйствующій , но только на время поугавшее , и навсегда потомъ сокрытое , и припомъ — лице , укорисельное для Іоанна ! —

Кажется , въ лицѣ безбожія хотѣлъ Херасковъ предсавити главную противоборствующую силу Россіянамъ такъ , какъ Венера Грекамъ , какъ Юнона Энею , Армида Христіанамъ . Оно опять является въ ѳнси противъ Царя Россійскаго . — Впрочемъ при всей своей злобѣ , сѣдивное божество гораздо вѣтренѣе и грозной Юноны , и пристрастной Венеры , и кокетствующей Армиды , которыя всѣ постоянно дѣйствовали противъ своихъ непріятелей . — Оно вооружилось противъ Русскихъ ; но какъ оно поступаетъ ? — Соединясь съ Развратомъ пожелало въ Казань , и безъ того уже ослабленную раздорами , дабы воспалити новые бунты . — Зная пророчество ,

что до тѣхъ поръ Царство Казанское
будешь цѣло, доколѣ въ немъ останеися
Алей, стараешься выгнать его изъ Каза-
ни, и въ семь намѣреніи миритъ Сумбе-
ку и Османа. Алей едва избѣжалъ смерти —
и — скрылся. Безбожіе продолжаетъ своя
козни, — и послѣдніе Герои, на кото-
рыхъ бы могла опереться сія столица
могущественной Орды: — *Османъ*, *Саг-
рунъ*, *Асталонъ*, погибають! — И шакъ
это мспительное Безбожіе весьма обяза-
тельно: мы не напрягли лука, не обна-
жили меча, а по его милоспи исчезли уже
и Герои опасные, и выданная народомъ
Царица плыветъ по Волгѣ, какъ плѣнни-
ца! . . . Иной бы испугался этого, и спро-
силъ бы, и имѣлъ бы причину спросить:
слѣдовательно Поэма кончилась? — Нѣтъ!
не бойшесь: въ Казани еще явятся новые
Герои, и новое правленіе!!!

Гомеръ, Виргилій, Тассъ и другіе
Пѣсновѣвцы не представляли изъ дѣй-
ствующихъ лицъ Поэмы такихъ Кипай-
скихъ тѣней, безъ нужды смѣняющихъ
другъ друга.

Книж. II.

Д

Прощаніе съ Царемъ Алексѣемъ Сумбѣ-
ки прогашельно, хотя сія послѣдняя уже
давно предупредила насъ не, въ свою поль-
зу. Эпизоды: Троекуровъ раненый, и
плѣнь Палецкаго очень хороши; приведе-
ны кстапи, и послѣдній особливо. Кро-
мѣ того, что онъ разительнѣе показы-
ваетъ твердость характера Рускаго Ге-
роя; имѣешь и другое достоинство: слу-
житъ натуральной связью между десятою
и одиннадцатою Пѣснями. Теперь предста-
вляется первая рыцарская добродѣтель
въ Казани, явленная въ лицѣ *Гидромира*: —
Палецкой отпущенъ изъ плѣна съ усло-
віемъ сражаться завтра. Объявляется
единоборствіе четверыхъ противъ четвер-
ыхъ; награда побѣдителей: или разорѣ-
ніе Россіи, или удаленіе Тамаръ изъ пре-
дѣловъ Россійскихъ. Дѣло не маловаж-
ное! — Это Гораци и Куриаци! Это
болѣе, нежели Танкредъ и Аргаишъ. —
Чѣмъ же великое дѣло сіе кончилось? Ры-
цари непобѣжденные; въ другой разъ (въ
10 и 11 Пѣсни) оппорванные отъ сра-
женія посыдною спрашнью къ Рамидъ;

обращаются въ бѣгство, и лишаютъ Русскихъ Героевъ чести быть побѣдителями! — Но можетъ быть; скажешь ты мнѣ, они опять возвращаются; укрѣпившись въ силахъ, и исполняютъ рыцарскую свою обязанность — честное свое слово! по крайней мѣрѣ такъ поступалъ Тассъ въ своей Поэмѣ. — Онъ прерывалъ сраженіе или по обстоятельству; или спрашнью Героя; свойственною всемъ челоукамъ; но съ такимъ намѣреніемъ, чтобы, остановив на время вниманіе читателя; и раздраживъ еще неперпѣливостъ его болѣе; наконецъ удовлетворить еѣ въ надлежащемъ мѣстѣ; съ большимъ блескомъ, съ болышею силою. — И Аргантъ побѣжденъ Танкредомъ, и Солиманъ убитъ Ренальдомъ; не смотря на то, что прежде опасныя съ ними сраженія были прерываемы. — Такъ расблагаетъ мастеръ; воспавляющій важнѣйшія событія къ послѣднему дѣйствию своей драмы; или Поэмѣ: . . Тщепная надежда ваша; Курбской; Шемякинъ и Палецкій! вѣнецъ вѣнчъ подвиговъ; пища мечей нашихъ;

Д 3

къ вамъ не возврашится! Какъ не милосердъ къ вамъ Пѣснопѣвецъ (*)! — Куда же дѣвались сіи славные Герои? — Послушай, вотъ новый эпизодъ:

О Муза! опъ пвоихъ очей не скрываетъ
Древность:
Вѣщай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;
Среди военныхъ бѣдствъ и зримыхъ стѣнъ
въ крови,
Представь ужасное позорище любви;
Не бойся перерывать всенну повѣсть, Муза!
Ты къ спасенію ошленишь сихъ пѣсней для
союза! . . .
XI Пѣснь.

Два послѣднія стиха доказываютъ, что самъ Авторъ чувствовалъ, сколь худо привязывается сей Эпизодъ. — Но ты еще спрашиваешь: гдѣ сіи пресловутые, спрашныя Россіянамъ Герои? — Они са-

---

(*) Шемякинъ обиженъ еще болѣе: онъ былъ въ числѣ избранныхъ на единоборствіе; а вышелъ вмѣсто его Мстиславской, и не сказано никакой поему причины. Такъ не игралъ своими героями, кажется, ни одинъ изъ Пѣснопѣвцовъ. — Не ошленика ли это? —

ми себя перерѣзали всё изъ ревности, изъ такой спраспи, которая совсѣмъ къ дѣйствію не шла, и могла бы служить изряднымъ предметомъ для опдѣльной особенной баллады въ новѣйшемъ вкусѣ. Нещасные обращены въ змѣй, которыхъ благодѣшель и нарѣченный пестъ ихъ закладываетъ въ свою воздушную колесницу, и отправляется въ Царство Зимы, дабы испытать еще послѣднее средство противъ Россіянь, хотя, кажется, что до сихъ поръ не употреблено еще настоятельно ни одного. Нигринъ назначилъ свое возвращеніе съ хладами Зимы чрезъ три луны; въ продолженіе сего времени не было никакого дѣйствія ни съ той, ни съ другой стороны. Слранно, что Россійской Государь могъ себѣ позволить такое бездѣйствіе, и дожидаться самаго холоднаго времени, которое препятствовало дальнѣйшимъ успѣхамъ его осады. Волхвъ Казани является наконецъ съ Зимою, которая шаетъ предъ лицомъ Креспа Господня; души Героевъ-змеевъ, какъ выродки Арабскихъ сказокъ, каждая, сообраз-

не своему свойству, преселились, или въ воздухъ, или въ воду, или землю; а самъ служитель ада поражается кускомъ снѣны, всорванной на воздухъ отъ подкопа. Казань взята. Поэма кончилась.

Таково расположеніе и ходъ Россіады. Всякой видѣть можеть, что она имѣеть съ сей стороны много и важные недоспашки. — Иныя части Поэмы совершенно отдѣлены отъ ней; другія противоборствующія силы не дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ. Я въ заключеніи напомнимъ только о главнѣйшихъ. Посыдающая любовь и кокетство Сумбеки, также всѣ внутренніе бунты могутъ скорѣе составить какое нибудь особенное швореніе, подъ названіемъ: *Паденіе Казани отъ внутреннѣхъ неустройствъ*, нежели входить въ составъ Россіады; ибо оны нарушаютъ единство и даже оскорбляютъ свою низость благородное ея достоинство. — Прочитавъ вторую Пѣснь, я смѣло могу пропустить и III ю, и IV ю, и V ю Пѣс-

ни, и снова начашъ свое чтеніе шестую :
 опъ этого Поэма ни мало не поперяешъ.
 Нѣтъ ничего снраниѣ этого Безбожія ,
 которое столь долго и во многихъ Пѣ-
 сняхъ воюешъ пропивъ Іоанна , и дѣй-
 ствуетъ въ его пользу, нещадно испреб-
 дая всѣхъ Казанскихъ вицязей. IX я и
 часть X й Пѣсни опять занимають насъ
 отвращительною Сумбекою и ея любов-
 никами ; слѣдовательно и безъ сихъ Пѣ-
 сней мы также могли бы обойтись.
 Вошь почти половина Поэмы ! — Кому
 же теперь посвящена Россіада ? Іоанну,
 или Сумбекъ ? — Россійскимъ или Татар-
 скимъ Героямъ ? — Чтобы симъ внутреннимъ
 мятежамъ , чтобы симъ интригамъ войши
 въ сосзавъ цѣлаго, должно, чтобы онѣ бы-
 ли произведены походомъ Іоанна и къ
 нему относились. — На примѣръ : весьма
 бы натурально было возродиться несо-
 гласіямъ между Вельможами , которые ,
 узнавъ о приближеніи непріятеля , и не
 довѣрая другъ другу въ охраненіи Престола
 и Царства, спорили о верховной власти. —
 Въ Россіадѣ напротивъ , бунты сіи ни

мало не имѣютъ въ виду защищенія опечесства, а просило придворныя интриги вельможъ, по примѣру ослѣпленной Царицы, забывшихъ о выгодахъ общей, сихъ вельможъ, которые, кажется, и не думали о томъ, что Іоаннъ скоро будетъ подъ ихъ стѣнами до самаго возведенія на престолъ Едигера, въ которомъ, каковъ бы онъ впрочемъ ни былъ, но все видимъ защитника Казани. Чѣмъ я доказать могу, ты спросишь, что Сумбека и вельможи не поклялись объ этомъ? — Тѣмъ, что до сего времени не было у нихъ никакихъ приуголовленій военныхъ; шѣмъ, что всѣ ихъ занятія имѣли особую цѣль, несомнѣнную съ цѣлію спасенія опечесства; шѣмъ, что во вѣ ихъ предпріятія не кончены и не имѣли послѣдствій; а симъ доказывается, что они были насмѣящіе враги Казани, или по крайней мѣрѣ тупы до послѣдней степени; и шѣмъ наконецъ, что они не сдѣлавъ ничего, не основывъ и не подвинувъ дѣйствія, всѣ погибли отъ самихъ себя, давъ мѣсто новымъ Герезамъ, которые въ свое время яви-

лись на полѣ брани. — Взирая на сихъ послѣднихъ, я признаю, что были необходимы; обращаясь на первыхъ, спрашиваю, къ чему они были? — Ни къ чему! — Что они сдѣлали? Ничего! — Еще возражать мнѣ: можетъ быть полиплика Иоаннова производила сіи бесполезныя, пагубныя для Казани мяшежи, дабы содержать врага своего въ бездѣйствіи и ослаблять раздорами? — Прочтите всю Россіаду: вы не найдете ни одного стиха въ пользу эшаго мѣвнія. Хотя таковой способъ побѣждаетъ и ниже Героической Поэмы; но онъ по крайней мѣрѣ былъ бы связью доспапочною Казанскихъ дѣлъ съ главнымъ предметомъ Россіады. — Сумбекъ подавали совѣты спасительные и живые люди и мертвые: она не внимала имъ, какъ пропивнымъ любви ея къ Осману. — Она посылаетъ Сеипа для совѣщанія съ богами, а попомъ къ Крымскимъ Ташарамъ не для блага отечества, но для того, чтобы свободнѣе сочешались съ Османомъ. На что ей нуженъ былъ Османъ, которой явно

опшвергнулъ ея предложенія? — На что взяла она Алея, когда на другой же день сдѣлала его почти плѣнникомъ? — Коротче: и она и сіи сполпы Казанскаго Царства, начиная отъ Сагруна до Сеиша, дѣлали все безъ намѣренія, безъ всякой цѣли. — Исканаръ бросился на Тулу для грабежа; Сеишь подущала его выдти на брань не столько для того, чтобы нанести чувствительный ударъ Россіянамъ: нѣтъ! для того, чтобы безстыдно завладѣть его женою (*). При такихъ прошивникахъ, скажь пожалуй, что опаслось дѣлать Рускимъ? -- Смотрѣть спокойно на раздоры Казанскіе, поджидать свои запасы, вытерпѣть два нервительныя нападенія, и *выдержавъ* эной, *дождаться* мраза! . . . Ибо что совершили и сіи Герои ужасные, Гидромиръ съ поварищами? . . . Они, кажется, хотѣли только показать себя Рускимъ! . . .

(*) Несчастный Крымскаго владѣтеля услугою, Плѣнился Ремою Сеишь, его супругой, И къ цѣли гнусныя желанья довести, Принудилъ съ воинствомъ Царя на брань идти!

Пѣнь IV.

Теперь, если отблдимъ отъ Поэмы все издлиннее, или безъ послѣдствій представленное, ни полишкой враждующихъ споронъ, ни желаніемъ дѣйствовать съ надлежащею цѣлю несвязанное: то увидимъ, что Россіяне въ семъ великомъ швореніи сражались болѣе съ бурями, воемъ, нѣсколько съ зимою, и наконецъ вошли въ Казань чрезъ проломъ, успроенный Розмысломъ! Въспъ небольшой кусокъ существеннаго — подражаніе нѣкоторымъ частямъ Тассова Иерусалима! — Другіе богатые и главные источники дѣйствія и его разнообразія, употребленные всѣми безсмертными Пѣснопѣвцами, какъ по характеры, спрашши, собственныя виды мужей великихъ и пр. оставлены Пѣснопѣвцемъ безъ вниманія: — я говорю здѣсь о Герояхъ Рускихъ особенно, а не о Казанскихъ. — Взирая на швореніе съ сей стороны — а она важнѣйшая — я осмѣлился заключить, что Россіада имѣеть недосшатки какъ въ изобрѣшеніи содержанія, такъ и въ расположеніи.

Но какой Писатель преодолѣлъ всѣ трудности, сопряженныя необходимо съ такимъ огромнымъ швореніемъ? — кто исполнилъ совершенно всѣ требованія искусства?

. . . . Quandoque bonus dormitat Homerus!

Тассъ, Камоенсъ, Вольперъ, Мильпонъ и самъ Виргилій не могли спасти себя отъ нѣкошорыхъ весьма важныхъ уклоненій въ полетѣ столь продолжительномъ, высокомъ и шрудномъ.

Ко славѣ почтеннаго Хераскова должно замѣнить эпошъ духъ патриотизма, духъ любви къ Опечесству и благоговѣнія къ Религіи, который дышетъ повсюду въ его швореніи. Вообще стихошворство его вездѣ возвышенно и благородно. — Если сославъ не шакъ удачно связанъ, то по крайней мѣрѣ искусно одѣшъ. Нѣкоторыя частши, если не по отношеніямъ, то сами по себѣ опдѣланы очень хорошо. Я особенно буду писать къ шебѣ о красотахъ Россіады. — Порядокъ, принятой мною, шребовалъ, чтобы я началъ съ

расположенія ; я охраню сей порядокъ и
впредь. — Любовь къ истинѣ и усердіе
въ Россійской Словесности побудили
меня сказать свои мысли открыто , и я
представилъ замѣченные мною недоспапки
Поэмы ; по тѣмъ же самымъ чувствую ,
но гораздо съ большимъ удовольствіемъ
и радостію , буду говорить я объ отлич-
ныхъ достоинствахъ Россійскаго Пѣсно-
пѣвца . . . . Проси!

Мраке.

(*Продолженіе впродъ.*)

IV.

Эльвина и Эдвинъ.

(*Баллада.*)

Въ излучистой долинь сокровенной,
Тамъ , гдѣ блещитъ подъ роцею попокъ ,
Стояла хижинка , смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина въ ней красавица шайлась —
Прелестный цвѣтъ для матернихъ очей ;
И мать лишь объ одножъ молилась :
Всѣ блага въ жизни ей !

Какъ лилія была чиста душою ;
 И пламенѣль румянецъ на щекахъ —
 Такъ разливается вѣсною
 Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала ;
 Для всѣхъ подругъ красой была страшна :
 И, чудо прелестей, не знала
 Объ ни-ль одна она.

Пришелъ Эдвинъ ; безъ всякаго искусства ;
 Эдвинова плѣняла красота :
 Въ очахъ неселыхъ пламень чувствва ;
 А въ сердцахъ престопа.

И заключенъ святой союзъ сердцами ;
 Душъ легко въ родной душъ чинашь ;
 Легко, что сказано очами,
 Устами досказаешь.

О! сладко жить ; когда душа въ покоѣ ;
 Исъ тѣль, кто миль, начавъ, кончаешь дни !
 Въ двоимъ и радости всѣ вдвое . . .
 Но, ахъ ! онъ какъ тѣль !

Лишь золото любилъ опецъ Эдвина ;
 Дал жалости онъ сердца не имѣлъ ;
 Эльвинъ же дала судьбина
 Одну красу въ удѣлѣ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
 На ихъ любовь — на счастье двухъ сердець.
 Резпаньтесь! — роковое слово
 Сказаль онъ наконецъ:

Увы! Эдвинъ! въ какой борьбѣ въ немъ спра-
 сши ;

И ни одной не въ силахъ побѣдить!

Какъ не признашь опцовской власти?

Но какъ же не любишь?

И иѣжной взоръ и сладостныя рѣчи ;

Погибло все — и счастье только сонъ!

Съ ней розно ; онъ и милой встрѣчи

Боялся осуждень.

Лишь по утрамъ, чшобъ видѣшь слѣдъ Эль-
 вины ;

Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она

Шла по излучинѣ долины

Печальна и одна.

Или, когда являя мѣсяць роги ;

Туманный свѣтъ на роцн наводилъ ;

Онъ грустенъ, вдоль большой дороги

До полночи бродилъ.

Задумчивый ; онъ часто по кладбищу,

При склонѣ дня, ходилъ среди крестовъ :

Его поскъ давало пищу

Спокойныя гробовъ.

Знать, гробъ ему предчувствіе сулило!
 Уже ланишь румяный цвѣтъ пропасть —
 Ихъ горе блѣдностью покрыло —
 Нещастный увдадь.

И не спасушь его младья лѣпы!
 Вопще въ слезахъ надъ нимъ его опецъ;
 Вопще и вопли и обѣшы:
 Всему, всему концецъ.

И молишь онъ: друзья! изъ сожалѣнья!
 Хопя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!
 Ахъ! дайте, дайте опъ мученья
 При ней мнѣ опдохнуть!

Она пришла; но взоръ любви всеильной
 Уже себя, Эдвинъ, не воскресить!
 Уже готовъ покровъ могильной
 И гробъ уже опкрыть.

Смотри, смотри, нещастная Эльвина!
 Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!
 Ни тѣни прежняго Эдвина: —
 Ликъ блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку —
 И на нее взоръ томный успремилъ:
 Какъ сильно вѣчную разлуку
 Сеи взоръ изобразилъ!

И, до зари покинувши Эдвина,
 Одна домой, вблизи кладбища, шла,
 Души не чувствуя, Эльвина; —
 Кругомъ густѣла мгла.

Отъ Сѣвера подѣмлясь вѣперъ хладной,
 Качаль, свиспя, во мракѣ дерева;
 И выла на спѣнѣ оградной
 Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
 И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
 Казалось — пѣнь его лепала!
 Казалось — онъ спеналь!

Но вдругъ, и вѣвъ ужъ слышима Эльвинѣ:
 Вдали пробилъ уныло тяжкой звонъ!
 Какъ смерти голосъ, по долини
 Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала;
 Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ:
 „Просни! все кончилось! сказала —
 Мой Ангелъ улетѣлъ.“

„Благослови! — зовущъ! — иду къ Эдвину! —
 „Но для себя мнѣ жаль покинушь свѣтъ!...“
 Умолкла; — мать зовещъ Эльвину ...
 Эльвины больше нѣтъ!

Съ Англии. Жуковскій.

Л Е Л Ъ Н И Щ И Й.

„Простите, маминька!“ — Куда ты? — „Въ
пусть пускаюсь;

„Я спранспиваешь въ подсолнечной хо-
чу!“ . . . . .

— Но какъ! — ты нагъ, мой сынъ, а люди? . . .
„Насмѣхаюсь!

„Я богъ любви, я міра царь! — лечу.“

Лепишь, на землю шагъ — и гордоспъ вмигъ
упала,

И льспивая разсѣялась мечта :

Любовь, безъ звонкаго мешалла

Повсюду худо принята.

Но Лель идешь; Москва надеждой оспаесть;

Тамъ мнѣ еще (онъ мнитъ) курпсъ еиміамъ!

И вопъ ужъ богъ любви вокругъ красавиць
вбепся,

Оспрады ждешь бѣдамъ,

То къ шой, шо ко другой взываешь:

„Ты носишь плафень мой въ крови,

„Мой огнь въ глазахъ твоихъ бли-
спаетъ,

„Ахъ! Нина, — что нибудь любви!“

— Богъ дастъ, — вздохнувъ, сказала Нина.

И Лель оцѣпнѣлъ. —

„Хопь что нибудь любви, прелесная Ко-
рина!

— „Ахъ! какъ онъ надобль! —“

„Верпушка Лизенка! хопь ты склонися къ
Лелю!

„Я цѣлую недѣлю

„Не могъ пристанища сыскашь.“

— Ну, полно врашь,

Я никогда тебя не знала,

И вѣкъ не буду знашь. —

„Ты испину сказала:

„Кокешка можешъ ли любовь пишаешь!“ —

На перекресткѣ Лель ручонки проспираешъ:

„Ахъ! жальшесь, Господа!

„Царь міра голодаешъ!“

— Ну что же за бѣда! —

Пулярдинъ отвѣчаетъ,

— Гдѣ пиши для тебя мнѣ взять!

Да ты же, брашець, молодъ,

Я, пресыщеніе на эпошь голодъ,

Съ придачей радъ бы промѣняшь! . . . .

Но вопшь, пипомецъ теба! — —

„Подай Любви кусочикъ хлѣба!

„Не ужь ли не узналъ? . . .

„Меня въ спихахъ ты часто напѣваль.“

— Богапъ я, братъ, спихами —

Проси, коль надобно, спиховъ:

Мы часто голодаемъ сами! —

Сказаль — и былъ шаковъ.

Е 2

Побрель, задумавшись, власпицель нашъ
сердечный;
Успаль — и опдохнушь онъ въ хижину за-
шель.

Привѣтъ шамъ искренній нашель,
И шамъ — жилецъ оспался вѣчный.

Ивановъ.

VI.

Б а с н ь .

О с е л ь .

Осель, не дальнаго ума и разсужденья,
Усердно при дворѣ помѣщика служиль:
День каждой, по дрова, по воду онъ возиль;
Былъ, словомъ, образецъ ослинаго шерпѣнья.
Когдажъ опъ спаросити уже безмысль спаль,
И къ службѣ негодился;

Помѣщикъ дряхлаго въ деревню отослалъ;
Но мой Осель всегда твердилъ: *я удалился!*
Чишпашель! басни сей смыслъ должно бы
сказать;

Но лучше промолчать!

Волковъ.

VII.

П ъ с н я.

Коль сердце сердцемъ можешь житьъ,
 Коль благо жизни — ихъ сліянье:
 Ахъ! чпожь должна разлука бытьъ?
 Разлука — адское спраданье!
Любя, любезной не видать,
Слократъ день каждой умираеть!

*

Бывало... сладкой, милой часъ!
 Даръ Неба — всякое мгновенье!
 Чудесна прелестъ спраспныхъ глазъ!
 Безмолвно взоровъ изъясненье!...

Любя, любезной и пр.

*

Сидѣшь однимъ, играешь, шутишь,
 Душа душою веселишься,
 Сердцами слушаешь, говоришь,
 И не умѣешь наговориться!.....

Любя, любезной и пр.

*

Одна рука къ рукъ другой
 Прокравшись, съ шрепетомъ касались;
 Вздымалась бѣла грудь волной,
 И взоры тихо опускались!.....

Любя, любезной и пр.

*

Пылааь огонь въ лицѣ , въ крови ;
 Въ глазахъ помленье омоченныхъ !.....
 О нѣжной поцѣлуй любви ! . . . .
 О слезы , рай обвороженныхъ ! . . . .

Любя , любезной и пр.

✱

Веселье , горестъ , слезы , смѣхъ ,
 Минуты спора и согласья :
 Все было мнѣ виной упѣхъ ,
 Все было мнѣ виною щастья !

Любя , любезной и пр.

✱

Гдѣ вы , о спутники Любви ,
 Размолвка , гнѣвъ и подозрѣнье ,
 И ревность нѣжныя души ,
 И ты , другъ — радость , примиренье !....

Любя , любезной и пр.

✱

Теперь... тоской срѣпаю день ,
 Тоскою день я провождаю ! —
 Воспоминанье — блага шѣнь ,
 Тобой любовь мою пипаю ! . . . .

Любя , любезной и пр.

✱

Какъ ночь взойдетъ на небеса ,
 Я часпе , обольщенъ мечтою ,
 Тебя зрю , милая Краса !
 Проснусь , — нѣтъ призрака со мною ! . . .

Любя , любезной и пр.

✱

Вотъ локонъ здѣсь швоихъ велось,
 Вотъ, что осталось отъ прекрасной! —
 Нѣмой свидѣтель горькихъ слёзъ, —
 И ты мнѣ мукой спалъ ужасной!.....
 Любя, любезной не видать,
 Стократъ день каждой умираетъ!

М—вб.

VIII.

Б Е З С М Е Р Т Н О Е .

Со славою зависть обитавтъ;
 Великій человекъ щасливый не бываетъ.
 Искусство жить: всю жизнь свою скрывать,
 И въ смертный только часъ безсмертнѣе на-
 чать!

М—вб.

IX.

В О С Т О К ъ И З А П А Д ъ .

Возари на свѣтлое *Востока* укрощенье,
 И жизнью веселись!
 Но ты спрадаль; — тебѣ потребно утѣ-
 шенье:
 На *Западъ* обратись!

М—вб.

Что есть Амуръ?

(Отвѣтъ на вопросъ молодой дѣвушки.)

Царь смертныхъ и боговъ, всѣхъ краше,
всѣхъ сильнѣе,

Царь, даже маперы - богини своей;

Онъ нѣженъ такъ какъ ты; онъ сирастенъ
такъ какъ я, —

Но только нѣсколько смѣлѣе!..

М—вѣ.

~~~~~

XI.

Умиращій Эдипъ.

Сцены изъ Трагедіи Софокловой, подъ
названіемъ:

Эдипъ Колонейскій (*).

Слышатъ громъ. Блистаетъ молнія. Буря.

Хоръ.

Се паки грянуль громъ,

Ударъ грозящій Бога! —

Не кара ль на Тезеевъ домъ

Изъ горняго черпoga? —

(*) Мы неоднократно имѣли удовольствіе видѣть на сценѣ Эдипа въ прекрасной Трагедіи Гна. Озерова. — Софоклъ окончиваетъ свою Трагедію совсѣмъ другимъ образомъ.

Боязнь сердца мерквитъ,
 Власы горою вспали;
 Все небо вокругъ горитъ, —
 И холмы воспылали! —
 Что, вѣспникъ спрашний, намъ
 Вѣщаешь въ наказанье? —
 Не щепное посланье
 Твое къ земнымъ сынамъ!...
 Что хочешь Зевсъ гремящій,
 Въ огняхъ на доль сходящій? —

Э д и л ъ.

О дщери! о народъ! — сей грома звучной гласъ
 Исходъ вѣщаетъ мой, разлуки съ вами часъ!
 Неизбѣжимый часъ!...

Х о р ъ.

Пророчество! — отколѣ?

Э д и л ъ.

Спраданіе-пророкъ!.. Хвала всемогущихъ волѣ!
 Спраданіе-мой свѣтъ! — Молище, чѣмъ Тезей
 Спѣшилъ узрѣть моихъ успокоенье дней.

Х о р ъ.

(Громъ и молнія усиливаются.)

О ужасъ! о горе!
 Вновь пламенно море
 Кипитъ въ небесахъ,
 Вушуетъ въ громахъ!
 О сильный! о грозный!
 Коль судъ непреложный

Вѣщаешь землѣ:
 Къ намъ милоспиевъ буди! —
 Въ губительной мглѣ,
 На вѣрные люди
 Громовъ не склони!
 Сердцею оспраданье,
 Несчастья взысканье,
 Имъ въ грѣхъ не вѣни!
 О пучегонитель,
 Асине Покровитель! —

Э д и л ъ.

Придетъ ли Царь Тезей? — Возможенъ ли
 несчастной
 Еще пріятель его живой и безгласной? —

Х о р ъ.

Не тайны ли нѣкія намѣренія твоя открыты?

Э д и л ъ.

Хочу объять ему, мной данной, совершить.
 Хочу — въ достойный плодъ его благопво-
 ренья, —

Последнюю принести я дань благодаренья!

Х о р ъ.

Гдѣ, гдѣ ты, юный Царь? —
 Слѣши, о вожделѣнный! —
 Не тамъ ли, гдѣ алтарь,
 Непшуну посвященный,
 Надъ гордой высотой
 Скалы волнодробящей? . . . .

Крылатою споной
 Слѣши, слѣши, герои
 На гласъ мольбы скорбящей!
 Се спранникъ — гость пѣвой здѣсь,
 Тебѣ, друзьямъ и граду,
 Пріятныхъ благъ въ награду,
 Принестъ жслаепъ днесъ
 Даръ сердца сокровенной . . . .
 Приди, о вождельной!

Тезей.

Я зрю въ смущенны вась, о граждане по-
 чпенны! —
 Опшоль боязнъ и шумъ? — что взоры
 уснрашенны? —
 Далече я позналъ меня зовущій гласъ;
 Иль паки спарець сей превожитъ души въ
 вась?
 Иль Зевса молнія внезапная упала?
 Иль въ буряхъ длань его гремяща возбли-
 спала?
 Богъ часно въ буряхъ намъ вѣщаетъ Свой
 законъ.
 Преклонимся предъ Нимъ. . . .

Эдиль.

Тебя приводитъ Онъ,
 Великодушный Царь, ко мнѣ во благо время!

Тезей.

Уже ль облегчено пвоихъ спраданій бремя? —

Э д и л ь.

Насталь мой смертный часъ! но покидая
 свѣтъ,
 Хочу свершить тебѣ и граду мой объѣтъ.

Т е з е й.

Предчувства мрачныя! плодъ многія печали!

Э д и л ь.

Нѣтъ! Боги сами мнѣ конецъ мой предсказали
 Въ чудесныхъ знаменьяхъ . . . и нѣтъ измѣ-
 ны въ нихъ!

Т е з е й.

Какъ?

Э д и л ь.

А перунъ изъ рукъ Всемощнаго благихъ
 Зубчатый, реющій искривленной браздою;
 А безпрерывной громъ надъ сей сѣдой главою
 Упадшій . . . . что гласяшь? — . . .

Т е з е й.

О вдохновенный мужъ,
 Пророчества твои урокъ и сладость душъ! —
 Пролей ко мнѣ свой свѣтъ, наславъ меня . . .

Э д и л ь.

Открою,
 Что граду и тебѣ благаго подъ луною
 Неизмѣняемой начертано судьбой.
 Я самъ, слѣпецъ, я вождь, предыду предъ
 побой,

На мѣсто, гдѣ меня возьмешь покой желанный;
 Но да никто, молю, Эгея сынъ вѣнчанный,
 Да не увѣдаешь никто, кромѣ тебѣ,
 Гдѣ мѣсто мнѣ сіе назначила судьба,
 Гдѣ лягу я во плѣнь, гдѣ спраннику могила;
 Къ ней, къ ней прикована Всевышнихъ во-
 лей сила,
 Которая тебѣ надежнѣйшій покровъ,
 Противъ враждебныхъ Оивъ, чѣмъ пысячи
 щиповъ. —

Се тайна спрашная, и нѣтъ для оной слова. —
 Познаешь ты единъ средь мѣста роковаго,
 Познаешь то, что я сокрылъ отъ смерт-
 ныхъ всѣхъ,
 Сокрылъ отъ дочерей, сихъ староспи упѣхъ!
 Храни ее всегда въ душѣ пвсей глубоко;
 Когдажъ придетъ къ тебѣ послѣдній часъ
 жестокой,
 Благословляющей Аѳинянь, какъ дѣшей,
 Достойнѣйшему ты повѣдаешь о ней; —
 А онъ преемнику въ свой часъ необходимой
 Расскажетъ во чреду; — и градъ непобѣдимой
 Такъ будетъ вѣкъ цвѣспи, и будетъ возра-
 спать,
 И предъ лицомъ его падетъ Себянь рапъ. —
 Вся жизнь — учипель мой; позналъ я: безъ
 навѣша,
 Ни доблестъ ни цвѣшетъ, ни царство въ
 буряхъ свѣша;

Но боги зрятъ съ небесь, и поздно, по казнятъ
 Тѣхъ, кои позабывъ ихъ, правды не хранятъ!
 Молю, да Царь Тезей сихъ бѣдшвей не по-
 знаеть!

Но часъ приближился! . . . . Могуцій при-
 зываетъ ;

Пойдемъ, я чувствую, я слышу пайный гласъ;
 На мѣсто нудишь онъ, гдѣ я покину васъ.
 О дщери милая! поспойте, нѣтъ, ужь болѣ
 Не вы слѣпцу вожди: я вождь вамъ смерпни
 въ полѣ!

Грядите въ слѣдъ за мной . . . спрахъ даль
 ошь сердце! —

Не прикасайтесе, пуспите . . . вашъ опецъ,
 Опецъ вашъ взыщепъ самъ свой домъ под-
 земной, пѣсной,

Гдѣ миръ ему сужденъ судьбою безъизвѣсп-
 ной! —

Сюда, сюда, друзья! . . . я чувствую: онъ
 здѣсь —

Меркурій, въ шемную сводяцій пѣни весь —
 И ада грозная богиня предо мною! . . .

Идушь . . . ведушь меня . . . . о вы, покры-
 пы мглою,

Зеницы слезныя! гдѣ прежде были вы,
 Когда весь мѣръ былъ чуждъ для сирой сей
 главы!

Слѣпыя къ радости, опверспыя къ печали, —
 Уже ль одинъ вы пушь ко грѣбу только знали? —

Ужель единый путь извѣстенъ вамъ во адъ!
Но полно! . . . мужъ благій, и ты любезный

градъ,
Вельможи мудрые, страна благословенна,
Проспише . . . да судьба въ щедротахъ не-
измѣнна

Надъ вами свой покровъ неплѣиной распро-
стрѣть,

И память да средъ васъ Эдипа не умреть.

(Уходитъ .)

Х о р ь.

Если въ грозной часъ позволено,
Намъ мольбы благоговѣйныя
Вознеси къ тебѣ, Царица тмы,
И къ тебѣ неумолимый Царь
Обладанія подземнаго, —
О Плушонъ, Плушонъ, услыши насъ!
Молимъ нынѣ, да не шягосно;
Не болѣзненно, не помпательно,
Странникъ, бѣдствіемъ изъязвленный
Перейдетъ спезю всеобщую!
Изъ обители живыхъ друзей
Во обитель тѣней хладную,
На другой брегъ Спикса опрашнаго!

*

О, да будетъ твой далекій путь
Благодатень и спасшелень,
Безвозвратный пупешественникъ!
Да послени тебѣ благосклонной Рокъ

За спраданія незаслуженны,
 За безропотное шерпѣніе, —
 И награду и утѣшеніе!

✱

Вы богини преисподнія,
 Прага адскаго neodольнаго
 Охранители неопспупные!
 Ты приврапникъ, Церберъ яроспной,
 Издающій лам громные
 Изъ пещеры, въ гулахъ воющей,
 Сынъ земли и мрачна шарпара! —
 Молимъ, молимъ васъ, да срѣпите
 Не въ грозѣ, не въ карахъ ужаса,
 Тихо, мирно и привѣпливо
 Пупеходца въ спраны Орковы,
 Госпя въ Царспво, свѣпа чуждое! —
 Будь, о будь къ нему, и пы кропка,
 Смерть всемопна! безпробудной сонъ!

В ѳ сл н и к ѳ.

Печальну вѣспъ несу къ вамъ, граждане по-
 чпенны:
 Уже Эдипа нѣспъ! — спраданъемъ упомлени-
 ный,
 Вѣнчанный сей слѣпецъ чудесною спезей
 Изъ міра горестей въ безспертный вшелъ
 покой!

Х о р ѳ.

Эдипа болѣ нѣспъ... онъ взяспъ уже могилой!
 Но гдѣ, когда, и какъ?...

Въслникъ.

— Боговъ высокой силой!

Непоспѣдимое повѣдашь вамъ пришесть.

Вы зрѣли, какъ Эдипъ, сей дивный человекъ,

Оставивъ градъ, слѣпецъ, шель твердыми
стопами,

Не предводимъ, самъ вождь шаминственный
предъ нами.

Когдажъ на высоту скалы мы вознеслись,

Гдѣ многія спези въ единый путь спеклись,

И мѣдныя ведущъ въ глубокой ровъ спу-
пени;

Гдѣ, въ посѣщаемой богами брашества, сѣни

Великіе друзья Тезей и Перифой,

Давъ руки, поклялись блюсти союзъ святой:

Тамъ спарець царственный на камени при-
гробномъ

Торикія возсѣдъ, въ молчаньи пребылъ пок-
номъ.

Попомъ совлекся омъ неосвященныхъ ризъ,

И дочерямъ повелѣлъ съ утеса снѣжи внизъ,

Чтобъ влаги чистыя принести для омовенья.

Текутъ, скорбящаго исполнь благоговѣнья,

Къ стопамъ Церерою вѣнчаннаго холма,

Гдѣ серебрянымъ кустомъ бьетъ выспрь во-
да сама! —

Свершеннымъ наконецъ по чину возмѣняль,

И очищеніямъ, земнаго оправданьямъ,

Книж. II.

Ж

Хламиду гробную воздѣли на слѣпца, —
 И убѣжала грусь съ угасшаго лица.
 И озарился видъ, и сердце въ немъ взыграло;
 Казалось, съ него всѣхъ бѣдъ свѣтъ бремя
 спало. —

Спокоенъ, важенъ, тихъ, минушы слад-
 кой ждалъ. —

И се подземной Зевсъ громовой голосъ далъ.
 Воспрепешало все, и дѣвы робки въ страхѣ,
 Къ колѣнамъ родшаго припадая на прахѣ,
 Въ крушеніяхъ, слезахъ, пѣсня рыданьемъ
 грудь,

Прощались навсегда съ грядущимъ въ шай-
 ной пунь. —

Подземлешъ милыхъ онъ... въ объятія за-
 ключаетъ: —

Нѣтъ вашего отца ужъ болѣе, вѣщаетъ;
 Но не смущайтесь... сей ада гласъ глухой
 Приноситъ мнѣ конецъ, а вамъ даритъ
 покой!

Такъ! день сей совершитъ и ваши испы-
 танья,

Труды, и спрансивія, и тяжкія спраданья,
 Для престарѣлаго подъянныя отца! —

Что, что воздамъ я вамъ, о добрыя сердца!
 Мой посохъ, вы мой щипъ, вы свѣтъ ам-
 шенну свѣта,

Принесшія мнѣ въ даръ свои младыя лѣ-
 та!

Что вамъ воздашь могу? . . . все, что имѣю я,
 Чего не возьмешь гробъ, чѣмъ длилась жизнь
 моя : —

Нѣжнѣйшая любовь, копору къ вамъ питаю,
 Вопь все, что я во мзду убогій оспавляю!
 Да Небо, памяцю любезною о ней,
 Коль можно, усладишь оспанки вашихъ
 дней!

Здѣсь спарца гласъ умолкъ, и слезы уми-
 ленны

Излились на главы, ко персямъ преклоненны.
 Раздался паки вопль, рыданіе и спонь;
 Всѣ плакали тогда; единъ спокоенъ онъ; —
 И вскорѣ важное настало вкругъ молчанье!
 Всѣхъ очи на него, всѣхъ души въ ожиданьѣ;
 Недвижны, препешны стояли мы вдали. —
 Се снова нѣкій гласъ изшелъ изъ нѣдръ земли.
 Объялъ всѣхъ души хладъ, власы на челахъ
 вспали,

Казалось, купно имъ съ несчастнымъ уми-
 рали;

Я слышалъ самъ, какъ богъ взывалъ ему не
 разъ:

Эдипъ! Эдипъ! гряди; насталь исхода часъ.
 Уже устроены путь! — медленѣе за по-
 бою!

Тогда, Незримаго познавъ передъ собою,
 Онъ молишь, да къ нему приблизится
 Тезей.

О Царь возлюбленный! вѣщаешь спарець
сей,

Проспри мнѣ длань свою, и вы, о дщери
мины,

Просприте мнѣ свои, да на краю могилы
Я древней гѣрносни сложу изъ нихъ за-
логъ.

Клянися, о Тезей! — да клятвы слышитъ
Богъ!

Что не покинешь ты сиротъ моихъ без-
родныхъ,

Но благодѣшель, — полнѣ владыкъ чувствій
сродныхъ,

Устроишь жребій ихъ, и будешь имъ щип-
помъ,

И другомъ, и вождемъ, и лучшимъ ихъ оп-
цомъ,

Чѣмъ я доселѣ былъ, мучишель ихъ неволь-
ной!

Клянись, и я умру спокойной и довольной!

Такъ рекъ, — и ризы онъ Царевы осызаль.

Тезей не жалосилъ, но гласу правды вняль,

И освящилъ, обѣщъ свершешъ его же-
ланья.

Тогда слабѣющій послѣднія лобзанья

Просперъ ко сиротамъ; безгласныя, въ сле-
захъ,

На препенныхъ опца висящъ онъ рукахъ.

Не слезы и не плачь погрѣбны въ часъ сей
дивный!

Престаньте, вопіеть, онѣ богамъ пропивны;
Но силу, мужество, пріавъ своей душой,
Опъ сихъ грядите мѣсть, грядите вы ско-
рѣй! —

Здѣсь тайны дивныя ... не медлите напрасно:
Непоспѣжимое испытывать ужасно.

Простите . . . разъ еще! — Ты, Царь! пре-
будь со мною!

Тебѣ доведеть знать Эдипа путь и свой.
Пойдемъ! — и опспуцля въщающій предъ
нами. —

Мы тихими печемъ во слѣдъ сиропъ спопами
Опъ мѣста грознаго, дѣя потоки слезъ,

Какъ недостойные божественныхъ чудесъ! —

Но нѣсколько опшедъ, еще, еще желали —

Хопъ взоромъ проводить виновника печали.

Мы обратились вспять: очудо! старца нѣтъ!

Единый Царь спомпъ, одѣянъ въ дивный
свѣтъ,

Безмолвень, недвижимъ, къ челу прижаны
длани;

Какъ смерпный, коему средъ выпреннихъ
слннй,

Предспанеть нѣкій богъ — незапная гроза, —

Скрываеть въ прелепъ померкшіе глаза;

Таковъ казался Царь вдали уединенный.

Но се опъ первыя боязни пробужденный,

Благоговѣнія воспоргомъ упоенъ,
 Вдругъ долу падаешь колѣнопреклономъ,
 И длани чистыя въздѣвъ; въ сокрушенъ,
 Возносишь и къ землѣ и къ небу онъ моленъ! —
 Единый Царь Тезей повѣдашь людемъ могъ,
 Какую смерщю восхипилъ спарца Богъ.
 Ни молнія шогда Зевеса не пылала,
 Ни бездна ярыхъ волнь его не поглощала.
 Бышь можешь, нѣкій духъ съ небесъ къ нему
 сходилъ,
 Бышь можешь, благосщю могущихъ Орка
 Силь,
 Земля, всѣхъ обща мать, къ терпѣнью смерщ-
 ныхъ щедра,
 Пріяла кропкая его въ родныя нѣдра.
 Такъ рапникъ жизни сей, невинна жерпва
 бѣдъ,
 Безъ вдоха, чуждой мукъ, оспавилъ бурный
 свѣтъ.
 Спокойся, праведникъ, далекій преволненъ,
 Не соспраданъя пы, — достоинъ уди-
 вленья! . . .

Мрзке.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПОПРИЩЕ ГНА. ПОМЕРАНЦЕВА.

Хоть и много разъ говорено было и писано о Померанцевѣ, бывшемъ актерѣ Московскаго театра; но кажется не было еще подробнаго разбора необыкновенной игры его и таланта. И такъ начнемъ съ того времени, какъ онъ поступилъ на театръ, опишемъ дарованія его и сообщимъ все то, что извѣстно намъ по преданію, и что мы сами видѣли.

Померанцевъ опредѣленъ былъ къ театру Николаемъ Сергѣевичемъ Тишковымъ на роли спариковъ, наперсниковъ и тому подобныя; а на роляхъ важныхъ спариковъ былъ тогда Лифановъ, который хоть и не имѣлъ большихъ средствъ, но игралъ съ приличнымъ благородствомъ. Почти въ это же время возвратился изъ вѣдочнаго путешествія въ Парижъ Иванъ Афанасьевичъ Дмитриевскій, и по условію съ Директоромъ долженъ былъ прїѣзжать въ Москву, и дать нѣсколько спектаклей.

Пожираемый необыкновенною спраспью къ искусству своему, Дмитриевскій не могъ играть пьесы безъ того, чпобъ не обставить ее лучшими людьми, и чпобъ не показавъ каждому, какъ онъ долженъ выставлять играемое имъ лице, то есть : прежде нежели начнуся репетици, Дмитриевскій проходилъ съ каждымъ роль, и давалъ всякому наспоаящій понъ его роли, показавъ свойства представляемаго и всѣ оштѣнки. Бывъ увѣренъ въ своемъ талантѣ, онъ не боялся совмѣстниковъ, и чувствовалъ, что гораздо пріятнѣе оплчаться опъ людей съ дарованіями и съ познаніями, нежели быть сноснымъ опъ того шолько, что окружающіе слишкомъ несосны. Дмитриевскій зналъ въ совершенствѣ сіе правило, что согласіе въ разыгрываніи пьесы есть душа пьесы; онъ зналъ, что всякое драматическое сочиненіе должно быть съиграно подобно концерпу, въ которомъ щоны различныхъ инструментовъ шакъ искусно слажены, что составляютъ одно цѣлое, плѣняющее слухъ и восхищающее сердце

и душу. Онъ зналъ, что какъ въ концертѣ не лзя флейшу заставитъ играть ноты конпрбаса, такъ имѣющему нѣжной и мягкой органъ играть пирана, или грубіана; а имѣющему крѣпкой, или грубой органъ, играть молодого и пылкаго любовника.

Дмишревскій, проходя въ первой разѣ роль съ Померанцевымъ, замѣнилъ въ органѣ его чрезвычайную гибкость, способную принимать и съ превеличайшею вѣрностію выражать всякой тонъ спрасти; а съ шѣмъ вмѣстѣ спрасти выливались во всѣхъ чертахъ лица его, и глаза сверкали огнемъ. Онъ немедленно далъ ему значущую роль спарика, прочелъ ее при немъ, изъяснилъ ему свойства и положенія того лица, которое онъ долженъ былъ изобразить, и велѣлъ выучить наизусть. Потомъ, когда роль была гошова, Дмишревскій началъ проходить ее съ своимъ ученикомъ и открывалъ въ немъ болѣе и болѣе способностей. Померанцевъ довилъ всякой тонъ спрасти, каждую ошпѣнку

въ мысляхъ : Дмишревскій , восхищенный усилъями своего ученика, вымышлялъ опличные шоны и придумывалъ самыя мелкіе опшѣнки. Яснѣе сказаць : Геній Померанцева рождалъ новыя мысли въ шворѣ его и образовашелъ. Такимъ образомъ продолжая , Померанцевъ въ первый прїѣздъ въ Москву Дмишревскаго сыгралъ *Ярвиса* въ Беверлѣ , *Гранвила* въ Безбожникѣ, роль опца въ Честномъ преступникѣ, и *Лизилона* въ Тщеславномъ. Дмишревскій нашелъ въ немъ способности и къ ролямъ забавныхъ спариковъ. Но во второй прїѣздъ Дмишревскаго, сверхъ многихъ значущихъ ролей, Померанцевъ игралъ *Барона Гартлея* въ Евгени шакъ, что ни до него, ни послѣ него никто не могъ подобно ему ролю сію сыграть. Почти прудно повѣришь, чтобъ можно было въ шакомъ совершенствѣ соединить необыкновенную простишу въ обыкновенномъ разговорѣ; ярось гнѣва, въ мигъ закипѣвшую въ сердцѣ въ первую секунду извѣспія о бѣдспвенномъ и унизишельномъ положеніи Евгени, обманушой Кла-

рандоломъ , и чрезвычайное оскорбленіе , раздирающее душу зрителя , когда старый Баронъ , обнаживъ грудь свою , покрытую ранами , пребуесть ошъ Государя правосудія. Въ простомъ разговорѣ Померанцевъ забавлялъ зрителя ; произнося проклятіе надъ дочерью , онъ приводилъ въ пренепъ ; прося Государя , онъ заставлялъ плакать . И все это выражалъ онъ безъ малѣйшаго принужденія ; не видно было ни лишняго движенія въ рукахъ , ни неумѣреннаго возвышенія въ голосѣ : — все у него было свободно и вольно . Грудь его наполнена была всѣми шонами , а глаза изображали всѣ сшраспи : яросшь , горесшь и прочія чувства были его собспвенностію , онъ располагалъ ими , какъ хотѣлъ . Медоксъ , бывшій нѣсколько лѣтъ содержателемъ Московскаго шеатра , не имѣлъ привычки превозносить таланты актеровъ своей прупы по извинительному расчету въ прибавкахъ жалованья , но о Померянцевѣ говорилъ , что роль Барона Гаршлея онъ игралъ превосходнѣе *Гаррика* , котораго

Медоксъ видѣлъ нѣсколько разъ въ Лондонѣ. Однако же не заключимъ изъ эшаго, чшобы Померанцевъ былъ равенъ Гаррику, сыгравъ одну роль лучше его, когда Гаррикъ всѣ роли вообще какъ важныя, такъ и забавныя игралъ съ одинаковымъ превосходствомъ. А кажется, судя по описаніямъ о *Бризарѣ*, Парижскомъ актерѣ важныхъ спариковъ, Померанцевъ просптою игры своей и правдоподобностію подходилъ къ Бризару, о которомъ сказано было во многихъ Журналахъ, что ему только нужно было выучить роль наизусть, чшобъ быть шѣмъ лицомъ, которое онъ изображалъ; но не было труда пригошвяшся, придумывашъ и прибирашъ шоны; а шиковымъ сдѣлался Померанцевъ въ комедіяхъ, въ драмахъ и въ трагедіяхъ въ прозѣ, но не въ стихахъ. Возвышенныя роли въ Героическихъ трагедіяхъ и роли Резонеровъ (*Честонъ въ Хвастунѣ*, *Людмилъ въ Мизантропѣ*), въ комедіяхъ на стихахъ совсѣмъ были не способны для Померанцева. Можетъ быть ошъ того, что не учась въ молодыхъ

лѣпахъ правиламъ языка и Поэзіи, онъ не умѣлъ хорошо читать стихи, не умѣлъ находить въ органѣ своемъ того музыкальнаго тона, посредствомъ котораго хорошій актеръ, разтягивая иногда слово для скандовки стиха, не произведетъ никогда отвращительнаго напѣва. Совсѣмъ шѣмъ одну роль въ героической трагедіи и довольно трудную Поморанцевъ игралъ чрезвычайно хорошо: роль *Зопира*, въ *Магомешѣ*.

Павель Сергеевичъ Попемкинъ перевелъ *Магомеша*, и не смѣлъ позволить, чтобы въ первый разъ лжепророкъ игранъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ восхищались имъ на Французскомъ языкѣ, господствовавшемъ тогда не только надъ Дворомъ и надъ городомъ, но надъ всею Европою; почему Руской *Магомешѣ* явился сперва на Московскомъ театрѣ, и *Дмишревскій*, видя *Лекеня* въ роль *Сеида*, уступилъ роль *Магомеша Колиграфу*, чудесно одаренному природою для ролей Царей, пирановъ и всѣхъ, кои называются первы-

ми рольми, — самъ спалъ и грапъ Сеида, а въ роль Зопира рѣшилъ поспавить Померанцева. Померанцевъ, чувствуя слабость свою въ членіи стиховъ, знавъ, сколь посредственно онъ игралъ *Шуйскаго* въ *Самозванцѣ*, *Гостомысла* въ *Синавѣ*, и не игралъ никогда ни *Кія* въ *Хоревѣ*, ни *Олега* въ *Семирѣ*, испугался предложенія Дмишревскаго, и одна только слѣпая довѣренность къ неизмѣримому познанію актерскаго искусства учителя своего принудила робкаго прозаиста играть сподъ значущую роль въ героическихъ трагедіяхъ, роль Зопира въ *Магомешѣ*, въ которой всѣ сильныя мѣста, исполненныя спраспью, были выражены имъ превосходно.

Померанцевъ былъ уже на пенсіи, когда поступили на сцену *Эдипъ въ Афинахъ* и *Король Леаръ*, которыхъ онъ долженъ бы играть и которые въ старости прославили любимца Мельпомены *Шушерина*. Трудно рѣшить, лучше, или бы хуже сыгралъ ихъ Померанцевъ. Мо-

жесть бышь памъ, гдѣ несчастные опцы проклинають дѣпей своихъ, Померанцевъ во время силы своей, если бы не превзошелъ, по вѣрно, былъ бы равенъ Шушерину; или памъ, гдѣ они жалуются на жестокость шѣхъ, кои обязаны имъ жизнію, онъ произвелъ сполько же, или бы еще больше состраданія. Но памъ, гдѣ Цари изгнанники съ свойственнѣмъ имъ величїемъ говорятъ о своихъ бѣдствїяхъ, памъ едва ли бы Померанцевъ сравнялся съ Шушеринѣмъ. На примѣръ Померанцевъ можетъ бышь сказалъ бы вѣжнѣе Шушерина :

*Приди, о дочь моя! приди, мое рожденье!
Да будетъ надъ тобой отца благословенье!*

и пр.

Можетъ бышь, сильнѣе бы произнесъ эту шираду :

Меня склонилъ къ себѣ ты жестко упоешь.

и все проклятіе Полиннику. Но едва ли бы онъ сказалъ съ шѣмъ величїемъ, съ какимъ Шушеринъ говорилъ Креону.

*Я былъ Царемъ , ты ползаешь предъ
трономъ и пр.*

Едва ли бы онъ сказалъ съ тѣмъ ужасомъ,
съ какимъ вскрикивалъ Шушеринъ :

Храмъ Эменидъ ! я вижу ихъ и пр.

Въ *Леарѣ* для Померанцева можетъ
быть очень трудно было бы прешіе дѣй-
ствіе , когда слабой опець , бывъ изгнанъ
изъ чершоговъ злыхъ дочерей своихъ ,
скипаешя ночью въ ужасную бурю по
лѣсу и , потерѣвъ разсудокъ , произно-
ситъ страшныя проклятія ; но если бы
онъ могъ вникнуть въ сіе ужасное поло-
женіе , могъ бы свободно войти въ роль
свою и принять на себя величество ,
свойственное Государю : то вѣрно съ-
игралъ бы Леара съ неподражаемымъ пре-
восходствомъ ; тѣмъ болѣе , что эта
трагедія на Рускомъ театрѣ не въ спи-
сахъ , а въ прозѣ .

Во многихъ піесахъ Померанцевъ иг-
ралъ однѣ роли съ *Крутицкиль* , извѣст-
нымъ актеромъ Петербургскаго театра ,

бывшемъ на роляхъ забавныхъ спариковъ, съ которыми въ искусномъ разборѣ оппѣнокъ въ роляхъ и въ ловкости движеній рукъ и всего корпуса не только изъ Рускихъ актеровъ никто не равнялся; но даже многіе Францускіе артисты, игравшіе большую часть Крушицкаго ролей въ подлинникъ, были гораздо слабѣе его. *Бурде* и *Дюкруаси* никогда съ такимъ совершенствомъ не играли *Моліерова Скупова*, съ какимъ Крушицкій его представлялъ. Но были роли, въ которыхъ Крушицкій долженъ былъ уступить *Померанцеву*. *Простодуша* въ *Хвасшунѣ*, *Живописца Бѣднякова* въ *Ощѣ* семейства и *Укусника Померанцевъ* игралъ превосходно. Онъ не могъ съ такою точностью разобрать оппѣнки въ роли и оппѣлишь одну оппѣ другой особымъ способомъ и движеніемъ; но принявъ на себя свойства играемаго лица, выражалъ чувства и страсти съ удивительною силою и правдоподобностію. Ни одинъ Авторъ не могъ сказать о Крушицкомъ, чтобы онъ не понималъ какую нибудь мысль, или

Книж. II.

3

бы не умѣлъ ее выразить; но многіе Авторы признавались, что встрѣчали въ сочиненіяхъ своихъ такіа мѣста, въ которыхъ Померанцевъ превосходилъ ихъ ожиданіе, и выражалъ страсти сильнѣе, нежели, какъ они полагали, можно бы ихъ выразить. Не говоримъ уже о роляхъ важныхъ стариковъ, изъ которыхъ нѣкоторые по смерти *Галибура* Крупицкій принужденъ былъ играть, какъ-то роль *Барона фонъ Нейгофъ* въ *Сынѣ любви* и тому подобныя. Большой ростъ Померанцева, крупныя и ломкія черпы лица его, посредствомъ коихъ перемѣны въ лицѣ его были сильны и разительны, чрезвычайная гибкость органа его, помощію которой переходы въ позахъ были у него скоры и вѣрны, доставляли ему въ роляхъ важныхъ стариковъ большое преимущество передъ Крупицкимъ, который былъ росту меньшаго, глаза имѣлъ маленькіе и черпы лица очень мелкія. Роль *Старосты* въ *Лизѣ*, или торжество благодарности и Померанцевъ и Крупицкій играли превосходно: только Померанцевъ былъ луч-

ше въ 1 мѣ дѣйствіи, гдѣ Федотъ прохо-
дитъ всѣ бѣдствія жизни своей, а Кру-
пицкій въ послѣднемъ дѣйствіи рассказы-
валъ о бурѣ и о томъ, какъ онъ нашелъ
Лизу, — неподражаемо.

За то въ другихъ роляхъ, на при-
мѣръ *Лентягина* въ *Чудакахъ*, не лзя дѣ-
лать между ими никакого сравненія. Въ
этой роли Померанцевъ былъ посредст-
венъ. Почти вездѣ, гдѣ надлежало раз-
суждать, гдѣ должно было актеру при-
думывать о себѣ разположеніе играе-
маго имъ лица, украшать недоспашки, гдѣ
искуснымъ чтеніемъ и переливомъ голоса
изъ тона въ тонъ забавлять зрителя,
тамъ Померанцевъ былъ слабъ; но гдѣ
дѣйствовали спраси, гдѣ душа пылала,
сердце кипѣло, тамъ Померанцевъ былъ
непостижимъ, и чѣмъ болѣе было въ роли
порывовъ спраси, тѣмъ лучше онъ иг-
ралъ. А о томъ бывало горе Авшору,
опдавшему на театръ слабую піесу, въ
которой было больше разсужденій, неже-
ли дѣйствія, Померанцевъ могъ скорѣе
уронить ее, нежели поддержать. Раз-

сказывалъ онъ посредственно, но въ короткихъ отвѣсахъ былъ очень силенъ, и такъ свободно одушевлялъ слова, что объ немъ можно сказать поже, что сказано было о нѣкоторой славной пѣвицѣ: тонъ разговора его рождался въ душѣ его и умиралъ въ душѣ зрителя. И вотъ еще что было въ Померанцевѣ удивительно: онъ былъ однообразенъ почти во всѣхъ роляхъ! но однообразность его всегда была пріятна, отъ того, что онъ вездѣ былъ правдоподобенъ. И въ Царѣ, и въ дворянинѣ, и въ купцѣ, и въ крестьянинѣ пошчасъ видно было, что это Померанцевъ; но какъ добраго, такъ и злаго, великодушнаго, мстительнаго, ласковаго, грубаго, гордаго, или низкаго, онъ игралъ прекрасно. Наружность его была хоть всегда одна и та же, но свойства и разположеніе души онъ перемѣнялъ сообразно свойствамъ и разположенію представляемаго имъ. Сверхъ того игра лица его была необыкновенная. Вышедъ на сцену и не успѣвъ еще сказать ни одного слова, онъ давалъ уже чувствовать зрителю, въ

какомъ положеніи душа изображаемаго имъ
человѣка. Мимика его была превосходная.
Двѣ почти вѣмыя сцены въ *Сынѣ любви*
съ *Фрицолѣмъ* и съ *Пасторолѣмъ* онъ раз-
игрывалъ безпримѣрно. Зрители чита-
ли въ глазахъ его и въ чертахъ лица все,
что *Баронъ фонъ Нейгофъ* не могъ, не
смѣлъ и спыдился сказать. Какъ ни пре-
восходно играли *Шушеринъ Фрица*, а *Пла-*
вилыщиковъ Пастора, *Померанцевъ* нѣмою
игрою въ сценахъ съ ними производилъ
такое же дѣйствіе надъ зрителями, какое
нѣтъ съ помощію искуснаго и, можно ска-
зать, масперскаго чтенія, такою чтенія,
какого мы не слышимъ уже болѣе на на-
шихъ театрахъ, и какое осталось изъ
драматическихъ актеровъ у одной *Семе-*
новой, красѣ *Петербургской трагиче-*
ской труппы.

Талантъ сего превосходнаго актера
не ограничивался одними важными и за-
бавными стариками; были еще роли,
кошорыя онъ игралъ прекрасно; роди-
тубыхъ военныхъ, въ кошорыхъ благо-
родство чувствъ смѣшано съ стран-

испью свойствъ и съ смѣшными привычками, приобретенными въ службѣ, какъ по: роль *Полковника фонъ Фрейгофъ* въ *Генриеттѣ*, или Она уже за мужемъ, роль *Капитана* въ *островѣ Селюци* и роль *Вахмистра Твердова* въ *Солдатскоиъ счастіи*. Судя по сей роли, можно утвердительно сказать, что *Померанцевъ* въ удивительно бы сыгралъ роль *Безстрашнова* въ *Семействѣ Старичковыхъ*. Бывъ еще въ среднихъ лѣтахъ, онъ даже игралъ *Скотинина* въ *Недорослѣ* и игралъ прекрасно.

Въ послѣдніе годы службы его память у него очень ослабѣла, и онъ сдѣлался крѣпокъ на ухо; но до послѣдней минуты быпія своего на театрѣ, онъ сохранилъ правдоподобность и простоту игры своей. Онъ начиналъ уже играть слабо, но никогда не игралъ принужденно. Получивъ пенсію, *Померанцевъ* просился съ поприщемъ славы своей, и чрезъ два года скончался на 73 году оиъ рожденія.

Н. Ильинъ,

Письмо къ Издателямъ (*).

Милостивые Государи!

Вы общали намъ, п. е. Чипапелямъ Амфіона, говорить въ листкахъ своихъ о театръ, о піесахъ и объ игрѣ актеровъ. Я этому очень обрадовался; ибо знаю, что спаланпы имѣють нужду во вниманіи и ободреніи Публики просвѣщенной. При томъ я спарожилъ Московской, не занятой ни службою, ни управленіемъ деревень моихъ, которѣхъ не имѣю, ни управленіемъ дѣлъ домашнихъ, словомъ, ни чѣмъ почти; и еслибъ не было въ Москвѣ Журналовъ, Газетъ, зрѣлицъ, сплѣшной и вѣстей, то я бы умеръ со скуки; а попому, гдѣ только собраніе людей, тамъ и я; гдѣ какое нибудь гулянье, тамъ и я; а болѣе всего я люблю театръ и не пропускаю ни одного представленія. Полюбопытствуйте, Государи мои, посѣщите нѣсколько разъ сряду театръ, и вы увидите малую, сухую, плешивую, вооруженную очьками фигуру; — и увидите ее круглый годъ, всякое представляеіе всегда на одномъ мѣспѣ: это я! — Бывъ жинелемъ почти театральнoй залы,

(*) Мы очень благодарны Гну. N. N. удостѣившему насъ своей довѣренности, и охотно будемъ помѣщать его письма въ Журналъ, хотя и не можемъ быть сполько спрогими, какъ онъ. Театральная Дирекція заслуживаетъ полную признательность Публики, поставивъ спектакли въ настоящее положеніе.

жо неволаъ кое-что замѣпишь, а замѣпя раз-
 скажешь; ибо я очень люблю рассказывать,
 и, признаюсь вамъ, это одна изъ причинъ,
 побудившихъ меня завести съ вами пере-
 писку. Хотя мнѣ бы желалось прежде уви-
 дѣть ваше замѣчаніе; но я неперпѣливъ,
 и чувствую такое неодолимое желаніе пи-
 сать, и писать о театрѣ, что ежели бы
 и зналъ, что вы не помѣспите замѣчаній
 моихъ въ вашемъ Журналѣ, я все бы напи-
 саль ихъ и къ вамъ доставиль. Онѣ по край-
 ней мѣрѣ имѣють достоинство чиспосер-
 дечія; а это такъ же не весьма обыкновен-
 ное качество въ нынѣшнемъ свѣтѣ. И вопъ
 первое доказательство моего чиспосердечія:
 въ большей части предисловіи къ сочине-
 ніямъ, Авторы скромно увѣряють Публику,
 что по усильному только убѣжденію дру-
 зей и пріятелей, они согласились выдать
 трудъ свой, и такимъ образомъ свалива-
 ютъ съ себя всю вину въ скучъ читателя.
 Грѣхъ солгашъ: со мною этого не было: прі-
 ятели мои упрасивали меня, чтообы я из-
 бавиль Публику отъ своихъ рассказовъ. Но
 что же дѣлать, М. Г., ежели мнѣ этого чрез-
 мѣрно хочешся, не изъ шщеславія прослыть
 авторомъ, и не изъ охоты бранить; —
 право нѣтъ — но меня вчера зацѣпили за
 жибю. — Прошу выслушать.

Въ бесѣдѣ нашей рѣчь зашла о театрѣ, о живыхъ и умершихъ драматическихъ авторахъ и актерахъ; я все слушалъ; — и много надобно было терпѣнія!! Вдругъ нѣкто, пропянувъ небрежно ноги, сказалъ важнымъ тономъ: „Фонъ - Визина комедіи умерли вмѣстѣ съ его вѣкомъ; характеры его чрезмѣрно карикатурны, слишкомъ рѣзки, и, такъ сказать, ужь оскорбительны для нынѣшней сцены, и имъ нѣтъ образцовъ.“ Вопль гдѣ ужея не вытерпѣлъ! — Какъ, Государь мой! характерамъ фонъ - Визина вы не находите образцовъ? По моему мнѣнію, доколѣ свѣтъ споялъ будетъ, дополъ вы будете встрѣчать *Простановыхъ*. Опъ-взжайте нѣсколько верстъ отъ Столицы, и отъ *Скотинныхъ* вамъ не будетъ прохода; *Милрофаны* нѣсколько повывелись послѣднею войною, но дождитесь всеобщаго мира, они разплодятся. А Иванушки! оберните только голову, и взгляните въ пу комнату: смотрите, сколько ихъ!... Совѣшники, Совѣшницы, Бригадиры Вральманы, какъ вчера списаны и толпами ходятъ! Но пусть по вашему; какими же новыми пѣсами замѣнили вы фонъ - Визина пѣсы? Походженіями Филашки! ... Гдѣ встрѣнитесь съ этими героями? и кто исправится осмѣяніемъ подобнаго характера? — Однако грязными глупостями его

утощающъ васъ почти каждую недѣлю, и шупъ вы не видите ничего оскорбительнаго, ни даже рѣзкаго. Опера эпа дается для народа, возразила мнѣ на длинныхъ и весьма понкихъ нотахъ фигура. — Нашъ народъ, Государь мой, сказалъ я, забавляется кулачнымъ боемъ, медвѣжьей правлею и гаерами у качель; и принаравливаются къ его вкусу въ театральныхъ представленіяхъ грѣшно. — Театръ не игрище, но училище нравовъ, и классъ людей, почерпающій нравоученіе изъ зрѣлицъ, уже выше приключеній семейства Филапкина. Доказательствомъ достоинства эпои *піески*, сказалъ мнѣ винной откупщикъ, служило то, что почти каждый актеръ беретъ какую нибудь изъ нее часть для своего бенефиса. Это правда, сказалъ я, горько улыбувшись; но приносимая прибыль подкачельнымъ представлениемъ не цѣна піесы въ глазахъ просвѣщеннаго зрителя, припомъ и бенифисъ нынѣ уже не такъ понимается, какъ прежде. Бывало актеръ, въ пользу котораго давался бенифисъ, выбиралъ піесу такую, чѣмъ дѣлала честь его вкусу въ глазахъ знапоковъ, и гдѣ бы находилась роль, въ коей талантъ его могъ показаться во всемъ блескѣ. Причиною сему было то, что тогдашніе актеры любили свое искусство, и смотрѣли на него съ благо-

родной споронш. Часно переводили вновь и даже сочиняли новыя Драмы, въ коихъ выпавленъ былъ передъ прочими попоъ характеръ, въ которомъ хопѣлъ показашь себя актеръ. Нынѣ не по; лишь бы собрать болѣе денегъ. Впрочемъ и по правда, что при нынѣшнихъ обспоряпельспвахъ можно извинить нашихъ Гг. актеровъ; бенефисъ есть ихъ годовый доходъ; припомъ же многіе изъ нихъ въ общемъ нещасіи очень потерпѣли. — Что вы хотите, по и говорите, Государь мой; загремѣлъ изъ за карючнаго спода полспный провинціальный нарѣчіемъ голосъ, а я послѣднимъ предспавленіемъ доволенъ. — Спихи въ Электрѣ знащныя; новая акприса ужъ не Семеновой чепса. Какой голосъ! все до словечушка слышно, рѣчь проговорить, какъ камку опдереть; у меня еще и пеперь ладоши краснѣхоньки опъ ономеднишняго хлопанья, да ужъ и Коцебу, масперъ писашь!... Какъ, сударь, Коцебу, вскричалъ я. — Какъ же, подхвасилъ онъ съ насмѣшливою улыбкою, желая укорить меня въ невѣжествѣ; это переводъ изъ псапра Коцебу! — Тупъ я замолчалъ, подумавъ однако: за чѣмъ выѣзжашь изъ Столицы за Скопниными!

Я хопя не предпочитаю новую акпрису прекрасной Семеновой, сказала мнѣ сыз

дѣвшая близъ меня привлекательной наружности дама; но мнѣ кажется, сударь, что ей не лѣзя опказаться въ палантъ. Она его имѣетъ, сударыня, опивчалъ я, этого никто опровергнувъ не можетъ; но палантъ одинъ безъ добрыхъ совѣтовъ, безъ достойныхъ образцовъ и безъ просвѣщенныхъ друзей есть слѣпецъ, который оцупью идетъ къ предмету, сбивается съ пуши, и часто даже упадетъ. — Это правда, сударь; но были мѣста, гдѣ она показала много чувствъ, на примѣръ: когда она узнаетъ брата, видно было на лицѣ ее все волненіе души. Еще когда смерть Ореспова сдѣлалась для нее несомнѣнною, она сказала матери; *Ты торжествуешь!* Сколько горькаго упрека въ лицѣ и въ голосѣ! Нѣтъ, сударь, она право много общается. Общаться и исполнить есть двѣ вещи розныя, мой другъ, сказалъ споявшій у окна ея мужъ. Что она имѣетъ палантъ, въ томъ спору нѣтъ; но раждающійся палантъ сей едва не задавленъ усиліями неоспорожнаго учителя. Душа ее преисполненная чувствъ, воспламенена до изсупленія, и не только не направлена еще, но, такъ сказать, выведена изъ надлежащей мѣры выражаться! — Примѣтили вы, сударь, что она при столь обильныхъ способахъ, данныхъ ей приро-

дою, уже не находить ихъ доспапчными къ объясненію того, что чувствуешь! — Изъ этого и вышло надупое пѣніе стиховъ, нестерпимый крикъ и потомъ неприличный шопотъ. *Неприличный* точно; ибо на театрѣ и самая тайна для дѣйствующихъ не тайна для партера, и должна выражаться такъ, чтобы ее зритель слышалъ. Шопотъ нечаянной и быстрой переходъ отъ крика къ шопоту — есть несчастное *родственное* подражанію, спользуются часто — увы! сопровождаемое аплодисманами. Чтожь касается до неправильнаго и неочищеннаго произношенія словъ: по привычка выговаривать *И* и *Я* вмѣсто *Е*, какъ на примѣрѣ: *щасіа* вмѣсто *щасіе*, *запріщенной* вмѣсто *запрещенной*, происходитъ уже, Богъ знаетъ, отъ чего; но также дурна, оскорбляетъ слухъ, и ежели скорымъ и щипательнымъ усиленіемъ не будетъ истреблена, то она останется навсегда; а дурное произношеніе въ актерѣ така же почти бѣда, какъ дурной слогъ въ Стихотворцѣ исполненномъ дарованій. — Умно, высоко — а не читають. Седь недоспапчкъ не многіе замѣтили; ибору коплесканія сыпались при каждомъ ея крикъ, и наконецъ новую *Элекпру* вызвали на сцену, какъ обыкновенно у насъ дѣлается! О горе ей, горе ей, М. Г.,

подхватилъ я, ежели она обольстится сими вызывами; пѣмъ болѣе горе, что она имѣешь въ самомъ дѣлѣ таланты! Проклятое самолюбіе сыиграешь съ нею такую же горькую шутку, какъ съ нѣкоторыми изъ ея предшественниковъ: дарованіе заколебешь и не сдѣлаешь ни одного шагу. Спранно также было видѣшь, сказала любезная сосѣдка моя, гробницу Царя Агамемнона, не уступающую въ скромности гробовому камню какого нибудь маспероваго; а еще спраннѣе показалось мнѣ, когда, не помню кпо, изъ дѣйствующихъ лицъ сказала, подошедъ къ гробницѣ: *и сей ко небесамъ восходящій кедръ* (дѣло не до спиха); чпожь! зришель увидѣлъ метелку, едва на поль-аршина сверхъ выглядывающую изъ-за камня! эпо'хотя бездѣлица, но гдѣ же *очарованіе!* — Вошедшій слуга, и грѣмко воскликнувшій: *кушанье поставлено!* прервалъ раговоръ нашъ.

Р S. Ежели вы, М. Г., помѣстите сіе въ изданіи вашемъ, то я буду доставлять вамъ все, что увижу и что услышу, а печатайте изъ того, что хотите.

Читатель вашъ N. N.

Конецъ II й книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

64569

~~~~~  
М А Р Т Ъ.  
~~~~~

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ

1815.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оплечаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ, одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 18 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Девгубскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Гласъ народа опсуществующе- му Опцу Опечеспва. <i>Ода.</i> -	1
II. Извлеченіе изъ рукописи, подъ названіемъ : <i>Славны бубны за го- рами.</i> - - - -	4
III. Спранданія Евдора. <i>Оконча- ніе.</i> - - - -	14
IV. <i>Богатый.</i> Опсривокъ изъ длин- наго Спихопворенія. - -	51
V. <i>Эолова арфа.</i> - - -	61
VI. Къ подушкѣ Филлиды. -	71
VII. Эпиграммы. - - -	74
VIII. Демосеень. - - -	75
IX. Боссюешъ. - - -	77

Оглавленіе.

	Стран.
X. О сраженіяхъ, описанныхъ Го- меромъ.	82
XI. Россіада. Письмо къ другу. Продолженіе.	94
XII. Письмо къ Издашелямъ.	123

I.

Г Л А С Ъ Н А Р О Д А .

ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ОТЦУ ОТЕЧЕСТВА.

Divis ore bonis , optime Romulae
Custos gentis , abes jam nimium diu :
Maturum reditum pollicitus patrum
Sancto concilio , redi.

Horatius.

Отъ Предковъ Царственныхъ изшедый Па-
спырь - богъ ,
Племень Славянскихъ Спражь великій , не-
дреманный ,
О блага нашего твердыня и залогъ !
Гдѣ скорой ТВОИ возврапъ , сынамъ объпо-
ванный ? —
Ахъ ! долго мы не зримъ ОТЦА !
Утѣшь печальныя сердца !

Приди , и возврапи живошворящій свѣтъ
Отчизнѣ ТЫ Своей , о *Вождь Благословенный!*
Подобіе весны , когда съ небесъ грядетъ ,
Гдѣ взоръ ТВОИ благостью блеснетъ оду-
шевленный ,
Тамъ день спокрапъ для насъ свѣш-
лѣй ,
Тамъ солнце свѣпимъ веселѣй !

Какъ маперъ нѣжная ждетъ сына своего ,
Жизнь сердца , и покой , и радости любезны ,
Когда съдыи Борей , въ порывахъ бурь , его
Среди угрюмыя Варяжской держипъ бездыи ,
Столь отдаленнаго отъ ней ,
Отъ милой родины своей ;

Книж. III.

Гаданіемъ, мольбой и жертвами боговъ
 И день и ночь она о другѣ вопрошаетъ,
 И зора опвесити не можетъ опъ бреговъ:
 Такъ днесъ Опечесство шоскою нѣжной
 шаетъ;

Такъ, ожиданіемъ горя,
 Взыскуетъ *Добраго Царя*.

Се! по избавленнымъ рукой ТВОЕЙ полямъ
 Безпечно ходитъ воль со плугомъ искри-
 вленнымъ;

Церера дарспивуетъ обиліе градамъ,
 Торговля по морямъ летаетъ примирен-
 нымъ;

И Правоша въ свой судъ вошла; —
 Прокру спрахъ, добру хвала!

Наслѣдье Росскихъ душъ, краса минувшихъ
 дней,

Спыдаливостъ; Проспоша къ намъ снова
 возвратились;

И нравы чуждые — морь умспвенный лю-
 дей —

Бѣгутъ со срамомъ вспяпъ: враша имъ за-
 творились!

Опецъ и мань гордяся, вновь
 Въ сынахъ зряпъ дѣдовскую кровь:

И гдѣ, и въ чемъ шеперь Героямъ Росскимъ
 спрахъ?

Уже сраженный Галль преспанетъ возно-
 ситься!

Кто Финновъ, Норда чадь, кто Кавказа
 въ скалахъ

Раждаемыхъ на брань чудовищъ убоишся? —

Кто Магометовыхъ рабовъ,

Кто Виелы дерзоспныхъ сыновъ?

Нѣпть! — всякъ спокойный днесь, — окованнымъ
войнамъ, —
На опческомъ селѣ проводить день безпечной;
То новыя пворитъ прививки ко древамъ,
То рядъ злапыхъ скирдовъ обходитъ беско-
нечной,
И послѣ съ Именемъ ТВОИМЪ
Пѣсть вина, возвращены имъ.

*

Къ ТЕБѢ, какъ божесву и мира и любви,
Какъ Приснодапелю всѣхъ благъ его домаш-
ныхъ,
Взываетъ онъ въ пирахъ, на праздникахъ
семьи;
Тобой въ кругу дѣтей благословляетъ браш-
ны;
Въ ТЕБѢ блажитъ ОТЦА - ЦАРЯ,
ЕКАТЕРИНУ и ПЕТРА!

*

О несравненный Царь! собирай хвалы, греми,
Царей и Царствъ земныхъ пріемли покло-
нения!
Чессть АЛЕКСАНДРОВА — чессть Россовъ! ...
но вонми
Тоскующихъ сыновъ сердечныя моленья:
Срѣшаемъ, кончимъ день однимъ,
Мольбой: когда ТЕБѢ узримъ? ...

Мрзлкв.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ РУКОПИСИ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ: *Славны
бубны за горами.*

1810 года.

Описаніе Богоявленскаго.

Поживи Пошемкинъ! и Николаевъ спалъ бы ширѣ Москвы: отъ города до Богоявленскаго щитається 12 верстѣ; — а все это проспранство было уже разбино на кваршалы. Дорога лежишь по берегамъ Буга. Подобно Пешергофской, на ней розданы были мѣспа подѣ, загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его удовольствія. Мѣспа безлѣсныя, но быспрый шокъ воды ушѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, — и все изчезло! —

Въ самомъ Богоявленскомъ — прелеснь! — Я шуда ѳздилъ, и не могъ довольно на-

любоваться эшимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такога соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Попемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ шупъ сады. Всякое растение и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, — все сюда привезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ — все поросло проспникомъ и облеклось въ пустыню. Тупъ уже не садъ шеперь пышный и проспранный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. — Она изъ дикаго камня на 8 столпахъ. Нѣсколько ступеней сводитъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ граничнымъ васъ солнце не печеть. Тупъ орошался нѣкогда исполинъ, и никто, кромѣ Нимфъ, приближись къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколько возможно, сей памятникъ роскоши отъ суровости погоды, а паче соблюсти ис-

шочникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не сплющая ничего, изъ хвороспу и проспника. — Одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вокругъ эшаго убогаго шалаша, въ которомъ старичёкъ спорожъ плещеть ланши и куритъ шабакъ; взгляните: — около его разрослись не рябина или черемуха — нѣтъ! тупъ вѣтви опягченныя абрикосами, бегамошами осѣняютъ верхъ его, и обвиваютъ столпы его ограды. Высокій кустъ Грецькихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сблизилась природа и кашшановое дерево. Спарикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы шакъ дивимся; — споль для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣжъ вы найдете шакъ шѣсно вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? — О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ шо: грушѣ и яблони говоритъ ужъ нечего: — пропасть!

Сердце ноешъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ эпопъ ошданъ одному фабриканпу, который пушь содержишь суковную фабрику, и все мѣспо получилъ изъ казны въ аренду. — Онъ печешся о своемъ промыслѣ, и конечно мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другаго, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ, и задумывался о скоромъ шеченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой П . . . . смапривалъ рано поушрѣ, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелился для прихопи его, и ищешъ его благосклоннаго взора. Натуря, думалъ я, все та же, но сняшь съ нея нарядъ; душа сихъ мѣспъ удалась въ другія селенія; — все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался *Витовской*. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Гжа.

Видъ кружила ему голову. — О! я въ помъ спую, умру съ шѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счестъ блаженнымъ, въ которое любовь сводишь насъ съ ума! . . . .

Меня водилъ по дорожкамъ, кои прудно опыскашь уже въ густой справѣ, одинъ современникъ П . . . . а и шѣхъ самыхъ дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло. Одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, которой видѣлъ здѣшнія мѣста въ 89 году. Онъ намъ казалъ шамъ сухіе рвы и болошиспья пинныя мѣста, гдѣ я никакъ не повѣрилъ бы, что были когда-либо поки свѣжей воды, еспьлибъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что шущь прорышы были вездѣ каналы, и сполько наполнены водою, что Князь плавалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодкахъ. — Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣшила, вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а Князь не вмѣщалъ своихъ воспорговъ. Вездѣ шущь нынѣ

иль, камышь, и на каждомъ шагу увязнешь. Въспомо поржесшвенныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ одинъ слышанъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ! что печальнѣй сей каршины! —

Домъ Княжой сломанъ; но онъ былъ шакъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ; — онъ шущъ же расположенъ. Ничто не заслуживаетъ шакого прилѣжнаго вниманія; его построилъ Маркизь де-Траверсе (*), и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный госпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ. — Самое спасительное изобрѣшеніе для недужныхъ, испишннй, а не шщеславный шолько опытъ челошѣколюбя! — Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены шакія же. — Вошъ его расположение: —

Все строеніе состоитъ изъ шпѣны деревянной, не выше $\frac{1}{2}$ аршина, и съ самой

(*) Нынѣшній Господинъ Министръ морскихъ силъ.

крушой и высокой крышкой, которая уподобляется полопняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно воздухъ не спѣсненъ, и проходитъ между ею и спѣнами чрезъ всю галлерею. Кровать больного поставлена головою къ спѣнѣ, и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больного отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ; больному покойно, прохладно и преспорно: — выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣпомъ такъ сгущается воздухъ! а между тѣмъ двойная польза; ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя превѣшриваются, и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая переменна мѣста столь часпо для больного служитъ оправдой. При насъ было ихъ здѣсь до 100 человекъ, а иногда накопляется до 400. — При больницѣ 6 лекарей, Докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно нищи,

бѣля, опрятаива и чистоины около поспелей, ошмѣнцую честь дѣлаешь надзираателямъ. — Рѣдко немощное челоуѣчешво видишь подобныя о себѣ попеченія.

И такъ кромѣ сада, есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ, скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендапоръ на многихъ спанахъ почешъ здѣсь сукно изъ понкой Испанской шерсти въ свою пользу. Чшобъ доказать, прѣхавши домой, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я здѣсь купилъ на фракъ по 6 руб. аршинъ сукно, которое выпкано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но сняшой съ породы опъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, п. е. опъ *métis* произшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за шо, какая же розница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! — Передъ нашими щеголями шѣмъ-шо оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ; спановъ много; заведеніе об-

ширное, спроеиё казенное, работники вольные. Еспь шупъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачь очень легко опдѣлываетъ сукно въ 3 арш. слишкомъ ширины; но онъ не ломается, какъ шопъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полшавѣ. — Эшопъ проспо одной кисью руки шеверя рукояшку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края спана на другой. Главный предметъ эшой фабрики выдѣлка солдапскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайши и ее посмотришь, какъ заведеніе достойное примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ эшой промышленности, все обращалъ глаза мои на сады, испочники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько разъ пилъ шупъ воду, подспавлялъ голову подъ фонпанъ, — и въ шѣни пожилаго орѣшника оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоценныхъ предесей! — Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ шѣми идеями,

коими мѣстоположеніе и исторія его наполняли мое воображеніе, какъ наступилъ на что-то мягкое. — Ай! закричала жена. — Что такое? — Убилая змѣя. Онъ часно, говорятъ, изъ густыхъ травъ выпягивающся и шипятъ. Согласимся, еказаль я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: — прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поестъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ;

Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалишь.

Червь почитъ алыи цвѣтъ на мягкой муравѣ,

И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела себя ужалишь.

Правда, правда! закричали мои товарищи, сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Опѣхавъ съ верспу, я кинулъ еще взоръ на вѣшвисный орѣшникъ и на куполь великолѣпной ванны. Вишовка! мѣсто безподобныхъ очарованій! — еспьли пы и нынѣ дивишь любопытныхъ,

чтожъ была ты тогда, какъ вельможа
сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища? —
конечно рай земный! —

Кн. И. Д.

III.

СТРАДАНИЯ ЭВДОРА.

Продолженіе.

На оплогостяхъ горы Эскилійской
возвышалось уединенное жилище, въ ко-
шоромъ обиталъ нѣкогда Виргилій; на-
саженный при врапахъ его лавръ воз-
буждалъ благоговѣніе въ народѣ. Теодоръ,
во дни могущества своего, купилъ его
дабы украсить болѣе. Здѣсь хотѣлъ
онъ сокрыть Симодосею, и здѣсь роди-
тель ея Демодокъ, приглашенный Теодо-
ромъ, влачилъ бѣдшвенную жизнь свою.
Слезы его, никѣмъ не примѣчаемыя, вздо-
хи никѣмъ не внимаемые, разносились
вѣтромъ. Въ преддверіи сего уединенія
несчастный сей спарець лежалъ распро-
стертый во прахѣ. — Вдругъ, кажется

ему, что онъ видить двухъ Героевъ, сквозь мрачныя тѣни къ нему приближающихся.

„Кто вы? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ, призраки ли, низпосланные кровожаждущими Эменидами; спремѣющиеся влечь меня во мракъ паршара? — или Геніи Христіанъ, возвѣщающіе смерть дочери моей? Да падуть храмы ваши, да погибнешь Богъ, распинающій на крестѣ своихъ обожашелей!“ —

Сей самый Богъ возвращаетъ тебѣ дочь твою, рекла Симодосея, обвившись руками вокругъ шеи отца своего.

Шлемъ капишься по землѣ; длинные волосы рассыпаются по раменамъ юной Мученицы: воинъ преобращается въ дѣву прелестную! Смертный хладъ объемлетъ Демодока; ему возвращаютъ жизнь, объясняютъ тайну пришествія; копорую онъ, въ чрезмѣрной радости своей, едва понять можешь. Симодосея упѣшаетъ его сладостію рѣчей и ласканій своихъ.

О родитель мой! я наконецъ обрѣшаю тебя послѣ споль ужасной разлуки! Еще у ногъ твоихъ твоя Симодосея! — Это я, копорую успа твои привыкли нарицать нѣжнымъ именемъ дочери! Ты при рожденіи пріялъ меня въ свои объятія; ты осыпалъ меня своими ласками, благословеніями! Сколько разъ, прижимаясь къ груди твоей, я общала содѣлать тебя счастливейшимъ изъ смертныхъ, а теперь заславляю проливать слезы!.. О родитель мой! тебя ли объемлютъ руки мои, тебя ли зрастъ глаза мои, лобзуютъ успа мои? — Насладимся сими минушами счастья, шoliko неожиданного. Скоро можешь быть Небо снова похитить ихъ у насъ!

Слава предковъ моихъ, вѣщаль Демодокъ, дочь драгоцѣннѣйшая сердцу моему, нежели то благодашное сіяніе, копорое освѣщаетъ блаженные шѣни въ поляхъ Елисейскихъ! — Какъ возмогу я повѣдать тебѣ мои горести? — Я искалъ тебя въ нѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда видѣлъ те-

бя; бродилъ вокругъ пемницы, похипив-
 шей шебя у любви моей! Увы! говорилъ
 я самъ себѣ: не мнѣ угошовлять брач-
 ное ложе ея, не мнѣ возжигать брачныя
 свѣщильники! — Боги опъяли у меня мой
 вѣнецъ, мою радость! — Я останусь
 сиропшою на землѣ! — Увы! когда я прижи-
 малъ ее ко груди своей на брегахъ Ап-
 тики, уже ли объанія мои были послѣднія?
 Какой кропкой взоръ она успремляла на
 меня, какъ нѣжно она улыбалась мнѣ! —
 уже ли улыбка сія была послѣдняя? Тебя
 ли обрѣшаю я, о дщерь возлюбленная серд-
 цу? шебя ли зряшь опягченныя слезами
 очи мои? Чело, ознаменованное печашію
 прососердечія и невинности, уже ли и ты
 покроешься мракомъ несчастія? Какая
 оладость чувствовашь, что сіе юное, ис-
 полненное жизни, сердце бѣтсся подлѣ серд-
 ца уже изсохшаго, изнуреннаго поскою?

Таковы были спенанія Демодока и Симо-
 досей! Таковъ Алкіонъ, успроивающій гнѣз-
 до свое на волнѣ морской, когда, окружень
 будучи ппенцами, въ зыбкой колыбели своей
 Книж. III. : Б

наполняешь онъ воздухъ жалобными криками, какъ бы предчувствуя, что скоро жилище его поглотится неизмѣримымъ моремъ! — Теодоръ повелѣлъ принести свѣщильникъ, и препроводилъ ихъ въ покой уединенный, гдѣ были уготованы два ложа; — самъ удалился, оставивъ дочь и родителей по леченію взаимной ихъ нѣжности. Уже ночь протекла въ разговорахъ и ласканіяхъ сердечныхъ, какъ вдругъ Демодокъ, бросаясь къ ногамъ Симодосеи, воскликнулъ: „О дочь моя! прекрати боязнь, обуревающую сердце мое; прекрати бѣдспвія, его перзающія; опрекись Бога, подвергающаго тебя безреспанно новымъ гоненіямъ; возвратись къ вѣрѣ опцовъ швоихъ, и супругъ швой“ ...

Симодосея повергается къ ногамъ старца:

Какъ? — родитель у ногъ моихъ! восклицаетъ она, подъемля Демодока; испытаніе сіе превышаетъ силы мои! О родитель безцѣнный! пощади слабую дочь швою, не обольщай ее; не опнимай у меня моего Бога, Бога, Которому слу-

жизнь супруги мой! — сей Богъ умножилъ въ сердцѣ моемъ благоговѣніе и любовь къ себѣ!

„Сей Богъ, ошѣсплпвоваль Демодокъ, хопѣль похишилъ у меня дщерь мою, и похищаешь у себя супруга швоего!“

Нѣтъ! рекла Симодосея, нѣтъ! онъ вѣчно будетъ моимъ; онъ вѣчно будетъ жить; слава его возблесшилъ въ его супругѣ.

Что вѣщаешь ты? прерваль жрецъ Гомера, онъ будетъ швоимъ?... но Евдоръ уже во гробѣ.

Нѣтъ гроба для него, воскликнула дѣва вдохновенная. — Хриспіанъ, умершихъ за Бога своего не оплакивають, подобно другимъ человѣкамъ.

Симодосея, сокрывающая во глубинѣ сердца нѣкое великое намѣреніе, проситъ родителю пріять успокоеніе; она умоляетъ его возлечь на одръ. Старець не можетъ рѣшимься на одно мгновеніе оспавишь едва шолько обрѣшпенную имъ.

Б 2

дщерь; онъ спрашится безпрестанно снова потерять ее. Такъ человекъ, долго мучимый ужаснымъ сновидѣнiемъ, въ минушу пробужденiя своего, все еще видишь спрашный призракъ, и восходящее ушро не можешъ успокоишь смященной души его. Симодосея жалуется на усалость отъ преперѣнныхъ ея трудовъ; склоняется къ ложу на другой спранъ храмины уготованному, и безмолвно возсылаетъ моленiе ко Всевышнему:

„Боже непоспижимый, проникающій во глубину моего сердца! Боже, принесшій на креспную смерть единороднаго Сына Своего для спасенiя человеквъ! естли обѣщанiя мои угодны Тебѣ, низпосли Ангела Твоего родителю моему, да покроешь упомянутыя слезами вѣжды его сномъ мирнымъ, и помяни его, когда онъ мною будетъ оставленъ для Тебя, Боже премилосердый!“

Такъ молилась Симодосея, и молитву ея внушилъ Всевышній. — Демодокъ объ-

япый сладкимъ покоемъ, преклоняея на ложе свое, и глубокой сонъ опочилъ на упомненныхъ вѣждяхъ его.

Симодосея не хопѣла и не могла предаться сну; спокойствіе далеко бѣжало отъ возмущенной души ея: оно ожидало ее на небесахъ! —

Уже зашились волны Тибра; холмы Албаніи, лѣса Люкрепильскіе и Тибурскіе привѣспивовали улыбкою восходящее въ розовомъ пламени утро.

Роса блиспала на лиспьяхъ, какъ манна благодатная, выпавшая древле народу Израильской въ пустынь. Окреспныя поля Рима дышали цѣлебной свѣжеспію, и врсдспавляли его въ блиспаніи и въ первомъ цвѣтѣ юности. Во глубинѣ горизонпа, горы Сабинскія, одѣянныя тонкою пеленою прозрачныхъ паровъ, сіяли пурпуромъ, разлишымъ во опдаленной лазури. Дымъ изъ жилищъ, клубясь восходиль къ небесамъ; шуманы убѣгали, распилаясь по долгошѣ равнинъ; древа, какъ бы пробуждаясь отъ сна, тихо подымали кудрявыя главы свои, окроплен-

ныя упреннею росю. Никогда воспокъ не изводилъ упра, ниолико прекраснаго! — Чшожь долженствовало освѣшмишь оно? — злодѣяннїя челоуѣковъ! . . .

Народъ собирался въ амфитеатръ Веспасіановомъ; цѣлой Римъ алкалъ веселишься смертію Мучениковъ. Тысящи зрипелей съ лицами, полупокровенными возкраіемъ маншїй, были разсѣяны на помостѣ.

Толпа народа, шѣснясь въ порпики, восходила и низходила по переходамъ, и занимала мѣста на ступеняхъ, одѣянныхъ мраморомъ. Позлащенныя рѣшетки защищали отъ нападєнія звѣрей высокія скамьи, на коихъ возсѣдали Сенапоры. Для освѣженія воздуха хипросоставленныя машини возводили на высоту въ видѣ водомешовъ вино и воду, растворенную шафраномъ, и разливали ихъ въ облакахъ росы благоуханной. Три тысячы бронзовыхъ спатуй, бесчисленное множество карпинъ, яшмовыхъ и порфириовыхъ сполбовъ, кристальныя перилы, драгоцѣнныя вазы украшали сцену. Въ окружающемъ арену рвѣ плавали

бегемоты и крокодилы; пять сошь львовъ, сорокъ слоновъ, шигры, барсы, быки, медвѣди, приученные терзать людей, ревьли въ пещерахъ амфитеатра. Гладіаторы, споль же люшые, какъ звѣри въ разныхъ мѣстахъ арены испышывали крѣпость окровавленныхъ мышцъ своихъ. Тамъ нагія женщины, служительницы сладоспраспія, и вмѣстѣ съ ними знаменитѣйшія Римлянки, перебѣгая по портикамъ амфитеатра, подобно Вакханкамъ испушленнымъ, являлись на позорище народное, какъ прежде во времена нечестиваго царшвованія Нерона, и умножали срамъ сего зрѣлища. До такого униженія и рабства доведенъ былъ сей царшвенный властелинъ міра, сей народъ Римскій!

Уже Препоры окружили врапа пещицы Св. Петра. Евдоръ, по повелѣнію Галерія, долженспвовалъ бытъ оплученъ отъ брапій своихъ, и первой преданъ на разшерзаніе звѣрямъ. Сопоспаты всегда стремяшся низложитъ напередъ шого воишеля, коего духомъ и крѣпосшію дви-

жется и сохраняется сила цѣлаго воинства. Спражь шемничный приближается, и взываешъ къ сыну Ласпенесову:

„Я здѣсь! опвѣщивуешъ Евдоръ, чего хочешъ ты?“

Изыди пріятель смерть! воскликнулъ спражь.

„Не смерть, а жизнь! опвѣщивоваль Евдоръ,“ и воспаль ошъ камня, на коемъ опочиваль. Кирилль, Викторъ, Гервасій, пустынный горы Везувія и прочіе Исповѣдники не могли удержати слезъ своихъ.

„Братія мои! рекъ Евдоръ, мы увидимся; минуша, разлучающая насъ здѣсь, соединишь въ небесахъ!“

Евдоръ облакаешъ въ бѣлую шунику, угошованную нѣкогда для брачнаго шоржества съ Симодосею, и сохраненную имъ для сей послѣдней минушы; поверхъ ея надѣваешъ онъ маншію, вышитую руками матери его, и являешся предесень, какъ звѣроловець Аркадіи, оспоривающій награду въ искусствѣ мепанія стрѣль,

или бряцанія на лирѣ среди полей Ман-
шенейскихъ!

Неперѣдливый народъ и Престога
громогласно вызывающъ сына Ласте-
несова,

Пойдемъ! рекъ Мученикъ, и силою
души побѣждая спраданія плѣсныя, онъ
пресупилъ чрезъ прагъ шемницы.

Сынъ жены! воскликнулъ Кирилль, пы-
имѣешь сердце самантовое; не спрашисъ
и не яви боязни предъ лицомъ нечести-
выхъ.

Епископы воспѣли молебную пѣснь,
новосложенную въ Кароагенѣ Августин-
номъ, другомъ Евдора.

„Тебя величаемъ, хвалимъ, Тебя бла-
гословляемъ, Боже нашъ! Ангелы, Херуви-
мы, проны, земля и небеса прикрасно
вызываютъ: Свяшъ Господь, Свяшъ Го-
сподь Саваоѣ!“ —

Епископы воспѣли еще пѣснь псбѣдъ,
и Евдоръ изшелъ изъ шемницы, уже ра-
дуюся о торжествѣ своемъ; посмѣянiя
встрѣпили его. — Ценшуріонъ стражи,
шолкая его, сказалъ:

Ты долго заставляешь ждать себя.

Товарищ! ошвыпствовалъ Евдоръ улыбаясь, и я, подобно тебѣ, быспроходилъ во срѣшеніе врагамъ Рима; но нынѣ зришь ли ты язвы мои? —

На перси его возложили лиспъ опъ папира, на коемъ, начерпано:

„Евдоръ Хриспіанинъ.“

Народъ сопровождалъ его ругательствами. „Гдѣ шеперь Гдѣ его? говорили многіе; и къ чему послужило ему предпочпеніе Вѣры радоспіямъ жизни? Увидимъ, воскреснешъ ли онъ вмѣстѣ съ Хриспомъ своимъ, и возможешъ ли Хриспосъ сей изъять его изъ рукъ нашихъ!“

Жеспокой народъ сей приносилъ пысячи хваленій богамъ своимъ, и веселился мщеніемъ надъ ихъ врагами.

Князь шмы и служипшели его, разсѣянные на землѣ и въ воздухъ, упоенные гордоспію и веселіемъ, уже мнили зрѣшь скорое шоржествво свое надъ Креспомъ; но не зрѣли разверзающейсѣ бездны, въ кошорую долженспвовали мгновенно низринуться, пораженныы его силою. Они

возпламеняли неистовство въ язычникахъ прошиву новаго Апостола. Камни сыпались опшсюду на Евдора; обломки разбишыхъ сосудовъ и кремни мешаль народъ подь изъязвленные стпопы Мученика. — Если возможно когда - либо сравнишь Творца и Вседержителя міровъ съ браннымъ швореніемъ, грядущаго по святымъ спезямъ Его; то шествіе Мученика сего подобилось шествію Христа Спасителя, влекшаго Крестъ Свой опъ палащъ Игемона до вышопъ Голгофы.

Евдоръ, окруженный народомъ, слѣдовалъ къ амфитеатру по священной дорогѣ, ведущей мимо вратъ Сейпима Севера, храма Юпитера Спатора и величественныхъ роспровъ; повсюду встрѣчалъ онъ кумиры; шумъ народа умножался безпрестанно; онъ хотѣлъ принудить Мученика преклониться предъ идолами! —

Не подобаешь побѣдителю склоняешься предъ побѣжденнымъ, говорилъ Евдоръ; еще нѣсколько минушь, и вы увидите торжество мое! О Римъ! я зрю грядущаго къ тебѣ Царя; я зрю тебя, поверга-

ющаго діадему свою къ стопамъ Іисуса. Обишель подземныхъ духовъ заперта, и мѣдныя заклегы возпрещаютъ туда входъ племенамъ будущимъ! . . .

Онъ прорекаетъ намъ несчастія, воскликнулъ народъ; умеривимъ, разорвемъ на части сего безбожника! и Преторы едва могли защишить Пророка-мученика отъ бѣшенства идолопоклонниковъ.

Оспавъ ихъ! рекъ Евдоръ; развѣ не такъ поспурають они даже съ своими Императорами. Еспьли они разперзають меня, тогда не нужно тебѣ будетъ осприемъ меча швоего заставлятъ меня подымать голову, чтобы зрѣть уничиженіе челоувѣчества!

Торжественныя шапуи Евдора были повержены и разбишы, но оспавалась одна, и мимо ея проходилъ Евдоръ. — Пораженный симъ зрѣлицемъ воинъ надвинулъ шлемъ на чело, скрывая свою горестъ. Но Евдоръ примѣшилъ. „Другъ! въщаль онъ воину, почто оплакиваешь ты бренную славу міра сего! . . . нынѣ настоящій день моего шоржества! — Прими крестъ,

гряди по мнѣ, и ты самъ будешь онаго достойнъ!“ —

Слова сіи проникли во глубину сердца воина, и по нѣсколькихъ дняхъ онъ пріялъ вѣру Христіанъ.

Евдоръ достигаетъ до амфитеатра, подобно гордому коню, на полѣ брани пронзенному копіемъ, копорой все еще спремился къ битвѣ, какъ бы не чувствуя своей смертельной раны.

Но не всѣ окружавшіе Евдора были враги его; великое множество вѣрныхъ искали прикасаться къ одеждѣ Мученика; старцы внимательно слушали слова его; Священно-служители изъ среды народа посылали къ нему благословія. Дѣвы, юноши, жены и старцы кричали: „Умершвите насъ вмѣстѣ съ нимъ!“ и Мученикъ словомъ, движеніемъ руки, взглядомъ успокаивалъ сіи воспорги добродѣтели. Душа его занята была единою поклою мыслію о гибели, угрожающей братіи.

Адъ ожидалъ Евдора при вратахъ арены, дабы представилъ ему послѣднее ис-

пыпаніе. Гладіаторы, слѣдуя обычаю, хотѣли облещи Хрисціанина въ мантію жрецовъ Цибелы.

„Не хочу я умереть, воскликнулъ Евдоръ, въ одѣяніи подлаго бѣглеца, въ украшеніи идолослужителей, и скорѣе собственными руками сорву перевязи съ язвъ моихъ. Я принадлежу народу Римскому и Кесарю, и предъ лицомъ ихъ долженъ быть преданъ на разперзаніе звѣрямъ. Есшьли смертію моею вы лишите ихъ сего зрѣлища, то будете за то опвѣщспвовать свою жизнь!“

Успрашенные такою угрозою гладіаторы отверзли врата амфитеатра, и Мученикъ торжественно вступилъ въ арену.

Мгновенно всеобщія рукоплесканія и крики изступленія пронеслись отъ верху до самаго основанія амфитеатра и гремѣли, повшоряясь тысячами различныхъ отголосковъ. Львы, пигры и всѣ дикіе звѣри, заключенные въ пещерахъ, ревомъ своимъ достойно опвѣщспвовали кликамъ сей лютой радости; — самъ народъ воз-

препещаль опъ ужаса; — одинъ Мученикъ пребываль спокоень. Въ умиленіи сердца воспоминаль онъ о своихъ родителяхъ, сеспрахъ своихъ, о своемъ опечесивѣ; Демодока и Симодосею поручаль благости Всевышняго: сія мысль была послѣдняя мысль земная; — духъ его стремилъ къ небесамъ!

Императоръ не прибыль еще въ амфишестръ; учредитель игръ не даеть знака къ начинанію. — Уже изъязвленный, утомленный Мученикъ испрашиваетъ позволеніе у народа сѣсть на аренѣ, дабы сохраниль силы свои; народъ соглашается, надѣясь веселишься сопротивленіямъ продолжительнѣйшимъ. Юноша, одѣянный мантіею, склоняется на песокъ, копорый алкаль его крови, подобно пастырю, возлежащему на мягкомъ мхѣ лѣсовъ пусынныхъ.

Въ сіе время во глубинѣ вѣчности Свяшая Свяшыхъ внезапно озарилась свѣтомъ. Ангели, Троны, Господспвія, проспершыя ниць, внимали обяшья веселиемъ гласу глаголющему:

„Миръ церкви, миръ челоѣкамъ!“ —
 Совершаемая жертва благопріятна Богомъ;
 послѣдняя капля крови праведнаго будетъ
 торжествомъ Вѣры, премѣняющей лице
 земли. Восколыхались сонмы мучениковъ;
 Святыя воишли спекаются на гласъ тру-
 бы, гремящей устами Восводы Силь небес-
 ныхъ. Тамъ сіяешь Стефанъ, первый
 Мученикъ; тамъ является неустрашимый
 Лавренцій, красноглаголющій Кипріанъ и
 сирадальцы, слава благочестиваго и вѣр-
 наго града, опустошаемаго Рогою и благо-
 шворимаго Саоною. Несомые на свѣпломъ
 облакѣ, низходятъ они пріять блажен-
 наго воишеля, коему предназначена зна-
 менитая побѣда. Небеса преклоняются
 и разверзаются; лики Папріарховъ,
 Пророковъ, Апостоловъ, Ангеловъ при-
 нияди долу, дабы зрѣть послѣднюю
 бишву праведнаго. Святыя жены, дѣвы
 окружають, и привѣтствуютъ мать
 Евдора. Она единая отвращаетъ зоры
 свои отъ земли, и вперяетъ ихъ ко thro-
 ну Всевышняго.

Тогда Михаилъ ополчаетъ десную свою мечемъ суда и казни, которъй, предшествуйя Всевышнему, поражаетъ ударами внезапными; въ шуюю приѣмлетъ онъ цѣпь, искованную въ огняхъ молнійныхъ, во хранилищахъ гнѣва небеснаго. Спо Архангеловъ, предводимые пламеннымъ Херувимомъ, образуютъ неразрушимыя ея кольца; чудеснымъ искусствомъ мѣдь, сліянная съ серебромъ и златомъ, соединяется подъ тяжелыми ихъ младами; они напоятъ ее према лучами вѣчнаго мщенія: опчаяніемъ, ужасомъ, проклятіемъ, молнією, и шѣмъ живымъ веществомъ, изъ коего сославлены колеса колесницы Іезекіиля. По мановенію Всевышняго Михаилъ ринулся съ неба, подобно пламенной кометѣ. Трепетныя міры мнили зрѣшь конечное свое разрушеніе. Архангель спалъ единою споюю на море, другую на землю; гласомъ ужаснымъ воскликнулъ онъ, и семь громовъ ему опвѣшспвуютъ:

„Днесъ царствіе Христа! изчезло
идолопоклонство! смерть прешла. А ты,
Книж. III. В

порожденіе эхидино, родъ развратной, очисти міръ отъ своего присушствія; — и ты, Сатана, вниди въ пропасти ада, гдѣ штысящу лѣтъ суждено тебѣ стелнать подъ нерушимыми оковами!»

Внемя ужаснымъ симъ восклицаніямъ, мятежные духи шрепешупъ, объятые спрахомъ; но Князь тмы хочепъ еще пропивишся и сражашся съ Посланникомъ Всевышняго: онъ призываетъ къ себѣ Аспарта и демоновъ ложной мудрости и разрушенія; но сіи, уже низверженные въ жилище шперзаній, казняшся новыми муками, копорыя гоповили они для смертныхъ. Оспавленный Сатана шщепно испышваетъ силы свои пропиву небеснаго воеителя. Скипетръ его преломленъ, могущество разрушено. Послѣдуемый разсѣянными своими полчищами, онъ съ ужаснымъ ревомъ повергаешся въ пропасти ада. Живыя цѣпи, грозно звуча, лепшашъ за нимъ, и облившисъ вокругъ чудовищныхъ ребръ его, приковывашупъ къ пламенной скалѣ въ самыхъ шдрахъ глубочайшаго шаршара.

Одинъ сынъ Ласпенесовъ мысленно внимаешь неизъяснимо сладостное пѣніе, гремящее въ воздухъ, ошдаленные звуки тысячи злашихъ арфъ, соединенныхъ съ ушѣшительными голосами. Онъ подъемлешь главу и зришь, или мнишь зрѣшь воинство Мучениковъ, низпровергающихъ жершвенники ложныхъ боговъ Рима, и въ вихряхъ праха возмешаемыя основанія ихъ храмовъ. Онъ видишь чудесную лешвицу, соспавленную изъ яшмы, гіацинта, сапфира и изумруда, которая проспираясь, низпадаетъ изъ облака къ стопамъ его, и являешь ему спезю къ горнему Іерусалиму. Онъ зришь блдшашельное видѣніе, и глубокими сердца вздохами призываешь къ себѣ шу минушу, которая поведешъ его по сей спезѣ небесной.

Но Богъ Іаковлевъ возхошѣлъ осіяшь народъ свой славою вящшею. Онъ укрѣпляетъ въ сердцѣ слабой жены благородныя и великія намѣренія. Какъ на нивѣ, впервые возоранной, упренній жаворонокъ ожидаешь возвращенія дня; когда восходящая заря позлащашеть края плы-

В 2

вущихъ облаковъ, мгновенно оставляешь
 онъ землю, и взвиваясь поешь пѣснь,
 плѣняющую странника: такъ бодрствую-
 щая Симодосея неусыпно ждетъ перва-
 го луча раждающагося утра, дабы вос-
 пѣшь въ небесахъ пѣснь, копорая уса-
 дила бы Израиля. Лучи утренняя сквозь
 вѣтви лавра Виргиліева проникли до юной
 Христіанки. — Она мгновенно восплаещь,
 безмолвно пріемлещь одежду Мученицы,
 ею сохраненную. Сладкой сонъ не опле-
 шаль ошь вѣждъ Демодока. Симодосея
 тихо приближается къ ложу егѣ, прекло-
 няещь предъ нимъ колѣна; внимашельно
 смотритъ на преспарѣлаго своего роди-
 теля, и крупныя слезы текутъ ручьями по
 ланищамъ ея; она внимаещь крошкѣму ды-
 ханію старца, представлещь себѣ ужа-
 сное его пробужденіе, едва возможещь,
 удержашь въ трепещущей груди своей
 рыданія дочерней вѣжности. Но любовь
 и вѣрность къ супругу возвращающь ей
 мужество; она съ робостію подьемлещь, и
 при прагъ храмины еще остановясь, въ

послѣдніе устремляеть на родителея слезящіе взоры свои, и поспѣшно уходитъ.

Оеодоръ провелъ ночь сію внѣ дома Виргиліева. Хриспіане не предавались сну наканунѣ смерти брашій своихъ. Сопровождаемый всѣми своими служипешелями, онъ куюно съ Захаріемъ пришелъ въ амфитеатръ. Скрышый въ поднѣ народа, ожидалъ бипвы Мученика, дабы послѣ изхищипль честное тѣло его и предасть погребенію. Такъ спая голуей на гумнѣ въ первые дни осени ожидаешъ опсущспвія жнецовъ, чшобы собрать оспавшіяся зерна, вѣспромъ развѣчнныя.

Между тѣмъ Симодосея безпрепящспвенно спремипся въ Римъ, ей незнакомый. Сначала долго блуждаешъ по опущсплымъ спогнамъ, ибо весь народъ былъ въ амфитеатрѣ; она не знаешъ, куда иди ей; оспанавливаешся, прислушиваешся, подобно соглядашаю, уловляющему каждое движеніе врага. Вдругъ слышипть шумъ вдалежъ, бѣжипть шоропливо — шумъ умножаешся. И се видипть длинный рядъ воипновъ, невольниковъ, женъ, дѣшпей, спарцевъ,

спремящихся по одному пупи; она видя носилки, лепящія колесницы и скачущихъ всадниковъ; раздающихся пшящи голосовъ и восклицаній, и въ шумномъ семь омяшеніи, Симодосея различаетъ повпоряемый многократно крикъ:

„Христіанъ звѣрятъ!“ — И я Христіанка, сказала Симодосея сама въ себѣ, и успремилась на холмъ, возвышающійся надъ долиною покрытою народомъ, окружающимъ амфитеатръ. День загорался. Симодосея, сходящая съ холма, была подобна ранней, уклснющейся съ горизонша, звѣздѣ, которую ночь даетъ упру на одно шолько мгновеніе. Греція, преклоня колѣна, почла бы ее любимицею Зефира, или Цефала. Римъ мгновенно позналъ въ ней Христіанку. Ея скромная невинность обличала ее болѣе, нежели голубая шуника, бѣлое покрывало и черная маншія.

„Держише! — бѣглая Христіанка!“ кричала шолпа.

Такъ, я Христіанка, ошвѣщшвовала Симодосея, и румянецъ покрывалъ ланиши

ея; но я не бѣглая, я потеряла дорогу, я не знаю, куда идти, будучи рождена далеко отсель, на берегахъ Греціи. — Тамъ мое милое опечеснво. — Могущесливенные сыны Ромула! покажише мнѣ путь къ амфитеатру.

Сии слова могли бы укротить самыхъ пировъ; но Римляне опвѣпствовали Симодосѣ насмѣшками и ругательствомъ. Шапаящаяся толпа упившихся окружила ее. „Можетъ быть Гречанка эта и не осуждена на разперзаніе звѣрями!“ произнесъ одинъ голосъ.

Я осуждена на разперзаніе звѣрями, робко опвѣпствовала юная Христианка, и меня ожидающъ въ амфитеатрѣ.

Толпа испуленныхъ съ дикимъ воплемъ проводила Симодосею къ амфитеатру. Гладіаторъ, введившій въ амфитеатръ Мучениковъ, не имѣя повелѣнія ввести Симодосею, воспрещалъ ей входъ къ мѣспу жерпвъ обреченныхъ; но внезапно разпворяюща одинъ изъ врапъ, ведущихъ въ арену. Симодосея видитъ Ев-

дора, — лепишь подобно спрѣлъ, и падаешь въ объятія супруга.

Тысящи зритель подъялись съ мѣстъ своихъ въ смущеніи, склонились на перилахъ — усуремляющъ взоры къ аренѣ и взаимно вопрошающъ другъ друга: „Кто жена сія въ объятіяхъ Христіанина?“

Супруга его, говорили одни, Христіанка, пришедшая пріять смерть. Она облечена въ одежду Мученицы.

„Какая молодость и красота!“ робко шептали другіе.

Да будешь она предана на разшерзаніе, да изпробьшся сіе порожденіе нечесливыхъ въ нашей Имперіи! воцѣла неисповсвующая чернь.

Ужась, воспоргъ, шерзающая горесшь, радосшь несказанная заградила усша Мученика; онъ прижималъ Симодо-сею къ груди своей, и въ то же время желалъ бы не зрѣшь ее; онъ чувсвовалъ, что каждое прошекшее мгновеніе влекло за собою смерть супруги его, жизнь которой онъ тысящекратно искупилъ бы собственною своею жизнью. Наконецъ гласомъ пре-

рывающимся опъ рыданій, Евдоръ воскликнулъ: О Симодосея! почто пришла ты сюда? Боже! въ сію ли минушу долженъ я вспрѣшиться съ нею? Какая прелесть, или какое злосчасіе привлекло тебя на сіе мѣсто убійствъ! Или пришла ты поколебашь мою вѣру? — Какъ я могу зрѣшь тебя умирающею? —

„Евдоръ! рыдая, воскликнула Симодосея, опшпусти мнѣ сіе. Я читала въ Свящомъ Писаніи: жена оставишъ ошца и машь, и прилѣпится къ супругу. Я покинула ошца, и въ то время, когда онъ покоился сномъ, убѣжала изъ объятій любви его. Я пришла просить у Галерія тебѣ прощеніе, или умереть съ тобою!“

Симодосея, узрѣвъ блѣдность на лицѣ Мученика, глубокія раны едва покровенныя, вскрикиваетъ, и въ свящомъ воспоргѣ любви лобзаетъ стопы его, язвы на груди и на рукахъ его. Кто возможетъ изъяснить чувствва Евдора, ощущающаго прикосновенія непорочныхъ устъ къ обезображенному тѣлу его? Кто предсшавишъ сладость непослжимую первыхъ

лажканій невѣсты, заботливо и сердечно обращаемихъ къ священнымъ язвамъ Мученика? Небесное вдохновеніе мгновенно объемлетъ его душу. — Его чело являешия лучезарнымъ, лице блестящимъ славою Бога: онъ сѣмлетъ перстень съ руки, и омочая его въ крови ранъ своихъ, вѣщаетъ:

Я не пропивлюсь болѣе швоимъ намѣреніямъ; не хочу долѣе похищати у себя вѣнца, которой ты стремишься приобрести съ шоликимъ мужествомъ. Тайный гласъ, глаголющій моему сердцу, увѣряетъ меня, о Симодосея! что посланіе швое на землю сію кончано; родители швой не имѣютъ болѣе нужды въ швоей помощи; Богъ спашетъ пещисъ о немъ; скоро узришь онъ свѣтъ истинный. Скоро соединишия онъ съ дѣшми своими въ обители вѣчности, гдѣ никакая сила не похиштишь у него ихъ болѣе. Я предрекъ тебѣ нѣкогда, о Симодосея! о нашемъ соединеніи. Мы должны умереть супругами. Здѣсь алтарь нашъ, здѣсь церковь и брачное ложе. Какое великолѣ-

не окружаешь насъ! облака благоуханій
 осыплютъ главы наши. Но возведи очи
 свои къ небесамъ, исполнися вѣры, и у-
 зришь ихъ въ образѣ иномъ, въ лѣпотѣ
 несравненно блестящей. Освятимъ сей
 вѣчный союзъ, насъ сопрягающій спра-
 даніемъ; пріими сей перстенъ и будь мо-
 ею супругою!

Ангельская чета преклоняетъ колѣна
 свои посреди арены; Евдоръ воздѣваетъ
 перстенъ, омоченный въ крови своей
 на персть Симодосей.

„Раба Иисуса Христа, восклицаетъ
 онъ, пріими клятву мою! Ты любезна
 какъ Рахиль, мудра какъ Ревекка, вѣрна
 какъ Сарра, не имѣя долгошы лѣшь ея!
 Возраснемъ, созрѣемъ для вѣчности,
 исполнимъ небо нашими добродѣтелями!“

Мгновенно опровергаются небеса для пор-
 жешествованія сего великаго союза. Ангели
 гремятъ пѣснь брачную; мать Евдора
 молишь Бога о совокупленныхъ чадахъ
 своихъ, которыя скоро предстанутъ предъ
 подножіемъ свѣтозарнаго трона Его. Дѣ-
 вы-мученицы соплетаютъ брачный вѣнецъ

Симодосеѣ ; Искупитель міра благословляешъ блаженную чету , и Свяшый Духъ низпосылаешъ имъ даръ любви неувядаемой.

Между гѣмъ волнующійся народъ , видя двухъ Мучениковъ споящихъ на колѣняхъ , мнилъ , что они просятъ о пощадѣ жизни ; и опвергая рукою моленія спрадалицевъ , осуждалъ ихъ на смершь . Народъ Римскій , коему знаменитыя преимущества давали щипуль Царя — народа , давно пошерялъ свою независимость . Римляне были верховными власшелинами шокмо въ распоряженіи своихъ удовольствій . Но какъ сіи удовольствія употреблялись единшвенно для того , дабы болѣе оковаць его свободу и распшиць нравы , то мнимое владычештво сіе было для него истиннымъ рабешвомъ .

Въ сіе мгновение предспаешъ предъ народомъ гладіашоръ испросишь повелѣніе о судьбѣ Симодосеи .

Могущешвенные власшители вселенной ! сказалъ онъ . Христіанка сія нарушила порядокъ , и вшорглась въ арену .

Она осуждена на смерть вмѣстѣ съ полпою другихъ нечестивыхъ, послѣ разперзанія ихъ начальника. Убѣжавъ изъ темницы, она блуждала въ Римѣ. Но враждебный ея духъ, или Геній нашей Имперіи привлекъ ее къ амфитеатру.

„Боги желали этого; пусть оспается и умираешь!“ былъ общій голосъ народа.

Немногіе шокмо, движимые состраданіемъ, почувствовали жалость и изъявили желаніе пощадить Симодосею. Но народъ единогласно кричалъ:

„Пусть оспается и умираешь; чѣмъ прекраснѣе жертва, тѣмъ угоднѣе она богамъ.“

И эшо Римляне! — Нѣтъ! эшо не сыны Бруша, которые негодовали на великаго Помпея за то, что онъ заставлялъ нѣкогда сражаться миролюбивыхъ слоновъ; эшо были люди, подлымъ рабствомъ униженные до звѣрей и ослѣпленные идолопоклонствомъ. Всякое чувство человечества погашено въ нихъ вмѣстѣ съ чувствомъ свободы!

Вдругъ раздается голосъ изъ среды амфитеатра: — Рѣшено! — Θεодоръ опрекается ошъ жизни!

Римляне! восклицаетъ онъ, и я преступникъ, я ношю изхищилъ изъ шемницы сего Ангела небеснаго, теперь предающего себя въ руки ваши. Я Христiанинъ, я ищу смерти. Да низвертнешся нечестивый Юпитерь, да исчезнутъ храмы его, и паденiемъ своимъ да поразишь онъ презренныхъ обожашелей. Вѣчнось да возжеть мстишельное свое пламя, да изшребитъ варваровъ безчувственныхъ къ несчастiю, къ юности беззащитной и добродѣтели! —

Произнеся слова сiи, Θεодоръ повергаетъ спашую Меркурiя; и симъ возпламеняетъ ярость народа.

Христiанинъ въ амфитеатръ! возьмише его и предайте гладиаторамъ, кричаль народъ.

Влечетъ Θεодоръ, и осуждается на смерть съ прочими Исповѣдниками.

Мгновенно раздается звукъ оружiя; подъемной мостъ, ведущiй ошъ дворца

императорскаго къ амфитеатру, опускается, и Галерій съ ложа роскоши, сладострастія и мученій совѣсти переснипаетъ шокмо одинъ шагъ на позорище убійствъ. Тщешно силился онъ сокрыть перзающія его внушрннія спраданія! Какъ привидѣніе, или смерть въ вѣнцѣ, возсѣдаетъ онъ на мѣстѣ возвышенномъ. Какая прошивуположность съ красопою, жизнію, младоспію, преданнымъ въ аренѣ люшосши шигровъ!

При появленіи Императора всѣ зрители возспали, изъясляя ему обычно привѣспивіе. Евдоръ почшишельно преклоняется предъ Цезаремъ. Симодосея приближается къ Галерію, дабы испроситъ милоспъ для Евдора, и вмѣспо него предаетъ себя на жершву. Галерій колебался въ сомнѣніи. Народъ недолго оставилъ его въ борьбѣ между милосердіемъ и жестпоспсію. Давно алкалъ онъ крови, и сія алчностъ еще болѣе возкипѣла при видѣ гопшовой жершвы. Со всѣхъ споронъ кричали:

„Звѣрей, звѣрей — звѣрямъ сихъ нечеспивыхъ!“

Евдоръ обратился къ народу съ мольбой о пощаду Симодосеи; но едва опверзь уша, и неисповые вопли заглушили его голосъ: —

„Звѣрей! — Христіанъ звѣрямъ!“ —

Звукъ трубы раздаешся; начальникъ гладіаторовъ пребѣгаешъ чрезъ арену, и опверзаешъ пещеру люшѣйшаго шигра.

Тогда между супругомъ и супругою воспашешъ прѣя, навѣки-доспопашная: каждой изъ нихъ жешашешъ умерешъ послѣдимъ.

Евдоръ! вѣщаша Симодосея, ешъли бы ты не былъ покрышъ язваш, тогда я жешаша бы прѣяшъ смершъ первая; но пешерь у меня болѣе силы, и я возмогу видѣшъ себя умирающимъ.

„Симодосея! опвѣшпешвуешъ Евдоръ, я прешде себя былъ Христіаниномъ, и болѣе имѣю мужешна снешпа мученіе. Позволь мнѣ опашавшъ землю послѣдимъ!“

Послѣ сихъ словъ Евдоръ съемлетъ съ себя мантію и облакаетъ Симодосею, дабы невинныя красоты дочери Гомеровою были сокрыты опъ зришелей, когда шигръ повлечетъ ее въ аренѣ. Евдоръ спрашиса, чшобы свяшая смерпъ сунруги его не была омрачена и пѣнію нечеспивыхъ помышленій. — Можетъ бытъ сіе было — послѣдній гласъ сердца, движеніе ревности, сопровождающей испинную любовь до гроба!

Раздается второй звукъ трубы, скрипятъ желѣзныя враша пещеры, опверзшій оныя гладіаторъ бѣжалъ, обьяшый спрахомъ. Евдоръ спавитъ Симодосею позади себя. Съ руками креспобразно сложенными, съ очами возведенными горѣ, зрѣлся Мученикъ прилѣжно молящимся.

Въ прешій разъ звукъ трубы раздается. Гремятъ цѣпи, упадая съ шигра, и люшой звѣрь съ ревомъ спремисся въ арену. Невольный шрепетъ потрясъ зришелей. Симодосея, пораженная ужасомъ, воскликнула:

Книж. III.

Г

Спаси-меня!

И бросилась въ объятія Евдора, къ ней обратившагося. Онъ прижималъ ее къ груди своей, и желалъ бы сокрыть ее въ своею сердце. Тигръ несется къ Мученикамъ. Приблизился, и подъемлясь на заднія лапы, вонзаетъ когти въ ребра сына Ласпенесова, и терзаетъ зубами рамека Мученика безпретешнаго. Симодосея, и въ сіе время еще держащая имъ въ объятіяхъ, возводитъ на него взоры свои, исполненные любви и ужаса, и близь главы его зреть дымящуюся кровію главу шигра. Мгновенно хладъ разлился по всѣмъ членамъ дѣвы — побѣдительницы; вѣжды сомкнулись, и она повисла на груди супруга, подобно глыбѣ снѣга, висящей на вѣшвіяхъ могучаго дуба. Тигръ разрываетъ ея шю, и Ангель смерпи, улыбаясь прерѣзываетъ жизненную нить Симодосеи; и она спокойно и безболѣзненно отдаетъ Небесамъ послѣднее дыханіе. Евдоръ минушою послѣ слѣдуетъ за нею въ вѣчныя селенія.

Едва супруги-Мученики пріяли побѣдную пальму, среди небесъ явилось свѣшное знаменіе, подобное тому, которое даровало побѣду конспаншину. Громъ гремѣлъ надъ Капишоліею — надъ симъ холмомъ, доселѣ чуждымъ свѣшныи, но днесъ посѣщаемымъ какою-то новою, непоспнжимою Благодашію. — Попряслись основанія амфншеаптра, пали кумиры, и слышался гласъ, какъ древле глаголавшій во Іерусалімѣ:

„Исчезли боги!“

Сирнѣв.

IV.

БОГАТЫЙ.

Отрывокъ изъ длиннаго Стихотворенія.

Quiconque est riche est tout, sans sagesse il est sage;

Il a, sans rien savoir, la science en partage.

ВОІЛЕАУ.

Нѣтъ краше ничего, какъ жить съ собою въ мирѣ;

Безсовѣстному нѣтъ спокойства въ цѣломъ мирѣ.

Г 2

Тщеславіе бы какъ ни высило нашъ рога,
 Все пагубно тому, кого оставилъ Богъ!
 Вотъ истинной законъ премудрости прав-
 дивой,

И философія души благочестивой!

Приближимся на часъ къ источнику
 суешь.

Богашство на примѣръ, возьмемъ себѣ въ пред-
 метъ,

Кумиръ, который всѣ пупи сердечны пра-
 вишь,

И часто велий грѣхъ на верхъ блаженства
 спавишь.

Богатый можетъ все, чегобъ ни захопѣлъ;
 Изъятія здѣсь нѣтъ: весь міръ его удѣлъ.
 Свободнѣй онъ Царей; — пѣ сколько ни велики,
 Опъ подданныхъ своихъ внимая громки
 клики,

Не могутъ иногда по званью своему

Разсѣянья искапъ и сердцу и уму.

Носящій санъ — слуга! — а служба что? —
 неволя!

И Царская ея не избѣгаетъ доля.

Богатый — онъ одинъ владыка надъ собой,

Онъ золопомъ облипъ, какъ дерево корой.

Чужое! — слова нѣтъ шакого въ Лексиконѣ:

Даль деньги, — все его, — и вѣрно все въ
 законѣ.

Летипшь ли по гостямъ? — Карета золопал,
 Лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ спая!
 Въ кивотъ изъ спекла богатый развалясь,
 Съ улыбкою глядишь, какъ брызженъ всюду
 грязь

Изъ-подъ лапыхъ копытъ шестерки Иду-
 мейской,

Ярящейся въ дыбы подъ шорою Черкезской.
 Какая бы игра въ театръ ни была,
 Всѣ лучшія мѣста дирекція дала.

Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу под-
 возяшь,

Всѣ мѣлкіе чины вокругъ его елозяшь;
 А крупные себѣ вмѣняють въ знапну честь,
 Съ нимъ молвишь слова два, — хопъ ря-
 дышкомъ присѣсьшь.

Чего ему искашь? — о чемъ ему крушишься? —
 Не наша сухопа! — все съ неба въ домъ ва-
 лился.

А что всего милѣй, — и истина полна, . . .
 Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ
 пятна.

На что ему сплечають моральныя доб-
 роты?

Онѣ — не векселя; не выложишь на щѣты. —
 А съ деньгами какихъ не ляз пороковъ сбышь,
 Достоинствъ наклепашъ, талантовъ при-
 купишь!

Дуракъ ли кто, — премудръ! безграмошень, —
все знаетъ!

Безчестень, — день и ночь о чести помыш-
ляетъ!

Безбожникъ, изувѣрь: — всѣ въ городѣ
пругають,

Что нѣтъ Святыхъ мужей, коль первой
онъ не овятъ!

Обманщикъ, Езуитъ: — журналъ однако пи-
шетъ,

Что легкое его для ближнихъ польке ды-
шетъ!

Холодной Сибиритъ: давно ли я читалъ,

Что въ пользу бѣдныхъ онъ комедию давалъ?

Онъ злобенъ, — на корню опъ желчи чер-
ной сохнетъ,

И жжетъ и рубитъ всѣхъ, и ни по комъ не
охнетъ;

Всѣ въ голосъ за него: — какая черноша!

Всѣ ради присягнутъ, что это клевета!

Лицомъ ли не пригожь? — влюбляетъ всѣхъ
безъ мѣры;

Съ нимъ рядомъ ничего, Купидо сынъ Ве-
неры! . . . .

. . . . .

Короче въ немъ все даръ, изящносць,
превосходство!

Сомнительно-ль его коль мало благородство:

Опыщется пошчасъ наемной хронологъ,

И выведешь, что онъ породой чуть не богъ!

.....
 .....

Богатому на что молвою дорожишь?

Онъ можешь какъ (*) ширанъ всевышній
 говоришь:

„Я царь и надъ молвой! — облыжна или права,
 Дать славу я могу, — себѣ же самъ я слава!“

Послушанъ богача, какъ придетъ чередъ

Безмездіемъ своимъ похвастанъ иногда:

„Я честенъ, ничего не пребую съ народу.“

О подвигъ! своего ему миліонъ доходу;

А рядомъ важной домъ, наполненный всего;

Спросите только, чей? — прикащика его.

Туда на цѣлой день докучныхъ шайка хлы-
 нешь,

Шампанское кипишь, и самоваръ не спы-
 нешь.

„Я чисишь! сказанъ не лъзя, чтобъ лакомъ
 былъ къ дарамъ!“

Повѣрю, — всю Москву даришь ты можешь
 самъ.

О фениксъ въ естество! — изнѣженный
 сынъ неба!

Какъ ловко сытымъ бывъ, не ѣсть чужа-
 го хлѣба!

(*) Сія слова приписываютъ Наполеону.

Нѣтъ! — нужду, нищету и голодъ испы-
 тай,
 А послѣ правой похвастаться дерзай!
 Но ты ни безъ вины, ни по винѣ не спраж-
 дешь,
 И по уши въ добрѣ! — тепло, не пощѣ, не
 жаждешь.

Души пвоей не жмешь ужасная попка,
 Что по міру поидеть семейство безъ куска,
 Что можешь бышь иныхъ погонить недо-
 спапокъ,

У псовъ пвоихъ опияшь и падали оспа-
 покъ!

Ликуй, превозносись: — пвой вѣкъ! — пвой
 пора!

Гдѣ Богъ пвой укажи: алмазная гора!

Ахъ! виѣшнее ничто намъ счастье дашь не
 можешь:

Коль совѣсть не чиста, и ясной день пре-
 вожешь.

Форшуна! — гдѣ бы ты ни стави-
 ла престоль,

Какихъ ни чаялъ благъ, — ни избѣгаль я здѣ;

Но ежели спяжасть я жребій совершенной

Цѣною совѣсти обязанъ возмущенной:

Дарами ты меня своими не прельстишь!

Хвала чужая — грязь, коль самъ себя не
 чистишь! —

Умѣренный удѣлъ и скромное жилище,
 На родинѣ святой въ опочковомъ попелищѣ,
 Гдѣ опытъ научилъ смаленька мудрымъ
 бытъ,

Надежды всѣ свои на Бога положишь;
 Гдѣ разумъ сапанинъ во мглѣ своей глубокой
 По безднамъ не ведеть въ ровъ-пагубы же-
 спокой;

Гдѣ чистая душа свободна отъ спраспей,
 Даетъ всему красу невинностью своей:

Тамъ, — шамъ, оставя всѣ теоріи невѣрны,
 Ищете щасція умы высокоумны!

Тамъ, — спрашенъ только грѣхъ; — великъ
 небесный Царь;

Тамъ твердъ Его законъ и святъ Его алтарь,
 Лукавство паушинъ съ улыбкою не вяжетъ,

И взора своего зла ненависть не кажетъ;

Тамъ хитрость прослуты съ ножомъ не
 спережетъ,

Ни зависть оспрыхъ ранъ, лобзая, не даетъ;

Тамъ кропкая любовь, сопупница смиренья,

Въ полезномъ для другихъ находить насла-
 жденья.

Вопъ истинныхъ опрадъ еспесивенна чер-
 ша!

За нею все шуманъ, — вездѣ лишь суеша!

Мы щасція хопимъ; но ахъ! погоне знаемъ,

Что сами отъ себя пупи къ нему шеряемъ.

Одинъ душевныйъ миръ родитъ сіе добро;
 Не дастъ его ни мечъ, ни золото, ни серебро.
 Правдивый никогда о вѣшности не пу-
 жипь,

Химерами надупь, полубогамъ не служипь.
 Онъ знаетъ, кучу книгъ прочпя, уединень,
 Чпо вѣчно не бываль щеславный мужъ
 блажень;

Чпо почести Двора, чины, креспы
 съ эмалью,

Доходятъ иногда со всякою печалью. —

Чпо нужды въ помъ ему, чпо онъ въ лѣпо-
 писяхъ —

Безсмертнымъ по себѣ не сдѣлаепь свой
 прахъ,

Чпо слава не звучипь повсюду въ рогъ
 широкой,

Ни подвиговъ его, ни мудрости высокой?

На чпо ему Царя великолѣпный санъ,

Или правленья жезль, или Персидской спань?

Сподь пѣжки бремена равняюся ли долъ,

Въ копорой онъ живепь по доброй своей
 волъ?

Захочепь ли всю жизнь въ походахъ погу-
 бипь,

Ведя войну спо лѣпъ, миръ крапкій за-
 ключипь,

И вновь опяпъ лепъпъ, схвапя перунъ и
 спрѣлы,

Земель завоевать послѣдніе предѣлы?

Онъ меньше суесясь, довольнѣе въ глуши,
И первымъ благомъ чинишь спокойствіе
души.

Захочешь ли, стѣсна свою и всѣхъ свободу,
Прихожія держашь, набишья народу?

Пошерянной досугъ, одинъ лишь польке
шумъ;

Въ привѣщспвіяхъ пустыхъ разбросанъ мѣл-
кой умъ.

И эпопъ ли профей, копорымъ свѣшь гор-
дился,

Блаженствомъ почиашь мудрецъ не по-
спыдился?

Пускай его вездѣ не спавяшъ ни во что,
Услугъ просишь къ нему не бѣгаешь никпо;
Пускай его пѣсняшъ, — уничижають, давяшъ,
Чужими иногда пороками безславяшъ:

Онъ въ правилахъ своихъ, какъ твердый
дубъ, стоишь,

И буря золь мірскихъ его не шевелишь.

Невзгоды вынося, съ безропотнымъ шер-
пеньемъ,

Онъ брошенъ опъ людей, — но взысканъ
Провидѣньемъ!

И Небу поручивъ себя на всякой часъ,
Подъ мирнымъ кровомъ ждешь прубы по-
слѣдній гласъ.

К. И. Д.

ДОЛОВА АРЕА.

Владыка Морвены,
 Жиль въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
 Надъ озеромъ спѣны
 Зыбчашья замокъ съ холма возвышалъ;
 Прибрежны дубравы
 Склонялись къ водамъ,
 И сплался кудравый
 Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ хол-
 мамъ.

Спокойствіе сѣней
 Дубравныхъ памъ часпо лай псовъ нарушалъ;
 Рогатыхъ еленей
 И вепрей, и ланей могучій Ордалъ
 Съ отважными псами
 Гонялъ по холмамъ;
 И доли съ холмами
 Шумя, опвѣчали зовущимъ рогамаъ.

Въ жилище Ордала
 Веселость изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ
 Гостей собирала;
 И убраны были черпоги пировъ
 Еленей рогамаи;
 И въ память опцовъ

Висѣли рядами,
Ихъ шлемы, кольчуги, щипы по спѣнамъ:

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за стаканомъ рассказы Ордаля
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони опцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ лапы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щипы ихъ, и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ:
Какъ зыби тумана,
Зарю златимы надъ свѣжимъ холмомъ;
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младя
Віяся бѣжали спруей золотой.

Пріяшнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ,
Сквозь темны ресницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріяшность рѣчей,
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней!

Гремѣла красою
 Минвана, и въ ближнихъ и въ дальнихъ
 краяхъ!

Въ Морвену полною
 Спекались выпязи, славны въ бояхъ;
 И дочерью гордился
 Предъ ними опецъ . . . . .
 И въ шайнѣ дѣлился
 Душою съ Минваной Арминій пѣвецъ!

Младой и прекрасный,
 Какъ свѣжая роза, — утѣха долинъ,
 Пѣвецъ сладкогласный,
 Но родомъ незнашный, не Княжескій сынъ.
 Минвана забыла
 О санѣ своемъ,
 И сердцемъ любила,
 Невиннат, сердце невинное въ немъ! —

На темные своды
 Багрянымъ щипомъ покапшлась луна,
 И озера воды
 Спируиснымъ сияньемъ покрыла она;
 Опъ Замка, опъ сѣней
 Дубравъ по берегамъ
 Огромные тѣней
 Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
 Попокомъ испочникъ бѣжалъ изъ кустовъ,

Подъ дубомъ въпвиспымъ,
 Свидѣшелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
 Минвана младая
 Сидѣла одна,
 Пѣвца ожидая,
 И въ страхъ шаила дыханье она.

И съ арфою спройной
 Ко древу, къ Минванѣ, приходитъ пѣвецъ;
 Все было спокойно,
 Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердець:
 Прохлада и нѣга,
 Мерцанье луны
 И ропотъ у берега,
 Дробимыя съ тихимъ плесканьемъ волны.

И долго безмолвны
 Пѣвецъ и Минвана, съ унылой душой,
 Смогряли на волны,
 Злашмыя тихо блестящей луной.
 „Какъ быспрые воды
 „Попокъ свой лююпъ —
 „Такъ быспрые годы
 „Веселье младое съ любовью несуть!“

— Чпожъ сердце уныло?
 Пустьъ воды лююпся, пустьъ годы бѣгутьъ!
 О вѣрный! о милой!
 Съ любовію годы и жизнь унесуть! —
 „Минвана, Минвана!“

„Я бѣдный пѣвецъ ;
 „Тыжъ Царскаго сана ,
 „И предками славенъ пвой гордый отецъ!“

— Что въ славѣ и санѣ !
 Любовь — мой высокій, мой Царскій вѣнецъ!
 О милый! Минванѣ
 Всѣхъ Выпя. ей краше, смиренный пѣвецъ !
 Почто же уныло
 На радость глядѣшь?
 Все близко, что мило!
 Оставимъ годамъ за годами лепѣшь! —

„Минушная сладость
 „Веселаго: *вмѣстѣ!* помедли, постой!
 „Кто скажетъ, что радость
 „На вѣкъ не умчишься съ грядущей зарей!
 „Проглянешь денница, —
 „Блаженству конецъ !
 „Опячь ты Царица !
 „Опячь я ничтожный и бѣдный пѣвецъ!“

— Пускай возвратишься
 Веселое упрю, сіяніе дня!
 Зарей озарится
 Топь свѣшь, гдѣ мой милой живетъ для меня!
 Лишь Царскимъ уборомъ
 Я буду съ толпой!
 А мысляю, взоромъ,
 И сердцемъ, и жизнью, о мильи, съ побой! —

Книж. III.

Д

„Прости ! ужь блѣднѣешь
 „Разсвѣтомъ далекій, Минвана, воспокъ !
 „Ужь-упрениій вѣешь
 „Сь вершины кудрявыхъ холмовъ вѣперокъ!“

— О, нѣтъ ! по зарница
 Блѣспилъ въ облакахъ !
 Не скоро денница !

И тихъ вѣперокъ на кудрявыхъ холмахъ !—

„Ужь въ Замкъ проснулись !
 „Мнѣ слышался шорохъ, и звукъ голосовъ!“
 — О, нѣтъ ! вспрепенулись
 Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ !—

„Заря ужь багряна !“

— О ! милой, постой ! —

„Минвана ! Минвана !

„Почпожь замираешь такъ сердце поской?“—

И арфу унылой

Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣпвей.

„Будь, арфа, для милой

„Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней,

„И сладкія звуки

„Любви не забудь ;

„Улада разлуки

„И вѣспникъ души неизмѣнимыя будь !

„Когда же мой юный,

„Убитый печалію, цвѣшь опадешь,

„О, вѣрныя струны !

„Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!

„Какъ прежде выгравешъ

„Веселіе въ васъ,

„И другъ мой узнаешъ

„Привычный, зовущій къ свиданію гласъ!

„И думай, ихъ пѣню

„Внимая вечерней, Минвана, порой,

„Что легкою пѣню

„Все вѣрный лепашетъ твой другъ надъ
тобой!

„Что прежнія муки:

„Превратнаго спрахъ,

„И ужась разлуки,

„Все съ претепной жизнью онъ бросилъ во
прахъ!

„Что жизнь переживши

„Любовь лишь одна не распалась съ душой,

„Что робко любившій

„Безъ робости любить, — и болѣе твой!

„А ты, дубъ въпвисшій,

„Ее осѣняй,

„И вѣтеръ душиспшій

„На юныя персі дышашъ прилѣтай!“

Умолкъ, и съ прелѣспной

Задумчивыхъ долго очей не сводилъ, —

Какъ бы неизвѣспной

Въ немъ голосъ: на вѣки проспши! говорилъ;

Д

Горячей рукою
 Ей руку пожалъ,
 И пихой спокою
 Опъ ней удаляся, какъ призракъ, пропаль!....

Луна возсіяла;
 Минвана близь древа .... ногдѣ же пѣвецъ?
 Увы! предузнала
 Душа, унывая, что счастію конецъ!
 Молва о свиданьѣ
 Доспигла опца; —
 И мчипъ ужъ въ изгнанье
 Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
 Подъ дубомъ свиданья Минвана грустипъ!
 Уныло съ Минваной
 Одинъ лишь нагорный попокъ говорипъ:
 Все пустъ! день ясной
 Взойдетъ и зайдетъ: —
 Пѣвецъ сладкогласной
 Минвану подъ древомъ свиданья не ждепъ!

Прохладою дышепъ
 Тамъ вѣперъ вечерній, и въ листьяхъ шумипъ,
 И вѣтви колышепъ,
 И арфу лобзаепъ; ... но арфа молчипъ! — —
 Творенія радоспъ,
 Насмала весна; —

И въ свѣжую младость
Красу и веселье земля убрала!

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпаль вечерѣющій день,
На землю съ молчащемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь.
Ужь синіе своды
Блещали въ звѣздахъ;
Сравнилися воды,
И вѣсперъ улегся на спящихъ лиспахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа . . . . душой вдалекъ! . . .
И пихо все было! . . .
Вдругъ! . . . къ пламенной что-то коснулось
щекъ,

И что-то шашнуло,
Безъ вѣпра липы,
И что-то прильнуло,
Къ спрунамъ, невидимо слѣпѣвъ съ высо-
пы! . . .

И вдругъ . . . изъ молчанья
Подъялся пропяжнѣй, задумчивый звонъ,
И пише дыханья
Играющей въ лиспахъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смушилось:
То друга привѣтъ!
„Свершилось! свершилось!
„Земля опустила! ужъ милаго нѣтъ!“

Опъ тяжкія муки
 Минвана упала безъ чувства на прахъ ;
 - И жалобнѣй звуки
 Надъ ней заспенали въ смятенныхъ спру-
 нахъ ;

Когдажъ возвратила
 Дыханье она ,
 Уже восходила
 Заря , и надъ нею была пишина.

Съ шѣхъ поръ унывая ,
 Минвана, — лишь вечеръ, — ходила на холмъ ,
 И звукамъ внимая ,
 Мечтала о миломъ , о свѣтѣ другомъ , —
 Гдѣ жизнь безъ разлуки ,
 Гдѣ все не на часъ ,
 И мнились ей звуки ,
 Какъ будто лепящій опъ родины гласъ.

„О милья спруны !
 „Играйте, играйте! мой часъ не далекъ !
 „Ужь клонится юный
 „Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣткы!
 „И спранныкъ унылой
 „Заупра придетъ !
 „И спроситъ : *гдѣ милой*
 „*Цвѣтокъ мой ?*“ — и болѣ цвѣтка не
 найдеть !

И нѣтъ ужъ Минваны! . . . .
 Когда опъ попоковъ , холмовъ и полей
 Восходятъ шуманы ,
 И свѣпипъ , какъ въ дымѣ , луна безъ лучей: —
 Двѣ видяпся пѣни ;
 Сліявшись , лепятъ
 Къ знакомой имъ сѣни ;
 И дубъ шевелился , и спруны звучатъ !

Жуковскій.

VI.

КЪ ПОДУШКѢ ФИЛЛИДЫ.

(Съ Французскаго)

Повѣдай шайны мнѣ свои ,
 Подушка , смятая Филлидой ,
 Пухъ съ горлицъ вскормленныхъ Кипридой ,
 Иль съ легкихъ крыліевъ любви !

Не сказывай , что взоръ встрѣчаетъ ,
 Когда покровъ съ себя ночной
 Откинеть легкою ногой ,
 Или Зефиръ его сдуваетъ !

Не сказывай пы мнѣ равно ,
 Какъ успъ прелѣстныхъ осязаньемъ ,

И сладоспнымъ она дыханьемъ
Твое согрѣла полною! —

*

И самъ Амуръ краснорѣчивой
Всего бы мнѣ не разскажалъ
Того, что прежде угадалъ,
Мечшою я неперѣливой!

*

Нѣтъ! нѣтъ! повѣдай мнѣ сперва,
Какъ часто съ робостію скромной
Любви, восторговъ, шепчень помню
Она волшебныя слова?

*

Скажи мнѣ, сколько слезъ укору,
И ревности упало слезъ
Въ тебя, когда я вѣшкой розъ
Украсилъ грудь Элеоноры? —

*

На дняхъ украдкою въ пѣни
Она меня поцѣловала;
Ты видишь, ты любимъ, сказала,
Но опъ самой меня храни.

*

Я шупъ съ Филлидою разстался;
Скажи, могла-ль она заснуть?
Скажи, какъ препешала грудь,
Какъ вздохъ за вздохомъ вырывался?

*

Дѣвица въ поздніе часы
 Подъ завѣсомъ не споль шайтся:
 Душа ея нагая зрится,
 Какъ и открытыя красы.

*

Другимъ бы можетъ быть скорѣ
 Приспало шайны знать швомъ;
 Но изъ поклонниковъ любви
 Достойнѣй шопъ, кто всѣхъ нѣжна.

*

Когда, ущедренный судьбою,
 Я при шебъ къ груди своей
 Прижму ее, и робость въ ней
 Я поцѣлуемъ успокою?

*

Вечеръ мнѣ руку подала,
 Запрепешала и вздохнула;
 Ты завтра приходи, шепнула,
 И закраснѣвшись опомла.

*

О боги! можно ли мнѣ льспишья?
 Прелестной вѣришь ли судьбѣ?
 Подушка! вечеромъ къ шебъ
 Приду опшѣша допресишья.

К. П. Вяземской.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Что такъ Филлида взоръ уныло къ небу
вносишь,
И предъ Иконой слезы льешь? . . . .
Знать, мужу смерти просишь?
Пора — по пусыкамъ живешь,

2.

Что такъ въ лицѣ перемѣнился?
Охъ! я прошедшу ночь опъ флюса проспра-
даль!
Да гдѣ ты просудился? . . .
Кулисишь мнѣ свою комедию чипаль.

3.

Ты знаешь ли, Дамонъ, что Клишь тебя по-
носишь? . . .
Чтожь! — эшимъ ремѣсломя онъ милостину
просишь.

4.

Вдругъ свиснулъ соловей: запряся Оирсъ,
какъ листъ:
Онъ драму смасперилъ; съ тѣхъ поръ ужа-
сенъ свистъ! . . . .
Ие — в.

VIII.

ДЕМОСӨЕНЪ.

Демосөенъ долженъ опдашь неоспоримое преимущество сопернику своему Цицерону въ искусствѣ писать, и въ Философіи. Но Цицеронъ не могъ у него изпоргнушь скиптра Краснорѣчія; онъ самъ всегда признавалъ его своимъ учителемъ, и прославлялъ его съ воспоргомъ живѣйшаго удивленія. Онъ перевелъ всѣ его творенія, и еспьди бы сіи переводы дошли до насъ; по безъ всякаго сомнѣнія мы увидѣли бы, что Цицеронъ самъ ставилъ себя всегда и вездѣ ниже Демосөена.

Непреоборимая сила доводовъ, всеувлекающая быспрота движеній Орапорскихъ еспь главное опличіе краснорѣчія Демосөена. Мысли его скрѣплены связями неразрывными, спремительны, пламенны. Онъ говоритъ, не какъ Орапоръ разборчивый, заботащійся о выборѣ украшеній, но какъ человекъ, обявмый стра-

спію, одушевленный испиною, какъ гражданинъ, угрожаемый величайшимъ изъ бѣдспвій, не могущій удержатъ воспорговъ негодованія пропиву враговъ своего опечества. Это аплепъ, всею силою Генія защищающій правопу; — прибуналь его — арена. Онъ мгновенно покоряетъ себѣ своихъ слушателей, своихъ пропивниковъ и судей. Онъ не спараетъ какими - либо прогашельными описаніями извлечь слезы изъ глазъ слушателей; но онъ силою своихъ убѣжденій, ясностію доказательствъ невольно вырываетъ ихъ изъ глубины сердець. Опягачаетъ ли онъ укреками согражданъ своихъ, — и упреки сіи естъ не что иное, какъ голосъ собспвенной ихъ совѣспи. Опровергаетъ ли какое - либо мнѣніе? — онъ не раздробляетъ его, но, вмѣсто всякаго опвѣща, предлагаетъ простой вопросъ; — и никогда, никакое пропивоорѣчье предспать не дерзаетъ. Спремитъ ли возбудить Аѳинянъ пропиву Филиппа? — онъ уже болѣе не Ораторъ, но полководецъ, Царь - пророкъ, Геній, ушѣшитель

своего опечесства. Грозилъ ли онъ согражданамъ рабствомъ, — и въ опдаленіи слышился поспешенно приближающійся звукъ цѣпей, которыя несутъ шпрань на ложись на нихъ! —

(Изъ Мори).

Суревъ.

IX.

Б О С С Ю Е Т Ъ.

Боссюеть въ вѣкѣ Людовика четвертаго-надесять почипался однимъ испинно краснорѣчивымъ челоуѣкомъ. Еспли бышь краснорѣчивымъ значипь: сильно воспламеняшь предметомъ своимъ, знашь всѣ его источники, обнимашь его проспранство; сцѣпляшь всѣ часпи шворенія, давашь мыслямъ и чувсшвамъ ходъ поспешенной и спремисельной; бышь пораженнымъ какою-по увлекающею, непреоборимую силою, и сіе быспрое и невольное чувсшво сообщашь другимъ; предсшавляшь предметы живыми, съ шѣмъ,

чтобы возвышашь, изумляшь душу; разливашь въ словѣ своемъ чувство, каждую мысль согрѣвающею; шворишь выраженія обширныя, рѣзкія, — обогащающія языкъ; обворожаешь слухъ гармоніею высокою, — постигаешь законы мѣста и времени; шшесшвовашь съ спокойнымъ величїемъ, шш стремишься съ неописанною быштрошюю; возвышашься болѣе и болѣе, подражая природѣ, не всегда единообразной, но всегда величешшвенной, самымъ неушсшройшшвомъ порядокъ вселенной украшающей. -- Ешш ли шшакшо свойшшво высокого краснорѣчїя; шш кто между нами можешь когда-либо бышш равнымъ въ краснорѣчїи Босшюешу? Кто проповѣдывалъ шшакъ о жизни, о смерти, о вѣчншши, о времени? —

Мысли сіи сами собою наполняющь воображеніе какимъ-шо благоговѣшшнымъ ужасомъ; онѣ вмѣщашь въ себѣ нѣчто обширное, неизмѣримое, гдѣ перешшется самое воображеніе. Онѣ возбуждающь въ душѣ безчисленное множешшво поняшшій, окружающь ее размышленїями грозными, раж-

дающими презрѣніе къ земнымъ спра-
 сьямъ, какъ недостойнымъ ея, и, кажется,
 опдѣляютъ ее опъ всей вселенной. Иног-
 да Боссюетъ оспанавливается на сихъ
 мысляхъ, иногда, ошпоргаясь опъ мно-
 жества чувствованій, его увлекающихъ,
 время опъ времени онъ повтораетъ ток-
 мо сіи слова: *жизнь, смерть, вѣчность,
 время!* — и онъ приводятъ слушаателей въ
 шрепешъ, подобно прерывисшымъ кри-
 камъ, во время ночи нарушающимъ мол-
 чаніе лѣсовъ, возвѣщающимъ внемлющему
 ихъ спраннику какой-то ужасъ, доселѣ
 имъ невѣдомой!

Боссюетъ никогда не слѣдуетъ по
 нуши опредѣленному, или, по крайней мѣ-
 рѣ, скрываетъ его. — Онъ идеетъ, уκλο-
 няется, возвращается снова къ самому
 себѣ; и въ сильномъ воображеніи его, и
 въ глубинѣ чувствованій видѣтъ какой-
 то безпорядокъ. Иногда совершенно не-
 ожданно вырывается у него мысль вы-
 сокая, какъ молнія среди мрачныхъ, но
 безмолвныхъ небесъ; и тѣмъ блескъ ея

бываетъ поразительнѣе! — Иногда собираетъ онъ вдругъ множество мыслей великихъ, и небрежно разбрасываетъ ихъ рукою роскошною, богатою. Но главное отличіе, сего Орапора есть пламенная быспрота въ его движеніяхъ: — собственная душа его, такъ сказать, живущая во всемъ, и все оживляющая. Иногда онъ кажется бытъ на вершинѣ нѣкоего возвышенія, опколѣ созерцаетъ великія событія, какъ бы совершающіяся предъ его очами, и повѣспвуетъ о нихъ стоящимъ долу. Иногда, какъ вдохновенный, онъ возносятся, восклицаетъ, прерываетъ самъ себя, вопрошаетъ, отвѣспвуетъ, сомнѣвается: — это сцена драматическая, происходящая между имъ и его слушателями, съ копорыми онъ дѣлитъ ихъ опасности и несчастія! Иногда, преисполненный страсти обращаетъ рѣчь свою къ существамъ неодушевленнымъ и совѣщаетъ съ ними, какъ посредникъ, или свидѣтель шѣхъ произшествій, копорыми пораженъ онъ самъ.

Слогъ Воссюета изображаетъ движеніе души, и выраженія его сильны и порывисты: онъ шворитъ слова и мысли; онъ повелѣваетъ языку слѣдовать за собою; онъ не принаравливается къ нему, но владычествуетъ надъ нимъ, и увлекаетъ за собою. Языкъ становится рабомъ его Генія, но для того, дабы приобрѣсти болѣе величія. Воссюетъ владѣетъ тайною языка своего, кошорой имѣетъ въ себѣ нѣчто древнее и величавое, нѣчто дикое и дерзновенное. Иногда душа его сообщаетъ величіе вещамъ самымъ обыкновеннымъ, и силою выраженій его становятся онъ высокими; но гораздо чаще мысль великую облекая онъ выраженіемъ простымъ, поражаетъ еще болѣе; ибо самъ онъ всегда кажется выше своихъ мыслей. Слогъ его есть безпрерывное послѣдованіе картинъ. Можно бы было срисовать его мысли, еспьли бы искусство сіе было такъ же обильно, какъ его слово: всѣ изображенія его суть, или живыя, или страшныя; онъ почерпаетъ оныя изъ величай-

Книж. III.

Е

щихъ явленій природы, почти всегда оживленныхъ. —

Таковъ знаменитый сей Орапоръ, въ красошахъ и недоспапкахъ, своихъ носящій на себѣ печать Генія. Древніе и новѣйшіе Орапоры не имѣють съ нимъ ничего общаго.

(Изъ Томаса.)

Сирѣв.

X.

О сраженіяхъ, описанныхъ Гомеромъ.

(Изъ Поле.)

То, что сказалъ Гомеръ (кн. IV), говоря о своихъ Герояхъ, справедливо можно примѣнить къ нему самому. Человѣкъ, руководимый Минервою, который ясно различалъ умѣлъ подробности сихъ битвъ, конечно видѣлъ въ нихъ вездѣ одно шокмо удивительное и достойное одобренія. Какъ могъ Гомеръ описывать одинъ, по видимому, бѣдной предметъ въ двадцати чепырехъ книгахъ, которые всѣ

читаютъ безъ скуки? Не лѣзя объяснитъ сего рѣдкаго явленія нѣмъ однимъ, что онъ разнообразилъ свои описанія. Справедливо, что Спихопворецъ всегда занимаетъ пріятнымъ образомъ воображеніе читателя, представляя ему сраженіе, войско, поединокъ, или, безпрестанно перенося его къ новымъ привлекательнымъ зрѣлищамъ: на морской берегъ, къ кораблямъ, къ Скамандру, на равнину, къ вратамъ осажденнаго города. Сіе разнообразіе очаровываетъ насъ; но чтобы оцѣнить его, нужно изслѣдовать искусство Спихопворца.

Заставляетъ насъ принимать участіе въ происшествіяхъ — вопль, по моему мнѣнію, въ чемъ состоитъ сіе искусство!

Смерть сражающихся есть одно изъ сихъ происшествій, въ описаніи котораго никто не сравнялся съ Гомеромъ. Въ какихъ различныхъ видахъ представляетъ онъ воиновъ? Характеръ, возрастъ, состояніе, опеченство, семейство; — ни-

Е 2

что не опущено, чтобы могло разпро-
гашь чимашеля.

Здѣсь вы видите молодаго чѣловѣка, котораго совѣпы опца не могли удалишь опъ опасностей: онъ погибаетъ во цвѣшѣ лѣпъ своихъ; шамъ жрецъ, который самымъ благочеспіемъ своимъ не можетъ опврапитъ жеспокоспи рока. Далѣе представляешся вамъ охотникъ, котораго щещенно опвращаетъ Діана опъ предстоящей гибели; шамъ чужеземецъ, который уже не увидишь болѣе своего опечеспи; а здѣсь кончина единспвенной подпоры знаменишаго рода. Одишь высокомѣренъ, другой кропокъ: всѣ имѣюшь что-нибудь совершенно оплично опъ другихъ; — по крайней мѣрѣ, вооруженіе, одежда опличаетъ ихъ.

Всякой имѣетъ собспвенное свое положеніе, сражаетъ ли онъ или умираетъ: оно шакъ шочно, что взоръ нашъ видишь, каковъ долженъ быть ударъ прежде, нежели совершается сей ударъ. Судя

по сему, не лзя сомнѣваться, чшобы Гомеръ не былъ единственнѣмъ живописателемъ природы. Медокъ (кн. V), получившій рану въ локопъ, пускаетъ бразды: онъ упадающъ и пащася по землѣ; онъ получаетъ новый ударъ въ високъ, и повергаясь на песчаную землю, въ копорую уходитъ глубоко опъ тяжести доспѣховъ своихъ, дѣлаетъ щещныя усилія, движетъ по воздуху ногами, и попираетъ копышами коней своихъ.

Спихотворцы обыкновенно сполько знаютъ Анапоміи, сколько имъ нужно для убіенія Героевъ ударами въ голову или въ сердце. Захотятъ ли они ввести разнообразіе? — они выдумываютъ такія раны, копорые смертельны въ одномъ только Спихотворствѣ. Конечно они не должны говорить о пѣлѣ челоѣческомъ, какъ Анапомики; но они, по крайней мѣрѣ, должны знать составъ пѣла. Не лзя изобразить поражаемыхъ на бивѣ мѣспѣ, не имѣя о нихъ опредѣленнаго понятія, хотя и не нужно означать всѣхъ

мышць и жилъ , какъ бы означилъ Хи-
рургъ. Чистая Гомеровы шворенія , мож-
но увѣришься , что онъ зналъ сию науку.

Всѣ Спихошворцы послѣдующихъ вѣ-
ковъ , даже самый Виргилій , заимствова-
ли отъ одного Гомера способы предснав-
лять кончину воиновъ различными обра-
зами ; естли мы видимъ въ нихъ менѣе
повтореній , относительно сего предме-
та , то сѣ проиждишь отъ того ,
что Гомеръ имѣлъ болѣе случаевъ
его описывать. Не будемъ упрекать
Спихошворца въ сихъ повтореніяхъ ;
онѣ были во вкусѣ его времени. *Онѣ уда-
лился къ своимъ предкамъ , онѣ почилъ
еѣ отцами своими* — вотъ выраженія ,
часто употребляемыя въ Св. Писаніи. Мо-
жетъ быть , онѣ доставляли слуху нѣко-
рый родъ благозвучія , или отдыха , подоб-
наго тому , который нѣжитъ его въ при-
пѣвахъ великаго множества пѣсней.

Ужась и убійство въ сраженіяхъ на-
поляютъ страхомъ наше сердце. Гомеръ

опиводитъ опъ нихъ на нѣсколько времени воображеніе чипапеля , переноситъ его къ предметамъ не сполько опврапительнымъ; и тогда-то онъ занимаетъ насъ сравненіями, показывая ими взаимныя опношенія дѣйствующихъ лицъ , копорыя мы охопнѣе разсмаприваемъ , нежели главной предметъ , съ копорыми онъ сравнивается.

Я знаю , что нѣкопорые критики жалуются на это. Когда мы заняпы были , говорятъ они , сраженіемъ , въ копоромъ брали участіе — вдругъ наспукаетъ буря , или пошокъ заграждаетъ пущь : битва исчезаетъ , и мы вмѣсто нее находимъ одни шолько уподобленія.

Въ опвѣпъ имъ , я спрощу : шеряемъ ли мы видъ солнца , когда его изображение разсмаприваемъ въ водѣ , то есть тогда , когда можно легче и лучше его видѣть ? Умъ есть глазъ души : иногда надобно его опклонять опъ своего предмета , чшобы онъ удобнѣе могъ обнятъ его. Сии самыя критики шакъ мало со-

гласны сами съ собою въ разсужденіи того, что называется *развлекать* *воображеніе* *уподобленіями*, что они находятъ уподобленія Гомеровы очень сходными между собою, и часто примѣняемыми къ одному живописному. Но если бы они захотѣли твердо держаться своего начала, относительно уподобленій; то часто напрашивъ увидѣли бы, что гораздо благодарнѣе сравнивать всегда одного человека со львомъ, нежели сравнивать его въ одномъ мѣстѣ съ солнцемъ, въ другомъ съ деревомъ, а иногда съ рѣкою.

Гомеръ разнообразитъ до безконечности обстоятельства одной и той же вещи, сравнивая ее съ другими. — Не живописное, но его положеніе поражаетъ насъ. Одно живописное не такъ бываетъ похоже на самого себя въ двухъ различныхъ положеніяхъ, какъ два живописныя, въ одномъ. Если кто осуждаетъ Гомера, что онъ представляетъ всегда льва, долженъ также осуждать его, что онъ всегда хотѣлъ представлять человека.

Упрекъ, дѣлаемый Гомеру, въ разсужденіи повтора, котораго слово въ слово повѣдаются въ различныхъ мѣстахъ, въ коихъ одинакимъ образомъ хочешь онъ умножать украшенія, можетъ гочестъ иногда справедливымъ; но не лзя ли разсматривать Гомера такъ, какъ замысловаго челоука, который спавишь прекрасную спашую въ шомъ мѣстѣ своего сада, гдѣ она бываешь видима съ различныхъ споронъ;—такимъ образомъ кажешся, что она представляешь сполько же спашуй, сколько находишься дорожекъ, къ ней идущихъ?

Упоупребленіе обстоятельствоу, ошносительно умирающихъ, болѣе всего приааетъ блеску сраженіямъ Гомера, и болѣе всего спягчаешь мрачныя идеи. Не лзя не жалѣшь умирающихъ, видя ихъ богатства, ихъ предпріянія, ихъ разрушенную надежду. Гомеръ переносишь насъ въ ихъ родину, въ нѣдра семействъ ихъ; онъ дѣлаешь насъ свидѣтелями горести преспарѣлыхъ родителей, плача супругъ,

и сиротства малолѣтнихъ, ими остав-
 ленныхъ. Пропезилай умираешъ, не
 окончивъ своихъ черпоговъ; Энопсъ пе-
 ряешъ на одномъ сраженіи всѣхъ дѣтей
 своихъ, и видишъ, какъ чужеземцы раз-
 дѣляютъ плѣ сокровища, копорыя онъ
 такъ тщательнѣе собиралъ для нихъ. Кнѣ
 можетъ опказать въ соспранданіи доброму
 Таксилу, сему великодушному человѣку,
 копорого домъ служилъ прибѣжищемъ для
 всѣхъ людей, и копорый по нѣжному со-
 болѣзнованію къ несчастнымъ названъ дру-
 гомъ человѣческаго рода?

Нѣтъ ни одного, даже малѣйшаго
 произшествія въ сраженіи, копорое бы
 не доставило картины Спихопворцу.
 Гомеръ изображаешъ умъ, душу и сердце
 своихъ Героевъ, уныніе, досаду, стыдъ
 негодование: онъ ничего не упускаешъ.
 Илиада, въ семъ отношеніи, подобна
 обширной картинѣ Исторической, въ ко-
 торой художникъ оставилъ промежутки,
 чтобы воображеніе наше помѣстило въ нихъ
 черныя меньшей важности: но нѣкій

спрасли, гремящія въ рѣчахъ его, дѣлають
вмѣстѣ съ сими карпинами швореніе его са-
мымъ драматическимъ изъ всѣхъ Поэмъ.

Боги безпреспанною перемѣною мѣста
дѣйствія съ земли на небо, или съ неба
на землю производяшъ также прелест-
ное разнообразіе въ сихъ длинныхъ сра-
женіяхъ.

Гомеръ, имѣя нужду въ богахъ, умѣеть
ихъ заставляшъ дѣйствовать, не смол-
ря на безприсрасіе, къ коему осуж-
даетъ ихъ Юпитеръ. Съ какимъ искус-
ствомъ вводилъ онъ ихъ въ свои намѣре-
нія! Хотя боги и не смѣють помогать
ни Грекамъ, ни Троянамъ, но какимъ по-
собіемъ дѣлаются они для Спихопворца?
Сколь онъ удивителенъ въ своихъ Геро-
яхъ! какою поспешностію возвышаются
они сами надъ собою, чшобы имѣть
еще болѣе придашь блеску другимъ! Діо-
мидъ, на примѣръ, имѣеть такое мужество,
кошорому подобнаго не предсказываетъ
человѣчество: онъ готовъ вступити въ

бой съ богами. Сначала онъ превосходитъ всѣхъ Грековъ: есѣли каждый изъ нихъ бываешь побѣдителемъ одного Дарданца, Діомидъ побѣждаетъ двухъ въ одинъ разъ; другіе воины съ неуспрашимоспію хранящъ вѣренныя имъ мѣспа, но Діомидъ не имѣетъ поспояннаго мѣспа: онъ показываешь вездѣ, и во всѣхъ мѣспяхъ разливаешь ужасъ и кровопролищіе. Сдѣлавшись побѣдителемъ Пандара, Энея и другихъ, онъ сражаешь съ Венерою, Аполлономъ и Марсомъ; наконецъ онъ нападаешь на самага Юпишера, громомъ вооруженнаго.

Всѣ Герои Гомера такимъ образомъ болѣе или менѣе описѣены характери-спическими черпами. Но онъ ихъ подчиняешь одинъ другому; опъ сего же самага искусствва каждая новая битва превышаешь предыдущую, и сіе продолжаешь до конца Поамы.

Діомидъ, оказавъ чудеса своей храбрости, шрепещетъ при видѣ Гектора,

который побѣдивъ его и Аякса, убиваетъ Папрокла, овладѣваетъ доспѣхами Ахиллеса, помрачаетъ всѣхъ воиновъ, и блистаетъ одинъ на верьху своей славы; но Ахиллесъ появляется, Гекторъ спасаетъ себя бѣгствомъ, останавливается въ размышленіи, сражается безъ надежды, и падаетъ подъ ударами.

Замѣчайте то же самое въ божестввахъ Илиады. Первоначальныя ихъ сраженія почти ничего не значатъ; они появляются въ нихъ, подобно молніи, и дѣйствуютъ только въ малыхъ битвахъ. Венера сопровождаетъ Париса, Минерва Діомиды, а Марсъ Гектора; потомъ Юпитеръ разпростираетъ все свое могущество, и управляетъ судьбою сраженій. Напоследокъ боги оставляютъ Олимпъ, раздѣляющіяся на часши, встрѣчаются въ сраженіи: Юпитеръ возбуждаетъ ихъ своимъ громомъ; Нептунъ воздымаетъ волны; небо воспламеняется, земля дрожитъ, и Плутонъ смущается на пронзъ своемъ въ преисподней.

Слрѣв.

РОССИАДА.

(Письмо къ другу. Продолженіе.)

Atque ita mentitur, sic veris falsa remiscet,
Primo ne medium, medio ne discrepet imum.

— — — — И ты хочешь, чѣобы я, при всѣхъ сихъ толкахъ, въ эпомъ шуму приспраспныхъ, или увлеченныхъ застарѣлымъ предразсудкомъ, или . . . но не хочу называть ихъ . . . продолжалъ свой разборъ обыкновеннымъ своимъ тономъ! — Богъ съ тобою! на тебѣ грѣхъ! — Самъ чувствую, что мы, кажепся, рано принялись за это дѣло! но такъ и были! — Лестное ободреніе многихъ знаменитѣйшихъ Мужей, оказавшихъ великія услуги Россійской словесности, и швое желаніе — мой законъ. Вотъ еще тебѣ, по требованію твоему, опповѣдь моя о чудесномъ въ Поэмѣ, которое, какъ ты очень справедливо замѣчаешь, составляетъ одно изъ существенныхъ ея качествъ.

Но прежде поставимъ опять себя въ надлежащую точку зрѣнія. Гомеръ и Виргилій, препобѣдившіе и оковавшіе, такъ сказать, бурное море мнѣній и вкуса народовъ бранію болѣе, нежели двадцать вѣковъ продолжавшеюся — передъ нами, какъ свѣтила, въ немерцающемъ своемъ сіяніи; — Аристотели, Квинтилианы и другіе наблюдатели высокаго и спройнаго ихъ паренія объясняютъ намъ постоянный ходъ ихъ, какъ наши Астрономы объясняютъ намъ движеніе свѣтилъ небесныхъ. — Ихъ наблюденія сдѣлались правилами священными для вѣковъ и народовъ. Возьмемъ сіи правила вмѣсто компаса, оставимъ отчаянно — *невѣрующихъ*, съ признашельностію выслушаемъ *солнѣвающихъ* и *совѣтующихъ*, и преклоняя всегда охотно, благодарное вниманіе къ *опытнѣйшимъ*, пускаемся въ чудесный міръ, созданный Херасковымъ въ его *Россіадѣ*.

Положено, утверждено, образцами доказано, что чудесное есть необходимое

свойство Эпического дѣйствія; и напу-
 рально! — Всякое великое происшествіе,
 касающееся до цѣлаго народа или всего
 человѣчества, не можешь быть совершен-
 но шокмо силами смертныхъ безъ содѣй-
 ствія сверхъ-естественнаго, безъ содѣй-
 ствія Судьбы или Промысла, невидимо
 управляющаго всемъ порядкомъ и ходомъ
 природы вещественной и духовной: —
 опсельъ и достоинство, и вѣрояность;
 и плѣняющее, высокое очарованіе перваго
 рода спихотворныхъ сочиненій! — Все
 народы согласно, сверва всепоучающею,
 назидательною Нуждою, а послѣ Разу-
 момъ убѣждены были во всемогущемъ влі-
 яніи Силы верховной, и любили сіе убѣж-
 деніе, какъ подпору своей слабости въ
 превратныхъ обстоятельствахъ жизни;
 но каждой народъ слѣдовалъ мнѣнію о
 сей верховной Силѣ наследственному, до-
 шедшему къ нему по преданію, или по уче-
 нію спарфишинъ — единомысленцевъ: опсельъ —
 особенныя системы чудеснаго, и непре-
 мѣнное правило для Писновѣвца, естли
 онъ хочеть быть вброятнымъ: держатся

одной той, которая существенно принадлежала народу и времени, изъ коего почерпнулъ онъ произшествіе. — Мѣра благоговѣнія каждаго народа къ силамъ высшимъ опредѣляла для Пѣснопѣвца мѣру и правило: *какиль образиль* и когда онъ могъ, и долженъ былъ выводиль ихъ на сцену. Это пребываніе со спорны общаго мнѣнія, которое всегда было и будетъ.

— Arbitrium, et jus, et norma loquendi;

другое отъ спорны искусства: сохранять характеръ каждаго лица отъ начала до конца творенія:

Reddere personae scit convenientia cuique;
 претіе, также, и просвѣщеннымъ разумомъ оправдываемое, и опытомъ утвержденное правило: представлять лице высокое въ надлежащемъ достоинствѣ, и никогда не выводиль его на сцену безъ крайней нужды, въ случаяхъ не важныхъ, не имѣющихъ значительныхъ послѣдствій:

Nec Deus intersit, nisi dignus vindice nodus
 incidarit. . . . .

К н и ж. III.

Ж

Сіи правила предала намъ сама Природа устами своихъ шаинспвенниковъ, и противъ нихъ нѣшь опроверженія. Но шы укажешь мнѣ на самага Гомера, который иногда не сохранялъ ихъ. — Такъ! случилось, но весьма рѣдко, и припомъ одна или двѣ ошибки Гомеровы не уничтожаютъ правила, въ пысячѣ мѣспахъ имъ соблюденнаго. — Не прилично для Минервы поднимать бичъ уроненный Менелаемъ съ колесницы; прискорбно такъ же видѣть божество, возвращающее Ахиллесу его мешательное копье, когда оно не достигло Гектора. — Какъ будто другой стѣрѣды уже не было! Неприятно чашать у Виргилія, какъ священныя древа богини Цибелы, успроенныя въ корабляхъ; вдругъ раздѣлились, и каждое превратилось въ Нимфу. . . . Неприятно видѣть у Камоеенса Свяшую Дѣву Марію вмѣстѣ съ богинею языческою и Нимфами, усшремившимся на помощь Португальцамъ, дабы скорѣе привести ихъ къ *островамъ наслажденій*. — Это погрѣшности, но онѣ

Не унижаюшь, говорю, законовъ, предписанныхъ природою. Самой Гомеръ, позволивъ себѣ нѣкоторыя несообразности, сколько впрочемъ почтенъ въ цѣлой системѣ своего чудснаго! — Какъ живо, опдѣльно и равно всѣ его характеры оприсованы! — Виргилій таковъ же, хотя въ меньшей степени; Тассъ, кажется, ближе подходитъ къ опцу Эпическихъ Пѣснопѣвцовъ. —

Теперь, — естли всѣ знаменитѣйшіе Писатели древніе и новѣйшіе спарались держаться извѣстныхъ правилъ чудснаго: то имѣю ли я право требовать исполненія сихъ же правилъ отъ Хераскова въ Россіадѣ, особливо, когда сія Поэма естъ подражаніе (и не могла не бытъ подражаніемъ) Поэмамъ, мною упоминаемымъ? — имѣю полное. — Приступимъ же къ дѣлу.

Ты знаешь, что въ машинахъ Поэмы должно опличать два рода божесствъ:

Ж 2

однѣ дѣйствительныя , другія символическія ; однѣ должны бытъ представляемы , какъ лица существенныя , — и слѣдовательно дѣйствующи онѣ постоянно , сообразно однажды начертанному плану ; другія являюся одинѣ только разъ , и то мимоходомъ ; ибо сіи божества аллегорическія суть не что иное , какъ оборотъ стихотворной , фигура , прѣль : — смѣшно бы было дать роль дѣйствующую фигурѣ Риторической . . . .

Предположивъ всѣ сіи правила и убѣдясь въ нихъ , съ прискорбіемъ признаемся мы , что если чудесное въ Россіадѣ и находишь , то оно не имѣетъ никакой системы , подобной тѣмъ , какимъ удивляемся въ Поэмахъ Гомеровой и Виргиліевой . Юнона , Аполлонъ , Венера , Минерва , взявши спорны двѣхъ великихъ народовъ , дѣйствуютъ постоянно . Въ самомъ Тассѣ Армида волшебница управляетъ ходомъ дѣлъ , или имѣетъ на нихъ вліяніе отъ начала до конца шворенія ; скрытно , или явно , но вездѣ она существуетъ . — Здѣсь нѣтъ ни од-

ной паковой машины. — Сначала Богъ посылаетъ Святаго своего, да обличить Царя Іоанна въ праздности, и напомнить ему о спраданиі Предковъ его, и о спраданиі народа Рускаго. — Вотъ главная первоначальная пружина, которая должна была привести въ движеніе всю машину! — Какъ она слаба! — во первыхъ ей предшествуетъ картина, которую никакъ не могу я вмѣстить въ своемъ воображеніи: *цбляя Россія, упавшая предъ Богомъ на колѣна, и показывающая рукою на Москву.* (7 спран.). Это Аллегорія, которою не слѣдовало бы вводить насъ въ Поэму! — Потомъ — Св. Александръ, явившійся во *сиѣ* по велѣнію Всевышняго. Извѣстно, что есть три способа представлять силы чрезвычайныя: или онѣ дѣйствуютъ опдѣльно: на небесахъ, въ адѣ, на воздухѣ; или вмѣстѣ съ Героями; или наконецъ являюся въ сновидѣніяхъ, въ знаменіяхъ необыкновенныхъ. Первый способъ есть самый величественный и приличный богамъ; другой унижаетъ ихъ нѣскольکو, сближая съ людьми; прешій — изъ всѣхъ

слабѣйшій. — И имъ — по воспользованю Херасковъ въ самомъ открытіи Поэмы, въ началѣ великаго намѣренія, спасши Отечества, которое Богъ самъ благоизволилъ возвысить? Почему Пѣснописецъ, такъ много вездѣ подражая Тассу, не подражалъ ему въ семь случаевъ? — Какъ величественно вѣщаетъ у него сей Богъ, Учредитель дѣлъ человѣческихъ, возсѣдающій на свѣтлозарномъ своемъ престоли! Какъ величественъ сей полетъ Архангела, ниспосланнаго долу предъ лице Гошфреда, которому сообщаетъ онъ изволеніе Всевышняго не во сновидѣніи, но явѣ, когда благочестивый мужъ совершалъ обычное утреннее свое моленіе! — Въ другихъ мѣстахъ и въ Тассѣ встрѣчающія сновидѣнія: но здѣсь не позволяла эпого важность мѣста. — Припомъ, почему не Феогностъ, не Олегъ, не Георгій, ни кто-либо другой изъ Святыхъ, а непременно Александръ долженъ былъ явиться Іоанну во снѣ? — по какому отношенію? — Для совершенія очарованія показывающагося обыкновенно и сіи отноше-

дія. Въ Тассѣ ниспосылаеця долу Гавріиль; — почему? — Потому что онъ
 Посредникъ правыхъ душъ, полковникъ ихъ
 судьбы,
 И преноситель слезъ и чистыхъ мольбы. —

Въ Гомерѣ, .Виргиліи и во многихъ другихъ Поэмахъ срѣщаемъ вездѣ сію почтоспъ. — Почтенный Херасковъ не позаботился украсить входъ въ свою Поэму съ эпой стороны: ни ожиданіе, ни удивленіе не возбуждено; -- но далѣ! -- войдемъ. — Чтожъ ты видишь? — вмѣсто чертоговъ небесныхъ, усипроенныхъ божественною фаншазією и вкусомъ, представляешя шебѣ — маскерадная зала, наполненная масками всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, перемѣшанными, полкающими другъ друга, бѣгающими безъ плану, безъ намѣренія изъ одного угла въ другой, въ нѣкопоромъ упоеніи, весьма не возвышенномъ! — Ты смѣешья ... но почто такъ! довольно для доказательспва, еспли перечту я шебѣ нѣкопорыя болѣ спранныя изъ сихъ маскерадныхъ явленій; вошь онъ:

Знаменія и предсказанія опъ духовъ (въ 3 пѣсни) — какіе-то боги у Магометанъ враждуютъ по шолкованію Сеипа (тамъ же); — пробужденный Ангеломъ Сафирей — могилы — волшебная права, сожженіе гробовъ и шруповъ — адъ (въ 4 книгѣ); — явленіе Закона и разсудка Алею (въ 5 книгѣ); — — Амуръ — еще волшебная вода — Святые Борисъ и Глебъ (тамъ же); — волшебный щипъ Вассіана Христіанина, возвѣщающаго бури и зной (въ 7 книгѣ); — безбожіе съ богами, Киремепомъ, Триглавой и духами, вооружившее зной и бури (тамъ же); — явленіе безбожія подъ видомъ Дракона и Магомета (въ 8 пѣсни); — безбожіе соединяется съ *развратомъ* на погубленіе Казани (въ 9 книгѣ); — опнытіе силы у палицы Аспалоновой Сагруномъ (тамъ же); — Ангель, явившійся Сумбекъ (въ 10й пѣсни); — Нигриновы чудодѣйствія (11 пѣснь); — Ангель не допускаетъ уласъ съ башни Эдигера (12 пѣснь) — и пр.

Вопъ подлинно чудесная смѣсь чудесностей! — Какимъ образомъ разобрать

впоощь хаосъ? — Какъ назвашь сіи силы или машины, божествами или Аллегоріями? —

Конечно, Эпическая Поэзія очень много лишилась съ пошерю древней Мифологіи, въ которой боги, раздѣлявшіе по себѣ нравственной и физической мірь, были дѣйствительно богами для народовъ, и привлекали къ себѣ весь благоговѣйной ужась и почипаніе, какъ подлинно существующіе. Стихотворцу было довольно представить ихъ. Новѣйшіе Стихотворцы не имѣють сей выгоды; ибо по сію пору не всѣ еще согласны въ помѣ, чтобы силы умственныя, взятыя изъ Христіанской религіи, были способны для Поэзіи Эпической. — Въ такомъ случаѣ должно было прибѣгнуть: 1 е) къ способамъ, доставляемымъ намъ отъ господствующаго мифіа и суевѣрій народныхъ, которыя долго еще не изсякнутъ: человекъ всегда младенецъ. 2 е) Къ стращаніямъ, которыхъ владычіе споль сильно, что мы сами не понимаемъ,

какъ онѣ при всемъ противоборствѣ нашего разсудка обладающъ и управляющъ нами. Таковы спраши: любовь, честное любіе, мценіе и пр. Первымъ способомъ удачно воспользовался Тассъ, употребивъ волшебства и духовъ, которыми во время Крестовыхъ походовъ, при слабо-распространившейся Религіи Христіанской, и при общемъ согласномъ мнѣніи вѣка по-го вѣрили, или могли вѣришь современники. Этого довольно. Но чтобы По-аму сію сдѣлать вѣроятною и для своего времени, въ которое уже предразсудки вѣка Крестовыхъ походовъ не существовали, что сдѣлалъ Тассъ? — Къ временнымъ и мѣстнымъ очарованіямъ прибавилъ очарованія существенныя, которыя никогда не умирающъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ: — прелести красоты, молодости, ума, спраши, на пр. въ Армидѣ; — достоинства мудрости, глубокихъ познаній, полишки, любви къ отечеству, ненавидящей всякое иноземное иго — въ Исменѣ, Гидраонѣ и другихъ. Наконецъ такъ расположилъ свои вымыслен-

ныя съ существенными произшествіями ,
 что онъ , будучи перемѣшаны все вмѣс-
 тѣ , въ цѣломъ представляють одну на-
 туральную картину ; очарованный чипа-
 телъ не видитъ , гдѣ вымысль , гдѣ ис-
 пина. — Вошь Гомерова искусство ! при-
 бавьте къ тому еще прелестныя стихи
 Пѣвца вдохновеннаго , — и Поэма пор-
 жествуетъ. — Другой способъ : — ожи-
 воупореніе страстей , или Аллегоріи. —
 Онѣ должны быть выводимы въ Поэмѣ ,
 или также , какъ божества , и слѣдова-
 тельно дѣйствовать системамически ; или
 представляемы , какъ Риторическія фигуры ,
 памъ и здѣсь , безъ всякаго послѣдствія .
 Такъ поступали лучшіе новѣйшіе Пѣсно-
 пѣвцы .

Если представлять машины Хераско-
 ва , какъ божества , духи на пр. безбожіе ,
 Киреметь , Триглава , то онѣ должны бы
 имѣть и разумніе высшее , и силы боль-
 шія , нежели человекъ , и дѣйствовать ,
 какъ я сказалъ по опредѣленному плану
 до конца , или поржествующіе , или побѣж-

денные другою вышею силою. Этого нѣтъ въ Поэмѣ Херасковой. — Въ каждой Пѣсни новая машина, новая сила, явившаяся на время, и исчезнувшая, не оставивъ по себѣ ни одного впечатлѣнія. Въ каждой Пѣсни божества всѣхъ толковъ и всѣхъ религій, — и безъ всякаго раздѣла. — Боги въ Магометовой религій, всеожженія, копорыхъ Музульмане ненавидятъ; — у Христіанина пуспынника волшебной щипъ и пр. и пр. и пр. — Столько несомвѣстностей, что упоминашь объ нихъ скучно!

Incredulus odi.

Безбожіе является, — въ продолженіи нѣкотораго періода времени, дѣйствуетъ, какъ сила чрезъеспешвенная, говоритъ, перелезаетъ изъ страны въ страну; огнь него терпитъ войнство на сушѣ и на рѣкахъ: — чѣмъ же оно побѣждено? — — Спраннымъ образомъ! — Іоаннь увидѣлъ его *во снѣ*, *во снѣ* выслушалъ его рѣчь; — *во снѣ* взглянулъ на волшебной свой щипъ, и воспрянувъ, разитъ его мечемъ, —

и оно возмутило воздухъ, и проговорило ему, на яву уже, кажешся, спрашныя слова, преобразившись въ змія! — Гдѣ шумъ стихотворная Природа?

Что мнѣ говорить о другихъ чудесныхъ явленіяхъ? — Нужды нѣтъ, что ихъ очень много; но въроизность требовала, чтобы онѣ подчинены были одной какой-нибудь главной силѣ, которая употребляла бы ихъ, какъ свои орудія, какъ своихъ служителей. Сія сила могла бытъ даже невидимою, — но дѣйствующею: воптъ что необходимо въ строеніи Поэмы. — Въ Россіадѣ нѣтъ таковой *зависимости* и *подчиненности*. Писателю захопѣлось развязать какой-нибудь маленькой узелокъ: онъ выписываетъ, или изъ воздуха, или изъ ада какого-нибудь демона, кошорый, по мановенію чудотворнаго пера его, безъ всякой причины вдругъ разсердился, или на Рускихъ, или на Казанцовъ, и начинаетъ воевать или проказить!!! Нѣтъ никакой связи между духами Камскими и богами у Магометанъ,

Между волхвованіями Сеипа и Сагуна, между безбожіемъ и развратомъ, и Зимою — Нигрина, и пр. и пр. — Не такъ дѣйствуетъ мстительная Троянѣ Юнона, не такъ дѣйствуютъ волшебница Армида и адъ, представленный Табсомъ!

Сказавъ о системѣ чудснаго, посмотримъ на приличіе и сохраненіе характеровъ Силь чрезъ-есшественныхъ. — Такія же погрѣшности! — Гомерова Иліада есть полное и точное изложеніе религіи Грековъ, и самая подробная, и вмѣстѣ стройная система Мифологіи, по признанію всѣхъ ученыхъ: въ Россіадѣ нѣтъ ни вида, ни дѣйствій, ни характеровъ въ богахъ. — Какъ вплелись духи въ Магомешову религію? — Пусть были суевѣрія, и смѣсь мнѣній, не совмѣстныхъ съ господствующею вѣрою въ простомъ народѣ: но какимъ образомъ могло это быть при Дворѣ, — въ лицѣ Царицы? — Для чего Царица сія названа волшебницею, когда она (только одинъ разъ и всего) похваставъ

Прѣдъ народомъ волшебствомъ своимъ ,
 вздумала взывать къ божествамъ ада, и
 опъ всѣхъ взываній ея на листочикъ не
 ворохнулся! — У Армиды, по крайней мѣрѣ,
 былъ замокъ волшебной : — торжество
 Поэзіи! — Здѣсь что? волшебница
 Сумбека — только по имени. Для чегожъ
 приписанъ ей сей характеръ? — Посту-
 пала ли, дѣйствовала ли она, подобно Арми-
 дѣ, сообразно съ своимъ характеромъ? —
 Ангель Посланникъ истиннаго Бога жи-
 виль, и опверзь успа Сафгирею для по-
 го, чтобы заславить ее любить Алея ;
 ибо такимъ только образомъ могъ
 бытъ спасенъ престолъ Казанскій. Ка-
 кую роль играешь здѣсь свящій Ангель,
 дѣйствующій велѣніемъ Божиимъ? — и
 какимъ образомъ соединишь сіе волшеб-
 ное сожженіе гробовъ съ характеромъ Ан-
 гела, опкрывшаго успа Сафгирею? —
 Съ какимъ намѣреніемъ позволилъ гово-
 рить ему Ангель небесный; ибо слова
 Сафгирея не въ выгоду Хрисціанъ, а въ
 выгоду просто вѣтренной спраспи? —
 Къ чему сіе увѣщаніе Сумбекѣ любить

Алея, проповѣданное по волѣ Всевышняго, когда оно не совершилось? — Для того ли приведены сіи священнѣйшія Силы, чшобы оболгашь ихъ? — Изъ цѣлой Поэмы не видно, чшобы Алея принялъ Христіянскую вѣру, чшо и имя его доказываетъ, и любовь, и намѣреніе (въ Казани) сочеланьясь бракомъ съ Сумбекою: какимъ же образомъ могъ ему явиться святой Законъ, воспрещающій шестшвовашь въ очарованную рошу? — Я эшо спрашиваю пошому, чшо не сказано, какой законъ, Магомешанскій или Христіянскій; — ештьли Магомешанскій, шо не долженъ онъ препяшшвовашь; ештьли Христіянскій, шо какъ могъ онъ играшь шакую ролю предъ Магомешаниномъ? — Безбожіе и богиня, чтимая въ лицѣ небесна *Чеба*; въ спранѣ своей любимой (въ ордахъ, называемыхъ Заволжскими) и Разврашъ сосшавившіе свой заговоръ, — послунили ли прилично своему характеру? — Разсердились на Рускихъ, и имъ помогали! — Какъ явилось безбожіе, подъ видомъ Магомеша? — Какой характеръ Ангеловъ, безъ нужды, со-

всѣмъ неприличнымъ образомъ дѣйствующихъ? —

„Можешь быть, скажешь ты мнѣ, эшо все — *Аллегоріи*! на что представлять сіи лица богами! онѣ — эмблемы!“ — — Сердечно радъ своему предположенію; ибо гоповъ оправдашь, какимъ бы по ни было образомъ, моего Автора.

И такъ онѣ не боги, а лица аллегорическія; пусть хотя будутъ очарованія, копорымъ въ то время вѣрили. — Посмотримъ. — Что такое Аллегорія? — Образъ, подъ которымъ скрывается какая-нибудь нравственная истина. — Всякая картина аллегорическая не есть дѣйствіе, а одежда истины, или дѣйствія. Таковъ поясъ Венеры, подаренный Юнонѣ, для примиренія съ нею Юпитера; таковъ у Камоенса великанъ грозный, представляющій бурной мысъ Дорой Надежды. — Подъ тѣмъ и другимъ образомъ я разумѣю, что хочешь сказать Авторъ; — но что мнѣ, на примѣръ, разумѣшь подъ Аспалоновой палицей, копорая, будучи ударяема чеканами черни —

Книж. III.

3

даже не волшебными чеканами, испустила огонь, и потеряла свою силу? — Какимъ образомъ Аллегорія — безбожіе держитъ совѣшь съ богами, является, скрывается въ продолженіи цѣлой Пѣсни, и производитъ зной и вихри, отъ которыхъ спраждеть воинство *дѣйствительно*? — Какимъ образомъ шворитъ оно ужасныя церемѣны въ цѣлой природѣ? — Короче: какъ можетъ Аллегорія быть вредною, гибельною физически для цѣлаго войска? — Если это очарованіе: то оно должно также быть призракъ, а не вещь, и не имѣть послѣдствій. Такимъ образомъ поступалъ удивительно волшебствующій Тассъ, первый изъ новѣйшихъ, введшихъ сію махину. — Всѣ воины робѣли войпи въ очарованный лѣсъ, пылающій пламенемъ; потому что всѣ смотрѣли на него издали: довольно было мужества Танкредова, довольно было одного прикосновенія его жезла, и — эпошь лѣсъ сдѣлался обыкновеннымъ лѣсомъ, и Танкредъ не опалился. Вотъ какъ должно представлять волшебное! — Сожженіе гробовъ Сумбекою могло бы быть принято за чародѣйство;

Но шупъ замѣшался Ангелъ и дѣйстви-
 тельное пророчество. Спрашиваю: куда
 отнеси его? — Аллегорія ли это, или
 волшебство? — Нигриновы чудеса, въ
 достовѣрности которыхъ увѣряетъ самъ
 Авторъ (примѣч. на страницѣ 255), такъ
 же не имѣетъ Пипическаго убѣжденія. —
 Волшебники обращаются къ духамъ: здѣсь
 путешествуетъ Нигринъ въ царство Зи-
 мы и съ ней бесѣдуетъ. Зима — не духъ,
 не демонъ; слѣдовательно, здѣсь смѣша-
 ны опять, и Аллегорія и чары; между
 тѣмъ все это произвело дѣйствительную
 зиму, которой жестокость могла только
 уничтожиться водруженіемъ Креста Го-
 сподня! Слѣды сей Аллегоріи и чарованій
 очевидны: подмочены подкопы подъ стѣ-
 ны Казанскія, когда зима прогнана была
 силою Верховною. — Много, очень много
 могу привести тебѣ, другъ мой, подоб-
 ныхъ несообразностей, которыя ясно
 доказываютъ, что машины Хераскова —
 не Аллегоріи, и не очарованія, и не боги,
 или все, и имѣетъ ничего! . . .

Пусть онъ будущъ шѣмъ, чѣмъ угодно было представить ихъ Авшору: по крайней мѣрѣ въ надлежащемъ ли достоинствѣ, и своемъ ли мѣстѣ являющся? — это послѣдній вопросъ, мною предложенный.

Изъ всего, прежде замѣченнаго, ты уже самъ, другъ мой, можешь составить себѣ ошвѣтъ. — Надобно признашся сначала, что смѣшеніе разныхъ вѣръ и волшебствъ, разныхъ лицъ чрезвычайныхъ безъ всякой системы, безъ взаимныхъ отношеній само по себѣ не занимательно; еще болѣе теряетъ оно свою силу, когда представлено будеть въ противоположеніи къ одной истинной Вѣрѣ. Гдѣ дѣйствуешь одна Сила Господствующая; то, что значашъ шамъ другія силы, не Опкровеніемъ Божественнымъ, но даже разсудкомъ опровергаемыя? — что при силѣ Бога и Креста волшебства и духи? — Но Спихотворецъ и шущъ имѣлъ способъ доставить имъ вѣсъ и мѣсто: не выводишь ихъ непосредственно и прямо прошиву неборимой силы Всевышняго; но чаще представляшь

ихъ въ бореніи другъ съ другомъ, или съ нивердоспію и мужеспвомъ челоувѣковъ, копорыхъ Самъ Богъ часпо, какъ бы оспа-вляешъ силамъ пропивнымъ, дабы иску-ситъ ихъ добродѣшель! Вопъ шайна ве-ликихъ Пѣснопѣвцовъ опъ Гомера до Тас-са! Они предспавляли и боговъ, какъ Героевъ своихъ. Каждая машина шог-да имѣешъ случай показашъ свою силу, доспоинсшво; ибо являешся въ прошивопо-ложеніи, особенно эшо занимапельно, ког-да видишь Героя, сражающагося съ выш-нею враждебною Силою, и побѣждающа-го оную мужеспвомъ и шерпѣніемъ! — Юпиперъ и Судьба всегда на Олимпѣ, и шолько назирающъ на дѣла челоувѣческія. — И прочіе даже боги и богини, не смопря на Зевесовы запрещенія, являющся шолько въ самыхъ крайнихъ обошояшельспвахъ. — Въ Россіадѣ напрошивъ: всегда божество шамъ, гдѣ бы дѣло могло обойшпшься са-мо собою; правда, что и дѣлъ важныхъ мало! — ни одинъ узель не развязываеш-ся, а пересѣкаешся. — Къ чему все эшо волшебсшво Нигриново, почши въ двухъ

Пѣняхъ описываемое, когда оно прерыва-
 вается однимъ мгновениемъ, и шѣмъ самымъ
 мгновениемъ, когда начало дѣйствовать?
 Зима пришла, никто еще не спрдалъ;
 водрузили крестъ, и вся по видимому ог-
 ромная завяска — какъ не бывала: одни
 водкопы только подмокли! — Весь
 Эпизодъ лишенъ своей силы. — Въ сво-
 емъ ли мѣспѣ и въ надлежащемъ ли до-
 стоинствѣ выпавленъ высочайшій Богъ
 при совѣсахъ Сафгирея и Сумбеки, и при
 сожженіи гробовъ? Что такое зной и
 мразъ, шоль чудесныя впрочемъ произше-
 ствія — не окончанныя, то есть не раз-
 рѣшенныя другою чудесною силою? —
 Прилично ли дѣйствуютъ сіи Ангелы, по-
 сланники Божіи, являясь всегда къ шѣмъ,
 которые менѣе всѣхъ заслуживали та-
 кое опличіе: къ Сумбекъ, Эдигеру и пр.?
 Надобно замѣшить, что сіи небесныя
 Ангелы болѣе любяшъ Магомешанъ, не-
 жели правовѣрныхъ, и являющся къ пер-
 вымъ безъ всякой нужды. — Россіане съ
 самаго перваго явленія Св. Александра
 оставлены самимъ себѣ: то есть, имъ

не вспомоществуетъ никакая *видимо-*
чудесная сила. Впрочемъ нечего и гово-
ришь о приличіи и мѣстѣ силъ чрезы-
естественныхъ въ Поэмѣ Хераскова: по-
тому что всѣ онѣ являются или во снѣ
(а это, какъ я прежде сказалъ, есть по-
лѣдній образъ представленія), или какъ
фигуры Риторическія. — Богъ — имъ же
Царіе царствуютъ и Сильніи пра-
вятъ, сщоль же *неявлено* видѣнъ въ
Поэмѣ, сколько *явленъ* онъ былъ въ суще-
ственномъ дѣйствіи произшествія, кото-
рое служило предметомъ Поэмы. Сія по-
грѣшность, причинившая однообразіе и
холодность въ машинахъ чудеснаго, про-
изошла отъ того же, отъ чего и преды-
дущія погрѣшности, — отъ недостатка въ
разположеніи, въ связяхъ, въ порядкѣ.
Не хочу представлять щербъ примѣровъ
всѣхъ сихъ несообразностей! — ихъ очень
много: / я и шакъ уже часто принужденъ
былъ повпорять самого себя, говоря объ
однихъ и тѣхъ же предметахъ, которые
несчастливы мнѣ кажутся не съ одной
спороны, но со всѣхъ. Великое прави-

де: — имѣшь цѣлю обвороженіе чипашеля забыто! — Оно существуешъ токмо во всякомъ сложномъ швореніи, кошорое почно разположено и украшено по приличію тому вѣку, тому народу, шѣмъ обычаямъ и религии, къ кошоримъ ошносися; шамъ, гдѣ всѣ части соединены, оживлены одною Божешвенною Силою, побѣждающею другія пропивныя силы, шакже управляемая однимъ намѣреніемъ; шамъ, гдѣ сіе борѣніе представлено въ разнообразныхъ измѣненіяхъ и видахъ; шамъ наконецъ, гдѣ являюшся всѣ подробности сихъ измѣненій въ картинахъ различныхъ и натуральныхъ: — — — шамъ ищите иокуссива Гомерова! — шамъ должно искашь Поэмы!

Со всемъ нашимъ спараніемъ, мы по сю пору не могли опредѣлишь, какія машины въ Поэмѣ Херасковой, боги или Аллегоріи? — И судя по шому, чино ни шо, ни другое не выдержано; мѣжно заключишь, чино онѣ, и не божешва, и ни хорошія Аллегоріи; — а изъ эшаго слѣдуешъ:

Что Поэма Россіада не имѣеть са-
маго существеннаго достоинства Поэ-
мы, — чудеснаго, въ такомъ смыслѣ,
въ какомъ понимающъ его всѣ учили
вкуса, и какъ показали намъ его всѣ луч-
шіе шворцы всѣхъ вѣковъ и народовъ
образованныхъ; или, есльи оно суще-
ствуееть, то совершенно прошивно обще
принятымъ правиламъ. — Авторъ могъ
бы воспользоваться въ семъ случаѣ (такъ
какъ пользовался въ другихъ) примѣромъ
новѣйшихъ Писателей, и присвоилъ бы се-
бѣ ихъ разположеніе чудеснаго, сколько
очаровательное благоразумнымъ смѣшені-
емъ и порядкомъ, что они справедливо
заслужили имя шворцовъ новой
Философической Мѣологіи. — Все
чудесное есть плодъ воображенія; но од-
но воображеніе управляееть разсудкомъ,
другое — слѣпота черни; первое очаровы-
ваетъ всегда; другое только на одинъ
разъ — немногихъ, и при томъ иног-
да при частной помощи — при хорошихъ
спихахъ. Того и другаго рода вымыслы
есть въ самомъ Гомерѣ; но за то каки-
ми сокровищами замѣняетъ онъ нѣкто-

рые недоспашки? Это левъ, на минушю уснувшій, который въ пробужденіи своемъ является еще величественнѣе, еще поразительнѣе. — Въ цѣлой Энеидѣ только одно мѣсто замѣчается, пропивное общему правилу. — Волперъ въ Генриадѣ весьма остороженъ, и, можетъ быть, до излишества, какъ рабъ ушонченности своего вѣка. Тассъ — очарователь, всѣхъ смѣле, и всѣхъ новѣйшихъ, — не говорю древнихъ, можетъ быть, правилнѣе. — Вошъ на какіе Образцы должно бы было обратитъ испытательное вниманіе почтенному нашему Пѣснопѣвцу, дабы высокое цвореніе его завяло по приличію мѣста между извѣстными немногими Поэмами Эпическими, копорыхъ безсмертіе утверждено общимъ голосомъ народовъ! — — но онъ, конечно, много имѣетъ достоинствъ на получение сего права! Онъ съ нимъ и не опъемлемъ; мы съ тобою, другъ мой, и всѣ судіи, намъ подобные, очень похожи на молодыхъ учениковъ Архитектуры, которые, въ Римѣ, стоя предъ великолѣпною церковью Св. Петра, съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ къ

ея спрощенно, иногда изумляющся, иногда сомнѣвающся, иногда судящъ, сказывающъ другъ другу собственныя свои мысли, иногда ссорящся и бранящъ другъ друга; но громада неподвижна, и въ буряхъ времени, и въ буряхъ мнѣній сползпъ огражденная неизмѣняемымъ своимъ величьемъ!! Прости.

Мрзакъ.

XII.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Благодарю васъ покорно М. Г., что утѣшили старика, и помѣстили замѣчанія мои о Театрѣ въ листочкахъ вашихъ. Замѣчанія эти, кажется, справедливы по тому, что на нихъ сердящся, и уже плѣшиваго Московскаго старика, вооруженнаго очками, ругаютъ! — Да какъ же иначе? — Правда глаза колетъ. — Почтенной Редакторъ Вѣспницка Европы вступился за мою простоту, и доказалъ доброму другу дурныхъ Акшеровъ, что я замѣчалъ ошибки Акшеры, игравшей роль Электры, не изъ злаго намѣренія лишишь ее половины изъ предлагаемаго ей воздаянiя за искусство. Нѣтъ — увѣряю васъ, что, когда я говорю о шаданшѣ, но сн купческiя разищы не приходящъ мнѣ на

мысль! и господинъ Любитель посредственности не подумалъ, что недѣло крипика (какъ онъ меня называетъ) входитъ въ хозяйственныя дѣла Акперовъ, представляющихъ на судъ Публикѣ свои дарованія. — Мы говорили о искусствѣ Акприсы, а не о доходахъ ея; и горе арписпу, который прежде нежели успремить всѣ помышленія на образованіе таланта своего, самъ, по совѣту ближнихъ, заранѣе уже дорого оцѣнитъ свои труды и достоинства! бѣда, когда онъ займется могущими только прозойми опъ того барышами! — Горе намъ зрителямъ опъ такихъ арписповъ, и еще горше обомъ опъ ихъ разщепистыхъ почитателей! Почитатели сіи думаютъ, что, ежели обиженная безприсраснымъ судомъ зрителя молодая Акприса почитаетъ себя униженною въ глазахъ подругъ своихъ, что терпитъ опъ нихъ насмѣшки, и готова опказаться уже опъ поприща, которое казалось ей столько лестнымъ: по просвѣщенная Публика будто обязана уважить сіи великія причины, и изъ снисхожденія къ безразсудному самолюбію должна молчать, видя, какъ у нея похищаютъ ея собственность, т. е. какъ подавляютъ талантъ, который долженъ былъ служить ея удовольствіемъ, а можетъ быть и украшеніемъ

Россійской сцены. Не безпристрастная крипика, а непросвѣщенная лещь гублишь паланшы; и я, по совѣспи сказашь вамъ М. Г., говориль для того полько, что думаль, авось удастся мнѣ зашпавить образумиться немилосердаго учителя, безжалостно подавляющаго юный паланшь сей, и убѣдиль его поискашь судей просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ, которые бы искренними совѣспами своими дали направленье разцвѣщающимъ способностямъ, которые бы укланяли его никогда не чипашь при ученицѣ своей ни стиховъ, ни прозы, не водиль ее въ театръ, когда онъ играетъ, и доставиль ей случай, ежели можеть, видѣшь Гжу. Семенову! Пусть образуется она по ней! пусть скопируетъ ее, еспли можеть, и зашворить слухъ свой ошъ зашпниковъ слабостей, зашпниковъ, подобныхъ ополчившемуся за нее въ Вѣспникѣ Европы. Иногда нисходятъ къ слабостямъ не изъ великодушія, а ошъ неразумѣнїя, особливо когда и не видали того, о чемъ говорять и судять (*); припомъ вишь это и не новое; нынче много, и многіе говорять о томъ, чего не понимаютъ. Кспаши! — оставимъ до времени и зашпника и зашпиаемыхъ; знаете ли, что меня руга-
 (*) Въ семъ признается самъ зашпникъ: Актрисы. II.

Юсть не одни друзья дурныхъ Актеровъ. — Нѣсть, Государи мои, плохо приходишь мнѣ за мою правду! на меня уже клеветаишь начали! — прошу выслушашь. Я васъ предувѣдомилъ, что люблю шаташья по сборищамъ народнымъ; въ прошедшее Воскресенье поѣхалъ я въ охотной рядъ купишь себѣ голубей, и позевашь на народъ; шуть встрѣтился съ прятелемъ моимъ, и именно съ однимъ изъ тѣхъ, которые столь усердно уговаривали меня непечашья замѣчаній моихъ о Театрѣ. — Чшо братъ! не послушалъ ты меня; сказалъ онъ; — говорилъ я тебѣ: не печатай, сожи твой розказни! — ну что вышло? тебѣ же ругають... За что? спросилъ я, что я кому сдѣлалъ? Какъ, что ты сдѣлалъ! подхватилъ онъ съ добродушною горестію; за чѣмъ ты пробнулъ лица, выпавленныя фонъ-Визинимъ? посмотри, что онъ на тебя несуть! — А что? Иные даже говорятъ, какъ смѣлъ онъ сказашь, что Митрофаны выведись нынѣшней войнью! — Развѣ де Митрофаны умирали за отечество? а ты знаешь: *что злоба вымышляетъ, то лѣность слушаетъ; а глулость разглашаетъ.* Какъ! вскричалъ я, не уже ли естъ головы, въ которыхъ могла родиться подобная мысль! — Ахъ! они безстыдники! да они не достойны имени Ру-

Скаго за то, что могли предположить чув-
 ство сіе въ душѣ Рускаго? — Не пали Ми-
 трофаны за любезное Опечество; но они
 образовались н у ж д о ю и службою, да
 и сущесивовали они полько опть того, что
 лишены были Проспаковыми способоу къ
 образованію! — Но повшоряю: миръ наспа-
 нель, и явишся мапері и опцы Проспаковы
 и разплодять Митрофановъ. Вотъ что брашь,
 меня удивляетъ! Какъ смѣютъ клеветники
 сіи безъ благоговѣнія говорить о принесшихъ
 себя на жертву Опечеству! Какъ смѣютъ они
 шревожить и вызывать священныя тѣни
 сіи для принятія участія въ безразсудной
 ихъ клеветѣ! Окоцуны!... но оставимъ ихъ пѣ-
 щаться собственною желчію; лучше — опливъ
 обратимся къ своему. Скажи мнѣ, видѣла ли
 ты новаго опернаго Актера? Видѣла, бра-
 тець! — Ну што? — ничего — онъ имѣетъ всѣ
 шарыя свои привычки; совершенно безъ
 голоса; всѣ аріи, дуэты, квинтеты, и сло-
 вомъ все, что поется, онъ проговорилъ го-
 воркомъ, и самымъ сиповатымъ голосомъ;
 не полюбилась еще мнѣ на гусарскомъ Офи-
 церѣ бѣлвыя перчатки; да рога, съ которы-
 ми приходять музыканты на репетицію
 Оперы Дидоны. Роговая музыка изобрѣнена
 въ Россіи, а въ Италіи ее нѣтъ. Припомъ
 носилъ пришелей супруга Розы не не

хожь на костюмъ обыкновенныхъ охотниковъ до Музыки; они одѣты черными епанчами, покрыты распущенными большими шляпами: костюмъ сей мы видимъ часпо и почь въ почь при погребальныхъ церемоніяхъ; имъ шолько не доспаетъ факеловъ! спрашно, что Опера сія всегда такъ давалась; но исправить ошибку лучше поздно, нежели никогда. — За то, продолжалъ пріятель мой, игра Актера Зубова очень мнѣ полюбилась. — Надобно отдать ему справедливостъ; онъ тщательнѣе обдумываетъ свои роли, и Комическихъ шариковъ играетъ очень удачно. Я пошрепалъ по плечу моего пріятеля, и сказалъ: ты братъ подслушалъ, что я думалъ; успокойся на щепъ клеветниковъ. Прощай! — Прощай! сказалъ онъ мнѣ, да оставь свою охоту печатать то, что думаешь. Не могу, мой другъ! не могу — и все, что шеперь съ тобою говорилъ, напечатать! — Бога ради! кричалъ онъ мнѣ въ слѣдъ; но я сокрылся въ толпу, и уѣхалъ. — Дома это написалъ, и вамъ представляю, повторяю то же, что и прежде: хопите, печатайте, хопите, нѣтъ. — Смотрите, чтообъ не потерпѣтъ за меня, и чтообы съ вами не случилось того, что говорится въ пословицѣ: *Бѣ чужомъ лиру лохмѣе!* — Впрочемъ будьте рены, что я всегда покорный вашъ слуга

Конецъ III й книжки. М. Н.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
А П Р Ъ Л Ъ.

~~~~~  
Май.
Юнѣ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1815.

Im 9705 / 1815 №46

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля
10 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Двигубскій.

11570 - 42

О Г Л А В Л Е Н І Е.

~~~~~

	Стран.
I. Любовь къ Опечесшву. -	1
II. Разговоръ Капона съ Бру- помъ. - - - - -	4
III. Херсонъ. - - - - -	11
IV. Къ Несчастнымъ. - - - - -	22
V. О разборѣ книгъ. - - - - -	43
VI. Стихи Любви. - - - - -	57
VII. Варвикъ. - - - - -	59
VIII. Сельскій жипель. - - - - -	66
IX. Къ Музамъ. - - - - -	69

Оглавленіе.

	Стран.
X. Къ Наринскому Певцу.	71
XI. Гордость.	75
XII. Не худо иногда и опоздашь.	81

I.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ:

Внемлите всѣ концы вселенны;
Высоки истины, священны,
Даръ чистой Музы и Небесъ: —
Любовь къ Отечеству, къ закону;
Любовь нелицемерна къ Трону —
Вина всѣхъ благъ; вина чудесъ:

Какъ Вышній бездны Раздѣлитель;
Она — духовъ благотворитель, —
Дала добру и злу предѣлъ; —
Умамъ движенье начертала,
Уставы волю показала, —
И новый свѣтъ изъ тьмы изшелъ:

Богъ, Богъ творить ея рукою;
Всесильная средь мира; бою
Моряи движешь и землей!
Вокругъ ея рождаются грады;
Богатство, слава и опрады;
И судъ, и правда и покой:

Книжка IV.

▲

Гдѣ нѣтъ ея — тамъ смертныхъ силы, —
 Тщета! . . . всѣ замыслы — могилы! —
 Она владычица громовъ.
 Тверда въ бѣдахъ, спрога во щастьѣ,
 Равна въ покоѣ и ненастьѣ,
 Царей и Царствъ она покровъ! —

*

Не ограниченна вѣками,
 Не связанна суетъ цѣпями,
 Въ чертогахъ, въ хижинѣ одна;
 Въ мепаллѣ памятниковъ дышетъ,
 На дскѣ гробовъ законы пишеть;
 Всегда себѣ самой вѣрна! —

*

Чей духъ средь бури и навѣтра
 Поспавиль Римъ владыкой свѣтра
 И слабыи крѣпость дароваль!
 Предъ кѣмъ склонялись горы льдисты?
 Кто умягчалъ скалы кремнисты,
 И Океаны оковаль?

*

Чей духъ живиль въ степяхъ Капона,
 Пожарскаго — предъ блескомъ прона,
 Въ темничной Филарепа мглѣ? . . .
 Безъ ней падеть колоссъ высокій;
 Безъ ней всѣ доблести — пороки;
 Безъ ней нѣтъ гражданъ на землѣ!

◆

Когда Европа развратилась,
 Изгнанница — на Сѣверь скрылась,
 И спала въ Россѣ! — смерпнымъ судъ,
 И всѣмъ спранамъ благоволенъ! . . .
 О нѣжной мапери мученъ!
 Въ груди Россіи боль и трудъ!

*

Любовь къ Отчизнѣ! Творче слово
 Ты изрекла, — и все готово! =
 И вся Россія — рапной спанъ.
 Плугъ, серпъ, коса, все смерть мѣпало;
 Свое — отечественнымъ спало,
 Все въ даръ Царю! . . . и гдѣ шпранъ?

*

И облеклась ты въ блескъ героевъ:
 Купузовъ — вождь; Барклай — щипъ боевъ;
 И Милорадовичъ — швой мечъ!
 Твои крыль — Баграпюны;
 Раевскій, Кульневъ, Бенингсоны,
 Плашовъ, Ермоловъ — вихри сѣвъ! . . .

*

Будь вѣчно Согражданъ душою,
 МОНАРХА мудраго хвалою,
 Законы, Вѣру утверждай! =
 Въ бояхъ — огонь палашій ищенъ,
 Будь въ мирѣ Ангель просвѣщенъ,
 Распи, крѣпись, въ вѣкахъ сідъ! =

Мрзлкъв.

РАЗГОВОРЪ

КАТОНА СЪ БРУТОМЪ.

Изъ Лукановой Фарсалии.

Въ глубокой ноци часъ, перзаемый поскою,
Течеть къ Катону Брутъ поспышною спо-
пою.

Пришекъ. — Еще былъ чуждъ Катона слад-
кій сонъ ;

— Ныль — въ думу погружень, надъ Римомъ
бдишь Катонъ.

Душа великаго, какъ бурная пучина: —
Въ глубокой думѣ сей вселенныя судьбина!

„Другъ Добродѣтели, гонимой изкони,
Катонъ! — вѣщаешь Брутъ, ко мнѣ пвой
слухъ склони :

Порывный щасья вихрь ничпоженъ предъ
побою :

Римъ власпвуепъ одинъ высокой сей душою!
О доблестный Катонъ! ты — будь свѣ-
пильникъ мой ;

Яви мнѣ правый путь, подай совѣтъ бла-
гой :

Пусть Кесарю одни — другіе въ слѣдъ
Помпею :

Одинъ Катонъ мнѣ вождь; другаго не имѣю!...

Вѣщаи, пребудешь ли ты другомъ тишины,
 Когда весь спонетъ миръ отъ ярости вой-
 ны?...

Или аачбу вождей содѣйствомъ увѣнчаешь,
 Междоусобну брань участьемъ оправдаешь? —
 Ахъ, въ пагубну сію, позорну Риму брань,
 Для выгодъ лишь своихъ всякъ ополчаешь
 дань:

Одинъ, ишобъ избѣжаясь заслуженныя каз-
 ни,

Забыль, презрѣль свой долгъ изъ рабскія
 боязни;

Другой, чшобы не пасть въ помяенье ни-
 щепы,

Злой хищникъ, — мчится въ слѣдъ обманчи-
 вой мечпы,

И чаешь злошомъ ограбленной вселенной
 Уврачевашь бѣды, плодъ жизни' развра-
 щенной.

Кому въ борьбѣ властей и бѣдспвій, и суешь
 Здѣсь нечего терять, шопъ все пріобрѣ-
 тешь?

Уже ли и Капонъ для брани брань возлю-
 бить!

Къ чему жъ тогда, увы! къ чему ему по-
 служишь

Топъ доблеспвенный духъ, въ волненіи
 умовъ

Непошрясаемый, какъ камень средь валовъ?

Въ потъ спань или въ другой сынь
 Ромула спрощивой,
 Ворвавшись яростно съ побѣдой злочестивой,
 Явишь свое чело, покрытое спыдомъ,
 И кровью согражданъ омышь, въ свой ви-
 деть домъ:

Когда Капонъ былъ съ нимъ; — Капону
 осужденге! . . .

О Боги! — нѣтъ . . . да прочь омыдетъ пре-
 спуплене

Отъ доблести сея, не знающей укорь!
 Недайте, чпобъ въ вѣкахъ покрыль ее позоръ,
 Чпобъ неповинныя, досель чистыя дани
 Съ опщубииспвеннымъ мечемъ явились въ
 брани!

Такъ! — будь участникъ ты, — и надъ
 твоей главой

Всѣ бѣдствія падуть, рожденны сей войной.
 Кто не похвалился, изъязвленный средь бою,
 Чпю смерть ему дана Капоновой рукою!
 И всякъ за смерть свою уже спорицей
 испишь,

Коль смертню своей Капона онъ винишь!

Спокойство среди золь — опличье душъ
 высокихъ!

— Такъ въ безднахъ воздуха небеснаго да-
 лёкихъ

Течеть свѣпилъ соборъ въ предписанной своей
 путь;

Раздоръ стихій до нихъ не смѣешь достигнуть!
 Трясется дольний міръ, колеблемый громами;
 Олимпъ покоится, и свѣплъ за облаками!
 Непремѣняемой паковъ природы чинъ....
 Но сколько Кесарю для поржества при-
 чинъ,

Какъ сердце Юлія опъ радости възграешъ,
 Когда во спанѣ онъ, неистовый, узнаешъ,
 Что добродѣтельный и швердый сей Ка-
 понъ,

Междоусобіа стремленьемъ увлечёнъ!
 И за него ли ты, или за виды чужды,
 Ему въ помъ вся нѣтъ, иль очень мало
 нужды:

Ужъ Кесарю Капонъ желанну плащипъ
 данъ,
 Когда въ мяжежныхъ пряхъ просперъ съ
 мечемъ онъ дланъ.

Сенатъ, Патрици, и Консулы смя-
 шенны,
 Текутъ подъ знамена, Помпеешъ водруженны.
 Капонъ! — склонися къ нимъ сей добль-
 ственной главой: —
 И Кесарь лишь одинъ свободенъ подъ лу-
 ной.

Но ешьли ты за Римъ, за опчески законы,
 Но ешьли спанешъ въ бой гражданъ для
 обороны:

Тогда, Катонъ, я пивой, во власти я твоей;
 Тогда разполагай ты жизнью моею!
 Быть можешь, все теперь усилие напрасно! —
 Опечество, увы, Опечество злосчастно! . .
 Но знай, не Кесарь мнѣ, и не Помпей мнѣ
 врагъ :
 Брутъ будетъ врагъ тому, побѣда въ чьихъ
 рукахъ !

Изрекъ, — Катонъ подъялъ взоръ, мглою
 покровенный,
 И потекли изъ устъ слова сіи священны :
 Ты право мыслишь, Брутъ, междоусобна
 брань,
 Зло пляско, коимъ насъ казнить Всевыщ-
 нихъ длань.

Но я послѣдую непрепетной спою
 Въ путь мнѣ назначенный таинственной
 судьбою.

Преступникомъ меня коль боги учинятъ,
 Пусть въ пресудленіи себя и обвинятъ!
 Но кто, о, пылкой Брутъ, съ душой не
 сокрушенной

Спокойно можешь ждешь паденія вселенной?
 Народы дикіе, сыны чужихъ морей
 Учасіе берутъ въ ужасной битвѣ сей;
 Цари, рожденные подъ дальними звѣздами,
 Дѣлаемые опъ насъ закономъ и спрасыями,
 Вкругъ Римскихъ днесь орловъ стѣснилися,
 какъ рой.

А я, я! Римлянинъ — могу вкушать покой?
 О всемогущіе, о боги всеблагіе!

Да падающій Римъ, пряхъ концы земные,
 (Коль такъ положено) пускай судь вашу со-
 вершишь,

Но пускай въ паденіи Капона раздробишь!
 О Римъ, опечесиво, любовь и жизнь Ка-
 пона!

Погибнемъ вмѣстѣ мы, не зная Царя и
 Трона!

И не разпоргнишь насъ, доколѣ не приму
 Я вздохъ послѣдній твой, и пепѣль не обниму!
 О Небеса! . . . и такъ весь Римъ, обипель
 славы,

Все жерпвой должно быть: свобода, честь
 и нравы!

Не скроемъ ничего изъ жерпвы роковой,
 И склонимся во ярахъ подъ шайною рукой! —

О естлибъ могъ собрать всѣ Римлянѣ
 пресупленья

На собственну главу, и, — жерпва очищенья,
 Возмогъ я бы предстать предъ яростныхъ
 боговъ! . . .

Какъ славно Децій палъ средъ вражескихъ
 рядовъ!

Пускай оба воинства, свирѣсивующи нынѣ,
 Капона одного увидятъ посрединѣ:
 На спрѣлы я пойду, пойду прошивъ мечей;

Открыты взоръ и грудь ! — стремися сонми
смертей !

Излепейсь на меня и язвы, и мученье! —
Блаженъ, коль кровь пролью опчизнѣ иску-
пленьемъ ,

Коль гибелью моею преспанеть гнѣвъ Боговъ!
Но для чего губишь сіи толпы рабовъ ,
Покорной сей народъ, къ ярму уже готовый,
Способный лобызать пирана скипръ сви-
цовый ?

Меня единого попребно изпребитъ,
Меня, спремящася законы оградишь ! —
Пролипа мною кровь, и смерть моя блаженна
Свободы поржество — печать ея священна!
Кпо безъ меня возмишь раздоры воспалять,
Не узришь нужды топъ къ оружью при-
бѣгать ! —

— Но до сего, о , Брупъ ! въ бездѣйствіи-ль
помишься ?

Римъ , Римъ зоветь сыновъ, и должно опол-
читься ! —

Коль побѣдишь Помпей : кпо можешь ожи-
дать ,

Что бы онъ возмечталъ вселенной обладать?
Пойдемъ, и подъ его мы спанемъ знаменами.
Да знаетъ онъ, что брань не за него съ вра-
гами!

Когда ратникомъ Капонъ въ рядахъ Помпея
 спалъ,
 Когда сразимъ враговъ, — побѣду Римъ спя-
 жалъ.

Ивановъ,

III.

Х Е Р С О Н Ъ.

Опъ Николаева Херсонъ очень близко,
 только бо верспъ; дорога ровная и сипеп-
 ная. — Мы двое съ женой послѣ обѣда
 шуда поѣхали, и ранѣ вечера прибыли.
 На пуши нѣтъ никакого жила, кромѣ поч-
 шоваго сарая, въ кошоромъ на половинѣ
 дороги мѣняють лошадей. Полиція шу-
 пошная позабошилась о нашей кварши-
 рѣ, и опвели намъ ее въ лѣсной Конпорѣ
 Г. Пер * * * у одного жида. Вездѣ намъ судь-
 ба судила споятъ въ его домахъ; но не
 вездѣ шакіе у него хозяева, какъ въ Ни-
 колаевѣ. Поздно было ходишь по городу;
 потчасъ съ пріѣзда мы опужинали и
 легли спашъ; но разныя швари, конхъ
 пыль и нечистота производяшь, не дали
 намъ заснушь хорошенько.

На другой день прїѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный, и безъ экипажу не лезъ было выдти изъ дому. Окошки наши на дворъ; и шакъ, сидя въ чепы-рехъ спѣнахъ, въ скукѣ, я имѣлъ досугъ, одумавъ все соспояніе неволи, которой подвержены заключенные въ шюрму, какъ въ клѣтку, и не имѣющіе передъ гла-зами никакого предмета. Я только могъ замѣнить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку прїятнѣй-шимъ для сердца упражненіемъ. — Я пи-салъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, и готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо; спало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губерна-торъ посѣпилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ, и весь день про-былъ. Онъ молодъ, во исполненъ усердія къ своей должностіи; супруга его барыня прелюбезная, и мастерица играть на фор-

Мепіано, — цѣлой вечеръ слушалъ я ее
 безъ устали. Съ ними жили тогда, по
 случаю родинѣ ея, нѣсколько ихъ род-
 ственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣ-
 ютъ; — онъ еще спроишся, а между тѣмъ
 занимающъ домъ Военнаго Губернатора вер-
 спахъ въ двухъ отъ города въ крѣпости. —
 Это удаляешъ отъ нихъ общество город-
 ское, особливо въ осенніе длинные вечера,
 въ которые пакъ нуженъ всякому киб
 нибудь: они по большей части одни въ
 своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бу-
 магами: — обыкновенная роскошь и уб-
 раство внутреннхъ покоевъ дѣловыхъ
 людей! — Боже мой! какая куча пане-
 лновъ! — и когда это все читають! — Я
 одни сушки провелъ въ ихъ бесѣдѣ до-
 вольно пріятно; сожалѣлъ только объ
 ихъ собственней скудѣ, которую, кажеш-
 ся, никто изъ цѣлаго ихъ дома скрышь
 не можешъ. — И правда, что Херсонъ
 мѣсто не прекрасное. Губ. далъ мнѣ
 свой экипажъ, и самъ охотно возилъ
 меня по всѣмъ занимательнѣйшимъ мѣ-
 шамъ города. Спанемъ говорить объ немъ.

Городъ разбишь на Днѣпрѣ, но очень неприятенъ: улицы не чисты, строеніе скверное. — Ни одного нѣтъ хорошаго дома, кремъ шакъ называемаго, обжорнаго ряду, которой выстроены изъ городскихъ доходовъ. Мнѣ сказывали, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-лѣтіе оккупный доходъ. Онъ населенъ людьми, сборными со всѣхъ сторонъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ, и только что поддерживается опъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ - то: домъ Военнаго Губернатора, Коммандантскій, и Ордонансъ-гаузъ; шуть же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣнномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ никакой примѣчательной ушвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубаго цвѣта; ризница не важная; — показывали мнѣ ризы и спихарь, кои приложены

ЕКАТЕРИНОЙ; впрочемъ опличнаго богатства нѣтъ, и естълибъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоцѣнными вещами Гжа. Мр. ***, коей сынъ, убитый на рашномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать нечѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны, и со вкусомъ въ одежкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидише вы храбраго Миллера. Я останоуился подлѣ его мавзолея. Шишакъ надъ нимъ сполькожъ числъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое щастіе для война! — Тамъ, подалѣе лежитъ его сынъ, достойный шакого отца. Тутъ Князь Волконскій: — кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской? Я впервые тогда почувствовалъ восторги славы. Кончина его и Горича восхищили мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; силы мои развернулись, и я осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ

на смерть послѣдняго. Здѣсь предана, земля нѣжная опрась Царскаго Дома. Въ молодости красной Принцъ Виртембергскій преелился въ вѣчность. — Камень надгробной его только что огромень, но мало красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ опспроивали шупь одинъ корабль 74-пушечный; — такою же размѣра дѣлались еще два, и одинъ 100-пушечный былъ уже заложень. Капитанъ надъ портомъ Г. Т... все работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью. Эпо предосторожность необходимая опъ морскихъ червей, кои, какъ говоряшь, въ Черномъ морѣ очень скоро преѣдають корабли. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ лукошко! Подъ него гошованся уже и камели для спуска къ тому мѣспу, гдѣ онъ освациваться будешъ. — Говорили; что онъ полешить въ Днѣпръ 8 Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами. Они лежатъ на опкрытомъ мѣстѣ, опъ чего удобно

и повреждаются. Видно, что еще лесу много, что ишь нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи. Въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили множества дубовъ и сосенъ на корнѣ: онѣ бы еще пожили, и не опоздали спастись на своемъ мѣстѣ въ корабль.

Гавань купеческая очень хороша. Въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. — Многія изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ. По сей рѣкѣ чрезъ Кремейчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревьевъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! — Днѣпръ по берегу убилъ сваями, и ошъ пристани сажень на сто убавили его ширины.

Чего же дѣлають искусство и пруды!
 Каналь, Азовъ и Понть вѣнчаютъ, какъ
 пруды,
 И древній Бориспень, теряя здѣсь свободу,
 Сто сажень опспунилъ для пристани на-
 роду.

Канашная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженьяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой на чердакѣ съ проспоромъ прядется пенька. Народъ употребляется ссылочной, осуждаемый по приговорамъ къ капоржнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лице взглянуть нельзя равнодушно. У всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое сосраданіе. — То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространный галереѣ, и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, естлибъ по обѣимъ концамъ поставили громкіе оркестры, и вдоль строенія выпянуть въ два фрунша эконо-сезъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочешь, примѣчанія. — Волшеръ гдѣ-то сказалъ: *les vo-*

lontes sont libres; — кажется, онъ ошибся! а тому, кто скажетъ: *les pensées sont libres*, не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вымыслила ЕКАТЕРИНА. Скажемъ же и то, что Попемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна! Цѣлы еще стѣны того спроектированія, въ которомъ нѣкогда Она ужинала изволила. — Говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искусственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что, какъ скоро она съела кушанье, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ тысячу разъ: — вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія! —

Здѣсь я опять достигъ вѣтви политическихъ происшествій. — Нѣсколько прочелъ номеровъ Сѣверной Почты, и узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь столь далеко отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣженькой печати читаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Я часто это испытывалъ

дорогой. — Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспашь. — Дюкъ опять сего дня проскакалъ въ Крымъ. — Видно, флотъ Турецкой, хошь не спрашенъ, да и не забавенъ:

Вездѣ есть диковинки. Почтешь ли чашпель мой ею по, что я говорюсь ему сказаць — не знаю; но для меня весьма удивительно было услышашь, что въ Херсонѣ городской голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. — Чудо! —

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Гос. Губ., ходилъ купашься въ Днѣпръ. — У него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная! вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль, а не Днѣпръ; но какая разница для эшаго наслажденія! — Мы позавприкали у Губ., проспились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ чепыре часа съ половиною мы проска-

жали бо верспъ. Лошади не бѣгутъ, лешпъ, и ихъ дикія лошади у насъ не ошпрягали. Я долженъ эпу спрочку объяснить; иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечапавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣспахъ, между прочимъ помѣспилъ слѣдующее извѣспіе: „Сія спепъ; сколь ни худа, „однако пишпепъ дикихъ лошадей, ко- „шорые имѣютъ спранный инспинкшъ— „освобождпщъ лошадей, еспшли увидпщъ „запряженными; онѣ нападають иногда „шолпами на запряженныхъ лошадей, раз- „бпвають повозки, перерывають збрую, „пршомъ убѣгають съ новыми поварпща- „ми, еспшли удаспся имъ освободпщъ „ихъ (*).“

Я Херсонскую спепъ, ш. е. разспя- ніе между Херсономъ и Николаевымъ, про-

---

(*) См. Письма о Крымѣ, переводъ съ Французскаго сочиненія, напечатанный вмѣстѣ съ оригиналомъ 1819.

Ѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру; ни опъ кого я эшаго не слыхалъ, нигдѣ эшаго не видалъ. Замысловашныя лошадики! — Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не перпяшь. — Благодаря Бога, или, лучше сказать, Херсонскую Оею — ибо эшо п а к ж е д о л ж н ы б ы л и е я превращенія! — наши кони очень смирно довели насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней ошашокъ дня весьма пріятно проводили.

Кн. И. Д.

IV.

КЪ НЕЩАСТНЫМЪ.

Thrice happy you, who look as from the shore
And have no venture in the wreck you see!

Блаженъ, кто на берегу, незнаемый морями,
Спокойный, — зрять корабль, перзаемый волнами! —

Не для всѣхъ чашащелей спроки сіи писаны; многіе хорошо сдѣлають, ежели перевернушь лисшы, не обращая на нихъ

вниманія. Онѣ принадлежатъ несчастнымъ, и я спарался начерпашъ ихъ на свойспвенномъ имъ языкѣ, кошорому давно уже изучаюсь.

Топшъ, кто повпорялъ спихи, въ заглавіи сей спашьи поставленные, конечно не былъ любимцемъ щаспія. Это былъ Монархъ, злополучный Рихардъ II. По ушпру шого самага дня, въ кошорой его умершвили, успремивъ сквозь рѣшопки пемницы взоръ свой на окрестные луга, позавидоваль онъ паспуху, сѣдѣющему спокойно въ долину подлѣ своего спада.

Каковы бы ни были швои заблужденія, виновенъ шы или нѣшъ, рожденный на пресподѣ или въ хижинѣ, кто бы шы ни былъ, сынъ злополучія, — я себя привѣщспвую! — *Experti invicem sumus ego ac fortuna.* (*)

Много было споровъ о несчастіи, какъ и о другихъ предметахъ. Здѣсь предспавляющся размышденія, кошорыя, кажешся, еще новыя.

(*) Форшуна и я, мы взаимно испышали себя.

Какимъ образомъ несчастіе дѣйстви-
тельно на людей? — увеличиваетъ ли она
силы душевныя, или уменьшаетъ ихъ?

Ежели оно увеличиваетъ ихъ, опъ
чего же Діонисій и Наполеонъ показали
сполько низоспи?

Ежели оно умяетъ ихъ, то опъ
чего Аншуанета, Королева Французская,
явила сполько великодушія?

Можетъ бытъ, принимаетъ несчастіе
характеръ жерщвы своей. — Но ежели
это такъ, то почему Людовикъ, споль
робкій во дни своего щасія, явился
сполько безбоязненнымъ, во время зло-
получія? — Почему Яковъ II, сполько смѣ-
лый въ щасіи, бѣжалъ на берега Байоны,
когда ему терятъ уже было нечего?

Не уже ли несчастіе преображаетъ
человѣка? — и опъ того ли мы бываемъ
пвердыми, что прежде были слабы, или
слабы опъ того, что были пверды?
Но малодушный Императоръ Рима, ко-
торый скрылся въ самомъ непристойномъ
мѣспѣ Двора своего въ минушу гибели,
былъ всегда одинаковъ; а Бретонъ Ка-

ракпакъ споль же благороденъ былъ въ столицѣ міра, какъ и въ лѣсахъ своихъ.

И пакъ , кажепся , не возможно судить опредѣлительно о сущности нещасія. Весьма вѣроятно , что оно дѣйствуешъ на насъ средствами сокровенными, зависящими отъ нашихъ привычекъ, предразсудковъ и отъ положенія, въ которомъ мы находимся, относительно къ окружающимъ насъ предметамъ. Діонисій, споль униженный въ Коринѣ, и Наполеонъ , толико малодушный въ Фонтенебло, можешъ бышъ, были бы велики посреди своихъ подданныхъ.

Вотъ нещасіе, разсмотрѣнное, пакъ сказать , въ немъ самомъ ; разсмотримъ теперь вѣшнія его отношенія.

Видъ нищеты производитъ разныя впечатлѣнія на людей. Знапные, то ешъ, богачи не могушъ видѣшъ ее безъ чрезвычайнаго отвращенія; не должно ожидать отъ нихъ ничего, кромѣ оскорбительнаго сожалѣнія , кромѣ подаеній и вѣжливостей , тысячекратно болѣе оцѣгипительныхъ , нежели самая обида.

Купецъ, ежели войдете вы къ нему въ лавку, послѣшно собираетъ разсыпанныя на сподѣ деньги. Сія грязная душа не знаетъ разницы между несчастнымъ и безчестнымъ человѣкомъ. Обыкновенный народъ во всѣхъ Государствахъ чаще, или замѣчаетъ васъ, или замѣши, не понимаетъ.

Посмотримъ теперь, не можно ли изъ сего извлечь намъ какихъ-нибудь правилъ поведенія въ несчастіи. Мнѣ извѣстны три.

Несчастливецъ есть предметъ весьма любопытный для людей; его разсмаприваютъ, любящъ, допрогиваются до спрунь его спраданія, дабы имѣть удовольствіе изучать сердце въ минушу судорожнаго шерзанія. Сіи люди подобны врачамъ, оспавляющимъ въ мученіи животныхъ, чтобы наблюдать кругообращеніе крови и дѣйствіе органовъ. О ш с ю д а первое правило: скрывать свои слезы. Кто приметъ участіе въ повѣспованіи зоклоченій нашихъ! Одни слушаютъ ихъ, и не слышатъ; другіе слушая, скучаютъ,

шрещи — и припомъ самая большая часть — привимаешь ихъ съ какою-то злобною недовѣрчивостію, или насмѣшкою.

Щастіе есть золошой идолъ, коего уши подобны шѣмъ пещерамъ, копорыя, по описанію путешественниковъ, увеличивають въ нѣсколько разъ каждой звукъ. Слабѣйшій вздохъ превращается для щастливца въ ужасный громъ. Второе правило, производящее изъ перваго, пребуешь самага глубокаго уединенія. Въ спраданіяхъ душевныхъ должно убѣгать общества: оно есть присяжный врагъ нещасливому. Вопъ его судъ: нещасливъ, ты виноватъ! И я сполько убѣжденъ въ сей свѣтской испинѣ, что рѣдко хожу по улицѣ не съ поникшею головою. Трещіе правило: — гордость непреклонная. Гордость есть добродѣшель злополучія: чѣмъ болѣе форшуна насъ унижаетъ, шѣмъ болѣе возносишься должно. Надобно помнишь, что вездѣ уважають нарядь, а не чловѣка. Какая нужда, что ты бездѣльникъ, когда ты богатъ? какая польза, что ты чеспень, когда бѣденъ? Въ

обществѣ все по отношеніямъ; — уваженіе, почтеніе и добродѣтель измѣряютъ отношеніями. Рожденіе ничего не прибавляетъ и не отнимаетъ: прежде ты былъ Монархъ въ Сиракузахъ, а теперь спалъ частнымъ несчастливцемъ въ Коринѣ. Въ первомъ положеніи надлежало забыть, что ты есть; въ другомъ, долженъ гордиться тѣмъ, что былъ, не потому, чтобы ты не поспигалъ самъ шпигетъ сего суетнаго преимущества, но дабы употребилъ его щипомъ противу презрѣнія, пекущаго всегда по слѣдамъ злополучія. Легко забывающся съ несчастнымъ, и онъ непрерывно видитъ себя въ горестной необходимости припоминать о самомъ себѣ, о личномъ достоинствѣ, какъ человѣка, ежели не хочешь, чтобы другіе о томъ забыли.

Наконецъ слѣдуетъ самый важный вопросъ: что надлежитъ предпринимать къ услажденію горестей своихъ? Вошь истинно Философскій камень!

Сначала должно замѣтить, что, еслии сущность несчастія совершенно не извѣ-

еіна, по вопросъ сей оспаелся; такъ ска-
зашь, нерѣшимымъ. — Когда не знаемъ, гдѣ
гнѣздится боль, по куда приложимъ
можемъ цѣлительный бальзамъ ?

Многіе древніе и новѣйшіе Философы
писали о семь предметѣ; одинъ предла-
гаетъ намъ чпеніе, другой мужество,
перпѣливость; это врачъ, который гово-
ришь своему больному: „будь здоровъ !

Книга, испинно полезная спрадальцу,
въ которой обрѣшается онъ соболѣзно-
ваніе, терпимоспъ, сладоспное и нѣжное
снисхожденіе; и еще сладоспнѣйшую по-
го надежду, соспавляющую единспвен-
ное врачеваніе ранъ душевныхъ : это
еспъ вѣрно и неоспоримо — одно Еванге-
ліе. — Его божеспвенный Творецъ не огра-
ничиваетъ себя токмо поученіемъ неща-
спныхъ ; — Онъ болѣе дѣлаетъ : Онъ
благословляетъ слезы ихъ, и выпиваетъ
съ ними до дна чашу гореспи !

Нѣтъ общаго бальзама для печали ;
роды его споль же должны бытъ много-
различны, сколько еспъ человеквъ. Не смо-
пря на то, разсудокъ чрезъ мѣру жестокій

только что болѣе огорчаетъ страдальца, подобно неловкому прислужнику больного, который, переворачивая его на одрѣ недуга, болѣе мучитъ, нежели помогаетъ. Рука друга необходима для услажденія ранъ сердечныхъ; она же поможетъ тебѣ пихо поднять и гробовую доску твою.

Но ежели не извѣстно намъ, какъ несчастіе дѣйствуетъ, по крайности мы знаемъ, въ чемъ состоитъ оно: — въ лишеніи; — и лишеніе сіе до безконечности равнообразно. Пусть одинъ оплакиваетъ утраченный провъ, другой погибшее имѣніе, претій мѣсто, четвертый плачется на злоупотребленія; дѣйствіе остается одинаково для всѣхъ. Н. говорилъ мнѣ: я не знаю другаго истиннаго несчастія, какъ не имѣть насущнаго хлѣба. — Когда человекъ имѣетъ пропитаніе, одежду, и подъ кровомъ скромнымъ огонекъ; тогда всѣ прочія бѣдствія исчезаютъ.

Совершенное лишеніе необходимаго ужасно; ибо безпокойная забота о завѣренномъ управляетъ настоящимъ. Н. правъ; но эшо не разрѣшаетъ вопроса.

Ибо, что должно дѣлать для доставленія себѣ сихъ первыхъ потребностей? Работай, скажутъ иѣ, которые не вникали во глубину сердца человѣческаго. Мы переносимъ несчастіе не по тому или другому правилу, но сообразно нашему воспитанію, нашему характеру, нашимъ навыкамъ, а болѣе нашему о вещахъ понятію. Одинъ, доставая себѣ нужное содержаніе какою-нибудь работою, едва почувствуешь перемѣну своего состоянія; напрошивъ того другой, болѣе возвышенный въ своихъ чувствованіяхъ, почувствуетъ величайшимъ несчастіемъ необходимость опказаться отъ своихъ способностей умственныхъ, отъ первыхъ привычекъ, и заключись въ кругу людей, пріобыкшихъ только обходиться съ бревномъ или камнемъ, которое они пилятъ или общесываютъ, или убивать дни свои, въ лѣсахъ разума и зрѣлыхъ мыслей, надъ повтореніемъ складовъ шупоумнымъ дѣтямъ своего сосѣда. Такой человекъ согласится лучше умереть съ голоду, не-

жели рѣшится доставить себѣ пропитаніе подобнымъ образомъ. И такъ, весьма не легко соединить необходимое со щастіемъ: это не для всѣхъ будетъ понятно.

Я воображаю, что несчастные, читающіе спороки сіи, пробѣгающъ ихъ съ пою безпокойною жадностію, которую самъ я чувствовалъ при чтеніи нашихъ нравоучителей, разсуждающихъ о бѣдствіяхъ жизни, думая обрѣсти какую-нибудь отплату. Воображаю, что они обманувшіесь, какъ и я, говорятъ мнѣ: ты ничего не открылъ намъ, ты не показываешь къ облегченію золь нашихъ никакого способа; даже ты заставляешь насъ думать, что нѣтъ его совсѣмъ. О, братія мои! упреки ваши справедливы! желалъ бы я отереть слезы ваши; но вамъ надлежитъ молить о помощи десницу болѣе могущественную, нежели человѣческая. Однако не предавайтесь унынію; еще возможно обрѣсти въ какой-нибудь утѣшеніе въ несчастіяхъ. Я постараюсь показать вамъ, что мы въ силахъ извлечь

отраднaго изъ самой величайшей горести. Можеть бытъ, здѣсь найдете вы для себя болѣе пользы, нежели въ напыщенномъ поученіи Споиковъ.

Нещасливецъ между гордыхъ сыновъ слѣпой богини подобенъ нищему, прохаживающемуся въ рубищѣ среди блистательнаго собранія: всякой на него взглянешь, и удаляешся.--Для того-то онъ не долженъ посѣщать ни публичныхъ садовъ, ни бульваровъ, ни прудовъ; онъ обыкновенно убѣгаетъ городского шума, и выходы его случаются по большой часпи ночью. Когда сумерки начнутъ смѣшивать предметы, нещасливецъ мой показывается изъ своего убѣжища и, скоро пробѣжавъ мѣсна, болѣе людьми посѣщаемыя, своропшитъ на какую-нибудь уединенную дорожку, гдѣ бы онъ могъ бродить свободно. Иногда идетъ на холмъ, возвышающійся надъ городомъ, откуда можеть онъ обозрѣвать его обширныя окрестности; онъ разсматриваетъ на всемъ пространствѣ помраченнаго ноцію ландшафта ярко сверкающіе ог-

Книж. IV.

В

ни въ окнахъ обипаемыхъ зданій. Здѣсь онъ видитъ ослѣпительное отраженіе свѣта великолѣпныхъ фонарей подлѣ позлащенныхъ вращъ жилища гордости! Обипатели его, погруженные въ удовольствія, даже и не вѣдаютъ, что есть несчастный, издалика, взирающій на огни ихъ пиршества; несчастный, который также нѣкогда былъ собесѣдникомъ сихъ пиршесивъ, и имѣлъ друзей. Наконецъ обращаются взоры его на слабой, дрожащій свѣтъ изъ бѣдной хижины, стоящей въ предмѣстїи: „*тутъ*, вздохнувъ говоритъ онъ, *тутъ живутъ мои братья!*“ Иногда при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, онъ припаишся у какой-нибудь спѣны, на большой дорогѣ, дабы украдкою ушѣшился еще возрѣніемъ на людей, такъ чтобы они его не замѣтили; онъ боится, чтобы, увидя несчастнаго, не вскрикнули они также, какъ Индѣйцы, провождавшіе Английскаго Доктора въ *Индѣйской хижинѣ*: *паря! паря!* (*)

(*) Самой презрѣнной и низкаго класса людей въ Индіи, отверженной обществомъ, и лишенной даже

Но любезнѣйшее мѣсто прогулки его будетъ, безъ сомнѣнія, какой-нибудь темной боръ въ шрехъ или чешырехъ вересахъ ошь города. Тамъ онъ найдетъ крошкыхъ шоварищей, кошорые, подобно ему, ищуть темнопы и безмолвія. Сіи пуспынные Сильфы охотно шерпяпъ такого пришдеца въ республикѣ своей, и онъ плапишъ имъ дань сердечной благодарности за ушѣшишельное ихъ гостеприимство. Когда своенравный рокъ выбрасываетъ (шакъ сказашъ) насъ изъ общества людей; шогда душа наша, въ полношѣ своихъ чувствованій — не встрѣчая подобнаго себѣ предмета — разливаешъ ихъ на самыя безчувственныя шворенія, и въ бесѣдѣ съ ними обрѣшаетъ такое ушѣшеніе, кошораго мы до сего времени еще не постигали. Сладка жизнь въ нѣдрахъ природы! Я охотно скрылъ себя въ уединеніи; я рѣшился умереть въ немъ, рѣшился никогда не ввѣрять челнока своего бурному морю свѣша сего; я люблю

покровишельства законовъ; шакъ чшо всякой встрѣтившійся можетъ свободно зашрѣлить Паріа.

В г

еще иногда смотрѣшь на его преволненія, подобно человѣку, брошенному на пустыньномъ оспровѣ, человѣку, которой какою-то пайною меланхоліею влечешся смотрѣшь на волны, разбивающіяся подлѣ той скалы, гдѣ случилось его собственное кораблекрушеніе.

Послѣ потери друзей нашихъ, ежели мы не падемъ подъ бременемъ горести, сердце наше спѣсняетъ въ самомъ себѣ; оно даетъ себѣ обѣщанія навсегда отказаться отъ всякаго другаго чувства, и живетъ поклопомъ воспоминаніями. Ежели чрезъ сіе оно дѣлается менѣе способнымъ для общесства; за то чувствительность его болѣе развивается. Нещасіе намъ полезно; безъ него силы души, привязывающія насъ къ людямъ, были бы мертвы; нещасіе превращаетъ душу въ орудіе гармоническое, которое при малѣйшемъ дуновеніи издаетъ какой-то ропотъ, коего выразить не возможно. Пусть попъ, кого снѣдаетъ горестъ, удалился въ глубину лѣсовъ; пусть блуждаетъ

онъ подъ ихъ движущимися сводами, или взбирается на крушизну холма, съ коего открываются взорамъ его съ одной стороны обильныя нивы и пажити, съ другой солнце восходящее надъ гладкимъ моремъ, коего зеленоватая поверхность, загорѣвшись отъ лучей, покрывается пламеннымъ пурпуромъ: горесшь его не устоишь прошиву сего очаровательнаго зрѣлища! Не то, чшобы онъ забылъ тѣхъ, кого любилъ, ибо тогда печаль его была бы ужаснѣе; — нѣтъ; но воспоминаніе о нихъ сливается съ шишиною лѣсовъ и небесъ, и онъ сохраняетъ всю сладость его безъ примѣси спраданій. Блаженны любящіе природу! Они ее обрѣшутъ, и обрѣшутъ ее шолько одну во дни злключенія!

Такаго рода, по мнѣнію моему, есть удовольствіе, копорымъ можно пользоваться въ несчастіи; но оно не единственное: есть и другія. На примѣръ: я особенно каждому несчастному совѣшую заняться изученіемъ Ботаники, какъ та-

кой науки, которая способна успокоивать душу, отвращая взоры отъ срашней и суешъ свѣта, и устремляя ихъ на невинное семейство цвѣшовъ. Нещасливецъ, вооружась ножницами и очками, идешь согнувшись подлѣ рва какой-нибудь сшарой, оставленной дороги, спойшь въ задумчивости при развалинахъ башни, при мхахъ древняго водомета; иногда шихо влечешя по пещаному берегу моря или рѣки, усѣянному поросшами. Бопанистшъ нашъ встрѣчаешъ съ какимъ-шо участіемъ лѣсной шюльпанъ, который, подобно ему, ищешъ самой уединенной шѣни; онъ долго сморипшъ на унылую лилію, коя, съ поникшимъ надъ рѣкою челомъ, какъ будто размышляешъ о спремленіи водъ. Трогашелное свойство вьюна, обвиняющаго блѣдными цвѣшами своими какой-нибудь сшарый ушлый пѣвъ, изображаешъ ему юную дщерь, обнимающую бѣлыми руками умирающаго своего родишеля. Иглишый ушесникъ, усѣянный золшыми мошылками, предшавишъ ему благодѣтельную власшъ, покровишель-

спивующую безсильнаго. Между распеніями большаго рода, онъ болѣе любитъ тѣ высокія древа, коихъ глухой ропотъ уподобляется унылому шуму морей опдаленныхъ. Съ меланхолическимъ движеніемъ сердца смотришь онъ на сію помную иву, копорая бѣлесовашою вершиною и небрежно раскинувшимися листочками являетъ плачущую паспушку на берегу ручья. Словомъ, онъ предпочпипельно ищешь въ семь миломъ ему царспвѣ шакихъ распеній, копорыя свойспвами, привычками и, шакъ сказать, нравами своими, имѣли бы шапное сношеніе съ его душою.

О! съ какимъ наслажденіемъ, послѣ прогулки, онъ возвращаешся въ убогое жилище свое, обремененный полевою добычею! Какъ бы опасаясь, чпобъ кпюнибудъ пришедъ, не похипилъ у него сокровища, онъ шаинспивенно запираешъ за собою дверь, и начинаешъ *анализировать* жапву свою, упрекая или оправдывая Турнефорша, Линнея, Вальянша, Со-

ландера, дю Бурга. Но наступаетъ ночь; въ жилища, вокругъ умолкаетъ дневной шумъ, и сердце его заранѣе препещетъ отъ удовольствія, имъ самимъ пригнѣвленнаго. Книга, съ большимъ трудомъ добытая, которую съ тщательною осторожностію вынимаешь онъ изъ сокровеннаго мѣста, займетъ часы ночнаго безмолвія; близъ скромнаго огонька, при брезжущей свѣчѣ, бывъ увѣренъ, что его никто не видитъ и не слышитъ, онъ соспраждаетъ вымышленнымъ бѣдствіемъ Кларисы, Элоизы, Цециліи. Романы суть книги несчастныхъ. Они пишутъ насъ мечтами, это правда; но не ужели романы болѣе ими наполнены, нежели жизнь наша?

Если вы хотите, пустынный нашъ можетъ заняться разсмащиваніемъ великихъ происшествій, или великихъ исшинъ. Онъ видитъ Агриппину, умерщвленную сыномъ своимъ. Ему кажется, что онъ у изголовья сей надменной Римлянки. Въ темной хранилѣ, едва освѣщаемой

малою лампадою, онъ видитъ низпадшую съ высоты славы Императрицу, которая прогашельно укоряла послѣднюю рабыню, хопящую удалиться отъ нее, единую, оставшуюся доселѣ отъ необозримой толпы прежнихъ ласкашелей; онъ наблюдаетъ на лицѣ сей злополучной Императрицы ежеминутно возрастающія страданія; — видитъ, какъ она въ пространный пуспонтъ черпоговъ прислушивается къ безмолвію. Вдругъ внимаешь шорохъ идущихъ убійць; они ломають наружныя двери. Агриппина вздрагиваетъ, садится на ложѣ своемъ, снова прислушивается. Шумъ приближается, воины входятъ, окружають ложе; ценшуріонъ (сопникъ) извлекаетъ мечъ свой, и поражаетъ Царицу въ високъ; *ventrem feri* (*)! воскликнула маперъ Неронова: высокое изрѣченіе, возбуждающее въ насъ невольный препенъ!...

Можетъ быть также, когда все покоится сномъ, между двухъ и трехъ ча-

---

(*) Поражай въ сіе чрево, носившее чудовище!

совъ упра, при шумѣ вѣпра съ дождемъ, который спучилъ въ окна, опшельникъ нашъ пишеть все, что знаетъ о людяхъ. Нещасный занимаетъ весьма способное мѣсто для изученія челоуѣковъ; ибо, не бывъ уже на общемъ съ ними пути, онъ видишь ихъ мимо его идущихъ.

Но послѣ всего этого надлежитъ опять обратиться къ тому же: безъ первыхъ необходимостей въ жизни, нѣтъ врачеванія бѣдамъ нашимъ. Опвай, который задохнулся отъ выпрошеннаго подъ окномъ куска хлѣба, Гилбертъ, который помѣшался отъ горя, и въ гофшипалѣ проглотилъ ключъ, горестно почувствова-ли всю щещу Философіи въ семь опшошеніи, хотя были и славные Липерашоры.

Съ Французскаго *Ивановъ*,

О РАЗБОРѢ КНИГЪ.

1 й РАЗБОРЪ.

И Критикъ себя безтрепетно мы въриль.

Изъ всѣхъ судей, по моему мнѣнiю, нѣтъ пристрастiе разсмапривашелей сочиненiй, или пѣхъ (подражая всему иноснранному), копорыхъ мы называемъ рецензентами! . . . Вышла ли въ свѣтъ какая нибудь новая книга, стихами или прозою писанная (особенно же стихами); тогда сiи временные писатели во первыхъ освѣдомаясь, кто *и.иенно* писалъ книгу, потомъ, какъ сочинитель принятъ въ обществѣ, какого чина, гдѣ засѣдаешъ и, наконецъ уже, по всѣмъ таковымъ многотруднымъ и бесполезнымъ справкамъ, прискупають къ *разбору* книги, но естъ, скажутъ, что сочинитель сынъ таково - по опца и мапери; смолу онъ *не общалъ* ничего, да и всѣ доселъ его бездѣлки въ Словесности ничего

не общали ; почему можно вѣрно заключить , что и сія книга, вновь вышедшая, немногаго же *общаетъ*. Вопль пѣмъ и кончипся весь ихъ *разборъ* книги , едва ли разкрывая оную ; а еспьли же къ сему и выпишуть что-либо изъ сочиненіи , по самое незначущее , или черезъ спрору и двѣ , шолько бы не было въ помъ никакого смысла , и шуть же сами себѣ удивляющся : что это значитъ ? ... гдѣ смыслъ ? ... можно ли такъ писать , и по Руски ! ... что за фраза ! ... и пр. , и пр. , и пр. .

Не похвалю я привычку и многихъ читашелей , которые , лично узнавши писашеля , судяшъ пошому и о его сочиненіяхъ , или , по прежнимъ какимъ - либо несовершеннымъ опытамъ въ Словесности , невыгодно заключающъ и впредь уже о всѣхъ прочихъ , вновь могущихъ выдши въ свѣшъ его швореній. *Пристрастіе* есть злѣйшій врагъ достоинству , а паче оное предосудительшо цѣнишелю качествъ , какого бы по роду оныя ни были.

На примѣръ, худы ли сіи списхи?

„ . . . . . Уже-ль единый Галль,
Вѣнчаясь лаврами, помѣщикъ Пинда спалъ?
Уже ли онъ одинъ шокъ свѣсплый Иппокренъ
Умѣлъ соединить съ спруями числой Сены?“

Или:

„Искусство въ языкѣ народамъ всѣмъ по-
лезно.

О пы, Славеновъ родъ, Опечесство любезно!
Россія славная! ревнуй, да швой языкъ
Пребудешь вѣкъ въ числѣ, какъ пы, зем-
ныхъ владыкъ.“

Или:

„Языкъ не виноватъ, коль нѣтъ въ швор-
цѣ ума . . .

. . . . .
Не самъ возникъ языкъ, но *разумомъ* кры-
лапы,

Но огненны сердца, но *чувствіемъ* богаты
Удобны сообщитъ ему безмѣрный вѣсъ,
И молніи раждашь, и громъ свеспи съ не-
бесъ.“

Не угодно ли и еще нѣсколько подоб-
ныхъ примѣровъ?

— Довольно, довольно! — скажише
намъ шолько, кшо писалъ сіи списхи?

Сумароковъ.

— Точно шакъ . . . Въ оныхъ при-
мѣнно что - то шакое старинное, слиш-
комъ обстоятельное, нѣшь нынѣшней
легкости, свободности, плавности! . . .

Государь мой! дѣло идетъ о языкѣ.
Какой вамъ шупъ нужно легкости, какой
свободы, а и менѣе того, какого плава-
нiя? . . . сила выраженiй, правила,
ясность . . .

— Все эшо старина, шеперь и Хи-
мию описывають въ мадригалахъ. . . .

Да вы мнѣ скажите, не говорю уже
докажите, почему сiи стихи худы?

— Однимъ словомъ, оные не нравяш-
ся. Вопшь вамъ и весь онвѣшь . . .

Не охотники ли вы до нѣжностей, до
цебточковъ и прочаго весеннаго и Май-
скаго? Перемѣнимъ слогъ :

„Коль Россамъ свойственъ духъ *Виргилия*,
Мильиона,
Почто бышь можешь чуждъ имъ духъ *Ана-*
креона?
И рѣзвый *Купидонъ*, и общество *звѣрей*?
И лишнiй *Мома* дворъ, и *Флора* средь по-
лей

Въ Россіи множество наперсниковъ имѣли,
 Которые луга и рощицы воспѣли;
 И тайныя опкрывъ природы красоты,
 На Сѣверныхъ снѣгахъ разсыпали цвѣшны.“

Или:

„Коль духъ пшвой угнѣли явленія ужасны,
 Предспанешъ предъ тебѣ природы ликъ
 прекрасный.

Тамъ холмикъ, тамъ ручей, тамъ кропкій
 василёкъ,

Тамъ Сильвія плешешъ для милаго вѣнокъ,

Зефиры нѣжашся, поверхъ воды порхаютъ,

Лилей съ розами, сцѣпясь, благоухаютъ;

Многообразіе спекаешся заразъ

Для мысли пламенной, для сердца и для
 глазъ.“

Или:

„Тамъ роскошь, пышность, вкусъ, природа
 и искусство,

Сплешясь руками межъ собой,

Условидись прельстивъ, разспроивъ умъ
 и чувство.“

Или . . . но, вамъ и Купидонъ на-
 скучилъ! — Чего же вы жедаете?

— Нѣшъ; все эшо шарина, и
 сердце; шакъ сказашъ, ни чушь не ше-

велишь! . . . . Въ эпомъ намъ нуженъ
 слогъ Парни, Легуве . . .

Милоспивый Государь! да пѣ писа-
 ли по Французски и для Французовъ, а
 у насъ свой языкъ и своя сила въ выра-
 женіяхъ:

„Писавъ для Россіянь, не думай по Фран-
 цузски.“

— Того - по намъ и не надобно. Пи-
 шите, какъ говорите, пишите, какъ пи-
 шупъ Французы. *Анализъ* ихъ чувспвъ,
фразы сердца ихъ *трогательны*, *пате-*
тикъ (patetique).

Довольно, довольно! . . . Теперь моя
 уже очередь вашу рѣчь перервать, и во-
 оружись уже эпиграммами:

„Будь въ способахъ богатъ и колкоспи
 Французски

На счепъ природныхъ Музъ переводи по
 Руски.

Пуспъ въ прозѣ и стихахъ пы самъ не об-
 разецъ;

Чужой лавръ ощипавъ, сплешешь себѣ въ-
 нець.

Нѣтъ нужды, что подь часъ, и умъ, и вкусъ
обидишь ;
Пѣшомъ спѣва неспрашишь : его ты не уви-
дишь.“

Выслушайте , пожалуйста и на счетъ
пристрастныхъ кришниковъ :

„Недѣльныхъ много естъ на свѣтѣ знапковокъ,
Чье право на Парнассъ десятокъ оспрыхъ
словъ ;

Подобны знапкоки, Мидассовы попомки,
Привыкли на словахъ давать вь всемъ судѣ
громкѣи !

Сей судѣ, благодаря болтливымъ языкамъ,
Невѣжи, разнеся вь еполицѣ по домамъ,
Безъ доказательства худое превозносятъ,
Безъ доказательства хорошее поносятъ. —

О книга бѣдная, спѣсенная судомъ,
На время долгое покрытая спыдою !
Опѣ Невскихъ береговъ, бѣжа поносной
брани,

Летитъ на почтовыхъ до Вятки и Казани.“

О журналистахъ же :

„На счетъ прудящихся лѣнивыхъ забавляй.

. . . . .

Будь Пинда вѣвѣской, бросай вь противъ
иныхъ громъ ;

И вь годъ девнадцатъ разъ хвались чу-
жимъ умомъ.“

Книж. IV.

Г

Правила для писателей комедій :

„Насмѣшка острая преступникамъ напрасна:
Имъ уголовный судъ, не Талія ужасна.“

Сколько здѣсь справедливо, сколько
здѣсь оспрошы! . . .

— Все правда, но чего-то не до-
спаеть . . . все какъ-то *слишкомъ по-*
Руски . . .

Убѣдительное опроверженіе! и вопль
образецъ мнѣній многихъ выѣшнихъ *Лит-*
тераторовъ (словесниковъ)! . . .

Милосливый Государь! читали ли вы
Ломоносова?

— Ломоносова? . . . нѣтъ . . .

Посему и стихи сіи вамъ не понрави-
ваясь :

„ . . . Наборомъ ли рѣчей

Прилично похваляшь Божеспвенныхъ мужей?

Высокій сей Поэтъ, лишь Пиндару совмѣсп-
ный,

Почти по имени соопчичамъ извѣспный,

Кѣмъ свѣшу былъ ошкрытъ? Какой пиппо-
мецъ Музъ

Для насъ проникъ его и разумъ, чувство,
вкусъ?

Кто принялъ прудъ красотъ обиліе изчи-
слить ?

О Ломоносовъ кто могъ достойно мыслишь?

Кто Лирой восхитясь соземца своего,

Въ полетѣ сравнивалъ Пиндара и его?

Кто Флакка *славнаго*, гремяща въ древни
льбы,

Сличалъ, какъ судія съ пѣнцомъ Елисаветы?"

Совѣтую вамъ, Милоспивый Госу-
дарь, прочесть Ломоносова, и прочесть
не одинъ разъ. Желаю, чшобы кто-ли-
бо изъ почтенныхъ нашихъ Словесниковъ
сдѣлалъ ученый разборъ сочиненіямъ сего
нашего первѣйшаго Поэта, сличилъ его
съ прочими древними и новыми чужесп-
ранными писателями, и вывелъ бы изъ
своего разбора правила языка, стихотвор-
ства, красоты и образцы Поэзіи; мы во
всемъ семъ нуждаемся! . . .

— За чѣмъ это? мы уже имѣемъ
etudes sur la Fontaine (изученіе Лафон-
шена) . . .

Что мнѣ вамъ на это возразить? . . .
о! сколь справедливо, хорошо и ясно ска-
зано въ сихъ стихахъ :

Г 2

„Какая встарь была, нѣтъ той даражъ
цѣны.

Великій пвой Омиръ лускай воскреснепъ
нынѣ,

Не спануть о его рожденьѣ, иль кончинѣ.

Семь спорилъ городовъ, ниже одно село

Не возгласилъ, что въ миръ Пѣвца про-
извело.“

Милостивый Государь! есѣли вамъ
неудобно выхвалять сопридниковъ, вашихъ
брашій по Словесности, и не желаете,
чтобы прочіе ихъ выхваляли, то по край-
ней мѣрѣ одобрите хвалу Героямъ, за-
щитникамъ Отчества, пребующимъ всей
вашей признапельности за ихъ великія
пожертвованія ко благу и спокойствію
спраны вашей. Суворовъ - Римникскій из-
ключенъ ли изъ вашихъ похвалъ? . . .

„О ты, сіяющій у Римника береговъ,
Герой, Россіи чести и спрахъ ея враговъ!
Въ тебѣ Ахилла духъ и Ариспида нравы;
Завиднѣ чистый лучъ пвоей безсмертной
славы!

Чьей доблестъ съ мудросью не власпвуютъ
душѣй,

Не вѣрю славъ я, не истый помѣ Герой...“

„Гдѣ онъ сражается, и Марсъ не нуженъ
память!“

„Что шагъ, то поржесиво, что бой, то
лавръ побѣды.“

„Слеза сиротъ и вдовъ не моешь лентъ
пивоихъ.“

Сколько чувствъ, силы выраженій въ
сей похвалѣ! . . . .

И,

„Какъ можно не хвалишь того, кто къ
сердцу ближе! . . .

— Суворова можно хвалишь; онъ Герой,
а не записной Авторъ . . .

А сочинителя, по вашему мнѣнію, не лзя
похвалишь . . . ниже за одинъ стихъ? . . .

— Нѣтъ.

Ниже за чувства, мысли, силу вы-
раженій? . . .

„Быть можетъ къ щасію, въ толпѣ сти-
ховъ моихъ,

Внутренній Музами одинъ найдется стихъ;
Быть можетъ, знапки почтутъ его хвалами,
Украсятъ гробъ Пѣвца прѣпели цвѣтами,

И съ чувствомъ оцѣнять не мыслей красоту,
Не обороны словъ, но сердца простоту.“

— Ёстьли *Авторъ* умеръ, то такъ и бытъ; можно его когда-нибудь, и за что-нибудь слегка похвалишь . . .

А живой Сочинитель изъять изъ вашихъ похвалъ? по сему, надобно умереть, чтобы кристикъ или Журналистикъ похвалилъ Сочинителя? . . . правда; многимъ Сочинителямъ, хотя бы и слѣдовало прежде умереть, нежели что-нибудь написать, а другимъ, хотя бы вѣчно жить, но не писать; однако же, естъли такъ случилось, что и *живутъ* и *пишутъ*, то почему же за-живо не похвалишь за хорошее? . . . .

— Прошу не прогнѣваться . . . прощайте! . . . .

Вопъ, въ примѣръ, малый образчикъ качества и свойства многихъ нынѣшнихъ гриспρασныхъ разбирашелей и шолковашелей сочиненій!

(Спихотвореніе, здѣсь помѣщенное, выбрано изъ посланій въ стихахъ Графа Дмитрія Хвостова Печашано въ С. Пешербургѣ 1814 года).

Можно было бы подробнѣе и достойнѣе разобрать сіи посланія, особенно о притчахъ, спранница 31; о пользѣ критики, спран. 44; посланіе къ И. И. Дмитриеву, спран. 80, въ которомъ посланіи многія дѣйствующія лица весьма хорошо изображены; посланіе къ Расилову, спран. 85.

Также, можно было бы еще болѣе повыбрать стиховъ, какъ на примѣръ:

„Не любишь *щастіе* прикрась.“

„Видалъ *нечаянныхъ* вельможъ.“

„Исторгъ у неба громъ и склепиръ у злодѣевъ.“

„Младенцемъ опустишь при старости въ могилу.“

И прочіе . . . . но, боясь раздуть огонь зависти Зоиловъ, *пристрастныхъ* кришниковъ и Журналистовъ; я и

ограничился весьма малымъ избраніемъ, Повѣримъ истинѣ, сказанной Бюффомъ; Писателямъ нужнѣе согласіе, нежели покровительство.

Нѣкоторыя слова показалось мнѣ нужнымъ перемѣнить по общему соображенію, какъ - по: *разумы крылаты* — разумомъ крылашы; *чувствія* — чувспвіемъ; *острый Мола дворъ* — въ пышный; *кустарники* -- въ рошцы; *проворный языкъ* -- въ болливый; *и екуса будъ посломъ*, *сія въ круглой годъ двѣнадцать разъ умолю* — бросай въ прошивныхъ громъ, и въ годъ двѣнадцать разъ хвались чужимъ умомъ (какъ было въ рукописи); *духъ, разулю* — и разумъ, *Флакка дряннаго* — въ славнаго, *поздни лѣта* — въ древни, *село возгрешитъ* — возгласитъ.

А. Писаревъ.

С Т И Х И Л Ю Б В И.

Подарокъ Ан. Ме. Вил — вой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ :
 Любовь! — другаго нѣтъ въ природѣ.
 И самый знатный господинъ,
 И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
 Любовью движущся, живущъ. —
 Не слава дни даетъ блаженны;
 Мгновенья жизни вождѣлены
 Опъ сердца нѣжнаго пекущъ.

*

Для славы пошню мигъ проживъ,
 Для сердца радъ бы жить два вѣка.
 Воспламенялся и любилъ
 Есть рокъ и свойство челоуѣка.
 Дадимъ Царямъ земной весь шаръ,
 И пусть на немъ все покоряютъ.
 Но что потомъ? — Они скучаютъ,
 Когда любви въ нихъ спынетъ жаръ.

*

Любовь есть искра божества,
 Непоспнжимая причина
 Началь и дѣйствій естества;
 Любви конецъ, — души пончила.

Вездѣ находимъ суешу,
 И славы гибнущъ возгласеньи;
 Въ одномъ любовномъ восхищеньи
 Безсмертныхъ благъ мы зримъ черпу.

Взгляните вы вокругъ себя
 На все, что миръ сей населяетъ:
 Все ищетъ счастья, любя,
 Воспоргамъ чувства посвящаетъ.
 Тѣснитъ ли врагъ, Вельможъ соборъ,
 Сама-ль спиной форшуна спала: —
 Подруга сердца приласкала, —
 И вся печаль — какъ будто вздоръ. —

Творецъ шакъ свѣтъ образоваль,
 Что въ немъ любви все спрришь сила.
 Примѣровъ опытъ не казалъ,
 Чегобъ она не побѣдила.
 Всѣ дань платили спраспти сей,
 И въ спискахъ слугъ ея спояли.
 Монархи въявъ пренебрегали,
 А шайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежишь
 Самодержавіе вселенной!
 Тебѣ во слѣдъ вся шварь бѣжишь,
 Ты узель міра совершенной! —

Когда злоспраждаетъ скорбный духъ,
 Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья :
 Любовь испочникъ наслажденья
 Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Придижь теперь въ поникшій домъ
 Дѣлишь со мной невзгоды міра!
 Тебѣ давно уже знакомъ
 Песчаный садъ, каминъ мой, лира.
 Все ту же бѣдность ты найдешь;
 Но чудеса тебѣ не чужды:
 Въ богатство превращаясь нужды,
 И небо шамъ, гдѣ ты живешь!

Кн. И. Д.

VII.

ВАРВИКЪ.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
 Эдвина злой Варвикъ;
 И слышали одни берега безмолвны
 Младенца жалкій крикъ.

Опъ подданныхъ погибшаго губитель
 Владыкой признанъ былъ, —
 И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелишель,
 Торжественно вспунилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
 Спаринной Ирлингфоръ ;
 И пыщныя съ высотъ его каршины
 Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ , шумя подь древними спѣнами ,
 Ихъ пѣной орошалъ ,
 И низкій брегъ съ лѣсиспыми холмами
 Въ спруяхъ его дрожалъ .

Тамъ пламенѣлъ бреговъ на пихоужь склонѣ
 Закапъ сквозъ рѣдкій лѣсъ ,
 И шрепешалъ во дремлющемъ Авонѣ ;
 Съ звѣздами сводъ небесъ .

Вдали , вблизи , разсыпаннныя села
 Дымились по упрямъ ;
 Ощъ рѣзвыхъ спадъ равнина вся шумѣла ,
 И впориль лѣсъ рогамя .

Спѣшилъ пришлецъ , съ дороги соврапнся ,
 На Ирлингфоръ взглянушь ,
 И красошой каршины его плѣнися ,
 Онъ забывалъ свой пушь .

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ природы :
 Вотще въ его очахъ
 Цвѣтунъ лѣса , вѣся блещунъ воды ,
 И радосць на лугахъ !

И уснремитъ , препенущій , не смѣетъ
 Онъ взоры на Авонъ :
 Отшоль Зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
 Эдвиновъ жалкій спонъ .

И въ пишинѣ безмолвной полуночи
 Все топъ же слышатъ крикъ ;
 И чудятся блистающія очи ,
 И блѣдный спрашный ликъ .

Воппе Варвикъ съ родныхъ береговъ уходитъ ;
 Пріюпа въ міръ нѣтъ !
 Спрашилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
 Вездѣ за нимъ во слѣдъ .

И онъ пришель опятъ въ свою обипель ;
 А сладостный покой , —
 И бѣдности веселый посѣпитель , —
 Въ дому его чужой .

Часы стоятъ , окованы тоскою ,
 А мѣсяцы бѣгутъ ;
 Бѣгутъ — и день убійства за собою
 Не видимо несунъ .

И онъ насталь ! Со страхомъ провожаетъ
 Варвикъ ночную тѣнь !
 Дрожи ! . . . ему гласъ совѣспи вѣщаетъ : —
 Эдвиновъ смерпный день !

Ужасный день! Опъ молній небо блещеть;
 Гроза со всѣхъ споронъ;
 Дождь ливмя льепъ, волнами съ воемъ плещеть
 Разлившійся Авонъ.

Вошце Варвикъ, среди веселій шума,
 Цедилъ въ бокаль вино:
 Съ нимъ за споломъ садилъ рядомъ дума,
 Пипье оправлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродилъ
 Въ полѣ его госпей;
 Вездѣ предъ нимъ; съ лица его не сводилъ
 Пронзительныхъ очей.

И день угасъ! Варвикъ спѣшилъ на ложе...
 Но и въ пиши ночной
 И на одрѣ уединенномъ то же!
 Тамъ сонъ, а не покой.

И мнилъ онъ зрѣшь пришельца изъ могилы,
 Тѣнь брата предъ собой!
 Въ чертахъ болѣзнь, видъ блѣдный, взоръ
 унылый
 И голосъ гробовой.

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
 И погъ же слышенъ гласъ,
 Какимъ молилъ онъ, быль опцемъ Эдвину,
 Барвика въ смерпный часъ.

Варвикъ! Варвикъ! свершилъ ли данно слово?

„Исполненъ ли обѣщъ ?

„Варвикъ! Варвикъ! возмездіе гопово ;

„Гоповъ ли пвой отвѣщъ?“

Воспрянулъ онъ ; — гласъ смолкнулъ ; разъяренный ;

Одинъ во мглѣ ночной

Ревель Авонъ — но для души смященной

Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ — и въявь средь шума и волнения

Раздался смущный крикъ :

„Спѣши, Варвикъ, спасись опъ попопленья ;

„Бѣги! бѣги Варвикъ !

И къ берегу онъ спремипся. — Подъ спѣною

Уже Авонъ кипипъ ;

Глухая ночь, одѣшо небо мглою ,

И мѣсяць въ тучахъ скрыпъ.

И молипъ онъ съ подъяпыми руками :

Спаси, спаси Творецъ !

И вдругъ , — мелькнулъ челнокъ между вснами ;

И въ челнокѣ пловець.

Варвикъ зовепъ , Варвикъ манипъ рукою ;

Не внемля шума волнь ,

Пловець сидипъ спокойно надъ кормою ,

И правипъ къ берегу чолнь.

И съ прѣпенюмъ Варвикъ въ челнокъ садится;

Спрѣлой помчался онъ . . . .

Молчишь пловець . . . молчишь Варвикъ . . .

вошь , мнился . . .

Имъ слышатъ тяжкій спонъ ! . . .

На спутника уставилъ кормщикъ очи !

„Не слышался ли крикъ ?“

— Нѣтъ ! просвиспаль въ пвой парусъ

въперъ ночи ;

Смутясь , сказалъ Варвикъ :

— Правъ кормщикъ , правъ ! не скоро чолнѣ

домчится !

Гроза со всѣхъ споронъ

Ужолкнули . . . . плывушь ; — вошь , снова

мнился ;

Имъ слышатъ тяжкій спонъ :

„Младенца вопль ! онъ борется съ волною ;

„На помощь онъ зоветь !“ —

— Правъ ! кормщикъ , правъ ! рѣка одѣша

мглою ;

Гдѣ взоръ его найдетъ ? —

„Варвикъ ! Варвикъ ! часъ смерти зрѣшь

ужасно ,

„Ужасно умирашь !

„Варвикъ ! Варвикъ ! младенцу ли напрасно

„Тебя на помощь звалъ !

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;

„Облипы онъ хладомъ волнъ!

„Еще его не видимъ мы очами;

„Но онъ нашъ видимъ челнъ!“ —

И снова крикъ! и помной, и дрожащій,

И близко челнока! —

Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій

Проръзалъ облака!

И съ яркими сліялася лучами,

Какъ дымъ прозрачной, мгла;

И на скалы дился между волнами,

И понепть ужъ скала!

Пловець гребетъ; челнокъ лепитъ спрѣлою;

Въ смятеніи Варвикъ;

И озаренъ младенца ликъ луною;

И спрашно блѣдень ликъ!

Варвикъ дрожитъ, и руку, страха полный,

Къ младенцу пропянулъ,

И со скалы прыгнувъ младенець въ волны,

Къ рукъ его прильнулъ!

И вмигъ дился, челнокъ, половець, не-

зримы:

Въ рукахъ его мертвецъ;

Эдиновъ шурь, холодный, недвижимый,

Тяжелый, какъ свинець!

Утнуло все: . . . и небеса, и волны! . . .

Мачезъ въ волнахъ Варвикъ!

И слышали одни берега безмолвны

Убийцы страшной крикъ!

Съ Аглии. Жуковский.

VIII.

СЕЛЬСКІЙ ЖИТЕЛЬ (*).

Подражаніе.

Ols, knew he but his Happiness, of men
The happiest he! who far from public rage,
Deep in the vale, with a choice Few retir'd
Drink the pure pleasures of the Rural life!

Кто въ мірѣ счастья прямо цѣну знаетъ,
И сельской жизни всѣ пріятности вкушаетъ,
Въ кругу своихъ друзей, отъ шума удаленъ,
Тотъ истинно въ душѣ, покоенъ и блаженъ!

(*) Стихи сіи были напечатаны два раза, но всегда съ большими ошибками и несправностями. — Въ Журналѣ, подъ названіемъ: *Другъ просвѣщенія*, нѣсколько стиховъ было пропущено. И желаю, щобъ въ шеперешнемъ ихъ видѣ они приобрѣли вниманіе благосклонныхъ Читателей. *В. Пушкинъ.*

Нѣтъ нужды въ пошь ему, что мопть, бо-
гачь надмѣнный,

Въ черпогахъ золопыхъ льстецами окру-
женный,

Обманывая ихъ, обмануть всякой часъ!

Нѣтъ нужды, что на немъ алмазы не сіа-
юпть :

Они лишь тяжестью своей обременяюпть ;
Въ одеждѣ онь проспой свободнѣй во сто
разъ.

Онь блескомъ праздниковъ роскошныхъ не
гордится,

И въ дальнѣ моря за злапомъ не спре-
мится ;

Въ покалахъ у него не свѣшится Токай ;

Онь весель, сыпть, здоровъ, и не боится скуки.

Упѣхи мнимыя намъ обѣцаюпть рай,

А за собой несупть раскаянье и муки.

Мудрецъ, обманчивой надеждой не прельщенъ,

Онь, и душой своей, и всѣмъ обогащенъ :

Обогащенъ весны прѣшными дарами,

И лѣпней жапвою, и сочными плодами,

И осень для него гоповитъ виноградь,

Распуцій на холмахъ вокругъ масличной
оливы ;

Когдажъ бореѣ валитъ пушистый снѣгъ
на нивы,

Средь бурь и непогодъ, онь будущимъ богачъ.

Д я

Судьба пруды его успѣхомъ награждаетъ ;
 Здѣсь кравы пучныя млеко ему даютъ ;
 Тамъ спадо песпрое пригорокъ украшаетъ,
 Испочики шумящъ, и соловьи поютъ ,
 И пчелы передъ нимъ сокъ розъ душистыхъ
 пьютъ ;
 Онъ подъ жужаньемъ ихъ пріятно засы-
 паешь.

Въ природѣ все его увеселяетъ взоръ :
 Обширныя поля и злачныя долины ;
 Лѣса тѣнистые, пещеры и спремнины ,
 И быстрый водопадъ, съ крупныхъ ревуцій
 горъ.

Во храминѣ его живутъ утѣхи міра :
 Веселье, искренность, здоровье, красота ;
 Тамъ встрѣча равная для богача и сира ,
 И совѣсть каждаго покойна и чиста.
 Во храминѣ его, любви посвященной,
 Нѣтъ честолубія, коварства злаго нѣтъ ,
 И нѣжный въ ней пѣвецъ, природой вос-
 хищенной,
 На лирѣ счастье и радости поетъ.

В. Пудкинъ.

IX.

КЪ МУЗАМЪ.

Придите вы ко мнѣ, въ мое уединенье,
 О Музы! я вашъ другъ: ужель меня забыть?
 Нѣтъ, нѣтъ! виновнымъ я не могъ предъ
 вами быть!

Я вашимъ былъ всегда; ни свѣта оболщенье,
 Надежды и мечты, ниже сама любовь,
 Вливая въ сердце жаръ, мою волнуя кровь;
 Опъ ваеъ, прелеспняя, меня не опвлкала;
 Ахъ, нѣтъ, она еще къ вамъ болѣе пишала

Въ душѣ моей счастливу спрасвъ! . . .

Вы были мнѣ всегда опрадой, упѣньемъ,
 Въ заботахъ — опдыхомъ, въ печаляхъ — усла-
 жденьею;

И самыя бѣды, напастъ,

Какъ тѣни надо мной воздушныя, мелькали;
 Я ихъ не чувспвовалъ: вы сердце защищали!

Съ возвышеннымъ челомъ моимъ

Я пѣлъ, и вами восхищалаъ,

Угрозамъ рока улыбался;

Я счастливъ былъ въ душѣ: я вами былъ
 любимъ!

Теперь свободенъ я, теперь всегда я съ вами!
 Смотрише, — наше все: и розовый закашъ,
 И роши мирныя, и горь шуманный рядъ,
 Сливающій вдали верхъ гордый съ обла-
 камн. —

Чего еще желать? природа намъ даетъ
 Права все надъ собой; умѣй лишь насла-
 ждаться,

Умѣй любить ее, и берегись сбиваться
 Съ пути, по коему она къ добру ведетъ!
 Здѣсь буду съ вами я бродить въ лѣсахъ
 тѣнистыхъ,

Спускайтесь съ скалъ крупныхъ въ цвѣтущіе
 луга,

И ароматъ вдыхайте въ себя цвѣтущихъ ду-
 шистыхъ;

Иль зеркальной рѣки склонясь на берега,
 Подъ сѣнью дубовъ мечпаньямъ предавайтесь!
 —

О, счастливы, счастливы потѣ, кто можете
 наслаждаться

Воспоминаніемъ своихъ пропекшихъ дней!

Злодѣи лишены отпавы сей священной!

Увы, для совѣсти, порокомъ очерченной,
 Безмолвіе всего страшнѣе! . . .

И вы, гнушаясь пресупленьемъ,
 Бѣжите, и свой взоръ скрываете отъ нихъ!
 Вы любите тамъ быть, гдѣ миръ съ уединен-
 ньемъ,

Свобода и покой, столь чуждые для злыхъ!
 Придитежь вы сюда: здѣсь васъ по ожи-
 даетъ!

Подъ кровъ свой пишины, въ забвеніе всѣхъ
 суешь,

Съ улыбкой радостной пѣвецъ вазъ прити-
ваетъ,

И сердце вазъ свое на вѣки отдааетъ.

Волковъ.

Х.

КЪ ПАРТИЗАНУ ПОЭТУ.

Давыдовъ, баловень счастливой
Не той волшебницы слѣдой,
И благосклонной, и епѣсивой,
Вершицей мѣръ своей клюкой,
Предъ кою народъ прусливой
Поникъ просительной главой, —
Но Музы острой и шупливой,
И Марса яраго въ бояхъ! —
Пусшь грудь твоя, прошивнымъ страхъ,
Не опливаеця игриво
Въ записныхъ и цвѣтныхъ лучахъ,
Какъ радуга на облакахъ;
Но мнѣ твоей усъ краснорѣчивой,
Взращенный, завишый въ поляхъ,
И дымомъ брани окурѣнный, —
Повѣствователъ неизмѣнный
Твоихъ набѣговъ удалыхъ,
И ухарскихъ врагамъ привѣстовъ,
Колѣблящихъ дружины ихъ! —
Пусшь Генеральскихъ эпологовъ

Не вижу на плечахъ своихъ,
 Опъ коихъ часно по неволь
 Вдымаются плеча други; —
 Не всѣ бытъ могутъ въ равной долѣ,
 И жребій съ жребіемъ не схожъ!
 Иной беспрашный въ рапномъ полѣ,
 Застѣнчивъ при дверяхъ Вельможъ;
 Другой застѣнчивый средъ боя,
 Съ неколебимостью Героя
 Вельможей осаждаешъ дверь:
 Но не пужи о томъ теперъ!
 На барскую пы половину
 Ходить съ поклономъ не любилъ,
 И скромную свою судьбину
 Ты благородствомъ золопилъ. —
 Врагамъ былъ грозенъ не по чину,
 Друзьямъ пы не по чину милъ!
 Слѣщи въ объятія ихъ безъ страха,
 И въ соприиспвѣ намъ Вакха,
 Съ друзьями здѣсь возобнови
 Союзъ, священной и прекрасной,
 Союзъ и братства и любви,
 Судьбѣ могущей не подвласпной! . . .
 Гдѣ чаши свѣплаго спекла?
 Пускай ихъ рядъ въ сей день счастливой
 Успавитъ грозно и спѣсиво
 Обширносць круглаго стола!
 Сокрыпый въ нихъ рукой цѣлебной,
 Даръ благодатной, даръ волшебной,

Влагословеннаго Ли,
 Кипишь, бьешь искрами и пѣной! —
 Такъ жизнь кипишь въ молодые дни!
 Такъ за споломъ непринужденно
 Родятся искры оспрыхъ словъ,
 Другъ друга гоняшь, упреждающъ,
 И, загорѣвшись, угасающъ
 При шумномъ смѣхѣ оспряковъ!
 Ударимъ радостно и смѣло
 Мы чашу съ чашей въ звонкой ладъ!...
 Но пвой, Давыдовъ, бѣглый взглядъ
 Окинулъ кругъ друзей веселой,
 И среди насъ, осирошлой,
 Ты къ чашѣ съ грустью приступилъ,
 И вздохъ невольной и тяжелой
 Поверхность чаши заструилъ!...
 Вздохъ сердца твоего мнѣ виянень: —
 Онъ скорбной прапы тайной гласъ;
 И сей бродящій взглядъ понятень:
 Онъ ищетъ Б... ва среди насъ.
 О Б... въ, Б... въ! честь гусаровъ,
 По сердцу Вакха человекъ!
 Ты не поморщился во вѣкъ
 Ни съ блеска сабельныхъ ударовъ,
 Свѣпящихъ надъ твоимъ челомъ,
 Ни съ разогрѣтаго арака,
 Желтѣющаго за спекломъ,
 При дымномъ пламени бивака!
 Опъ сиропспивующихъ пировъ

Ты былъ оторванъ смерпью жадной!
 Такъ рѣзкой вѣпръ, посоль снѣговъ,
 Сразившись съ лозой виноградной,
 Красой и гордостью садовъ,
 Срываетъ съ корнемъ, повергаетъ,
 И въ ней надежду убиваетъ
 Усердныхъ Вакховыхъ сыновъ!
 Не удалось судьбой жестокой
 Ударить робко чашей мнѣ
 Съ твоею чашею широкой,
 Всегда попопленной въ винѣ!
 Я не видалъ данишь румяныхъ,
 И на челѣ слѣдовъ багряныхъ
 Побѣдъ, одержанныхъ побой;
 Но здѣсь за чашей круговой,
 Клянусь Давыдовымъ и Вакхомъ:
 Пойду на холмъ надгробный твой
 Съ благоговеніемъ и страхомъ
 Водяныхъ слезъ я не пролью;
 Но свѣжимъ плющемъ холмъ украшу,
 И, опрокинувъ полную чашу,
 Я жажду праха утолю!
 И мой рѣзецъ, въ рукѣ дрожащій,
 Изобразить отъ сердца стихъ:
 „Здѣсь Б . . . въ, другъ пировъ молодыхъ,
 „Сномъ вѣчноспим и хмѣля спящій, —
 „Любилъ онъ въ чашахъ видѣшь дно,
 „Врагамъ казатиъ лице средь бож. —

„Потщитесь падшаго героя
 „За честь, опшизну и вино!

К. П. Вяземской.

XI.

Г О Р Д О С Т Ъ .

Въ жаркой поддень, когда палящій зной призывалъ къ опдохновенію, Гассанъ, удалившись въ шѣниспую бесѣдку обширнаго городского сада, окруженный благовоніемъ цвѣповъ, небрежно покоился на богатомъ коврѣ. Подлѣ него сидѣла прекрасная Черкашенка, и нѣжнымъ голосомъ усыпляла сластолюбца; четыре евнуха спрорусовыми опахалами опгоняли насѣкомыхъ опъ повелителя своего, и производили легкой, прохладной вѣперокъ; въ нѣкошоромъ опдаленіи другіе невольники, преклонивъ голову къ груди, сложа руки, и прешерпѣвая упомленіе опъ чрезмѣрнаго зноя, наблюдали, чшобы никто не дерзнулъ нарушить спокойствіе ихъ господина. Кто меня болѣе! думалъ Гассанъ,

пересчитывая въ умѣ своемъ сокровища, копорья находились въ его власти. Онъ самъ долго былъ рабомъ другаго раба въ Констаншинополѣ, но разными происками нажилъ великое богатство и невольниковъ, и воображалъ теперь, что все должно ему повиноваться! Кто меня болѣе? думалъ онъ въ пріятной мечтательности! — и вдругъ вдали услышалъ громкую музыку; онъ прислушивается: музыка часъ опъ часу приближается, — и наконецъ изъ длиннаго ряду кедровыхъ деревьевъ попянулся длинный рядъ Арабовъ и другихъ прислужниковъ, несущихъ осыпаннаго камнями, Пашу, за коимъ юныя невольницы шли по-парно закрытыя съ головы до ногъ. Гассанъ поспѣшно оставляетъ свою наложницу, и спѣшишь вспрѣвшишь Султанова намѣстника съ униженнымъ видомъ, съ низкими поклонами. — Онъ старается ловить каждое слово его, старается предупредить его повелѣнія, и почитаетъ себя счастливымъ, естли Паша удостоитъ его благосклон-

Наго взгляда. Гассанъ уже не думаетъ , кто можетъ быть его болѣе: онъ сколько же унижается передъ Пашею, сколько возносился передъ невольниками !

Такимъ образомъ Гассанъ продолжаетъ шествіе съ полною другихъ прислужниковъ Паши до той части сада, въ копорую, кромѣ Султана и первѣйшихъ чиновниковъ, никто входить не осмѣливался. Передовые невольники, приближившись къ повороту, съ копораго была видна великолѣпная бесѣдка, служащая для отдохновенія Султана, съ величайшею поспѣшностію возвращаются къ Пашѣ, и доносятъ ему, что повелитель правовѣрныхъ находится въ ней; — куда дѣвалась пышность и гордость вельможи? . . . Не смотря на величайшій жаръ и на величайшую свою изнѣженность, онъ соскакиваетъ съ позлащенныхъ носилокъ, и быстро приближается къ первой стражѣ Янычаръ, копорые протіягивались на четверть берри (*) до

(*) Турецкая берри содержитъ въ себѣ шесть сотъ корокъ саженъ и съ небольшимъ два фута.

самой бесѣдки, окруженной со всѣхъ сторонъ начальниками войскъ, бѣлыми и черными евнухами. Паша хочетъ идти далѣе, но Янычары останавливаютъ его и говорятъ, что подъ смертною казнію запрещено, кому бы то ни было, пройти впередъ болѣе трехъ шаговъ: ибо въ противномъ случаѣ легко можно произвести шорохъ, и пробудить Магомедова преемника!... Гордый Паша долженъ былъ повиноваться. Протекло нѣсколько минутъ, — и подлѣ бесѣдки раздалась огромная музыка. — Вотъ знакъ Султанова пробужденія! — Вся спража одушевилась! и можно ли было не радоваться времени его пробужденія, въ которое не почиталось за проступокъ говорить, двигаться и жить, когда напрошивъ во время Султанова сна малѣйшее движеніе было строго наказано, и все должно было быть мертвымъ!

Паша, съ раболѣпствомъ самаго низкаго невольника, приблизился къ Султану, и простерся предъ нимъ; но Повелитель правовѣрныхъ, спѣсенный

со всѣхъ сторонъ другими раболѣпствующими вельможами, не замѣшилъ его, и продолжалъ изъ золотой чаши прохладить жаръ свой, возпламененный солнечнымъ зноемъ и прелестями юныхъ Одалисковъ. Толпа первѣйшихъ чиновниковъ Государства ожидали малѣшаго повелѣнія Властителя своего; толпа красавицъ, избранныя прелести Европы и Азии, наперерывъ старались пробудить усиленные его чувства; наконецъ толпа Янычаръ, по первому его мановенію, готова была поднести шелковую пеплю какому-нибудь мяшежному намѣстнику, или привезти отрубленную его голову. Чего недостаетъ моей власти, думаетъ сей мгновенный владыка? — Народы, моря и вѣдра земныя служатъ и повинуются мнѣ! подданные почищаютъ меня, какъ Аллу своего . . . Тогда, какъ онъ договаривалъ сіи послѣднія слова, вдругъ упалъ сверху бесѣдки опломокъ съ острымъ желѣзомъ худо прикрѣпленнаго дерева, ударилъ его — и сей богъ земный былъ уже безъ дыханія! . . .

Через нѣсколько дней Гассанъ, проходя подлѣ новой гробницы Сулпановой, увидѣлъ бѣднаго Турка, обскрабающаго кусокъ мрамору. „Что ты хочешь изъ него сдѣлать, спросилъ Гассанъ?“ Это опломокъ, отвѣчалъ ему Турокъ, одного надгробнаго камня: сосѣдъ мой разсказывалъ, что онъ поспавленъ былъ надъ какимъ-то великимъ человекомъ, котораго имя давно между нами уже неизвѣстно; послѣ сей памятникъ совсѣмъ разрушился, и отъ него остался теперь одинъ только кусокъ: я изъ него дѣлаю себѣ чашу для омовенія!...

Слѣвъ.

НЕ ХУДО ИНОГДА И ОПОЗДАТЬ.

(Разговоръ о Трагедіи, подъ названіемъ: *Покоренная Казань, или Милосердіе Царя Іоанна Васильевича, проименованнаго Грозныя, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Александра Грузинцова, въ Спб. въ Император. Типографіи 1811 года*) (*).

Какъ жаль, что опоздалъ! — уже болѣе половины это дѣйствія, сказала я, вошедши въ свою ложу. Это правда, отвѣчалъ мнѣ мой почтенный пріятель Гнъ. Благолюбіе; но не жалѣй, ты ничего не потерялъ! — Мы здѣсь сначала пѣсы; слушали очень внимательно, а не видали еще ни одного дѣйствія! — Садись, остальное посмотримъ вмѣстѣ; авось впрямь увидимъ болѣе! Мы занялись остат-

(*) Она представлена была на нашемъ театрѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Даяно полученная пѣса сія не могла до сихъ поръ быть напечатана по разнымъ обстоятельствомъ. — Окончаніе пѣсемъ о Херасковѣ вложено до самаго книжки.

комъ Трагедіи. — Она скоро кончилась — или, лучше, скончалась! Не правда ли, что много прекрасныхъ стиховъ и сильныхъ сценъ, сказалъ племянникъ моего пріятеля! — А мнѣ кажешся, ни шого, ни другаго, отвѣчалъ холодно Благолюбовъ. — Но еслили въ самомъ дѣлѣ встрѣчаюшся въ ней по моему прекрасныя стихи, копорыхъ я не припомню; еслили есть двѣ, три сильныя сцены, копорыхъ я не видалъ: то все это не можешъ еще соспавить Трагедіи. Не понятно для меня, продолжалъ онъ, какъ можно рѣшишься, сочинишь цѣлую Трагедію для шого только, чшобы написать нѣсколько порядочныхъ стиховъ, и заставишь нѣсколько сотъ слушателей терпѣть и мучишься три часа? — Вы очень строги, дядюшка, возразилъ молодой человекъ. Я справедливъ, и долженъ быть такимъ, отвѣчалъ Благолюбовъ, особенно передъ тобою. Тебѣ нуженъ совѣтъ искренній. Ты молодъ, имѣешъ самъ талантъ, и можешъ быть, когда-нибудь соблазнишься сочинишь Трагедію съ такимъ же легкомысліемъ, съ ка-

кимъ соблазняешься теперь сшишь модной фракъ! — Есть много людей, — и съ большимъ дарованіемъ и большою опытностію, — которые пишутъ стихи, и приносятъ удовольствіе и пользу Читайтелямъ; однакожь они не принимаются за Поэмы и Трагедіи: ибо чувствуютъ недостатокъ силы къ произведенію столь великаго дѣла. Совсѣмъ тѣмъ ихъ дарованія уважены; и, по моему, гораздо выгоднѣе занять пріятно Читайтеля коротенькою пѣсенкою, нежели заставитьъ звать за огромною Трагедіею въ 5 дѣйствіяхъ!

Я внимательно слушалъ замѣчанія моего почтеннаго пріятели. Первое и второе дѣйствіе сей Трагедіи, продолжалъ онъ, обращая ко мнѣ, составлены изъ холодныхъ воспорговъ, восклицаній и безпрестанныхъ повторовеній. Я расскажу тебѣ ходъ трехъ дѣйствій; и ты увидишь, справедливъ ли я? Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія, Эмира рассказываетъ Сумбекъ, что Казань взята, стѣны ея разрушены, и что одни чер-

Е 2

поги Царицы оспались цѣлы. Хотя такого рода холодные рассказы, какъ необходимое зло, въ Драмѣ позволены для того, чтобы показать зрителью мѣсто и начало дѣйствія; однако весьма неестественно безъ нужды разпространять ихъ, особливо, еслили говорящее лице войдетъ въ блестящія подробности о томъ, для чего довольно бы было нѣсколькихъ словъ, и что уже у зрителей передъ глазами; — такимъ образомъ говоритъ Эмира болѣе дюжины стиховъ излишнихъ. Прилично ли, въ сію спрашную милушу, когда рѣшилась судьба Казани, когда городъ наполненъ побѣдителями, и когда они окружаютъ самой входъ въ чертоги Сумбеки, занимаешь симъ двумъ словоохотнымъ сестрамъ пышными описаніями сраженій? И правду сказать, изъ сихъ велерѣчивыхъ описаній состоить не только это явленіе, но и все первое дѣйствіе. Прилично ли Сумбекъ, по долгу Царицы, по чувству состраданія къ бѣдствіямъ своихъ подданныхъ не знаетъ всего этого раньше и лучше всякаго, и что для нея за

новость слышашъ , что черпоги , въ которыхъ она присутствуетъ , одни шокмо не згорѣли и не разрушены? — Можешъ бытъ , другой оспорожнѣйшій стихопворецъ , началъ бы такимъ образомъ: Царица! неприятели твои предъ вратами твоихъ черпоговъ; и , по моему мнѣнiю , сдѣлалъ бы гораздо лучше. Но нашъ писатель спокоенъ. — Для него Иоаннъ , и шумъ оружiя , и вопль побѣдителей далеко: онъ , казался , завѣсилъ золопомъ стиховъ своихъ уши двухъ сестрицъ , которыя начинаютъ обыкновенной женской споръ опомъ , въ чемъ онѣ не увѣрены , — о любви Алеевой. Сумбека вопрошаетъ Эмиру: можешъ ли она льститься свиданiемъ съ Алеемъ? добрая Эмира отвѣчаетъ , что ей совѣмъ не время заниматься теперь любовными мыслями. Сумбека увѣряетъ , что она любитъ Алея , и имъ любима ; старается оправдывать его поступки съ нею , хвалитъ его добродѣтели ; попомъ подробно и пышно описываетъ ужасы войны , взятiе Казани , смерть брата своего и пр. и пр. и пр. — И правду мол-

вишь, доказала, что она это искусство лучше знает, нежели Эмира, которая сперва было хотѣла попробовать силъ своихъ надъ риторическою фигурою, называемою *описаніе.иъ.* — Бѣдный зритель! — ты въ школѣ декламации, а не на театрѣ! — что по сію пору мы узнали? — Еще спрашиваю: — и Сумбека, и Эмира не болѣе насъ знакомы съ общественными чувствами и намѣреніями; но онѣ все знаютъ, но ничего не знаютъ, по всему вѣрятъ, по ничему не вѣрятъ . . . Прочти Трагедію, она уже напечатана, — ты со мною согласишься. — Но вотъ стихи Сумбеки (*);

Что я любима имъ, сомнѣнья нѣтъ ни
мало,
Въ томъ взоръ его меня и сердце увѣряло.

(*) Не должно удивляться, что пріятель мой столько много помнитъ стиховъ изъ Трагедіи; ибо онъ привыкъ всегда возить съ собой печатной экземпляръ той пьесы, которую представляешь, особливо новой, дабы удобнѣе и болѣе наслаждаться представленіемъ.

Вчера, какъ мой престоль предъ Иоанномъ
 палъ,
 И городъ преклоняся вполсѣдній возспеналь:—
 Алей мнѣ подшвердилъ всѣ прежни кляпвы
 снова,
 Что рокъ мой премѣнитъ любовь его гопова.
 и проч.

(спр. 5 я)

Надобно знать, что Сумбека, хотя
 весьма неопредѣленно, намекаешь, что
 она надѣется еще опшспитъ Иоанну, и
 что исполненіе сего намѣренія основыва-
 ется на любви къ ней Алея. Иной
 любитель шапра потчасъ вспрыгнешъ
 опъ радости, и скажешъ: *вотъ узелъ!* Не
 шупъ-то было! — мы эшого не дождемся.
 Другой, можешъ бышь, спроситъ: но
 почему же она узнала мысли и рѣшимость
 Алея, который находился, и находишь
 при Царѣ? У Сумбеки гоповъ и на эпо
 опшвѣшь;

Вчера, какъ мой престоль и пр. . . .

Благородное и весьма кспаши любов-
 ное свиданіе, дѣлающее честь, и Сумбекъ
 и Алею, другу Иоанна! — Не бойшесь

однако! — изъ послѣдствій увидите, что Сумбека въ семь случаевъ лжешь на Алей. Ели она и видѣлась такимъ образомъ кое-гдѣ неизвѣстно: то къ чему же прудилась рассказывать ей столь много добрая Эмира? — Но, можете быть, сказалъ я, она не для однихъ любовныхъ изъясненій свидѣлась съ Алеемъ; можете быть, она имѣла намѣренія политическія: спасеніе прона, опечества, собственной свободы? Впрочемъ, сказать правду, совмѣстно ли это съ гордостью Сумбеки, чтобы въ то самое время, когда Алей предводительствуетъ войскомъ врага ея, и, можете быть, собственными руками умерщвляетъ ея родныхъ, — въ это время, искашь его помощи, и просишь покровительства? И какъ послѣ сего вѣришь, что Сумбека управляется истиннымъ чувствомъ оскорбленнаго честолюбія, униженной гордости и сильной любви къ опечеству? — Не горячись, опеччалъ мнѣ Благолюбъ, она въ любовномъ чаду, или просто въ чаду; доспоминство ея характера, какъ трагиче-

сказо, здѣсь весьма унижено. Но въ этомъ виноватъ не одинъ Авпоръ; и у Господина Хераскова Сумбека не очень благородна. Но слушай далѣе. Вотъ и Алей нашъ (2е явл.) приходишь самъ; сей спрасный Сумбеки любовникъ весьма холодно увѣряетъ обожаемую имъ особу, что рокъ ея плачевной перемѣнился, что всюду лишина, и Башыева спрана процвѣшетъ снова; искренно увѣряетъ ее, что Россы храбры, и у нихъ пылаетъ жаръ въ крови, хопя и родились они на Сѣверѣ, и что лишивъ ее царства и града,

Премудрый Россовъ Царь, Великій Іоаннь,
Свободу чрезъ меня Сумбекѣ возвращаетъ.
и пр. и пр.

Вотъ плоды предварительнаго полишческаго свиданія! — Нѣтъ ничего несноснѣе въ Драмѣ, какъ *намбрение безъ слѣдствія*. Но дѣло еще не въ томъ, подхващилъ я, гдѣ характеры? — Что такое Сумбека, что такое Алей? гдѣ любовь? . . . или, они оба очень спранны, или оба другъ друга не понимаютъ. . . . Спрасной любовникъ Алей, прервалъ меня

Благол., утѣшаешь ее слѣдующими сладкими словами :

Сколь много я спрадалъ, споль нынѣ вос-
хищенъ,
Что пламень сей любви бытъ можетъ
награжденъ!

Гдѣ шупъ природа, гдѣ шупъ любов-
никъ, и такъ ли дѣйствуюшъ, и такъ
ли говоряшъ спраспи? Но я еще не вижу
изъ вашего разсказа, говорилъ я, ни ха-
рактера, ни спраспи; я даже не пони-
маю послѣднихъ стиховъ. Ужь не на-
смѣшка ли эщо со спороны Алея! такъ
шупишь съ женщиной, и припомъ съ
Царицею!... Сумбека съ Алеемъ раз-
умѣюшъ другъ друга, отвѣчалъ Благол., а
до слушашелей имъ дѣла нѣшъ! Она да-
же на всѣ не учпивыя нѣжности Алея оп-
вѣчаетъ шакъ, какъ будшо въ первой разъ
ихъ слыщипъ. Однако время было и раз-
гнѣвашься! Сумбека опвергаетъ свободу,
предложенную ей Иоанномъ, и пребуешъ
опъ Алея, чшобы онъ мспилъ за нее. —
Спрашиваю теперь у васъ Гда., какая бы
женщина, выслушавъ споль холодное при-

въспівіе любовника, и исполненная честнo-любiя, рѣшилась сдѣлать столь ужасное предложеніе? Какъ могла она даже вѣришь челоуѣку, споль мало принимающему въ ней участiя! Но это еще не все, Алей ужъ бранился;

Чтобъ руку я вознесъ (на Іоанна)! какое ослѣпленье!

Достойно-ль чувства мои хъ столь гнусно преслуленье!

И по обыкновенной своей холодности, продолжаетъ, сколько можно, болѣе упрямиться, и увѣщаваешь Сумбеку не предпринимай споль дерзкаго дѣла, увѣряя ее въ великодушiи Іоанна, копорый имѣлъ право еще жеспочае наказатъ Сумбеку и подданныхъ ее, и былъ сполько милоспивъ, что даруешь ей и другимъ плѣнникамъ свободу!... Ты не вѣришь? — почно такъ! справься (спран. 9 я и 10 я). Вошь какъ завязывается узель, о копоромъ такъ рано мы мечпали! Дѣло идетъ безъ завязки, безъ инприги; — Алей упрямится, и Сумбека упрямится. — Чшо жъ чуднаго, прерваль я, ежели Гнъ. Грузинцовъ изъ этого ни то, ни сіо составилъ че-

шыре акта. — Иной плодовишой Стихо-
пворецъ можеть ихъ составишьдесять.—
Не говорите объ авторѣ, отвѣчалъ мнѣ
Гнъ. Благолюбы. Мы должны даже и въ
обыкновенныхъ разговорахъ судить толь-
ко о пьесѣ, и забыть личность! Какая
мнѣ надобность до имени пворца? — оп-
давъ свое пвореніе на Театръ, или въ
печать, онъ отдаеть мнѣ его на судъ: это
мое право! я такъ же бы спалъ говорить,
хотя бы это была своя пьеса; но пой-
демъ далѣе! Между тѣмъ, какъ наши
вишязи спорящъ ни о чѣмъ такъ долго,
приходитъ Царя Іоанна опричникъ, и объ-
являетъ прямо Сумбекѣ повелѣніе явить-
ся ей къ Государю. Причѣмъ подробно
описываетъ ей, въ какой часпи Дворца
можеть она видѣшь Іоанна:

Въ ту часть черноговъ сихъ, гдѣ Волгскіа
спруи,

Къ Башневыхъ врапамъ несуть валы свои.

Такая почность дѣлаеть особенную честь
Гну писателю; ибо Царица могла бы
зайти не въ то мѣсто, и долго не см-
скашь своего побѣдителя! . . . .

Сумбека оспазаетса одна съ Эмирою, и продолжаетъ увѣрять, что Алей къ ней спраснетъ; что опомснитъ за нее, и она будетъ поржествовать. Послѣ всего сказаннаго Алеемъ на двухъ, или на трехъ спраницахъ, можноли думать и увѣрять, что Алей совершенно приметъ ея спорону — сей Алей, которой изъ люшаго мщенія за обиду, нанесенную ему Ордами, соединился съ непріятелемъ Сумбеки и своего опечества, былъ виновникомъ его погибели, и содѣйствовалъ явно къ низверженію прона любовницы, обагрить руки въ крови родныхъ ея и своихъ согражданъ? Можеть бытъ, скажутъ другіе въ оправданіе Сумбеки, что любовь къ Алею ослѣпила ее. — Еспьли сіе чувешво владѣеть ея сердцемъ, то оно удовлешворено; ибо Іоаннь соединяетъ ее съ Алеемъ; — ей возвращается то, за что лспинная любовь часто жершвуетъ самимъ прономъ. Но съ другой спороны не повѣрю я, чтобы любовь къ опечеству, къ свободѣ благородной воспламеняла ее; ибо въ семъ случаѣ она должна бы воз-

ненавидѣшь Алея, или опрещись опъ него, не искашь споль поспыдно его помощи, не унижаешься предъ нимъ, особенно предъ его оскорбительною холодностію. Это маскарадныя, наряженныя лица въ любовниковъ, которыя не знали другъ друга, но угадывали! — Слава Богу, что пришелъ опричникъ, а то бы эптошь разговоръ былъ вѣчной. Вотъ дѣйствіе уже кончилось! — Чшожь въ немъ есть? спросилъ я. Ничего, опвѣчалъ мнѣ Благолюбъ. По крайней мѣрѣ, продолжалъ я, должна бы бытъ какая-нибудь рѣшимость со стороны Сумбеки, или Алея: они говорили много, а ничего не выдумали, и разошлись, какъ сошлись. — Слѣдователь но первое дѣйствіе не заставляетъ ничего ожидать, а пошому . . . А пошому подхватилъ Благолюбъ, можешь ты безъ всякаго убышка оторвать его опъ купленной книги, когда угодно. Въ самыхъ посредственныхъ Трагедіяхъ, какія шолько являлись на бѣломъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ первое дѣйствіе служило къ тому, чшобы познакомить съ характе-

рами лицъ; скажи искренно: узналъ ли ты, что Сумбека? — Царица ли, достойно поддерживающая санъ свой, или любовница изшупленная? — Что Алей, вѣрной ли ей любовникъ, или вѣрной другъ Царя Рускаго? *ни того, ни другаго!* Въ семъ отношеніи Гнъ Авшоръ пошерялъ изъ виду занимательность главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Сумбека не производилъ въ зрителяхъ никакого къ себѣ участія. Мы жалѣемъ о несчастныхъ, благородныхъ, великихъ людяхъ, кои не заслужили несчастія, и спраждушь, и о тѣхъ, которые несчастны пошому, что не въ состояніи противишься силѣ спрасшей, свойственныхъ всѣмъ челоукамъ. Дѣйствіе, сказалъ я, еснѣ душа Драмы; говоря, должно дѣйствовать и говорить только для того, чшобы дѣйствовать; но скажите, ради Бога, я повшорю вашу мысль, съ какимъ намѣреніемъ приходилъ Алей къ Сумбекъ, и къ чьей сторонѣ онъ болѣе приязанъ? Есшли онъ, какъ страстной любовникъ, хотѣлъ видѣшь возлюбленную, и предупредилъ ее о посланіи Царя, шо дол-

женъ былъ объяснишь сіе; еспьли онъ желалъ предложить ей свои услуги, шо не преподавалъ бы ей холодныхъ напавленій полишки. Царемъ же онъ не былъ посланъ къ Сумбекъ; ибо въ противномъ случаѣ не явился бы опричникъ; а за чѣмъ и какъ онъ приходилъ, этого уже ни-кто не разшолкуеть; словомъ, онъ приходилъ безъ плана, безъ цѣли, говорилъ, чтобы ничего не сказать и своимъ бездѣйствиємъ уничтожилъ первое дѣйствіе! —

Посмотри, сказалъ мнѣ Благол., какъ пѣшится раекъ надъ этими столь забавно одѣшыми Лапландцами! . . . , какое веселье! . . . какое хлопанье! Оставьте ихъ, прервалъ я; лучше поспудитесь рассказать мнѣ и второе дѣйствіе такъ, какъ вы рассказали первое . . . . По сердечному авторскому собратству желаю я усердно найти въ этой Трагедіи что-нибудь хорошее. Можетъ быть второе дѣйствіе поправишь все дѣло!

Второе дѣйствіе, отвѣчалъ мнѣ почтенный Благол., начинается возгласомъ

Иоанна, въ которомъ содержишя все то же, что мы слышали въ первомъ дѣйствіи отъ Эмиры, отъ Сумбеки и отъ Алея: то есть, что Казань взята, Сумбека покорена, Россія торжествуетъ, и проч. и проч. Все сіе рассказываетъ Царь самыми пышными стихами. Не знаю, почему не эпімъ началась Трагедія: все бы, кажется, ближе было, если бы не къ дѣлу, то по крайней мѣрѣ къ концу, столько для слушателей возжелѣнному. Прочитавъ около сорока великолѣпныхъ стиховъ, Иоаннъ наконецъ *объявляетъ*, что Ханъ, спѣшившій на помощь Казани, имъ предупрежденъ, и Шемякинъ съ Палецкимъ посланы прошивъ него. Торжественно потомъ объявляетъ милосердіе побѣжденнымъ. Кажется и объ эпомъ, по словамъ вашимъ, уже было говорено, сказалъ я. — Точно такъ: но вопль новое, или не новое, для того, чтобы сдѣлать какуюнибудь сцену, или разговоръ, отпѣчалъ Благолюбу; — полководцы: Курбской и Троекуровъ подають совѣтъ Царю бытъ осторожнымъ прошивъ Ташаръ, увѣряя,

Ж

Книж. IV.

что они злы и мстительны, и что за
бѣдствія, нанесенныя ими Россіи, не до-
стойны они ни милосердія, ни пощады.

Не должно было намъ щадить упорный
градъ,
*Но истребить мечемъ враговъ послѣдній
ядъ!*

Говорить грозный Троекуровъ; пылая мще-
ніемъ, хочешь онъ непременно истребить,
то есть выпустить мечемъ послѣдній
ядъ враговъ.

Но Царь, милосердую о побѣжденныхъ,
не внемлетъ ему. Россія опомщена, го-
ворить онъ, чего болѣе?

Какой изъ Россовъ вождь со храбрыми пол-
ками

Не зрѣлъ тѣла враговъ, простертыхъ въ
полѣ тѣмами!

Вездѣ опъ Россовъ смерть Ордамъ страшна
была. стран. 20 я.

Какъ будто смерть опъ кого-нибудь
другаго не такъ бываетъ страшна? ска-
заль я. Молчи! онъ вѣчалъ мнѣ Благолюбіе;
ты сей часъ вбормешь, и троизанешь:

Кровавая рѣка изъ блѣдныхъ Муръ стекла.

О трепещь! не правда ли, что это ужасно прагматически!

Но вопль второе явление: выходящъ, Сумбека, Эмира, Алей. — *Алей съ Сулбекою!* прервалъ я; ему въ это время было бы приличнѣе быть при Царѣ! Тебѣ что за дѣло до него? отвѣчалъ мнѣ Благол. — Ему такъ хочется! Однако, возразилъ я, — не забудьте, что Алей первой другъ и совѣтникъ Іоанна; онъ, кажется, долженъ быть при немъ, и особенно въ то время, когда дѣло идетъ о судьбѣ покореннаго народа и самой Царицы. Еслили онъ преданъ Сумбекѣ, то опять приличіе требовать скрывать сіе чувство, и устраниаясь всякаго подозрѣнія, по крайней мѣрѣ прищворно удалять-ся отъ нее въ глазахъ ея непріятеля. Но еслили онъ приверженъ къ Іоанну, что ясно видно изъ мыслей, имъ обнаруженныхъ въ первомъ дѣйствіи, то тѣмъ болѣе присутствіе его необходимо при Царѣ! — Я не понимаю Алей и Сумбеки; поступки ихъ безпрестанно противорѣчатъ ихъ словамъ, слова поступ-

Ж 2

камъ , и никакъ не опредѣляютъ ихъ характера! Сохраненіе отношеній пребудеть.. Отвѣжайся ты съ своими отношеніями! все одно да одно! они не хопяшь имъ занимашься, и *гуторятъ* между собою; — для нихъ такъ лучше! —

Сумбека , началъ опять Благол. , съ благородною , непоспимимою гордоспю , копорой непримѣпно было въ ней въ имъ дѣйствіи , говоритъ предъ Царемъ о превращности щаспія , о брѣнности мірской славы; увѣряетъ , что и она была бы непременно великодушною , еспли бы удалось ей оспаться побѣдипельницею ! — Царь предлагаетъ ей свободу , поручаетъ Алею опвеспи ее въ Нижній-Новгородъ , и самому опправипься съ нею. Сполько надмѣнная доселѣ Сумбека опвѣчаетъ сими словами :

Ты нанесенной мнѣ судьбой спягчилъ ударъ;
О тратѣ ужъ вѣнца я меньше сожалѣю,
Что побѣдипеля шоль щедрого имѣю.

Попомъ Царь , обращаясь къ своимъ Воеводамъ , приглашаетъ ихъ , воздашь

благодареніе Богу, и *уходитъ*. Все спарое, кромѣ одного послѣдняго слова: *уходитъ!*

Оспяются Алей, Сумбека и Эмира, и начинается заговоръ. Какъ? — прервалья, заговоръ? — гдѣ? въ тѣхъ же чертогахъ? Да! сказала Благолюбы, они оспяются не только для заговора, но и для волшебства, для призыванія ада; вопъспихи, обращенные Сумбекою къ супругу, копорый шакже былъ волхвъ (?!!!)

. . . . . о вѣрной мой супругъ,
Нещасливой жены о слабоспяхъ жалѣя,
Возспанъ, явися мнѣ, тѣнь грозна Сафгирея!
Во чувспвія мои *пролей свой черной ядъ*,
Подвигни въ помощь мнѣ *тебѣ послушный*
адъ, —

Чудесное швое до *нынѣ* волхвованье!

(А онъ давно уже умеръ!??)

Преобрацало всей природы *основанье!*

Ты въ небѣ пресѣкала горящихъ бѣгъ спѣ,
шилъ!

Явися Сафгирей, подай супругъ *силъ!*

Уже шряхнувъ землей, онъ бездны отвер-
заетъ,

И пламень мщенія во грудь мою вѣдрлетъ,

Почувештовала мочь геонскаго огня,
И снова ободрясь, Сумбека спала я!....

И вопшь нѣжный опвѣшь любовника,
который, сдѣлавъ сперва обыкновенный
свой панигирикъ Царю, своему другу,
говоритъ своей возлюбленной :

Жестокостью пвоей гнушается природа,
И не воспавитъ мечь Ордынскаго народа!
Ни мужъ пвой Сафгирей, ни грозныхъ
власъ волхвовъ,
Не могушь устоять противъ меча враговъ!

И наконецъ увѣряешь ее, что она
поздно зашѣваешь опмщеніе, лишившись
важнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ и вол-
хвоващелей, которыхъ дѣянія и чудесно-
спи *весьма кстати*, какъ спрастной лю-
бовникъ, который ни объ чемъ другомъ
говоритъ не умѣешь (спр. 24), туть ей
припоминаешь. — Иная бы разсердилась
на его холодныя напоминанія; — нѣтъ!
гордая Сумбека даже сказала и слѣдую-
щій стихъ: (Богъ съ нею, не подумала,
кому говоритъ!)

Одинъ остана ты защитникомъ Казани!

Спранныя вещи! . . . Въ одно и то же время признаешь въ своей слабости пропивъ Россіи, и на служащаго Россіи Полковода Алея, исключительно на одного его, возлагаешь всю надежду своего царства! — Въ то же время хочешь умереть; и въ то же время весьма ксташи добрая сестра Эмира восклицаетъ предъ нею за себя и за слушателей Трагедіи:

Какая спрашна мысль, какая лютость рока!

Что же Алей? возразилъ я! *Сострадательный человекъ!* онъ сердечно сожалѣетъ о рѣшившейся умереть, и вскрикиваетъ, какъ свойственно любовнику: Блаженства моего послѣдній меркнетъ лучъ!

И попомъ:

Сумбека! ты мой вновь разсправила раны;
Ты злѣе для меня, чѣмъ въ свѣтѣ всѣ пи-
раны(!!!)

И попомъ, когда нечего было говорить, прибѣгнулъ онъ къ подозрѣнію на бѣдную, хопя и виду никакого для этого не было:

Или невѣрна ты? . . . или я гонимъ судьбой!

Само по себѣ разумѣется, что Сумбека должна была клястися, и убѣждать въ своей вѣрности; но, слава Богу, это было непродолжительно, и послѣ обыкновенныхъ восклицаній, сказавъ ужасную несовмѣстность въ двухъ стихахъ:

*Окончилась моя держава въ сей столицѣ!
Сумбека быть должна на тронѣ, или въ
гробницѣ!*

Уходишь, и Алей въ спрашномъ отчаяніи своего возшоргѣ, когда адскія бездны разверзлись предъ нимъ, говоритъ о потерѣ своего покоя:

Какой ужасной богъ разторгъ души покой?

и послѣ? . . . послѣ, Г. сочинитель зналъ, что человекъ одинъ самъ съ собою, въ такомъ положеніи, долженъ быть изтулленнымъ; но, кажется, позабылъ, что до сего испуленія онъ обязанъ былъ довести его естественнo, то есть, показавъ напередъ, ошъ чего возшоргѣ. Иначе то же будешь, что здороваго заставишь бредишь, такъ какъ бредишь въ горячкѣ. — Что же даѣе? — спросилъ я, — заана-

вѣсь опускается, опшвѣчалъ Благолюбы. И такъ мы, и при окончаніи вшпораго дѣйствія — все на помъ же мѣстѣ! — Теперь видишь шы, что иногда не худо и опоздать!

Почтенный поварищъ мой хотѣлъ было продолжашъ свои замѣчанія; но вдругъ разшворилась дверь въ нашей ложѣ; влепашъ одинъ мой знакомый: бѣшенство въ лицѣ, беспорядокъ на головѣ и въ головѣ! Не правда ли, кричалъ онъ, піеса прекрасная, прекрасная! — какіе стихи! — какая выразишельность! — Благолюбъ спокойно хотѣлъ ему опшвѣчашъ; но онъ побѣжалъ вонъ, ероша на головѣ волосы, и звеня шпорами по коридору.

Если бы еще пара такихъ храбрыхъ крикуновъ, то піеса шоржешшвовала бы! — сказалъ Благолюбъ. Вооруженные шпорами и зшонкимъ голосомъ, они зашавяшъ всѣхъ согласишься съ собою, сказалъ я. Эшо должностные глашатаи, возразилъ Благ., они не ошопники до разсуждений; имъ бы шолько прокричашъ то, что услышали за полчаса опъ другой зна-

чущей для нихъ особы; а завтра сей господинъ вѣрно опсупишся опъ словъ своихъ! . . . Чпо вы говорите, прервалъ я, завтра? онъ и шеверъ не понимаетъ чпо говоритъ, и не заботишся понять! — . . . .

Тупъ вдругъ грянула музыка; мы обратились къ сценѣ, и увидѣли балетъ.

. . . . .
. . . . .

И такъ занялись опять Трагедією! —

Третіе дѣйствіе начинаеть Сумбска слѣдующими стихами :

Намѣрясь кончить жизнь, чего спрашишь-
ся болѣ?

Могу-ль несчастнѣй быть, но жизнь въ мо-
ей ли волѣ?

Она небесной даръ . . . но для чегожъ мнѣ
жить?

И землю, лишь собой гнушаяся тягчить!

Не говорю объ языкѣ, сполько неисправномъ. — Но какъ забавно слышатъ изъ успъ Сумбеки (которую мы знаемъ, какъ весьма неблагочестивую и безнрав-

отпвенную, и которая въ семь же моно-
логѣ сама это докажетъ) слѣдующія бла-
гочеспивыя слова: *она* (т. е. жизнь) *не-*
бесной дарѣ и проч! . . . .

Прилично ли особѣ, занимающей цар-
отпвенный санъ, слѣдовашельно оплеча-
ющейся, еспли не способностями, зави-
сящими опъ образованности своего вре-
мени и опъ воспитанія, по, по крайней
мѣрѣ, врожденною высокостію своего ду-
ха (ибо шаково требованіе искусства изящ-
наго и опъ добрыхъ и опъ злыхъ геро-
евъ: опъ Магометовъ и Надировъ, пред-
ставляемыхъ когда - либо въ хорошихъ
Трагедіяхъ), — прилично ли, говорю, думашъ
слѣдующимъ образомъ:

И такъ пускай умру: но съ тѣмъ, чшобъ
смерть моя,

Во мрачну вѣчность духъ Сумбекинъ низведя,
Съ собою увлекла Россійскихъ странъ подпору.
Пойду, предстану я лобѣдоносца взору,
Вонжу безстрашно мечь во ненавистну
грудь,

И отворю за нимъ себѣ ко гробу лупь.
Пускай, увидя трупъ бездушной предъ очами,
И кровь мою изъ ранъ текущую ручьями,

Неистовый Алей, когда онъ спраспелъ
мною,
Въ отчаяннѣ своемъ пераается тоской!

Это могъ сказать Италіанской Ла-
зарони, за деньги идущій съ скрытымъ
кинжаломъ на убійство; это говорили и
дѣлали только шайные агенты разбойни-
ка Наполеона: но и онъ самъ лично со-
хранялъ приличія, происшій ему не
принадлежація; — онъ по крайней мѣ-
рѣ хорошо припворался!

Но вошь являешся гонецъ, чрезъ ко-
торого Ханъ Крымскій обѣщаетъ Царицѣ
возвратить провъ, и въ награду пребуешъ
руки. С у м б е к а колеблешся. — Слава
Богу! наконецъ завязка, воскликнулъ я,
обрадовавшись ей, какъ любезному госпю,
совсѣмъ неожиданному. — Здѣсь начнеш-
ся проптивоборствіе спраспей: любви съ
чесполобіемъ! — Ты ошибся, сказалъ
миѣ Благолюбъ, Сумбека не долго оспаешся
въ нерѣшимости!... два спиха, и она
черезъ воина даешъ слово Хану, ешья
онъ усаѣешъ въ своемъ намѣреніи:

Скажи, когда мой пронзъ и власть воспла-
новишься ,

Желанье пвоего властителя свершится....

Оспавшись одна съ Эмирою, она уже
раскаивается , или просто, повпоряешь
по же, что тысячу разъ прежде сказала.
И та , которая за минушу рѣшалась
убить сама подлою измѣною Иоанна, вос-
кликается , или лучше, лжетъ на себя :

Иль мыслишь ты , что я , давъ Хану объ-
щанье,

И возбудиши въ немъ къ сраженіямъ же-
ланье ,

Не оскорбляя честь, могу его презрѣть,
Иль безъ Алея жить и горести терпѣть,

Съ однимъ спряженной бышь, и клятву на-
рушая ,

Обманывать его , къ другому спрашивать пи-
тая ?

Толь чувства низкія не сродны сей душѣ!...

И послѣ этого потчасъ хочешь
мстить Алею ; по крайней мѣрѣ, сіе на-
мѣреніе разположено въ меподическомъ
порядкѣ со всею холодностію размышля-
ющаго философа :

Эмира ! побдишь любовь мнѣ прежде долж-
но. . . .

Привыкнутьъ должно мнѣ изкоренить сей
ядъ , и проч.

И здѣсь есть черта , доказывающая
Азіатскую кровь , не царскую , а кровь
невольника , упившагося опиумомъ :

Сразу льстеца , лишь чѣмъ сразить его
возможно . . . .

То есть , чѣмъ ни попало : рогашиной , ду-
биной , ухапомъ , вилами , пленомъ ! . . .

Эмира утѣшаетъ ее , уже утѣшен-
ную ! . . . Вдругъ входить Алей , кошора-
го , примѣшивъ Сумбека , падаетъ на ру-
ки Эмиры ! . . . Въ обморокъ ? спросилъ
я ; нѣтъ , просто падаетъ ! . . . Можетъ
быть , это положеніе ей казалась прога-
шельнѣе , опивчалъ Благол . Алей , увидя
ее въ такомъ состояніи , произноситъ
слѣдующіе *страстные стихи* :

Какое зрѣлище является очамъ ! —

Въ волненіи спраспей , пропиваясь небесамъ ,
Возненавидѣла Сумбека жизни сладость ,
Въ перзаніяхъ души находить люту ра-
дость .

И мести поцарясь , не видитъ моря бѣды ,
Закрывъ глаза , на всѣ опасности идетъ !

Холодный и привыкшій къ подобнымъ
връщамъ подлѣкаръ, сказала я, принялъ
бы болѣе участвія, нежели сей любовникъ,
и выразился бы приспойнѣ!

Возненавидѣла Сумбека жизни сладость!

Онъ спросу подумалъ, что Царица
и подлинно умираетъ; но не шутъ - по
было; она потчасъ опевѣчаетъ самымъ
здоровымъ, богатырскимъ голосомъ, а со-
всѣмъ не такимъ, какъ водится, гово-
рящъ послѣ обморока. Противъ ея лю-
бовныхъ укоризнъ Алей началъ проповѣ-
дывать все то же, что проповѣдывалъ
въ 1 мѣ и 2 мѣ дѣйстви, т. е. холодныя
свои политическія разсужденія, которыя
однако, годились бы по крайней мѣрѣ для
такой Поэмы, какъ новая Пеприада:

Какой топовишь ты себѣ въ попом-
ствѣ спыдъ!

Что Азія о семъ убійствѣ возгласитъ?

Не защитишь тебя всеильна власпъ про-
рока!

Сумбека, покоришь опредѣленью рока!

Ужъ больше не воспашъ поверженнымъ Ор-
дамъ,

Прешель ихъ царству часъ и свѣплымъ
поржествамъ.

Судилъ Россіи Богъ вознесъ главу вѣнчанну,
И власпи грозной жезль вручилъ онъ Іоанну.
Уже вездѣ уста Пророчески гремятъ,
И таинство судьбъ грядущихъ намъ гла-
сятъ :

Что съ времени сего премудрыми Царями,
Россія скиптръ проспретъ надъ сушей и
морями,

На Западъ и на Югъ проложитъ къ славъ
слѣдъ,

Вселенна не вмѣспитъ числа ея побѣдъ.

И добродѣтели, чпо удивяли древность
Воздвигнетъ средъ Москвы закономъ общимъ
ревность ;

Со страхомъ узритъ Понть и Бельтъ пол-
ночныхъ чадъ ;

И житель шѣхъ береговъ, гдѣ зыблется Ев-
фрапъ.

Обширны обласпи и Царства потрясенны
Повергнушя къ спопамъ, ихъ силой пре-
клоненны ;

Огнь ищенья попуши, будь счастлива со
мною !

Могъ ли знашь Алей тогда о Понть
и о Бельтъ? — и еспьли зналъ — кспа-
ши ли говоришь эшо предъ любовницею

въ споль крипическую минушу? Но вошь Сумбека объявляешъ ему о посланіи опъ Хана, и о данномъ имъ обѣщѣ освободить Казань опъ непріятелей. Алей, движимый ревностію, сердится не на шушку, и никакъ не соглашается уступить Хану такое сокровище, какъ Сумбека; клянется, что Юаннь будетъ имъ пораженъ, конечно для того, чшобы любовница не доспавалась въ чужія руки, и послѣ сбирается самъ умершвишь себя, и уходитъ. (!!!) Сумбека въ восторгѣ произноситъ:

Эмира! не мечпаль? уже-ль Казански стѣны,
И падшій мой престоль вновь будутъ воз-
веденны?

Всего надѣюсь я, когда мой врагъ умретъ! —
Алея же любовь Сумбекина спасетъ.

*Падшія стѣны и престоль будутъ возве-
денны, — когда мой врагъ умретъ!* повто-
рилъ я; это просто восторгъ.

Любовь Сумбеки спасетъ Алея!

О живопворная, чудесная любовь, любовь Сумбекина! . . . Чшо говоритъ о сохра-
неніи характеровъ! нѣтъ десяти спи-
ховъ сряду, которые не прошиворѣчили

Книж. IV.

3

бы другъ другу! Можешь бышь, это слѣд-
ствіе волнуетаго сердца? — грервалъ я...
хорошо, да гдѣ это сердце? его не видно ни
въ одномъ снпхѣ! Такъ пишушь нынѣ
Трагедіи! . . .

Вошъ, сказалъ Благолюбъ,
кончилось прешье дѣйствіе. Каковы
наши герои? онвѣчалъ я; они ужъ зале-
тѣли въ четвертое дѣйствіе, а мы съ
вами, въ продолженіи всего этого времени,
узнали только то, что Сумбека запѣваешь
какъ - то дѣйствовашъ! — Алей все
виновашъ, сказалъ Благол.; онъ очень уп-
рямъ, только не шакимъ образомъ, какъ
Цинна, какъ Секстъ! О это другое дѣ-
ло! съ ними забываешь время и все, а
здѣсь... а здѣсь, при слушаніи Траге-
діи, мнѣ словно какъ на морозѣ, все меч-
палось о каминѣ. Я бы уже со-
гласился, чтобы Авиноръ погрѣшилъ про-
пивъ не снюль важнаго правила: сешав-
ленія пяпи актовъ, а ограничился бы,
хощь тремя, хощь двумя, хощь однимъ;
да сохранилъ бы важнѣйшія и необходи-
мыя требованія Драмы, и разирощался бы
съ нами, и мы бы ужъ давно были дома;

да и сочинитель сдѣлалъ бы себѣ прибыль: остальные дѣйствія годились бы для другой Трагедіи, ибо ему все равно; онъ не заботился: идушь ли онъ къ дѣлу, или нѣтъ! Эпо правда, ошвѣчалъ я, великіе и необъятные подвиги Алея и всѣхъ героев Трагедіи, какъ по сію пору кажешся, спорно могутъ умѣститься на одной сшраничкѣ! —

А какъ вы думаете о послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ! прервалъ я; ты самъ ихъ видѣлъ, и можешь судить: — хоть куда! — По моему, 4е и 5е дѣйствіе имѣеть сходство, сказалъ Благолюбы съ шрепшымъ и послѣднимъ дѣйствіемъ Трагедіи славнаго нашего Стихотворца Княжнина, *Титово Милосердіе*: Іоаннь — Титъ, Алея — Секспъ; Сумбека — Вишеллія. Да, ошвѣчалъ я, есть сходство, и точно такое, какое находишься между картинами безсмертнаго Рафаеля и домашняго маляра Ефрема (*).

(*) Искусство Ефремово стало извѣстно свѣту слѣдующими стихами:

Глядите, вотъ Ефремъ домашній нашъ маляръ!
Онъ въ списаваннѣ лицъ имвалъ чудесной даръ;

Въ Трагедіи Княжнина, въ 3 явленіи і дѣйствіи уже начинаешся завязка заговоромъ прошивъ Тиша, заговоромъ, въ копоромъ участвують первые Римляне; слѣдовательно опаснымъ для Императора. Сей заговоръ продолжается чрезъ всѣ при дѣйствіи, и готовится уже, принявшихъ въ немъ участіе, зрителей къ развязкѣ, осмѣляя ихъ въ безпрестанномъ страхѣ о жизни Тиша. Въ Трагедіи же, *Покоренная Казань*, до сихъ поръ не было никакой завязки, никакого заговора, а просто разговоръ, или спранныя побранка между Алемъ и Сумбекою. Цѣлыя при дѣйствіи проходятъ только въ томъ, что Сумбека сердился на Алея; Алея уговариваетъ Сумбеку. Зрители, которыхъ Гнъ. Авторъ не разсудилъ занять движеніями сердца, составляющими всю сладость Трагедіи, сомнѣніемъ, страхомъ и нѣжнымъ соспраданіемъ къ судьбѣ любимаго ими Героя, который спраждетъ невинно, или по

И кисть его всегда надъ смертными играла,
Архипа Сидоромъ, Луку Фомой писала!

слабости, всё своёйспвенной;(*) — зри-
ли имѣють одно только безпокойство ни-
чего не ожидашь, зеваешь часно, и спраши-
вашь сосѣдъ у сосѣда, скоро ли кончится!
Въ Трагедіи Гна. Княжнина, видимъ Ге-
роя, колеблемаго сильно съ одной спороны
честію, благодарноспію, съ другой лю-
бовію, — спрасстію, всё другія побѣж-
дающею; открываешся заговоръ, произ-
водишся судъ; — преспупники осуждающ-
ся на смершь, и гошовы пріапшь казнъ; —
зришели въ безпокойномъ ожиданіи; —
Типъ прощаешь измѣнниковъ: — вездѣ
жизнь, вездѣ дѣйспвіе! — Здѣсь, п. е.
въ милосердіи Іоанна, Троекуровъ извѣ-

(*) Прибавимъ: самой Іоаннѣ неудачно представлень въ
въ Трагедіи; онѣ совершенно внѣ связи. — Про-
говорить два или три хорошіе монолога, не значитѣ
дѣйствовать. Напротивъ того Типъ естеспвен-
но введенъ въ дѣйспвіе, какъ отвергнувшій Випел-
лію, и имѣющій намѣреніе сочешатъся бракомъ съ ея со-
перницею. — Здѣсь, конечно *не такой*, однако нуженъ
былъ *какой-нибудь* узелъ, которой бы чаще достав-
лялъ намъ удовольствіе видѣть Іоанна. „А ма-
ло ли ему говорять прекрасныхъ разсказовъ? — вс-
разятъ мнѣ. Милостивые Государи! еще повторю,
разсказы зло необходимое, но все зло; изящество сти-
ховъ въ раз казъ подслащаетъ піесу, но не въ со-
спояніи сдѣлашь его существенною частію Трагедіи
или Комедіи. — И такъ, когда хвалитъ Трагикъ
разсказомъ, то онѣ хвалитъ пуснымъ. С.

щаетъ Царя о заговорѣ и возмущеніи Алея, и говоритъ, что возмущеніе прекращено, толпа разсѣяна, виновный годъ стражей, Іоаннъ его прощаетъ; все кончано. Слѣдовательно, опасность миновалась, прежде нежели зрители ее узнали. Они могутъ заснуть: дѣло обойдется и безъ ихъ участія. Алей съ толпою черни (!!!) дѣлаетъ заговоръ пропивъ Іоанна, и скрываетъ заговорщиковъ, какъ говоритъ самъ Авторъ, въ какихъ-то *тѣщихъ сводахъ*; и онъ, и заговорщики сіи до того были слабы и ничтожны, что Троекуровъ разогналъ ихъ однимъ своимъ прибытіемъ. Все это не ожидаемо, не продолжено и не кончено драматически. Нѣтъ ни подробностей, ни обстоятельствъ, могущихъ сдѣлать сей заговоръ занимательнымъ. — Все такъ *тоже* и не приспойно, какъ *тоже* своды, въ которыхъ совершилось дѣло. — Въ Драмѣ и злодѣяніе должно имѣть видъ нѣкого благородства, и быть достойно того Героя, которой совершаетъ его, и много, пропивъ котораго оно совершается, дабы чрезъ то удостоиться мѣста

на сценѣ. Великодушіе шѣмъ болѣе имѣеть цѣны, чѣмъ преступленіе важнѣе, чѣмъ болѣе влечеть за собою опасныхъ слѣдствій. — Къ мастерскому разположенію Гна. Кнежнина, продолжалъ я, прибавьте еще: благородство языка, силу и возвышенность чувствъ, гармонію стиховъ, постоянно выдержанные характеры, которыми сей незабвенный Поэтъ - подражатель украсил опечесвленный Театръ, и которыми Гнѣ. Авторъ *Покоренной Казани* подражатель не разсудилъ за благо. . . . Я хотѣлъ еще говорить, но мой почтенной Благолюбы, взявъ меня за руку: полно, братъ, сказалъ, скучно! — мы очень много заговорились; ты же самъ между журналистами, вздумаешь это напечатать, — и бѣда Читателямъ!... Не будемъ привязчивы, будемъ лучше снисходительны къ недоспакамъ и погрѣшностямъ писателей драматическихъ! — Искусство труднѣйшее! — Не на одномъ Гнѣ. Авторъ ошлягошлъ грѣхъ. — Много у насъ подобныхъ Трагиковъ, и потому только я разболтался съ тобою объ этомъ.-- Правда, что и горько! — кто только знаетъ ла-

дить стопы, да приискивать риемы, всякой уже пишешь Трагедию! — Будто въ этомъ соспойтъ она? — — Но все къ лучшему, все къ лучшему! -- пусть пишущъ и прудящся: ошибки, наблюденія и пруды вѣдущъ къ совершенству. Поѣдемъ домой!

Мы вышли изъ ложи, и, проходя мимо паршера, встрѣшили стоящую при входѣ въ оной какую-то купеческую чету, довольно пожилыхъ лѣтъ. „Ну! плакали наши пять рубликовъ, Трофимовичъ, говорила жена; шолько что въ креслахъ-то повеличались, а то, Богъ знаетъ, что предспавляли, ни смѣшно, ни печально! „Это, дура! Трагедія, опвѣчалъ мужъ. Дура Трагедія, повшорила жена, качая головою; шеперь и пряникомъ не заманишь меня въ Трагедию. Послѣдняя Трагедія, что прыгали-то, и ничего не говорили, была все шаки смѣшнѣ!“ Сказала и поплелась за своимъ Трофимовичемъ. Почтенный Благолюбы смѣялся ошъ добраго сердца. — Мы еще-было приосшановились послушать суждений Публики... но карешу нашу подали. . . . . Сирѣбъ.

Конецъ IV книжки.

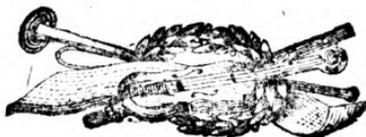
А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

5454

М А Й.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Печатать дозволяется съ пѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Мая
18, дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Девгубскій.

64571

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Обь Анакреонѣ.	1
II. Изъ Тассова Освобожденнаго Іерусалима. Пѣснь XV.	35
III. Опшельникѣ, (Сказка)	61
IV. Элегія.	66
V. На день рожденія Хлои.	69
VI. Опъ Аннушки Маминкѣ при подаркѣ Альбома.	72
VII. Для Альбома.	76
VIII. Къ Добродѣтели.	77
IX. Надпись къ портрету.	80

Оглавление.

	Стран.
X. Прибавленіе къ нѣкоторой Одѣ.	80
XI. Надгробная.	—
XII. Россіада. Письмо къ другу. О характерахъ.	81

О Б Ъ А Н А К Р Е О Н Ъ .

Слава и достоинство Греческихъ поэтовъ опредѣлены вѣками; всѣ просвѣщенные народы согласно признали ихъ учителями вкуса и образцами Поэзіи. Не спорно, что и въ ихъ времена были поколѣнія такихъ Стихотворцовъ, которые жили и умирали при подошвѣ высокаго Парнасса; можетъ быть, и у нихъ не одинъ Фаэтонъ на отеческой колесницѣ покушался обшечь вселенную, и не одинъ оплаканъ Гесперійскими Наядами: но надобно согласишься, что подъ ихъ небомъ особенно рождались — Поэты; Аполлонъ былъ имъ роднѣе, природа знакомѣе и ближе. Не говорю о Гомерѣ, Пиндарѣ, Алцеѣ, Спезихорѣ и о другихъ причтенныхъ къ лику Музъ за высокость, или благородство ихъ духа: предложу объ одномъ Анакреонѣ, спяжавшемъ вѣнокъ безсмертія своими играми, смѣхами и даже небрежностію. Невѣжественный по

помокъ давно засѣялъ плевелами тѣ прекрасныя поля, на которыхъ онъ собиралъ цвѣты; пѣлъ свои забавы, или рѣзвился съ Граціями и Амурами; но мы еще въ правѣ повторить то, что нѣкогда сказалъ о немъ Гораций: *nes, si quid olim iussit Anacreon, delevit aetas*. Онъ нашелъ вѣрное средство пержить современниковъ и вѣки: ибо умѣлъ изобразить наслажденія и чувства всѣхъ вѣковъ; въ самыхъ играхъ своихъ начерпалъ природу, которая никогда не измѣняема. Таково было искусство Греческихъ Поэтовъ; таковы Анакреоновы оды! Напередъ предложимъ здѣсь нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Естьли время, просвѣщеніе и обществительства имѣють вліяніе на духъ писателей: то Анакреонъ былъ щастливѣе своихъ предшественниковъ. Онъ родился около 532 года до нашего лѣтосчисленія, когда для Греческой Словесности занялась уже заря золотого вѣка. Громы побѣдоноснаго Кира попрятали въ то время Азію: но они не падали на Тесось, оше-

чество Анакреоново, процвѣтавшее на Іонійскихъ берегахъ. Отца его называютъ Скиѳиномъ, мать Эецією; и говорятъ, что онъ производилъ опъ Царскаго поколѣнія Кодровъ. Можетъ быть, повѣствованіе о такомъ его произхожденіи есть одно слѣдствіе блистательныхъ талантовъ его; впрочемъ, надобно думать, что въ нѣдрахъ только изобилія и нѣги можно быть взлелѣяну съ такимъ духомъ, съ какимъ видимъ Анакреона въ его твореніяхъ.

Еслили вѣрить Максиму Тиру, то Поэтъ сей уже въ юныхъ лѣтахъ своихъ является такимъ, какимъ спелъ наконецъ и въ могилу. Его скоро узнали въ Микалѣ, куда стекались изъ всѣхъ городовъ Іонійскихъ, для отправленія празднества Нептунова. Тамъ все шумѣло отъ удовольствія; все оглашаемо было ликами празднующихъ; и юный Поэтъ, упитанный дарами Бахуса, явился на спогнахъ шумнаго города; увѣнчанный цвѣтами; пѣлъ пѣсни; и водилъ за собою толпу

и ршеспивующаго и , можетъ быть ; удивленнаго народа.

Когда слава переносила изъ страны въ страну имя Анакреоново : тогда звуки очаровательной лиры его услышаны были и на тронахъ тирановъ , до высоты которыхъ рѣдко доходили вопли угнетенной невинности и суровой испины. Поликратъ , Тираниъ Самосскій , прославилъ себя имъ , что призывалъ ко Двору своему славнаго сего мужа , и умѣлъ цѣнить таланты его. Онъ любилъ дѣлить время съ Анакреономъ , какъ съ другомъ и насавникомъ ; и , можетъ быть , не было никогда другаго Анакреона , которой бы искусство могъ вкрадываться въ сердца тирановъ , и преподавать имъ полезныя уроки. Естьли справедливо , что Поэтъ умѣлъ преобразить сердце Поликрата , и пріучилъ его къ чувствамъ челоѣколюбія и нѣжности : то тысячи гражданъ должны были благословлять ту лиру , изъ которой извлечена была сія благотворная сила.

Теперь послѣдуемъ за Анакреономъ въ Аѳины, гдѣ давно ожидаешь его дружество. Уже великолѣпная о пятидесяти веслахъ галера несетъ его по водамъ Эгейскимъ къ сыну Пизиспратову, протѣсцирающему съ берега руки свои; уже любимецъ Бахуса всупаешь на землю, освященную Палладою, и въ кругу восторженныхъ Аѳинянъ запѣваешь любимую пѣсню: „*Станемъ пить вино въ весельѣ, станемъ Вакха величать.*“ Мудрено ли было Анакреону съ его шалантами шоржесествовать въ томъ градѣ, гдѣ Поэзія почиалась святынею, и Поэты не назывались иначе, какъ священнымъ именемъ жрецовъ, или наперсниковъ божественнаго Аполлона? Иппархъ, Симонидъ, зрячъ Демокидъ и другіе именитые, мужи были его друзьями; въ часы опдохновенія, они приходили къ нему принимашь уроки, и пили изъ той его чаши, которая распворяема была удовольствіями и водою забвенія, врачующею сердца, удрученныя заботами. Онъ жилъ семь лѣтъ въ Аѳинахъ, дѣля время, то съ друзьями, то съ

Музами. Изъ 32 его Оды можно заключать, что онъ былъ въ оплавленной Бактрианѣ, путешествовалъ по Сиріи и Индіи. Но наконецъ переселился навсегда въ свое отечество съ омышами, какъ единственными сокровищами, приобретенными имъ въ спранахъ чуждыхъ (*). Загород-

(*) Вообще сія Ода, переведенная съ Греческаго И. И. Маршвинымъ, обогатила нашу словесность многими древними твореніями.

На любовь свою.

Когда ты споль искусень,
 Что можешь сосчитать
 Всѣ листья на деревьяхъ,
 Или морской песокъ;
 То поручаю только
 Тебѣ и одному
 Сочесать моихъ любовницъ.
 Ну, помни жъ: придицай пять
 Ихъ у меня въ Аѳинахъ;
 Къ симъ приложи еще
 Въ Коринѣхъ подкъ несмѣтный: —
 Ахейскій городъ сей
 Красавицами славенъ, —
 Либійскихъ положи,
 Іонскихъ и Карійскихъ
 И Родосскихъ красощъ
 Дѣтъ тысячи невступно. —

ной домъ былъ его наслѣдіемъ и убѣжищемъ; свидѣтели пропекшей юности, зеленѣющія виноградныя и миршovyя рощи осѣняли сѣдѣющую главу его.

Съ одной стороны море, покрытое оспровами, съ другой прелестныя поля и долины оживляли до самой смерти игривое его воображеніе. Изъ содержанія его Одъ видно, что онъ писаны имъ большею частію въ сіе время.

Амуры и Бахусъ свели наконецъ пляшущаго своего спутника въ могилу на 84 году его жизни. Граждане Теоса, признательные къ великимъ талантамъ его

Чтожъ изумился ты? —

О Сирскихъ и Каневскихъ

Еще я не сказалъ;

О Крицкихъ пожъ ни слова,

Гдѣ таланта свои

Свершаетъ сынъ Венеринъ. —

Но какъ тебѣ сочестъ

Гидарскихъ, Бактріанскихъ

И Кадикскихъ красотъ,

Душъ моей любезныхъ?

воздвигнули ему великолѣпную гробницу и прекрасную сшапую. Въ Теосѣ часто находили картины и медали съ его изображеніемъ. Въ цинадели Аѳинской, даже во времена Павзанія, видна была его сшапуя посреди Перикловой и Ксантшиповой. Изъ древнихъ медалей видно, что Анакреонъ имѣлъ наружность очень пріятную; на лицѣ его изображена нѣжность, благородство, любезность и прощосердечіе; глаза, исполненные огня, показываютъ понокость и оспрошу его ума, веселость характера, наклонность къ любви и удовольствіямъ.

Многіе возстають противъ его нравственности. Славный де ла Нозъ укоряетъ его въ неумѣренномъ безчинствѣ, въ развратѣ ума и сердца: но Еліанъ и Лефевръ сильные его защитники; другіе ученые доказываютъ также, что онъ былъ презвъ и даже цѣломудрецъ. За его презвостъ можеть ручаться 57 я Ода, гдѣ приказываетъ онъ мальчику къ пяши ешаканамъ вина примѣшать десятишь

спакановъ воды, и говоришь прямо, что мы не по Скиоски и не въ безчинствѣ будемъ пить (*). Его развращъ почишаю я болѣе умственнѣе, нежели дѣйствительнѣе, и приписываешь его надобно болѣе свободѣ и веселости характера, нежели сердцу.

Онъ сочинялъ пиршественныя, или, такъ сказать, застольныя пѣсни, любовныя стихи, элегіи, гимны, эпіграммы; написалъ Поэму на любовь Улисса къ Пенелопѣ, и другую подъ названіемъ: *Снавидѣніе*; сверхъ того стихи о *врачебномъ искусствѣ* и другіе многіе.

(*) Подай мнѣ, мальчикъ, чашу,

Дай изъ нее клѣбнуть.

Воды спакановъ десять

Въ нее влей, пять вина,

Чтобъ хмѣлю поубавить,

✽

Ну, чтоже? дайце мнѣ!

Мы не по Скиоски спачемъ

Въ безчинствѣ пить вино,

Но попивая пиho,

Прекрасныя пѣсни пѣть!

Кипо знакомъ хоть нѣсколько съ Ана-
 креономъ, не можешь не пожалѣть о по-
 терѣ шаковыхъ его пвореній. Впрочемъ
 довольно Одъ и Эпиграммъ до насъ дошед-
 шихъ, чшобъ судить о геніѣ сего Поэта.
 Мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ
 Одахъ. Онѣ писаны нарѣчіемъ Іонійскимъ,
 опличающимся своею сладостию: планъ
 ихъ простой; нѣтъ въ нихъ шѣхъ поры-
 вовъ, беспорядковъ и оцщущеній, ка-
 кія свойственны сильно воспорженнымъ
 Лирикамъ; онѣ ссшоятъ обыкновенно въ
 аллегорическомъ повѣспвоваціи, или въ
 изображеніи красотъ природы, или въ
 изліяніи прелестнаго чувства, и всеъ во-
 обще коротки. Первая Ода показываетъ,
 что онъ, не знавши ни Аристокелевой,
 ни Гораціевой Піишики, умѣлъ разбирашь
 и судишь самаго себя. Природа и сердце
 были лучшими его учителями.

Онъ хощѣлъ славишь Апридовъ и вос-
 пѣлъ Кадма, но струны его лиры изда-
 вали помный звукъ и пѣли любовь. Ана-
 креонъ переспроиваль лиру, перемѣняль

струны, и начиналъ пѣть подвиги Иракла,
 Но что же? Непокорная лира вздыхаетъ
 и швердитъ одну любовь. Анакреонъ
 послѣ сего обращается къ Ироямъ, и го-
 воритъ имъ; просните навсегда; ибо
 лира моя велитъ мнѣ пѣть одну любовь.
 Вотъ все содержаніе Оды. Съ перваго
 раза видѣвъ языкъ истинно стихопи-
 ворный; Поэтъ оживотворяетъ свою
 лиру, переливаетъ въ нее свои чувства, и
 даетъ ей голосъ, которымъ она пѣла толь-
 ко то, что у него было на сердцѣ.

Мнѣ пѣть было Апридовъ,
 И Кадма пѣть бы мнѣ:
 Но лишь примусь за лиру,
 Она звучитъ любовь.
 Вчера я новы струны
 На лирѣ навзаль,
 И спалъ было иройство
 Иракла воспѣвать;
 А лира все швердила
 Любовь мнѣ вопреки,
 Прощайте же Ирои!
 Мнѣ лира пѣть шеперь
 Велитъ одну любовь.

Вторая Ода посвящена женщинам, и прекрасна даже по тому, что представляется очень остроумно преимущественно и шорже, сиво красочы надъ всякою силою. Красавицы наши могутъ чинить ее въ переводѣ Г. Державина; и еспди угодно, пустьъ гордящая, щасливыймъ удѣломъ, копорымъ ихъ надѣлила щедрая природа. Она красой ихъ надѣляетъ, и симъ даромъ

„Огонь и мечъ и щитъ“

„Красавица сражаетъ.“

Посмотримъ на измоченнаго Эропта. Кто теперь его не знаетъ? но какъ же онъ обманулъ провпосердечнаго Анакреона! — Ночь была темная; утомленные люди спали крѣпкимъ сномъ; какъ вдругъ коварный божокъ спучился въ дверь его. Анакреонъ спрашиваетъ: кто спучилъ такъ дерзко и прерываетъ сонъ мой? Эроптъ проситъ отпереть двери, и увѣряетъ, что онъ ребенокъ, что заблудился въ темную ночь, взмокъ и цѣпляется. Чувствительный Поэтъ, пронутый сими словами, пошчасъ зажигаетъ свѣчу, впу-

скаешь мальчика; и, хотя видишь за плечами его лукъ, колчанъ и крылья: но, или по невѣденію, или по забвенію нимало его не подозрѣваешь; напротивъ того подводишь къ огню, мнешь холодныя руки его, и выжимаешь мокрыя кудри. Чпужь далѣе? — Едва успѣлъ опогрѣться гость, какъ началъ натягивать лукъ свой; „Каковъ-то, молвилъ лукъ? въ дождѣ, чай, повредился.“ И съ сими словами неблагодарный пускаетъ оспрую стрѣлу въ самое сердце гостепріимнаго хозяина. Сего не довольно; онъ вспрыгиваетъ, пляшетъ и такъ издѣвается:

*„Поздравь меня, хозяинъ!
Мой лукъ еще годился,
Тыжь будешь въкъ крушилься.“*

Вымысль оспроумень, аллегорія прелестна. Хипросии божка и проспосердечіе Поэна, жестокость одного и боль другаго изображены здѣсь живыми и точными красками. Такъ опасно доврять коварному сыну Киприды! Такъ плашеть онъ за состраданіе и ласки! Послѣ сего

не лъзя не повѣришь его матери, кою рая
цѣвкогда, ища сына-бѣглеца, и рассказывая
его примѣны, сама — разумѣется; только
въ несчастіи — сказала сію правду:

*„И правды не ждите, хитрецъ, онъ въ
шуткахъ ужасенъ.“*

Мы имѣемъ два перевода сей Анакре-
новой Оды, одинъ бессмертнаго Ломоно-
сова, другой Г. Маршанова; первой прія-
тень, и употребляется вмѣсто пѣсни,
другой ближе къ подлиннику; оба имѣютъ
свою цѣну и даже преимущество предъ
Французскимъ Г. Лафонтена, кою рой
называютъ неподражаемымъ. Но всѣ сіи
переводы не имѣютъ той силы и сладости,
какая въ подлинникѣ; и надобно признаться
съ Г. Лагарпомъ, что Анакреонъ въ са-
момъ дѣлѣ не переводимъ:

Теперь поспѣшимъ шуда, гдѣ Музы
связали Эрота цвѣтами. — Видно съ боги-
нями шупипъ не такъ удачно, какъ съ
смертными! Вотъ содержаніе, или пере-
водъ прелестной сей Оды: „Нѣкогда Му-

„зы связали цвѣтами Эроша, и отдали его
 „подъ спражу красощъ. Киприда ищещъ
 „сына, и обѣщаетъ награду за выкупъ
 „его. Тщешны заботы ея! Музы соглас-
 „ны бы были разпутать плѣнника, но онъ
 „самъ того не хочещъ; сей плѣнь для не-
 „го милѣе свободы.“ — Кто могъ гово-
 рить такъ коротко, подробно и ясно?
 Не было ли бы излишнимъ и высканнимъ
 все то, что другой могъ бы къ сему при-
 бавить? Не льзя довольно надивилъся
 шоль великому искусству выражать мыс-
 ли и чувства съ такою пріятною просто-
 тою и очаровательною небрежностію.
 Читай, и снова перечитывая прекрасныя
 Анакреона Оды, неволью подозрѣваешь,
 что онѣ писаны не имъ, а самими Муза-
 ми. Онѣ шолько могли пересказать намъ
 такими словами о побѣдѣ своей надъ Эро-
 томъ. Ахъ! естли бы ширянь сей на-
 всегда оспался узникомъ богинь и красо-
 ты, тогда опть спрѣлъ его не болѣли
 бы сердца смертныхъ, которыя и безъ то-
 го подавлены заботами и горестями. Но
 какъ вѣришь сему вѣпреному и вѣроломъ,

тому опроку? онъ успѣлъ обмануть са-
 михъ богинь. Смотрите: — онъ уже въ
 Лемнось; тамъ обливаешь желчию тѣ са-
 мыя стрѣлы, которыя мать его Цише-
 ра только шеперь омокала въ сошны ме-
 да; тамъ спростишь ковы бранноному бо-
 гу; — я разумью здѣсь другую не менѣе
 прекрасную Анакреонову Оду. Вотъ сла-
 бой переводъ ся :

„Въ пещерахъ Лимнійскихъ супругъ
 „прекрасныя Цишеры коваль изъ спали
 „стрѣлы любви. Киприда омокала ост-
 „рие ихъ въ сладкой медъ; а сынъ Эрошъ
 „между тѣмъ растворялъ ихъ желчию.
 „Возвращающійся съ битвы Марсъ попря-
 „садъ ужасное копие свое, и смотрѣлъ съ
 „презрѣнїемъ на стрѣлы любви. Тогда
 „Эрошъ говоритъ ему:“ вотъ одна очень
 „птяжелая, испытай, ты самъ узнаешь“.
 Марсъ беретъ въ руки стрѣлу, Киприда
 улыбаешся. „Такъ! воскликнулъ Марсъ
 „со стономъ, она очень птяжела, возми
 „шеперъ назадъ.“ „Коварной Эрошъ въ
 „ошвѣтъ ему : оставь ее у себя.“

Какая крапкосшь въ словахъ , и какое обиліе въ мысляхъ ! сколько изображено здѣсь разныхъ характеровъ ! Одинъ испыавъ невѣрносшь супруги , но любя ее спрасшно , скрѣпилъ сердце свое , и молчипшь , какъ бы ничего не примѣчая ; онъ во всемъ ей пошеорспвуешъ , и въ угодносшь гошовъ ковашъ шѣ самыя спрѣлы , кошорыя для него споль убивспвенны. Другой сполько шеперь возврашилсся съ бишвы ; копіе его еще дымипся кровію , видъ мужеспвенъ , сердце окаменѣло. Кто бы повѣрилъ , чшобы сынъ Зевеса могъ бышь когда - нибудъ и опъ кого-либо побѣжденнымъ ? но маленькая спрѣла любви рѣшила судьбу его , и вздохъ вылетѣлъ изъ глубины сердца . . . Подлѣ него спопшь богиня любви ; какъ она мила и прелеспна ! какъ сосспрадашельна къ нещаспнымъ ! Видите ли ? она беретъ участіе въ шѣхъ злополучныхъ , для кошорыхъ пріугошовлены сіи изошренныя спрѣлы ; она омокаешъ оспріе ихъ въ медъ , желая , хопъ нѣсколько усладитъ гореспи , и облегчипшь боль , причиняемую Дропомъ. Но

Книж. V.

Б

чему она улыбается въ сіе самое время, когда другой выпускаетъ шажелой вздохъ?— Теперь опгадали: это были одиѣ приманки и оболщенія; сею улыбкою открылась припворная душа ея. А опъ сего шалуна — Эроша въ пакихъ лѣтахъ можно ли было ожидать подобныхъ хипропей? Конечно опъ наученъ, тому самую матерью. Словомъ, перпѣніе добраго супруга, мужество и слабостъ Героя, уловки и шоржество жены — прелестницы, проказы избалованнаго дитяти, и наконецъ всѣ радости и печали, встрѣчающіяся въ любви, списавы Анакреономъ съ самой напуры; и менѣе нежели въ двадцати стихахъ изображено все, что говорливый Руссо *хотѣлъ* только изобразить въ распянутой до излишества канпаншѣ своей: *les forges de Lemnos*.

Еще объ Эрошѣ. Поелику Анакреонова лира настроена была для одной пощипи любви; то Поэтъ хотѣлъ, кажешся, оспавить намъ цѣлую исторію о знакомѣ своемъ, Кипридиномъ сынѣ. *Эротъ*,

ужаленный пчелою, есть драгоценность въ Поэзіи; Анакреонъ пакъ о семь рассказываетъ :

„Эротъ не примѣтилъ пчелы, спавшей въ розовомъ кустѣ, и ужалень былъ въ палець. Вдругъ вскрикнулъ, вскригнулъ, и полетѣлъ къ прекрасной Кипридѣ. Ахъ, маминька! я погибъ, я умираю; меня укусила маленькая лешучая змѣйка, которую зовушь пчелою.“ „Киприда наотвѣтъ: ешьли жало маленькой пчелы причиняетъ поликую боль; суди же, Эротъ, каково пѣмъ, которыхъ самы ранишь?“

Довольно самаго посредственнаго вкуса, чшобъ чувствовашь всѣ прелести, блистающія въ сей Одѣ. Оспавляя вымысль, которой оспроумень и понокъ безъ всякаго сравненія, не лзя довольно надивиться простотѣ и натуральности выраженія. Здѣсь не примѣшно ни малѣйшей высканности. Анакреонъ рассказываетъ былъ, и рассказываетъ мимохо-

домъ и небрежно: но сія небрежность выше всякаго искусства. Это истинный языкъ Эропа и манеры его. Чистая подлинникъ, думаешь, что Анакреонъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ это происшествіе, и подслушалъ слова сіи. Какое простодушіе въ малюшкѣ Эропѣ! Кажется, что его познанія не простираются далѣе колчана, коимъ у него за плечами, и далѣе умѣнья, мѣшить стрѣлы въ сердца наши. Если Гомеровы боги и богини имѣютъ нѣже совершенства, и нѣже слабости, какія свойственны людямъ, и различіе заключается въ одной сепенени: то и познаніямъ Эропа надлежало бытъ сполько же ограниченнымъ, какъ онѣ здѣсь предсавлены. Эропъ божокъ, но вмѣстѣ и дитя; и шакъ очень натурально, бояшся ему смерти отъ укушенія пчелы; и мы вѣримъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не умѣетъ ее названъ иначе, какъ маленькою лѣпучею змѣйкою. Что сказать о богинѣ любви, о прекрасной Циперѣ? Никогда она не являлась споль любезною и споль прелестною, какъ въ сіе время.

Иногда примѣнно въ ней приптверство, или усиліе понравилсь другимъ и пльниль ихъ; иногда сама научаель сына, покоряль сердца во власиль ея: но иперь беретъ спорону боговь и людей, и тонкою насмѣшкою заспавляетъ Эрипа, по собсвенной его боли судиль о шѣхъ язвахъ, копорыя онъ причиняель другимъ. Логика превосходная, и мораль самая назидапельная, есильи бы только могъ внимать ей сынъ закоснѣль въ шалосильяхъ!

Теокриль, пльненный красопами сей Анакреоновой Оды, написалъ Идилію — подражаніе, доспойное образца своего; но совсѣмъ шѣмъ съ перваго раза можно видѣль въ немъ болѣе искусства и меньше натуральности. Не говорю уже о Французской кантаиль дѣвицы де Лувенкуръ, копорая ничего не имѣель общаго съ Анакреоновою Одою; кромѣ названія и содержанія. Де Лувенкуръ начинаель свою пѣсню надушымъ описаніемъ садовъ Цицерскихъ, говориль о вѣчной весель, пльняющей Зефировъ, и о цвѣсахъ, ражда-

ющихся опъ ихъ вздоховъ, рассказываетъ о сипраспныхъ ручейкахъ, сливающихъ журчаніе свое съ голосами пилицъ, денно и ноцно поющихъ; наконецъ нѣжнаго Амура своего оспапавливаетъ передъ распускающеюся розою, и заспапвляетъ его говорить передъ нею длинный Панигирикъ. Когда же говорливый сей Орапшоръ ужалень былъ пчелою: тогда и Венера въ свою очередь должна была сказать ему убѣдительную мораль совершенно по Французски! Я сказалъ — по Французски; ибо увѣренъ, что ни Венера, ни сынъ ея никогда такъ не говорили на природномъ своемъ Греческомъ. И однако, надобно замѣпить, что Французскіе кришки называютъ сію канпашу прелестною.

Предложенныхъ здѣсь Одъ довольно для того, чтобъ судить о великомъ гениѣ Анакреона. Но какъ умолчать о его Голубкѣ, плѣняющей всѣхъ своею нѣжноспію? Извѣспно, какъ Г. Дефевръ описывается о семъ неподражаемомъ швореніи; онъ не иначе называетъ его, какъ

твореніемъ самихъ Музъ и Грацій. Приступимъ къ самой Одѣ.

„Опколъ лепишь, любезная голубка? опколѣ лепишь? опколѣ льешь на воздухъ такія благоуханія? кто и съ чѣмъ послалъ тебя?

Голубка.

„Анакреонъ послалъ меня къ Ваѳиллу, плѣнившему всѣ сердца своею красотою. Меня ему отдала Венера за одну пѣсенку; съ тѣхъ поръ служу ему, и какъ видишь, разношу его письма. Онъ говоритъ, что скоро оппуститъ меня на волю; хотя онъ и оппуститъ меня, я все остануся при немъ. За чѣмъ мнѣ лезать по полямъ и горамъ, садиться на деревьяхъ и кормиться дикими зернами? Теперь я клюю хлѣбъ изъ рукъ самаго Анакреона, и пью то же вино, которое онъ самъ пьетъ. Налившись, пляшу и покрываю крыльями моего господина; потомъ сажусь на его лиру и засыпаю. Теперь ты все онъ меня узналъ. — Прощай! — я стала болтливей вороны.“

Анакреонъ хотѣлъ здѣсь польстить своему Ваѣиллу, и заспавиль говорить голубку, одну изъ пѣхъ крылашыхъ вѣспницъ, копорыя употреблялись древни-ми для пересылки писемъ. Онъ, какъ пѣвецъ любви, получилъ себѣ посланницу съ неба опъ самой Циперы. Одинъ сей вымысль превосходень. Голубка упоминаеть здѣсь шолько слегка, и какъ бы мимоходомъ о красотѣ Ваѣилла: это искусство древнихъ, когда хотѣли кого-нибудь хвалишь; и надобно признашь, что они далеко превосходили новѣйшихъ въ знаніи челоѣческаго сердца. Разскащица здѣсь занимается болѣе собою, описываетъ всѣ прелести своей жизни, и ту свободу, копорю она пользуется у новаго своего господина; и наконецъ примѣпно, что она въ самомъ дѣлѣ нѣсколько заговорила. Какъ же прелестна сія говорливость! какая невинность въ словахъ ея! Въ кругу людей это языкъ проспосердечной и невинной паспушки, копорая при первомъ случаѣ рада пере-сказашь все, что у ней на сердцѣ. Вся

сія Ода имѣеть красоны неподражаемыя: но я заключаю ее словами Г. Банпё, который говоритъ, что красоны сіи не можно доказывать; надобно родиться, чтобъ ихъ чувствовалъ.

Вообще можно сказать объ Анакреонѣ, что онъ былъ богатыи всеми шансами, какія нужны для Поэзіи. Онъ любилъ природу, и былъ чувствительнъ къ красонамъ ея. Иногда гулялъ онъ съ Ваелломъ мимо зеленой рощи, и приглашалъ его подъ тѣнь прекрасныхъ деревьевъ: неподалеку протекаеть свѣпый источникъ, и Анакреонъ воображаетъ, что онъ манишь ихъ къ себѣ журчаніемъ своимъ. Часно встрѣчаемъ его бродящаго по цвѣпнымъ лугамъ и всапривающагося въ травы, колеблемыя слабымъ вѣяніемъ Зефировъ. Иногда видимъ прохаживающагося въ миршовыхъ рощахъ, или призадумавшагося подъ тѣнію виноградныхъ лозъ.

Воображеніе его живо и игриво; оно волшебною силою своею созидаетъ для

вась міръ новыя, копорыя лучше эшого наспоящаго; и естли хопише, переносишь вась на островъ любви, населенный Граціями и Амурами. Тамъ заспаеша его иногда подъ миршовымъ деревцомъ, увѣчаннаго розовыми цвѣтами, и нѣжащагося на колѣняхъ юныя красавицы; иногда одного, проспершаго на зеленомъ дернѣ подъ шѣнію Лопоса, и держащаго въ рукѣ кубокъ; одинъ изъ Амуровъ предстоишь ему, и закинувъ на плеча свою мантію, наливаєшь сладкое вино. Иногда смѣняешъ Амура самъ Бахусъ, и поддерживаешъ его пляшущаго. Но кпо изочпешъ всѣ наслажденія щасливаго мечпаніями Анакреона! — я назвалъ его щасливымъ; въ самомъ дѣлѣ щасливъ шопъ, кпо хопля мечтами и красными вымыслами можешъ замѣняшь существенныя свои горести, копорыхъ въ семь міръ споль много!

Чувствиво называютъ душою Поэзіи; Анакреонъ зналъ эшо; онъ вездѣ говоритъ сердцу, вездѣ дышетъ нѣжноспію и чув-

спвишельноспію; онъ пѣлъ одни свои удо-
вольствія; но всякъ согласился, что въ его
удовольствіяхъ мы принимаемъ больше
участія, нежели въ громкихъ пѣсняхъ
Индара. Веселость есть особенной ха-
рактеръ его; игры и смѣхи не оставля-
ли его до могилы: онъ въ старости такъ
же былъ живъ и забавенъ, какъ въ юныхъ
лѣтахъ своихъ. Напрасно красавицы спа-
вили зеркало передъ нимъ, и показывали
ему сѣдые его волосы. Я старъ, гово-
рилъ онъ имъ, но для пляски имѣю еще
крылья; вѣнки засыхаютъ на челѣ моемъ,
но чѣмъ могу потушить пламень серде-
чный? . . . Волосы мои побѣлѣли, но за
се одно не убѣгайте меня, красавицы,
и не презирайте любовь мою; а помысле-
те лучше, какъ прелестны бываютъ вѣн-
ки изъ розъ, переплетенныхъ бѣлыми ли-
леями!

Онъ имѣлъ рѣдкое искусство, живопи-
сать изящную природу и всѣ идеалы швор-
ческаго своего воображенія. Извѣстны
портреты его Ваилла и милой красавицы:

они въ самомъ дѣлѣ дышашъ и говорашъ. Его *Роза* такъ еще свѣжа и жива, что забывшись можно ее обоняшъ и осязашъ. Никакой живописецъ не предсавлялъ ее съ такими прелестями. Вообще его картины разнообразны, роскошны и начертаны съ какою-то небрежностію; кисть смѣлая и легкая; краски иногда просты, иногда ярки, и всегда натуральны. Природа его безъ убранства, безъ украшеній; и въ то же время является со всѣми прелестями, со всѣми цвѣтами и опшѣнками. О немъ говорашъ, что сами полубогаженныя Граціи, шумя и рѣваясь, соспавляли ему краски; и сама Венера божественнымъ своимъ дуновеніемъ одушевляла сладостраспныя его изображенія.

Онъ не былъ рабомъ своего воображенія. Въ то же время, какъ игры и смѣхи водили его рукою, утонченный и здравый вкусъ, учреждалъ время, мѣсто и мѣру всѣмъ убранствамъ и украшеніямъ. Нѣтъ въ его Одахъ ничего недостающаго, и въшъ и излишняго; гдѣ прилично, онъ

живописуешь; гдѣ не нужно, только намекаешь, оставляя все прочее дорисовывать нашему самолюбию. Сердце человеческое также ему извѣстно было, какъ и Граціи, всегдашнія его спутницы.

Сей любезный живописецъ Грацій является вмѣстѣ Философомъ и училелемъ нравовъ. Плашонъ называлъ его мудрымъ — σοφός. У холоднаго и ученаго Фоншенеля выведенный на сцену въ подземномъ царствѣ, спорить онъ о наградѣ за мудрость съ Аристошелемъ, и одерживаетъ верхъ надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ его аллегоріи не что иное, какъ прелестныя покровы, копорые онъ накидываетъ на суровую истину; блестящія цѣпны его одна приманка, копорой ведешь насъ, какъ дѣшей, къ существенной пользѣ. Онъ дастъ намъ полезныя уроки во всякое время, за чашею и за пляскою, среди игръ и смѣховъ. Не было шарика, копорой бы былъ любезнѣе и чувствительнѣе; не было ученаго, ко-

порой бы шакъ искусно сливалъ полезное съ пріятнымъ. *Omne tulit punctum.*

Извѣстно, что самъ высренній Горацій учился нѣжности и пріятности у Анакреона. Часпо оставляя подзвѣздный полетъ свой, садился онъ, шакже подлѣ своей милой, и призываетъ къ себѣ Пифосскую Царицу Венеру съ пламеннымъ ея сыномъ и съ разрѣшившими поясъ Граціями; часпо, какъ и онъ, укрывается подъ зеленой миршѣ, и пьетъ сладкое вино. Есть у него многія мысли и цѣлыя почти Оды, списанныя съ Анакреоновыхъ. Оба пускаютъ на вѣпръ свои заботы, или попопляютъ ихъ въ чашахъ, наполненныхъ винами; оба за кубками своими учатъ друзей, презираютъ богатства и угрозы смерти. Но различіе между ними шакое же, кажепся, какое между живописцомъ, который пишетъ съ природы, и такимъ, который списываетъ съ идеаловъ другаго. Въ Гораціѣ примѣпно искусство и усиліе, чего совсѣмъ не видимъ въ небрежномъ Анакреонѣ. Прекрасно и справедливо ска-

заль Г. Ваштё о Греческихъ Поэсахъ, что они у себя, когда бывають на Парнасѣ.

Впрочемъ не лѣзя умолчать здѣсь и о недоспашкахъ Анакреона. Они соспашають въ излишесствѣ качесствъ, соспашающихъ его характеръ, что случается и съ прочими писателями. Онъ нѣженъ, забавень, спрасень: но есть мѣсна, гдѣ являешся изнѣженнымъ, неблагопристойнымъ и сладоспраснымъ. Для людей, имѣющихъ образованный вкусъ, не понравится сеншменшальная его Ода къ *дѣвушкѣ*, гдѣ желаетъ быть ея зеркаломъ, плашьемъ, водою, мазью, покрываломъ, и наконецъ хоть башмачкомъ для того, чтобъ милая жала его своєю ножкою. Также нѣтъ никакой карпины въ Одѣ на того *Эрота*, который, испощивъ всѣ свои спрѣлы прошивъ Анакреона, и не могли одолѣть его, бросаешся самъ спрѣлою въ сердце прошивника. Особенно прищорна Ода къ *ласточкѣ*, гдѣ купидоць представлень странною какою-то птицею. Онъ свиваетъ гнѣздо въ серд-

цѣ Поэза, и разводишь памъ безчислен-
ныхъ Амуровъ, изъ кошорыхъ одни выво-
дятся, другіе въ скорлупѣ, или оперяющі-
ся, или издають пискъ, какъ цыплята.
Здѣсь не соблюдено благородства; идеи
низки и опшрапшпельны. Но при, или
четыре такіа Оды не могутъ разрушить
очарованія, производимаго въ насъ про-
чими его Одами.

Теперь заключу мои замѣчанія объ
Анакреонѣ свидѣтельствами лучшихъ кри-
тиковъ. Вошь мѣнше Гна. Гравини: „Спшилъ
Анакреоновъ просшь, не надушь, и при-
наровленъ во всемъ къ его Генію. Оды
небрежны; но сія небрежность любезнѣ
и удовлетворительнѣ изящныхъ укра-
шеній. Кажется, что все, сказанное
имъ, не могло и не должно сказано бышь
иначе. Въ немъ не видно ничего напыщен-
наго, и ничего недоспающаго. Съ его
пера все сходишь безъ усилія; но при
всѣхъ своихъ усиліяхъ никшо не можешъ
съ нимъ сравнишься. Онъ оспрь и лю-
безень безъ искусства, исполненъ познаній

безъ посторонней приправы, мудръ и не выказываетъ учености. Въ его играхъ, оспрыхъ шушкахъ и коропкихъ повѣстяхъ заключается болѣ нравственности, нежели въ какомъ-нибудь другомъ, щеславномъ Философѣ.“ Прекрасно изображаютъ его въ книгѣ: *les etrennes du Ragnaffe*: „Милостивыя Граціи, пріятная легкость, плодовитость, роскошная нѣга, свѣжестъ красокъ, легкость кисти, голосъ сердца, прелестъ чувствованій: все сіе соединено въ Анакреонѣ. Онъ украшаетъ мудрость, и дѣлаетъ ее для насъ любезною. Всякое его произведеніе есть произведеніе самой природы. Искусство, оспроша и суешныя украшенія ему не извѣстны. Чувствительность и нѣжность, господствующія въ его стихотвореніяхъ, могутъ доставить удовольствіе всякому возрасту. Онъ ласкаетъ, очаровываетъ, движетъ, прогаетъ. Кажется, видишь его подъ мирномъ любви, увѣнчаннаго розами, склонившагося небрежно на колѣни красавицы, открывающаго ей пріятную слабость свою.

Книж. К.

В

Амуры, прислужники Венеры, рѣзвятся толпами около двухъ любовниковъ. Сама богиня подаетъ имъ свой поясъ для связыванія цвѣтцвъ, рождающихся подъ ихъ стопами. Анакреонъ, исполненный сладостнаго воспора, ударяетъ въ очаровательную люшну; и спрасшныя звуки ея доходятъ до глубины сердца.“

Участъ Анакреона называютъ завидною; пошому чшо и въ жизни своей имѣлъ онъ друзей именипыхъ по рожденію, по вкусу и уму; и по смерти его есть многіе, которые любятъ читають его. Самые переводы имѣють своюцѣну. Г. Маршынвъ оказалъ великую услугу Россійской Словесности своимъ преложеніемъ Анакреоновыхъ Одъ: но всѣ вообще переводы могутъ ли замѣнить сколько-нибудь силу, сладостъ и гармонію подлинника, или въ самомъ дѣлѣ Анакреонъ не переводимъ, какъ опзывается Г. Лагарпъ, о семъ судить предоспаваю лучшимъ кришикамъ.

Андрей Глаголевъ.

ИЗЪ ТАССОВА ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА.

П ѣ с н ь XV (*).

Уже возспавшій день на холмахъ рдяно-
цвѣтныхъ
Къ работѣ и трудамъ зоветь всѣ роды
смертныхъ:
Тогда мудрецъ, являсь двумъ Вишязямъ, да-
ришь
Имъ тайну харшю, злешую вѣшвѣ и щипъ.
Днесь ополчитесь — рекъ — на спранствіе
жеспоко,
Доколь не воспекъ румяный день високо.
Се мной Пешру и вамъ обшпованный даръ,
Се средство побѣдитъ всѣ силы хитрыхъ
чаръ! —
Возспали Вишязи; оружія тяжелы
Покрыли мышцы ихъ, и сильны, и дебелы;
Уже вооружены, спремяшся спарца въ слѣдъ
Спезей, копорыя не знаешъ солнца свѣшъ;

(*) Карлъ и Убалдъ; два Вишязя посланы для опы-
сканія Ренальда. — Сей мудрецъ; другъ Пешра пу-
стынника открываетъ; имъ настоящее мѣстопре-
бываніе Героя и отпраляетъ ихъ въ путь изъ сво-
его подземнаго жилища.

Которую вчера, обильну чудесами,
 Они измѣрили смущенными спопами.
 На берегу рѣки: простите! — рѣчь онъ имъ —
 Да будетъ подвигъ вашъ благословенъ Свя-
 пнымъ! —

Рѣка приѣмлетъ ихъ на зыби ложа влажна;
 Качаетъ малый чолнъ волна спеклообразна;
 Спреминительно несетъ, какъ легкій дровъ
 листокъ,
 При колыханьи водъ мчитъ быспрый вѣше-
 рокъ.

И се! ихъ ставитъ валъ на холмъ песка
 прибрежный:

Тамъ, спарца по словамъ, явился вождь
 надежный.

Узрѣли ладю; уже оснащена;
 И на кормѣ сѣдитъ памиспвенна жена:
 Власы лясъ съ чела, свиваются кудрями;
 Привѣспсвие и миръ блестятъ ея очами;
 Приятна и важна, какъ неба кропкій духъ!
 Необычайный свѣтъ облекъ ее вокругъ.

То пурпуръ, по лазурь — чудесная хламида;
 Сліяніе цвѣтновъ безчисленныхъ для вида!
 И щещно бы желалъ опредѣлитъ ихъ
 взгладъ:

Спократино смогритъ онъ — и новой зритъ
 спократъ:

Какъ спраспный голубокъ на бирюзовой выѣ
 Мѣняетъ перышковъ оппѣйки золотые;

Когда вокруг милыя онъ вьется въ яркій
день ;

Мигъ всякой , — цвѣтъ другой , или другая
пѣнь :

То кажется она рубиновымъ монистомъ,
То блещетъ въ ней смарагдъ , обдѣланъ въ
злапъ чистомъ ;

То слыши купно всё для зришелей цвѣты,
Многообразныя опливовъ красоты. —

Щаспливцы жданные! — безвѣстная вѣ-
щаетъ —

Вспушите вы въ мой чолнъ , коперый пробѣ-
гаетъ

Безбѣдно глубины водородящихъ нѣдръ :

Ему всё бури — вождь , попушень всякой
вѣпръ ;

Всѣ тяжести легки. — Мой , въ милостяхъ
нескудной,

Владыка повелѣлъ , чшобъ я въ спихѣ пруд-
ной

Была вамъ спутникомъ и другомъ , и рабой! —
Рекла , и къ берегу причалила кормой. —

Едва въ ладью чеша почтенная вспушила ;
Подъемлеть копву выспрь , и разпростира
вѣприла ,

Сѣдльца на кормѣ , содѣйствуешь рулемъ , —

И бреги сходятся за малымъ кораблемъ. —

Потшокъ глубокой былъ : клубящійся волны

Могли бы поднимать суда огромны, пол-
ны; —

Но легкій сей челнокъ возмогетъ быть несомъ
И бѣднымъ опъ дождей живущимъ ручейкомъ.
Быспрѣйшій нѣкій вѣпръ, дхновенье пай-
ной силы

Чудесно надувалъ его блестящи крылы;
Грядой сребрился въ слѣдъ въ пѣнистыхъ
кудряхъ валъ,

И горный гулъ вдали на шумъ его взывалъ.
Рѣка все болѣе и ширѣ спановидась;
Старѣя, близъ конца едва уже капилась:
Попомъ, теряясь въ безмѣрныхъ безднахъ
водъ,

Забыда и себя, и берегъ свой, и ходъ.
Въ то время на поляхъ сѣдаго Океана
Летала буря вкругъ, — и рыла горы, рьяна:
Но шокмо дивная ладья въ него вошла,
Исчезла облаковъ опяжелѣвши мгла!
Упихнулъ ярый Нопъ, бѣгуци спонупъ
бури;

Ровняюся бугры холмящейся лазури;
Лишь порхаетъ Зефиръ по синей рябинѣ,
И въ ясной небеса смѣются тишинѣ,
И плещутъ радостно морскаго зыби лона! —
Уже ладья, прошедъ десную Аскалона,
Зришь Газу, гордый верьхъ подъявщую къ
звѣздамъ: —

Досель не важире пристанище судамъ; —

А нынѣ пышный градъ; изъ древнiя могиламъ
 Она испоргнула богатство, славу, силы.
 Въ поморьяхъ рапные являлися полки,
 Неизчислимыя, какъ брежныя пески. —
 Почвенныя выпязи, склонивъ на землю взоры, —
 Несмѣшныя шапры, какъ снѣжныя видятъ
 горы :

Летающъ всадники; — опряду въ слѣдъ оп-
 рядъ,

Изъ града ко брегамъ, и опъ береговъ во градъ;
 Убишь песчаной пущъ чугунными спопами
 Верблюдовъ и слоновъ, покрыпыхъ пягопами.
 Тамъ зрима на водахъ нещепныя корабли:
 Иныя кончивъ бѣгъ, на копвахъ возлегли,
 Иныя парусы подьемлютъ льяно - бѣлы,
 Иль весла съ легкосью предвигаютъ тяжелы;
 Суровый роетъ носъ пучину сланыхъ нѣдръ;
 Сребрялся двѣ бразды окресъ изгнуныхъ
 бедрь.

Тогда вѣщала имъ Смирляющая волны:
 Хоть море и берега невѣрныхъ рапей полны,
 Не мыслите, что здѣсь собраніе всѣхъ силъ,
 Какія ополчатъ возможеть гордый Ниль!
 Сіи сполщіе кругомъ велика града, —
 Египта одного и спранъ ближайшихъ чада;
 Царь ждетъ еще полки изъ дальнихъ обла-
 стей;

Зане средъ западныхъ и упренныхъ полей
 Простерлась далеко обширная держава.

Но прежде въ сей ладѣ, Христовыхъ воинствъ
слава,

Ренальдъ придетъ въ спань, чѣмъ оны пле-
мена

Слющя подь однѣ Владыки знамена! —

Такъ Дивная рекла. Какъ шварей царь кры-
лапыхъ,

Орель, безъ шрепета, среди другихъ пер-
напыхъ,

Единъ, оставивъ всѣхъ, ко солнцу мчишь
полеть;

Паришь, — и невидимъ, одѣшый въ горній
свѣтъ;

Такъ чудопворный чолъ среди враждебна
флопа

Лещишь, невѣдая ни страха, ни оплоща;
Нѣтъ средства удержашь! нѣтъ силъ не-
спись за нимъ!

Какъ молнія, блеснулъ; далекъ — уже не
зримъ!

Ужъ роешь море онъ предъ Раффскими
спѣнами.

То Сирскій гордый градъ, сполщій надъ
водами;

Онъ первый кажется возрѣнію пловцовъ,
Текущихъ опъ злапыхъ Египетскихъ береговъ.

Се скудный риноцеръ; — а шамъ утешь вы-
сокой,

Надменный исполинъ, пучины царь глу-
бокой,

Въ бурливыхъ моющихъ стопы свои волнахъ;
Онъ въ крѣпкихъ нѣдрахъ скрыль Помпей
славный прахъ. —

Се Даміепу зряшь, гдѣ щедрый сынъ при-
роды;

Ниль въ дань несетъ морямъ собранны въ
небѣ воды

Отверспіемъ седми своихъ преславныхъ
врагъ,

И въ покахъ спа меньшихъ ему служеб-
ныхъ чадъ.

Уже явились имъ огромны града спѣны,
Великимъ Грекомъ здѣсь для Грековъ возне-
сенны;

Отшолъ близко Фаръ; волнами омовень;
Онъ оспровъ былъ, шеперь съ землей со-
единень.

Туманносиня даль Сѣвера глубока
Родосъ и мирной Крипъ опъ ихъ сокрыла ока.
Близъ Африки текутъ; въ поморіяхъ она
Богата, силой рукъ удобренна страна;
А внутрь — одни пески, львы, пшгры и гі-
енны! —

Прошли Марморику и пять градовъ Цирены;
Пшоломанда здѣсь; памъ Лета въ миръ водъ
Влечетъ забвеніе печалей и заботъ. —

Теперь въ открытое они вступили море:

Вблизи великій Сирпъ , пловцовъ отваж-
ныхъ горе! . . .

Чернѣлась позади Юдекская скала. —

Плывущъ въ кипѣннѣ Маграрскаго жерла;
Вспалъ гордый Триполисъ утесовъ на вер-
шинѣ ;

Зришь Мальпа изъ - подъ волнъ , погрязшая
въ пучинѣ ;

Съ другими Сирпами явилася въ очахъ
Алзерба , гдѣ выпалъ свирѣбный Лопофагъ ;
Уже предсталъ Тунисъ героевъ передъ взо-
ры ; —

О той , о сей спранѣ утесистыя горы ,
Соспавили заливъ , надъ коимъ онъ спомнѣ :
Величественный градъ , обилень , знаменитъ ,
Тунисъ , всей Ливіи хваленіе высоко ! —

Отпольш Сицилію узрѣшь мечпашеть око ; —
Великій Лилибей чело вознесъ изъ скалъ ! —
Здѣсь древній Карѣагенъ морямъ повелѣвалъ.
Гдѣ гордый Карѣагенъ ? среди бреговъ
открытыхъ

Чуть видимы слѣды развалинъ знаменитыхъ !
Такъ Царства пышныя , такъ грады губитъ
рокъ !

Ихъ славы памятникъ — права или пе-
сокъ ! . . .

И ропщешь человекъ : почти онъ въ мірѣ
смертнѣй ? . . .

О гордость, о алчба души въ желаньяхъ
пщешной! . . .

Передъ Бизерпою несется быстрой чолнѣ. —
Вдали съ десной справы, какъ облако изъ
волнѣ, —

Сардинія глядитъ, . . . Тамъ пихихъ веселы
виды,

Гдѣ жили пасыри, блуждающы Нумиды!
Здѣсь Бужи и Алжиръ — морей печаль и
срамъ! . . .

Два хищниковъ гнѣзда ужасныя пловцамъ!
Помомъ туманной видѣ Тингипаны дуб-
равной,

Сея слоновъ и львовъ пишапельницы слав-
ной.

Теперь Марокко, Фецъ, два Царства на бре-
гахъ:

Гренада прошивъ ихъ — непримиримый
врагъ!

Открылись Выпязямъ врага пучинѣ пѣс-
ны,

Баснотворимаго Аякида прудъ чудесный:
Бышь можешь, нѣкогда хребты слян-
ныхъ скалъ

Великій нѣкій прусь, какъ ризу, распро-
заль;

Напрягнуль Океанъ всегубящія силы,
И воды хлынули опъ Калпы до Абилы: —
Между Испаніей и Ливіей предѣль! —

Какихъ всемогущий Кронъ премѣнь не про-
извелъ! . . . .

Чешыре крапы день вспаваль съ злалаго
лона,

Съ шѣхъ поръ, какъ дивный чолнъ опшелъ
опъ Аскалона;

Ни въ приспань не входя, непрерывавъ
пупи,

Успѣлъ пространства онъ безмѣрныя прощ-
пи.

Теперь несясь спезей пролива быспробѣжной,
Промчался, и воспаль въ равнинѣ водъ
безбрежной!

Когда ужасенъ Понпъ объяпный вокругъ зем-
лей:

То что же Оксанъ въ обширности своей,
Всю землю, какъ диня, лелѣя въ колыбели!—

Уже обильной Гадъ, и острова, и мѣли
Бѣгупъ опъ ихъ очей. . . . какъ призракъ,
брегъ исчезъ! . . .

Слилася синева пучины и небесь! . . .

О пы, ведущая, — Убальдъ приемлеть слово —
Въ сіе насъ поприще безмѣрное и ново!

Вѣщай: дерзаль ли кто до сихъ достигнутъ
мѣспъ?

И еспъ ли жишели подъ кровомъ здѣшнихъ
звѣздъ? —

Алкидъ-рекла въ опвѣспъ-чудовищъ испре-
бишель;

Сей дивный Ливии, Испаніи спаситель,
 Съ побѣдою пройдя земныхъ обширность
 спрань,

Не смѣлъ воспатъ войной на грозный Океанъ!
 Здѣсь, въ знаменье вѣкамъ, подвигнулъ горы
 цѣлы;

И дерзкій заперъ умъ въ тѣснѣйшіе предѣлы,
 Но откровенія, познаній доблій другъ,
 Улиссъ распоргнулъ мнилъ его спѣснявшій
 кругъ;

Столпы онъ перешекъ, и быстро чрезъ пу-
 чины

Раскинулъ дерзостный крылъ свои орлины.
 Но повелишель волнь, — рабъ рока своего!
 Пучина пожрала науку и его;

Пучины злобныя опмищающая сила
 Со смертвю и судьбу нещаснаго сокрыла!
 Другіе, бурей бывъ сюда занѣсены;

Иль не вращались вспяшь, или поглощены.
 И пакъ сіи моря, преплаваемы вами,
 Тьмы Царствій, пьмы земель объемяющі
 водами,

Безвѣстны древнія вселенныя сынамъ.
 Природа — щедра мать блаженнымъ симъ
 землямъ,

Обильнымъ въ жителѣхъ, во злакъ, въ проа-
 зябеньяхъ!

Роскошно солнце здѣсь въ своихъ благо-
 швореньяхъ.

Норцы, прервалъ Убальдъ: — сей намъ без-
безвѣстной свѣтъ

Какую вѣру чинить, какой законъ блюдесть?—

Она отвѣспивуесть: народы и державы —
Всѣ свой хранящъ языкъ, правленіе и
нравы:

Иные чинятъ звѣрей, другіе, чувствій въ
мгль,

Всѣхъ общей матерн дары несутъ землѣ;

Сии скломяются предъ солнцемъ и звѣздами;

Иные злобные предъ злобными богами,

Позоромъ жертвъ живыхъ сквернящъ ихъ
алтари;

Свирѣпство, мерзость вѣрь — сихъ дикихъ
спранъ Цари! —

И такъ сей Богъ благой, воскликнулъ мужъ
совѣта,

Пришедый въ міръ, да міръ исполнишь гор-
ня свѣта,

Хотѣлъ, чшобы его безсмертные лучи

Не воспылали въ сей невѣрія ночи? . . .

Нѣтъ! — дѣва изрекла: въ сужденно скоро
время

Прозябнешъ въ сихъ мѣспахъ святыя Вѣры
сѣмя.

Науки процвѣшущъ, — явился блескъ градовъ!

Безмѣрные пупи не раздѣлять умовъ!

Препопы рушатся, опкроецца завѣса, —

И будущъ баснею громады Геркулеса!

Обширныя моря — теперь именъ имъ нѣтъ —
 Прославятся, сдруживъ со старымъ новой
 свѣтъ!

Чась придетъ — и корабль, носящъ орлину
 Душу,

Освѣтитъ, облепитъ облекши воды сушу:
 Соперникъ солнца онъ — побѣды чудной
 Другъ,

Громаду страшную, измѣритъ землю
 вокругъ!

Такъ! сынъ Лигуріи, умовъ опважныхъ знамя,
 Въ невѣдомыхъ волнахъ возжесть познаній
 пламя:

Ни грозный бури ревъ, ни дикій Океанъ,
 Безвѣстность мрачная пущей, небесъ и
 спранъ,

Ни всѣ опасности, ни ужасы природы, —
 Воюющіе съ нимъ адъ, земли, воздухъ, воды:
 Ничто не воспянитъ великаго полетъ! —
 Колумбъ! ты восхотѣлъ — преградъ Алкида
 нѣтъ!

Ты парусы свои направишь благодатны
 Въ предѣлы полюса, доселѣ непонятны:
 И слава — сто очей, сто крыль имѣя,
 в другъ

Едва ли обозритъ тобой свершенный кругъ!
 Пустьъ Вакха днесъ она, пускай Алкида
 славитъ,

Взоръ склонить на тебя — и ихъ дѣла
оставить!

Единый изъ твоихъ безчисленныхъ стру-
довъ —

Богатство вѣчное для Кліо и Пѣвцовъ! —
Такъ дѣва изрекла, — и въ безднѣ сребропѣ-
ной

На Западъ роетъ путь, склонясь къ странѣ
полденной.

Герои зрятъ впереди вечерню солнца сѣнь,
А позади себя раждающійся день. —

Румяна вѣспница прелестнаго сѣшила
Лучами первыми пучины озлапила:

Тогда явилась имъ во опдаленной мглѣ
Гора, носящая туманы о челѣ!

Когда же Выпязи приблизились къ ней
болѣ,

И, рѣясь облака легли на влажно поле:

Узрѣли, что она — бойницы видѣ прямой,
Огромна при стопахъ, кончалась остропой.

Казалось: глава курилась воспаленна.

Какъ Этна, на хребтѣ Енцелада возженна,
Гора сія своимъ ей собственнымъ огнемъ,
Багрила небо въ ночь, мрачила небо днемъ! —

Се многи острова открылись предъ очами,
Не столько грозные утесовъ крупизнами,
Не столь возвышенны, какъ зримая скала; —
Ихъ древность именемъ *шастливыхъ* воз-
несла.

Тамъ небо — другъ землѣ (такъ намъ молва
 вѣщала);
 Поля рождаютъ все, не зная трудовъ и
 рала;
 И виноградъ даетъ прелестныя плоды,
 Не пребуя себѣ осп смертныхъ должною
 мзды;
 Тамъ маслина цвѣтеть не кажетъ лесно-
 живыхъ;
 Тамъ каплетъ медъ златой изъ дровъ миро-
 почивыхъ;
 Тамъ, съ горнихъ прядя источникъ высопъ,
 Пльняютъ сладостью ихъ говора и водъ.
 Тамъ крошется вѣтерковъ; тамъ росъ благо-
 уханье
 Умѣренно хладитъ дней пламенныхъ ды-
 ханье;
 Тамъ райскихъ прелести безсмертныя поля,
 Обишель мирная незлобивыхъ пѣней! —
 Тѣперь — Сопутница рекъ — четъ поч-
 пенной: —
 Уже приблизились вы къ жетѣ вождельной;
 Вы зрите предъ собой *щасливыхъ* оспроза,
 О коихъ громкая, но темная молва.
 Обильны, радостны сихъ дальныхъ мѣстъ
 селеня;
 Но правый слухъ объ нихъ мрачили вымы-
 шленя! . . .
 Такъ разглагольствуя, коснулись въ пупи
 къ единому изъ сихъ щасливыхъ десяти.—
 Книж. V. Г

И Карль тогда вѣщаль: коль Небу не про-
 пивно,
 О ты, ведуща насъ на дѣло веле - дивно, —
 Позволь, чшобы на швердь сошла моя нога, —
 Позволь мнѣ испытать безвѣстные брега!
 Чшобъ я узрѣлъ народъ, его богопознанье,
 И все, чшо мудраго влечеть къ себѣ вниманье,
 И чшобы нѣкогда я ближнимъ возвѣспиль
 О помъ, чшо здѣсь узрю, чшобъ могъ ска-
 зать: *я былъ!* . . .

Мольба — души швоей достойна; отвѣщала: —
 Но чшо я сошворю, коль Вѣчнаго начала, —
 Неизмѣняемый, священный, строгій судъ
 Прешить благословиць мнѣ швой пре-
 хвальный шрудъ?

Не убо часъ пришелъ велика опкровенья:
 Досель въ сердцѣ онъ почѣеть Провидѣнья...
 Досель не лѣпо вамъ предъ вашею землей
 Возхишишь завѣсу съ таиншвенныхъ морей.
 Вамъ благосшью небесъ дано, преплавашъ
 нынѣ

Въ сей смѣлосши пловцовъ невѣдомой пу-
 чинѣ;

На шшу шамъ ступишь, гдѣ скованный
 герой

Черезъ васъ освобожденъ, увидишь миръ другой.
 Сего — довлѣеть вамъ! — алкаши въ мысляхъ
 болѣ —

Гордыня щещная, и брань Всевышней
воля!—

Умолкла. Между шѣмъ, какъ синій моря валъ,
Брегъ острова погрязь,— другой изъ безднъ
воспалъ;

И дѣва Випязьмъ являешъ удивленнымъ,
Что острова сіи, всѣ чиномъ пропязеннымъ,
Склонялись на воспокъ,— и что ихъ, въ
образъ вразъ,

Проливы разные между собой дѣляшъ.

Седмь первые изъ нихъ селеній кажушъ
знаки,

Ограды, хижины, удобренные злаки:

Другіе пусшы при; мракъ дебрей, горъ, лѣ-
совъ—

Виталище звѣрей, и грозной ихъ покровъ.

Единый островъ былъ ужасенъ крупизною;
Кремнистый, брегъ его, вогнувшись
внутрир дугою,

Упрась рогами въ поншъ, объемлешъ чашу
водъ,

Къ сей вѣрной приспани закрывъ надежный
входъ.

Гора, какъ исполинъ, ведешъ войну съ
волнами:

Напрутъ— и спелюшся раздробленны гря-
дами!

И шамъ, и здѣсь скалы взнеслися по краямъ,
Какъ башни нѣкія— во знаменье пловцамъ.

За снѣ оплошомъ спитъ безпечная пучина!
Лѣсами черными вѣнчается картина!

Пещера посреди плющемъ опѣнена,
Изъ коей сладкихъ водъ шумѣла бысприна;—
Тамъ копвы никогда не киданы зубчаты;
Не нужны кораблю успавшему канаты:
Въ глубокой сей пиши, въ уединенной мглѣ,
Спаль чолнъ — и опушилъ снѣжисныя
крылѣ.

Воззрише — имъ рекла Владѣюща кормою —
На зданье пынное, держимо сей горою:
Тамъ въ ликѣ чаръ и нѣгъ, средѣ пиршесствъ
и сластей

Христовой вѣры спражъ спитъ — губитъ
славу дней!

Какъ скоро озлапятъ доль влажный солнца
взоры;

Подвигните спопы безпрепешны на горы!
Дополь должны вы ждашь: понеже всякой часъ
Иной, не упренній — есть пагубень для васъ.

Теперь пока еще пылаеть день опрадной,
Спѣшите высеты къ подножію громадной.

Уже Чета, проспясь съ посланницей судьбы,
На вождельнный брегъ поставила спопы:

Стезя удобная способствуешь спремленью;
Несутся чуждые шрудамъ въ упоменью.

Еще превыше волнъ царь дня блиспаль
вдали,

Когда сподвижники къ утесу пришекам:

Здѣсь видяшь, что пройдя лишь пропасти,
спремнины

Возмогутъ достигнуть до гордыя вершины,
И крохотъ всѣ пущи глубокой снѣгъ и
ледь;

Но шагъ — и мурава, и зрѣлый лѣпа цвѣтъ! —

Сѣдины съ юными слялися власами! . . .

Тамъ нѣжны лиліи и розы межъ снѣгами

Безпререпно цвѣтуть! Такъ чарь ковар-
ныхъ зло

Здѣсь силы самыя природы превзошло!

Герои въ дикой мгаѣ густой дегристой рощи,

Предъ грозною горой, проводятъ время ноци.

Когдажъ лазурь небесъ возжго свѣтло
дней,

Златое, вѣчное хранилище лучей; —

Впередъ! впередъ! — гласяшь — и съ силой,
жаромъ ногымъ

Пріали прудной пущи по ребрамъ скаль цер-
новымъ;

Но се чудовище ужасное въ глаза,

Невѣдомо опколь къ нимъ движется, гроза! —

Подъемлется главой чешуйной, блѣдно - чер-
ной;

Трясется, бьетъ хвостомъ опъ ярости
чрезжѣрной;

Во взорахъ блещетъ огнь, льетъ чедюстн
ядъ и дымъ;

Драконъ, покрылъ спезю всю чревомъ онъ
своимъ;

То весь сжимаетъ спань , свѣлся въ нещеп-
 нны дуги ;
 То длинный разпроспрясъ влечетъ узлисты
 круги ;
 Такимъ явился змѣй , спражъ грозной сей
 пропы :
 Но не возмогъ препнуть онъ Вишязей споны .
 Испоргъ желѣзо Карлъ — лепипъ на при-
 видѣнне ;
 Постой! — гласипъ Убальдъ , — смири свое
 спремленье !
 Какъ ? силою руки и силой оспрія
 Ты мыслишь побѣдитъ воююща змія ?
 Вѣщаль , и твердо спавъ , попрясъ лозой
 безсмертной :
 Едва раздался шумъ опъ вѣпви злапоцвѣп-
 ной ,
 Объемлетъ звѣря спрахъ — препенетъ —
 мчипся въ лѣсъ ; —
 И Вишязи шекупъ свободно въ пупъ чудесь !
 И висмлютъ издали ревъ льва громopodob-
 ный :
 Свирѣный , скачетъ онъ , сверкаюпъ очи
 злобны ;
 Горою гриву взялъ , наморщилось чело ;
 Генцера страшная — зѣлюще жерло ;
 Съ зубовъ кровавый дымъ , — пылаетъ гнѣ-
 вомъ ярмъ ,

И бьеть себя хвостомъ по ребрамъ крупно-
яримъ.

Но шокмо въпвь узрѣль — сжимаепъ алч-
ный зевъ ;

Оледѣла грудь, — погасъ врожденный гнѣвъ ;

Бѣжитъ, боязнию сраженныи неизвѣспной! —

Такъ шествуепъ чета спезекою чудесной!

Всѣ звѣри спрашныи вступали съ ними въ
бои : —

Различепъ образъ, спанъ, движепе, ревъ
и вой!

Казалось, согнала враждующая сила

Сюда чудовищъ всѣхъ, Апланта чады и
Нила, —

Все то, что породилъ Гирканскихъ мракъ
льсовъ

И пламенны пѣски Ливійскихъ береговъ.

Неисповая рать! ужасны ополченья!

Но воспяшптъ онѣ, ни укоснипъ паренья

Героевъ не могли... о диво! въпъви свисптъ,

Возврѣне одно: — препещуптъ всѣ, какъ
листь!

Бѣгуптъ передъ лицемъ чепты побѣдоносной! —

Ужь Выпязи спюптъ верху громады грозной;

Ничто не держиптъ ихъ рѣшителныи
спопы,

Кромѣ свирѣпныхъ льдовъ и крупостей пропы.

Но скоро, побѣдивъ снѣга и холмы льдиспы,

Вершепы спрашныи и дѣбри кремениспы,

Уаръли теплыя и ясны небеса. —
 Огромный, ровный доль, всея горы краса,
 Открылся взорамъ ихъ, злапымъ ковромъ
 распланный.
 Тамъ свѣжи вѣтерки, всегда благоуханны,
 Всегда цвѣтущи дни, не знаютъ непогодъ,
 Которы круговой раждаетъ солнца ходъ.
 Премѣнь, смущающихъ лице земнаго шара,
 Здѣсь жипели не ждуть, — ни холода, ни
 жара;
 Въ другихъ спранахъ и миръ бываетъ вѣст-
 никъ бурь!
 Здѣсь Небо, — вѣчная, чистѣйшая лазурь;
 Не воспламеняетъ оно, и не хладѣетъ;
 Лугъ вѣчно въ злакъ одѣтъ, злакъ цвѣтомъ
 вѣчно рдѣетъ;
 Дѣетъ запахъ вѣчно цвѣтъ, шѣнь вѣчно
 льется съ дровъ. —
 На брегѣ озера воздвигнутъ храмъ Царевъ,
 Повѣлвающей и моремъ, и горами. —
 Герои трудными протекшіе стезями,
 Усталость чувствуютъ — изсякшихъ сла-
 бость силъ;
 Ихъ стопы медленны; ихъ чела потъ по-
 крытъ;
 Остановляются, текутъ попеременно.
 Но се! сребристый ключъ изъ камня мно-
 венно
 Испоргся, и манишь изсохши ихъ усна.

Обильная струя, внизъ прядая, чиста,
 Но скаламъ въ пысянны дѣляся водомешы,
 На травы сыплется, какъ бисерь въ свѣспъ
 одѣпный;

Но скоро всѣ ручки въ одинъ сдѣлись по-
 токъ.

Обнизанъ зеленью, обширанъ и глубокъ,
 Журчипть, клубипть валы въ прохладѣ тѣни
 мрачной;

И въ самой быспроцѣ кристалль его про-
 зрачной

Не кроешъ всѣхъ богатствъ, разсѣянныхъ
 на днѣ.

Дугъ пышный распроспертъ береговъ по вы-
 шинѣ, —

Успалыхъ странниковъ спокойство и упѣха.
 — Се гибель смертная! се ны, источникъ
 смѣха! . . .

Днесъ спражи крѣпкѣ и опыта череда!

Днесъ, Выпязи реки, желаніямъ узда!

Запворимъ нѣжный слухъ ко сладкимъ пѣсно-
 пѣньямъ!

Запворимъ очи дѣвъ коварнымъ оболъщенъ-
 ямъ! —

Идушь. — Межъ тѣмъ попокъ, сей, сей жи-
 вый кристалль,

Разширся, въ озерѣ, какъ въ чашѣ, ровень
 спаль.

Трапеза на берегу: обильны снѣди, брашны

Вкусъ лакомый манящъ, безцѣнны и изящны.
Двѣ дѣвы — Рѣзвостъ, Спраспъ въ дѣвическихъ
красахъ,
Играють юныя въ серебряныхъ волнахъ :
То плещутся водой, то рашницы — аплеты
Въ рядъ спануть ; вдругъ плывутъ — кто
первая у мезы ;
То кроются въ кристалль, то кончивъ
мирну брань,
Являють надъ водой главу, плеча и спань.
Сии богини рѣкъ, сии красы нагія
Уже сердца мужей разнѣжили спальныя.
Уже ихъ взоръ горитъ, желающей : онѣ
Ведутъ игры свои, забавы, какъ однѣ :
Межъ тѣмъ юнѣйшая, поднявшись высоко,
Явила выю, грудь, все, что пѣняетъ око ;
Для прелестней другихъ, дымъ легкихъ обла-
ковъ,
Прозрачная вода — любезнѣйшій покровъ.
Какъ упренія звѣзда восходитъ надъ вол-
нами,
Блещая тихими спыдливыми зарями ; —
Какъ нѣжна мать любви, всходяща въ Ем-
пирей,
Изъ пѣны снѣжныя родительскихъ морей :
Такъ Нимфа вознеслась ; съ власовъ запо-
волнистыхъ
Кристаллы сыплются во капляхъ сере-
брисныхъ.

Взоръ кинула на брегъ, — и Вишней узрѣвъ,
 Смущенный кажеть видъ, какъ будто оро-
 бѣвъ ;

Но скоро разрѣшивъ собранны надъ главою
 Власы однимъ узломъ, пускаеть ихъ рѣкою :
 Упали длинныя въ клубящихся волнахъ !
 Злашая завѣса на снѣжныхъ двухъ холмахъ !
 О сколько прелестей сокрылося мгновенно !
 Но что сокрыло ихъ, не менѣй совершенно !...
 Такъ дѣва, припаясь подъ шѣнію влосовъ,
 Кидаеть спрастный взглядъ, веселый на
 пословъ.

Въ единый мигъ она смѣется и краснѣеть ;
 Прелестень дѣвы смѣхъ, когда лице алѣеть ;
 Ланины розовы прелестнѣе спокрапъ ,
 Когда ихъ оживить улыбки нѣжной взглядъ.
 Отверзлися уста; сладчайшій голосъ, милой
 Когобъ не покоришь своей чудесной силой !
 „Блаженны спранники, копорымъ рокъ ве-
 лѣль

Вспунить въ сей радостей и щастія пре-
 дѣль !

Ликуйте ! приспанъ здѣсь, здѣсь бѣдспній
 врачеванье ,

Неиспощимое всѣхъ сладостей собранье,
 Которое вкушаль въ злопой погибшій вѣкъ .
 Природы спаршій сынъ, свободный чело-
 вѣкъ.

Оспавъще вы сіи оружія ужасны !

Онѣ не нужды здѣсь: здѣсь всѣ мы безопасны!
 Ахъ! посвяпите ихъ покою въ сей пѣщи;
 Опселя вы рапники единыя любви!

Зеленые холмы, благоуханны правы —

Се поле милое сраженій, вашей славы!

Вы съ нами узрите Царицы нашей прони,
 Для коей щасіе рабовъ ея — законъ!

Она восприметь васъ въ ликъ избранныхъ
 блестящій,

Веселье, радости во слѣдъ ея водящій:

Но прежде, сей водой омывши прахъ чела,
 Вкусите опъ снѣдей усерднаго стола! —

Такъ доблестной чепъ единая гласила;

Другая взорами, движеньемъ ей вшорила:

Какъ легкая нога, когда струна поеть,

То быстра, по пиша, хранишь съ ней
 ровный ходъ. —

Но мужи твердые не движны, не преклонны!

Сіи ласканія коварны, вѣроломны,

Спрасть взоровъ, леспъ словесъ и преле-
 сти лица

Ихъ чувства пошрясли.... свободны ихъ
 сердца!

И естли иногда проникнуть оболъщенья

Во грудь, гдѣ сладкія родятся вожелѣнья:

Вдругъ разумъ сердцу спавъ во спражу и
 оплошь,

Въ зачатіи мерпвипъ соблазна вредный
 плодъ. —

Коварныя красы опверженны, презрѣнны!
 Герои шествуютъ въ чертоги возвышенны,
 Ихъ словомъ не почтивъ! — Опъ гнѣва и
 стыда
 Сокрылись въ глубинѣ волшебнаго пруда.

Мрзкв.

III.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

С к а з к а.

Въ Сполицѣ роскоши, забавъ и наслажденій,
 Въ Москвѣ, въ семь хаосъ добра, заботъ и
 золь,

Спезей всечасныхъ обольщеній
 Любима добрый Геній вѣль.

И душу добрую, и юности пріяшснва
 Любимъ соединялъ съ достоинспвомъ богат-
 спва.

Все было у него: борзые, рысаки,
 Блеспящій экипажъ; хоръ пѣвчихъ, дураки!
 Онъ самъ — всегда одѣтъ по модному жур-
 налу,

И съ *déjeuner dansant* на балъ, а къ упру
 съ балу

Въ таинспвенной, роскошной будуаръ,
 Гдѣ сладоспраснне искусство упожило,

Диванами дало жизнь, а въ мраморъ страсть
вложило;

Гдѣ солнца распворенной жарь
Сквозь завѣсы не жжеть, лишь сладко со-
грѣваешь;

Гдѣ жадной взоръ счищаеть
Свое блаженство въ зеркалахъ;
Амуры, припаясь, не дремлютъ на часахъ,
И прихоть прихотью смѣняють,
И наслажденіемъ желаніе пипають;
Иль въ дружескихъ пирахъ, за чашей кру-
говой,

Близъ Нимфы молодой,
Онъ вѣчно - юному, румяну
Пѣснь Вакху возглашаль,
И полному спакану
Цокоя не даваль;

И оспрѣя слова, и шушки шупъ рѣкою: —
Вездѣ веселья онъ предметомъ и душою! —
И щастье у него казалось въ кабалѣ:
Не зналъ, о чемъ вздохнушь, не вѣдалъ огор-
ченій; —

Кострами *billets - d'out* на письменномъ спо-
лѣ;

И часъ не пролешаль безъ милыхъ приклю-
ченій.

Вдругъ вздумалось въ чины: — полсотни вид-
ныхъ мѣспъ!

Графиня выпросила крестъ,

Княгиня мужу спать покойно не давала,
Доколѣ палюмажъ Любиму не dospала.

Князь могъ ли опказать? — Любимъ ли не
служилъ?

Княжя шагопы онъ на себѣ носилъ.

Припомъ и опкупщикъ примолвилъ два,
при слова —

И — у проихъ обнова! —

Капаешся Любимъ, какъ словно въ маслѣ
сырь;

Вельможамъ ближній другъ, своякъ съ оп-
купщиками,

И Купидонъ сердца дарилъ ему горспями: —
Вся жизнь его — вседневный пиръ!

Но вдругъ нечаянно случилось Любиму

Быть дома одному,

И какъ-то вздумалось ему

Разсѣять облакъ волшебна, свѣтска дыму,

И взоръ свой обратить на пролетѣвши дни. —

Взялъ порознь каждой день; — день каждой
полонъ дѣйства;

Но вкупѣ ихъ объялъ: — исчезли чародѣй-
ства!

Зришь — всюду пуспопу и призраки одни.

Душа заняла, встосковалась,

Не взмилились пиры. — У чаши круговой

Любимъ — унылой сиропой;

И вздохами его грудь часто воздымалась, —
Тоскуешь, самъ не вѣдая о чѣмъ! —

Прости Москва! — лепишь въ деревню! —

Пришелъ въ опцовскій, вѣпхій домъ,

Взглянулъ на лугъ, на липу древню,

Подъ коей въ дѣтствѣ онъ съ безпечностью
игралъ: —

Спѣснили грудь его всѣ сладки вспоми-
нанья, —

И нѣжностіи отца, и матери ласканья!

Вдругъ слезы хлынули; — и легче онъ ды-
шалъ,

Довольный спалъ собою. —

Прождалась ночь! — Въ первый еще съ дав-
нишнихъ поръ

Любимовъ взоръ

Всходъ солнечный встрѣчалъ надъ пихею
рѣкою.

Разлился пурпуръ надъ горюю,

И боръ дремучій оживалъ. —

Онъ на колѣна палъ:

Уста дрожатъ, слеза спруитися; —

Нѣтъ словъ, одна душа безмолвная чу-
дится! —

Спѣшишь поды кровъ родной:

Тутъ спарые друзья родилеля почтенна,

Зря дѣдовскимъ полямъ, ихъ дружбѣ возвра-
щенна

Любима, встрѣтили привѣтомъ и душой.

И день за днемъ печешь; и мѣсяцы мелька-
юшь! —

Въ бесѣдѣ избранной друзей,
Иль съ книгой на холмѣ, въ виду лѣсовъ;
полей;

Иль надъ рѣкой, гдѣ лебеди играюшь; —

Или въ вечерній часъ;

Слявъ онъ съ лирой тихій гласъ;

Гимнъ сельской жизни воспѣваетъ...:

Но кто на сей землѣ одинъ щасливъ бы-
ваетъ?

Почувствовалъ Любимъ;

Что скука у него опять въ душѣ таится.

„Нещастень, бѣдень щопъ; чье щастье
не дѣлился!

„Будь ангеломъ — храни пелемъ моимъ;

Сказалъ Лизетѣ онъ, — „и подѣлись со
мною

„Небесною душою:

„Я буду жить дыханіемъ твоимъ.“ —

У Лизы щоки запылали;

Поникнули глаза;

И рѣчи на устахъ дрожащихъ замирали; —

Въ ресницахъ крупная слеза.

Давно Лизета страсть тайла;

Любимъ давно ей милъ;

Любовь ихъ съединила;

И бракъ ихъ Богъ благословилъ: =

Книж. У.

Д

Какъ послѣ бурь, пловецъ, спуля на брегъ
родимый,

Изъ легка челнока

Пучиной зрись корабль носимый,

И содрагаеися издалека:

Знакомъ и онъ былъ съ эпою бѣдою,

Бываль и онъ гонимъ свирѣлою волною;

Но днесъ на бури лишь глядишь,

И рокъ благодарить;

Любимъ изъ пихаго, ошеческаго дома,

Гдѣ средъ семьи своей сокрылся опъ
суешь,

Глядишь на преволненный свѣтъ,

И говоришь въ душѣ: — „была и мнѣ
знакома

Смъ ужасная гроза, —

И сладкихъ слезъ полныхъ глаза! —

Ивановъ.

IV.

Э Л Е Г И Я.

Пустьъ бога-мстителья могущая рука

На шемя острыхъ скаль, подъ вѣчными стѣ-
гами,

За ребра прикуеть чугунными цѣпями

Того, кто изобрѣль ревниваго Замка

Закрѣпы звучныя, — и тяжкими вращамъ

За хладными стѣнами

Красавицъ започилъ, въ презрѣннѣи къ богамъ!
 Гдѣ ты, рожденная къ воспоргамъ, поржеспи-
 вамъ,
 И къ радостямъ сердцецъ, и къ цѣстью юной
 спраспи, —
 Гдѣ ты скрываешься во цвѣтѣхъ раннихъ лѣтъ,
 Ты дѣва гореспи, воспипанница бѣдъ,
 Смиренная раба неумолимой власти! . . .
 Увижу ли тебя? услышу-ль голосъ пвой?
 И долго-ль въ мрачности ночной
 Мнѣ съ думой скорбною, душой осиропѣлой
 Угадывать окно обители пвоей,
 Когда снѣгъ въютою крупинелъ средь полей
 И свещеть рѣзкой въпръ въ власы оледенѣлы!
 Ахъ! можетъ быть, къ окну влекомая судьбой,
 Или предчувствіемъ какимъ неизъяснимымъ,
 Ты крадешься къ нему, когда мучителъ пвой,
 Станъ гибкой охватя насильственнющей рукой,
 Бросаешь шрепелну къ подругамъ шоропли-
 вымъ!
 Возстанъ, о Богъ боговъ! да пламенной рѣкой
 Твой гнѣвъ ужасный и правдивой
 Обрушится съ небесъ на зданье горделиво,
 Темницу адскую невинности молодой, —
 Да надъ шроппивою преступника главой
 Перуны ярые со шрескомъ разразяшл!
 Ахъ! кто осмѣлился безчувственнөө касаться
 Де юныхъ прелестей красавицы моей,
 Тотъ въ буйной дерзости своей

Д 2

И ликъ священный твой повергнешь раз-
дробленный,

И рушишь алтари, тебѣ сооруженны!...

Но ты, любимица боговъ,

Ты бѣдспивій не спрашись! — невидимой
покровъ

Пріосвѣнишь себя отъ бури разъяренной!

Твой песнунъ богъ любви! — спезею по-
таенной

Онъ проведши прекрасную готовъ

Отъ ложа горести до ложа наслажденья! —

О! нечуждайся ты благова поученья

Безсмертнаго вождя! — учись во шмѣ ноц-
ной,

Какъ междуспражами украдкой пробираешься,

Какъ легкою стопой чуть до полу касаешься,

И оцупью брѣсти по лестницѣ крупной!

Дерзай! — я жду тебя, кипяцій неперпѣн-
емъ!

О! можешь ли плашишь обиднымъ подозрѣн-
емъ

Владыкѣ благъ земныхъ? — ты вспомни,
сколько разъ

Отъ бдишельныхъ моихъ и ненасытныхъ
глазъ

Твой Аргусъ, въ препепномъ смущеньѣ

Тебя съ угрозой похищаль,

И тайнымъ влекъ пушемъ обратно въ за-
поченье!...

Всё шипитно! — я ему спезю пересѣкаль;
 Крылатый проводникъ меня предупреждаль,
 И пупѣ указываль, мнѣ прежде неизвѣспный!
 Рѣшись безъ робости, о сердца другъ пре-
 лесный!

Не медли! — полночь бьепь!
 И угасающи лампы закурились,
 И спражи грозные во мракѣ усыпились,
 И руку богъ любви прекрасной подаепь!

Днс. Дадв.

V.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ХЛОИ

Апрѣля . . . . . дня.

Въ ризѣ зеленой,
 Мирпомъ вѣнчанна,
 Радость вселенной,
 Госпя жеданна,
 Цвѣшуща, красна,
 Дочь неба, весна,
 Сходишь на землю

Вьюги, мяшели,
 Хладныя бури
 Прочь оплешѣли. —
 Съ горней лазури

Лучь солнце лѣтъ ;
 Жизнь нову даеъ
 Спящей природѣ.

*

Се! надъ безснѣжной
 Горной главою
 Жавронокъ нѣжной
 Рѣеъ сирѣлою ,
 Любовью разжеъ ,
 И ею блаженъ ,
 Страсно спонаеъ.

*

Щасливъ , довольный ,
 Съ звѣднаго круга ,
 Смотритъ въ мѣръ долній ;
 Видитъ: — подруга
 Уныла сидитъ :
 Къ ней быстро лепитъ ,
 Съ новой любовью.

*

Вшоритъ лѣсъ дальный ,
 Въ звукахъ стогласныхъ ,
 Пѣсни начальны
 Милыхъ , прекрасныхъ ,
 Паспущекъ сихъ мѣснѣ. —
 Какъ солнце межъ звѣздъ ,
 Хлоя межъ ими.

*

Прелестни Хлои:
 Прихопъ нащурь! —

Будто пчелъ рой,
 Милы Амуры
 За ней по пятамъ:
 Во всемъ пополамъ
 Граціи съ нею.

*

Кипра Царицы
 Груды дилейны;
 Длины ресницы
 Огнь чародѣйный
 Смиряюшь въ очахъ,
 Чшо въ черныхъ зрачкахъ
 Кроюшь плѣнь вѣчный.

*

Рѣзвы, игривы,
 Хлои подруги,
 Ею счасшавы,
 Въ спройные круги
 Руками сплещься,
 Къ ней дружбой живьсь,
 Славяшь предеспну.

*

„Хлоя! — съ весною
 Въ свѣтъ ты рожденна;
 Равной красою
 Съ ней надѣленна;
 Видь Хлои — какъ Май;
 Въ ней сердце, какъ рай:
 Радость — улыбка.

*

„Въ нѣгѣ безпечной
 Сладка покоя,
 Щасплива вѣчно
 Будь наша Хлоя!
 Природы краса!
 Тебя небеса
 Къ щастью создали!

*

„Щаспливъ спократно
 Юноша страстной,
 Взоръ благодатной
 Хлоя прекрасна,
 Къ кому обратишь; —
 Онъ небо узришь
 Въ сей бѣдѣ юдоли!“

Θ. Кокошкинъ.

VI.

ОТЪ АННУШКИ МАМИНЬКѢ ПРИ ПОДАРКѢ АЛЬБОМА.

Маминькѣ миленькой,
 Красному солнышку,
 Сизой голубушкѣ,
 Ангелу нѣжному,
 Вѣрно — надежному,
 Чадо — хранителю,
 Слабыя младости
 Путеводителю,

Въ день нашей радости,
 Въ день именинъ ея, —
 Дочь ея Аннушка . . .
 Что скажешь мапузкѣ? . . .
 Все мое — все пвое!
 Чѣмъ даришь милую,
 Тѣшишь родимую? —
 Злапо блестящее,
 Камни воспочные,
 Ткани Персидскіе: —
 Все проходящее
 Есльлибъ имѣла я;
 Все принеслабъ къ родной! . . .
 Радость, душа моя,
 Совѣсь и разумъ мой!
 (Такъ бы я молвила,
 Къ милой склонясь на грудь), —
 Всѣ драгоценности,
 Свѣта сокровища
 Тѣнныя, низкія,
 Ахъ, нѣтъ! — не будущъ звѣкъ
 Должной наградою
 Тихой, заботливой
 Матерней нѣжности,
 Скорбей и горестей, —
 Немощей пнягостныхъ! . . .
 Долгъ святой дочери
 Къ милымъ родителемъ,
 Въ жизни сей, въ будущей, —

Долгъ неоплащенной естъ! —
 Ты даровала мнѣ
 Жизнь и дыханіе;
 Ты даешь болѣе —
 Мнѣ воспианіе! —
 Ты была помочью,
 Первымъ учителемъ
 Рукъ моихъ, ногъ моихъ,
 Взоровъ и голоса! —
 Ты дала, маминька!
 Мыслямъ движеніе,
 Сердцу — влеченіе
 Къ доброму, лучшему,
 Къ Богу пареніе! . . . .
 Все мое — все нивое;
 Чшо же принесеть тебѣ?
 Чѣмъ дарить милую,
 Тѣшишь родимую? —
 Пусть бы пропѣла я,
 Пусть бы для радости,
 Въ часъ поплясала я;
 Развѣ для маминьки
 Это подарочекъ?
 Сердце ей надобно! —
 Сердце — какое же? —
 Доброе, милое,
 Такъ какъ у ней самой! . . . .
 Пусть бы сказала я
 Слово привѣпливо:

Въ сердцѣ и много есть ;
 Гдѣ измѣняешь мнѣ !
 Что же мнѣ выдумаешь ? . . . .
 Маминька , душенька ,
 Волнь мой подарочикъ !
 Волнь тебѣ книжечка ,
 Краюшки въ золотѣ ,
 Крышка узорчана
 Лиспики розовы !
 Въ этой ны книжечкѣ ,
 Упрямъ и венеромъ ,
 Кинувъ всѣ хлопоты ,
 Сяромно записывай
 Всѣ твои радости ,
 Чувства любезныя ,
 Добры дѣла твои ,
 Намъ въ поученіе ,
 Себѣ въ утѣшеніе ! —
 Только лишь радости ! —
 Горю здѣсь мѣста нѣтъ ,
 Чуръ . . . чпобѣ и не было ! . . .
 Пустьъ же вся жизнь твоя ,
 Милая маминька ,
 Будетъ , какъ книжечка ;
 Краюшки въ золотѣ ,
 Крышка узорчана ,
 Лиспики розовы
 Всѣ помсписаны
 Щаспьемъ , веселіемъ ,

Дружбой , любовію
 Чадъ благодарноспью !!! —

Мрзлкъ.

VII.

Д Л Я А Л Ь Б О М А .

Къ N. N.

Когда признашельноспь , любовь и удивленье,
 Желанье доброе , совѣспь свящой и чеспь ,
 Искусство , вѣждивоспь , иль даже нѣжна
 леспь ,

Посланье , пѣсенки , Поэзіи рожденье:

Все крадепся , мой другъ , во скромной пввой
 Альбомъ :

Ужели дружеспву не будеспь мѣспа въ нёмъ?

Признашельноспь пріятна ;

Любовь хощь сладоспна , но рѣдко не пре-
 врапна ;

А удивленіе — мгновенной въ полѣ цвѣспь ; —

Всегда ли искренень знакомыхъ намъ совѣспь?

Поэщовъ и льспецовъ искусство

Замѣниспь ли прямое чувспво ? —

Кшо посщояниѣ , надежиѣ , вѣрнѣй

Небесной , милой дружбы ? —

Гощова всякой разъ на жерщвы и на службы ,

Она — свѣщильникъ нашъ въ шуманахъ жиз-
 ни сей ;

Она , какъ коричій среди бури ,

И среди чистыхъ лазури ,

Въ несчастьи, щастіи всегда тебя хранишь!
И самая любовь тогда лишь безопасна,
Когда надъ ней склоненъ алмазной дружбы
щипъ!

И самая любовь съ ней болѣе прекрасна! —
Сія любимица боговъ

Съ побой въ союзъ вступаешь;
И въ утвержденье своихъ нелесныхъ словъ,
Сіе черезъ меня писанье посылаетъ. —
Уже-ль всемогнато причудливостъ божка,
Уже-ль Амура сила, —

Въ швоемъ Альбомѣ, о Всемила,
Иль въ сердцѣ у тебя не дашь ей уголка?...

Мрзакъ.

VIII.

КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

(Застольная лѣсня. Подражаніе Аристотелю)

О радость, о прелестнѣ бессмертная смер-
тныхъ,

Добыча безцѣнная лѣпъ,
Предметъ и награда трудовъ неисчепныхъ,
Опъ свѣта небеснаго свѣпъ! —

О доблестъ, о дѣва красотъ неизмѣнныхъ,
Ты слава Эллады сыновъ возвышенныхъ!

Препоны ли рока воспанупъ ужасны!

Ничто для лѣпныхъ побой! —

Возстануть ли злобы гоненья напрасны!

Спокойно грядемъ за побой! —

Ты въ ужасахъ ночи вдвое свѣплѣ,

Ты въ горѣ, въ ненастьѣ вдвое милѣ!

*

Предъ кѣмъ препешала и гдѣ уступила

Опѣ Неба вліянная кровь,

Вѣзмержное сѣмя, божественна сила,

Къ тебѣ всемогуща любовь? . . . .

Родилели, други, спокойство — безцѣины:

Ты взглянешь, ны скажешь, — и всѣ вруга
забвенны!

*

Кѣмъ пламенны были вы, опроки Леды,

И съ кѣмъ Геркулесь перешекъ

Дванадцать быспро ступеней побѣды? —

Въ нихъ видишь, въ нихъ любить Тебя
человѣкъ! —

Аякъ, съ Ахиллесомъ въ могилу сокрылись:

О доблесты! — ихъ гробы въ алтарь превра-
тились.

*

Нашъ добрый хозяинъ, и ласковъ, и друженъ:

Твой образъ ему предстоитъ.

Онъ солнца не видитъ! (*) свѣтъ солнца
не нуженъ

Тому, кто прелестную зреть.

(*) Надобно думать, что хозяинъ дома былъ слѣпой.

Вся жизнь его блещетъ благими дарами ; —
И вънесетъ богата для добрыхъ вѣнцами!..

О, пѣмнн дщери , хвалами обильны !
Вы славите въ храмахъ небесъ
Госпепрнмспва законы всесильны ,
Въ копорыхъ почтеть Зевесъ : —
Да славитсяжъ вѣчно пѣсню нелестной
Хозяина добраго пиршество честно!—

Вы любите въ старцѣ сердце младое ,
Веселость и рѣзвость подь часъ ;
Вамъ хлѣбосольство любезно златое
И дѣдовска вѣрность , гостн рѣдкой у
насъ! . . . .
Да славитсяжъ вѣчно пѣсню нелестной
Хозяина добраго пиршество честно! —

Мрзлкв.

IX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Пусть многихъ славили Поэты
 За мудрость, за число одержанныхъ побѣдъ;—
 Сей мужъ не менѣ извѣстенъ чрезъ газетны!
 Онъ далъ согражданамъ обѣдъ.

Ник. Осль.

X.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ НѢКОТОРОЙ ОДѢ.

Чтобы украсить оду эту,
 То къ каждому куплету
 Прибавишь нужно хоръ,
 Который пѣлъ бы: вздоръ, вздоръ, вздоръ!

Н. О.

XI.

НАДГРОБНАЯ.

Подъ кочкой сей Злословъ Панфилъ,
 Какъ змей убитый, пропянулся:
 Злослова друга онъ, языкъ свой прикусилъ,
 И желчью захлебнулся.

Ивановъ.

XII.

РОССИЯДА.

(Письмо къ другу. О характерахъ.)

Сердечно благодарю тебя, другъ мой, за прекрасное описаніе и разборъ Героевъ Гомеровыхъ (*). Раздѣляю съ тобою удивленіе, и вмѣстѣ благоговѣю предъ великимъ шворцомъ Иліады и Одиссеи. — Точно такъ! въ сей часпи искусства, въ сей часпи изобрѣшенія является преимущественно безсмертный, всеобъемлющій его Гений! — Это искусство заспавило подозрѣвать ученыхъ, что прежде Гомера были многіе превосходные Писатели, копорые приготоовили для него науку, имъ усовершенствованную; ибо, въ самомъ дѣлѣ, его швореніе съ сей спороны, разсмаприваемое, какъ *первое*, было бы выше силъ человеческихъ. Какое множество Героевъ! и блеска сихъ Героевъ не помрачаютъ боги;

(*) Извини, что, не смотря на твое замѣчаніе, не могу Гомера (*Ompos, Homerus*) превратить въ Омера.

и Герои только опшвняютъ высокое величiе боговъ! Какое во множествѣ разнообразiе! — ни одного лица подобнаго, ни одного характера схожаго съ другимъ: самыя дѣйствiя и мѣста имъ данныя опличаютъ ихъ другъ отъ друга! — Какое искусство въ представленiи ихъ чипапелю вмѣстѣ и постепенно! каждой великъ, когда его видишь предъ собою, и каждой уступаешь, когда явится другой на сцену, уступаешь, но не затмѣннымъ и не униженнымъ; ибо сей новой, хотя и болѣе, однако усумнишься, сдѣлалъ бы онъ то же, что сдѣлалъ первой, разсуждая по ихъ характерамъ, образу мыслей, по опношенiямъ: по крайней мѣрѣ, при всей постепенности выводимыхъ лицъ, каждой на своемъ мѣстѣ сдѣлалъ все то, что могъ онъ сдѣлать, и сдѣлалъ совершенно, такимъ образомъ, какой ему одному свойственъ. Какъ прелестны взаимныя ихъ встрѣчи! какъ сильно опшвняютъ ихъ одинъ отъ другаго взаимныя опношенiя! — Какъ они между тѣмъ, при безчисленныхъ противоположностяхъ, сливаются въ одинъ кругъ

совершенно гармонической, соопвѣтственной намѣренію волшебствующаго Генія! Они всѣ — подъ рукою творца своего, какъ будто невзначай, при полной сообщенной имъ отъ него свободѣ, раболѣпствуютъ его велѣнію, его планамъ! — Представь себѣ славнаго драматическаго Писателя, искуснѣйшаго Директора театра, опытнѣйшаго уставщика, машиниста, живописца, капельмейстера въ одномъ человѣкѣ; — нѣшь мало . . . представь еще въ одномъ и томъ же человѣкѣ — правоучителя всѣхъ вѣковъ, Философа, совершенно постигнувшаго всѣ изгибы сердца человѣческаго, искушеннаго въ своей религіи, которую, кажепся, самъ онъ сотворилъ, обогащеннаго всѣми познаніями нравовъ, обычаевъ своего времени и всѣхъ народовъ, натуралиста глубокаго въ таинствахъ природы, Географа, Историка вѣрнѣйшаго (въ отношеніи къ временамъ героическимъ, для которыхъ онъ единственной источникъ всѣмъ Историкамъ), и припомъ добраго, чувствительнаго, и, какъ обычно

венно водился, — бѣднаго несчастливца, живущаго единственно воспоминаніями Геликона; — споль совершеннаго въ своемъ искусствѣ, что на его сочиненіяхъ Аристотели основали всѣ правила науки, а Спинозцы называли его ошцемъ Поэзіи: Вотъ Гомеръ! — Какое дарованіе! какія неизчислимыя свѣденія! — И наконецъ: еспли характеры Гомера занимательны и чудесны, то его собственнѣйшей, по швореніямъ и обстоятельствомъ жизни долженъ предшавляться — по крайней имѣрь любимцамъ Аполлоновымъ, еще болѣе занимательнымъ и чудеснѣйшимъ! Въ его воображеніи была вся природа: сполько же великаго, сполько же подробностей въ предметахъ, сполько же цвѣшовъ и красокъ, въ такомъ же порядкѣ, въ томъ же разположеніи, какъ у ней! — Въ его сердцѣ — заключены были всѣ сокровища природы нравственной и чувственной, во всѣхъ видахъ, во всѣхъ измѣненіяхъ: — и сіе Цѣлое въ непрерывномъ движеніи, то быстромъ то спокойномъ, всегда разнообразномъ, всегда величественномъ, какъ величествен-

на небесная природа боговъ и земная Героевъ, сыновъ небожителей! Чудно ли теперь, что онъ, какъ любимецъ природы, и ея, по особой довѣренности, хозяинъ изъ такого богатства извлекъ матеріалъ; какъ сынъ Аполлона, составилъ спашуи; какъ другъ Любви и Граціи далъ имъ жизнь, подобно Пигмаліону; какъ опецъ вкуса и знапокъ человѣческаго сердца, умѣлъ ихъ *поставить* на мѣсто, дать каждому изъ нихъ характеръ, должность, дѣло, устремляшь въ поприще, доводишь до цѣли, разнообразишь безъ нарушенія единства, производишь среди нихъ бури безъ нарушенія порядка: во всемъ *и вездѣ плѣнять*, научашъ Царей и народы, лучше Хризиппа и Краншора! — Нѣтъ, это не искусство; это сама природа! — И вотъ образецъ эпическаго Пѣснопѣца! и вотъ идеаль Поэмы! . . . Извини меня, другъ мой, въ эпомъ длинномъ предисловіи: его произвели твои замѣчанія о Гомерѣ; — впрочемъ оно, можетъ быть, и не лишнее . . . оно самому мнѣ показало, съ какой стороны должны мы смол-

рѣшь на характеры своего опечеснвеннаго Пѣснопѣвца. Ибо я долженъ писать къ тебѣ объ нихъ; потому что ты прѣбуешь непременно плашъ за свои замѣчанія. — Не надѣюсь, чтобы эта плаша была для тебя выгодна; но дѣлашь нечего: исполняю швое шребованіе.

Мы уже видѣли *систему* чудеснаго въ Россіадѣ: система дѣйствія Героевъ его не болѣе, какъ мнѣ кажется, удачна. — Но что бы лучше разсмопрѣшь сіи лица, сполько знаменишыя, осмѣлимся, съ позволенія Аполлона и почщенной шѣни Хераскова, вызвать ихъ изъ мрака древности, оживишь въ воображеніи своемъ славной походѣ и покореніе Казани, сраженія, спраданія, шруды и побѣду; другими словами: *поставить ихъ на своихъ мѣстахъ другъ противъ друга* — Россіанъ прошивъ Ташаръ. Въ разборѣ ихъ характеровъ и дѣйствій, я послѣдую шому же плану, который сохранилъ ты въ разборѣ характеровъ Героевъ Гомеровыхъ. И какъ иначе поступишь можно для чесши

Писателя, для удовольствія читателей и
для пользы науки? —

Вошь они всѣ предъ своими глазами:

І О А Н Н Ъ.

Адашевъ.	Сулибека.
Курбскій.	Ослианъ.
Хилковъ.	Сеитъ
Алей.	Сагрунъ.
Морозовъ.	Гирей.
Микулицскій.	Асталоуъ.
Мотиславскій.	Исканаръ.
Пеннинской.	Рема.
Щенятевъ.	Эдигеръ.
Пронскій.	Раида.
Романовъ.	Гидромиръ.
Плещеевъ.	Мирседъ.
Палецкій.	Бразинъ.
Серебряной	Низринъ.
Шереметевъ.	
Шелякинъ.	
Троекуровъ.	
Розмыслъ.	
Младой Курбскій.	
Князь Тверской.	
Вассианъ.	

Какое множество Героевъ! какъ могла бы быть сложна, чудесна и величественна машина, имѣющая столько дѣйствующихъ силъ!... Но я, по школьной своей привычкѣ, въ противность нѣкоторымъ новѣйшимъ нашимъ кришикамъ, дающимъ прямо и рѣшишельно судъ свой о всемъ въ Елиграммѣ, въ пародіи, въ нѣсколькихъ смѣлыхъ словахъ, или просто въ пасквильномъ модномъ сочиненіи на нѣкоторыя слова, или на нѣкоторыя стихи, безъ всякихъ доказательствъ, — я, не имѣя на себя столь дерской надежды, опять обращаю вниманіе свое на старыхъ добрыхъ друзей, то есть, на старые книги, и посовѣповавшись съ ними, предложу свое мнѣніе о *характерахъ* нашего Пѣнопѣвца. Чувствую, о комъ говорю; и умѣю выказать полное уваженіе къ талантамъ Мужа, столь много содѣйствующаго успѣхамъ и славѣ Россійской Словесности.

Всякое лице имѣеть свое качество, отличающее одно отъ другаго. Это качество состоитъ, или во врожденной

наклонности человѣка , понуждающей его дѣйствовать пѣмъ или другимъ образомъ, или въ разположеніи, приобрѣщенномъ посредствомъ навыка, воспитанія, короче, въ привычкѣ (копорую называютъ второю природою) мыслишь, чувствовашь и поступашь такъ, или иначе: вопъ что называется *характеры и нравы*: Два шермина сливающіяся, почти однозначительные. — Аристопель говоритъ, что нравы должны быть *сходны или вброятны, ровны, приличны, величественны* (*), *разнообразны, выдержаны отъ начала до конца* своего дѣйствія. — Ты согласишься, что спорить въ этомъ дѣлѣ никому не лзя: святое правило, почерпнутое изъ природы, оправданное вкусомъ и согласіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ !

(*) Такъ можно выразить, по согласію многихъ ученыхъ, мысль Аристопелю, который говоритъ, что характеры должны быть *добрыя*. Это значитъ, что они должны быть и въ добрѣ, и въ злѣ — *сильныя, высокія, изящныя*.

Я могъ бы еще прибавить къ симъ одно предварительное *экономіи* правило: *число и необходимость*. Поэма столько должна имѣть Героевъ, и не болѣе и не менѣе, сколько по необходимости пошребно для того, чѣшобъ естественнo, разнообразно и достойно ея, совершилось дѣйствіе. По моему мнѣнію, еще болѣе обнаружился высокаго таланта, когда одна Поэма совершитъ свое дѣйствіе чрезъ меньшее число дѣйствующихъ лицъ съ тѣмъ же разнообразіемъ и великолѣпіемъ, съ какимъ совершаетъ другая при большемъ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ обильнѣйшее разнообразіе въ единствѣ всегда имѣетъ великое достоинство; ибо сей самой излишекъ, по крайнѣй мѣрѣ, есть прекрасной недостатковъ.

Почему познаемъ мы характеры, дѣйствующіе въ Поэмѣ или Драмѣ? —

Гораций отвѣчаетъ :

... Effert (natura) animi motus, interprete lingua.

Языкъ — органъ души : она имъ говоритъ ;
 Языкъ съ движеньемъ чувствъ приемлець
 сродный видъ !

И такъ сперва по словамъ , по движені-
 ямъ глазъ , лица , потомъ по дѣйствіямъ
 познаемъ мы характеры Героевъ.

Первое лице, представляющееся намъ
 съ Поэмъ есть *Іоаннъ*. Онъ является
 въ цѣпущей молодости , сперва увлечен-
 ный забавами, праздностію и лестию двора
 своего , но скоро возбужденный силою
 благочестія и гласомъ дружбы, — споль
 рѣшишельный, твердый въ своихъ пред-
 пріятіяхъ, что слезы молодой, прекрасной
 супруги и общее моленіе вельможъ не мог-
 ли остановить его, грядущаго прошивъ
 Казани ; онъ говоритъ :

. . . . . Возлюбленна моя !

О ты , котору чпу не меньше жизни я !
 „Къ шебѣ я узами сердечными привязанъ ;
 „Но прежде былъ еще опечесиву обязанъ ,
 „И шолько спадъ во свѣщъ наслѣдникомъ
 рожденъ,
 „По званію сему ужъ былъ предубѣжденъ,

Въ народномъ щаснїи мое блаженство чи-
 слишь,
 И собственною забывъ, о благѣ общемъ
 мыслишь;
 Душевные слабости и нѣги опшешать,
 Во подданныхъ друзей и ближнихъ почи-
 тать:

Вопшь должность Царская ... о вѣрная супруга!
 Мой первой естъ законъ Опшечеству услуга;
 Не оппоргай меня опъ бремени сего,
 Которо свято естъ для сердца моего;
 Когда, любя себя, мой долгъ я позабуду,
 Супругъ и Царь тогда достойной я не буду.

И когда:

Просперши взоръ къ Царю чершоговъ
 съ высоты,
 Царица нѣжная въ слезахъ явилась пы!
 Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно про-
 сить,
 Младенца своего на раменахъ возносишь;
 Распрепанны власы, взоръ шомный, блѣд-
 ной видъ
 Поколебаль Царя!... Но спонъ въ груди
 былъ скрышь;
 Слезъ капли оперевъ, взглянулъ на мечъ,
 на войски,
 И чувства на лицѣ изобразиль геройски!

Онъ простилъ Сафгира, измѣнившаго
Опечеству и Вѣрѣ; весьма пріятно
видѣшь его посреди спражующихъ Россі-
янъ въ пѣжкомъ зноѣ:

Великій духомъ Царь, познавъ гнѣвъ небесъ,
И руки и глаза ко высотѣ вознесъ;
Колелемъ вихрями въ слезахъ вѣщаль: о
Боже!

Или враги Тебѣ Твоихъ рабовъ дороже?
Ты ужасъ положилъ въ ограду ихъ спранамъ,
Но все преодолѣвъ оставъ ты бодроств
намъ!...

Онъ забываетъ самъ себя, и печет-
ся только о жизни своихъ рапниковъ.
Два рапника нашли воды, и

. . . . . водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю усердны, пихи, нѣмы;
Дабы, гдѣ равная снѣдается жажда всѣхъ,
Отъ нужды ревности не сдѣлалъ кино по-
мѣхъ;

Печальнаго Царя отъ сѣни оппоргаюшь,
И воду свѣжую во шлемахъ предлагаюшь.
Сей подвигъ пѣжкій вздохъ у ихъ Царя из-
влекъ,
О други! ихъ обнявъ, — Монархъ заплакавъ,
рекъ:

Или вы чааете , что въ семь проспранномъ
 полѣ
 Вашъ Царь слабѣе всѣхъ , и всѣхъ поминся
 болѣ ?
 Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой
 судьбѣ ,
 О страждущихъ сомной , томлюсь не о себѣ ;
 Пойдемъ , и опнесемъ напитокъ сей скор-
 бящимъ ,
 Несчастнымъ рапникамъ , почти въ гро-
 бахъ лежащимъ :
 Подарокъ сей для нихъ , не для меня мнѣ
 милъ . . .
 Пошелъ , и воиновъ скорбящихъ напоилъ .

Въ доказательство, что онъ воевалъ
 для защиты, а не для расширения предѣ-
 ловъ Россіи , пошчасъ по прибытіи въ
 Свѣяжскъ , посылаетъ гонца съ предло-
 женіемъ о мирѣ ; получивъ упорной оп-
 вѣтъ , располагаетъ войска ; принимаетъ
 Сумбеку, въ плѣнъ посланную своими под-
 данными со всемъ великодушіемъ ; покро-
 вительствуетъ Гирею , милосердствуетъ
 къ побѣжденнымъ и плѣннымъ ; ободряетъ
 малодушнаго Царя Казани по совершен-
 номъ взятіи сей Столицы , и наконецъ

признапельный къ своимъ Героямъ , всю славу побѣды относитъ къ Богу. Я могъ бы продолжитъ мои выписки для каждой изъ сихъ чертъ въ характеръ Иоанновомъ; но это слишкомъ много разпространило бы мое письмо : ты самъ ихъ помнишь , и можешь приискашь , когда угодно.

И такъ мы теперь видимъ , что главныя черты характера Иоаннова суть : *благочестіе , рѣшительность , твердость , милосердіе , великодушіе , любовь къ подданнымъ и кротость*. — Свойства прекрасныя , особенно на престолѣ ; но что бы показатъ ихъ въ надлежащемъ ихъ блескѣ , надобно vybrать изъ жизни Героя случаи разительнѣйшіе , нечаянныя , обстоятельства самыя трудныя , обороты крутые , и въ которыхъ образомъ насильственные : въ такихъ токмо случаяхъ добродѣтель поражаетъ своимъ величіемъ ; въ прошивныхъ обстоятельствахъ она имѣетъ для слабыхъ челоуковъ свѣтъ обыкновенный. Это первое правило. Другое : естли

хотимъ, что бы характеръ былъ занима-
 тельной и ошличной; но непременно
 требуетя для того, представлять про-
 сто добродѣтелей, самыхъ прекрасныхъ
 по себѣ, но въ видѣ увеличенномъ.
 Пусть будетъ въ Героѣ все чрезвычайно
 даже до его слабостей! это необходимо:
 ибо надобно чипашелю ошличить его
 среди тысящей и тысящей. Вотъ, ка-
 жется, въ чемъ погрѣшилъ Херасковъ
 пропивъ Иоанна. Онъ хотѣлъ предста-
 вить изъ него совершеннаго Государя,
 обладающаго *всѣми* добродѣтелями; но сіе
 совершенство не столько заключается
 въ обладаніи *всѣхъ*, но въ силѣ *ихъ*. Какъ
 не естественна, что бы одинъ Герой об-
 ладалъ вдругъ *всѣми* въ высочайшей си-
 лѣ; такъ равно и для искусства не вы-
 годно представлять такія лица, естли
 бы онѣ были: ибо тогда спановятся онѣ
 для чипашеля существами сверхъ-есте-
 ственными, ошдаленными, возбуждающи-
 ми къ себѣ одно удивленіе, а не любовь,
 не очаровательную привязанность, сколько

сладоспную для самаго чипашеля, когда онъ ее возчувствувешъ. — Справедливо говорипъ Мармоншель: желая сдѣлать Героя, дѣлаемъ урода!... И вопъ причина, опъ чего Эней, сполько во всемъ совершенный, мало насъ прогаешъ. — Опяшь обращаусъ къ Гомеру, которой умѣлъ не всѣ черпы брашь для своего характера, но сполько особенныя, какъ говоритъ Гораций, такія, которыя предспавляли бы въ немъ существо опличное, высокое, но всегда челоуѣка. Іоаннъ Хераскова, сей pius Aeneas, въ опношеніи къ вѣрѣ (ибо эпо его главнѣйшее достоинство), конечно особа опличная; но онъ въ то же время и суевѣренъ, и не швердъ въ ней, будучи пораженъ предвѣспіемъ Вассіана, явленіемъ и угрозами Магомеша. — Онъ *милосердъ*: прощаешъ Сафгира; но въ эпомъ случаѣ болѣе дѣйствовало желаніе знашь новости Казанскія, нежели милосердіе. Онъ *великодушенъ* къ Сумбекъ; но что же иное можно было сдѣлать съ женщиною, которую собспвенные подданные предали ему во плѣнъ, и за которую въ ту же ми-

Книж. V.

Ж

нушу ходапайспвовали спраспные взоры друга его Алея? Вопшь чудно, какъ оспорожносп и блаторазуміе Іоанново могли пребовашъ, чшобъ сія женщина, сполько крапшь бывшая виною' измѣны Алея, и напурально пишпаящая ненависть къ Государю, оспяшь соединилась съ своимъ любовникомъ, и даже въ шу же минушу оспправилась съ нимъ вмѣспѣ! . . Іоаннъ кротокъ, но развѣ обычаями полько времени можно извинишь повелѣніе его, вязашъ плѣнныхъ Казанцовъ предъ спѣнами, для шого, чшо бы своихъ сберець? — Онъ осппанавливаетъ руку Алея, хотпящаго поразишь безоружнаго любимца Царскаго, вышедшаго съ прекрасными женами для умилоспивленія побѣдипелей: шу шу осппановленно шокмо неисповспво всппаленного воина! — Онъ прощаешъ Эдигера, падшаго предъ нимъ въ одеждѣ невольника: чшо же въ эшомъ оспличнаго, особеннаго? — Спранно покажешся шебѣ, другъ мой, чшо въ цѣлой Поэмѣ не нашель я мѣспа, гдѣ бы предспавлена была личная *храбрость* и не-

устрашилось Царя Иоанна! — Въ этомъ случаѣ Исторія къ нему гораздо справедливѣе, нежели Поэма. — Какъ пріятно видѣшь Царей — Героевъ, раздѣляющихъ съ подданными опасности битвъ и сѣчей, Агамемнона въ рядахъ Греческихъ, Энея на поединкѣ съ Турномъ, Гошфреда съ Аладиномъ, Петра Великаго въ огняхъ Полпавскихъ! — Еще спрашивае, что Пѣснопѣвецъ, забывая часпо Героя своего не далъ ему, ни сего пламеннаго спремленія къ славѣ, которая призываетъ воина, вездѣ бытъ первымъ, ни прошивупоспавиль ему нигдѣ (разумѣю: особенно), ни впреграды, ни соперника достойнаго! — Повѣришь ли мнѣ? въ цѣлой Поэмѣ не нашель я похвалы блиспапельнѣйшимъ вѣнценоснымъ добродѣтелямъ, мудрости и справедливости! — Вездѣ совѣшуетъ Адашевъ, Хилковъ, и пр. вездѣ внимаешь онъ Вельможамъ, и поступаешь по ихъ совѣшамъ. . . . Собспвенный образъ мыслей его закрышь, и пошому я не могу дописашъ его поршреша. — Впрочемъ ко-

нечно Государь уже премудръ, когда умѣешь выбратьъ мудрыхъ Вельможей! — —

Вотъ характеръ Іоанна. — Ты видишь, что доброе сердце Хераскова замѣшило въ немъ однѣ только мирныя, семейственныя, такъ сказать, добродѣтели, но не пылкія, воинственныя страсти, управляемые высокою прозорливостію и полишикою, которая сама собою сообщаетъ всѣмъ другимъ лицамъ направленіе и жизнь, не дожидаясь ихъ совѣта, — которая въ минушу всеобщаго смятенія, когда все въ нерѣшимости, вдругъ подобно молніи, раздѣляющей тучи, осіяваетъ мракъ сомнѣнія, и указываетъ настоящую цѣль, и которая наконецъ, въ часы всеобщей опасности, одна составляетъ перевѣсъ и оплотъ, и похищаетъ побѣду изъ рукъ торжествующаго непріятеля. Подобныхъ минушъ и случаевъ, сколько опличающихъ первыхъ Героевъ во всѣхъ Поэмахъ, нѣтъ для Іоанна, хотя онъ въ самомъ дѣлѣ былъ шаковымъ! —

Естьли, по нѣкопорому легковѣрію, не ровности въ несчастіи, хопѣль сдѣлать Херасковъ Іоанна подобнымъ Агамемнону, по почему не сдѣлалъ его Агамемнономъ въ другихъ отношеніяхъ? — Для чего, вмѣсто этаго смиренія, не придалъ ему болѣе гордости величественной и благородной, столько приличной Царскому сану, — сей самоувѣрительности, какъ знаменія великой души — сей даже вспылчивости (*) *Грозной*, въ первыя минушы не преоборимой, копорая однако, будучи управляема благоразуміемъ, соспавляла бы разипельную оплику его характера, ни мало его не порпивъ, — сего болѣе нѣжнаго боренія между любовію къ супругѣ и любовію къ Отецеству, и наконецъ сей воинской рьяности и быспропты, копорая всегда и во всякомъ насъ плѣняешъ; шѣмъ болѣе, что и лѣша (ибо онъ представляешся молодымъ), и обспояшельсп-

---

(*) Въ началѣ второй пѣсни Херасковъ говоритъ:

**Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ спавъ незлобень,
Быль солнцу Іоаниъ восточному подобень, и др.**

ва прежней его жизни эшаго пребовали, и еще болѣе сдѣлали бы его вѣрояшнымъ естественнымъ характеромъ? — Скажутъ, что въ сихъ-то недоспапкахъ Херасковъ и хопѣль заключить оплику и возмозноспь характера Иоаннова. Эшо не справедливо; ибо шаковыя слабоспи *противоположны* совершенно другимъ добродѣтелямъ; и слѣд. съ нимъ не совмѣспны... Но довольнo объ Иоаниѣ. Ты видишь шеперь причины, почему онъ насъ мало прогаешъ. Не говоря о прочемъ, можно сказапъ одно, что всѣ почти характеры очень слабо означены. Набрапъ нѣсколькo красокъ, назвавъ каждую изъ нихъ великодушiемъ, милосердiемъ, крoпоспiю и пр. — смѣшапъ всѣ, для шого шолькo, чтобы онѣ были на каршинѣ, — не значипъ нарисовапъ Героя! . . .

Вшорой характеръ Поэмы, долженствующiй быпъ важнымъ, еспъ *Сулибека, Царица Казанская*. Сей, по видимому, пропивополагаемый характеръ Иоанну, еспъ жалкая жершва собспвенной своѣй вѣспрен-

ности, *разврата*, неразумія и коварства Вельможъ. — Вопь роль ея: — сидѣшь ничпо не значущею игрушкою на пресполь, и послѣ бышь выданною собственными своими подданными въ плѣнъ Царю Рускому: — и эпто. случилось не въ концѣ Поэмы, а въ десятой Пѣсни. — Кажется, Пѣнопѣвецъ хотѣлъ въ ней представить намъ другую Армиду; но какъ онъ далекъ отъ Тасса! — Армида сохранила свой характеръ постоянной, даже и тогда, когда сдѣлалась сама рабою любви! — Для чего она послана была отъ Гидраоша въ станъ Христіанскій? — дабы ослабить воинство увлеченіемъ лучшихъ Вишязей? Она пришла, и всѣхъ плѣнила. Уже всѣ ея невольники: но какъ она вела себя? — со всею благородною приспойностию и скромностию, какъ самая тонкая приговорщица; никакъ не могъ извлечь рѣшительнаго признанія: она всѣхъ ласкала подь честнымъ предлогомъ будущихъ своихъ защитниковъ и возвращишелей ея опечесвеннаго достоинства: поступки ея и пре-

бованія были открытыми предъ самимъ Гошфредомъ, и ничѣмъ не очернены.

Такъ поступала она до самаго того времени, какъ насталь срокъ оппуска Героевъ, и самъ Гошфредъ не могъ прошизидься ея моленіямъ и желанію Рыцарей. Столь было сильно, умно и увлекательно ея коварство, покрытое личиною крѣпости, невинности, сиротства беззащитнаго, пребывающаго непрѣмнаго участія опъ всякаго Вишязя, особенно по тогдашнему образу мыслей. — Герои пошекли за нею и попались въ сѣпь; она наконецъ успѣла вовлечь и Танкреда; но и сей жертвы было мало: ей нужно было лишидь воинство и главнѣйшей его защиты; она искала Ренальда: вопъ въ чемъ шоржесство и конецъ ея намѣреній. — До сихъ поръ все она не любовница, но коварствующая, ненавистію преисполненная волшебница!... и странствующій, изгнанный Ренальдъ попалъ въ ея плѣнь!... Уже влечеть его окованнаго...: уже шор-

жеспвуетъ. . . . но здѣсь сильнѣйшее волшебство возпоржеспвовало надъ нею: любовь! Топъ, котораго за одну минуто хопѣла умершвиць, топъ еще, не открывая глазъ своихъ, сонной очаровываетъ свою владычицу, и рабъ дѣлается ея пираномъ! — Какое удивительное искусство въ Тассѣ! какая великая слава для Ренальда! Одинъ онъ оковалъ сіе мстительное, гордое сердце, увлекшее за собою въ рабспвенныхъ цѣпяхъ знаменишѣйшій сонмъ Вишазей. — Но покорясь любви, измѣнилась ли Армида въ ненависпи къ Христіанамъ? Нѣтъ; она уноситъ свою жертву въ другой міръ безызвѣстной. — И пакъ, въ самой своей слабости, она исполнила все свое предназначеніе: всѣ лучшіе Герои увлечены, и воинство Христіанское спраждаетъ. — Вошь Героиня, достойная Эпической Поэмы! — По моему мнѣнію, еспли бы не плѣнилась она Ренальдомъ, не оказала наконецъ сей слабости, свойспвенной ея полу и лѣпамъ: тогда бы ея характеръ

былъ только характеръ ненавистной.... а теперь, нѣкопрымъ образомъ, склоняемся мы къ самой Армидѣ, и, не смѣю сказать, едва ли не извиняемъ ее. — Такимъ-то образомъ великіе Пѣсопѣвцы Тассъ и Расинъ умѣюпъ заставипъ насъ приняпъ участіе въ характерахъ, достойныхъ осужденія, въ Армидахъ и Федрахъ!...

Теперь посмотримъ на нашу Армиду, копорая припомъ и Царица самодержавная. Херасковъ съ самаго начала самъ опредѣляетъ ее *непристойною*: онъ говоритъ, что она слѣдуетъ *развратной* любви. (Пѣсн. III. стр. 37 я.) — За чемъ же онъ выводилъ такой характеръ? — Въ предисловіи своемъ говоритъ онъ, что характеръ Армидинъ не *назидателенъ*: а его Сумбека развѣ назидательна? — Признаюсь себѣ, я не знаю почки, съ которой смопрѣшь на нее, дабы опредѣлишь черты ея характера. — Начнемъ съ того, что она Царица. — Поддержанъ ли, но крайней мѣрѣ по наружности, санъ

Царскій? — Нѣтъ . . . она раба Сеипа , при копоромъ не смѣешь любить Османа, — раба Сагруна , предъ копорымъ , упавши на колѣна , вопіешь :

*Ахъ, еслили грѣхъ любить, такъ грѣшенъ
цѣлой свѣтъ!*

Ее принуждаютъ выбрашь супруга : выбираютъ безъ нее; она слезами и воплями выпрашиваетъ у подданныхъ своихъ опсрочки. Какое характерное лице! Скажущъ, она любитъ Османа , увлечена любовію? Наурошивъ, при первомъ случаѣ сажаетъ его въ шюръму, и послѣ, извлекши въ цѣняхъ, пребуешь, чшобъ Алей убилъ его немедленно , и Алей могъ бы убилъ его; но безразсудное милосердіе сего Царя свободило Османа изъ цѣпей на будущую свою пагубу.

„И шакъ она любила Адея, и по своему сердцу, и по требованію народа?“ — Такъ бы казалось . . . но минуша , и она послала къ нему съ невольникомъ, ядомъ на-

военную одежду, опъ копорой могъ онъ избавишься только по вѣрности сего невольника, и едва ушацилъ ноги. —

„И такъ она жертвовала свирѣпой полишикъ и собственнымъ выгодамъ?“ — Ни чупъ нѣтъ! — Она собственно ничего не предпринимала въ отношеніи къ своему Царству: ибо есльи она приняла Алея, спрашась единспвенно пророчества Сафгиреева, то для чего же хощѣла убить его, — Алея, опъ копорато зависѣла цѣлость Царства? — или, есльи нужно было убить его, то, по крайней мѣрѣ, для чего не нашла она благовидной причины, на пр. лукавое полкованіе Сагруна? — Нѣтъ, нешерпѣливость ея хощѣла предупредить полишическія мѣры! и прежде Сагруна Царица условилась съ Османомъ. Есльи съ другой спороны любила она Османа, то для чего предала его сперва Алею, а послѣ на послѣднюю жертву Аспалону?—

„По крайней мѣрѣ, она была волшебница?“ — только на словахъ! Ибо Пѣснопѣ-

вещь, могшій извлечь изъ сего важныя сокровища для возвеличенія ея характера, пренебрегъ ихъ совершенно.

„Можешъ бышь, она была несчастная и добрая?“ — За меня отвѣчаешъ вамъ самъ Пѣснопѣвецъ :

Паче, нежель честь, порокъ она любила!—

Вотъ *безпримѣрной* характеръ Сумбеки, или лучше безпримѣрная безхарактерность! Но я все еще не выражусь шебѣ... и безхарактерность въ пѣсахъ комическихъ есть характеръ. — Но здѣсь, въ Поэмѣ, видѣшь лице, какъ Французы говорятъ, безъ послѣдствій, не стерпимо. — Пусть Сумбека, по опредѣленію Авшора и, какъ мы видѣли, будетъ развращенная, вѣтренная хвасунья, любящая порокъ болѣе, нежели честь; по крайней мѣрѣ, для чего не дасть ей особенной силы духа, особенной проницательности, столько свойственной ей полу, тончайшихъ хипростей,

гордостнн необыкновенной, даже злобы и мспиппельности Медеиной, ума неушомимаго, волнуемаго спрасшю сильнѣйшею, хошя и *развратною*! — Всѣ опврапшншельныя и самыя позорныя лица чрезъ сн блнспашельныя прибавкн дѣлаются для насъ занимательными, и дурныя характеры поправляются; они возбуждаютъ, по крайней мѣрѣ, въ насъ удивленнє какъ спранная, смѣсь природы въ одномъ ипомъ же человекѣ. Напропнвъ Сумбека споль близорука, что не видншь, такъ сказашъ, ннчего уже подъ руками: такъ слаба въ духѣ, и холодна въ любви, что не можешъ рѣшншься сдѣлать одного шагу! такъ мало самолюбнва, что позволяешъ оскорблять себя явно; и наконецъ, я не знаю, что такое Сумбека, и для чего являешся она на сценѣ?

Одннмъ словомъ, Сумбека предспавляетъ самое жалкое комическое лицо, на пр. спарика больнаго въ подагрѣ, въ лихорадкѣ, въ сумашесшвнн, которое не

Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы
 Давали Княжески по выбору вѣнцы?
 Какъ полночь робкая, въ Казань простерши
 Длани,
 Намъ вѣрностью клялась и приносила дани!
 Довольно было намъ дать знакъ своей рукой,
 Чтобъ градамъ ихъ пыласть и рушить ихъ
 покой,
 Возжечь въ народѣ семь войну междуусобну,
 Родства оковы рвать и зависть сѣять злоб-
 ну.
 Еще на тѣхъ горахъ стоить нашъ гордый
 градъ,
 На коихъ спрашенъ былъ его Россіи взглядъ;
 Еще ты Волжская спруя не уменьшилась,
 А прежней лѣпоны Казань уже лишилась!
 Мы очи-ль возведемъ на Сѣверь съ нашихъ
 горъ:
 Тамъ нашей власпи намъ уже не кажетъ
 взоръ.
 Но что я говорю о даняхъ и о славѣ?
 Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
 И счастье, учинивъ упрямой оборотъ,
 Порабощаетъ ихъ престолю мой народъ;

Свіажскъ раждаешся, — коль дивныя пре-
мѣны!

Уже къ намъ движущся Россійски съ громомъ
спѣны.

Но кто враги сіи, копоры намъ грозятъ,
Копоры ужасомъ сердца у насъ разятъ?
То наши данники, по слабые народы,
Копорыхъ славы мы лишили и свободы и пр.

И рѣчь ея предъ Іоанномъ въ плѣнѣ:

Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь
болѣ?

Казань ты побѣдилъ, коль я въ пвоей не-
волѣ;

Смотри, о Государь! вѣнца на суемъ,
И щастье почиай за щцепную мечу!

Я узница пвоя, но я была Царица;

Всему начало еспъ, средина и граница:

Когда мнѣ славиться не лзя уже ничѣмъ,

Нещастіе мое почти въ лицѣ моемъ.

Признашья я хошу: какъ прономъ я вла-
дѣла,

О пагубѣ пвоей и день и ночь радѣла;

Я съ воинствомъ тебя хотѣла изстребить;

Книж. V.

З

Но можешь ли и ты враговъ твоихъ любить,
 Враговъ, которые оружіе подъемлютъ,
 И Царство у тебя и твой покой опьемлютъ?
 Что сдѣлать хочешь ты; то дѣлала и я;
 И если я винна, свята вина моя;
 Но, ахъ! за то, что я Отечество любила,
 Свободу, щастіе и скипетръ погубила....

Для того привожу сіи рѣчи, чтобы
 показать, что Сумбека вся составле-
 на изъ противорѣчій. Заключимъ: сіе ли-
 це совершенно противно всѣмъ прави-
 ламъ о Эпическихъ характерахъ.

... Но довольно для сего разу; пись-
 мо мое и такъ уже очень продолжительно.—
 Ошибки въ характерѣ Сумбеки еще бо-
 лѣе объяснятся, когда разберемъ мы ха-
 рактеры Алея и Османа. — Буду гово-
 рить короче о прочихъ лицахъ, такъ
 какъ дѣйствующихъ не въ продолженіи
 цѣлой Поэмы. Съ прискорбіемъ должно
 признаться, что многіе Герои Хера-

скова суть эфемеры, или лучше, блестящія пылинки Санхоніапона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и рождаются; но чрезъ это ни мало не показываютъ намъ ни начала своего, ни сущности, ни качества. Прости до слѣдующей почты.

Мрзлкв.

10. Мая,
1815 года.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

64540

І Ю Н Ъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Юня
28 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Демидовскій.

04372

О Г Л А В Л Е Н І Е,

	Стран.
I. Россіада. Письмо къ другу. Продолженіе о характерахъ.	1
II. Ильинское.	42
III. О краснорѣчіи женщинъ.	57
IV. Рѣчь Аннибала къ воинамъ.	65
V. Воззваніе къ Россу, при извѣ- стіи о возвращеніи въ Парижъ Бонапарша.	71
VI. Спранствовашель и домохъдъ.	75
VII. Посланіе къ А . . . ю О . . . у М . . . ву.	92
VIII. Алина и Альсимъ.	100
IX. Лемноскія кузницы.	109

Оглавленіе.

	Стран:
X. Пѣсня.	112
XI. Къ Софіи.	115
XII. Къ С. . . .	116
XIII. Эпиграмма.	—

I.

РОССИДА.

(Письмо къ другу. Продолженіе о характерѣ.)

Начавъ говорить о характерѣ Алея, я долженъ сперва просить у тебя извиненія въ томъ, что напрасно сомнѣвался въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, къо Алей, Хрисіанинъ, или Магомешанинъ. Это сомнѣніе произошло единственно отъ того, что Писноповецъ говоритъ о Царѣ въ семъ отношеніи довольно неопредѣлительно. — Скажешь: онъ другъ Иоанну; хорошо! но онъ могъ бытъ другомъ Монарха Россійскаго, будучи иновѣрцомъ. Теперь въ десятой, въ двадцатой, или болѣе разъ перечитывая Россіяду, я, кажешся, увѣрился, что онъ былъ крещенъ. — Нахожу доказательство въ словахъ Гирея, друга Алеева, Иоанну:

Хошу я Божество вселить въ душу мою,
Какое знаешь ты, и знаетъ Царь Алей!
Книж. VI. ▲

Виновашъ, другъ мой, но, скажи самъ, можно ли въ такѣмъ огромномъ швореніи, усмотрѣшь всѣ подробности съ надлежащею исправностію? — Знаю, что я и во многомъ ошибаюсь; но крайней мѣрѣ ушѣшенъ тѣмъ, что обращу вниманіе другихъ на столь достойную Поэму, и пригосповлю нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Впрочемъ это сомнѣніе было полезно. *Религія* есть основа характера. Имя *Алей* и разбросанныя объ немъ характеристическія черты въ разныхъ Пѣсняхъ, все меня болѣе или менѣе убѣждали въ его выгоду; а теперь . . . признаюсь, онъ, кажется, весьма много теряетъ въ глазахъ чинашеля, какъ Христіанинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить такого человѣка, который будучи увлеченъ обыкновенною хипростію женщины, пригодною не въ Поэмѣ, а въ Эклогѣ только между паспухами и паспушками, (она притворилась спящею посреди лѣса очарованнаго) могъ вдругъ позабыть и свой долгъ, и своего Царственнаго

друга, и благодѣшеля, и свою вѣру? —
 Чѣмъ это назвашь, какъ не измѣною,
 и измѣною ужасною? — Правду сказать,
 что сей отрывокъ, можешь быть, по
 слогу лучший въ Поэмѣ, и чипая его, не-
 вольно извиняешь поступокъ Алея. —
 Сумбека прекрасная, пробудившаяся на-
 конецъ, во всей прелестной своей небреж-
 ности, подстрекаемая коварствомъ, под-
 крѣпляемая Амурами, говоритъ Алею:

Жестокой! для себя я выслана изъ града;
 Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
 Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
 Они любовь мою и вѣрность къ Сафгирею
 Почли къ тебѣ, Алей, суровоспью моею;
 Велятъ несчастной мнѣ, твоей славной родъ
 любя,
 Или оставишь тронъ, или смягчишь тебя.
 О коль послѣднее вельнѣ мнѣ пріятно!
 Сама иди въ Свіяжскъ спремилась я сто-
 кратню!
 Хотѣла предъ тобою рѣками слезы лить,
 На твой престоль тебя обратню умоливъ.
 Но я напассть мою какъ будто предузрѣла,
 Предстанть очамъ твоимъ я прежде не хо-
 тѣла,

Доколѣ не могла сомнѣнїевъ пресѣчь ;
 Для нихъ была должна супружнїнъ гробъ
 сожечь ;

Боролась съ жалостью, боролась со страхомъ,
 Дабы не уличаль меня и симъ пы прахомъ.
 Взгляни на гробы пы, на пепель ихъ взгля-
 ни :

Усердіе мое къ тебѣ являть они.

Увы ! любезный Князь ! войдемъ во градски
 спѣны ,

Не бойся хипроспи и не спрашисъ измѣны :
 Тебя корона шамъ , любовь и скипепръ
 ждупъ ,

Взаимной миръ съ Москвой въ тебѣ Вель-
 можи чшупъ ;

За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю ;

Но пы задумался , я рѣчь мою скончаю .

Моей покорности спыдишься я должна . . .

Варыдала , и пошла спенаючи она . . .

Алей , копорый звалъ ее сперва въ
 Свіажскѣ , дабы примирить Казань съ Рос-
 сією , послѣ сихъ послѣднихъ словъ ,

Сспрежипся въ слѣдъ за нею ! —

Сцена очень хороша ! — но она по сію
 пору показала шолько въ Алеѣ старую

вспыхнувшую страсть, возспорть, испу-
 пленіе. Оно просишельно, и естествен-
 но; но какъ забылся до того, чтобы
 совсѣмъ оставилъ свой постъ, и пренебречь
 все, и пребыть слѣпымъ въ Казани даже
 до послѣдняго дня своего невольнаго бѣг-
 ства? — Въ оправданіе свое

Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
 Прислалъ изъ ней въ Москву съ присягой
 вскорѣ дань;
 Мягкя сердца Ордынцовъ успокоилъ,
 Ихъ наглость обуздавъ, всеобщій миръ
 устроилъ.

Да какъ онъ могъ это чаяшь послѣ
 словъ Царицы:

Тебя корона шамъ, (въ Казани) любовь и ски-
 пецъ ждуть?

Почему онъ, если быль увѣренъ въ
 любви Сумбеки, пошчасъ не увѣдомилъ
 Царя о свиданіи своемъ съ нею, дабы дашь
 новому союзу видѣ благородный, соопвѣп-
 ственный своимъ чаяніямъ? — Почему онъ
 оставлялъ Царя споль долго въ безызыст-

ности и подозрѣнн? почему онъ, копто-
рый при одномъ воззрѣнн на испуканъ,
гдѣ

Модипвы ложному пророку приносили,
И вѣчна поржесца надъ Россами просили —

опшрацилъ взоръ свой, и чупъ было не
презрилъ Сумбеку, — почему онъ, говорю, не
вспомнилъ чрезъ споль долгое время своей
вѣры и присяги! — А вспомнишь онъ могъ
и въ самомъ высочайшемъ испупле-
ннн своей спраспн, 1е пошому, что
былъ не въ другомъ мнрѣ, какъ Ренальдъ,
а въ Казани; и 2е, пошому, что это
даже не помѣшало бы ни мадо его спра-
спн! — Иоаннъ зналъ его любовь, и го-
шовъ былъ согласишься на бракъ, шак-
же какъ Онъ всегда согласенъ былъ и на
миръ. — Алей самъ обольщенъ симъ ми-
ромъ: почему же онъ объ немъ не
спарался? — Особенно, когда ему го-
ворила Сумбека:

Тронъ пшвой, и я швоя!

Съ моимъ сливающимся народнымъ сердца;

Опъ нихъ и опъ меня приемлешь два вѣнца;

Одинъ Царемъ себя пворипъ надъ сей
 еспраною,
 Другой надъ нѣжностью моей и надо мною;
 По миѣ сей градъ, престоль и весь народъ
 еспъ пвой:

Но съ нами примирясь, смири Казань съ
 Москвой,

Мы ей селенія за - Волжскія уступимъ,
 И еспъли хочешь ты, присягой миръ съ ней
 купимъ.

Мы браней не хопимъ! и пр.

И когда ему она предала Османа, и
 когда уже

Алей Казань мяшежду успокоилъ,
 И къ миру онъ сердца съ Россією успроилъ;
 Эшаго мало; Сумбека:

Взвела на пронъ Алея,
 Алею ввѣрила владычество свое....

Опъ чего же такъ долго не зналъ ничего
 Юаннъ?

Короче: характеръ Алея въ началѣ
 показывается слабой, непостоянной, ни-
 чшожной, жертвующей всею своею спра-
 спи, и даже благодѣтельной дружбою!...
 Онъ позабылъ въ уноеніи поспыдномъ са-
 маго Гирея! (стр. 85.) Эпо бы даже не

совсѣмъ поршило, естли бы Авторъ прежде показалъ намъ особенныя услуги его Иоану и вѣрность. Тогда бы чиншатель пришло предупреденъ былъ въ его пользу; самая слабость его была бы нѣкопорою даже любезною опущѣнкою въ его характерѣ. Ничего нѣтъ. Винязя еще не видали на сценѣ: а подвиги его начались уже за кулисами вѣстїю чрезъ гонца къ Иоанну, называвшему его своимъ другомъ, — вѣстїю объ измѣнѣ, о любви, и съ кѣмъ же? съ Царицею враждебною! — Неудачной способъ представлять характеры! — И какъ мнѣ больно теперь, что Иоаннъ называется Алея своимъ другомъ!

Скажущъ, что Царь, можешъ быть, по тогдашнимъ обстоятельствомъ имѣлъ въ немъ нужду? — Этого не видно.

Стихотворецъ самъ чувствовалъ несообразность Алеева характера, и потому заключаетъ пяную Пѣснь сими словами:

Когда Алей Казань къ покорству призывалъ
Свіяжскъ измѣною его подозрѣвалъ! —

Сколько несомвѣстностей! — Гдѣ онъ
призывалъ ее? — гдѣ онъ дѣйствовалъ? —
Мы слышимъ объ его дѣйствіяхъ только
изъ устъ его непріятелей, которыхъ самъ
Авшоръ называетъ клеветниками. Но
пусть онъ былъ даже шайнымъ Агеншомъ
Іоанна; но какая слава его дѣлъ? — Герой,
начавшій и не кончившій, и убѣжавшій
споль постыдно, никогда не можешь за-
нимать насъ. Это правило Эспешики,
почерпнутое изъ природы.

Дружба избавляетъ сего слабого че-
ловѣка изъ западни, въ которую онъ по-
пался, и по слѣпотѣ своей споль долго
медлилъ. Въ вознагражденіе за свое про-
должительное отсутствіе, по крайней мѣ-
рѣ, долженъ бы онъ сдѣлать что-нибудь
чрезвычайное для Іоанна! Пѣсновѣецъ
говоритъ объ этомъ весьма мало и неопре-
дѣленно. Алей увидѣлъ бѣдствующія суда
Россійскія на Волгѣ;

Теку на помощь къ нимъ, спѣшу порядокъ
 спрощу,
 Ордынцовъ поразить, Россіянъ успокоить.
 Враговъ своихъ отгнать мнѣ не было труда;
 Попомъ склонилъ мое спремленіе сюда:
 Я зналъ (!!!) что, воинство оцъ глادا
 изпадало,
 И воздухъ вась мерпвилъ, и солнце убивало;
 Врачебную праву и лишу къ вамъ при-
 несъ . . . .

Что это значить? — ужь и онъ не
 волшебникъ ли? Что значить сія врачебная
 права, которая могла помочь Россіянамъ
 въ зноѣ!!!

Вассіанъ такъ опредѣлилъ характеръ
 Алея:

Се вѣрной рабъ тебѣ! —
 Невъ дружбѣ, но въ любви онъ слабый человекъ;
 Люби и чти его! . . .

И мы бы ради почишамъ его; но по
 еію пору не видимъ, за что.

Спихопворецъ опредѣляетъ его въ
 одномъ мѣстѣ:

Суровой сей Катонъ сталь нѣжной Ил-
 полить!

Спрашиваемъ увсѣхъ чишашелей, что они нашли подобнаго въ Алеѣ? Кажется, пшворецъ не позналъ собшвеннаго своего шворенія!

Не далеко еще говоришь Алеѣ:

Примѣры, Царь, твои
обезоружили сурвосли мои!

Какія сурвосли? въ Казани? . . .
изволь, мой другъ, сложишь шеперь ха-
ракшеръ Алея.

И эпошъ самой Алеѣ вмѣстѣ съ Адашевымъ препровождаютъ Царскую Особу!— Они просятъ Иоанна еще предложитъ миръ опчаянной Казани. Эпошъ же Алеѣ упопробленъ былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ при осадѣ; онъ первой вошелъ въ городъ, онъ довершилъ побѣду, онъ собралъ разспроившіяся войска, онъ съ Курбскимъ взялъ Казань. Словомъ сказамъ: онъ первой Герой въ Поэмѣ; — вошъ что называется: Deus ex machina! не изъ шучи громъ!

Горацій говоришь:

Лице представляемое : *feruetur ad imum, Qualis ab incerto processerit, et sibi constet.*

Похожъ ли самъ на себя Алей, сначала явившійся и на концѣ представленный? — — — Еспьли въ самомъ дѣлѣ въ немъ шаконъ великой духъ, какой оказалъ онъ на вприсупѣ, по почему прежде былъ онъ, и низокъ и вѣроломень? — почему онъ бездѣйственъ былъ въ Казани? Еспьли не былъ бездѣйственъ, по почему не показанъ образъ его дѣйствования, дабы мы знали, кто Алей? Это левъ, говоритъ Херасковъ. Но левъ и въ цѣпяхъ все левъ. — Кажешся, нарочно держалъ его Пѣснопѣвецъ весьма не въ почешномъ скромномъ мѣспѣ, дабы въ послѣдней двѣнадцатой Пѣсни *оскорбительно* вдругъ зашмишь имъ всѣхъ другихъ Россійскихъ Героевъ. — Онъ заключаетъ славную свою роль достойною себя просьбою.

Но служба ежели моя награда достойна,
Въ корыспѣ прошу одну Сумбеку, • Го-
сударь!

И дружбу съ ней мою прими, вѣщаетъ
Царь!

Вошь тебѣ, другъ мой, Рускій Ренальдъ,
 Рускій Ахиллъ, Рускій Танкредъ! . . . .
 Но я уже наскучилъ тебѣ нескладнымъ
 Алеемъ? — Перейдемъ къ другимъ ха-
 ракперамъ.

Non satis est, pulchra Poëmata esse, dulcia sunt!

Съ сердечнымъ, сладостнымъ удоволь-
 ствіемъ люблю срѣщать я въ продолженіи
 цѣлой Поэмы добраго, почтеннаго, испин-
 наго друга Царскаго, Вельможу Рускаго,
Адашева! — Даже съ горестію сожалѣешь,
 что его не такъ часто видишь! Вошь,
 какъ въ началѣ Поэмы описываетъ его
 самъ Херасковъ:

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣту-
 щии лѣта,
 Являлся при Дворѣ, какъ нѣкая планета,
 Вспунающа въ круги отъ неизвѣстныхъ
 мѣстъ,
 И рѣдко зримая среди высокихъ звѣздъ.
 Придворные его съ досадою угнепали,
 Но внутренно его сердцами почитали.
 Адашевъ щастія степени презиралъ
 Мирскія пышности ногами попиралъ;
 Обманамъ былъ врагомъ, ласкательствомъ
 гнушался,

Величествомъ души, не саномъ украшался,
Превыше былъ спраспей и честностию
полнъ . . . .

Нечего прибавить къ симъ прекраснымъ чертамъ его характера. — Онъ уже весь видѣвъ передъ нами. Это Муррай для Генриха IV го, это Долгорукій для ПЕТРА Великаго! — Въ Россіадѣ занимаешь онъ преимущественно блистательное мѣсто: онъ *первый* призванъ былъ Царемъ для тайнаго совѣщанія, когда Іоаннъ рѣшился на великое дѣло, покореніе Казани; онъ подкрѣпилъ его въ семъ спасительномъ намѣреніи; онъ примирилъ совѣтъ Вельможъ несогласныхъ, онъ вездѣ сопутствовалъ Государю. — Любовь его къ Іоанну была самая нѣжная, предусмотрительная, заботливая: онъ первой угадывалъ, когда лежитъ на сердцѣ Царскомъ какая-нибудь тяжелая дума, и потчасъ приступалъ къ нему смѣло, пребовавалъ объясненія и подавалъ ему совѣты утѣшительные и мудрые. — Онъ не строгій Капонъ, не Философъ-обличитель, но человекъ крошкій, снисходи-

Шельной, который знаетъ слабости чело-
вѣческія, и направляетъ ихъ къ благо-
му концу средствами шихими. Въ дру-
гое время представляешь онъ при край-
ней нуждѣ и гладѣ войска раздавателемъ
и посредникомъ милоспей Царскихъ.

Монархъ несчастнѣй всѣхъ, но тверже
всѣхъ являлся,

Лишился онъ всего, примѣръ ему оспался;
И душу онъ сынамъ отеческу являлъ,
Последню яспы чась съ рабами раздѣ-
лялъ.

Адашевъ, другъ его, прапезы не вкушаетъ,
Отъ имени его болящихъ пощажаетъ,
Остатки Царскихъ имъ напитоковъ опдаетъ
И воду мушную съ Монархомъ въ тайнѣ
пьетъ.

Отчаяніе его было чрезмѣрно, когда
Іоаннъ слишкомъ долго, удалившись тайно
отъ войска, пробылъ у пустынника Вас-
сіана; радость его при встрѣчѣ Госуда-
ря была, такъ сказать, чистая, дѣш-
ская, небесная! — онъ немогъ оспавить
Царя, шекущаго на присупъ; всегда
неуспрашимый въ величайшихъ опасно-
стяхъ. Но какъ скоро Казань переспала

быть уже опасною, онъ опять первый, желая пощадить кровь человѣческую, предложилъ Государю, послать вѣспника въ Казань съ мирными предложеніями. — Вообще характеръ Адашева самый грелестный; главные черты его: любовь къ Отечеству и Государю непреоборимая, человѣколюбіе нѣжное, крошость и шихость почтеннаго сшарца, и миролюбіе. Совѣты, имъ подаваемые, вездѣ дышуть мудростію, правотою и многолѣпною опытностію. Не могу удержаться, чтобы не выписать здѣсь рѣчи его къ Іоанну, возмущенному печалію, при воззрѣніи на ешраждающихъ своихъ подданныхъ:

Почтенна скорбь швоя! — о дѣтихъ
ты жалѣешь;

Но щасливѣ ты, что имъ опшомъ ты
быть умѣешь.

Смотри, о Государь! на подданныхъ швоихъ:
Ты, можешь быть, сцищаль и щасливыви
ми ихъ;

Льстецы, которые престоль швой окру
жали,

Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
Когда бы ты, чужимъ повѣривъ очесамъ,

На скорьби не взглянулъ , на ихъ печали
 самъ ,
 Ты , ставъ бы уловленъ сѣшми совѣповъ
 вредныхъ ,
 Льстецовъ бы наградилъ , а сихъ бы през-
 рилъ бѣдныхъ ;
 А ешьлибъ вопли ихъ къ престолу и до-
 шли ,
 Самихъ бы ихъ виной злощастья ихъ почли ;
 Закрылибъ слезы ихъ , гоненія , обиды
 Не справедливые и вымышленны виды !
 Бываетъ часто Царь лукавствомъ уловленъ ;
 Съ народомъ онъ стѣной всечасно раздѣленъ ;
 И ешьли взоръ когда на подданныхъ воз-
 водитъ ,
 Онъ радость , на челахъ написанну , нахо-
 дитъ ;
 Но щашельнаго имъ въ себѣ явитъ опца ,
 Ты долженъ разбиратъ не лица , но серд-
 ца и проч .

Вошъ какъ долженъ говоришь наперсникъ
 и другъ Царскій , Вельможа справедливый !

Другой характеръ , которой можно по-
 ставимъ подлѣ Адашева , есть безъ сомнѣ-
 нія : Гирейъ . — Это образецъ древней
 дружбы , пвердой , поспоянной , выше му-
 ченій и смерти ; онъ , кажешся , и дѣлил-
 ся полько между пламенною дружбою къ
 Книж. VI. Б

Алею, и между пламенною любовію къ несчастному своему опечесству. Онъ первой предложилъ избрать Алея Царемъ въ Казани; онъ спасъ его, забывшагося въ объятіяхъ коварной прелестницы, когда возмущень былъ весь народъ. — Можно ли безъ чувства чинить отвѣтъ его Сагруну, занесшему мечъ надъ его главою, и вопрошающему: гдѣ Алей? —

Алея ищите, отвѣпспвуетъ стена:
 Алей не далеко; онъ въ сердце у меня.
 И есълм вы узнашь, гдѣ скрылся онъ, хо-
 шите,
 Такъ сердце у меня вы прежде извлеките!
 Онъ былъ, и нынѣ путь. . . .

И на мѣстѣ казни тому же Сагруну,
 которой убѣждалъ его открытъ убѣжище
 Алеево:

Тебѣ ли чувспвовать, рѣкъ узникъ, друж-
 бы благо? . . .
 Не оскорбляй, злодѣй, ты имени святаго;
 Небесна дружества извѣстна прѣмъ степень,
 Кто совѣстію чистъ, какъ солнце въ яс-
 ный день;
 А ты, носящій ядъ и хитроспъ во употребѣ,

Какъ ноющую коспъ и пшму во хладномъ
гробѣ ,

Учися швердоспи, злодѣй, у чувспвъ моихъ,
И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ.
Оно безцѣннѣй всѣхъ богатспвъ земнаго
круга ;

Пріяшна съ другомъ жизнь и смерть слад-
ка для друга ;

О мой любезный Царь ! о часть моей души!
Спокоенъ будь Алей, отъ сихъ убійць спши ;
Гдѣ ты ни спранспвуешь , въ лѣсахъ , въ
вершенпахъ ; въ морѣ ,

Мой духъ , безплотный духъ ; тебя обра-
щеть вскорѣ ;

Заспавитъ онъ узнать по мѣжностямъ себя,
И успокоитъ онъ въ сердце у тебя.

Потерявъ глаза отъ слезъ , наконецъ
вырывается сей спрадалецъ дружбы изъ
темницы , и въ цѣпяхъ выходитъ на бе-
регъ , не далеко отъ спана Иоаннова ; объ-
являетъ ему шотчасъ объ избраніи на пре-
столь Едигера, и о другихъ козняхъ Казан-
скихъ. Царь принимаетъ его съ уваже-
ніемъ , приличнымъ швердому , благород-
ному его характеру, правотѣ , непоколе-
бимой среди раздоровъ внушренныхъ , и

В 2

страданіямъ за дружбу. — Спойль я
Алей такого друга! — Больше объ немъ
нигдѣ не упоминается.

О лицахъ, которыя составляли
думу, говоришь я не спану; ибо онѣ не
представляюща въ дѣйствіи. — Роли
ихъ начинающа и оканчивающа одною
сею думою.

Знаменитѣйшій изъ Героевъ, дѣйствую-
щихъ въ Поэмѣ, есть безъ сомнѣнія
Князь Курбской, Мужъ совѣта и Мужъ
брани. Характеръ его изображается въ
первой рѣчи, говореной имъ въ думѣ. —
Спраспно привязанный къ Опечеству и
чести, онъ часно не въ силахъ удержи-
вать своихъ чувствованій: душа его из-
ливается въ выраженіяхъ смѣлыхъ, и да-
же дерзновенныхъ: онъ вездѣ пылкій, рья-
ный, храбрый, рѣшительный въ сѣчахъ;
холодный, осторожный и мудрый въ
разположеніи биввы.

О Царь мой! власень ты мою пролиши
кровь,
Однако въ ней почши къ Опечеству любовь.

Позволь мнѣ говорить: оставь богатству
 нѣги,
 Вели намъ перейти, пески, и зной и снѣги;
 Мы ради съ цѣлою вселенной воевать,
 Имѣние и женъ готовы забывать,
 Готовы защищать опечесство любезно....

.....
 Пойду отсель на край вселенной обитать;
 Любви къ Опечесству мнѣ не чѣмъ здѣсь
 дышать!

Подавлена она и ограждена лещью. —
 Чины приобрѣтать хочу единой чещью,
 Служить Опечесству прудами и мечемъ;
 О чещи я пекусь, и больше ни о чемъ!

Такъ говорилъ онъ въ думѣ прошивъ
 Князя Глинскаго. —

..... Вѣщали онъ прещаль;
 Но стоишь произносишь, и весь онъ прещаль.

Онъ опличень былъ между всѣми Вое-
 водами особеннымъ важнѣйшимъ поруче-
 ніемъ, прогнавъ Крымцовъ и Нагайцовъ
 отъ Тулы, гдѣ сдѣлали они весьма опа-
 сную диверсію для Іоанна, по наущенію
 Сеиша. — Царь представляетъ его вездѣ

образомъ, по славному уму и храбрости превосходной. — Благоразумными мѣрами и быспроною движеній оспановиль онъ губительное стремленіе Исканара, сразился съ нимъ на поединкѣ, какъ истинно съ достойнымъ соперникомъ, и разбилъ Тапаръ, которые безъ памяти побѣжали изъ предѣловъ Россійскихъ. Однимъ словомъ, Курбекій обладаетъ всѣми блистательными качествами воина и Полководца. Сіи качества, не смотря на пылкость его характера, опшѣняются еще какимъ-то вѣжнимъ состраданіемъ къ несчастнымъ: онъ просиль плѣнныхъ, онъ совершилъ погребальной обрядъ надъ Исканаромъ и прекрасною его супругой Ремою, положилъ ихъ въ одномъ гробѣ, и почилъ ихъ память и любовь горячими слезами. — Вошъ черны характера истинно Эпическаго! — Еще болѣе пріятно видѣшь подлѣ него юнаго брата, вѣжно его любящаго, отважнаго, слѣдующаго за нимъ повсюду, который имѣлъ славу и неизвѣстную радость родства и дружбы, спасти его опъ смерти.

Спаршій Князь Курбскій лежалъ безды-
ханень , израненный на полѣ брани :

Вблизи лежалъ одинъ изъ Вишней Казан-
скихъ ,

Глохая пыль, опъ рукъ повержень Христи-
анскихъ.

Сей вдругъ опомнился, на Курбскаго взгля-
нулъ ,

Онъ мужество его и силы вспомннулъ ;

Зря Князя дышуща, убійство долгомъ спа-
вишь ,

На локоть опершись , песокъ ковшомъ да-
вишь ,

По собственнoй крови нога его скользишь ,

И умирающій безчувственну грозить ;

И свой кинжалъ рукой дрожащей испор-
гаешь .

Какъ змій раздавленный, онъ тѣло придви-
гаешь ,

Послѣдню варваръ кровь стремится испо-
чишь ;

Но младшій старшаго Князь Курбскій ви-
дишь брата :

Убійцѣ острое копье въ хребень вонзиль ,

Надъ тѣломъ брашнимъ злодѣя поразиль .

Вообще должно сказать, что Курбскій одинъ изъ того малаго числа Героевъ, которые дѣйствуютъ, въ продолженіи цѣлой Поэмы, *равно прилично, равно величественно*; — Онъ поразилъ Рамиду: что было знаменіемъ побѣды надъ чепырмя Казанскими Вишязями. Онъ ратовалъ въ числѣ чепверыхъ единоборцовъ въ помѣ славномъ поединкѣ, котораго условіемъ было или благо, или разореніе всей Россіи; — а что сей поединокъ былъ нерѣшителенъ, въ помѣ не онъ и не его поварищи виноваты. — Наконецъ онъ вмѣстѣ съ Адеемъ спустился первый въ Казань. — Весьма не пріятно видѣшь подлѣ него такого поварища!...

Послѣ Курбскаго близко стоить Хилковъ, который представляется не столько пылкимъ, но болѣе человѣкомъ опытнымъ, дальновиднымъ, глубокомысленнымъ, особенно искусившимся въ военной наукѣ и во всѣхъ познаніяхъ тогдашняго времени. — Онъ, во все продолженіе войны былъ, спакъ сказать, око

Царевъ. — Иоаннъ обращался къ нему во всѣхъ крайнихъ обстоятельствахъ, и совѣтъ его былъ рѣшительной, и спрагаемы военныя всегда удачны. И тогда уже говорилъ сей почтенный Мужъ :

Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
И скрылися слѣды приобрѣщенной славы.

Херасковъ опзываетъ объ немъ въ десятой Пѣсни :

Никто не равенъ естъ съ нимъ въ вой-
скѣ по уму!

Онъ предложилъ Иоанну выгнать изъ засады Ташаръ, и совершилъ сіе дѣло столь удачно, что Казань не могла уже прошивиться Россіянамъ.

Далѣе слѣдуютъ еще три Героя достопримѣчательнѣйшіе : *Палецкій*, *Пронскій*, *Трокуровъ*. Всѣ они являющіяся уже въ десятой Пѣсни въ сраженіяхъ, предъ присупомъ и при самомъ приступѣ; слѣдовательно не въ полномъ дѣйствіи Поэмы: а попому и не лзя разбирать ихъ, такъ какъ Героевъ Гомеровыхъ.

Вопь какъ опредѣляетъ Палецкаго
Херасковъ :

Главою Палецкій полка спорожеваго ;
Во браняхъ вихря видъ имѣеть онъ крущаго,
Проходишь сквозь ряды, что встрѣшишься,
валишь !

Можно ли изъ этихъ стиховъ узнать что-
нибудь ? — Это же самое можно сказать
и о всякомъ храбромъ Офицерѣ ! . . .

Причисленъ Пронскій Князь къ полку пере-
довому :
Онъ тучъ сходень былъ ; доспѣхи сходны
грому !

Еще хуже опредѣленіе . . . о Гомерѣ ! . . . .

Князь Троекуровъ несъ и молніи , и громъ !

Такимъ образомъ , другъ мой , знакомишь
насъ съ своими Героями Господинъ Хера-
сковъ ! Чѣмъ ихъ опличить одного отъ
другаго ? . . . .

Князь Палецкій , кажется , опличает-
ся какою - то особенною запальчивостію ,

и неукротимымъ духомъ мести, которая вовлекала его по неосторожности въ несчастія; такъ, не размѣривъ силъ своихъ, бросился онъ на троихъ Вишязей Казанскихъ, и пораженъ былъ Гидромиромъ; онъ бы погибъ, если бы не спасъ его Князь Курбскій. Попомъ едва только пришелъ въ чувство, снова кинулся онъ на бѣгущихъ уже съ поля сраженія Казанцовъ и попалъ въ плѣнъ. Это Аяксъ. — Выведенный на мѣсто мученій въ Казани, гдѣ съ одной стороны поставлены всѣ орудія пытки, а съ другой прекрасная дѣва и Алкоранъ, дабы избиралъ онъ то или другое, сказалъ сей Герой слѣдующія слова :

Иду на смертну казнь!

Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь болзнь;
Ты смѣлымъ кажешься, сѣдящій на престолѣ;
Не такъ бы гордъ ты былъ со мною въ
рапномъ полѣ :

Не угрожай ты мнѣ мученьями пиранъ!
Господь на небесахъ, у града Іоаннъ!

Гидромиръ избавляетъ его отъ мученій,
съ условіемъ на другой день держашъ по-

единокъ : Такъ Аяксъ и Гекторъ дають другъ другу подарки послѣ битвы въ знакъ взаимнаго уваженія, и разходяпся.

Князь Пронскій съ Троекуровымъ отличились въ первомъ сраженіи предъ Казанью, гдѣ послѣдній былъ раненъ весьма опасно. Царь, почтивъ особенными похвалами перваго, принялъ самое нѣжное опеческое попеченіе о послѣднемъ. Больше объ нихъ нигдѣ не упоминается.

Прочіе Герои : какъ - то Мспиславскій, Микулинскій, Щеняшевъ и пр. являющся на полѣ брани, командующіе отдѣльными корпусами. — Объ ихъ характерахъ говорить нечего. Спихопворецъ называетъ Микулинскаго вшорымъ Иракломъ, а Мспиславскаго съ Пенинскимъ оградю всего воинства! . . . да онъ и всѣхъ также называетъ! —

Надобно признаться, что въ присутствіи одной верховной власти, и подъ непосредственнымъ ея управленіемъ трудно замѣшить и показать въ надлежа-

щемъ блескъ дѣйствующіе характеры: они всѣ, какъ звѣзды при солнцѣ, не видны. — Самое главное опличіе, которое могло бы выказать ихъ, а именно образъ дѣйствія — большею частію не ихъ собственннй. Но для Пѣснопѣвца еще осталось средство: выставляя ихъ въ приличной поспешенности, давая каждому изъ нихъ особенное прерорученіе по ихъ силамъ, по ихъ свойствамъ врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ (точно такъ, какъ дано было порученіе Курбскому), на пѣхъ же самихъ постахъ смѣняя слабѣйшаго сильнѣйшимъ, или способнѣйшимъ; ибо одинъ можетъ имѣть болѣе храбрости, нежели искусства и благоразумія, другой болѣе опытности, преріей все побѣждаетъ первенемъ: одинъ для того, другой для иного дѣла. Вотъ уже лѣсъ Героевъ, и всѣ опличны другъ отъ друга. Херасковъ неупошребилъ сего искусства: онъ показалъ своихъ Вишязей уже въ концѣ Поэмы, сполкнувъ ихъ всѣхъ въ одно, или два сраженія; въ дыму, въ пыли, въ смутѣ битвы, мы ихъ не видимъ и не опличаемъ;

а сею бишвою и Поэма кончится. — —
 Такой недоспашокъ въ характерахъ есть
 необходимое слѣдствіе другаго недоспаш-
 ка, о которомъ я уже говорилъ шебъ въ
 одномъ изъ предыдущихъ писемъ; недо-
 спашка въ изобрѣшеніи: Херасковъ *не
 нашелъ работы для своихъ Героевъ!*...
 къ этому еще должно прибавить прежде
 доказанную мною погрѣшность въ *разпо-
 ложеніи*: опъ шого-то Герои его споль
 поздно явились на сцену, и все смѣша-
 лись! —

Я сказалъ, что присущствіе и дѣятель-
 ность высшей Власти могла помрачить
 подвиги другихъ Героевъ; это справедливо
 для многихъ Поэмъ: но при всемъ моемъ
 желаніи; не знаю, можетъ ли сіе оправ-
 дать Поэму нашу? Укажице одно мѣ-
 сто въ Россіадѣ, гдѣ лично дѣйстви-
 вовалъ, вымышлялъ, разполагалъ что-
 нибудь одинъ Іоаннъ, подобно Агамемно-
 ну, Энею, Готфреду; Генриху; ПЕТРУ
 Великому? — И такъ могли бы бытъ и
 мѣсто и занятіе, и слава для его Героевъ!

Кончимъ нашу бесѣду замѣчаніями о Герояхъ Тапарскихъ. — Они также выходятъ на сцену и уходятъ страннымъ образомъ.

Начнемъ съ *Османа*. Покажется съ перваго разу; что намъ хопяшь представимъ въ немъ Париса, любовника прелестной Елены, столько гибельнаго для Троянъ и Грековъ: Ни чуть вѣшь: послушаемъ самаго Автора: Князь Османъ, говоришь онъ,

Прекрасной юноша, но льстивый и коварный
 Любовью пающій, въ любви неблагодарный,
 Османъ; Таврійскій Князь; былъ нравами
 таковъ,
 Какъ люпая змѣя, лежаща межъ цвѣпковъ;
 и проч.

Этого мало. — Человѣкъ; молодой, который могъ бытъ супругомъ Царицы и Царемъ Казанскимъ, влюбляется въ рабыню Царицы, и отправляетъ ее изъ Казани со всѣми сокровищами, полученными и похищенными ошъ Сумбеки. На 49 спра-

ницѣ называется его Пѣснопѣвецъ *бессо-
вѣстныиѣ*, и еще далѣе *развратныиѣ*.
(155 стр.) Изъ подлаго малодушія, имен-
но для того, чтобы скорѣе соединиться
съ Эмирою, онъ примиряется еще съ Сум-
бекою, по совѣту коварствующаго Саг-
руна: и эта легковѣрная, или *нѣчто
болѣе*, вѣрила ему! — Пустъ бы при всѣхъ
сихъ *Эпическихъ* (!!!) своихъ качес-
вахъ, имѣлъ онъ, по крайней мѣрѣ, свойст-
ва молодыхъ людей, какъ то: смѣлосъ,
храбросъ, опрометчивосъ; — ничего! —
Услышавъ о побѣгѣ даровавшаго ему
жизнь Алея, онъ

. . . . . Спеналь, блѣднѣль, дрожалъ,
И вшедшимъ возвѣспиль, что Царь Алей
бѣжалъ.

И когда выслали его прошивъ Аспа-
лона на поединокъ:

Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во
шмѣ;

. . . . .
Онъ прижды блѣдныхъ уста отверзеть хо-
тѣль,

Но прижды во устахъ языкъ его хладѣль,

И будто на змию ступивый странникъ въ
 полѣ
 Сказаль, не храброспью, но страхомъ дви-
 гнуть болѣ:

Кто звалъ тебя сюда? и пр.
 Но ты кто?

Вопросилъ его Аспалонъ.

. . . . . Царицынъ и супругъ! . . . . .

Когда, и какъ это сдѣлалось, — Ав-
 торъ не хотѣлъ намъ дать знать. —
 Въ ту же минуту послѣдовала достойная
 смерть Османа.

Однимъ словомъ, это лицо, самое
 ничтожное, какого ни въ одной Поэмѣ
 до сихъ поръ не было представляемо;
 по моему мнѣнію, самой Тирсидъ Гомеръ
 его лучше. Ни искры совѣсти, ни
 искры благородства, ни добра, ни зла
 въ характерѣ, ни силы даже обыкновен-
 ной, никакой спрассти, ни желанія до-
 вольно означеннаго, ни любви, ни не-
 нависти, ни намѣренія, ни даже этого
 коварства, которое приписываетъ ему
 творецъ его, — ничего въ немъ нѣтъ:
 это деревянная кукла, кошкою играли

Кн. ж. VI.

В

надосугъ другіе. — Великая честь и Сумбекъ, кошорая любила его такъ страстно!!! — Вошь *назидательные* характеры Гна. Хераскова! —

Сеитъ и *Сагрунъ*, двѣ страннѣя силы, кошорыя, подобно сапанъ и вельзевулу, приводили въ движеніе хаосъ Казанскій.

Сеитъ, въ званіи Первосвященника и учителя закона, свирѣпый, злой, мрачный и сластолюбець непотребный, былъ опасенъ для Сумбеки; и пошому она старалась его удалить, чтобы свободнѣе сочетаться бракомъ съ презрѣннымъ Османомъ. Онъ былъ *единомысленъ* съ *Сагруномъ*, и хотѣлъ, кажется, возвести его на прронъ; но посланный къ Исканару, забылъ всѣ свои намѣренія, свой священный санъ; свои лѣша, и вздумалъ покинуть Рему, супругу сего благодѣшительствующаго ему и его отечеству Князя; Въ такомъ похвальномъ подвигѣ, столько приличномъ его характеру, потерялъ го-

лѣву опѣ руки женщины, на которую обращены были нечестивыя его желанія. Вотъ все его поприще. — Образованное общество такое лице не потерпитъ и въ Комедіи!

Сагрунъ несравненно остроумнѣе и хитрѣе; — неутомимо дѣятельный; главная пружина всѣхъ мяшежей въ Казани. — Ему хотѣлось погубить; и Алея, и Сумбеку, и Османа, и Аспалона: онъ достигнулъ этой цѣли; хотя не сдѣлался Царемъ. Подобно всѣмъ заговорщикамъ; онъ пользовался суевѣріемъ народа; какъ придворной; употреблялъ слабости Двора своимъ средствомъ; и ему вездѣ удавалось; какъ полипикъ; онъ хорошо льстилъ, и народу, и Князьямъ; и Вельможамъ. Онъ всѣмъ обладалъ; все двигалъ по своему произволу: всѣ были рабы или орудія его коварной и черной системы; онъ погубилъ всѣхъ тѣхъ; которые мѣшали его честолюбію; не терпя ни своего сану; ни мнѣнія; ни вліянія на дѣла. Можно сказать; что изъ всѣхъ Татарскихъ Героевъ онъ одинъ

имѣеть характеръ. — У Хераскова спраннымъ образомъ гибнетъ онъ на половинѣ попрѣща, дабы не дать чести Рускимъ Героямъ встрѣпши доспойнаго соперника, или доспойную преграду. Онъ замѣняетъ Эдигеромъ, слабымъ, подлымъ Княземъ, ни въ щаспїи, ни въ нещаспїи неумѣющимъ вести себя; и эшопъ рыцарь выспавленъ проливъ Іоанна въ концѣ Поэмы, когда всѣ силы и напряженїя противудѣйсвующїя должны быть въ самой высочайшей степени. — Гдѣ же постепенность въ представленїи лицъ, о копорой мы съ тобой мечтали? — Первое славное дѣло Царя Эдигера — быть прогнашымъ съ поля битвы, случившейся предъ Казанью; второе: забывъ всѣ права народныя, вывести Палецкаго на пышки, и подлымъ образомъ увѣщавать его перемѣнить вѣру, и жениться на одной изъ его любимицъ; третье: при штурмѣ Казани спряпашься съ своими женами въ какой-то *истуканъ*; четвертое: не въ силахъ будучи содропивляться, выслать женцианъ серала, чшобы онъ,

плѣнявъ своими прелестями побѣдоносныхъ воиновъ, остановили ихъ спремленіе, и спасли его вялую жизнь (однако въ награду за всѣ сіи подвиги въ концѣ Поэмы нисходитъ къ нему Ангель, и, гошоваго уже въ посшынномъ опчаяніи бросишь съ башни поддержи-ваешъ на крылахъ своихъ и убѣждаетъ воспріяшь Х р и с т і а н с к у ю вѣру); наконецъ шешое: по звуку трубы въ невольничьей одеждѣ, во образѣ раба, явишься предъ Іоанна:

Глава его была на плечи преклоненна,
 Покрыпа пепеломъ, печальна, опкровенна,
 Омыта шоккомъ слезъ его спеняща грудь;
 Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный Царства
 путь,
 Опчаянъ, блѣденъ, нищъ, и въ рубищѣ раз-
 драанномъ,
 Склонился, возрыдавъ, къ землѣ предъ Іо-
 анномъ;
 Челомъ біющій пыль, стопы Монарши зря,
 вѣщаетъ, и пр. . . .

Вопшь Герой опасѣйшій, посшавлен-
 ный прошивъ Іоанна, какъ послѣднее уси-
 ліе Казани. Кажешся, почтенный Хера-

сковъ прежде торопился испещить въ рѣнѣйшія стрѣлы своего спихотворнаго колчана, и теперь, естли не опстунадъ съ поля битвы, то покрайней мѣрѣ, ничего къ ней не прибавляя, заставляешъ сожалѣшь насъ, почему не сохранилъ онъ болѣе *экономии* въ своихъ способахъ.

Что такое *Асталонъ*? — Онъ похожъ на привидѣніе, которое Драматическіе Спихотворцы, для завязки чудесной, или въ помощь развязкѣ, заставляютъ выходить на сцену изъ подъ-земли, изъ воздуха, или изъ воды: — оно явится, напугаетъ, и исчезнетъ, не сдѣлавъ ничего болѣе.

Исторія четырехъ Вишязей: Гидромира, Мирседа, Бразина и Рамиды заключаешся въ одной только одиннадцатой Пѣсни. — Это лица эпизодическія, представленныя совершенно не въ своемъ мѣстѣ: — тамъ, гдѣ ходъ дѣйствія долженъ имѣть самую величайшую быстроту. — Впрочемъ, хотя они рѣшительнаго ничего не сдѣлали, однако болѣе оказали своей храбрости, нежели Герои Россійскіе: вез-

дѣ примѣтна превосходнѣйшая сила въ Гидромирѣ, большее искусство въ Мирседѣ или Бразинѣ. — И дѣва Рамида имѣла честь сражаться съ Курбскимъ! Опдаленное обстоятельство, совсѣмъ не относящееся къ дѣйствию Поэмы — ревность между сими Рыцарями возпрепятствовала окончанію ихъ единоборства, сполько опъ начала важнаго. И такъ ни они, ни ихъ сраженія *безъ конца* не могутъ быть занимательны. Еще повторю по же, что сказалъ въ прежнемъ письмѣ: здѣсь Херасковъ погрѣшилъ и противъ своихъ, и противъ Ташарскихъ Героевъ. Мы не можемъ *точно* вѣсипъ силу и храбрости ни шѣхъ, ни другихъ, и остаемся совершенно не удовлетворенными въ своемъ ожиданіи. — Подробности ихъ сраженія -- или довольно обыкновенныя, или невѣроятныя, или несообразныя. Не разспрацаясь о многомъ, скажу шевъ о *ранахъ*, въ выборѣ которыхъ сполько искусство и живописень Гомеръ:

Мирседъ, *надещвъ на Курбскаго*,
(232 стр.)

Копьемъ ребро его подъ сердцемъ пробо-
даеть,
Разинь въ главу, и Князь безчувственъ
упадаеть.

Чего болѣе? прободенный (помни силу се-
го слова!) въ ребро подъ сердцемъ, и
пораженной еще во главу. — Кажется:
одной бы первой раны довольно, чѣмъ уме-
реть; но Русскій чудотворной Герой живъ,
и снова идеть въ сраженіе!!!

Младый Курбскій, бкруженный пол-
ною Казанцовъ, подъ шучею стрѣлъ, среди
мечей, чекановъ, копьевъ:

Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногахъ
своихъ имѣеть,
Преломленно копье въ щипъ его виситъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пылъ ре-
ситъ;
Но онъ толпы враговъ, какъ стогны раз-
ширяеть;
Однихъ мечемъ, другихъ съкирой уда-
ряеть и пр.

Чудесное дѣло! — пять стрѣлъ въ ногахъ!
и въ одно время съ мечемъ и съкирой!.....

Въ другое время свирѣпый Герой, не боясь ни Бога, ни людей, — своего соперника

Поранилъ *съ лавъ* мечемъ!!!

Много бы могъ изчислить подобныхъ чудесностей, но довольно! Письмо мое слишкомъ уже обширно. — Вошь награда тебѣ за твоихъ Гомеровыхъ Героевъ. Чшо дѣлать? — „Каково ни есть, да свое!“ скажетъ нашъ общій пріятель — папріотъ. — Поручаю тебѣ самому разсмотрѣть съ большею подробностію характеры Поэмы Херасковой, какъ самую важнѣйшую часть въ Словесности, и дополнишь мои замѣчанія. — Надѣюсь, что онѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ Любителямъ Словесности могутъ быть полезны. Проспи.

Мрзкс.

10 Іюня,
1815 года.

И Л Ъ И Н С К О Е.

Въ бытность мою въ Полшавѣ, Гра. Б. изъявилъ мнѣ желаніе, чѣшобъ я заѣхалъ въ его имѣніе, не далеко отъ Николаева; и дабы я могъ видѣть все то, что въ немъ есть примѣчанія достойнаго, снабдилъ меня письмомъ къ своему прикащику. Село его Ильинское въ 30 верстахъ отъ оюда. — Я поѣхалъ, опобѣдавши въ Николаевѣ, и нагулявшись въ Спаскомъ. На Бугѣ ожидала насъ Адмиральская шлюпка. Пристань отменно хорошо сдѣлана; мостъ наведенъ широкій до глубины рѣки; по обѣ стороны разсѣяны фанари — знакъ вниманія къ проѣзжимъ. Небольшой вѣперокъ колебалъ Бугъ, но онъ былъ поупущный: подняли парусы и поплыли. Шлюпка шла на боку отъ естественныхъ причинъ и необходимыхъ; но жена моя, въ первой разъ бывъ на водѣ, этого боялась, шѣмъ болѣе, что мы колыхались, какъ въ люлькѣ. — Г. Е., стоя на пристани, не снималъ глазъ съ насъ, до-

колѣ мы у него изъ виду пропали. Гр. Б. и хозяинъ нашъ, высадивъ насъ на берегъ, еще съ нами проспились, и мы поскакали.

Отъ Николаева та же проспиралая степь пуспая и проспранная. Бугъ, по пропадаетъ, по опять показывается въ опдаленности: видъ его представляеть море. Уже поздно было, какъ мы выѣхали изъ города; сумерки застали насъ на пуши. Я сидѣлъ съ женой въ коляскѣ. — Мѣсяцъ вошелъ и изъ за-красныхъ облаковъ, исполненныхъ огня и грома, ударялъ въ сиція волны Буга: опять новый предметъ ужаса! Жена скрывала свой страхъ, чшобъ не дасть пици моимъ чернымъ мыслямъ; я дѣлалъ по же въ опношеніи къ ней. — Помѣспле Гр. имѣеть свое шупощнее новое имя, и сверхъ шого старинное истпорическое, вновь ему присвоенное; и такъ мы съ ямщиками не могли другъ друга понять: я спрашивалъ ихъ про Ольбію; — они швердили мнѣ объ Ильинскомъ. Такое недоумѣніе удвоивало страхи; мы боялись, что насъ не

шуда привезушь, куда мы хотѣли ѣхать. То же недоразумѣніе и въ распояніяхъ. И шакъ все насъ беспокоило.

Доѣхали мы до Ильинскаго поздно — почти ночью; — однако передовые насъ возвѣспили — прикащикъ ждалъ: я ему опдалъ письмо. Онъ опвелъ намъ двѣ комнаты, изрядно прибранныя, хотя очень маленькія, и съ Турецкимъ диваномъ. Б. недавно зачалъ здѣсь строиться, и предпріяшіе его, поставивъ для своихъ наѣздовъ домъ, идешь весьма медленно, да и не лзя иначе: мѣсто степное, дикое, безлѣсное. Когда мы вообразимъ, что здѣсь 25 лѣтъ назадъ обитали вездѣ Турки, и что война старое все испребила; а миръ непродолжительный ничего новаго успроить не допустилъ: шо мы и шому подивиться должны, что нашли уже селеніе Руское, Христіанской храмъ, хаты, обиташелей и господскій флигель. —

ЕКАТЕРИНА, опнявъ у Турокъ Крымъ, поспѣшила многимъ завоеваннымъ мѣ-

спамъ дасть древнія имена, и одинъ городокъ ошъ Нее получилъ наименованіе *Ольвіополя*; но естественныя открышія заспавають думать, что Римскій городокъ Ольбіо не шамъ былъ, гдѣ Таврическая Владычица его нарекла, а здѣсь, точно здѣсь, — въ дачахъ поступившихъ во времени во владѣніе Гр. Б. Сіе доказываетъ рышвинами, изъ которыхъ безпреспанно извлекаются разныя древности. Я ѣздилъ ихъ осмапривать; онѣ раскиданы по берегамъ Буга; но, къ сожалѣнію моему, работы полевыя оспановили сіи упражненія, и я ничего не видалъ, кромѣ двухъ небольшихъ отверстій въ землю. Въ нихъ опускается человекъ сажени на двѣ и на три глубины, и выноситъ отшуда обломки разныхъ досокъ, мѣдныя и серебряныя монеты. Еспьлибъ я былъ аншикарій, то бы на счетъ ихъ разпространился; но я углублялся въ однѣ нравспвенныя измѣненія, не разсмапривая вещей неодушевленныхъ. —

По большой части вырываютъ изъ земли горшки глиняные, подобныя нашей

каменной посудѣ, цвѣта краснаго и сѣдѣющаго въ себѣ пепель. Ольбіо, по историческимъ преданіямъ, былъ городъ бсылной. Если вѣришь, что онъ существовалъ на самомъ этомъ мѣстѣ, то сколько злодѣевъ мы доискиваемся оспашниковъ, и обрадовавшись, когда попадетсѣ намъ урна съ ихъ пепломъ, за рѣдкость ея почищаемъ! Вотъ какъ все во времени и отъ времени зависить!

Графу недавно послали до 2000 монетъ серебряныхъ, величиною съ нашъ гривенникъ, вѣсомъ до полпуда. Я купилъ себѣ у мужиковъ его 4, и заплатилъ 10 руб. — онъ въ большой цѣнѣ. На всѣхъ почти вы найдете чеканъ города Ольбіо. — Поселяне для построения себѣ домовъ ходять рыть дикой камень, и добываютъ монеты вмѣстѣ съ онымъ; онъ продается ими въ ихъ пользу. Мѣсто, гдѣ сдѣланы ямы для сихъ изысканій, какъ будто городокъ. Тутъ же отпрыты разной величины блага мрамора доски, кои хранящся до пріѣзда ожидаемаго сюда помѣ-

щика. Надписи на нихъ почти на всѣхъ Греческія; иныя очень хорошо сохранились. На одной я очень явственно прочелъ имя Аполлона. Другой занялся бы этимъ надолго, но я взглянулъ, и — виновать — прочь пошелъ. Что мнѣ въ камняхъ? кажите мнѣ людей. Камень непревосходнѣйшій ищется въ одинъ часъ; да и самой грубой рукой, а человекъ образуется часто вѣками и цѣлыми поколѣніями. —

Около рышвинъ и выше сказаннаго городка начался Лиманъ. Между многихъ бугровъ или кургановъ, кои это урочище опоясуютъ и даютъ ему наименованіе *Сто-могилъ*, самый высшій холмъ открываетъ наилучшіе виды по Бугу и за онымъ. Отсель чуть-чуть показывается Таврической берегъ. Лиманъ отъ сего холма до крайнихъ границъ своихъ простирается на 15 верстъ. Въ одну сторону виднѣнъ Николаевъ, въ другую Очаковъ. — Рѣдкое мѣсто въ природѣ! Я долго шутъ гулялъ и смотрѣлъ, какъ отважные рыбаки доводятъ рыбу. При насъ попались только севрюги и мѣлочъ, изъ которой намъ

сварили уху: но прикащикъ увѣрялъ, что попадаются иногда и сперляди, и осепры; онъ же утверждалъ, что недавно тушь изловили бѣлугу въ 8 пудъ и 19 ф.

Въ селѣ выстроена каменная церковь во имя Александра Пресвитера, и въ честь Патрону Кн. Б. — Внутри ея чисто, хорошо и прохладно; ничего нѣтъ въпрочемъ опличнаго. Ушварь церковная не богаша, Священникъ молодъ, и не изъ ученыхъ. Можеть бытъ, это и къ лучшему. Можеть бытъ, таковыя сельскіе Пастыри, въ простомъ сердечной проповѣдуя слово Божіе, скорѣе способны просвѣщать души добрыхъ поселянъ, не могущихъ возноситься до истинъ высокихъ и ошвлеченныхъ!...

И такъ все въ Ильинскомъ осмопрѣвъ въ одно утро, мы тушь опобѣдали и поѣхали въ Очаковъ. —

О Ч А К О В Ъ.

На пути къ Очакову, копорой не въ дальнемъ разстояніи отъ Ильинскаго, двѣ

промойны выманили меня изъ коляски ; между ими холмъ на водахъ Лиманскихъ : вошь прекрасная почка земли ! Тушь бы поспавишь храмъ , и славишь въ немъ Трисвятаго ! Доѣхали въ Очаковъ рано.

Знаменитое мѣсто въ нашей Исторіи ! Бралъ его Минихъ , бралъ и Пошемкинъ . Городъ разоренный ! — и нынѣ видны еще грозные слѣды Россійской рати . Хуже деревни : вездѣ обломки бывшихъ строеній ; — камня груды . — Часпо попадаются подъ ноги сухія коспи челоуѣческія ; — я думаю , нѣкогда было глубоко пряпаты побитыхъ . Ни одного не найдете сучка отъ шѣхъ прекрасныхъ садовъ , кошорые вокругъ Очакова разведены были на нѣсколько вершъ ; — сабли все порубили . Чшо устоишь противъ оспрія меча ?

Сохранился небольшой оспапокъ Турецкой крѣпости . У самага моря спѣна ея свидѣльствуееть храбрость полковъ и Полководца . Она , какъ вылипа изъ

Книж. VI. Г

одной шлуки, нигдѣ не видно шва между дикими камнями. Я съ неонисаннымъ любопытствомъ смотрѣлъ здѣсь на все, что представлялось изумленному моему взору. Лиманъ волновался, вѣсперъ дулъ съ моря; я споялъ неподвиженъ на камняхъ, коими усыпанъ берегъ; и волны его сокрушались у ногъ моихъ. Еще естъ на опмѣляхъ куски Турецкихъ каменныхъ ядръ сѣраго мраморнаго цвѣта, коими они заряжали свои орудія, и подбивали наши мѣдные лбы: все щетно было; Орлу судило Небо смиришь гордую Луну.

Цѣль и Гассанъ, Пашинской Замокъ. Башня круглая, высокая, старинной Архитектуры. Не удержался въ ней Паша, и мы осилили чугунные замворы. Я ходилъ внутри его: — тамъ наспроено много зданій для артиллерійскихъ снарядовъ и разныхъ потребностей; на одномъ изъ нихъ видна старая аспидная крыша. Здѣсь весьма много сего камня. Меня пустили прогуляться на башарю. На ней

и во всемъ Очаковѣ орудій до 100, 18 пи-
и 24 хъ фуншовыхъ пушекъ. —

Кто бы не пришелъ въ восторгъ, об-
нявъ однимъ взоромъ неподобное здѣш-
нее мѣсто? Не напрасно Турки называли
Очаковъ маленькимъ Царьградомъ или
Спамбуломъ. Величественная картина!
нальво Лиманъ, направо Черное море;
прошивъ глазъ Кинбурнская коса, какъ
языкъ земли, разсѣкающій мрачную вол-
ну; подалѣе въ шомъ же морѣ обложенъ
пушками островъ Березань. Какая кѣспь
снимешъ такой рисунокъ съ изящной при-
роды? Ходя по развалинамъ Турецкихъ
укрѣплений, я обнималъ вдругъ и небо и
воды; уславши, сѣлъ на пушку, и далъ
волю веѣмъ своимъ мечшамъ. —

Здѣсь шѣни Волконскаго и Горича
носились предо мною, и напоминали ги-
бельное событіе Очаковскаго штурма. Я
воображалъ, что вижу шомъ пушъ, шѣ
самые вороша, гдѣ ихъ послѣдній рокъ
носшигъ опъ руки врага, не умѣющаго

Г 2

щадить жершвъ своихъ. Здѣсь супруги Героевъ нашихъ, усугубляя шоржесство побѣдоносца, — цвѣшущія прелестями, — летали на быспрыхъ саняхъ по снѣгамъ и коспрамъ мершвыхъ шѣль, и въ богатыхъ землянкахъ, средь роскоши и нѣги, забывали съ нимъ всѣ ужасы военного ополченія; межъ шѣмъ какъ упомянутые войны, алкая рѣшишельной брани и побѣды, не щадили себя, не щадили ничего, что имъ ни вспрѣчалось.

Върше или нѣшъ, какъ угодно, но помѣшу здѣсь спираносить. Кто не знаетъ? кто не примѣшилъ, что очень часто облака берутъ разные образы, и представляютъ намъ виды земные въ небесахъ? Средь глубокихъ моихъ размышлений объ Очаковскомъ шшурмѣ, о войнѣ и ея послѣдствіяхъ, встѣянулъ я вдругъ на небо, и увидѣлъ среди самаго чистаго воздуха одно нѣолько облако. Чтоожъ оно представляло? Наковальню, совершенно сходную съ кузнечными. — Спирейное согласіе идей съ воздушными явлениями! Подлинно, подумалъ я, была здѣсь

въ то время наковальня. Сколько пролило крови! — а за что? — за скалу надъ мушною водою.

Теперь нѣтъ ничего въ Очаковѣ, крѣмъ самой печальной картины опустошенія. Городомъ править Городничій, а военной командой Плацъ - Маіоръ, изъ Нѣмцовъ, человекъ добрый, привыкшій къ Рускимъ обычаямъ; онъ отвелъ намъ у себя квартиру, и мы у него ночевали. Вся крѣпости Черноморскія въ завѣдываніи Д. де Р. Очаковъ населенъ всякимъ народомъ. Греки и Жида въ маломъ числѣ и самыя бѣдныя шаскаются по городу, какъ бродяги, и ищутъ случая сплутовать для пропитанія. Одни шинкуютъ, другіе днемъ крадутъ. Одинъ Жидъ спянулъ при насъ въ лавкахъ кусокъ свѣжаго сыраго мяса, бросилъ съ нимъ на лодку и отчалилъ въ Кинбурнъ; за нимъ съ приспани гнались и не поймали. Спасибо ему, что вѣренъ своему характеру; — видно было, что это не первый опытъ его проворства. —

Прошивъ дому, гдѣ мы оспановились, спояла на якоряхъ маленькая флошилія изъ 9 канонерскихъ лодокъ, подъ командою одного Француза, разумѣется, нашей службы; мы его не видали, — онъ болѣе глазами, и въ городѣ не бываетъ,

Что сказать о самой квартирѣ? Опальной домишко, хуже спокрашно шѣхъ, кои, по приговору Судебныхъ Мѣспѣ, описываются отъ конкурсовъ за долги, и за неявкой желающихъ, спояны лѣтъ по 10 безъ крышъ и починки. — И шупъ окна выбиты, рамы прясупся. Я думаю, онъ не хуже былъ часъ спустя послѣ присшупа; съ шѣхъ поръ конечно никто его не чинилъ. Не забавный ночлеги! подъ окошкомъ море; — вѣшеръ реветъ, какъ осенью; въ добавокъ весь скарбъ Гна. хозяина съ нами помѣщался въ одной комнадѣ, и движимый и недвижимый. Всѣ живошныя, безъ коихъ добрый хозяйинъ въ спени обойшиться не можеть, какъ шо: куры, овцы, индѣяшы почидали съ нами вмѣстѣ. Гнѣ, Пладъ,

Маіоръ любилъ голубей, и они шупъ же по закопшлымъ снѣнамъ лепали. Сожительница его охопница до кошпъ; шупъ и кошка съ своей семьей подъ ногами бѣгла поминушно. О сладкія награды любоньшества! — Хозяйки не было дома; она оплучилась на то время въ свое помѣшье, чпобъ умножпшь, пріѣхавши, число безсловесныхъ своихъ поешояльцевъ. Всякой можещъ разсудпшь, что мы шупъ ночь провели не самымъ благопріпшнымъ образомъ.

Въ городѣ одна церковь, ешъли можно пакъ назвашъ, старую мечешъ, наскоро передѣланную. Это та самая, кошорую назавтра взяпшя Очакова П—ъ велѣлъ освяшпшь, и въ кошорой воспѣшъ Хрпспіанскому Богу первый на мѣспѣ семь благодарный молебешъ ушпями пысячи пывячъ воиновъ. Въ ней очень мало поправокъ; она изъ бѣлаго камня; пакія же колонны внушри церкви, какъ и со входа. Иконоспашъ писанъ на полоншѣ. Храмъ весьма не богатой, кошп и съ хорами!

онъ болѣе похожъ на Магомешанское раззоренное капище, нежели на воспочную церковь. На самой шой башенкѣ, съ которой Турецкій глашатай кричалъ *Алла*, нынѣ колокольна, и понамарь босый ударя въ маленькой колокольчикъ, сзываетъ на молитву кучку правовѣрныхъ. Башенка эша почти не передѣлана. Она окроплена свяшой водой, — и поганство исчезло.

Хотѣлось съѣздити въ Кинбурнъ. — Онъ очень видѣнъ изъ Очакова; но не смѣлъ пустишься: я иреть на большой водѣ. — Переѣзду верстѣ 9, а погода воздымала очень волны. Съ приспани глядя, я вѣчную память проворчалъ тому непобѣдимому Вицязю нашего края, который прославилъ себя на эшой косѣ, и своею побѣдой опворидъ, можно сказать, пушь къ Очакову, и ко всѣмъ щасливимъ подвигамъ нашего войска, умножившимъ свою славу въ Европѣ. Въмѣсто Кинбурна, я дождался восхода луны, и сколь ни напуганъ былъ ею, однако, по нѣкоторымъ

слабымъ оспанкамъ въ себѣ романическаго духа, не усидѣлъ дома, и пошелъ на берегъ моря, глядѣшь на отраженіе мѣсячныхъ лучей въ Понтѣ. Колебаніе волнъ его меня усыпило; я дремалъ, идучи домой, и пришедши, потчасъ уснулъ.

Кн. И. Д.

III.

О КРАСНОРѢЧИИ ЖЕНЩИНЪ.

(Изъ АДДИССОНА.)

Слова рѣкою текутъ изъ ихъ неутомимыхъ устъ. — Гезіодъ.

Нѣкоторые Писатели древности утверждаютъ, что Сократъ учился Краснорѣчію у Аспазіи. Въ самомъ дѣлѣ, я почитаю Краснорѣчіе за искусство, особенно приличное прекрасному полу, и Университеты, по моему мнѣнію, не худо сдѣлають, если поручать женщинамъ Риторическія кафедръ.

Часто приписываютъ въ похвалу нѣкоторымъ мужчинамъ, что они по цѣлымъ часамъ могутъ говорить о важныхъ предметахъ; но надобно опнести къ особенной чести женщинъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, въ состояннн проговорить цѣлой день — о бездѣлицахъ! — Я знала такую, которая вдругъ, безъ всякаго приговора произнесла длинное разсужденіе о накладкѣ своего плащя, и послѣ того не опустила ни одной риторической фигуры, браня служанку, разбившую фарфоровую чашку. Если бы позволено было женщинамъ вести птяжебныя дѣла, то онѣ бы вознесли судебное краснорѣчіе на такую степень, на которую оно никогда не восходило. Чтобы увѣришься въ томъ, нужно только быть свидѣтелемъ происходящихъ споровъ между нашими торговками!

Женщинъ - Ораторевъ можно раздѣлить на нѣсколько классовъ; къ первому имъ принадлежатъ, которыя стараются возбуждать страсти. Въ сей части Ри-

порики супруга Сократова, можетъ быть, гораздо болѣе усидла, нежели его учительница.

Второй заключаешь въ себѣ такихъ, которыхъ любящъ брань, и которыхъ обыкновенно приписываютъ злословіе. Эти женщины одарены воображеніемъ и вѣдѣніемъ чрезвычайнымъ. Какая плодовитость въ вымыслѣ! Какое спеченіе громкихъ выраженій, когда нужно разплодить малѣйшій недоспапокъ, замѣчаемый въ чьемъ-нибудь поведеніи! Съ какимъ искусствомъ умѣютъ онѣ перемѣнять обшпояпельства, и разнообразить слогъ свой, чтобы двадцать разъ пересказать одно и то же происшествіе! — Я зналъ спарую Лади, которая цѣлый мѣсяцъ говорила только о несчастномъ бракѣ. Въ одномъ мѣстѣ она бранила молодую супругу, въ другомъ сожалѣла объ ней, въ третьемъ насмѣхалась, въ четвертомъ удивлялась, въ пятомъ сердилась, и наконецъ уморила было четверную лошадей, объѣзжая, по своимъ знакомымъ, и объявляя имъ участіе,

которое принимаетъ въ семь произшествіи. Испонцивши предметъ своихъ разсказовъ, она посѣшила новобрачныхъ, хвалила супругу за благоразумный ея выборъ, говорила о глупыхъ пересудахъ, дѣлаемыхъ на ея счетъ недоброжелательными людьми, и окончила просьбою, принявъ ее въ число своихъ друзей. Порицаніе, или одобреніе такого рода женщинъ должно почитаться за одно шольке пособіе въ поддержанію разговора.

Третій классъ женщинъ - *Ораторовъ* заключаешъ всѣхъ тѣхъ, которыя называются *болтуньями*. Мисприсъ Говорупова усовершенствована въ семь родѣ Красворѣчія: она описываетъ удивительно весь обрядъ при бракахъ; споритъ до слезъ о прическѣ; знаетъ все, что дѣлается у сосѣдей, даже кушанья, какія подаются у нихъ всякой день за столомъ, и цѣлыя поедѣ - обѣда занимаетъ гостей остроуміемъ маленькаго своего сына, который едва начинаешъ лепетать.

Кокешокъ можно отнести къ четвертому классу. Женщина такого рода, для доставленія своему языку обширнаго прираща, влюбляется, и чрезъ минуту терять не можешь своего любовника; говоришь съ москвою и попугаемъ; всегда не здорова и безпокойна, и ни на одномъ мѣстѣ остановиться не можешь; притворно показывается, что она въ ссорѣ со всѣми своими знакомыми, на которыхъ имѣешь какіе-нибудь виды; вздыхаетъ безъ огорченія, и смѣется безъ малѣйшей причины смѣха. Кокешка совершенно знаетъ ту часть декламациі, которая называется *дѣйствиель* или *жестами*; кажется, что она говоритъ для того только, чтобы найсти случай принять другое положеніе, перемѣнить черты лица, бросить взглядъ, или поиграшь лорнетомъ! —

Что касается до женщинъ политикешъ, сборщицъ новостей, шутихъ, разсказщицъ и проч, и проч, то я объ нихъ

не упоминаю потому, что сіи характеры
свойственны и мущинамъ.

Я часто мучился, желая найти причину: отъ чего женщины столько превосходятъ мужчинъ въ болтаньѣ? — Иногда воображалъ я, что онѣ не имѣютъ способности, подобно мущинамъ, удерживать своихъ мыслей или языка, такъ что невольно принуждены бывають произносить все то, что придетъ имъ на умъ. Если бы сіе предположеніе было принято, то оно послужило бы для Карпезіанцевъ сильнымъ доказательствомъ, что души всегда мыслить; но такъ какъ многіе люди думаютъ, что всѣ женщины не бывають врагами разсѣянности, и что онѣ довольно хорошо научены искусству притворяться; то я принужденъ былъ оспаривать свое мнѣніе, и старался найти лучшее. Для эшаго просилъ я одного изъ своихъ друзей, хорошаго Анаптомика, при случаѣ разсмотрѣть: не содержишь ли языкъ женщины какихъ-нибудь соковъ, отъ которыхъ дѣлается онъ поворотли-

ливимъ и говорливымъ? не составленъ ли онъ изъ фибръ, которыя гораздо гибче, нежели у мущинъ? нѣтъ ли въ немъ какой-нибудь особенной мышцы, которая даетъ ему способность дѣлать произвольныя сотрясенія? наконецъ, не припекаютъ ли жизненные духи отъ головы и отъ сердца къ сему маленькому орудію болшанья такими скрытными пущами, которыхъ до сихъ поръ никто замѣлить не могъ? — Я не пропущу доказательствъ, приводимаго Гудибрасомъ, чтобы показать: отъ чего тѣ, которыя говорятъ объ однихъ только бездѣлкахъ, говорятъ съ большею легкостью. Онъ утверждаетъ, что языкъ похожъ на лошадь, которая тѣмъ скорѣ бѣжитъ, чѣмъ меньше на ней тяжести?

Мнѣ также нравится мысль одного Ирландца, который, разговаривая болѣе двухъ часовъ съ нашею женщиною - *Ораторомъ*, сказалъ ей: Я думаю, сударыня, что вашъ языкъ очень бываетъ доволенъ, когда вы засыпаете; потому

что во время вашего бодрствования онъ ни одной минуты не имѣетъ покоя. Въ одномъ древнемъ Англійскомъ Романсѣ, находится сія замѣчательная черта :

*I think, quoth Thomas women's tongues
of aspen leaves are made.*

Я вѣрю, сказалъ Томасъ, что языки у женщинъ сдѣланы изъ осиновыхъ листьевъ.

Овидій, описывая самое безчеловѣчное дѣйствіе, сказалъ, что языкъ прекрасной женщины, бывъ отрѣзанъ и брошенъ на землю, все еще что-то лезешалъ! . . . Еслили инакой языкъ могъ говорить безъ губъ, по чего бы онъ не надѣлалъ, когда бы съ нимъ находились всѣ органы голоса? . . .

Саларевъ.

РѢЧЬ АННИБАЛА КЪ ВОИНАМЪ.

(ИЗЪ ТИТА ЛИВІЯ.)

Аннибалъ перешелъ Альпы, и желая возбудить мужество въ воинахъ своихъ зрѣлищемъ битвы, повелѣлъ нѣкоторымъ плѣннымъ Римлянамъ сражаться между собою, обѣщая свободу побѣдителямъ. Карфагеняне, удивленные храбростію сражающихся, осыпали похвалами не только побѣдителей, но и побѣжденныхъ, безтрепетно умершихъ. Аннибалъ, пользуясь силъ случаевъ, говоритъ къ воинамъ :

Естьли воззрите вы на собственнѣйшей своей жребій съ шѣмъ же чувствомъ, съ какимъ взирали шенерь на жребій сихъ несчастныхъ: то — мы побѣдили, воины! Это не простое зрѣлище, но вѣрной образъ вашего собственнаго положенія! И даже, можетъ быть, необходимость сражаться для васъ еще нужнѣе, неизбѣжнѣе, нежели для вашихъ плѣнниковъ. Съ правой и лѣвой стороны мы запершы моря-

Книж: VI.

Д

ми, и не имѣемъ кораблей для спасенія себя бѣгствомъ. Предъ нами рѣка По, болѣе и быспрѣе Роны. Въ пылу пѣснѣишь насъ Альпы, копорыя преиши споило вамъ поликаго труда, и припомъ въ шакое время, когда вы были съ свѣжими силами. И шакъ первая встрѣча съ врагомъ — побѣда, или славная смерть. Судьба, повелѣвающая вамъ сражаться, въ награду за побѣды, предлагаетъ шакія сокровища, какія шокмо смершнныи осмѣлишся испрашивашъ у боговъ. Ешъли даже мужеспво наше возвращишь намъ шолько Сицилію и Сардинію, опъяшыя у предковъ нашихъ; шо и сія одна награда не достойна ли уже всѣхъ нашихъ усилій? Скоро везо-
 бладаете вы всемъ, чшо Римляне при-
 обрѣли и умножили поликими побѣдами: Вы будете владыками сихъ повелішелей вселенной. Облекишесь во оружіе, и, богамъ спосишшеспвующимъ, лепише къ побѣдѣ, шполь полезной. Въ горахъ Лузитаніи и Целпиберіи, преслѣдуя и поражая доселѣ шокмо презрѣнныя спада скошовъ, без-
 плодно подвергались вы шрудамъ и опа-

сноспямъ безчисленнымъ. Прешедъ толико горь и рѣкъ, преодолевъ толико народовъ воинственныхъ, здѣсь должны собрать вы богатые плоды брани. Приспѣлъ часъ награды!—се вамъ, бивша, воины,—се! награда и конецъ трудовъ вашихъ! Не судите о трудностяхъ побѣды по молвѣ, гремящей о врагахъ вашихъ: часто побѣда надъ самымъ слабымъ непріателемъ стоишь много крови; часто наротивъ того Цари и народы знаменитѣйшіе легко бывають побѣжденными! Опнimitе опъ имени Римлянъ сей ослѣпительной блескъ; что имъ останається, — что вамъ равное? Не говорю о двадесятилѣтней брани, которую вы ознаменовали толикими успѣхами и мужествомъ: — опъ бреговъ Океана, опъ столповъ Геркулесовыхъ, опъ края вселенной, посредѣ народовъ дикихъ Испаніи и Галліи, даже до мѣста сего прошекли вы побѣдоносцами. Теперь будете вы сражаться съ воинствомъ, составленнымъ изъ новобранцевъ, которые въ сіе самое лѣто, окруженные Галлами, были ими разбиты и разсѣяны. Они не знаютъ еще своего

Д я

Полководца, а онъ не знаетъ ихъ! Но я рожденный, воспитанный среди спана воинскаго, въ шапрѣ опца моего, Вождя въ своемъ вѣкѣ знаменишѣйшаго, в Галліи, Испаніи, народовъ, обитающихъ въ горахъ Аллійскихъ, и самыхъ Альповъ побѣдителей, пошерлю ли я, чтобъ сравнили меня съ шѣмъ, кошорый не болѣе полугода началъ учисьа бытъ Подководцемъ, съ бѣглецомъ, покинувшимъ свое воинство, съ шѣмъ, кошорой наконецъ, по однимъ шокмо знаменамъ, можешъ различить своихъ рашниковъ отъ неприятельскихъ! —

Не малымъ для себя преимуществомъ почитаю я, воины, и шо, что нѣтъ ни единого изъ васъ, кошорой бы не былъ свидѣтелемъ моихъ подвиговъ; нѣтъ ни единого, коего бы мужество не было мнѣ извѣстно. Я помню мѣсто и время, гдѣ, и когда каждого изъ васъ зрѣлъ храбро сражавшимся. Съ воинами, шoliko разъ мною прославляемыми, шoliko разъ мною награжденными, съ воинами, кошорыхъ я былъ шикомцемъ, прежде нежели сдѣлался ихъ

Вождемъ, иду шеперь пропиву непріятелей, не знающихъ самихъ себя. Сила и мужество окрестъ меня: старая и опытная пѣхола, конница изъ народовъ воинственныхъ, вѣрные и храбрые союзники, и вы, Карфагеняне, сражающіеся за опечесство свое, вооруженные местию праведною! — Мы несемъ брань въ сердце Ипаліи, при знаменіяхъ для нея неблагопріятныхъ: вопшь, что особенно должно одушевлять насъ! Нападающій имѣеть и болѣе надежды и болѣе храбрости, нежели тотъ, кто защищается! Какое еще, войны, потребно вамъ побужденіе? Воспомните тѣ кровавыя обиды, всѣмъ намъ нанесенныя. Мнѣ, Вождю вашему и вамъ, моимъ сподвижникамъ, при взятіи Сагунца, казнь, пребуемая Римлянами, была уже опредѣлена. И еспли бы мы выданы были, то они подвергли бы насъ ужаснѣйшимъ мученіямъ. Сей жестокій и горделивый народъ все желаетъ поработить своей власпи и своенравію; онъ мечпаетъ, имѣть право повелѣть намъ, заключить миръ съ одними, съ другими вести брань:

онъ хочетъ запереть насъ горами и рѣками, возпрещая преслупить за нихъ; а самъ дерзновенно преходитъ границы, имъ же начерпанныя. Не переходите за Эбрь, говорятъ Римляне; не нападайте на Сагуннъ; — онъ на Эбрь; берегитесь на одинъ шагъ приблизиться къ сему городу. — Какъ! имъ мало опъятыхъ: Сардиніи и Сициліи, древняго наслѣдія нашего! — Они хотятъ владѣть Испанією; но естли мы ее уступимъ имъ, они пойдутъ въ Африку. Что сказала я: *пойдутъ!* — посланы уже два Консула: одинъ въ Африку, другой въ Испанію. И намъ остается шокмо то, что мы спасемъ оружіемъ. Быть подлыми и не страшиться наказанія можно только тѣмъ, которые, предаваясь бѣгству въ землѣ опечесивенной, увѣрены, что пупами безопасными и удаленными отъ всякаго нападенія добѣгутъ до своего обиталища. Намъ въ землѣ чуждой нужно единое мужество! — Между побѣдою и смертію нѣтъ середины; — побѣдимъ, или умремъ въ битвѣ, а не въ постыдномъ бѣгствѣ!

Еспьли, воины, такъ шверда ваша рѣши-
мошь, — мы побѣдили, смѣло повпоряю
я. Никогда боги не призывали насъ къ
побѣдѣ побужденіями, только сильными,
необходимыми!

Сиревъ.

У.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ РОССУ,

при извѣсти о возвращеніи въ Парижъ
Бонапарта.

Еще подь солнцемъ возревѣла
На брань зовущая труба ;
Еще грозою возшумѣла
Въ пол - свѣтѣ гнѣвная судьба : —
Еще врагъ Бога , врагъ закона ,
Рушипель мира , хищникъ трона ,
Оружіемъ въ поляхъ гремишь . —
О Россъ ! воспани , ополчися ,
Во броню Вѣры облекися ,
И паки будь Европѣ щипъ !

*

Издревле Небомъ благошпорнымъ
Ты побѣждать опредѣленъ ,
Врагамъ коварнымъ , нешкорнымъ
Оплошны ставишь крѣпче спѣшь ,

Спасать Царей, смирять народы,
 Возстановлять права свободы,
 Свирѣпство браней прекращать,
 И миръ безцѣнный, вожделенный,
 Спокойства вѣкъ благословенный,
 Спранамъ смященнымъ возвращать.

*

Уже мой гласъ передъ Вселенной
 Ты оправдалъ своимъ мечемъ;
 Уже съ Европы оскорбленной
 Тиранской власти снялъ яремъ:
 Свободу возвратилъ Германцамъ,
 Побѣду даровалъ Гишпанцамъ,
 И слезы Римлянамъ оперъ; —
 Опечесство опъ бѣдъ избавилъ,
 Грядущимъ временамъ оставилъ
 Неимовѣрныхъ дѣлъ примѣръ!

*

Тебѣ могущему, — и нынѣ
 Спасши Европу суждено,
 Содѣлать казнь слѣпой гордынѣ,
 Которою попрясено
 Вселенной общее спокойство.
 Гряди! и шумное неспройство
 Звѣриныхъ полчищъ усмири,
 Разсѣй злыхъ умысловъ крамолы,
 Оборони опъ нихъ Престола,
 Избавь святыя алтари.

*

Гряди, и міра въ оборону
 Войной войну оспанови ;
 Спусти на рамена дракону,
 И звѣря бездны раздави! . . .
 Гряди ! Богъ правому поможешь !
 Онъ горделиваго низложешь,
 Смиреннаго превознесешь ;
 Къ мечамъ ! Германскія народы !
 Къ оружію ! друзья свободы,
 Не бойтесь ! — съ вами Россѣ грядетъ ! —

Грядетъ, сдѣянь спрашной пучей,
 Слѣдами огонь и вихрь лепишь ;
 Мечъ грозный на бедра могучей,
 Какъ тысяща громовъ, звучишь. —
 Смоприше ! — Небеса склонились,
 Аьса густые распутились,
 Сравнялись горы для него.
 Какъ буря, онъ ко брани мчится,
 Предъ нимъ Архангелъ мщенья зрился ; —
 Кто смѣетъ спастъ прошивъ его ? . . .

Хотябы самъ ожесточенный
 Врагу Вселенной помогаль
 Везувій, въ воздухъ омраченный
 Рѣками пламень изрыгаль :
 Громами сферы колебались,
 Спрацы земныя сопрясались,

Сражался съ небожь Океань :
 Напрасно ! — Россъ не возпрепещеть ,
 Въ успѣхъ шаршаръ не воспещеть ,
 И лавровъ не пожнеть ширань .

О Россъ ! Царей и Царствъ спаситель !
 Прославь еще , прославь себя ! —
 Богъ брани швой пуцеводитель , —
 И всей Вселенной на тебѣ
 Сердца и очи обращены ;
 Обрадой Царства огорченны ;
 Сорви съ чудовища вѣнецъ ! . . .
 Ишоргни корень неуопройства ,
 Сдѣлайся шворцомъ спокойства ,
 Цосшанови войнамъ конецъ . —

Слѣши ! — и громомъ Росской силы
 Предупреди силу Галлскихъ громъ ,
 Да истребятся Крокодилы ,
 Могуцимъ Сѣвернымъ Орломъ ! . . .
 Исполниши ! . . . ны долгу внемлешь ,
 Не изъ корысти мечъ подъемлешь ,
 Не злобѣ жерпвуешь собой ;
 Но благъ желая смерпныхъ роду ,
 Вселенной цѣлой за свободу ,
 Изходишь въ кровопищный бой ,

Дерзай! — и снова дивной славой
 Возвесели Владыкъ земныхъ ;
 Воспоржествуй въ борьбѣ кровавой! —
 Нѣтъ милосердія для злыхъ! . . .
 Будь истребитель Вавилона,
 Не оставляй въ борьбѣ дракона,
 Доколѣ въ прахъ не превратишь.
 Рази! я предреку неложно:
 Все съ Божьей помощью возможно,
 Надѣйся, вѣруй, — побѣдишь.

Шатровъ.

VI.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСѢДЪ.

Обѣхавъ свѣтъ кругомъ
 Спокойный Домосѣдъ, передъ моимъ ками-
 номъ
 Сажу, — и думаю о томъ,
 Какъ прудно бытъ своихъ привычекъ вла-
 спелномъ :
 Какъ прудно вѣкъ прожить на родинѣ своей
 Тому, кто въ юности изъ края въ край
 носился,
 Все видѣлъ, все узналъ, но опъ того умнѣй,
 Домой не возвратился!
 Разсудокъ покоришь мечщамъ,

Онъ ищеть завсегда... чего, не знаеть самъ!
 О спраниикъ пакомъ скажу я повѣспъ вамъ:

Два брата Филалеть и Клипъ смиренно
 жили

Въ предмѣстїи Аеинъ, подъ кровлею одной.
 Нечаянно ихъ дѣдъ, иль дядюшка сѣдой

Разспадся съ жизнью и казной;

И братья поровну наслѣдство раздѣлили:
 Не помню, сколько минъ монеты золотой,
 Да кучу серебра: сосуды и амфоры

Опдѣлки масперской.

Сокровищемъ своимъ насыпя взоры,
 Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
 Какъ думаешь своей казной расположишь?

Клипъ спрашиваль у брата;

А я такъ домъ хочу купить,

И въ немъ психохонько съ женою вѣкъ про-
 жипъ

Подъ сѣнюю опчаго пената.

Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ:
 Опъ дѣшспва я любилъ ходитъ за вино-
 градомъ;

Водипься знаю съ спадомъ,

И дѣшямъ я мой плугъ въ наслѣдство пере-
 дамъ.

А ты, какъ думаешь? — — „О! я съ тобой не
 сходенъ;

Я пресмыкайтъся не способенъ

Въ толпѣ гражданъ простыхъ.
Припомъ fortuna мнѣ даетъ благія сред-
ства

Для замысловъ моихъ :

Съ побою пополамъ большой мѣшокъ на-
слѣдства !“

Чего же хочешь ты? — „Я? — славенъ бытъ
хочу.“ —

Но чѣмъ? — „Какъ чѣмъ? — умою, дѣлами,
И краснорѣчьемъ и спихами ,

И мало-ль чѣмъ еще? я въ Мемфисъ полечу,
Дѣлится мудросью съ жрецами :

За чѣмъ сей созданъ свѣтъ? кто править
имъ, и какъ?

Гдѣ Геркула столпы? гдѣ гордый Ниль ро-
дился?

За чѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
И Тебъ, горящій Тебъ, всё къ западу спре-
мится?

Какое счастье, милый братъ ! —

Я буду въ мудрости соперникъ Пиеагора!

И мудрые меня своей хвалой почтять

Въ Афинахъ, на берегахъ, и Нила, и Босфора.

Какое счастье ! десять лѣтъ

Я спану ѣсть праву, и нѣмъ, какъ рыба
буду ;

Но краснорѣчья даръ конечно не забуду ;

Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ,

И площадь нашу посѣщаль

Не даромъ:

Не стану я моимъ гордиться даромъ,
Какъ нашъ Алкивиадъ, орапоръ слабыхъ
женъ,

Или надутый Демосеенъ,

Кичася въ пурпуръ предъ Царскими послами;
Нѣтъ! нѣтъ! я каждого полезными рѣчами
На площади градской намѣренъ просвѣщать!
Ты самъ, оставя плугъ, придешь ко мнѣ вни-
машь,

Съ народомъ шумные воспорги раздѣляя,
И слезы радости подъ маншней скрывая;
Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называешь.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда (повѣришь ли?) Гликерія сама

На площади съ полпою

Меня превозгласитъ оракуломъ ума,
Ума, и, можетъ быть, любезности . . . ко-
нечно,

Любезностью сердечной.

Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще!...
Тогда Аенияде забудушь Демосеена

И Крапеса въ плащъ;

И бочку шута Діогена;

Которую, смотри . . . онъ кашипитъ жи-
мо насъ! —

Прощай же, братецъ!“ . . . Въ доброй часъ!
Щастливый путь тебѣ я къ мудрости
желаю!

Клипъ молвилъ краснобаю ;
 Схватилъ свою казну , и къ городу опять
 Пошелъ ; — домашній бытъ и домикъ снаря-
 жашъ ;

А Филалепъ ? — къ Пирею ,
 Чтوبъ судно Тирское застать ,
 И въ Мемфисъ полетѣшь съ румяною зарею .
 Признашься , онъ вздохнулъ , начавши Одис-
 сею . . . . .

Да кто не пожалѣлъ объ оптической землѣ ,
 Надолго распаваясь съ нею ? —
 Семь дней на кораблѣ

Зевая ,

Проказникъ нашъ сидѣлъ ,

И на море глядѣлъ ,

Опъ скуки самъ съ собой въ полголосъ раз-
 суждал :

Да гдѣжъ Триптоны всѣ ? гдѣ спити Неремдъ ?
 Гдѣ скрылся онъ съ полпой Океанидъ ?

Я ни одной не вижу въ морѣ ! . . .

И не увидѣлъ ихъ . Но въперъ свѣжій вско-
 рѣ

Въ Египетъ странника принесъ ;
 Уже онъ въ Мемфисѣ , въ обители чудесъ ;
 Уже въ святилище премудрости вспу-
 паешъ ,

Какъ мумія , сидитъ среди бородъ сѣдыхъ ,

И десять дней зеваетъ

За поученьемъ ихъ :

Ихъ въ гнѣвъ Пинегоръ, его учитель славный;
 Проклятьемъ поразилъ,
 За тѣмъ, что у него желудокъ неисправ-
 ный

Бобовъ и мяса не варилъ. —

Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ
 учиться?

У Грека старецъ спросилъ.

И такъ прошу садиться;

И слушаешь пѣнье Сферъ: ты слышишь? —
 Ничего! —

А видишь ли въ девятомъ мѣрѣ

Духовъ летающихъ въ эфирѣ? —

И менѣ того! ...

Увидишь; поспѣйсь ты года три, четы-
 ре,

Да лѣтъ съ десятокъ помолчи;

Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь брѣн-
 ный взоромъ

Всѣ тайной мудрости лучи, —

Обнимешь, я тебѣ клянуся Пинегоромъ ...

Согласенъ; такъ и быть! —

Но Греку шутка ли и день не говорить? ...

А десять лѣтъ молчаши; молчаши, да все по-
 спѣтись; —

За чѣмъ? Чтوبъ мудрецомъ

Съ морщиннымъ оцъ поста и мудрости че-
 ломъ

Въ Аѳинахъ возрaнитесь! —

О нѣшь!

(Черезъ сущи возопилъ голодный Филалетъ).
Юпитерь даль мнѣ умъ съ разсудкомъ
Не для того, чтобы я ходилъ съ пустымъ
желудкомъ)

Я мудрости такой покорнѣйшій слуга!
Прощайтежъ навсегда Кротонски берега!
Сказаль, на лодку сѣлъ, и въ Эпнѣ путь на-
правиль,

Чтобы узнать, за чѣмъ и какъ
На Эпнѣ пламенной башмакъ
Философъ Эмпедокль предъ смертію оста-
вилъ.

Узналъ, и полетѣлъ онъ въ Грецію скорѣй
Съ усталой отъ заботъ и праздности ду-
шою,

Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою!
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастья не находилъ

Подъ небомъ счастливымъ Эллады!
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣ-
щаль,

Бабавы, зрѣлища, ристанья,
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ;

Но хижину опцовъ не рѣдко вспоминалъ ;
 Въ несчастъе по лѣсамъ бродя съ своей клю-
 кою ;
 Какъ червель, завсегда снѣдаемый пос-
 кою !

Припомъ же кошелѣкъ
 У Грека спалъ легкокъ :
 А ночью, какъ бнъ шель черезъ Лаконскіи горы,
 Отбили у него
 И оспальной воры.
 Щастливъ еще, что жизнь не отняли его!
 Но жизнь безъ денегъ что? мученье нестер-
 пимо !

Такъ думалъ Филалетъ,
 Тащась полумагой въ степи необозримой.
 Три раза толнца свѣтъ
 Сбѣнялся мракомъ ночи,
 Но странника не зрѣли очи
 Ни жила, ни степей; повсюду степь и степь,
 Да горы въ дали туманной цѣтъ,
 Илоповъ и воровъ ужасныя жилищи !
 Что дѣлать въ горѣ, что начать?
 Придется умирать
 Въ пусыни — одному — безъ помощи и пищи.
 Нѣтъ, боги, нѣтъ,
 Терзая грудь, вопилъ несчастный Филалетъ,
 Безъ муки лучше я покину бѣлый свѣтъ,
 Чѣмъ такъ мнѣ съ голоду поминуться!
 И межъ кустовъ рѣку завидя вдаль,
 Е ъ

Онъ бросился къ рѣкѣ,
 Съ опчаянья — попишься! —
 Чпо, чпо ты дѣлаешь, слѣпецъ?
 Нещасному вскричалъ Скептической муд-
 рець,

Памфиль съдобородой,
 Который надъ водой любуясь природой,
 Одинъ съ клюкой пихонько брель,
 И, къ счастью, спраника нашель
 На краѣ гибельной напаси. —
 Топишься хочешь ты? Согласенъ: но сперва
 Повѣдай мнѣ, пвоя спокойна-ль голова?
 Разсудокъ ли тебя влечеть въ рѣку, или
 спраспи?
 Разсудокъ? но его чпо намъ вѣщаетъ гласъ?
 Чпо жизнь и смерть равны для насъ;
 Равны? пакъ не за чемъ топишься!
 Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не спыдись
 учишься
 У старца, чѣмъ мудрець здѣсь можетъ быть
 щаспльв.
 Такъ старецъ возглашалъ; онъ былъ красно-
 рѣчивъ,
 И Филалетъ оспался живъ.
 Въ раселинахъ скалы, висящей надъ водою,
 Въ пѣни смоковницъ и олимпъ,
 Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
 Гдѣ старецъ двадцать лѣтъ
 Провель въ молчаніи глубокомъ,

И въ вѣчность пронизалъ своимъ орлинымъ
окомъ,
забывъ вокругъ себя людей и цѣлый свѣтъ.
Тамъ прапезу нашелъ простую Филалетъ:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды... и только; боже мой!
Какъ сладостно искалъ для прапезы ша-
кой

Въ утѣхахъ мудрости приправы!
И такъ не диво мнѣ, что съ пухлякомъ
Памфиль
Объ *атаракси* топчась заговорилъ. —
Все призракъ, подъ конецъ философъ за-
ключилъ,

Богаство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастія и спраши,
И я, и ты, и самый сей объдъ,
Все призракъ! . . . . „сновидѣнье!“
Со вздохомъ повпорялъ печальный Фила-
летъ;

Но глядя на сухой объдъ
Вскричалъ: „я голодень!“ — и эптозаблужденъ,
Все грубыхъ чувствъ обманъ, не сомнѣвай-
ся въ шомъ!

Недѣлю попостясь съ брадашымъ мудре-
цомъ,
Нашъ призракъ - Филалетъ затѣялъ изъ
пусыни
Отправитесь въ Аены;

Пора! пора блеснуть на площади ужомъ!
 Пора съ Философомъ разснаться,
 Который научилъ,
 Какъ жить, и въ жизни сомнѣваться!
 Услужливый Памфилъ
 Моцетъ съ десятокъ самъ бродитъ предде-
 жилъ,
 Копомкой съ желудьми сущеными ссудилъ,
 И въ часъ румянаго разовѣша
 Онъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тай-
 геша
 На путь Афинской Фидалепа,
 Вошь спранникъ нашъ идетъ и день и ночь
 одинъ,
 Проходишь Арголиду,
 Коринѣ и Мегариду;
 Вошь Ащника, и вошь дымъ сладостный
 Аеинъ,
 Керамикъ съ роцями, предмѣстїя начало,
 Тамъ воды Иллиса! . . . въ немъ сердце за-
 дрожадо:
 Онъ Грекъ, що мудрено-ль, что родину лю-
 билъ,
 Что землю добызалъ съ горячими слезами,
 Въ восшоргъ, виъ себя, съ деревьями, съ
 домами
 Заговорилъ! . . .
 Я самъ, друзья мои, данъ сердца заплашилъ,
 Когда волненьями судьбины

Въ опчиану брошенный изъ дальнихъ странъ
 чужбины,
 Увидѣль наконецъ — Адмиральтейской
 шпиль,
 Францанку, эпошь домъ . . . и столько ми-
 лыхъ лицъ,

Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ;
 Я самъ . . . но дѣло все теперь о Филалетѣ,
 Который оперщисъ на кафедру, стоить,
 И снова ждешь денницы

На милой площади Апшической столицы.
 Замѣчьте, милые друзья,
 Что Греки снаряжашь тогда войну хопѣли,
 Съ какимъ Царемъ, не помню я,
 Но знаю, что тогда ужь Риторы гремѣли,
 Предвѣспники народныхъ бѣдъ;
 Такъ рѣчью ихъ сразить желая Филалетъ,
 Всѣхъ рацѣ на цомость погибельный возмо-
 спился. —

И вопшь блеснула Авроры свѣтъ,
 А съ нимъ и свѣтъ дневной родился!
 Народъ зашевелился,
 Въ Афинахъ, какъ вездѣ, часъ утра, часъ
 суеть.

На площадь побѣжалъ ремесленникъ, Поэтъ,
 Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами куп-
 чина,
 Софистъ, Архонтъ и Фрина
 Съ толпой прислужницъ и Сиренъ,

И бочку прикапиль насмѣшникъ Діогенъ.
 На площадь всякъ идешь, для дѣла, и безъ
 дѣла,

Нахлынули толпы, вся площадь закипѣла,
 Вы помнише . . . бульваръ кипѣлъ въ Па-
 рижѣ такъ

Народа празднаго толпами,
 Когда по немъ леталъ съ нагайкою козакъ,
 И въ Сѣверный Амуръ съ волчанкою и стрѣ-
 ламы.

Такъ точно весь народъ толпился и шумѣлъ
 Предъ каедрой бродяги,
 Которой въ первой разъ блеснуть ужомъ
 хотѣлъ,

Но заикнулся, покраснѣлъ,

И поблѣднѣлъ,

Какъ бѣлый листъ бумаги.

Въ собраньи всегда народъ неперпѣливъ,
 Сперва нашь краснобай услышалъ легкій
 ропотъ,

Шушуканье . . . а шамъ и громкій хохотъ.

▲ шамъ . . . но онъ спомишь уже не мерщвъ,
 ни живъ,

Разинуль ротъ, пошунилъ взгляды . . .
 Мерщвъ во сто разъ, чѣмъ мерщвецъ
 Баллады! . . .

Еще проходишь мигъ; —

„Ну, что же, начинай!“ — Орандоръ всё ни
 слова.

За то, какой въ толпѣ подъялокъ страшной
крикъ!

Какая туча тамъ гонима!

На каеедру лепить градъ яблоковъ и фигъ!
Ужъ камни сыплются надъ жер-
твой! . . .

И жалкой Филалетъ избитый, полуертвой,
Съ ступени на ступень въ опчяльнѣ лепить,
И падаеть безъ чувствъ подъ вѣрную защиту,
Въ объятія опверсны . . . къ Клипу! —
И такъ философа спасаетъ добрый Клипъ,
Простякъ, Философомъ презрѣнный,
Въ Афинахъ дни влачить, безъ славы осуж-
денный!

Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ полкаетъ на пули;
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады просить,
И брата своего, какъ старика Эней,
Къ порогу хижинъ своей
На раменахъ доносить.

Какъ брата, въ хижинѣ лепетъ добрый
Клипъ!

Не сводишь глазъ съ него, съ нимъ сладко
говорить

Съ просцымъ, но сильнымъ чувствомъ! —
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ ис-
кусствомъ! —

Въ три дни спраладемъ нашъ оправился и
вспалъ,

И брату кинулся на шею со слезами,
 А братъ гостей назвалъ,
 И жертву возкурить предъ опчимъ богами,
 Весь домикъ въ суетахъ: жена ирой дѣшей
 Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
 Во семь на машь свою похожихъ,
 На пиршество несуть для радостныхъ го-
 стей
 Простый, но щедрый даръ наслѣд пшени-
 ныхъ полей,
 Румное вино, янтарный медъ Гиметта,
 И чаша поднялась за здравіе Филалетта;
 Пей, бѣдь и веселись нежданый сердца
 гость!
 Всѣ гости за-одно съ хозяйномъ сказали.
 И что же? Филалетъ, забывъ народа здѣшь,
 Бѣды, проказы и печали,
 За чашей круговой опять заговорилъ,
 Въ восторгъ, о тебѣ, великолѣпный Ныль!
 А дней черезъ пятокъ, не бодръ,
 Наскуча видѣть все одно и то же поле,
 Все тѣже лица всякой день,
 Нашъ Грекъ на мѣстѣ спосковался.
 Она начала по лѣсамъ прогуливанъ ужъ
 дѣнь,
 На горы ближнія взбираться,
 Бродить всю ночь, весь день шатавшись;
 Пономъ Аенны спалъ тихонько посѣщая,
 На милой площади опять

Съ Софистами объ помъ , объ этомъ пол-
ковать ;

Пешомъ , . . . провѣдавъ онъ ошъ старыхъ
грамомеевъ ,

Что въ мѣрѣ естѣ спрана ,

Гдѣ вѣчно царствуетъ Весна ,

За розами побрель въ спрану Гипербореевъ.

Напрасно Клишъ съ женой ему кричали въ
слѣдъ

Съ домашнаго порога :

Братъ милой ! воропись , мы просимъ , ради
Бога !

Чего тебѣ искаши въ чужбинѣ ? новыхъ бѣдъ ?

Откройся : что тебѣ въ опечесствѣ не
милу ?

Иль дружеснво тебѣ , жестокой , огорчило ?

Останься , милый братъ , останься Фила-
леть ! . . .

Напрасныя слова , — чудакъ не воропился ,

Рукой махнулъ . . . и скрылся .

Батюшковъ.

VII.

ПОСЛАНИЕ къ А...ю О...у М...ву.

Нѣшь! — въ міръ сей введены мы не на жер-
пву бѣдь!

Пусць плачемъ мы подь часъ, пускай подь
часъ крушимся,

И часто круто намъ бываетъ, другъ сосѣдь!

Къ повинень? — Не въ свои мы сани воё садимся,

Иль сядя и въ своихъ, хватаемся рукой

Всегда за кусъ чужой:

Не удалось — и закричали,

„Что здѣшній міръ юдоль печали,

„Что жребій нашъ шаковъ,

„Чтобы мигъ радостей слезами, поку-
пали!“ ...

Нѣшь! — меньше прихотей, мой милой Мер-
зляковъ,

И жизнь легохонько помчится!

Мы знаемъ, вѣкъ никто на розахъ не
проспишь,

Безумно временщикъ удачами гордится:

Пируешь онъ у рока на кредитъ;

Но придетъ срокъ, ему слезами расплачешься!

Щастливъ, когда въ величїи своемъ,

Онъ никого напрасно не обидилъ,

Текъ истины свяшой пушемъ,

И несчастливцевъ вънемъ защипу видѣлъ, —

Когда опъ должности опцовъ не опрѣ-
шаль,

Въ угоду низкую любовницы, иль шуша,
И дурака богатаго и плуша,

Въ мѣста почопны не сажаль; —

Когда былъ гордоспи и жеспи не прича-
спень;

Онъ — року не подвласпенъ;

Въ немъ совѣспъ чистая; — онъ Неба доб-
лїй сынъ;

Печаль его пижа; душа его спокойна:

Онъ въ шаспїи мудрецъ, въ нещаспїи ис-
полинь,

И въ бѣдспвахъ зависти судьба его достпой-
на.

А лъзя-ль величїю завидовашъ того,

Великимъ можешъ ли шопъ даже и на-
звашъся,

Кого на высотъ нещаспные бояшъ,

Когда лъспецы, какъ псы, облегиши вокругъ
него,

На ждущихъ помощи и правосудья лають,

И лаемъ шумнымъ спонъ нещаспныхъ за-
глушають?

Увы! — воспонешъ пакъ нещаспный передъ
нимъ,

Какъ предъ кремнистою скалою волна спеш-
наешъ!

И какъ волна, въ скалу ударясь, изчезъ
заеть,

Погибнешь бѣдной такъ; — но Крезъ не
умолимъ!

Спраданья чуждыя ему-ль счищать бѣдою?

Прикрыта грудь его алмазною звѣздою,

И сердце сквозь нее не пронется шоккою!

И мужество сиротъ раздѣлитъ онъ льстецамъ,

И беззащитнаго осудитъ на мученье,

И дни назначены опчишь на служенье;

Размычетъ по пирамъ! . . .

Спрашися Сарданапалъ! судьбина сиротъ
учитъ!

Царь гибкостью швоей наскучитъ,

И взглянешь на дѣла . . .

Тогда — при-прагъ бѣдъ себя я ожидаю;

Тогда узрѣшь желаю,

Тверда-ль швоя душа, какъ въ шчасшїи была?

Безъ власти, — равенъ ставъ съ граждана-
ми правами,

Какъ встрѣтишься съ обиженнымъ тобой?

Какъ ты увидишься съ ограбленной вдовой?

Какими взглянешь ты глазами;

На бѣдныхъ толпы опчаянныхъ сиротъ,

Тобой лишенныхъ достоянья? —

Полезетъ по челу холодный градомъ потъ,

Попросишь покаянья! . . . .

Вошще! — и совѣсть изсушитъ

Округлосъ шучную ланишь;

И въ тишинѣ глубокой ночи
 Не воспрѣпятъ сладка сна твоей померкнѣи
 очи!

Почувствуешь тогда . . . . Но предадимъ
 судьбѣ

Караніе злодѣевъ сильныхъ.

Мы въ неизвѣстности, съ фортуной вѣкъ
 въ борьбѣ,

Въ днѣхъ бурями обильныхъ,
 Помощи, милый другъ, такъ править нашъ
 челнокъ,

Чтобы отъ насъ былъ берегъ недалекъ;
 При первой чтобъ грозъ, мль вѣтра при
 порывѣ,

Причаливъ мы могли къ родимой, злачной нивѣ,
 Съ кеторой на борьбу валовъ морскихъ смо-
 тря,

Мы ждали бы, когда прояснится заря! . . . .
 Такъ! — душу ограды отъ зависти и лести,
 Не станемъ мы желать,

И пятгоспной и незавидной чести,
 Толпу поклонниковъ фортуны умножать,
 И думать, какъ дойти дорогой къ ней прямою
 Тебя, мой другъ, снабдилъ Фебъ арфой зо-
 лотю;

Въ душѣ твоей покой,

Бряцай и пой.

Нашъ вѣкъ обилень чудесами! . . .

Пей съ адомъ Россювъ бой,

Иль АЛЕКСАНДРА ты восхищяся дѣлами,
 Его высокою душой, —
 Поклонникъ доблести одной, —
 Звучи громовыми струнами
 И къ подданнымъ любовь, и милость къ
 врагамъ;
 Иль обратясь къ лужайкамъ и полямъ;
 Пой рѣзвы шалости паспущекъ съ паспу-
 хами,
 Съ обычною безопасностью твоей!
 Пускай прошли, и нѣтъ ужъ тѣхъ щаспли-
 выхъ дней,
 Когда Поэты вдохновенны,
 Уважены, почтенны
 Любимцами боговъ, красавицъ и Царей,
 На лирахъ золотыхъ бряцали,
 И въ гимнахъ доблестъ чествовали:
 Порокъ ихъ пѣсней пренепаля;
 Ни временщикъ, сынъ лести и коварства,
 Ни опкупщикъ, ограбившій полъ-Царства,
 Изъ успѣ ихъ никогда привѣта не слыхалъ;
 Какъ Энній; подвиги воспѣвшій Сципіона,
 Подъ ирамэромъ однимъ съ Героемъ положенъ;
 И Бардъ великій Альбіона
 Въ ряду съ Царями погребенъ; —
 Пусть въ нашъ премудрый вѣкъ не слава
 за могилой
 Пѣвецъ за пѣсни ждесть;

Пусшь въявь или шайкомъ фортуна при-
хопливой

Челомъ на риемахъ бьешъ,

И языкомъ боговъ, какъ сминою, поргуешъ:

Памфиль предашея Кольбертомъ име-
нуешъ,

Водяный рядишь *Клилъ* невѣжду въ му-
дреца,

Или въ любимца Музь безсмысленна писца:

Онъ древнихъ и назвашь не зная именами,

Безсовѣстно зовешъ своими ихъ друзьями,

И хвалишь коль кого, сей ложный златоуспъ:

„Топъ пишешъ какъ *Пролерсъ*, а эпопъ какъ
Саллюстъ; — “ (*)

Балобоновъ въ своихъ посланьяхъ всѣхъ ру-
гаешъ ;

Всѣ мелюпъ шолько вздоръ, одинъ лишь онъ
Поэпъ,

И умъ его не поспигаешъ ,

Какъ не кадишь ему согласно цѣлый свѣпъ,

И въ ожиданіи всемѣспна воскуренья ,

Бредъ поришь на спихахъ къ себѣ опъ уди-
вленья ;

Ермилъ въ журналѣ *вракъ* судья всего и
всѣхъ ;

Онъ мѣришь умъ своимъ аршиномъ ,

И не поставишь въ смерпный грѣхъ

(*) Такъ мнѣемые наши Ученые искажающъ имена дре-
нихъ.

Хвалишь вздоръ, писанный Поэтомъ Госло-
диномъ.

Увы, мой другъ! все это такъ! - -

Въ Поэзію прокралась *отношенья*, -
И зависть и корысть паланшы гоняшь въ
мракъ! -

Къ неспрадалъ опъ ихъ змина уязвленья? -
И ты, помощецъ Музъ! краса пропекшихъ
дней

Тоскующей Россійской Мельпомены,
О! О...въ! и ты въ душѣ твоей,
Жестко пораженный,
Спаль жершвой и умолкъ для сирыхъ Рос-
скихъ Музъ!

Не замѣнимъ съ тобой ихъ рушенный союзъ.
Ахъ! долго имъ скорбѣшь, скорбѣшь безъ
упѣшенья;

И безопрадны слезы липь,
Напрасны дерзскія покушенья
Пѣвца Донскаго намъ на сцѣнѣ замѣнишь!
Увы! не знавъ спрасстей, сердце обуре-
ванья,

Знавъ только мѣру дашь спихаешь,
И Мельпоменѣ въ зло, и вкусу для спра-
данья,

И въ казнь чувспвишельнымъ душамъ,
Прадонъ новые другъ друга лишь смѣня-
ють!

Ихъ мѣта — бенефисъ, не лавровый вѣнокъ!
 За то — рожденя въ день они и умирають,
 И провождаетъ ихъ въ забвеніе свиспокъ.
 Миръ вракамъ ихъ — и миръ ненарушимый!..
 Но опврашимъ нашъ взоръ опъ шалостей

людскихъ,

Уйдемъ хопя на часъ опъ козней город-
 скихъ,

На брегъ Москвы рѣки, подъ клень густой
 любимый:

Тамъ на лугу раскинемъ скапертъ мы,
 Поспавимъ масло, сыръ и полные фіялы,
 Изъ коихъ прыгая, какъ звѣзды, брызги алы,
 Нашъ успокоятъ духъ, развеселятъ умы.
 Въ седьмой, фіаль въ фіаль мы спукнувъ,
 обоймемся,

И солнце тихо сядетъ за горой! —

Мы проводивъ его, въ десятый, покланемся,
 Предъ мощной не ропшамъ судьбой.

Ивановъ.

VIII.

АЛИНА и АЛЬСИМЪ.

За что, за что вы разорвали
 Союзъ сердець? . . . .
Вамъ розно быль! вы имъ сказали;
 Всему конецъ!
 Что пользы, въ пдашьє золотое
 Себя рядишь?
 Богатство на земль прямое
 Одно! любишь!

*

Когда случишься, жизни въ цвѣтѣ,
 Сказашь душой
 Ему: ты будь моя на свѣтѣ,
 А ей: ты мой!
 И вдругъ придется, для друга
 Любовь забыть —
 Что жребія спрашишь такова?
 И лъзя ли жишь!

*

Алина мащери опкрылась:
 „Мнѣ миль Альсимъ!
 Давно я впайнѣ обручилась
 Душою съ нимъ!
 Давно: люблю, ему сказала; —
 Дай щаспье намъ! —“
 Нѣтъ, дочь моя, за Генерала
 Тебя отдамъ!

И въ монастырь святой Ирины

Опвозишь дочь:

Тоска, печаль въ душѣ Алины

И день и ночь. —

Три года длилось изгнанье;

Не усладилъ

Ни разу другъ ея спрѣданье:

Но все онъ милъ!

*

Однажды!... о какъ свѣщъ коварень!...

Сказала масть:

„Любовникъ пивой не благодарень!

„Изволь чипашь!“

И ей даешь письмо Альсима; —

Его черпы!

Проси! другая мной любима!

Свободна ты.

*

Гопово все, женихъ приходишь;

Идушь во храмъ;

Вокругъ наля ихъ обводишь

Священникъ памъ!

Увы, Алина! что съ побою?

Кто пивой супругъ?

Ты сердца не дала съ рукою —

Въ немъ прежній другъ!

*

Какъ смирный агнецъ на закланье,

Вся убрана!

Вокругъ веселье, ликованье; —

Она грустна!

Алмазы, платье, ожерелья

Ей мать дарить;

Напрасно! прежняго веселья

Не возвратитъ!

*

Но какъ же дни свои смиренно

Ведешь она?

Вся жизнь семьѣ уединенной

Посвящена!

Алины сердце покорилось

Судьбѣ своей;

Супругу жь то, что сохранилось

Отъ сердца ей!

*

Но всё по прежнему печали

Душа полна;

И чтобы взоры ни встрѣчали,

Все мысль одна:

Такъ безутѣшная помила

Пясть лѣтъ себя,

Все упрекая, что любила,

И все любя.

◆

Для горестныхъ воспоминанья

Одинъ предметъ;

Хотѣшь прогнать его — спрѣданье!

А пользы нѣтъ!

Всё по неволѣ улепашемъ
 Къ мечпѣ своей!
 Твердя: забудь! напоминаемъ
 Душѣ объ ней.

*

Однажды приунывъ Алина,
 Сидѣла; вдругъ
 Купца къ ней вводилъ Армянина
 Ея супругъ:

„Вопъ цѣпи, дорогія шали,
 „Жемчугъ, коралль!
 „Онѣ дѣкарство опъ печали,
 „Я шакъ слыхалъ.

*

„На что намъ деньги? на веселье!
 „Кому ихъ жаль!
 „Купи, что хочешь — ожерелье,
 „Цѣпочку, шаль,
 „Или жемчугъ у Армянина;
 „Вопъ кошелекъ!
 „Я скоро возвращусь, Алина!
 „Проспи, дружокъ!“

*

Товары передъ ней опкрывши,
 Купецъ молчилъ;
 Алина, голову склонивши,
 Какъ не глядитъ!
 Онъ, взоръ пошупя, разбираетъ
 Жемчугъ, алмазь,

Подноситъ молча, но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

*

Блистала красота молодая
Въ его чертахъ;
Но блѣдень, — борода густая,
Печаль въ глазахъ. —
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, любви примѣта
Еще милѣй.

*

Она не видитъ, не внимаетъ, —
Мысль далеко;
Но часто, часто онъ вздыхаетъ, —
И глубоко!
Что (мыслишь) онъ такой унылой?
Чѣмъ оскорбленъ?
Ахъ! естли поперялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

*

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою,
„О чемъ печаль?
„Не опъ любви-ль? — ахъ, всей душою
„Тебя мнѣ жаль!“
— Что пользы? горя намъ словами
Не упомишь;
И невозвратнаго слезами
Не возвратишь!

*

Одно сокровище безцѣнно

Я въ міръ зналъ!

Подобнаго Творецъ вселенной

Не создавалъ.

И я имѣлъ одно въ предметѣ, —

Имъ обладать!

За то бы радъ былъ все на свѣпѣ,

И жизнь отдашь! —

✽

Какъ было сладко любоваться

Имъ въ день сто разъ!

И въ мысляхъ я не могъ распахъся

Съ нимъ ни на часъ!

Но року разсудись лихому,

Мнѣ повредишь,

И щастіе мое другому

Съ нимъ подарить! —

✽

Всѣхъ радостей земныхъ лишенный,

Съ моею тоской,

Я побѣжалъ, какъ осужденный,

На край земной!

Но ахъ! отъ сердца то, что мило,

Кто опорветъ!

Что разъ оно здѣсь полюбило,

Съ пѣмъ и умреть!

✽

„Скажи же, что пива уграпа? —

„Златой бокаль!

— О нѣтъ, оно милѣе злата! —
 „Рубинъ, коралль!
 — Не шаяко попереять ихъ? Что же?
 „Царевъ алмазъ?
 — Нѣтъ, нѣтъ алмазѣвъ всѣхъ дороже
 Оно сто разъ.

*

Съ шѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
 Съ нимъ погубилъ,
 Я самъ на память образъ милой
 Изобразилъ,
 И не черты его прелестны
 Смотрию въ слезахъ;
 Мои всѣ блага поднебесны
 Въ его чертахъ! —

*

Алина слушала уныло
 Его разсказъ; —
 „Могуль на эшошь образъ милой
 Взглянушь хоть разъ“! —
 Алинъ, молча, какъ убитый,
 Онъ подаепъ
 Парчею досканецъ обвипый,
 Самъ слезы лепеть.

*

Алина робкою рукою
 Парчу сняла; —
 Дощечка съ надписью златою; —
 Она прочла:

„Здѣсь все, что я осиротѣлой
 „Моимъ зову,
 „Что мнѣ опъ щастья уцѣлѣло,
 Все, чѣмъ живу.

*

Дощечку съ препенетомъ раскрыла,
 И что же памь!
 Что новое судьба явила
 Ея очамъ?

Дрожишь, — дыханье прекратилось; —
 Какой предметъ!
 И въ комъ бы сердце не смушилось? ...
 Ея порплетъ! —

*

Алина! пробудись, другъ милой,
 Съ тобою я!
 Ничто души не измѣнило;
 Она пвоя!
 Въ послѣдній разъ: люблю Алину!
 Пришоль сказатъ —
 Тебя покинувъ, жизнь покину, —
 Чтобъ не спрадатъ. —

*

Алина съ горемъ и поскою
 Ему въ отвѣтъ:
 „Альсимъ! я вѣрной бытъ женою,
 Дала обѣтъ!
 „Хоть долгъ, и тяжкой, и поспылой,
 „Все покорись;

„А ты не умирай, другъ милой,
„Но удались!“

*

Алинь руку на прощанье
Онъ подаетъ.

Она беретъ ее въ молчанье,

И къ сердцу жметъ . . . . .

Вдругъ входить мужъ; какъ въ испугленье

Онъ задрожалъ,

И имъ во грудь, въ одно мгновенье

Вонзилъ кинжалъ;

*

Альсима нѣтъ, Алина дышетъ. —

Невинна я!

(Такъ говоритъ) Всевышній слышетъ

Нась Судія!

За чтожь рука швоя пронзила

Алинь грудь?

Но, Богъ съ тобой! я все простила;

Ты все забудь!

*

Убийца съ той поры поминся

И ночь и день;

Повсюду въ слѣдъ за нимъ влачится

Алины тѣнь;

Обагрена кровавымъ покомъ

Вся грудь ея;

И говоритъ ему съ упрекомъ:

Невинна я!

Жуковский.

IX.

ЛЕМНОСКІЯ КУЗНИЦЫ.

Кантата.

Въ пещерѣ, гдѣ Вулканъ хромой и по-
 сѣдѣлый
 Куепъ Юпитеру молніеносны спрѣлы,
 Киприда, машь отрадъ, душа и жизнь
 всего,
 Для оперенныхъ спрѣлъ Эроса своего
 Златоблеспящаго колчана ожидала.
 Харипа мальчика за крылышки держала.
 И самъ Лемноскій богъ весь въ искрахъ,
 весь въ огняхъ,
 Циклоповъ понуждалъ къ работѣ въ сихъ
 словахъ:

Друзья! скорѣ поспѣшайте,
 Сама Киприда проситъ васъ;
 Огни мѣхами раздувайте,
 Да пламя окружаетъ насъ:

Да въ распопленномъ златѣ понесъ
 Чугунный горнъ пещеры сей,
 Да мѣдна наковальня спонесъ,
 Да млатовъ сто спучашъ по ней!

Друзья! скорѣ поспѣшайте,
 Сама Киприда просить васъ;
 Огни мѣхами раздувайте,
 Да пламя окружаетъ насъ.

Такъ хромоногій богъ, Кипридой оболь-
 щенный,

Противъ себя свою супругу воружалъ.

И се! приходишь къ нимъ богъ брани и-
 спупленный:

Дымилась кровь на немъ, взоръ молніей
 сверкалъ.

„Что дѣлаешь (онъ рекъ, возвыся гласъ
 кичливый),

„Юноны сынъ? и вы угрюмыя Халивы?

„Къ чему ничпожныя оружія сіи?

„Иль для забавы женъ и отроковъ презрѣ-
 ныхъ,

„Клокочешь злато здѣсь въ горнилахъ раз-
 каленныхъ,

„И зыблюшь островъ, богъ! прислужники
 твои?

„Вулканъ! сыны земли! стыдитесь

„Напрасно время такъ терять!

„Забавы прочь! иль отрекитесь,

„Зевесу спрашнй громъ ковать!“

Межь шѣмъ, какъ щепиному онъ гнѣ-
 ву предавался,
 И грозный гласъ его въ пещерахъ повшо-
 рялся, —
 Эропъ на пешиву вдругъ стрѣлку нало-
 жилъ,
 Согнувъ въ кольцо свой лукъ, прицѣлился,
 спустилъ: —
 Троспъ, оперенная въ полетѣ, засвистѣла,
 И тонка пешива на лукъ зазвенѣла; —
 Злапое остріе Арёю въ грудь ушло:
 Покрылося спыдомъ надменное чело!
 Онъ хочеть говорить, — сжущается, взды-
 хаеть,
 И голосъ на устахъ дрожащихъ замираеть.
 Палящій, тайный огонь, печеть въ его
 крови...
 Узналъ, сраженій богъ, могущество любви!
 Взглянулъ на машь опрадь; — грудь спра-
 стью взволновалась,
 Спальный, пернашый шлемъ съ главы его
 упалъ;

Киприда размѣялась,
 Эропъ захохоталъ.

Герои, лаврами покрыты,
 Я вашу почиаю власть!...
 Но вамъ, сколь вы ни знаменины,
 Вамъ должно предъ Эропомъ пасшь.

Малюшка въ замыслахъ упорень;
 Вселенная — его алтарь!
 Мы всё, жрецы; — ему покорень
 И самъ боговъ гремѣщій царь. —

Герои, лаврами покрыты,
 Я вашу почитаю власть!....
 Но вамъ, сколь вы ни знамениты,
 Вамъ должно предъ Эропомъ пасть.

В. Оливъ.

Х.

П Ъ С Н Я (*).

Ты спокойся сердце бѣдное!
 Вѣдь не вѣкъ же занывать тебѣ,
 Вѣдь не вѣкъ тебѣ съ поскою жить,
 Томно бишься во груди моей! —
 Какъ луна въ спруяхъ препенется,
 Какъ опъ вѣпра листь осиновою,
 Такъ забьешься ты опъ радости,
 Въ пу минушу, какъ пвой милой другъ
 Возвратится съ поля рапнаго.
 Ахъ! услышь, услышь мой нѣжной другъ
 Голось сердца, тебѣ вѣрнаго!

(*) Присылкою сихъ стиховъ удостоила насъ неизвѣстная почтенная дама.

Ты оставь войну кровавую,
 Попуци ты въ сердць люту месць,
 Возвратись скорѣй подь кровь родной!
 Вѣдь у нашего Опечества
 Много есть сыновъ, защитниковъ;
 У меня же безопрадныхъ
 Ты одинъ лишъ на бѣломъ свѣшу.
 Соплешащъ вѣнцы лавровыя,
 Удивлящъ дѣлами громкими
 Изумленныхъ современниковъ,
 Слышь Героемъ въ позднемъ времени, —
 Славно, другъ мой! — Но пріятнѣе,
 Милымъ взоромъ, нѣжной ласкою
 Друга вѣрнаго, сердечнаго
 Оживишь поску унылую!
 Тамъ на полѣ грозномъ, Марсовомъ,
 Спрахъ и смерть несешь врагамъ своимъ;
 Льется кровь тебѣ ручьемъ во слѣдъ;
 А подь кровь ты свой родительской
 Принесешь съ собой веселіе;
 Здѣсь при встрѣчѣ друга милаго,
 Проліются слезы радости,
 И омоютъ пыль кровавую
 Съ швоего чела Геройскаго.
 Безъ тебя, мой другъ единственный,
 Нѣтъ ни счастья мнѣ, ни радости! —
 Въ свѣтѣ бѣломъ, какъ въ темницѣ я,

И при людяхъ въ одиночествѣ.
 Безъ тебя ужь мнѣ и свѣтъ не милъ ;
 Не пріятно солнце красное :
 Не живишь оно по прежнему
 Душу мертвую , унылую .
 Безъ тебя , съ разсвѣтомъ бѣла дня ;
 Пробуждаюсь къ новымъ горестямъ ,
 Пробуждаюсь , чтобъ слезы лишь ,
 Въ ожиданьи друга милаго :
 Солнце за горы закапшился ,
 Выйдетъ мѣсяць изъ за - облака ;
 Сонъ опрадный принесетъ съ собой ;
 А меня найдетъ печальную ,
 Въ думу мрачну погруженную
 У того ручья шумящаго ;
 Гдѣ въ послѣдній разъ прощались мы ;
 Гдѣ клялся ты не забыть меня ,
 Возвратишься съ прежней нѣжностью ,
 И любишь меня до той поры ,
 Пока свѣтитъ мѣсяць на небѣ ,
 И журчитъ вода въ источникѣ . - -
 Мѣсяць на небѣ по прежнему ;
 Въ ручейкѣ вода шумитъ еще ; —
 А ты всё не возвращаешься ! . . . —
 Но замолкнижь сердце спрастное ;
 Не перзай воспоминаніемъ ;
 Дней щасливыхъ ; дней блаженнѣйшихъ !
 Вѣдь не вѣкъ же замыкать тебѣ ,

Вѣдь не вѣкъ тебѣ съ поскою жить,
 Томно бишься во груди моеи.
 Взойдетъ солнце, разцвѣтнутъ цвѣты,
 Взглянетъ милый, и печаль прой-
 дель!...

ХІ.

КЪ СОФІИ.

Ты пму различностей въ себѣ соединяешь,—
 Какъ Ангель, хороша, какъ бѣсъ насъ му-
 чишь злой,
 Ты имянемъ своимъ о мудрости вѣщаешь,
 И до безумія плѣняешь красотой.

Князь Вяземскій.

XII.

КЪ С. . . . .

Любулся на днѣхъ собою ,
 Амурь предъ зеркаломъ споялъ ,
 И съ роду онъ своей красою
 Еще довольнѣй не бывалъ ;
 Но хваспунишка ошибался ,
 Онъ былъ передъ проснымъ спекломъ ,
 И Софьи красою пльнялся ,
 Къ спеклу подкравшейся шайкомъ !

Князь Вяземскій,

XIII.

ЭПИГРАММА.

Крезъ богатѣешь каждый годъ ,
 И скупость каждый годъ его сильнѣе му-
 чить ;
 Вѣда ! какъ новое наслѣдство Крезъ полу-
 чить :

Онъ съ голода умрѣть.

Князь Вяземскій,

Конецъ VI книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
І Ю Л Я.

~~~~~  
*А вгустъ
Сентябрь.*

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Sm 9766/1815 207-9

Печаташь дозволяется съ шѣмь, чтобы по
отпечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Іюля
30 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Двигубскій.

64573-45

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Переговоры о мирѣ Аннибала съ Сципіономъ передъ сражені- емъ при Замѣ. - - -	1
II. Отборныя мысли изъ Творе- ній Лорда Болингброка. -	11
III. Кассандра въ чертогахъ Ага- мемнона. " " " -	30
IV. Пѣснь, во славу Благосло- веннаго. - - - -	50
V. Друзья. Идиллія XII я. -	54
VI. Свиданіе. - - - -	58
VII. Разлука. - - - -	63
VIII. Въ Альбомъ прошивъ Альбо- мовъ. - - - -	65

О г л а в л е н і е.

Стран.

IX. Пугливой мужъ. - - - 71

X. Чтеніе пятое въ бесѣдахъ
Любителей Словесности въ
Москвѣ. - - - 72

I.

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРѢ АННИБАЛА СЪ
СЦИЦИОНОМЪ ПЕРЕДЪ СРАЖЕНІЕМЪ
ПРИ ЗАМѢ.

(Изъ *Тита Ливія*)

Удаливъ на равное разстояніе пѣло-
хранищелей, и оставивъ при себѣ каж-
дый по одному переводчику, сошлись сіи
два Вождя, не токмо своего времени сла-
вѣйшіе, но равные великимъ полководцамъ
и Царямъ вѣковъ и народовъ прешед-
шихъ. — Они воззрѣли другъ на друга,
и пораженные взаимнымъ удивленіемъ, нѣ-
сколько минушь пребыли безмолвны. Ан-
нибаль прервалъ молчаніе:

„Я первый, сказалъ онъ, внесъ брань
въ обласпи Рима, и столько разъ имѣлъ
въ рукахъ своихъ побѣду, — и я первый
прихожу просить мира! — Такъ угодно
судьбамъ. Радуюсь, что онъ привели меня
просить его у Сциціона: Между знамениты-
Книж. VII. А

ми твоими пріумфами не послѣднимъ будешь еще и то, Сципіонъ, что Аннибаль, коему боги даровали столько побѣдъ надъ вождями Римскими, уступаетъ тебѣ. Ты положишь конецъ брани, толико извѣстной болѣе вашими, нежели нашими поперями! — Подивимся, Сципіонъ, игрѣ своеюравнаго щастія: я пріялъ оружіе въ консульство отца твоего; онъ былъ первый вождь Рима, мною побѣжденный. Нынѣ я принужденъ просить мира у сына его! Колико бы щасливы были отцы наши, если бы боги вдохнули въ нихъ желаніе, быть довольными обладаніемъ: однимъ надъ Италією, другимъ надъ Африкою; ибо завоеваніе Сициліи и Сардиніи не можешь наградишь даже васъ самихъ достойно за утрату многихъ флотовъ, армій и вождей знаменитыхъ. Впрочемъ удобнѣе порицать прошедшее, нежели его исправить. Спирася преобладанія до того ослѣпила насъ, что мы теперь едва возможемъ защищать свои собственныя предѣлы. Не вы одни вели брань въ Италіи; и мы зримъ ее въ Африкѣ.

Давно ли знамена Карфагенскія развѣвались при врагахъ Рима? Нынѣ звукъ оружія Римскаго слышенъ въ стѣнахъ Карфагена. Сбылось то, чего мы наиболее должны были спрашиваться, а вы — желать! —

Но дѣло идетъ о заключеніи мира въ такое время, когда счастье вамъ благоприятствуетъ. — Я и ты, Сципионъ, бесѣдуемъ о мирѣ; мнѣ и тебѣ онъ равно драгоцененъ, и что между нами будетъ положено, Республики утвердятъ все. — Намъ потребны токмо крошкія и мирныя чувствованія. Что принадлежитъ до меня; то, возвращаясь старцомъ въ ту страну, которую оставилъ, будучи еще отрокомъ, при моихъ льбахъ, моихъ успѣхахъ и бѣдствіяхъ, научился я, повиноваться болѣе разсудку, нежели слѣпому случаю. Но я спрашусь пвоей юности и непрерывно обольщающаго тебя счастья: то и другое возражаютъ въ насъ гордость, не внимающую совѣтамъ чистосердечія и умеренности. Тотъ, коего счастье никогда не обманывало, не разсуждаетъ о пре-

вращности будущаго. Ты нынѣ въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ нѣкогда я при Тразименѣ и Каннахъ. Пріѣвъ начальство надъ воинствомъ въ тѣ лѣта, въ которыя едва сіе позволено закономъ, ты совершилъ дѣла свои съ такою же удачею, съ какою дерзоснію предпринялъ ихъ. Ты мстилъ за смерть отца и дяди. Самыя бѣдствія твоего семейства возвеличили тебя силою мужества и безпримѣрной любви родственной. Римъ потерялъ Испанію; ты разсѣялъ четыре арміи Картагенскія, и снова пріобрѣлъ ее. Тебя облекли въ достоинство Консула, и когда предшественники твои едва имѣли твердость, защищать Италію, ты перешелъ въ Африку; ты истребилъ совершенно двѣ арміи, и въ то же время два спана предалъ пламени, плѣнилъ могущественнаго Царя Сифакса, покорилъ множество городовъ, и его и нашихъ; ты Италію, которая 16 лѣтъ была моею добычею, вырвалъ изъ рукъ моихъ! — Послѣ такихъ успѣховъ весьма еспѣшвенно, что для тебя пріятнѣе побѣды, не-

жели миръ! Знаю Римлянъ : они славу предпочипають пользѣ ! — И меня вѣкогда ослѣплялъ блескъ щаспія. Есльи бы боги, даруя намъ блага, надѣляли вмѣстѣ и мудростію, тогда мы разсуждали бы не о случившемся шокмо, но и о шомъ, чшо случисься можеть. Нужно ли говоришь о другихъ вождахъ? — Во мнѣ одномъ ты зришь разишельный примѣръ превращенности случая! — Давно ли видѣлъ ты побѣдоносный спанъ мой между Аніеномъ и Римомъ и воиновъ моихъ, уже восходящихъ на спѣны его? шеперь видишь меня въ собственномъ опечесивѣ моемъ, почти осажденнымъ, потерявшимъ двухъ брашій, знаменитыхъ мужествомъ и искусствомъ предводительства : ты видишь Аннибала, просящаго шебя удалить опъ Карфагена ужась, кошорымъ вѣкогда онъ самъ грозилъ Риму. Чѣмъ болѣе щаспіе намъ благопріятствуетъ, тѣмъ менѣе должны мы ему вѣришь. При выгодныхъ швоихъ обстоятельсвахъ, при нашихъ сомнипельныхъ, миръ, даруемый шобою, для шебя славенъ и по-

лезень; для насъ, умоляющихъ объ немъ бодѣе необходимъ онъ, нежели чесмень. Гораздо лучше и безопаснѣе миръ вѣрный, нежели побѣда ожидаемая: первый зависить отъ себя, другая отъ воли боговъ. Не подвергай опасности минувной успѣха щодликихъ дѣлъ! — Полагаяся на силу войскъ твоихъ, не забывай о могуществѣ щасія и неизвѣстности жребія въ сраженіи. Съ той и съ другой стороны щѣла человѣческія превращаются въ будащъ. Нигдѣ надежда не бываетъ столь обманчива, какъ въ упорной брани. Миръ ушвердитъ твою славу; она не увеличится, ещли ты останешься побѣдителемъ; но она погибнетъ, ещли ты будешь побѣжденъ, и одна мнута похититъ у тебя и пріобрѣтенныя почести, и ожидаемыя! Заключая миръ, Сципіонъ, ты располагаешь нашею участью; въ битвѣ ты предаешь ее судьбѣ неиспытуемой. Ещли бы Регулъ, одолѣвъ опцовъ нашихъ, даровалъ имъ миръ; то онъ остался бы вѣчно великимъ образцомъ для полководцевъ; но не полагая предѣловъ своимъ успѣ-

хамъ, не умѣя управлять щастіемъ, паденіе свое содѣлалъ шѣмъ пошныднѣе, чѣмъ выше возвела его судьба. Безъ сомнѣнія дарующій миръ владѣеть правомъ неопщемлемымъ, предписывать условія; но, можешь быть, мы не недоспойнышого, чпобы изъявили при семъ несчастномъ случаѣ и собственныя свои требованія. Мы уступаемъ вамъ всѣ области, пріобрѣтенныя войною: Сицилію, Сардинію, Испанію, острова, находящіяся между Африкою и Италією, и острова, прилежащія къ самой Африкѣ; ибо такъ угодно богамъ. Мы соглашаемся уступить вамъ право, давать законы народамъ чуждымъ, и владычествовать на морѣ и сушѣ. Мы извѣстно, что ты не вѣришь слову Пуническому съ того времени, какъ Картагенцы показали мало искренности въ желаніяхъ своихъ и требованіяхъ мира. Но прочносль его, Сципионъ, зависитъ отъ свойства шѣхъ, которые его заключаютъ: недоспашокъ дошоинсхва въ послахъ Картагена, былъ причиною, что Римъ отказалъ имъ въ

миръ. Теперь — Аннибалъ проситъ мира. Я не просилъ бы его, еспьли бы не почиталъ полезнымъ. Та же причина, копорая заставляетъ меня искать его, заставишь и согласишь свято. Виновникъ войны, до полъ украшалъ я профетями моихъ согражданъ, до колъ сами боги не позавидовали моимъ успѣхамъ. Теперь, виновникъ мира, я не потерплю, чшобы онъ былъ стыдомъ для Картагена и упрекомъ для меня!“ —

Вождь Римской произнесъ рѣшительное свое мнѣнiе въ сихъ словахъ: „Я вѣдалъ, Аннибалъ, чшо ожиданiе моего возвращенiя заставило Картагенянъ прервать перемирие, и истребишь надежду къ миру. Ты самъ довольно ясно обнаруживаешь се, опровергая условiя, уже предложенныя, и новыя уступки намъ сдѣланныя, утверждая за нами только нѣ земли, копорыя уже давно въ нашей власпи. Но ты печешься о томъ, чшобы спасти согражданъ своихъ отъ бремени пягоспнаго; и съ моей стороны еспь менѣе

ная обязанность, возпрепятствовать по-
 му, чтобы выгоды, прежде уже нами при-
 обрѣтеннымъ, не были вынѣ опъяты, и не
 содѣлались бы цѣною вѣрломства. Вы
 не заслуживаете уже и первыхъ условій;
 но хотите воспользоваться вашею измѣ-
 ною. Нѣтъ; не жажда побѣды заспавила
 опцовъ нашихъ идти въ Сицилію, а насъ
 въ Испанію. Опасность Мамертинцовъ,
 нашихъ союзниковъ, вооружила насъ. Раз-
 зореніе Сагунта укрѣпило союзъ сей, и
 мы вели войну изъ одного токмо чувст-
 ва состраданія и справедливости. Вы
 первые начали брань, и это было тво-
 имъ особеннымъ желаніемъ, Аннибаль;
 боги въ томъ свидѣтели, — боги, которые,
 и въ настоящей, и прошедшей брани
 укрѣпляли мышцы, защищавшія правоту.
 Чтожь принадлежить до меня, я вѣдаю
 слабость чловѣка и могущество щастія;
 я вѣдаю, что предпріятія наши подвер-
 жены тысячамъ превращеностей. Впрочемъ,
 есмьли бы прежде нежели перешель я въ
 Африку, ты Аннибаль, добровольно оста-
 вилъ Испанію, опшдыль съ своимъ воин-

ствомъ, и просилъ бы мира: тогда опринушь твои предложенія, было бы съ моею стороны высокоуміемъ и жестокостию! Но поелику я привужденнымъ былъ съ тобою сражаться, и безпрерывно раздражаешь твое честолюбіе, и, такъ сказать, увлещи тебя въ Африку: то въ насъ происходящемъ случаѣ не считаю нужнымъ уважить твои представленія; впрочемъ ежели сверхъ условій, уже принятыхъ, и о копорыхъ ты уведомленъ, еще какія потребуются вознагражденія за взятіе нашихъ галеръ, и за оскорбленіе нашимъ посланъ въ продолженіе перемирія, то я представлю сіе моему совѣту. Когда же и первыя условія кажутся для васъ щягосщны, то готовьшесь къ битвѣ; ибо вы сами возненавидѣли миръ.“

Оба вождя, не рѣшивъ ничего, разстались. Они возвратились къ воинамъ, дабы возвѣстивъ о бесполезности переговоровъ, и о томъ, что ошъ рѣшенія боговъ должны ожидать своей участи.

Сиривъ,

ОТБОРНЫЯ МЫСЛИ ИЗЪ ТВОРЕНІЙ ЛОРДА БОДИНГБРОКА.

Нашъ міръ и , что обширнѣе , вселенная , наполнены множествомъ существъ , которыя всѣ дѣйствуютъ для одной цѣли. Чувственныя животныя , на нашемъ шарѣ обитающія , подобно драматическимъ лицамъ зрѣлица , имѣютъ различныя характеры и играютъ различныя роли на сценѣ. Безчисленныя части вещественнаго міра , точно такъ , какъ машины театра , устроены не для актеровъ , но для дѣйствія ; и порядокъ , и система Драммы были бы приведены въ расстройство , когда бы мы учили самадѣйшую въ нихъ перемѣну. Свойство каждаго творенія , образъ его бытія сообразны съ его состояніемъ , съ мѣстомъ , имъ занимаемымъ , и съ ролю , которую оно должно играть. Если бы человекъ былъ твореніемъ нижшимъ или высшимъ того , что онъ есть , то бы его надлежало исключить совершенно изъ сей системы. Я не думаю ,

чтобы Философы когда - нибудь открыли намъ: для чего каждая вещь есть то, что она есть, или какъ она есть, или, почему не можешь бытъ она иначе, нежели, какъ есть, — не подвергая всей системы неудобству гораздо труднѣйшему, нежели какого они желали избѣжать.

Человѣкъ есть главный обитатель сея планеты, — существо вышшее всѣхъ прочихъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что вся система, въ которой кругообращается сія планета, или даже и одна сія планета, сотворены для него? слѣдуетъ ли изъ того, что Божественная Премудрость, создавъ человѣка, имѣла цѣлю токмо щастіе одного творенія? Подлинно нѣтъ. Таковыя предположенія не имѣютъ основы, и слѣдовательно неправильны.

Намъ не лзя сказать, что мы имѣемъ болѣе причины жаловаться на нещастія, насъ угнѣбающія, нежели сколько животноя имѣютъ права жаловаться на свои собливенныя. Многіе изъ нихъ ода-

рены предугадываніемъ будущаго и вліяній физическихъ , гораздо вышшимъ нашего ; и всѣ они чувствуютъ настоящее. Поелику Богъ даровалъ намъ умственныя способности , гораздо вышшія , нежели живописнымъ ; поелику Онъ имъ далъ болѣе инстинкта , а намъ болѣе разума : по должно ли Его почитать жестокимъ и неправосуднымъ за то , что Онъ не учинилъ насъ невредимыми и безгрѣшными ? Разсудокъ предлагаешь намъ средства , какъ избѣгать , облегчать , отвращать отъ себя большую часть бѣдствій , копорымъ мы подвержены ; и онъ такъ же долженъ насъ научать — великодушно переносить тѣ , копорыхъ мы ни предвидѣть , ни облегчить не можемъ. Ежели же мы его употребляемъ для того токмо , чтобы увеличивать ихъ въ нашемъ воображеніи , чтобы жаловаться на нихъ , не имѣя никакого права поступать такимъ образомъ ; то мы отъ этого спяновимся смѣшнѣе и безстыднѣе.

Человѣкъ , говоритъ Гроцій , есть животное , но животное вышшаго рода ,

которое столько же различно отъ прочихъ живошныхъ, сколько онъ различенъ между собою. Сіе предложеніе даетъ ли намъ довольно ясное понятіе? Не возможно, наблюдая живошныхъ, не примѣшпшь между ними, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и нѣкоторыхъ образахъ поведенія, не только гораздо вѣрнѣйшій и обширнѣйшій инстинктъ, нежели какъ мы объ этомъ думаемъ, но еще нѣчтоходящее болѣе на нижшую степень разсудка, нежели на вышшую степень инстинкта; это бы мы скоро увидѣли, если бы могли посредствомъ одного наблюденія, и безъ всякаго сообщенія съ ихъ понятіями, точно оплнчать ихъ. Какъ бы случаи ни были, какимъ бы образомъ безконечная Премудрость ни разположила вещи, очень легко изпровергнушь частными опытами общее мнѣніе Троиця; и покажь, что, по разнымъ отношеніямъ, различіе между нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми живошными могло бы показаться менѣе, нежели какое находится между различными родами жи-

Вошныхъ , и даже между живопными одного рода, по крайности, между однимъ челоѡкомъ и другимъ. Можешь бышь , вышнїя существа, разсмапривающїя сїстемѹ нашего разумѣнїя, не видяшь споль великаго различїя между периметромъ Гасконскимъ и обезьяною , или между Философомъ Нѣмецкимъ и слономъ, какое находится между челоѡкомъ, способнымъ учить, и между челоѡкомъ, не способнымъ къ наученїю.

Вещество и расшенїя не способны мыслить и разсуждать. Способность мыслить въ живопныхъ , которыхъ мы называемъ чувспвенными , гораздо ниже способности челоѡческой. Хотя бы я имѣлъ нѣкоторое сходство съ живопными , но я знаю такъ же и преимущества , которыя надъ ними имѣю. Чувспа даютъ знать мнѣ , что я творенїе , способное понимать , почитать и любить моего Создателя , находить Его волю въ законѣ естеспвенномъ , и дѣлать себя щаспливымъ , повинуюсь Ей; что я болѣе

имѣю возможности, помощію умспвенныхъ способностей, которыми Онъ одарилъ меня, избѣгать и отвращать отъ себя пѣ злоключенія, которыя у насъ съ ними общія; что я, такъ какъ существо разумнѣйшее, нежели онѣ, дѣлая должное употребленіе изъ моего разсудка, бываю иногда ниже ихъ, когда ропщу на мое соспояніе и на несчастія, которыя соединены съ онымъ; что не лзя обрѣсти совершенной добродѣтели и совершеннаго щаспія среди сыновъ человѣческихъ; что мы должны судить о продолженіи и прочности щаспія по нашему болѣе или менѣе вѣрнѣйшему служенію добродѣтели, и что то и другая находяпся въ нашей власти: поелику безъ сего не было бы ни одного человѣка ни добраго ни щаспливаго въ семь мірѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, нѣтъ ни одной твари споль злощаспной и бѣдной, какъ человѣкъ: онъ оплакиваетъ свою учаспъ при рожденіи; онъ распешъ, и во всю жизнь свою бываетъ подверженъ нуждамъ, и слабостямъ которыхъ живоп-

ныя совсѣмъ не знаютъ. По мнѣнію другихъ, никакой пвари не возможно сравнить съ человѣкомъ. Онъ сотворенъ изъ земли; но сія земля, по словамъ Овидія, была оплодотворена сѣменемъ небеснымъ. Онъ былъ созданъ по подобію боговъ, и его самый образъ доказываетъ его божественное происхожденіе. Нѣкоторые напрошивъ того порывались даже унижить разсудокъ и разумѣніе, кои опличаютъ его отъ прочихъ животныхъ, и коими онъ шолко превозносишся.

Ежели люди рождаются слабыми, такъ какъ и прочія животныя, ежели они долѣе имѣютъ нужду въ помощи своихъ родителей, будучи не способны доставлять себѣ пропитаніе; но это по тому, что имъ нужно болѣе узнать и сдѣлать заранѣе, и что для достиженія будущаго щастія въ томъ состояніи, въ которое они должны поступить, потребно самое долгое предуготовленіе. Чувство и инстинкты ведутъ животныхъ къ опредѣленнымъ ихъ концамъ. Нѣкоторыя

Книж. VII. **Б**

изъ живошныхъ пользуюся лучше опыномъ, приобрѣтають болѣ свѣденій, мыслятъ и рассуждають правильнѣ другихъ. Человѣкъ занимаетъ первую степень между всѣми; онъ лучше умѣетъ пользоваться опыномъ, онъ болѣ приобрѣтаетъ познаній, онъ мыслитъ, умствуетъ лучше нежели всѣ прочія жившныя; и шомъ, кто бы (родился мало способнымъ къ шакowymъ дѣйствіямъ, не былъ бы человекомъ, но какимъ-то существомъ нижней степени, хотя бы и имѣлъ образъ человека.

Всякое несчастіе между людьми произтекаетъ отъ самопроизвольнаго ихъ невѣжества, которое прешествуетъ имъ обративъ вниманіе на то, что они знаютъ, и размысливъ объ шомъ, что они дѣлають.

Человѣкъ въ состояніи, посредствомъ даннаго ему разумнія, предохранитъ себя отъ несчастій ему угрожающихъ, доставитъ себѣ вещи необходимыя, всѣ

удобности, всѣ жизненныя удовольствія. Онъ легко находить вещи, безъ которыхъ совершенно не можеть обойтись, и Богъ соразмѣрилъ ихъ со способностями пѣхъ, копорые занимають даже послѣднее мѣсто между разумными пварями. Тапаринъ и дикій равно наслаждаются ими, одинъ въ своей хижинѣ, другой въ своемъ шалашѣ; шаково общее соспоянiе челоуѣчества! И шакъ, на что же мы рощемъ? Шаспiе челоуѣка сполько же превозходитъ шаспiе прочихъ живонныхъ, сколько онъ выше ихъ по достоинству своей природы: не довольно ли эшаго? —

Мы должны думать, что эшаго довольно; но между пѣмъ Богъ учинилъ для насъ еще болѣе. Онъ сотворилъ насъ шаспливыми, и далъ намъ возможность, содѣлать себя еще шаспливѣе посредствомъ хорошаго употребленiя нашего разсудка, копорый руководствуетъ насъ ко исполненiю нравственныхъ добродѣтелей и всѣхъ должностей общеспвенной жизни.

Человѣкъ подверженъ проспудѣ, и почно такъ же, какъ прочія живонныя, многимъ шѣлеснымъ болѣзнямъ. Тотъ, кого мы почитаемо щасливѣйшимъ, бываешъ жершвою заботъ, безпокойствъ и спранныхъ превращеноспей. Слово *нещастіе* еспъ такое выраженіе, коего значеніе мы часпо увеличиваемо. Чпо такое значишь нещастіе? Поспараемо опредѣлишь его со всею почностію. Щасіе, по моему мнѣнію, соспоишь въ поспоянномъ и продолжисельномъ послѣдствіи удовольствій и пріянныхъ ощущеній, а нещастіе въ продолжисельномъ послѣдствіи непріянныхъ ощущеній. Но нѣшь ни одного человѣка, который бы испывавъ нещастіе, по собсшвеннымъ способносшямъ и соспоянію, въ которомъ посшавиль его Богъ, не имѣль и средсшвъ, предохранишь себя опъ онаго.

Человѣкъ, безпокоющійся объ нещасшій, могущемо съ нимъ случишься, не чпо иное дѣлаешъ, какъ присоединаешъ новую заботу къ шой, которую онъ имѣешъ; ибо хопя бы зло, нами пред-

видимое, случилось съ нами, или не случилось, безпокойство, которому себя подвергаемъ, не приноситъ намъ никакой выгоды.

Злоключенія людей кратковременны. Бѣдствія, которымъ они подвержены, рѣдко возобновляются, и я думаю, что мало найдется такихъ людей, которые два раза поспрадали бы отъ меровой язвы, или два раза погибли отъ землетрясенія. Но чрезвычайно трудно удовлетворить честолюбію, сребролюбію и прочимъ господствующимъ страстямъ. Люди безпрестанно шерпятъ въ несчастія, которыя отъ нихъ произтекаютъ, и все однако имъ служатъ.

Люди часто по своему произволу предають себя несчастіямъ, на которыя жалуется, если онѣ приключатся по обыкновенному печенію вещей, и даже избирають иногда смерть, къ которой столь великое имѣють отвращеніе. Вотъ какъ они жертвуютъ собою во всю ихъ

жизнь дѣйствительному и постоянному бѣдствію, которое ничуть не сопряжено по необходимости съ чловѣчествомъ ! Однимъ словомъ, несчастія, на которыя они ропщутъ, производящъ болѣе отъ нихъ самихъ, нежели отъ Бога. Правда, что людей иногда постигаютъ общія бѣдствія, коихъ ни предвидѣшь, ни избѣжаешь не возможно. Таковы на пр. наводненія, землетрясенія, опустошенія Государствъ и областей дикими и грубыми народами; но сіи бѣдствія случающа рѣдко. Ихъ можно принять нѣкоторымъ образомъ за наказанія, и за наказанія при томъ полезныя, когда онѣ содѣйствуютъ къ исправленію тѣхъ, которыя ихъ терпятъ, или которыя бывають ихъ свидѣтелями. Ихъ можно разсматривать шакъ, какъ дѣйствія естественныя, или шакъ, какъ случайности матеріи и движенія въ вещественной системѣ, которая движется по всеобщимъ неизвѣстнымъ намъ законамъ. Будучи разсматриваемы въ первомъ случаѣ, онѣ должны заспавить людей посредствомъ общихъ

и частныхъ дѣйствій боготворить и уважать Провидѣніе, управляющее міромъ; во второмъ случаѣ онѣ могутъ доставить другія размышленія, копорыя такъ же свою имѣютъ выгоду.

Монпанъ говорилъ, что самое мягчайшее сголовье, на копоромъ мы можемъ успокоить голову, есть невѣжество. Но я утверждаю, что это есть безвечность, Щасливъ пошъ, копорой можетъ говорить: привѣшствую тебя жизнь, какова бы ни была; щасливъ пошъ, копорой говоритъ: добро пожаловать смерть, какое бы свойство ты ни имѣла. Въ послѣднемъ случаѣ мы, перемѣняя соспояніе, не перестаемъ бытъ швореніями Вожіими. Онъ насъ учинилъ щасливыми здѣсь долу, Онъ можетъ содѣлать насъ еще щасливѣе въ другомъ видѣ существованія. По крайности я увѣренъ, что Онъ поступитъ съ нами по совершенствамъ Своей природы, а не по несовершенствамъ нашей.

Нравственностъ учишь жить, шочно такъ какъ Логика учишь умшвовать и

хорошо излагаешь мысли; послѣдняя имѣешь предметомъ — управляешь мыслями души, а первая — управляешь вождельніями души.

Міръ сей подобенъ большой ярмаркѣ, на которой все обыкновенно идетъ такъ, какъ на деревенскомъ праздникѣ, гдѣ вмѣсто оркестра ошвѣчаетъ дурная во-дынка.

Внутренняя цѣна человѣка состоишь не въ одной бодрости и силѣ; если чело-вѣкъ умѣешь побѣждать гнѣвъ свой и про-щайшь, то онъ выше всякаго сравненія.

Прощеніе несовершенно, когда вовсе не забышь учиненный пропускъ; и не лзя думать, чѣобы онъ былъ забытъ, когда по прежнему не продолжаютъ дѣ-лать добра тому, кто его учинилъ.

Нравы зависяшь отъ шемпераменша, а шемпераменшь и съ переменною климата не переменяется. Естественное свойст-во человѣка можно сравнишь съ наружною формою его тѣлосложенія; и по и другое навсегда остающся одинаковы.

Здѣшняя жизнь не что иное какъ сонъ, а жизнь будущая пробужденіе, и люди въ продолженіе сего сна видяпъ шокмо сновидѣнія смѣшанныя и неясныя.

Правосудіе есть непреоборимая крѣпость, построенная на вершинѣ горы неприспупной, которая не можетъ быть сокрушена ни стремительностію поповъ, ни силою машинъ.

Судьи уподоблялись нѣкогда обнаженнымъ мечамъ, которые заставляли претепашъ злодѣевъ; но нынѣ нѣкоторые изъ нихъ подобны пуслымъ ножнамъ; пошому что вся цѣль ихъ состоипъ только въ томъ, чтобы наполниться золопомъ.

Какой высшей степени славы человекъ можетъ домогаться во время своей жизни, кромѣ той, чтобы быть покровителемъ людей добрыхъ, бичемъ для злыхъ и защитникомъ свободы общественной!

Возвышенность (le sublime) въ сердцѣ творитъ побѣдителей; возвышенность въ душѣ творитъ великодушныхъ; возвышенность въ благоразуміи творитъ великихъ политиковъ; возвышенность въ умѣ творитъ сихъ необыкновенныхъ гениевъ, рожденных для просвѣщенія рода человѣческаго; возвышенность въ вѣрности творитъ сіи чудеса между друзьями, столь рѣдкихъ въ обществѣ; возвышенность въ честности творитъ сіи безкорыстные сердца, которыя побуждаютъ самыя обольстительнѣйшія искушенія.

Не въ ученыхъ правилахъ обрѣтаютъ шерпѣніе и силу противу нещасія; и когда мы добродѣтельны токмо съ помощію Философіи, то мы нимало недобродѣтельны.

Хотите ли вы вообще всѣхъ заспа-
вить хвалить ваше поведеніе? Не желайте
никогда имѣть ни по праву, ни безъ
права того, что вамъ не принадле-
житъ.

Не спарайшесь никогда имѣшь ни дружбы, никакой-либо связи съ злобнымъ человѣкомъ; ибо имѣя часное съ нимъ обращеніе, вы непременно привыкните къ какому нибудь пороку, совсѣмъ не замѣчая того.

Замѣчайте всегда то, что есть хорошаго во всякомъ человѣкѣ, и никогда слишкомъ съ черной стороны не смотрите на то, что есть въ немъ дурнаго; прощайте съ охотою другимъ, дѣлайте добро всѣмъ, и въ особенноти удаляйтесь сообщества невѣждъ, упрямецъ и спорщиковъ.

Мы должны уподобляться симъ покрытымъ листьями и плодами деревьямъ, которыя доставляютъ тѣнь и плоды лѣтъ, кои въ нихъ бросають каменья; или, мы должны подражать наполненной жемчугомъ устрицѣ, которая даетъ жемчугъ свой тому, кто опнимаепъ у нее жизнь.

Не дѣлайте никогда себѣ непріятелей подъ тѣмъ предлогомъ, что вы много имѣете друзей; ибо изъ тысячи друзей, копорыхъ вы имѣете, едвали найдется одинъ истинный.

Не дивитесь тому, ежели вы увидите, что очень часто болѣе уважають собаку, нежели человѣка, копорый есть живошное самое жадное. Собака изъ всѣхъ земныхъ благъ ничего не пребуешь, кромѣ кости; а иногда все, что ни есть въ мірѣ, не можешь удовлетворишь одному человѣку. Ударьте собаку, она за это не оставитъ васъ; переспаньте дѣлашь добро человѣку, онъ пошчасъ удалился отъ васъ навсегда.

Я имѣю великое опвращеніе отъ глупцовъ и мошенниковъ; впрочемъ въ обыкновенномъ обхожденіи для меня несноснѣе глупецъ, нежели умный мошенникъ; правда, что всегда надобно держаль ухо воспро съ послѣднимъ; но когда у него есть умъ, онъ забавляешь и налагаетъ

нѣкоторую обязанность, по которой мы не бываемъ принуждены плащипь ему другой монетой. Глупецъ почто шакже, какъ мошенникъ, принуждаешъ насъ бышь оспорожными, но ничѣмъ за шо не вознаграждаетъ; онъ намъ наскучиваетъ, или безпокоитъ насъ, какъ муха.

Не снискивайте привычки насмѣхашься надъ другими: сего порока никшо шерпѣшь не можешъ; убѣгайте равномерно шуповства, попому что оно, кромѣ презрѣнїя, ничего въ другихъ къ намъ не возбуждаешъ; напрошивъ люди степенные всегда производятъ хорошее мнѣнїе о самихъ себѣ въ людяхъ умныхъ.

Четыре вещи не должны обольщашъ насъ: дружественные поступки вельможъ, ласки женщинъ, шушки нашихъ непрїателей и шеплоша зимою; попому что все шо не можешъ бышь продолжительно.

Если вы хопите хорошо судитъ о свѣшѣ, шо разсмотритъ только, въ Чьихъ Рукахъ онъ находится.

Если невѣжда примѣчаетъ въ себѣ одну какую нибудь добродѣтель, то онъ думаетъ, что соню ихъ имѣетъ; ежели же онъ имѣетъ тысячу недоспашковъ, то ни одного не примѣчаетъ.

Неушомимостъ многіе замѣняютъ недоспашки въ дарованіяхъ и въ поведеніи.

Человѣкъ одѣвающійся гораздо пышнѣе, нежели позволяешь ему состояніе, подобенъ человѣку, напирающему лице свое румянами для того, чтобы сокрыть болѣзнь его пожирающую.

Флегонъ Веселитскій.

III.

КАССАНДРА ВЪ ЧЕРТОГАХЪ АГАМЕМНОНА.

(Сцена изъ Трагедіи Эсхила.)

Предувѣдомленіе.

Агамемнонь, Царь Аргоса и Мицены, по разрушеніи Трои, побѣдоносець,

возвращается въ свое отечество съ великою добычею и множествомъ плѣнныхъ. Между послѣдними находилась и Кассандра, прекрасная дочь Приама, Героиня, предвѣщательница будущаго, жрица Аполлонова. — Клитемнестра, жена Агамемнонова, не съ большею радостію сръшала своего супруга: она любила Егиста. Вѣроломная, согласясь съ любовникомъ, убила сего славнаго Царя Царей въ банѣ, послѣ пиршества, въ самой день его прибытія въ Аргось. — Здѣсь начинается сцена. Кассандра, влекомая за побѣдителемъ, не смотря на всѣ увѣщанія и угрозы Клитемнестры, не вступаетъ въ чертоги Царскія и не сходитъ съ колесницы: чувство натуральное въ особѣ, помнящей знаменитость своего рода и личныя свои достоинства, особливо въ минуту страшнаго перехода изъ состоянія Царевны въ состояніе рабы. Кассандра хранитъ упорное молчаніе при всѣхъ вопросахъ Клитемнестры. — Наконецъ раздраженная Царица уходитъ, и плѣнница остается посреди хора. — Тогда шокмо

перерываетъ свое молчаніе вздохами и жалобами на измѣнивнаго ей бога - покровителя, Аполлона. По вступленіи въ чертоги, она поспѣетъ предъ изумленнымъ хоромъ воспѣваетъ всѣ ужасы и злодѣянія пресупнаго рода Апридовъ; — и послѣ пророческуетъ предъ народомъ, или хоромъ (хоръ собственно изображалъ народъ, какой могъ быть по приличію мѣста и происшествія) объ ужасномъ убійствѣ Агамемнона, совершающемся въ то же время въ сосѣдственныхъ камерахъ. — — Удачная для тогдашняго времени хипрость Спихопворца! — Онъ не хотѣлъ предсавить убійства на сценѣ; но оно весьма живо рассказывается со всѣми прошедшими пресупленіями, какъ причиною наспоющаго, — и со всѣми, которыя могутъ впредъ случиться, какъ необходимое слѣдствіе — устами женщины - пророчицы, и припомъ несчастной царшвенной плѣнницы. — Греки признавали эту сцену на театрѣ единственною. — Новѣйшіе крипики почищаютъ ее чрезвычайнымъ знаменіемъ Эски-

лова дарованія, копорой былъ и опецъ Драмы, и во многихъ мѣстахъ оспался образцомъ для самымъ опдаленныхъ временъ, и слѣдовательно болѣе, для образованныхъ своихъ послѣдователей. — Знапоковъ Греческаго языка напередъ увѣдомляю, что я и сокращалъ, и прибавлялъ къ подлиннику. Они сами согласятся, что перерывы хоровъ весьма холодны и медленны, и не соотвѣтствуютъ божественному вдохновенію Кассандры: эпоть недостапковъ опносятся ко времени, а не къ Эсхилу. — Впрочемъ я старался не опустить ни одной черпы, копорая, принадлежа къ своему вѣку, можетъ быть занимательною и для нашего вѣка. Такого роду переводы бывають или просто для учащихся, или для любителей и знапоковъ пеатра: одни близки болѣе, нежели другіе: — я хотѣлъ соотвѣтствовать своей цѣли, и позволилъ себѣ нѣкошорую свободу.

Дѣйствіе Vе, Сцена 2я.
Кассандра и Хоръ (*), или Корифей.

Кассандра.

О боги! . . . . Аполлонъ! . . . . жестокий
 Аполлонъ!

Корифей.

Почто вздыханія споль грусны къ Апол-
 лону?

Не требуетъ вздыханій онъ!

Кассандра.

О боги! . . . Аполлонъ! жестокий Аполлонъ!

Корифей.

Въ мольбахъ Пресвѣшному ни поковъ слезъ,
 ни спону

Не подобаетъ быть.

Кассандра.

О путеводецъ - богъ! — о милый богъ - ка-
 ратель!

Такъ! мнѣ уже не жить!

(*) Хоръ, изображая людей, которые по приличію могли быть при совершающемся дѣйствіи, имѣлъ у себя *Корифея*, который одинъ говорилъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ, и слѣдовательно онъ былъ Актеръ. — По сему, думаю, мнѣ позволено будетъ вмѣсто *хора*, собирательнаго слова, употреб- лять здѣсь одно: *Корифей*.

Корифей.

Се дѣва , собспвенныхъ злощастій прори-
цапель! . . .

И въ рабствѣ , богъ ее любившій не забудь! —

Кассандра.

О пупеводець - богъ ! о милый богъ - ка-
рапель !

Куда меня ведешь ? — къ могиламъ опъ мо-
гиль ! . . .

Се паки мрачные являюся мнѣ виды ! —

Гдѣ я , вѣщайте , гдѣ ? . . .

Корифей.

Здѣсь царствують Априды.

Кассандра.

Вершепъ опцеубійствъ ! — и кознямъ , и
смерпямъ , —

Орудьямъ всѣхъ смерпей рождение и со-
бранье ! . . .

Корифей.

Въ ней духъ всевѣдущій . . . .

Кассандра.

Не внемлеле-ль спенанье ?

Мечъ родспвенной разипъ младенчески
сердца , —

И члены бѣдныхъ чадь , ахъ ! снѣдію оп-
ца (*) ! . . .

(*) Извѣстно , что Апрей , родоначальникъ Апридовъ ,
предложилъ Тіеспу брату своему на пиршествѣ въ
пищу изгоповленное тѣло малолѣтнаго его сына . —
Кассандра удивленному хору повѣстпуесть прежнія
преступленія , помрачившія навсегда домъ Апридовъ .

Корифей.

О злора! о позоръ престола и народа!

Кассандра.

Спрашисъ, жди новаго, озлобленна природа!

О боги - мстители, ведется жертва къ
вамъ (*).

Апридамъ — новый срамъ!

Бользнь чувствительнымъ сердцама!

Корифей.

Таинственный глаголь!

Кассандра.

Нещасная, поспой (**)!

Сие-ль обѣтъ любви супружеской, святой? —

Какъ! среди пиршества? — на лонѣ нѣтъ,
прохлады,

Гдѣ побѣдитель мнилъ вкусить трудовъ
отрады (***),

Лепѣлъ вкусить любовь! . . . языкъ нѣ-
мѣешь! . . . страхъ! . . .

Ударъ удару въ слѣдъ. . . кровь льется. . .
паль на прахъ!

Корифей.

О боги! . . .

Кассандра. (съ горькимъ смѣхомъ)

Торжество! съшь, адомъ сопле-
пенна, (****)

(*) Разумѣется Агамемнонъ, убитый Клитемнестрою:

(**) Обращеніе къ Клитемнестрѣ.

(***) Онъ убитъ былъ въ банѣ.

(****) Свирѣлая супруга опутала его одеждою, дабы
удобнѣе совершить злодѣяство.

Опупала крыль Орла, къ вамъ возвращенна!
 Кипо поразиль? жена! Сраженный кипо?
 супругъ!

Возрадуйся; о Силь подземныхъ шумный
 кругъ!

Вы, кровью Целопса ненасытимо гладны,
 Примите, Фурii, сей пиръ для васъ оправ-
 дный,

Упейшесь грозныя! . . .

Корифей.

Зловѣщая! увы! . . .

Весь адъ зоветь она нещасныхъ на гла-
 вы! —

Дражду; вся къ сердцу кровь; — всѣ члены
 хладъ объемлеть!

О горе! горе! адъ ей внемлеть! . . .

Кассандра.

Что зрите? — медлище! — какъ? — видѣшь
 и молчашь?

Влекище льва опъ львицы ярой вспяшь (*)!
 Скорѣ! . . . Онъ въ сѣпн, сѣпн неразру-
 шимой!

Ахъ, поздно! — се ударъ! еще! . . . и изне-
 могъ,

И въ собспвенной крови палъ Царь и полу-
 богъ . . . .

(*) Подъ словами льва и львицы пророчица разумѣла
 Агамемнона и Клитемнестру.

Корифей.

Веди! куда? скажи, о богъ непоспужимой!

Кассандра.

Вопшь, вопшь убійцы здѣсь... не дайше льва
волкамъ. (*) ...

Онъ въ узахъ, онъ плѣнень, онъ самъ
Низвергся въ ровъ сокрышой, —
И торжествуетъ мечъ несышой! ...

Корифей.

Что дѣлать? что начать? —
Непроницаема грядущаго завѣса! —
Но таинство сихъ словъ изходитъ отъ
Зевеса:

Мы страшной бури должны ждашь!

Кассандра.

(въ изнеможеніи, послѣ нѣкотораго мол-
чанія)

О какъ судьба моя жестока!
Увы! несчастной мнѣ, въ обители порока,
Съ пресступными дѣлицъ мученья богъ
судилъ,
И съ карой злыхъ мою онъ смерть соеди-
нилъ! ...

Корифей.

Но кто сей богъ, сей строгой пивой губитель,
Могильныхъ пѣсней сихъ унылый возбуди-
тель?

(*) Эгистъ и его сообщники.

Увы! — и надъ своей главою
 Ты гимны правишь погребальны! —
 Такъ надъ погибшею сестрой
 Вдыханья пролила печальны
 Въ долинахъ и лѣсахъ,
 Неиспоцимая въ слезахъ,
 Сладко-унывна Филомела — (*),
 И жизнь ея поскою бесплодною соплѣла!...

Кассандра.

Щасплива Филомела!
 Богъ крылія ей далъ. — Лепай и скорбь дѣли
 Со всѣми добрыми пвореньями земли!
 А я!... куда пойду? кому скажусь? — кпо
 спросить?...
 Мнѣ мать, отецъ, родня, друзья и братья: —
 смерть! —
 Она, благоволивъ опраду мнѣ просперть,
 Желѣзо острое заносить!...

Корифей.

Кпо гибели пвоей виной?...
 Великъ и милосердъ владыка славной пвой;
 Восприметь сердцемъ онъ невинныя спра-
 данья,
 И павнь пвой усладятъ его
 благодѣянья!
 Ты плачешь, сирота! . . .

(*) Несчастная Исторія Филомелы известна.

Кассандра.

О бракъ! несчастной бракъ (*) ,
 Которымъ палъ нашъ тронъ, и слава
 скрылась въ мракъ!

О рѣки моего опечества священны,
 Гдѣ дни я провела, дни юности блаженны!...

Ахъ, скоро мой унылой гласъ
 Услышатъ берега свирѣпаго Коципа!...

Все минуло для насъ! —

Гдѣ Царства славнаго столпца знаме-
 нипа?...

Ни жершвы, ни мольбы, ни доблеспивенный
 духъ,

Тебя, родитель мой (**), опъ бѣдъ не огра-
 дили: —

Ты зрѣлъ швой храмъ, боговъ въ кровавой
 цепа пыли,

Ты зрѣлъ горящи стѣны вокругъ,
 И падающій тронъ. . . . Ахъ, спрашенъ
 гнѣвъ всесильныхъ!

И сонмъ швоихъ сыновъ, доброшами обиль-
 ныхъ,

И дочерей красныхъ сонмъ, Пергама свѣт-
 лый садъ,

Все, все въ швоихъ очахъ пожралъ несыпный
 адъ!

(*) Разумѣется любовь Елены и Париса, приключившая
 паденіе Троянскаго Царства.

(**) Приамъ, отецъ Кассандры.

И я послѣдняя, безъ рода, безъ покровъ,
 Несу къ чужимъ брегамъ
 На радость злымъ враговъ, Царей упад-
 щихъ срамъ, —
 Несчастна юница къ закланію гоцова.

Корифей.

Преспань крушинь себя, прекрасна дщерь
 Царей!
 Въ рукъ судьбы, и блескъ, и шѣни нашихъ дней!
 Она ихъ золопитъ, она ихъ помрачаетъ;
 Ея успавамъ нѣтъ премѣнь!
 Враждебный духъ тобой намъ гибель пред-
 вѣщаетъ. —
 Почто желашъ намъ зла? — сіе-ль швой ру-
 шить плѣнь!
 Спокойся, и скленись, покорна предъ богами,
 И тихо привыкай ко жизни новой . . .

Кассандра.

. . . . Здѣсь,
 Гдѣ Фурія споятъ чертоговъ предъ врагами?
 Гдѣ ихъ наслѣдственна вѣсь? . . .
 Здѣсь въ рабствѣ жить? — . . . внемли: ихъ
 воетъ ликъ надгробной,
 Блистающъ свѣшочи, измѣи вокругъ щипятъ,
 И льется надъ главою злобной
 Кровосмѣсителя — ихъ ядь! . . .
 Возрите: тамъ, въ преддверьи сѣни
 Явились вновь
 Въ убрусахъ бѣлыхъ шѣни . . . .

Ихъ кости, ихъ тѣла въ рукахъ у нихъ . . . :
 чья кровь? —

Чья вопишь кровь! — Неисповество желѣза
 Въ десницѣ кровнаго перзало вашу грудь! —
 Опца несчастнаго ужасная прапеза! . . .
 Опсель проклятіе! опсель къ злодѣйствамъ
 пупь!

Опсель въ родъ и роды
 И преспуленія, и кары, казнь боговъ,
 Закона и природы!
 Песь (*) низкій пропивъ льва ужасной
 спрощь ковь! . . .

Сей вождь Царей великихъ,
 Водящій корабли въ пустыняхъ моря дикихъ,
 Рушишель Илии, любимецъ сей небесъ,
 Безвредный средъ коварствъ, средъ сѣчей
 ненавѣпной,

Едва къ богамъ опцовъ вознесъ свой гласъ
 обѣпной,

Едва въ своемъ дому, съ пролишемъ слад-
 кихъ слезъ,

Повѣсилъ на стѣнахъ доспѣхъ злапоко-
 ваный,

Печашами побѣдъ спокрапъ знаменованный,
 Едва объяпія къ супругъ онъ просперъ

Въ вершепѣ мраморномъ прохлады . . . .

О ужась, о землѣ невѣдомой примѣръ! . . . .

Вкушаетъ смерть въ обители опрады!

(*) Эгистъ, умышляющій пропивъ Агамемнона.

Съ улыбкой, ласкою привѣстивенной любви,
 Копору сполько дѣшь разлука упомяла,
 Она на грудь его, припворная, упала. . . .
 Чудовище! . . . и мечь дымился во крови!

Кпо пы, чудовище? драконъ ли пы дву-
 главой,
 Иль Сцилла, ужась скаль, коварной другъ
 пловцовъ,
 Иль люта ада дщерь, на весь свой родъ кро-
 вавой

Излившая фіаль всей ярости боговъ,
 Не выпиваемый вѣками,
 Фіаль спыда и каръ,
 Многоплодящее домашнихъ сѣмя сварь!
 И се! безбожная, съ веселыми очами,
 И съ воплемъ радостнымъ, и быспрыми
 спопами
 И съ наглымъ гордости челомъ,
 Какъ побѣдителъ сановитый,
 Свершившій бипвы въ чеспъ опчизны зна-
 менипы,
 Вспупаетъ въ избранный своихъ героевъ
 сонмъ! . . .

Корифей.

Тесповыхъ снѣдей ужасное сказанье!
 Но чѣмъ грозить оракуль намъ?

Кассандра.

Благоговѣнне къ пророческимъ успамъ! . . .
 Событіе мое вѣнчало прорицанье! . . . .

Такъ ! не молишься . . . часъ гибели насталь !

Все пишетьно ! Царь вашъ палъ ! —

И нѣтъ Агамемнона ! . . .

Корифей.

Нещастна ! что рекла ! . . .

Кассандра.

О мщенье Аполлона ! . . .

Какой чудесной огнь въ груди моей протекъ !

Не паки-ль богъ во мнѣ глаголетъ всемоу-
щій ?

Внезапный свѣтъ меня облекъ :

Я чувствую пвое присушествіе , Зовущій !

О Фебъ ! я здѣсь , я здѣсь ! свершай свой
грозный судъ !

Не видѣте-ль ? . . . бѣгунъ

Свирѣпа львица съ волкомъ гладнымъ ,

И зевомъ шаршаръ дышетъ хладнымъ ! . . .

Смерть ! смерть передо мной ? —

Жестокія ? — почто ? какой виной ?

Во мнѣ соперницу коварство убиваетъ ! —

Лукавства адскаго предлогъ !

Невѣрнаго въ свей супругѣ поражаетъ ! . .

Возпоржествуй я е , мщенья богъ ?

Рѣшилось ! — И къ чему мнѣ скипетръ сей
блеспящій ,

Сіи вѣнцы , алчбѣ рабовъ надмѣнныхъ ль
спящи ,

И златопшканная одежда , блескъ Царей ,

И знаки мудрости моей ? . . .

На смѣхъ ли варваровъ, въ забаву-ль лъвицѣ
злбной?...

Нѣтъ! нѣтъ! позоромъ симъ я не уищу
ихъ!...

Разбейтесъ признаки доспоинспвѣ всѣхъ
моихъ

О камень мой пригробной!...

Прочь, прочь блиспаніе щещпы,

Поди, и покрывай чужую бѣдность ты!

Пусть низкая душа въ тѣни пивосей вмѣ-
спинся,

Пусть робкій спрашти рабъ породю гор-
дышся;

Другимъ, другимъ сіе сокровище слѣпыхъ!

О Фебъ! прими священно облаченье,

Обратно восприми: оно мнѣ — посра-
мленье!

Я лжепророчицей явилася въ очахъ,

Враговъ и жителей опечестивенна града,

Терпѣла ненависть и спрахъ,

И всѣ мученья глада!...

Теперь — куда ведешь предметъ любви своей?

Ахъ! жрица Фебова опъ Феба восприметъ

Поноснѣйшую смерть! — Такъ! даже смерть
обыметъ

Меня не у родныхъ, любезныхъ алшарей,

Не шамъ, гдѣ мой отецъ, гдѣ мать моя
скончалась!...

Такъ долго смерти я споль низкой дожид-
далась! —

Презрѣннѣйшій помосць , гдѣ шокмо кровь
 печепть
 Однихъ губипелей и хищниковъ народныхъ,
 Восприметь Царску кровь руками несвобод-
 ныхъ !

Но мспипель мой грядепть (*) !
 Убийца матери , ужасный , раздраженный ,
 На голось мспяцаго родипеля лепипть ,
 Изгнанникъ бѣдспвенной , оптверженецъ пре-
 зрѣнный
 Придепть , подымепть мечь . . . и кпо оспа-
 новипть ? —

И крови сильный гласъ его не умягчаепть ,
 И нѣжный родшей взоръ его не покоряепть ,
 И мщенье свершено ! . . .

(Молчаніе .)

О боги ! такъ ! — мы прахъ !
 Мы брение и прахъ ! . . . вашъ путь шаин-
 спвенъ , вѣренъ !
 Мой жребій начертанъ судьбы на вѣчныхъ
 дскахъ ,

И вѣкъ мой весь измѣрянъ !

(Молчаніе .)

Чего мнѣ болѣе ? — не видѣла ли я
 Престола Или позорное паденье ,
 И брапиевъ моихъ Героевъ погубенье ,
 Опущошенные опечеспва края ,

(*) Оресптъ , умертвившій мать свою Клишемнестру .

И славу гордыхъ , славу ложну !...
 Довольно ! — умереть ! — окончимъ жизнь
 ничпожну !

Не спрашенъ мнѣ послѣдній часъ.
 О милоспи одной молю , о боги , васъ !
 Опъ смерти медленной Кассандру свободите ,

Однимъ ударомъ поразите ! —

Корифей.

Нещаспная , преспань ! — о , какъ ужасно
 знашь

Грядущее для насъ ! спокойся ! — постигашь
 Судьбы боговъ — не наше !

Всѣхъ жребіи лежатъ въ ея сокрытой чашѣ ;
 Но смертному даны и средства на
 земли ,

Провидѣшь бури издали ,

И съ гордыхъ горъ спѣшишь въ сѣнь сумрака
 удольна ; —

Ты идешь къ алтарю , какъ жертва произ-
 вольна !

Кассандра.

Аргивцы ! опъ судьбы себя намъ не укрить .

Корифей.

Но можно , хопъ ударъ на время опвратишь !

Кассандра.

Мой день пришелъ ко мнѣ ! — усилье беспо-
 лезно !

Корифей.

Какое мужество въ груди толико нѣжной !

Кассандра.

Щастливцевъ не дерзнешь жизнь вялую
преперть!

Корифей.

Когда рѣшилась ты, найди славиѣ смерть!

Кассандра.

(приближась къ
чертогу)

Нещастнѣйшій отецъ! озлополучны чада!
Сколь люба къ вамъ судьба!

Корифей.

Что зришь?

Кассандра.

Побѣда ада!

Корифей.

Вѣщай, пророчица!

Кассандра.

Не слышите? сей храмъ, =

убійствомъ дышетъ онъ! —

Корифей.

Курятся жертвы тамъ: . . .

Кассандра.

Курятся . . . тамъ . . . отверстыя гробницы:

Корифей.

Что слышу? — торжество Царицы: . . .

Кассандра.

Свершилось все! — Агамемнона нѣтъ!

Въ послѣдній разъ я зрю любезный солнца
свѣтъ! =

Войдемъ , несчастные , войдемъ въ черпогы
 печальный ,
 Слезами нашими омоемъ погребальный
 Владыки добраго покровъ !
 Оплачемъ жребій мой . . . безъ жалобъ на
 боговъ !

Ихъ кары праведныя грянутъ ,
 За кровь великаго , за кровь мою возстанутъ
 Земля и небеса !

И злобная жена въ мученіяхъ сердечныхъ
 Закроешь очеса !

Познайте суету дней жизни скоропечныхъ .
 Что счастье ? — свѣшла тѣнь ; другая тѣнь
 смѣнитъ , —

Ночь придетъ — и исчезъ призрака льстива-
 вый видъ ! . . .

Несчастье ? — какъ песокъ , веру горы ле-
 жащій ,

Повѣетъ легкой вѣтръ , и онъ ужъ возме-
 тень !

Не столько жалостень , кто бѣдствомъ
 угнетень ! —

Жалчій его слѣпецъ , на лонъ счастья
 спящій !

Мрзле.

IV.

ПѢСНЬ, ВЪ СЛАВУ
БЛАГОСЛОВЕННАГО.

*По случаю объявленія Манифеста о войнѣ
противъ Бонапарта, Юня 13го дня
1815го года. (*)*

Благословенный! Ты изводишь,
Впорочно лже - Царя караешь;
Противъ чудовищъ вновь изводишь
Славянску крестоносну рапъ,
Провозглашаешь брань кроваву
За челоѳчество и славу
Уже *Тобой* спасенныхъ спранъ! ...
О подвигъ, небомъ вдохновенный!
Гряди! гряди, *Благословенный!*
Мы грянемъ — и падеть пиранъ!

Не *Ты* виновенъ, что коварство
Вселенной снова попрясло;
Привыкшее къ разбоямъ Царство,
Разбойника на тронъ внесло, —
И паки бунтомъ міръ превожешъ. —
Ты здѣлалъ все, что смертный можешъ!

(*) Очень жаль, что немного поздно выводитъ сія
піеса. М.

Но Богъ хотѣлъ войну продлить! — —
 И смертныхъ умъ не успѣваетъ,
 Когда Всевышній попускаетъ,
 Аппидамъ царствовать и жить.

Для испытанья нашей вѣры,
 Смиренья горделивыхъ думъ,
 Взнеслись надъ чesпью лицемѣры,
 Надъ мудросью коварный умъ;
 Съ пиранствомъ вольность примирились; —
 Но не надолго воцарились:
 Ты роковымъ своимъ копьемъ
 Ударилъ въ щипъ, зовущій къ бою:
 Тогдажъ пол-Свѣта предъ *Тобю*
 Ко брани двинулось съ мечемъ.

Твои слова для насъ законы,
 И нужно только повелѣшь! —
 Возри: — безспрашныхъ миліоны
 Готовы за *Тобю* летѣшь.
 Веди усердныя дружины! —
 Славенороссы — исполины
 Не вѣдаютъ въ пути прѣградъ;
 Имъ Термопилы не опасны,
 Пески Тибета не ужасны,
 Не спрашенъ имъ и самый адъ! —

Любовь къ *Царю*, а вѣра къ Богу,
 Оружия крылья намъ дадутъ;

Проложатъ къ славъ вновь дорогу,
 Ко храму мира возведутъ ; —
 Соединятъ съ душами длани,
 И въ полъ кроволипной брани
 Въ непобѣдимыхъ претворятъ.
 Несмѣтность полчищъ вѣроломныхъ,
 Окопы крѣпостей огромныхъ
 Прошивъ Тебя не устоятъ.

Ты обожаемъ — и довольно
 Для страха буйнымъ племенамъ.
 Тиранъ содрогнется невольно ;
 Поможетъ Всемогуцій намъ. —
 Разверзлись святыя храмы,
 Горятъ въ кадилахъ Фиміамы,
 Горятъ свѣщи у алтарей ;
 Народъ, бояра совокупно
 Стоятъ, и молятъ неотступно
 О помощи Царя Царей : —

Да поразишь и одолѣешь,
 Нимврода новаго въ бѣдахъ !
 Да миръ въпорично ты посѣешь
 На чуждыхъ и въ своихъ поляхъ !
 Рекли, — и предъ Всесильнымъ пали ; —
 Подвиглись храмы — вспрепетали ;
 Замолкъ священныхъ пѣсень гонь. —
 Нисходишь гласъ съ небесна свода...
 „Услышана мольба народа :
 Падетъ преступный Вавилонъ.“

О гласъ, всѣмъ смершнымъ вождѣнный,
 Будь вѣспникомъ злыхъ вѣковъ! . . .
 Я вѣрую: — *Благословенный*
 Впорично поразитъ враговъ;
 Предвижу поле новой славы,
 Гдѣ всѣ союзныя Державы,
 При звукѣ сладкогласныхъ лиръ,
 Мечи съ себя и брони снимутъ,
 Другъ друга радостно обымутъ
 И утвердятъ на вѣки миръ.

Сверши, нащъ Гerkulesь могущій,
 Сверши глаголь усердныхъ лиръ!
 Самъ Богъ во свѣтѣ присносущій
 Благословляетъ *Твой* союзъ: —
 Паденье гордыхъ не избѣжно. —
 Вѣрь Россу храброму надежно!
 Чего желаетъ Царь — опецъ,
 Того и весь народъ желаетъ.
 Въ *Тебѣ* одномъ онъ обрѣцаетъ,
 Утѣху душъ — покой сердець.

Теки, *Благословенный*, снова
 На исполнскую борьбу;
Твои полки ждуть подько слова:
 Окощи тяжкихъ бѣдъ судьбу.
 Вели, — и споръ мечемъ рѣшился;
 Миръ въ миръ паки водворится,

Изъякнемъ токѣ кровавыхъ струй!
 Дерзай Герой, Царь — посвѣда!
 Съ *Тобою* Богъ, и мощь народа,
 Ударь! срази! — и торжествуй!

Шатровъ.

V.

Д Р У З Ъ Я.

И д и л л я XIIя.

(Изъ *Теокрита.*)

Притѣкъ наконецъ! — при дни и при ночи
 въ разлукѣ со мною!
 Ахъ, много и дня одного, чтобы состарѣль-
 ся въ разлукѣ! —
 Пріятнѣй весна по зимѣ, и яблоко слаще орѣ-
 ховъ,
 Богатѣй волною овца предъ агницею ново-
 рожденной,
 И дѣва милѣе вдовы, прекратно супруга пре-
 рывшей,
 Быстрѣе скачеть щельца игривая серна
 въ долину,
 Любезнѣй звучишь соловей предъ всѣми въ
 царствѣ пернапомъ! . . .
 О, слаще всего мнѣ теперъ увидѣшь тебя
 по разлукѣ!

Какъ пунникъ , солнцу палаящу , спѣшитъ
 подъ развѣсистю древо ,
 Спѣшилъ , окрылень , я къ тебѣ во срѣтенье ,
 другъ мой сердечный !

Да дышущъ надъ нами , въ насъ благодап-
 ные гени Дружбы !

Да скажущъ объ насъ попомки святое и
 доброе слово :

„Здѣсь были , и жили друзья , въ урокъ
 и веселье соуден !

„Сего нарицали : *Любия* ; а тому привѣтъ
 былъ : *Вѣрившій* ;

„(То значили почто ихъ имена въ языкѣ
 Фессалійскомъ)

„Другъ друга любили равно и всегда . — Ко-
 нечно , шо были

„Не нашихъ времянь сердца ; шо сердца вѣ-
 ковъ первобытныхъ ,

Гдѣ сладостно , нѣжно по смертъ любовь
 любовью нипалась !“ —

Да будетъ шако сіе , милосердый Оище
 Кронидесь ! (*)

Да шакъ , не спарѣясь въ любви , перейдемъ
 мы въ обласъ безсмертныхъ ;

И нѣкогда , — многимъ вѣкамъ , исполнившимъ
 свѣтлые круги , —

Пришлецъ опъ земли , на черныхъ брегахъ
 ненасытнаго Орка ,

Увидитъ насъ , шама , и речетъ обнявшимся
 сладко : „миръ съ вами ! . . .

(*) Юлишеръ.

И нынѣ о двухъ неразлучныхъ — красная
смертныхъ бесѣда! . . .

Но въ волѣ блаженныхъ Силь горнихъ,
исполнишь наше желанье,
И въ волѣ опвергнущь его! — что нужды?
о другъ мой безцѣнный!

Тебя моя громкая пѣснь возвѣсипшь грядущимъ
попомкамъ,

И скажешь имъ чистую правду, предъ правдой
Небесъ не краснѣя! —

Такъ! есѣди когда, мой другъ, ненарочно,
хоть пѣнь оскорбленья

Я зрѣлъ отъ тебя: (и зрѣлъ ли?) спокрапной,
сладчайшею жертвой

Тогда же ты все замѣнялъ; — и въ пѣни —
яснѣлось веселье! . . . .

Вы, ухищренные веслами править, о
чада Мегары,

Вамъ слава и почестъ! — вась я привѣтсп-
вую днесь благодарный!

Вы чпили, умѣли почтпшь Діоклеса любовь
неизмѣнну. —

Едва низойдешь къ намъ съ небесъ весна на
луга злапоцвѣтны,

Едва облекутся лѣса въ зеленя, свѣтлыя
ризы:

Почтенье зоветь весь градъ на гробъ Діок-
леса священный. —

Тамъ юношей радостный хоръ, тамъ сонмъ
дѣвиць черновласыхъ;

Надъ гробомъ склонившись, распеть шамъ
 пальма злапыхъ поцѣлуевъ! —
 И кто еспрасниѣй, кто любезнѣ милыхъ
 красавицъ цѣлуевъ;
 Ныи пламенны вѣчно успа, того украща-
 ютъ вѣнцами,
 Того съ похвалою и пѣснями въ домъ ликъ
 дѣвъ провождаевъ
 Къ матери, кол срѣпаетъ драгаго улыбкой,
 слезами! —
 Но много блаженнѣ всѣхъ судья поцѣлуевъ
 сладчайшихъ,
 Которому право дано лобызатъ всѣхъ,
 всѣхъ чередою! . . .
 Щаспмивецъ завидный цѣлуевъ, и судишь,
 и рядишь!
 Онъ молишь любимца, служащаго богу силъ,
 Ганимеда,
 Чтобъ были его успа, и пріятны, и крѣп-
 ки, и нѣжны,
 Такъ вѣрны, какъ камень испыпной, кото-
 рымъ гостъ чужеземной
 Достоинство праведно злапа узнавъ, даевъ
 ему цѣну. —
 Мрзже.

VI.

С В И Д А Н И Е.

Ужь солнце злопозарно
 Сокрылось за горой.
 Вошь, небо ужь янтарно
 Румянится зарей:
 Тѣнь спелется огласно,
 Туманящя лѣса,
 И мѣсяць пишо - ясной
 Выходишь въ небеса.
 Толпишесь ожиданья!...,
 Вошь съ Лилою свиданья
 Насталъ условный часъ!
 Воспорги, наслажденья,
 Любовны упоенья,
 Вы ждете съ милой насъ!

Въ лѣсохъ утѣхъ зеленой
 Спезею попаенной
 Амуръ меня ведешь.
 Пришли . . . мѣста прелестныя!
 Сквозь листвія древесны
 Мелькаешъ лунный свѣтъ;
 Трава росой сребрищя,
 Ручей чупь, чупь спруищя
 Въ зеленыхъ берегахъ;
 И крошкя Фебля,

Скользючи блески сѣя,
 Колышется въ водахъ,
 Журчанья щебепливы
 Съ Зефирами сля,
 На вѣвяхъ гибкой ивы
 Два свищупъ соловья.
 Но вопъ, . . . о часъ желанной!

Подъ сѣнію-лишовъ,
 Въ одеждѣ бѣлопканной,
 На ложѣ изъ цвѣшовъ,
 Я Лилу примѣчаю:
 Видь сладостный очамъ! . . .
 Лечу — и упадаю
 Красавицы къ ногамъ,
 Воспорги, лобызанья,
 Сердечны препешанья,
 Любви, услады часъ,
 Желаній полны взоры,
 Нѣмые разговоры,
 Кто, кто постигнешъ васъ? . . .

Пресемникъ услажденя,
 Богъ милаго забвеня,
 Пріятный, легкій сонъ,
 Пріялъ меня въ полонъ.

Какіяжъ мнѣ прелестны
 Мечны сей богъ являлъ!
 Въ обипели небесны
 Меня онъ преселялъ!

Я былъ . . . . сады Армиды,
 Еще - ль дивитесь вамъ? . . .
 Я былъ въ садахъ Киприды,
 Я видѣлъ щасстья храмъ!
 Тамъ все прельщаетъ зрѣнье,
 Пльняешь, нѣжишь слухъ,
 Въ святое восхищенье
 Приводишь умъ и духъ!
 Тутъ холмъ зеленый зрится,
 Тамъ миршовый лѣсокъ
 Любуется, глядится,
 Въ лазоревый пошокъ.
 Тутъ перловые гропы;
 Сокрытые въ кустахъ,
 Тамъ рѣввые Эропы
 Сидящъ на облакахъ,
 И спрѣлкой золопою,
 И розой молодою,
 Красавицамъ грозящъ.
 Прелестныя Наяды,
 Къ прудамъ, подь пѣнь пролады,
 Съ Зефирами лещящъ:
 Сплелися въ хороводы,
 Сполпились въ шумный рой, —
 И зеркальныя воды
 Жемчужащъ подь собой.
 Тутъ Сильфа золопая
 Въ зеленой муравѣ;

Тамъ Нимфы, отдыхая
 На бархатной травѣ,
 Въ подобранныхъ пончицахъ,
 На ципрахъ; на цѣвницахъ,
 Играютъ и поютъ;
 Подъ пѣсни ихъ живыя
 Три Граціи нагія
 То вьются, то плывутъ.
 Въ сѣни изъ розъ сплетенной
 Висѣль съ златымъ мечемъ
 Подъ миртой наклоненной,
 Забытый Марсомъ, шлемъ.
 Ласкаемый Амуромъ,
 Роскошный Аріспиппъ,
 Обнявшись съ Епикуромъ
 Сидѣль подъ тѣнью липъ.
 Вкругъ жертвенника славы
 Безсмертныя пѣвцы,
 Наставники забавы,
 Кипридины жрецы:
 Божественный Лукрецій,
 Старикъ Анакреонъ,
 Капуллъ, Тибуллъ, Проперцій,
 Запѣйливый Біонъ,
 Овидій знаменитый:
 Всѣ розами увиты,
 Всѣ въ миршовомъ вѣнкѣ.
 Повсюду радость счастья,

И нѣга сладостраспѣя
Спруишся въ вѣтеркѣ.

Но вопѣ , ужь Ночь — царица
На западныхъ волнахъ ;
И пеплишся денница
Въ лазурныхъ небесахъ ;
И мѣсяць блѣднлицый
Опѣ розовой денницы
За облакомъ погасѣ .
Зефирь пумань разсѣялѣ ,
И сонь усладный свѣялѣ
Съ моихъ дремавшихъ глазѣ ,
Все съ свѣтомъ пробудилось ,
Воскресло , освѣжилось ,
И малы пшашки вновѣ
Вспорхнули , полетѣли ,
По рощамъ зазвенѣли
Про радость и любовь ! . . .

Но вопѣ , ужь дня свѣшило
Сквозь облако лучемъ
Воспокъ озолошило .
Другъ милый ! поскорѣй ! . . .
И спраспи упоенье ,
И сердца усладенье
Сокроемъ опѣ людей !

В. Олинѣ.

VII.

РАЗЛУКА.

Минута грозная настала!...
 О Хлоя, о мой другъ! прости.
 Почто не смерть судьба сказала!...
 Скорѣ смерть могу снести,
 Скорѣ мигъ уничтоженья,
 Чѣмъ жизнь, исполненну мученья...
 Мой другъ!... но въ дальней споронѣ
 Ты и не вспомнишь обо мнѣ!

Душа, томимая поскою,
 Не найдетъ мѣста для себя! —
 Какъ ей, живущей лишь побойю,
 Какъ можно не искать тебя? —
 Она твой спутникъ невидимый,
 Вездѣ съ тобой, нераздѣлимый...
 А ты въ далекой споронѣ
 Уже не вспомнишь обо мнѣ! —

Скипаясь по полямъ, унылой
 Исполню все моею поскою:
 И рожи говорятъ о милой,
 И камни сѣшуютъ со мной;
 И упрѣ грусть мою заспанеть,
 И вечеръ въ грусти же увянетъ!...

А ты въ далекой сторонѣ
Уже не вспомнишь обо мнѣ!

*

Какъ мѣсяць вспанепть изъ за - роуцѣ,
Пойду на холмъ, знакомой намъ;
И окружень мечтами ноци,
Съ слезами обращаю къ вамъ,
Минувши дни очарованій!...
О сколько сладкихъ воспоминаній!...

А ты въ далекой сторонѣ,
Уже не вспомнишь обо мнѣ! =

*

Теперь, — я думаю спячу въ скукѣ, =
Она окончишь путь должна;
Теперь — сгрустилось ей въ разлукѣ, ...
Лепишь ко мнѣ... близка она...
Простите милыя мечпанья!
Не лейшесь слезы ожиданья! =
Напрасно! въ дальней сторонѣ
Она не вспомнишь обо мнѣ!...

*

Дай Богъ, чтобъ ты не знала вѣчно =
Спраданій, кои здѣсь терплю!...
О другъ мой, другъ безчеловѣчной,
Люби, какъ я тебя люблю...
Тогда познаешь сердца муки;
Тогда не вынесешь разлуки;
Тогда... но въ дальней сторонѣ
Ты и не вспомнишь обо мнѣ!...

Мерзляк.

VIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ ПРОТИВЪ АЛЬБОМОВЪ,
К. Ѳ. С — ой.

Что мнѣ въ швоемъ Альбомѣ написать?

Альбомы нынѣ въ модѣ, въ силѣ;

Но въ нихъ — чтобъ не въ укоръ Красави-
цамъ сказать —

Такъ часто холодно, такъ мертво, какъ въ
могилѣ! —

Альбомъ — нотапіусъ другой,

Пришворщикъ, жалкой сынъ приспойно-
сти одной,

Изъ дома въ домъ таскается свободно;

Всякъ пишетъ векселя на грусть и на по-
кой,

На дружбу и любовь, какъ всякому угодно.

Иная, иль иной, — столь спрастны, нѣж-
ны въ нѣмъ,

Столь поучительны, ласкашельны, учтивы,

Что каждаго почтешъ себѣ ны божествомъ;

А въ самомъ дѣлѣ — что?... о, нравы свѣ-
та лживы! —

Въ сихъ чувспахъ, *слисанныхъ* услужли-
вымъ перомъ,

Они душей не виноваты: —

Вольперъ, Делиль, Бернардь, Капнистъ,
иль Карамзинъ,

Державинъ, Димпріевъ, Княжнинъ,

Книж. VII.

Д

Поэтовъ добрыхъ сонмъ, споль чувствами
 богатыи,
 За нихъ опвѣспивуютъ и въ прозѣ и въ
 спихахъ, —
 И кланяюся вамъ, не зная васъ, сердца-
 ми! —

О, нашъ несчастный вѣкъ! въ какихъ живемъ
 мы дняхъ!

Какъ мы унижены предъ нашими опцами! —
 У нихъ — и горнь любви, и фиміамъ была
 Безсмертная душа! — не видомъ, не словами,
 Но дѣломъ разговоръ со ближними вела! —

У насъ всѣ души зашворились;
 Любовь и дружба удалились,
 И правимы мечшой, иль, *пололамъ съ грѣ-*
хомъ,

Чудесно преселились

Въ Французски книжечки, въ обрѣзѣ золотомъ!
 Вздохнувши, *Искренность* сказала: вопъ
 мой домъ!

И *Вѣрность* наконецъ, поднявъ на небо
 руки,

„О боже! изрекла, доколь шерпѣшь мнѣ муки?
 Неблагодарный міръ вогналь меня въ Аль-
 бомъ!!“ —

Учпивоспъ, Ловкоспъ, Умъ, со свѣтскою
 опвагой,

„Чшожь? — вскрикнули тогда —

Мы въ свѣтѣ ничего не значили всегда,
И будемъ пожь, ничѣмъ — мы будемъ лишь
бумагой! —

О ны, рожденная, братья души въ сладкій
пльнь,

Цвѣтъ юной красоты, доброты, чувствъ
нѣжнѣйшихъ,

Ты образъ Радости, не знающей преиъ,
Подруги Ангеловъ, подруги душъ чистѣй-
шихъ!

Ты, чуждая еще всѣхъ хипростей, запѣй,
Всѣхъ предразсудковъ, бѣдь пиранспивенна-
го свѣта,

Сего раба, сего пипателя спраспей, —
Какъ? — ны, въ твоей прелестной
льта,

Имѣешь свой Альбомъ, и имѣешишь писать! —
За чѣмъ, и что тебѣ сказапь? —

Признайся: для кого Альбомъ сей драго-
цѣнный? —

Уже ли для друзей? —

О Боже! что милѣй;

Читаешь ли чувствія, красой твоей вну-
шенны,

Въ ихъ пламенныхъ глазахъ,

Иль въ хладныхъ, мертвыхъ сихъ
листахъ?

Ахъ! дружба и любовь весьма не говоримы:
Онѣ и скромностью своей краснорѣчивы! —

И такъ Альбомы для льспецовъ,

Для сихъ угодниковъ санпиментальныхъ
свѣта,

Радужныхъ безъ души, влюбленныхъ безъ
предмета,

Сподь малыхъ на дѣлахъ, сподь пышныхъ
громомъ словъ?

Ахъ, лучше вѣкъ не знашь прелестныхъ
сихъ враговъ! — —

Воспоминаніе? . . . . въ Альбомѣ? — о,
Ельвина! . . .

Кпо, видѣвъ разъ себя, возможеть поза-
быть! . . .

Кпо смертный сей, кому щаспливая судь-
бина

Велѣла разъ одинъ съ побой поговорить,
*Кпо можеть, не спрашась небесна грома,
Жить, думать о себѣ посредствомъ лишь
Альбома? . . .

И чпо въ спихахъ тому, кпо сердце опдаеть?

Душѣ душа - Альбомъ; душа душой живеть! —
Землями, моремъ раздѣленны,

Друзья таинственно всегда соединенны,
Между собою говорятъ;

Въ Альбомѣ пишуть тѣмъ, копорыхъ зна-
ють врьдъ! —

И такъ сей новичекъ изъ Англійскія лавки, —
Какъ шляпки, какъ духи, какъ ленты и
булавки, —

Есть суебности плодъ, споль милой въ
чувствахъ Дамъ! . . . .

Почтожь не сдѣлашь позволенья
Усерднымъ, искреннимъ друзьямъ,
Или учпивымъ господамъ,

Скажашь два, при словца пріязни, ува-
женья? —

Что вреднаго, прочешь ласкапельны хва-
ленья

Иль спану спройному, иль пламеннымъ
глазамъ,

Иль милаго лица прелестнѣйшимъ чертамъ,
Которыя сама Любовь разположила,

Иль чернымъ волосамъ,

Которыя рука Веселія завилла?

Что вреднаго внимашь о красотахъ тебѣ,
Которыхъ споль сладка и споль ужасна
сила? —

... О скромница! а ты и слышашь о себѣ

Сихъ лесныхъ испинь не желаешь!

А ты, мнѣ кажешся, сама

Своихъ всѣхъ прелестей не знаешь!

Дерзни кто похвалить, иль оспрошу ума,
Иль сердца пвого доброшу, крепость,
нѣжность,

Иль живость милую, души невинной плодъ;—
Дерзни кто вымолвишь, — хошябъ знаюкъ
красотъ, —

Что Грацій всѣхъ одна вмѣщаешь ты лю-
безность;

Что нечего тебѣ желать,

Ни просто на словахъ, ни взоромъ, ни
въ Альбомѣ,

Что вышній Ромъ судилъ красавицѣ бли-
спать

Ушѣхой сладостной въ своемъ родимомъ
домѣ: —

Тотчасъ придешь ты въ гнѣвъ; взоръ спро-
гой, грозной видъ...

И самый праведный хвалишель пивой дро-
жить:

Почтишельность уста невинныя смыкаетъ,

Перо изъ персиковъ выпадаетъ...

Ужасно!... нѣтъ!... тебѣ не надобенъ
Альбомъ!...

Нѣтъ, нѣтъ! пускай скорѣе надо мною

Ударитъ Божій громъ,

Чтобъ я, усердною исполненный душою,

Въ Альбомѣ говоришь съ шобой, Ельвина,
спать!...

Ни спрочки, никогда!... ахъ! я ужъ написалъ!!!

Мерзко.

IX.

ПУГЛИВОЙ МУЖЪ.

Любуясь весною,
 На нивѣ два сошлись сосѣда межъ собою.
 „Ахъ! еспьлибъ Богъ намъ волею святою,
 „Теперь, кумъ, дождичька послалъ! . . .
 „Да вонъ, ужъ кажешся, и пучки набѣгають!..
 Да вопъ, и дождичекъ накрапывашъ ужъ
 спалъ;

А по и озими ужъ пропадають:

Теперь все выйдешъ изъ земли. . . . .

Опомнися, сосѣдъ! — перекрестися —

Пустова не мели —

Все выйдесть! — съ ужасу и ноги опнялися!..

Ты знаешь, у меня въ землѣ положены,

Кумъ, двѣ жены.

Ис — ъ.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ

*въ Бесѣдахъ Любителей Словесности въ
Москвѣ (*).*

Въ прошедшее чтеніе имѣлъ я честь предложить Вамъ, Милоспивые Государи и Милоспивыя Государыни, о главныхъ основахъ науки вкуса, или о выборѣ

(*) Снз бесѣды начались въ 1812 году, и продолжались весь Великой Постъ по два раза въ недѣлю. — Въ десять собраній прочтена вся Теорія изящныхъ Наукъ. Я побужденъ былъ къ открытію оныхъ Его Сіятельствомъ, Княземъ Борисомъ Владимировичемъ Годицынымъ, истиннымъ Патріотомъ, который славно окончилъ поприще жизни своей на полѣ брани за Отечество. Сей почтенный Мужъ, обвѣхавшій всю просвѣщенную Европу, какъ ученый и любитель отечественной Словесности, по возвращеніи своемъ, изъ о. обещанной къ мнѣ благосклонности, назначилъ въ общественномъ домѣ огромную и прекрасную залу для сихъ бесѣдъ, которые удостоены были посѣщенія многими знаменитѣйшими жителями Сполицы. Первые четыре бесѣды напечатаны были въ Вѣстникѣ Европы, въ концѣ 1813 года. — Слѣдующая теперь есть продолженіе предыдущей, имѣющей предметомъ своимъ опредѣленіе Изящнаго вообще. — По важности и нерѣшимости мнѣній, въ разсужденіи сего

въ подражаніи природѣ. Вы безъ сомнѣнія замѣтили, что сіе изящество, сія прелесть предметовъ, избираемыхъ искусствомъ, не заключается собственно въ нихъ самихъ, но въ отношеніи, которое они имѣютъ къ намъ. — Въ природѣ все прекрасно. — Но прекрасное природы не есть прекрасное искус-

---

вопроса Эстетики, я долженъ былъ разбирать всѣ предположенія Ученыхъ, и выбралъ наконецъ одно, которое казалось мнѣ болѣе подходящимъ къ истинѣ, и такимъ, которое простѣе и удобнѣе можно было приравнять ко всѣмъ родамъ Поэзіи. Это есть: при надлежащей *стройности, правильности и точности подражанія, Занимательность* предмета, основанная на *отношеніи его къ намъ самимъ*. Предлагаемое при семъ чтеніе есть нѣкоторымъ образомъ доказательство предыдущаго, почерпнутое изъ разбора одной изъ прекраснѣйшихъ Одъ Гна. Державина. — Будучи ободренъ многими почтеннѣйшими Мужами, я, можетъ быть, съ наступленіемъ настоящей зимы открою вновь мои бесѣды, которыхъ содержаніемъ будетъ разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, особливо драматическихъ. И сіи чтенія будутъ, еслили обстоятельство позволитъ, также печатаемы, дабы изъ нихъ составился нѣкоторый родъ курса Словесности, котораго первую Часть составляла Теорія, а другая будетъ заключать Кристику. М.

спва, какъ я замѣшилъ въ прошедшій разъ. —
 Виды Поэша не всегда суть виды природы. — Ему не нужно знать, хороша ли вещь сама по себѣ: довольно, еспли она способствуешъ къ достиженію предположенной имъ цѣли. — Какая, на пр., красота въ грубомъ Скопининѣ, въ Госпожѣ Просшаковой, и въ просподушномъ ея супругѣ, въ Филашкѣ и во всѣхъ его пожденіяхъ, восхищающихъ раёкъ, и въ Феклѣ, занимающей дурачесвомъ? — Еспли бы сіи характеры встрѣпились съ вами дѣйствительно, и, по нещасію, вы принуждены были имѣть съ ними какое-нибудь дѣло; то навѣрное при первомъ разѣ, вы согнали бы ихъ со двора и никогда не захошѣли видѣть. — Но вы ѣдете въ театръ, разсѣявъ себя послѣ заботъ, видите тѣхъ же самыхъ людей, которые поушру вамъ наскучили, скучающихъ другимъ, спорящихъ между собою: будучи сами совершенно внѣ опасности, вы смѣшесь, и, зная припомъ, что это, при всей живоспи и точности подражанія, еспь не истинное бытіе, но вымы-

сель, вы смѣтаете опъ добраго сердца. — Такимъ образомъ Писатель достигнулъ своей цѣли, и ему нѣтъ нужды до существенной красоте предметовъ, какъ и Сочинителямъ сихъ Комедій, которые однако сдѣлали свое дѣло. Они желали только повѣстовать забавнымъ образомъ ваше самолюбіе, и угодили ему, представя людей, надъ которыми вы столь много возвышаетесь. Вопль чинающъ намъ колкую Сапиру, бранящъ пороки и порочныхъ, спрранности и спрранныхъ, злодѣйства и злодѣевъ. — Это не мы! но, угадаемъ, кто! говоримъ наше самолюбіе. — Мы не заслужили сихъ укоризнъ! — какъ жалки эти люди! — какъ они малы предъ нами! — Заблудившая гордость наша при семъ случаѣ не довольствуется смѣяться надъ шѣмъ, что только смѣшно; — нѣтъ! — Она хочетъ допышаться, съ кого именно сняты сіи поршреты: — это наспоющій сосѣдь нашъ! — Эту Госпожу Жеманкину я вчера видѣлъ у себя! — Балъ, здѣсь осмѣянной, шочно балъ гна. Глупона! — Сцены, сравненіемъ оживленныя, сдѣлались еще

забавнѣе. . . . Мы хохочемъ, и говоримъ : Сашира прекрасна! — Чшожь ее сдѣлало прекрасною? Опяшь наше самолюбіе. — Такимъ образомъ *предметы*, каковы бы они ни были, становящся въ подражаніи *занимательными*. — Въ часы опдохновенія, въ шуму городскомъ, въ заботахъ непрерывныхъ, попались вамъ въ руки Эклоги Виргиліевы. — Онѣ восхищаютъ васъ картинами прелестной жизни, беззаботливости, простоты и свободы, копорыхъ вы не имѣете, и копорыя вамъ столь драгоценны. — Вы сперва можете подуматъ : Поэзія, живописующая состояніе, совершенно отъ насъ опдаленное, перяетъ свою вѣроятность, и становится бесполезною, незанимательною! — Эпо не совсѣмъ справедливо. — Разберемъ самихъ себя, вспомнимъ, сколько часовъ посвящаемъ мы мечтаніямъ, еще болѣе несбыточнымъ? — и можемъ ли опъ нихъ опказаться, будучи снѣдаемы горестію и заботами дѣйствительнаго своего состоянія, будучи упомлены скукою, живъ среди однихъ и тѣхъ же предметовъ! — Не составляютъ

ли сіи мечпанія большей части удовольствій жизни общеспвенной, цѣлительнаго бальзама въ печаляхъ нашихъ; небеснаго очарованія, съ копорымъ шолько пропивъ воли нашей разлучаемся? — Прелестное соспоянiе пастуховъ не сущеспвуетъ; шѣмъ - шо оно занимаешельнѣе, шѣмъ прочнѣе его сущеспвованiе въ нашемъ воображенiи, шѣмъ милѣе воспоминаемъ о немъ! — Мечшая о золошомъ вѣкѣ, мы чувспвуемъ шакое шомное наслажденiе, какое посѣщаетъ насъ при воспоминанiи о миломъ другѣ или братѣ, копорый давно умеръ, но въ копоромъ находили мы шаспiе; — шакое же наслажденiе, съ копорымъ смопришъ нѣжный супругъ на портретѣ любезнѣйшей супруги, съ коею, разлучили его жестокие люди и судьбы непоспижимыя. Сколь бы далеко ни увлечены мы были вихремъ спрасшей и нужды, чувспвуемъ, что преспота еспъ что-шо *родное* наше: на поля и на лѣса смопримъ, какъ на колыбель, въ копорой покоилась невинность нашего младенчества. — Въ дерев-

нѣ опдыхаемъ опъ шяжелаго дыму го-
родскаго, подобно бѣднымъ узникамъ,
изведеннымъ изъ мрака темницъ на свѣ-
жій воздухъ, — подобно людямъ, копорые,
будучи запершы въ одномъ покоѣ, выходятъ
иногда на балконъ прохладиться!... Вопъ
занимательность паспушеской Поэзіи!...
Уже ли не подходитъ она къ предложен-
ному нами правилу? — Но поидемъ да-
лѣе: вы читаеше сочиненіе, въ копоромъ
спрасшвой любовникъ, или другъ говоритъ
о своей участи. Кшо не любить? —
кто не желаетъ раздѣлить съ нимъ своихъ
чувствованій? — Онъ спенаетъ, жалуецъ
на измѣны и жестокость! — Кшо не
испыталъ эшаго, или кто не боится ис-
пытать!... Какъ прелестны карпины,
напоминающія намъ горести и радости,
копорыя вкушали, или копорыхъ скоро
ожидаемъ! — Такимъ образомъ утвержде-
на занимательность Пѣсни, Элеги, Мад-
ригала и всѣхъ сочиненій нѣжныхъ, лю-
бовныхъ?... А Сказки? — а Романы, —
сіи постоянные друзья, не шеряющіе на-
шей къ себѣ привязанности во всѣхъ со-

стояніяхъ, при всѣхъ переменѣхъ счастья, даже во всѣхъ возрастахъ? Молодой человѣкъ, котораго быше ограничено еще родительскимъ домомъ, и котораго сердце жаждетъ уже разпространиться далѣ мѣста своего рожденія, воображеніемъ расширяетъ кругъ своихъ мыслей, надеждъ и желаній, кругъ своей дѣятельности. Онъ мечтаетъ: — онъ смущенъ, задумчивъ, и кажется нѣсколько разсѣяннымъ, невнимательнымъ къ предметамъ, его окружающимъ! — Добрые друзья, благонамѣренные родители, знакомые хотѣтъ знать эшаго причину! — На что спрашивать? — Человѣкъ сотворенъ общеспвеннымъ: законы природы священны! — Онъ шворитъ свой міръ, дополняющій его одинокость. Сообразно своему характеру-пылкому, спрашному, или нѣжному, или холодному, онъ вымышляетъ лица, даетъ имъ дѣйствіе, самъ дѣйствующій или спраждающій, разговариваетъ съ ними въ мысляхъ, производитъ судъ, торжествуетъ и терпитъ, выигрываетъ и проигрываетъ, благошво-

ришь и шерзаешь, царствуешь и раб-
 ствуешь: — однимъ словомъ, онъ сочи-
 няешь *Романъ!* — Это всякой испыталъ
 въ своей молодости, разумѣйся болѣе
 или менѣе, по своему характеру; вся-
 кой человѣкъ романистъ, въ возрастѣ зрѣ-
 ломъ; — прежде романистъ, нежели онъ
 читалъ какой-нибудь романъ, и останет-
 ся имъ даже и тогда, когда прищупятъ
 его глаза и охладѣетъ сердце для
 всѣхъ наслажденій. — Повторю: меч-
 таешь себя окруженнымъ милыми предме-
 тами, опъ насъ зависящими или имѣю-
 щими на насъ вліяніе, столь же напу-
 рально, необходимо, какъ жить, какъ ды-
 шать. — Вотъ основа занимательности
 романовъ! и кто не видишь, что она
 та же, которую мы прежде предположили:
любовь къ самому себѣ, или отношеніе пред-
 метовъ къ намъ самимъ, — происшествія,
 случившіяся съ нашими ближними. —
 Молодые совершаютъ въ мысляхъ своихъ
 будущія свои приключенія, вымышляютъ
 щастіе и несчастія, труды и побѣды,
 успѣхи и опасности. — Спарики. . . .

живушь пѣмъ же, только на оборотъ. — Ихъ наслажденіе естъ воспоминаніе и сожалѣніе о прошедшемъ, а иногда и желаніе возобновить его. — Старый рыцарь съ оппиленной ногою, изможденный, возсѣдая на брадѣдовскомъ креслѣ, слушаетъ о подвигахъ другаго Рыцаря. Румянецъ являющійся на морщиноватомъ и блѣдномъ лицѣ его! — Рука его поднимается . . . голова, преклоненная къ плечамъ, выпрямливается. . . . глаза блестятъ. . . . онъ весь въ шренешѣ . . . онъ спучишь космылемъ въ полъ, вспаешъ; кажется, деревяшка, замѣняющая оппиленную ногу, принимаетъ жизнь: онъ маршируетъ и восклицаетъ: *такъ точно было при нашемъ другѣ и отцѣ Суворовѣ!* — Сладкія чувствованія родства, дружбы, любви, великія пожертвованія, добродѣтели или пороки, прелестные виды природы, кѣрпины, дославляемыя прошедшимъ и настпоящимъ: все это вмѣстѣ составляетъ запасный магазинъ романиста! -- хорошо, когда бы Романы всегда успремлены были къ доброй цѣли, когда бы писали ихъ Ричардъ

Книж. VII. Е

соны и Филдинги! — Хорошо, когда бы Романы могли служить путемъ къ величайшей, цѣлою жизнію приобретаемой, наукѣ — къ познанію насъ самихъ, способомъ къ образованію нашей нравственности! —

Въ чемъ состоитъ занимательность Басни? — Въ томъ что мы въ ней видимъ самихъ себя подъ другими видами, въ обшпительствѣхъ намъ близкихъ. Въ Баснѣ человекъ приводится предъ судилище звѣрей. — Злаго наказываетъ волкъ, коварнаго — лисица, робкаго — заяецъ, свирѣпаго — шигръ. — Полезная истина, въ ней заключенная, и удовольствіе сравнивать ея съ аллегоріею, въ которую она облачается: Вотъ неизшощимое наслажденіе сего рода сочиненій!

Я имѣлъ уже случай въ прошедшій разъ сказать о занимательности Драмы, Поэмы, Оды! — Такимъ образомъ всѣ роды Поэзіи могутъ быть подведены подъ предложенное мною правило обшпительствъ Словесности. — Кажется, теперь его достоверность непреложна.

И такъ слѣдуя однажды принятому мною порядку, сначала опредѣлилъ я искус-

ство и его сущность, попомъ спарался
 утвердиль основу науки, ея цѣль, ея
 просперанспво. — Теперь совершенно вид-
 на почка, съ копорой начать должно
 поприще наше, и почка, гдѣ его кон-
 чиль. — Оспалось только снарядилъ,
 такъ сказать, Аплепа Спихосворца,
 долженствующаго заблаговременно по-
 думать о томъ, что ему особенно нужно,
 безъ чего онъ обойшиться не можетъ въ
 опасномъ подвигѣ своемъ. — Гораций гово-
 риль :

Берите прудъ всегда не выше силъ своихъ,
 умѣйте разбирать, судите себя самихъ.

Какъ съ берегу пловецъ объемлетъ путь
 пространный,

Вникайте въ свой предметъ, и будьте
 постоянны :

Тогда уступитъ вамъ Пьеридъ свѣплой хоръ,
 Порядокъ, красоту, прятностей соборъ!

Очень странно то, что у насъ суще-
 ствуетъ еще по сію пору довольно господ-
 ствующее мнѣніе, будто для Спихос-
 ворства гораздо менѣе требуется выс-
 шихъ талантовъ, нежели для другой нау-
 ки. — Иные, представляя Поэза вдохно-

вѣнчаными, или, украшая его непонятными
 шишуломъ генія, мыслятъ, что ему чуждо
 всякое ученіе, всѣ занятія: — Для нѣкоторыхъ
 слово, Спихопворецъ, служишь сино-
 нимомъ умственной вѣтренности, химери-
 ческихъ мечтаній; юродствующаго вооб-
 раженія, занимающагося бездѣлками! —
 Кто виноватъ, что такъ у насъ дума-
 ютъ о любезныхъ чадахъ Аполлона! —
 не онѣ ли сами? — Многіе ли изъ нашихъ
 молодыхъ Спихопворцевъ сами понима-
 ютъ надлежащимъ образомъ важность
 своего искусства? и многіе ли подозрѣва-
 ютъ, что оно имѣетъ положительную, об-
 ширную Теорію — плодъ глубочайшихъ
 изслѣдованій и трудовъ безчисленныхъ? —
 Не заключающъ ли у насъ Поэзію въ од-
 номъ механизмѣ стопосложенія? — не пи-
 шутъ ли Драмъ, не заботясь узнать
 то, въ чемъ состоитъ сущность Дра-
 мы? — Въ 15 лѣтъ шворяшь Поэмы;
 вѣдая о Поэмѣ только то, что она са-
 мое большое изъ всѣхъ спихопворныхъ
 сочиненій, и раздѣляется на пѣсни; сла-
 гающъ Оды, умѣя только раздѣлять ихъ

на спрофы по 10 и по 8 стиховъ; пишущъ пѣсни, ограничивая все свое искусство словами: увы! и ахъ! *терплю и люблю*. Одинъ опмещуешь себѣ обласнь басни, другой опрѣжешь своеволью усадебу эпиграмъ; претпй, какъ Батый завоевываешь царство Комедій или Трагедій; четверпой опуспощаешь огнемъ и мечемъ плодоносную землю, обрабопанную Гомеромъ: никшо другой не смѣи ни писашь, ни думаешь о шомъ, чшо угодно было избрашь ему своимъ удѣломъ. И каждой хочешь бышь самовластнымъ. Нѣшь ни на чшо апелляціи! . . . Боже сохрани, усумнишься въ совершенствѣ шворенія или въ справедливости мнѣнія сихъ великомощныхъ защитниковъ невѣжества! -- Напомни о правилѣ: . . . и въ шу минушу извергнушь преспуника изъ общества умныхъ громовымъ словомъ педанша, которое на языкѣ сихъ господъ сполько же сильно, какъ анаѣма, и въ шу минушу изженушь изъ общества добрыхъ и даже православныхъ. — Такимъ образомъ замедляешь совершенствованіе искусства: оно остаешь

ся въ своемъ младенчествѣ! — Но для чего Публика не опшмщаетъ за свои удовольствія? . . . Публика почипшаетъ это, или ниже себя, или не хочешъ озабопшшь своего вниманія, или очень снисходительна и довольна всемъ, что ей предспавляютъ.

Всѣ знаменитые древнихъ и новыхъ вѣковъ Писатели чувспвовали и доказали, сколь многихъ паланшовъ соединенныхъ, и сколь великихъ трудовъ цѣлой жизни спойло имъ достигнуть той степени совершенства, на которой основали они свое безсмертїе. — Волперъ говорилъ о себѣ, что онъ одному языку Французскому учится шестьдесятъ лѣтъ! — Но у насъ нѣкоторые въ разсужденіи сего думаютъ иначе. Не теряя напраснаго труда убѣждать ихъ доказательствами, посмопримъ на примѣръ, такъ ли легко раждаешся Ода Гораціева, Ода Ломоносова, или Пѣснь Державина. Плодъ ли она единаго токмо энпузіазма, которое живописуетъ все, что видишь предъ собою безъ выбору, безъ сохраненія отношеній,

безъ плана; или имѣеть планъ постоян-
ной и вѣрной, въ кошоромъ все связано,
все подкрѣпляетъ другое, все спосиѣше-
ствуетъ къ усиленію того чувства, ко-
торое хочеть возбудить Стихотворецъ
въ своемъ слушапель? — Случай, или глу-
бокой и осторожной разумъ произвелъ и
сложилъ, на примѣръ, слѣдующую Оду,
которая, по гыркостіи своей, кажецца,
единственнымъ слѣдствіемъ вдохновенія? --
Я разберу ея ходъ и планъ, дабы пока-
зать недоброжелателямъ ученія, что
пайна искусствва стихотворнаго откры-
та полько для *посвященныхъ*, а не для
профановъ, а не для модныхъ писцовъ,
сочиняющихъ по навыку, такъ какъ
не знающіе нотъ, поють съ голоса. — Сей
разборъ покажетъ намъ между прочимъ и
паланты Стихотворца, и его способы
приобрѣшенныя. Предлагаемая мною Ода
всѣмъ извѣстна; но, для лучшаго сообра-
женія между часстями, почель я нужнымъ
помѣститъ ее здѣсь. Вотъ она:

Пошель, — и гдѣ Триспаны злобы?
Чему коснулся, все сразиль!

Поля и грады — спали гробы :
 Шагнуль — и царство покориль !
     О Россѣ ! о подвигъ исполна !
 О всемогущая Жена, —
 Безсмертная Екатерина !
 Куда ? — и что еще ? — уже полна
     Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
 Какъ ночью звѣздъ спезя, по небу пропья-
     женна,
 Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возбле-
     стипь,
     И мудрыхъ удивитъ. —
     Ужь ваши имена,
 Триумфъ, побѣды, трудъ, не скроютъ
     времена,
 Какъ молнии быспряя, вокругъ міра будущъ
     печь.
 Полсвѣна очерпилъ блистающій вашъ мечъ;
     И славы громъ,
 Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ
     споровъ,
 Изъ дола въ доль, съ холма на холмъ,
 Изъ дебри въ дебрь, онь рода въ родъ,
     Прокашится, пройдетъ,
     Промчится, прозвучитъ,
     И въ вѣчность возвѣснитъ,
     Кто былъ Суворовъ !
 По бранямъ Александръ, по доблестямъ Стоику,
 Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обонкъ великъ.

✱

Чорная пуча мрачныя крыла ,
 Съ цѣпи сорванъ , несъ воздухъ покрыла ,
 Вихрь полуночный лепишь богатырь !
 Тьма опъ чела , съ посвиста пыль ;
 Молны опъ взоровъ бѣгушь впереди ,
 Дубы грядою лежатъ позади .
 Спустишь на горы ; — горы прецапъ ;
 Ляжешь на воды ; — воды кипяпъ ;
 Граду коснешся ; — градъ упадаешъ ;
 Башни рукою за облакъ кидаетъ ;
 Дрогнешъ природа , блѣднѣя предъ нимъ ;
 Слабыя просни щадяпся лишь имъ .
 Ты-ль , Геркулесь нашъ , новый , полночный ,
 Бурѣ подобный , быспрый и мочный ,
 Твой ли , Суворовъ се образъ побѣды ?
 Трупы враговъ и лавры швой сѣды !
 Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ ?
 Все ты всегда вездѣ перевозмогъ !
 Новый профей швой днесъ созерцаемъ :
 Тронъ подъ побой ; — корона у ногъ ,
 Царь въ полону ! — ужась ты злобнымъ ,
 Кто былъ Царицѣ швоей непокорнымъ .

И се въ небесномъ верпоградѣ ,
 На злачныхъ вижу я холмахъ ,
 Благоуханныхъ рошь въ прохладѣ ,
 Въ прозрачныхъ радужныхъ шапрахъ ,
 Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ ,
 Въ бесѣдѣ ихъ вождей , Царей .

Нашъ звучный Пиндаръ , Домоносовъ ,
 Сидить ; — и лирою своей
 Безплотный слухъ ихъ упѣшаетъ ;
 Поетъ безсмертныя дѣла .
 Уже , какъ молнія , пронзаетъ
 Ихъ свѣплу грудь его хвала ;
 Златъ медь блескилъ въ устахъ пунцовыхъ ,
 Зари играютъ на щекахъ ;
 На мягкихъ , зыблющихъ , перловыхъ ,
 Они возлегли облакахъ ,
 Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
 Поющихъ пихострунный хоръ .
 Въ безмолвьи сладко упоаютъ ,
 И слабя восхищенный взоръ ,
 Взираютъ съ высоты небесной
 На храбрый , вѣрный свой народъ ,
 Что доблестью , другимъ безвѣстной ,
 Еще себѣ вѣнцы беретъ ,
 Еще на высоту возводитъ ,
 Всевышняго водимъ рукой . —
 Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ ;
 И въ ревности своей святой ,
 Какъ прубный громъ межъ горъ гремитъ ,
 Герой Героямъ говоритъ :
 „ О вы , сѣдючи въ сѣни райской !
 „ Одѣньтесь въ свѣплы днесъ зари !
 „ Воспанъ , великій Мужъ Пожарскій !
 „ И на Россію посмотри :
 „ Ты усмирилъ ея крамолу ,

„Избралъ преемника престолу,
 „Росадникъ славы насадилъ;
 „И се рукой Екатерины
 „Твои теперь пожаты крины,
 „Копоры сжаты я укосилъ!
 „Она нашъ домъ разпространила,
 „И славою всѣхъ насъ превзошла,
 „Строптиву Польшу покорила,
 „Которая пвой врагъ была.

Прорекъ Монархъ, и скрылся въ снѣ.
 Герои Росскіи всколебались,
 Съдымъ челомъ приподнимались,
 Чтобы узрѣть Варшавы плѣнь.

Лежитъ измѣнница, и взоры
 Потирая, обращаетъ вокругъ;
 Терзаютъ грудь ея укоры;
 Что раздражала кропкій духъ,
 Склонилась на совѣтъ змѣиный,
 Опвергла щитъ Екатерины,
 Не могли дружбы къ ней зберечь.
 И се днесъ надъ Сарматомъ плѣннымъ,
 Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
 Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидитъ Орелъ на гидрѣ злобной;
 Подиже, опнижиже львы!
 Спремися съ фуріей сонмъ грозной!
 Герой, отъ Лены до Невы,
 Возлегли на лавровомъ полѣ,
 Ни съ кѣмъ не ссединялся болѣ,

Лишь мудрой правимый главой,
Щипомъ небеснымъ осбняясь,
На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ општолкнетъ ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ и роббъ!
Пожаръ пушимъ спарашься зблнный,
И бывъ въ огнѣ, охолодбъ!
Мнимъ защищашъ Монарши правы,
И за корысть лишь воевашъ;
Желашъ себѣ безсмертной славы,
И не сражаясь опсщупашъ;
Слышъ недругомъ коварству злomu
И щипъ его внутрь сердца ядъ!

Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи въ дали звучашъ!
Доколѣ швердъ, единодушень,
Умбешъ смерть и скорби презирашъ,
Царю единому послушень,
И съ нимъ по вѣрѣ поборашъ
По правдѣ будешъ лишь войною:
Великій духъ! швой Богъ съ побою!
На что тебѣ союзъ! о Россъ!
Шагни, — и вся швой вселенна.
О ты, Жена благословенна,
У коей сынъ шкой колоссъ!
Къ поликимъ скишпрамъ и коронамъ,
Сшранамъ, владбемымъ Тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ

Еще одну его рукой
 Приими корону принцессенну,
 И грудь во браняхъ упоменну
 Спѣши спокойствомъ врачевашъ.
 Твое ему едино слово
 Опраду, духъ, геройство ново
 И щасье можетъ даровать!

А ты, кому и Музы внемлютъ,
 Младшій неперсникъ, чашникъ Крокъ,
 Предъ кѣмъ Орель и громы дремають,
 И вседробящій молнїи огонь!
 Налей мнѣ кубокъ пивой сапфирной,
 Звѣздами, перлами кипящъ,
 Да нектаръ пивой небесный, сильный,
 На лоно нѣживихъ Музъ клонящъ,
 На мѣсто громовъ, звуковъ бранихъ,
 Воспѣшь меня возбудишь миръ.

И се уже въ спранахъ криспальныхъ
 Несушь, остави дольний мїръ;
 Огнискмый солнца конь крылашый
 Лепишь по воздуху и ржеть.
 Съ ноздрей дымъ пышетъ синевалый,
 Со удила пѣна клубомъ бѣшетъ,
 Спруями искры сыплютъ взоры;
 Какъ овны, убѣгають въ горы; —
 И въ божескомъ воспоргѣ семь
 Я вижу въ пишинѣ полсвѣта! —
 Живи, цвѣти несмѣпны лѣта,
 О Царспвующая на немъ!

Кто лучшей сполькихъ странъ владѣ-
тель

Какъ не въ коронѣ добродѣтель? —

Пошелъ — и царство покорилъ.)
Это есть изложеніе цѣлой Оды, музыкальной речитативъ, въ копоромъ коротко и сильно показано все ея содержаніе; показана причина опечесивенной радости и торжесива. — Такъ началъ Моисей свой благодарственнй Гимнъ Богу по прехожденіи чрезъ Чермное море, единственнй, и несравненнй, какой покло оставила намъ древность. Онъ начинается: *Поилъ Господеви* и пр. Я не останавливаюсь на словахъ: *пошелъ, шагнулъ, и царство покорилъ*. Въ стихахъ сихъ нѣсколько смущается соображеніе близости словъ неравно - высокихъ: *шагнулъ, и покорилъ*. Когда Гомеръ представляеть разъяреннаго Непшуна, сдѣлавшаго только четыре шага до Иліона: я постигаю быспрошу движенія; но *шагнуть и покорить царство*: это не такъ удачно связывается, и не такъ, какъ въ прекрасныхъ словахъ Юлія Цезаря: *пришелъ, увидѣлъ, побѣ-*

дилъ, гдѣ быстрая постепенность очевидна: ибо въ словѣ *покорять* заключаетсѣ уже продолженіе временіи. Впрочемъ, краткость и сила періода замѣняетъ съ.обольщающимъ избыткомъ сію маленькую неспечность. — Спокойной, холодной Прозаистъ спялъ бы насъ медленно вводилъ въ сію сцену. Онъ бы объявилъ: кто пошелъ, какъ пошелъ. Стихотворецъ воспорженннй вдругъ видилъ себя посреди сцены, посреди ужасовъ боя, посреди торжества побѣды, и, обнимая все сіе очами воображенія, спрашиваетъ, не можеть думать, что и всѣ его слушатели не созерцали же того, что онъ созерцаеть, и не чувствовали того, что онъ чувствуетъ. — Такъ сестра, восхищенная нечаяннымъ возвращеніемъ брата, или другъ, обрадованный прибытіемъ друга, вбѣгаетъ въ комнату своихъ родителей, и не въ силахъ произнести его имени, говоритъ только: онъ пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ, онъ! онъ! какъ будто всѣ должны знать, кто долженъ быть онъ, ашопъ любезнѣйшій! — Воспоргъ естесств-

венно и проспо выраженный, производящй полное свое дѣйствіе! Столь же естествененъ переходъ отъ сего изложенія или речисапіва къ слѣдующему, какъ будто къ нѣкопоруой аріи, изъясляющей вмѣстѣ радость и удивленіе:

О Россѣ! о подвигѣ исполина — Царицѣ твоей непокорной.) Въ вопросахъ: куда и что еще, заключаешся особенная сила. — Державинъ предспаляетъ не какъ живописецъ, но какъ Поетъ, лица свои въ дѣйствіи. — Симвъ, едва вѣрояпнымъ подвигомъ Царица и водимый Ею побѣдители не упомялись; преодоленіе величайшей трудности не останавливаетъ ихъ: они готовы, они спремьяпся далѣе къ новымъ подвигамъ. — Изображеніе опочившаго среди триумфовъ Героя было бы не столь пріятно, не столь возвышенно. — *Уже полна великихъ вашихъ дѣлъ вселенна).* — Просто и прекрасно. — Не разпространяюсь о блистательномъ сравненіи: *какъ ночью звѣздѣ стезя — и мудрыхъ удивитъ*); оно конечно скорѣе восхишитъ молодыхъ

поэтовъ, но, кажется мнѣ, нѣсколько выисканнымъ для сердца воспорженнаго, особливо сія блестящая цѣпь дѣяній. Я замѣчу здѣсь съ большимъ удовольствіемъ тонкую, благородную черту, заключающуюся въ одномъ словѣ: *вашихъ*, которое умышленно Стихотворцемъ повторено нѣсколько разъ. — Державинъ, какъ папріотъ и Поэтъ, не славилъ одну токмо Государыню: онъ сливаетъ пруды Ея съ прудами подданнаго, Ея славу съ его славою, Ея имя съ его именемъ. Какъ сладостно должно быть такое чувство и для *Екатерины*, и для Ея достойнаго Рюсса! — *Щастливы Монархи*, которыхъ слава и при жизни и въ самое позднее время не отдѣляется отъ славы народа! — *И мудрыхъ удивитъ*). — Въ словѣ: *мудрыхъ*, заключается сила: она, цѣпь и пр. изумитъ самую мудрость, коя видитъ далѣе, судитъ строго. Грамматики окошнко прощаешь Стихотворцу, что онъ, вмѣсто *членъ*, поставилъ *члена*; очень вѣроятно, что и Риторика извинитъ эту непостепенность: *Триумфъ, победы, трудъ*,
Книж. VII. Ж

и свѣпила, названныя *молніями*, ибо молнія освѣщаеяль вдругъ, а не *течетъ* вокругъ *міра*. — Прекрасная мысль! дѣла, имена Екатерины и Росса будутъ новыми свѣпилами, озаряющими нравственный миръ! Но каковъ эшомъ мечъ, который очертилъ повселенны! — какова рука, копорая должна управляшь имъ! — Кажется, я вижу вождя Небесныхъ Силъ Михаила, изъ селеній горныхъ усремляющагося на мяпежниковъ ада! кажется, вижу его, копіе, простирающееся отъ Востока до Запада! Таковы, должны быть стихотворныя образы! — они возвышають и поражаютъ душу какимъ-то яркимъ свѣшомъ!

И славы *громъ* — *Суворовъ*). Картина для слуха и для взора! — но, кажется, есть въ ней подробности, не столь разительныя для чинашеля опышнаго, какъ предыдущія. Можемъ ли мы усаждашья игрою словъ, смотрѣшь на *холмъ* и *дебри*, какъ слухъ *прокатится*, и *шуть* же *пройдетъ* и *шуть* же *прочитъся*; и *шуть* же *прозвучитъ* *изъ дола въ долъ*, *св холма на холмъ*, *смонрѣшь* при эшомъ ужасномъ

мечѣ, при сіяніи свѣшилъ, обшекающихъ вселенную, при этой стезѣ звѣздъ по небесамъ, столь велелѣпно ихъ препоясавшей лучезарною, огненною полосою! — Мысль не успѣваетъ за Державнымъ. Захочетъ ли попомство узнать характеръ Суворова? — Онъ живописуется весь въ одномъ стихѣ:

По бранямъ Александръ, по доблестнѣ
 Стоикъ,
 . . . . . и въ обоихъ великѣ.

Но Стихотворецъ не доволенъ симъ опредѣленіемъ; онъ видитъ Героя своего въ буряхъ:

*(Черная туча мрачныя крыла—кто былъ
 Царицѣ твоей непокорнымъ.)*

Это, безъ всякаго сомнѣнія, прекрасное мѣсто показываетъ впрочемъ, какъ трудно быть непрерывно возвышеннымъ безъ натяжки, или безъ упоменія. Одинъ изъ древнихъ Поэтовъ представилъ Эвцелада, который ставилъ горы на горы для

Ж 2

того, чтобы взойти на небо. Онъ под-
 нялъ на плеча свои Оссу, чтобы вознести
 ее на Пеліонъ, и въ ту самую минуту по-
 лилась по хребту его цѣлая рѣка, произ-
 текающая изъ сей горы: вошь смѣшная
 черша, которая изпоршила всю каршину,
 столько возвышенную! — Миѣ кажется
 также, не предаюшь ничего великолѣп-
 ной картинѣ Державина спихи такіе,
 какъ: башни рукою за облакъ бросаетъ;
 это слишкомъ игриво для бурнаго въпра;
 также: градъ упадаетъ, когда коснулась
 буря; градъ въ семь смыслѣ можешь раз-
 рушиться а не упасъ; также: кѣмъ ты
 бывалъ, когда побѣждаемъ, все ты всегда
 вездѣ превозмогъ и пр.

Душа наша въ своихъ наслажденіяхъ
 чрезвычайно нѣжна и раздражительна:
 одинъ звукъ неровной, вышедшій изъ
 тона, или не споль сильной, топчасъ
 разрушаетъ ее очарованіе. — Но Дер-
 жавинъ опять уже на высотѣ паренія
 своего. Что можешь быть сильнѣе слѣ-
 дующихъ крашкихъ словъ: Тронъ подѣ

тобой, корона у ногъ, Царь въ полону! —
 Можно ли послѣ сихъ выраженій крипи-
 ковать: ужасъ ты злобыицъ, кто и
 пр.? — —

Покореніе Варшавы шѣмъ было для
 насъ пріятнѣе, что оно заключало въ
 себѣ праведное мщеніе за безчисленныя
 обиды, нѣкогда причиненныя Поляками на-
 шимъ предкамъ. Это была война за опече-
 сивенную славу, нѣкогда оскорбленную;
 это цріумфъ, посвященный попомками
 предкамъ. Надобно, чтобы они соедини-
 ли съ нами свою радость, чтобы ушѣ-
 щились въ горестяхъ, нѣкогда ими пре-
 перпѣнныхъ. — Посмотрите: Поешь опц-
 верзаешь вамъ небеса, и вы ихъ видите
 подобно вамъ шоржествующихъ: они слы-
 шашъ васъ — сіи любезнѣйшія Тѣни раз-
 дѣляютъ съ вами ваши удовольствія!
 онѣ благословляютъ васъ:

*И се въ небесаицъ вертоградъ — чтобы
 узрѣть Варшавы пѣнѣ.)* Не лзя сказать,
 что болѣе высокое благоразуміе, или во-
 ображеніе изобрѣло и украсило эту кар-

пину. Вы видите по связи, что она не родилась сама собою, но приготовлена, и непременно должна быть прежде обдумана, измѣрена и расположена! — Нельзя изобрѣсти ничего приличнѣе, натуральнѣе! — Сколько прекраснѣйшихъ мѣстъ, на которыхъ такъ приятно покоится наше воображеніе! — Я люблю видѣть сихъ вождей и Царей, которые и *тамъ*, на небесахъ, обитающъ посреди прежнихъ своихъ любимыхъ подданныхъ, посреди прежнихъ поварицей своихъ на бивнѣ, вмѣстѣ нѣкогда спрдававшихъ за Вѣру и Отечество, и теперь вмѣстѣ веселятся съ тѣмъ же семействомъ, тѣмъ же обществомъ! Люблю видѣть Ломоносова вмѣстѣ съ Державинымъ: одинъ поетъ на небѣ, другой показываетъ намъ поющаго! — Два великія Генія споятъ на ряду! — Люблю видѣть нѣкоторыя черты старинныхъ нашихъ обычаевъ, старинныхъ пиршествъ! Эпошъ Руской нектаръ, *золотой медъ въ устахъ* пунцовыхъ, эпи перловыя, мягкія облака, сіи небесныя ковры, сіи небесныя дѣвы и арфы: —

такая небесная роскошь! — Теперь пусть
 говорятъ, что опъ Оды не возможно пре-
 бовашь плаца! Онъ долженъ быть и есны
 въ швореніяхъ великихъ Писателей; имъ
 шруднѣе сохранишь егд, что онъ скрытъ,
 и имѣешь всѣ наружныя признаки беспо-
 рядка, споль свойственнаго испуленно-
 му воображенію и пламеннымъ чувствамъ.
 Пускай говорятъ, что чувства свободны
 опъ всякаго плана, опъ всякаго стѣсненія;
 это не справедливо. Природа и въ самую
 бурю, когда все, кажется, готово разру-
 шится, не шеряетъ своей шройности, или
 лучше, самая буря имѣетъ свои законы,
 начало, переходы и конецъ; почему же не-
 должны имѣть сего порядка, сихъ зако-
 новъ бури сердечныя? — Въ порывахъ
 чувствъ есть своя система постоянная
 и вѣрная: ее — по долженъ открьшь и
 исполнишь Стихотворецъ. — Но . . .
 вспомнимъ, что мы въ сѣни райской, гдѣ
 объ системахъ не споряшь . . . Не чувст-
 вуетели вы сладкаго благоговѣнія, попря-
 сающаго вашу душу? Преклонитесь: это
 Пещръ, обновитель, образователь своего

Опечесства! Онъ учреждаешь шоржесство
 небесъ, Онъ судишь подвиги *Екатерины*,
 побѣды *Суворова*! — и съ кѣмъ су-
 дишь? — съ *Пожарскимъ*, бичемъ *Поля-*
ковъ, спасителемъ шрона, независимости
 Россійской! — Сколько идей возбуждаеш-
 ся сими великими именами! — Онкры-
 ваешся бездна несчастій, въ которую,
 ввержена была Россія, и скрежещеть еще
 люпошь варваровъ, и слышны еще спе-
 нанія изможденной *Москвы*, — но се,
 процвѣла ея свобода, — образованіе
 Опечесства, утвержденіе Россіи между
 цолиническими Державами, огражденіе
 предѣловъ, внутреннее успройство; —
 рядъ великихъ Государей, слѣдующихъ
 единому великому плану *Петра Перваго*
 и наконецъ *Екатерина*, совершающая то,
 что предположили Ея предшесивенники
 сіи благошворители Опечесства: рай мы-
 слей сладосныхъ, ушѣшительныхъ! —
 Кто прежде былъ спрашенъ, шопъ
 лежишь шеперь цопранный, окованный
 узами униженія! Что мы прежде были и
 что шеперь, усмиривъ шшоль сильного,

ещоль безпокойнаго непріяшеля!!! Можно ли хвалишь вмѣстѣ такъ пріяшно, и такъ вѣжно! и — *Петръ Первый* говоришь:

Она нашъ домъ разпространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла;
Спроптиву Польшу покорила,
Которая пшвой врагъ была. . . . (*)

(Изрекѣ *Монархъ*, и скрылся въ сѣнь!)
Не пріяшно разспаваться съ Особою, предъ
Которой благоговѣешь и Которую лю-
бишь; въ семъ отношеніи черта: скрыл-
ся въ сѣнь, не имѣешь полнаго своего
решетического дѣйствія; но она гораздо
пріяшнѣе *Ангеловъ*, смотрящихъ сквозь
хрустальную дверь небесъ на торже-
ствующихъ смертныхъ. Здѣсь величіе
Героя не унижено. Въ этомъ замѣ-
чаніи виноватъ самъ живописецъ: для
чего онъ такъ прелестно пишетъ? —
Для чего показавъ картину очеровашель-
ную, отнимаешь ее такъ скоро? — Слѣ-
дующая картина вознаграждаетъ васъ

(*) Безсмертный Пѣснопѣвецъ! . . . а *теперя*? — сколько предметовъ для Твоей златоспрунной лиры! . . .

за вашу патриотическую ревность! —
 Радость о низложеніи непріятельницы про-
 летѣла въ сонмахъ блаженныхъ Героевъ.—
 Они возколебались, чтобы узрѣть ея
 плѣненіе. — Прекрасно! Но нужно ли пред-
 ставлять ихъ, *приподнимающихъ чела
 свои?* они смотрятъ съ высоты небесъ. —
 Впрочемъ это показывается, можешь
 быть, святое непрерывное праведниковъ,
 увидѣть скорѣе славу опечетвенную! —
 Все прекрасно! —

Что еще сказать выше и болѣе
 въ похвалу Монархини? — Но Геній
 обрѣтаетъ новое средство, и обрѣ-
 таетъ его въ глубинѣ сердца человѣче-
 скаго. Велика побѣда надъ сильнымъ,
 ожесточеннымъ непріателемъ; но гораздо
 большая, — заставитъ его самого рас-
 каиваться въ своихъ несправедливостяхъ,
 заставитъ его, оправдывать свою Побѣ-
 дительницу, удивляться Ей, благоговѣшь
 предъ Нею: вотъ вѣнецъ, драгоценнѣй-
 шій для всѣхъ завоевателей! Искусст-
 во краснорѣчія торжествуетъ.

Лежитъ измѣнница — одной васъ оттолкнетъ ногой). Спихотворное изображение! Но въ сихъ двухъ спрофахъ заключаются двѣ картины, которыя, будучи обѣ масперскія, не могутъ, кажешся, слѣдовать одна за другою. — *Лежитъ измѣнница и, взоры потупя, обращаетъ вокругъ* и пр. Потомъ непосредственно плѣнный *Сарматъ*, надъ которымъ *всесильный Россъ* занесъ свой мечъ; (плѣннаго не съкупъ, не рубитъ:) и потомъ *Орелъ*, возсѣдѣвшій на злобной гидрѣ, при защищеніи львовъ, вѣроятно тогдашнихъ крамольныхъ ея защитниковъ, отражаемыхъ Героемъ, простершимся отъ *Лены* до *Невы*. Трудно все это помѣстить въ одной рамѣ. *Измѣнница, Сарматъ, Гидра* все шаже *Польша*; все говоритъся объ одномъ и только подъ разными образами, изъ которыхъ, еще повторяю, каждой очень хорошъ; но всѣ вмѣстѣ мешаютъ другъ другу. И какъ гидру защищать, или опшнмать львамъ? — Когда представляемъ мы въ аллегоріи звѣрей, то, кажешся, непременно должны

сохраняшь ихъ еспешивенныя между собою отношенія; между гидрой и львами въпъ отношеній и связей. — Попомъ употребивъ аллегорію, должно ее выдержать. — Пѣснопѣвецъ вышелъ уже изъ нее, говоря объ Россѣ, занесшемъ ужасной мечъ; еще болѣе отъ нее удалился, переѣхавъ совершенно сцену представленія Героя, возлежащаго отъ Лены до Невы, и толкающаго львовъ ногою! — Замѣшимъ и здѣсь искусство Пѣснопѣвца; онъ представляетъ низверженную измѣнницу въ состояніи раскаянія; грудь ея *терзають* укоры за то, что *раздражила кроткій духъ* Екашерины, что отвергла Ея покровительство, и за то единственно теперь наказывается! — Самая кара становится не мщеніе, но исправленіе, дѣйствіе божественнаго правосудія! — Какъ блистательно явлены дѣла благошворительной Побѣдительницы! — Усомнясь нѣсколько въ сподъ близкомъ соединеній разнородныхъ каршинъ, еще не могу умолчать о красотѣ одной изъ нихъ, разсматриваемой отдѣль-

но, о семъ холодномъ мужествѣ Росса, который, будучи управляемъ мудрою Главою, освѣщенный щипомъ небеснымъ, опершись на Вѣру и вѣрность, безъ всякой поспоронней помощи съ презрѣніемъ жешеть ошъ себя враговъ своихъ. — Вся эта картина понравилса всегда папріопическому сердцу, кромѣ, можетъ бышь, послѣдняго стиха, которой не въ шонѣ Оды.

Теперь Стихотворецъ, какъ лицо, участвующее во всѣхъ прежде представленныхъ сценахъ, говоритъ самъ ошъ себя вѣроломному народу, и послѣ побѣдишелямъ Россіянамъ. — Таковъ священный санъ Барда; пеапръ его: вселенная и вѣки, ему внимають Цари и народы. — *О стыдѣ, о срамѣ неизмоѣрныи* — *О Ты въ женахъ* и пр.) Но мы должны прежде замѣшить удивительный переходъ, которой сдѣлалъ Державинъ ошъ первыхъ картинъ къ послѣднимъ. — Всего пріятнѣше для души нашей, когда она возвышася, и чувспвуетъ свое возвышеніе. И шакъ, перенося ее въ небо, Стихотворецъ

исполнялъ ее величественнымъ удовольствіемъ: но какимъ образомъ спустилъ онъ се съ небесъ, на сію брѣнную землю, не давъ ей почувствоватьъ неудовольствія, происшедшаго отъ разлуки съ пріятнѣйшими мечтами? — Должно признаться, что это самой труднѣйшій подвигъ. Превосходнѣйшіе Писатели рѣдко совершали его удачно. — Обыкновенно, въ такомъ мѣстѣ ставили почку: *конецъ*. — Державинъ очаровалъ насъ, и не далъ намъ примѣтить перехода. Гдѣ же онъ насъ низводитъ? — Тамъ, гдѣ: *Герои Росски взколебались — лежитъ излюбница, и взоры потупя, обращаетъ въ кругъ*. — Вы обращаетесь на предметъ самой для васъ поржественной; ибо на униженную непріятельницу пріятно обратиться. Вы, или взоры ваши спускались не одни, но вмѣстѣ со взорами блаженныхъ Героевъ — *прадѣдовъ*. — Не пріятно ли бытъ вмѣстѣ съ ними? ... Небеса не закрылись; вы отъ нихъ не отдѣлены: и сцена въ воображеніи осталась вся та же, какая была прежде: опверстное небо, на облакахъ

Герои, а на земли Россы поржествующіе. ЕСТЬЛИБЪ не было эшого перехода, то пѣса должна или кончипся, или все прочее не относилось бы къ главному предмету; другими словами, нарушилось бы единство. — Самое лучшее средство для всѣхъ писателей Одь, спараться всегда изъ своихъ мыслей, чувствованій и картинъ предспавлянь драматическую сцену съ Акперами и зрѣлицемъ. — Дайте всему приспойное положеніе, а сами будьте на время зрители: шопчасъ откроется, что прилично, что не прилично, что въ своемъ мѣснѣ, и что нѣтъ. И такъ натурально, что при наспойщемъ поржествѣ обипателей небесныхъ, возлежащихъ на облакахъ, и жителей земныхъ, ликующихъ о споль знаменитыхъ завоеваніяхъ предъ очами скованной плѣнницы, перзающей себя въ опчаяніи, предспаль священный пророкъ, или вдохновенный Бардъ къ народамъ. — Такимъ образомъ утверждена связь между предыдущею и слѣдующею строфою, и доказано, что Стихо-

творецъ ни мало не унижился въ ходѣ своей Оды, начавъ говорить оиъ своего лица: — *О стыдѣ! о срамѣ неизмовѣрный — и чтить его внутрь сердца ядѣ*). — Что можешь бышь натуральнѣе, какъ послѣ путешествія по морю, вышедши на берегъ, воспоминашь о брѣшедшихъ опасностяхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, копорыхъ пловцы избѣжали? Что пріятнѣе для воина, какъ воспоминашь прошедшія бури брани, всѣ ужасы, напасши, измѣны, вѣроломства друзей, и когда при всемъ эпомъ война кончилась щасливо? Чувство сея радости и чувство папріюпическаго негодованія къ невѣрнымъ союзникамъ, копорые повергли опасностямъ нашихъ брашій и друзей, начершало сію спрофу. — Въ связи ли она съ предыдущими? Конечно. Эпо не что иное, какъ новой способъ, возвысить важность побѣды, 1) тѣмъ, что она окончана была покореніемъ цѣлаго Царства; 2) тѣмъ, что опмищены предки; 3) тѣмъ, что пріобрѣшена собственными силами бѣзъ вѣя-

кія помощи, и припомъ при коварныхъ умыслахъ союзниковъ, которыхъ усилія остались щещеными. Вы изволили примѣнить, что Спихотворецъ обращается около своего предмета безпреспанно въ то время, когда, по видимому, онъ будто бы покинулъ его, и говоритъ безъ всякаго намѣренія о Союзникахъ, кои не держатъ своего слова: новое искусство закрышь планъ! — *(Но какая тебѣ нужда въ нихъ, о Россѣ! Но ты народъ — и вся твоя вселенна!)* Особенно пріятно встрѣчашъ въ самыхъ торжественныхъ Одахъ Державина всегда черты нравоучительныя. — Похваляя Россю, онъ напоминаетъ, какъ Патриотъ, при всякомъ случаѣ и шѣ доброты, которыми Россѣ возвысился, и шѣ силы вспомогательныя, на которыхъ основано его величіе и благоденствіе: швердость, единодушіе, презрѣніе скорби и смерти, повиновеніе власти, правду, вѣру и Бога! съ сими неизмѣнными друзьями конечно: *шагни — и вся твоя вселенна!* —

Обращеніе къ Великой Императрицѣ также очень прогашельно . . . , Примѣнно
Книж. VII. 3

въкоторое упомленіе Поэта, но не паденіе, не слабость: . . . . Да не подумають почтеннѣйшіе мой Слушатели, чшобы чрезъ это упомленіе разумѣль я недоспашокъ: напрошивъ шого! во многихъ знаменистѣйшихъ Писателяхъ въ концѣ Оды сей опшѣнокъ есть искусственной. Ибо что такое Пѣвецъ? — То же, что Пнѣя, сѣдящая на преножникѣ и дающая опвѣшы. Она ожидаетъ бога Аполлона, кошорой исполняетъ ее своимъ духомъ. Сіи вдохновенія бывають, и должны бытъ кратковременны; сіи усилія превозмогають слабую природу человѣческую. — Поэтъ совершилъ свое опкровеніе, и долженъ казаться упомленнымъ; ибо былъ обипелію силы сверхъестественной, обипелію бога. Въ прошивномъ случаѣ онъ вышелъ бы изъ предѣловъ вѣроупія! — Гораций всегда, Державинъ во многихъ случаяхъ сохраняють сіе правило, почерпнутое ими конечно не изъ книгъ, но въ самомъ своемъ сердцѣ. — Поручивъ побѣдоноснаго Росса храненію и врачеванію благодѣтельной Монархини-

Матери, Поэшь обращается къ Ганимеду. — *А ты — возбудишь пѣть мирѣ.*) И могъ ли небесный виночерпій ошказашъ генію Державина! Ему принадлежитъ амврозія, или безсмертіе, — пламень вдохновенія, вино стихопворнаго пророчества! Писашель разумѣль безъ сомнѣнія сей небесной даръ, пошребной для прославленія мира, котораго онъ желалъ, какъ сынъ Отечества, и которой близокъ былъ по обстояшельствамъ. — Пусть было бы эшо одно желаніе: — оно уже драгоцѣнно! И въ какомъ приличномъ, по сердцу Писашеля, мѣспѣ! Услышана молитва Державина: *и се уже въ странахъ эфирныхъ.* — *Я вижу въ тишинѣ полсвѣта.*)

Теперь очевидно, что онъ ни мало не ослабѣль въ своемъ пареніи. Обращеніе къ Государынѣ споль простое, не украшенное пошому нашурально, что оно изображаетъ чувство благоговѣнія и нѣкоторой боязни, раждающейя въ насъ, при воззрѣніи на лице великаго, могущесшвеннаго челоуѣка! Державинъ кончилъ

споль же высоко, какъ началъ, хопя въ
 срединѣ иногда, и казался ниже обыкновен-
 наго своего паренія. Довольно, что онъ
 достигнулъ своей цѣли. Прекрасно срав-
 ниваетъ Каспельвепро Пиндара съ ко-
 раблемъ, вывешеннымъ изъ гавани бурюю. —
 Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ
 блескѣ; — буря усилилась: — онъ яв-
 ляется то на поверхности воды, то подъ
 водою — то въ пламени, то во мракѣ. —
 Стоящіе на берегу почитали его уже по-
 гибшимъ, потонувшимъ; но вдругъ небо
 просіяло, море утихло, и корабль сползъ
 на берегу. — Сравненіе хорошо для Оды; но
 оно же показываетъ и излишнія опспуп-
 ленія Пиндара опъ своего предмета, мно-
 гія шемнопы, которыя чувспвовали да-
 же его современники, излишнюю свободу
 въ порядкѣ и ходѣ — Прочитанная мною
 шеперь Ода Державина, при всѣхъ сво-
 ихъ порывахъ, свободна и опъ сего изли-
 шества. — Онъ ни на минушу не скрывалъ
 ся опъ взоровъ. Во всей Одѣ одна сце-
 на: небо и земля, вмѣстѣ ликующія. —
 Въ послѣднихъ стихахъ чувспвищеденъ

пламень обѣшовъ усердныхъ подданнаго къ Императрицѣ, сына къ Машери; — и какъ можно лучше кончишь? — *Живи — добродѣтель*) Прекрасную Пѣсонь сію разбиралъ я только въ одномъ планѣ и ходѣ, для того наиболѣе, чтобы опровергнушь мнѣнія о Спихотворствѣ тѣхъ, которые думаютъ, что оно состоитъ въ одномъ механическомъ устройствѣ словъ и въ приемахъ! — Чувствую, что мнѣ говоришь объ этомъ спѣшно при почтеннѣйшихъ Слушателяхъ и Слушательницахъ; но я говорю противъ вреднаго мнѣнія, и долженъ былъ позволить себѣ безнужныя нѣкоторыя подробности. — Пусть знаютъ, что быть Спихотворцемъ, не только требуетъ великаго отъ природы дарованія, но сверхъ того многотруднаго изученія правилъ, искусства, природы и человека, великихъ пособій изъ другихъ наукъ; -- короче, пусть молодые поэты знаютъ что, духъ Философа, Спихотворца, Политика одинъ и тотъ же духъ. Что въ разсужденіи искусства замѣтили вы въ сей Одѣ, то самое есть и въ хорошей баснѣ и въ хоро-

шей пѣснѣ, и во всякой стихопворной бездѣлкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ стиховъ, копорую правильно написашъ такъ же прудно, какъ и большое сочиненіе. — Я часто слыхалъ, какъ хваляшъ нашихъ лучшихъ Сочинителей: — Какъ громко пишешъ Ломоносовъ! какъ гладко изъясняешся Державинъ! — какъ плавны стихи Дмипріева! какъ нѣжно пишешъ Сумароковъ! какъ чисто пишешъ Карамзинъ! какъ *легко* эшо переведено, или сочинено! — Милостивые Государи! вы не хвалише, а оскорбляеше вашихъ любезныхъ Поэтовъ. У насъ теперь, благодаря времени и привычкѣ, всѣ уже почти пишущъ гладко и чисто: но какъ же вы опличите жервыхъ Писателей отъ посредспвенныхъ? — *Гладкость, плавность, чистота, легкость, громкость, точность*: все эшо вмѣстѣ не что иное, какъ только начала ихъ искусства. — Ищите далѣ своихъ наслажденій, и вы найдете ихъ въ пѣхъ же самыхъ Поэсахъ, естли рѣшишесь изпышашъ и науку, и собспвенныя ваши чувства. — На вопросъ мой: какова Ко-

Медія, опвѣчаютъ мнѣ съ восторгомъ : число написано! — какова Трагедія? — Опвѣчаютъ : прекрасные стихи, и поочасъ прочтуть ихъ; но красота Трагедіи и Комедіи соспоишь не въ однихъ только прекрасныхъ стихахъ. — Какова Сапира? — Опвѣчаютъ: ну, ужь бѣда: — всѣхъ перебралъ! — Но это не все еще для Сапиры. — Надъ чемъ Спихотворецъ болѣе прудишься, что болѣе всего обнаруживаетъ его шаланты: планъ, характеры, дѣйствія, сохраненіе, измѣненіе тоновъ: — объ этомъ никто не говоритъ ни слова, какъ о такомъ дѣлѣ, котораго ничего не значить. — Теперь и пишомецъ Музъ, не самозванецъ, скажешь: для когожь я шружусь!... И вошъ причина, отъ чего театръ нашъ наполненъ по большей части эпическими Трагедіями и Комедіями безъ характеровъ и дѣйствія; аплодируютъ слову, не думая объ шомъ, прилично ли оно, и на своемъ ли мѣстѣ! — Я видѣлъ въ одной Руской Драмѣ, приобрѣтшей благоволеніе Публики, какъ любовникъ услышавъ внезапно, что лю-

бовница его бросилась въ прудъ, вмѣсто
 того, чтобы бѣжать избавить ее, или
 упонуть вмѣстѣ съ нею, со всею на-
 божностію становится на колѣни, и чита-
 етъ продолжительную молитву о сохра-
 неніи жизни ея. И многіе безъ памяти
 радовались, можетъ быть впрочемъ, и хо-
 рошей сей рѣчи, произнесенной со всеми
 движеніями спраснаго человѣка! — Пуб-
 лика школа писателя. — Ахъ, въ ка-
 кой школѣ учились Расинъ и Корнель! —
 Уважимъ самихъ себя, уважимъ науку и
 талантъ Стихотворца изъ любви къ са-
 мимъ себѣ, и очистимъ чрезъ то собств-
 венныя наши удовольствія!

Мрзкв.

Конецъ VII книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

64574

~~~~~
А В Г У С Т Ъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
оплечаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Сентября
3 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Двигубскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Спран.
I. Похвалы Друза. - - -	1
II. Къ Лидіи. - - -	4
III. Опрывки изъ Тассова Іеру- салима. - - -	6
IV. Посланіе Армиды. - -	23
V. Пѣснь воинамъ. На выступле- ніе изъ С. Пешербурга. -	32
VI. Дубъ и Тростъ. (Баснь.) -	35
VII. Къ моей Л. — В — нѣ. -	37
VIII. Къ монументу Петра Велика- го въ Пешербургѣ. - -	39
IX. Объ Ней. - - -	40
X. Дѣвицѣ Ивановой, въ балетѣ: Оспровъ невинности. -	41

О г л а в л е н і е:

	Стран.
XI. Величіе природы. - -	42
XII. Плутархъ. - -	51
XIII. Россіяда. (Письмо къ другу о слоgъ Поэмы.) - -	86

I.

ПОХВАЛЫ ДРУЗА (*).

(Ода изъ Горация.)

о — о — о — о о — о
 — о о — о — о о — о
     о — о о — о о — о
     — о о — о о — о — о.

Каковъ служитель горнихъ перуновъ
 (Коему предаль царство пернатыхъ
 Юпитерь за вѣрность и службу,
 За бѣлокураго Ганимеда) —
 Когда и младость, и отческой пламень
 Гоняшь въ подвигъ его незнакомый,
 И ясной, безбурной весною
 Необычайнымъ участь полешамъ
 Новаго въ небѣ: скоро падеть онъ
 Ярый во спадо агнцевъ игривыхъ,
 И се! средь упорныхъ драконовъ
 Алчность смиряешъ биввы и крови;—
 Какимъ на красныхъ пажихъ серна,
 Лишь опьянаго машерней груди,

(*) Другъ, пасынокъ Императора Августа, побѣдилъ
 Ретовъ Винделическихъ. Гораций воспѣваетъ здѣсь
 его побѣды, и вмѣстѣ хвалитъ воспринятое, данное
 ему Императоромъ. — М.

Срѣщается ревушаго скимна,
 Жертва несчастна новаго зуба: —
 Таковъ низпрянулъ съ дѣбрей Алпійскихъ
 Друзь бранноносный къ Ретамъ враждебнымъ,
 Копорыжъ десницы булашны
 Носяпъ дубравы бердышей оспрыхъ. —
 Узнали скоро орды побѣдны,
 Всюду тѣснимы грудью, совѣпомъ
 Младаго Героя во брани,
 Что можешъ сердце, что можешъ
 разумъ,
 Взлелеянь благо въ домѣ родимомъ,
 Въ скромныхъ черпогахъ мудроспи опчей;
 Что можешъ духъ Августа мощный,
 Въ юныхъ живущій славно Неронахъ.
 Родился сила опъ силы; есть доблестъ
 Въ коняхъ и шуряхъ опъ предковъ наследна!
 Бываетъ ли голубъ недужный
 Чадомъ орлицы, парящей къ солнцу?
 Врожденны силы высипъ наука;
 Въ подвигахъ честни сердце крѣпился;
 Гдѣ нравы упали, шамъ умеръ
 Даръ благодатной, чистой природы!
 Чѣмъ Римъ обязанъ Цезаря чадамъ,
 Скажущъ Рейнь и смерть Азрубала,
 И оный прекрасный изъ мрака
 День, возсіявшій надъ нами
 Улыбкой первой славы богатой, —
 Когда по градамъ Афръ преносился,

Какъ пламень чрезъ нивы , какъ буря
 Надъ пошемненной бушуетъ бездной!
 Тогда прудами попа и скорби
 Выросла въ силу Римская юность ,
 И буйнымъ нечестьемъ опьяныхъ
 Храмы пріяли боговъ опчизны !
 Исторглось слово изъ устъ Ганнибала :
 „Лани , добыча псовъ разъяренныхъ ,
 „Спремимся за тѣми , опъ коихъ
 „Хипро укрылся — триумфъ обиль-
 ной! —
 „Воскресла , встала въ пепелъ Троя !
 „Тщепно воютъ Тусскія волны :
 „Младенцы и старцы съдые —
 „Родъ иноземный объемлетъ берегъ !
 „Таковъ Алгида дубъ почернѣлый ,
 „Въшвей лишенный рьльной сѣкирой :
 „Опъ бѣдствій , опъ бури , булапа
 Новую вѣчно заемлетъ душу ;
 „Такъ гидра злобы разсѣченна , паки
 „Члены сбирала въ досаду Алкида ;
 „Такихъ порождали чудовищъ
 „Грозна Колхида и Фивы древле !
 „Низвергни въ бездну : встанетъ сильнѣй-
 шимъ ,
 „Брани воздвигни : въ сѣчахъ крѣпнися , —
 „И битвы родятся достойны
 „Сладкой бесѣды красавиць милыхъ !
 „Не жди ужъ боль , гордый Каррагенъ ,

„Вѣспниковъ пышныхъ ! погibli, погibli
 „Надежда, и щастье, и имя!
 „Въ брашней на вѣки скрылись мо-
 гиль!“ —

Чего не можно Рима Героямъ?
 Въ бурю надъ ними спанешъ Юпитерь;
 Объ руку спасительна Мудрость
 Шеспвуетъ съ ними въ ужасахъ брани.

Мрзлкв.

II.

КЪ ЛИДИИ.

(ПОДРАЖАНІЕ ОДЪ ГОРАЦІА.)

o — o — ' o o — o o
 — o o — o o — o o — o o

Когда ты, Лидія, Телефа
 Очи умильные, волосы черныя, —
 Когда ты млечныя Телефа
 Хвалишь ланины мнѣ, розой напитанны...
 Ахъ! . . . шупъ я не вспомнюся;
 Грудь моя желчью тяжко спирается;
 Едва свой духъ перевести могу,
 Плъдень и сумраченъ; сердце опустился,
 Холодной прелепъ спруей бѣжипъ,

Съ шемя до ногъ объявъ, вдругъ леденишь
меня. —

Сей препенъ, Лидія, признакъ попь,
Какъ я перзаюся мукою медленной:

Я млею, шаю, — спыжусь сказаць, —
Даже въ то время, какъ въ ликѣ подруць
младыхъ: —

Грудь, выя дышуть опкрышыя,
Руки обвились вокругъ спана лепящаго,
И взоръ въ сласны желанія: —
Съ пламенемъ пламень, пы въ пляскѣ кру-
жишься съ нимъ,

Съ нимъ, въ коемъ боги казнятъ меня!...
Млею любовію... жалкой свидѣтель самъ...

Тогда, какъ Вишязь Циперен,
Многоувѣренный, дерзкой щаспливецъ сей,
Успалый играми — шамъ вдали —
Къ сердцу кипящему крѣпко прижалъ
тебя,

Какъ души въ помномъ спѣсеньи
успъ

Слились горяція; слившися замерли:

Вопъ знакъ еще на успахъ пвоихъ!
Лидія! вняпенъ ли гласъ тебѣ истины?

Того льспеца не счищай своимъ,
Кто, какъ пчела ко цвѣпочку прильнувшая,
Язвиль свирѣпо успа пвои,
Кои Венера прѣкрасно лянъ разъ очищен-
нымъ

Нектаромъ въ сласть преисполнила! —
 О блаженна спокрапъ связь неразрывная!
 Враждой, досадою недвижиму
 Смерть разведешь ее мирно въ послѣдній
 день! . . . .

Мрзка.

III.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ТАССОВА ІЕРУСАЛИМА.

(П ѣ с н ь І я .)

Уже блестящій царь превыспреннихъ
 свѣтилъ
 На поприщѣ небесъ шестъ спранспивій со-
 вершилъ:
 Какъ Вѣры рапники, поопытахъ жестокихъ,
 Раздѣлились на воспокъ для дѣлъ ея высокихъ:
 Упала приснупомъ Никейскихъ крѣпость
 стѣнъ;
 Антиохійскій градъ искусствомъ покоренъ,
 И грудью Христіанъ безпрепешно хранимый,
 Противъ всѣхъ Перскихъ силъ стоялъ не-
 оборимый;
 Въ Тортозѣ наконецъ умолкнулъ гласъ
 войны,
 Герои опочивъ, ждущъ новыя весны;

Зима, свирѣпу брань связавшая цѣпями,
 Уже являлася со влажными власами.
 Тогда державный Царь безчисленныхъ ми-
 ровъ,
 Изъ храма тайныя обипели вѣковъ,
 Съ престола свѣтлаго, который сферы
 звѣзды
 Столь много превышалъ, сколь много ада
 бедны,
 Опъ солнечной спези униженны, лежатъ: —
 Всевышній обратилъ на землю кропкій
 взглядъ. —
 Когда взоръ Творческій вселенную облепетъ,
 Воспоргомъ радостнымъ вселенная преле-
 щетъ.
 Онъ видитъ, мѣритъ все: но въ сей бла-
 женный мигъ
 Господень взоръ почилъ на ратникахъ свя-
 тыхъ.
 Сокрыты храмы душъ, всѣ помыслы сер-
 дечны
 Предъ Нимъ, какъ небеса отверсты беско-
 нечны;
 Какъ солнце въ капль росъ, въ Готфредо-
 вой груди
 Всевышній зреть Свои свершенными пупи.
 Герой дышалъ и жилъ свободою Салтмы;
 Корысти, нѣга, ласкъ — однимъ порокомъ
 чпимы;

Къ душѣ, исполненной и вѣры и доброты,
 На вѣкъ запечатлѣнь соблазнамъ хитрымъ
 вхоть.

Надмѣнный Бодуинъ пылалъ единой славой;
 Танкредъ, снѣдаемый любовною оправой,
 Всѣ жизни радости и жизнь пренебрегалъ;
 Въ даръ чадамъ Боемонъ престоль свой
 утверждалъ:

Распутъ его рукой Антиохійски спѣны;
 Законы и суды рождаются священны;
 Науки подданныхъ плодами богатыя,
 И благочестіе, какъ облако на градъ

Склонясь, его дождишь добротами святыми:
 Исполненъ мыслями и видами благими,

Герой не зналъ другихъ дѣяній и честей.

Душа Ренальдова, какъ бурный вихрь огней,
 Лишь бурями кипишь; покой — ея мученье;

Ни Царственная власть, ни злота оболь-
 щенье,

Едина только честь ему предидеть въ бой;
 Одно излишество Ренальдовой виной!

Онъ весь казался въ слухъ и въ пламень
 превращенный,

Когда великій Гвельфъ минувшимъ вдохно-
 венный,

Дѣянья правды изъ мрака извлекалъ:

Подайше мнѣ копье! — воспорженный
 зывалъ.

Емирной тканію облекся невидимый;
 Духъ, принявъ образъ онъ для чувствій по-
 спижимой!

Все кажется смертнаго — спань, члены, видъ
 очесъ:

Но въ смертномъ — слава, блескъ, величіе
 небесъ.

Пріятства юности и опрочества смежны
 Сославили черты ланитъ его любезны;

Власы кудрявыя свивающся въ лучахъ,
 И крылія, какъ снѣгъ, лежатъ на раменахъ,

Злапыя по краямъ, и легкія, и скоры,
 Неупомимыя, какъ мыслей пылкихъ взоры!

Опершися на нихъ, надъ моремъ и землею,
 Препь въшпы, и дробить шучь горы бы-
 стропой:

Таковъ Посоль небесъ! Лучи спезею съя,

Онъ тайные прошекъ предѣлы Эмпирея,

И міра солнцева, погрязъ во глубину;

Се крылами покрылъ Ливана вышину.

Уже онъ озарилъ Торшозы брашною спѣны,—

Склонился, и воспаль на холмъ уединенный.

Тогда воспокъ опверзъ горящія врата,

Свѣшило пынное, — вселенной красота, —

Румяное чело изъ моря возвышаетъ;

Единая часть главы блистательной сіяетъ

Превыше блѣдныхъ волнь, другая подъ
 волной.

Готфредъ, въ сей мирный часъ, смиренною
 душой

Всевышнему творилъ обычное моленье.
 И се! какъ новыя планеты появленье,
 Свѣтлѣйшій солнца Духъ предспаль его
 очамъ,
 И рекъ ему: „Готфредъ! се время ужь вра-
 гамъ

Познашь, колико власнь Креспта неборима.
 Почто не сокрушишь ты плѣнь Ерусалима?
 Почто не двигнешься къ пожапію побѣдъ?
 Сбери своихъ вождей поспѣшию на совѣсь.
 Греми и обличай чадъ праздности и нѣги,
 И мыслямъ шапкимъ дай величественны
 бѣги!

Тебя избралъ Господь Героевъ сихъ главой;
 Ихъ выи склоняпся смиренно предъ побой!
 Такъ хочешь Царь Царей; благовѣспи-
 тель славы

Припекъ сюда сказать тебѣ Его успавы...
 Гряди! — съ кѣмъ ходишь Богъ, тому ли
 ждаться препонъ?

Твой каждый шагъ — пріумфъ! твой каж-
 дый гласъ — законъ!

Се движущся спрои, твоей покорны волѣ!...
 Изрекъ — и въ небесахъ!.. ни словъ, ни
 свѣта болѣ!..

Готфредъ, сіяніемъ осыпанный святымъ,
 Пошупивъ взоръ, споялъ безмолвень, не
 движимъ.

Но вскорѣ, пробудясь опть сладкаго забвеня,
 Онъ въ сердцѣ обновлялъ Архангела вельнѣя.
 Онъ зрѣлъ еще его, зрѣлъ жителя небесъ,—
 И ревность измилась въ попокахъ чистыхъ
 слезъ.

Душа его въ огнѣ: онъ дышетъ силой новой,
 И мысленно паритъ спезей побѣдъ лавровой.
 Не гордоспъ, не шщета вдыхаетъ къ бра-
 нямъ жаръ ;

Героя чувствія, доброты вышней даръ.
 Его любовь въ любви Творца неизрѣчен-
 ной ,

Какъ искра посреди пучины воспаленной.

Уже посланники во всѣ края лепяшъ ;
 Позывны граматы во всѣхъ спранахъ гре-
 мятъ ,

Чтобъ сонны рапниковъ опвсюду соби-
 рались ;

Слова вождя мольбой содруга умягчались.

Всѣ средства дѣйствовать на сердце , на
 умы ,

И доблестъ возбуждашь изъ праха сна и
 шпы ,

Всѣ силы , обладашь мѣстами , часомъ ,
 рокомъ , —

Все крылось во умѣ Власпишеля глубокомъ.

Какъ Богъ, всеправящій согласіемъ міровъ ,

Онъ правилъ и хранилъ подвласпныхъ
 спрой духовъ.

Спеклись вожди; — блеспишь собраніе
Героевъ.

Единый Боемонъ опрелея вѣчно боевъ.
Часть войска возлегла Торпозы во спѣнахъ,
Какъ спадо песпрыхъ пшиць, Другая на
поляхъ

Вкругъ шумныхъ града спѣнь колеблелся
волнами.

Наспаль совѣща день. Всѣ храбрые рядами
Возсѣли по мѣстамъ, соспавя свѣтлый хоръ.

Готфредъ напереди: спокойный, важный
взоръ,

Любви и мужества исполненный, сіяеть,
И всѣхъ уже сердца, безмолвный, поражаетъ.

Герой, возвысивъ гласъ, шакъ спутникамъ
вѣщаль:

„Поборники Креста, которыхъ Богъ
избралъ,

Прославилъ, утвердилъ законъ Его свя-
щенной:

Вы, коихъ Онъ хранилъ средь битвы разъ-
яренной,

Среди коварствъ земли, среди морей и бѣдъ;
Вы, кои рапуя шолико грозныхъ лѣтъ,

Толико буйныхъ Царствъ Царю ихъ поко-
рили,

Толико буйныхъ чадъ Опцу ихъ возвратили,
И, побѣдители враждебныхъ земли,

Хоругвь Его въ очахъ вселенной вознесли! —

Герои!... мысляю я, коль мысли справедливы:
 Не съ тѣмъ забыли мы Европы край ща-
 спливый,
 Отчизну милую, драгихъ супругъ, дѣтей,
 Не съ тѣмъ ввѣряли жизнь невѣрности морей,
 И искушались въ превращеностяхъ воен-
 ныхъ, —
 Чтось славу прибрѣсть, чтось на лаврахъ
 славленныхъ
 Сей дикой обладать и варварской спра-
 ной! —
 За по ли льемъ мы кровь, чтось гибнуть
 намъ душой,
 Чтось оплученнымъ быть опъ горня Лю-
 бови,
 Достойной нашея, попомковъ нашихъ
 крови? —
 Блистательный Сионъ! въ спѣнахъ, въ пво-
 ихъ спѣнахъ
 Награда и вѣнецъ упавшаго въ бояхъ!
 Голгофу осѣнишь хоругвью Христіанства,
 Испоргнушь Божьихъ чадъ изъ области пи-
 ранства,
 Христову имени сіянье возвратишь,
 Въ землѣ Израиля престоль возстановишь,
 И благочестію подашь надежны кровы, —
 Ко гробу Господа, разрушивъ злые ковы,
 Открышь свободный путь для набожныхъ
 сердець: —
 Вошь нашихъ душъ обѣтъ, вошь нашихъ
 дѣлъ вѣнецъ! —

Уже-ли , побѣдивъ геенны искушенья,
 Уже-ль , прейдя спези рабобы и шерпѣнья,
 Мы все содѣлали для горняго Опца? —
 Начало доброе безъ добраго конца! —

Безцѣнный Гробъ Христа!... ахъ! царства
 всѣхъ земныхъ

Не могутъ замѣнить сей добычи святыя!
 Чшо пользы, естли мы, какъ воды мчась горой,
 Европу въ Азію угонимъ предъ собой,
 И съ пламенемъ прешедъ спраны полико

дальны ,

Не пронъ оставимъ здѣсь , развалины пе-
 чальны? —

Не зиждешь Царства пошь , кшо въ буй-
 ной слѣпошь

Основу положилъ чesпей на суетѣ! —

Ошь персей маперныхъ оппадшій сынъ,
 шапаясь ,

Всегда среди враговъ , съ невѣрными сра-
 жался ,

Ловишва Греціи зависпливой и злой ,

Не ограждаемый опчешсшва рукой :

Онъ узришь замысловъ огромныхъ разру-
 шенне ,

И щцетно удалишь спремяся ихъ паденье ,

Подъ бурями сшени , и горестью сраженъ ,

Въ развалинахъ умреть , забытъ и посра-
 мленъ! —

Туркъ , Персъ поражены , Антіохія пала :

Вопь славныя дѣла ! . . . но гдѣ сихъ дѣлъ
начала ? —

И наши ли онѣ ? .. не Богъ ли ихъ Творецъ ?
Коль въ ослѣпленіи неисповыхъ сердець ,
Дары его пворимъ орудіемъ мяжежнымъ ;
Когда прошивныи Отца велѣньяи нѣжныи ,
Надѣясь на себя , мы съ Нимъ дерзаемъ въ
брань :

Должна-ль насъ покрывашь Его всесильна
длань ?

И слава нашихъ дѣлъ , и пышны обрѣшенья
Не обращаюся ли въ пустыя сновидѣнья ?...
Нѣтъ ! Боже , пресѣки Ты нашихъ дней
число !

Мы милостей Твоихъ не обратимъ во зло ! —
Обѣщамъ вѣрныи , надежною пропою

Мы мепы достигнемъ назначенной судьбой .
Друзья ! сопутники ! чего спрашится намъ ?
Препоны гордыя упали ко спопамъ ;
Отверспь свободный путь , и небо просіяло :
Уже-ль сихъ признаковъ щедроты вышней
мало ?

Помчимся , полетимъ къ священнымъ симъ
спѣнамъ ,

За коими конецъ спраданыи и бѣдамъ , —
За коими покой и слава незабвенна !

Тамъ , храбрыи вожди ! клянусь ! — внемли
вселенна ! —

Внемлите лѣи глаголь, грядущи времена! —
Внемли, горящая эфирная спирала!

Клянусь!... ударилъ часъ — и жаниа намъ
гонова! —

Одинъ медленья мигъ — для насъ погибель
нова!

Одинъ медленья мигъ — побѣда улещипъ ;
И съ градомъ Божиимъ навѣкъ насъ разлучипъ.
Уже я зрю вдали: Египеть чрезъ пуспыни
Валипъ, какъ Оксань, въ защиту Пале-
спини. —

Изрекъ, — и шопоть вокругъ разлился по
рядамъ;

Но Цепрь средь сонма спалъ... не знаш-
ный почеспямъ,

Проспый пуспынникъ Цепрь сидѣлъ между
Царями;

Всѣхъ замысловъ душа, онъ правилъ ихъ
душами.

„Что объявилъ Готфредъ, на шо даю
совѣтъ;

Для испины свяшой въ доводахъ нужды
нѣтъ.

Въ сердцахъ, въ сердцахъ у васъ довольно
убѣжденъе;

Примите опъ меня едино предложенъе.

Когда предъ взорами я мысленныхъ очей
Предспавляю пламенны порывы мяшежей, —
Злоснь, зависть, ненависть и почеспей
алканье,

Книж. VIII.

Б

Дѣлившее досель Христовыхъ чады со-
бранье, —

Успѣхи медленны, уроны силь и смерть;
Когда дерзну свой взоръ въ грядущее про-
сперить . . .

О войны! . . . всѣхъ слезъ, всей нашей на-
пастии

Причины нахожу я въ раздѣленной власпи! —

Не утвержденная законовъ на скаль,

Она, какъ ладія, въ бореніи, во мгль! . . .

Единъ попребенъ вождь, единый духъ ис-
пышный;

И казней, и награды свершитель неумыш-
ный.

Правленье безъ него — на крупизнѣ слѣпецъ,

Блуждаетъ, падаетъ и гибнетъ наконецъ!

О братіе! молю, какъ рабъ Христовъ, сми-
ренно:

Составьте всѣ одно вы плѣло совершенно!

Честь, дружество, любовь, — все васъ къ
тому влечетъ.

Единый предъ собой имѣющимъ предметъ

Единъ да будете вождь . . . онъ въ спосо-
бахъ обильной;

Правленія броды въ десницѣ держишь силь-
ной,

Украшенъ скипетромъ и власпью облеченъ;

Да правишь онъ, какъ Царь — и судъ его
священъ!" —

Такъ старецъ возгласилъ . . . : Благое
 Разумнѣе,
 О чистый, горній Духъ, жизнь душъ и про-
 свѣщенье!
 Божественный! во всѣхъ ты царствуешь
 сердцахъ!
 Ты старца умудрилъ; твой гласъ въ его
 устахъ;
 Ты истинъ отверзъ Героевъ сердце мѣдно,
 Стремленье погасилъ къ любоначалству
 вредно,
 Свободу ложную и буйныя мечты : . . .
 Уже Вильгельмъ и Гвельфъ величья съ вы-
 сопы;
 Достойные владѣти народами всѣхъ боля;
 Нисходятъ; чтобы спастъ служенья въ
 скромной долъ,
 И первые вѣнецъ Готфреду поднесли.
 Опъ кликовъ радостныхъ дрожитъ лице
 земли,
 И спонешъ горній сводъ: да будетъ онъ ду-
 шею
 Всѣхъ нашихъ подвиговъ и спрогимъ судією!
 Въ его рукъ и брань и сладостный покой!
 Въ его рукъ судьба врученныхъ намъ войной!
 Предъ нимъ да склонятся вожди, досель рав-
 ны,
 Служители его вельній достославны! —
 Такъ воинство рекло; и быспрая молва

Повсюду разнесла ихъ въ боръ и слова: —

Готфредъ являешся во славу ратнымъ
спорямъ.

Герой — онъ бывъ рожденъ Владыкою Ге-
роямъ.

Шагъ первой оправдалъ призваніе небесъ:
Спокойное чело и скромной взоръ очееъ,
И важность, доблести простое обличье, —
Влекли къ нему любовь, послушность; уди-
вленье.

При плескахъ радостныхъ лести слезы, какъ
ощецъ,

Пріемлещъ клябвы онъ онъ искреннихъ сер-
децъ,

И воинству величъ, да упрямъ вооруженно
Предспанещъ передъ нимъ на доль опредѣ-
ленной! —

Уже воспокъ горитъ огнь солнечныхъ
коней,

И въ мрѣ радужномъ живительныхъ лучей
Знамена ратныя, какъ въ пламени, сіяютъ;
Ужасные полки Героевъ выступаютъ.

Ихъ панцыри, мечи и копія блестятъ;
Равнины всѣ едва безпрепешныхъ вмѣспяютъ.
Готфредъ являешся, и грозные рядами
Текутъ передъ его всезрящими очами.

.....
.....

Аврора между шѣмъ румяною рукой

Изъ перема ведутъ день юный за собой.
Спогласныхъ трубъ усца внезапно ошво-
рилась,

Тимпаны грянули и роци пробудились.
Волнующся спрои военные кругомъ ;
Повсюду шумъ и гуль . . . Внезапно вспав-
шій громъ,

Когда чуть слышится за дальними горами,
Предшествивеникъ дождя, желаннаго полями,
Дающій нову жизнь долинамъ и древамъ,
Не сполько радостенъ орашаевъ сердцамъ, —
Сколь звуки бранные любезны для Героевъ,
Лепящихъ пожинашь плоды безсмертныхъ
боевъ.

Текутъ , спѣсняющся . . . волну влечеть
волна . . .

Всякъ хочеть упредишь . . . во всѣхъ душа
одна.

Еще мгновение — и спройностью плѣняющъ:
Знамена въ воздухъ, какъ крыла, разеѣваютъ;
Межь ними посредѣ всѣхъ вождь и красона,
Блистаешъвыспрь хоругвь побѣднаго Креста.
Какъ солнце съ высопы горящей колесницы
къ зеницу вознесясь, низводишь къ намъ
зеницы,

И въ пламени его ресь понеть дольний миръ:
Такъ воднспво въ луни при звукахъ трубъ
и лиръ,

Доспѣховъ блещущихъ зарями облеченно,

Наука ложная во имѣ ему явила
 Лавровые лѣса на брегѣ влажномъ Нила. —
 Надеждой сей плѣнень, онъ сердцемъ воз-
 желалъ

Причастнымъ быти его корыстей и похвалъ.
 Но вѣдая, что брань, возженна гнѣвомъ
 рока,

Должна быти для племенъ Измаильскихъ же-
 спока, —

Онъ въ тайнѣ вымышлялъ ужасны средства
 за чаръ,

Чтобъ храбрыхъ Христіанъ ослабивъ силы,
 жаръ,

Коварствомъ связанныхъ и вполнѣ побѣж-
 денныхъ,

Предать перзанию клеветниковъ разъярен-
 ныхъ.

Такъ мыслилъ чародѣй... и злобный ада духъ,
 Невидимо склонясь, шепталъ ему во слухъ;
 Тревожилъ, ободрялъ, вокругъ змѣемъ обви-
 вался;

Боязнию, гордостью во грудь его вшоргался;
 Путь, способы, конецъ свирѣпому открылъ.

Сей старецъ внукою младою славень
 былъ.

Цвѣтущимъ прелестямъ Царевны несрав-
 ненной

Далъ пальму первенства воспокъ обворо-
 женной.

Всѣ нѣжны хипросми , любезность , кро-
шость женъ ,
Соблазны тайные, сердца влекущи въ плѣнъ,
Небесный даръ — красу возвыситъ постѣ-
шили ,

И духи манію волшебницы служили.
Ее къ себѣ зовешь коварный Идраотъ ;
Въ ней зрѣлъ онъ замысловъ начало и оплотъ.
„О ты , которая подъ златомъ власъ пре-
лестныхъ ,
Въ сей юной красотѣ очей швомъ не-
бесныхъ

Скрываешь мужество и разумъ зрѣлыхъ дней,
Которой наконецъ въ наукѣ я своей —
Учишешь — уступитъ во славу почишаю! —
Возлюбленна ! — внуши. . . велику мысль
пишаю.

Когда рѣшиша ты , ни въ чемъ сомнѣнья
нѣтъ! ●

Ты, хладной старости душа, опрада, свѣтъ,
Ты смѣлою рукой составь мнѣ шкани поэзы,
Которымъ дряхла длань дала однѣ основы.
Спунай въ шатры враговъ, и шамо оживи
Искусство славныхъ женъ , всѣ таинства
любви.

Пусть взоры слезные прольютъ мольбу
предъ трономъ ,
Пускай прервется рѣчь рыданіемъ и спономъ:
Спешаща красота , опчаянна , блѣдна ,

Смягчи жестокость душъ и царскую въ
нихъ одна ;
Опважность облеку въ смиренную спыдли-
востьъ ,
Коварство въ простоту , обманы въ спра-
ведливостъ , —
И прелестію словъ и зора своего ,
Коль можно , улови Готфреда самаго , —
Да сей свирѣпый левъ , любовью упоенный ,
Забудеть славы блескъ и подвиги военны !
Когдажъ не можно по . . другихъ вождей ,
Другихъ
Храбрѣйшихъ очаруй , плѣни , въ цѣпяхъ
злапыхъ
Влеку въ безвѣстный край , опколѣ нѣтъ
исхода , —
Гдѣ заперли бы ихъ искусство и природа !“ —
Вѣцаль . . . попомъ ей давь совѣты шайны ,
рекъ :
„Опчизнѣ , вѣрѣ въ даръ все долженъ чело-
вѣкъ !“ —

Предесная гордясь цвѣшущими красами ,
И пола милаго и младости дарами ,
Пріемлетъ сей совѣтъ ; — полунощной порой
Она плечень въ свой путь безвѣстною
пропой ,
Безъ лапъ и безъ меча , въ одеждѣ дѣвы
нѣжной , —
Неповѣдимыи плѣнъ готовитъ неизбѣжной .

Чтобъ подлинну вину опшествія закрышь,
Обманъ умѣлъ молвы другія разгласишь.

Уже окончивъ пущь, она явилась въ
спанѣ,
Гдѣ укрѣплялися на приступѣ Христіане.
При появленіи незапноу красоты,
Разлился легкій шумъ . . . къ ней взоры. . .
къ ней мечпы. . .

Къ ней храбрыя спѣшащъ . . . такъ новая
планета
Манишь къ себѣ всѣхъ взоръ особымъ бле-
скомъ свѣта,

Бѣгушь, шѣснящся вокругъ . . . вопросы безъ
числа . . .

„Кто странница? — опколъ? — почто сюда
пришла?“ —

Кипръ, Делось и Аргось, — опчизна
дѣвъ небесныхъ,

Не зрѣли прелесней споль милыхъ, споль
чудесныхъ.

Какъ юная лоза, прямой и гибкій спанъ;
Покрова бѣлаго сквозь зиблемый шуманъ
То злапо власъ сквозишь, то вдругъ опкры-
то блестящъ;

Такъ солнце, облакомъ одѣянное, мечепъ
На значныя поля золопоцвѣпну тѣнь:
Но облако прошло . . . свѣтъ новый, новый
день! —

Власы, природою завипные кудрями, —

Блюблennyй въперокъ свиваетъ вновь вол-
нами ;

Боварный взглядъ ея, въ шѣни рѣсницъ
гуспой ,

Какъ бы спыдасъ, пашнь — ни щедрой, ни
скупой —

Сокровища любви съ заразами слянны.

Въ ланипахъ лилии и розы сочепанны,

А на устахъ, гдѣ спрасъ... гдѣ дышетъ,
жжетъ она ,

Алѣетъ роза шамъ раскинувшисъ одна.

Бдисаетъ бѣла грудь красую ранна снѣга,

Здѣсь, здѣсь алтарь любви : желанье, пом-
носъ, нѣга !

Открыта взорамъ часть двухъ дышущихъ
холмовъ :

Другую часть сокрылъ зависливый покровъ.

Но щещно. . . жадный взоръ куда не до-
сягаетъ ,

Туда любовна мысль свободно проникаетъ ;

Не зримымъ болѣе, чѣмъ зримымъ пльнена,

Къ шайнѣйшимъ прелеснямъ огнемъ печетъ
она.

Какъ лучъ, ударся въ прозрачный край
фіала ,

Проходитъ, не дѣла ни влаги, ни кристалла:

Такъ сладоспращна мысль сквозь облакъ
ризь драгихъ

Къ нѣжнѣйшимъ красотамъ въ мечтахъ па-
ришь своихъ ;

Играетъ, рѣзвился въ раю запѣй по волю, —
И тайны обзоръ, роскошна, въ сладкой
долю,

Живописуетъ ихъ алкающей любви, —
И гибельный пожаръ свирѣпствуетъ въ
крови!

Красавица течетъ среди блестящихъ
спроевъ;

За ней, предъ ней хвала и шумный сонмъ
Героевъ.

Не смопринишь... видишь все... и сердце;
раба суешь,

Въ ней бьется радостнымъ предчувствіемъ
побѣды!

Остановилася... къ ближайшимъ рѣчь скло-
нляетъ, —

Представитъ сирюю Владыкѣ, умоляетъ.

Евстахій къ ней спѣшитъ, пѣня усерд-
ный кругъ.

Вождя юнѣйшій братъ, Евстахій — пыл-
кій духъ,

Сильнѣмъ красоты божественной сраженный,
Какъ блескомъ мотылекъ коварнымъ увле-
ченный,

Течетъ, чтобы служишь, дивисься симъ
очамъ;

Которыя злой спыдъ склонилъ къ его спо-
памъ:

Пришекъ — возрѣль — погнѣль — пыласть
спрасью сильной;

Какъ огонь, пылаемый вновь пищею обильной;
Исполненный слѣпой отваги юныхъ лѣтъ,
Во испуленіи любви своей речеть:

„Царевна! — ешьли звахъ симъ именемъ
я смѣю

Ты, въ коей смертнаго постигнуть не
умѣю!

Нѣтъ! боги никогда на слабу дочь земли
Тодико дивныхъ благъ излить не возмогли! . . .
Вѣщай: опколь печешь? — за чѣмъ? — какой
виною?

Иль нашимъ щастіемъ, иль собственной
судьбою

Ты къ намъ приведена? — повѣдай, чибовъ
узнать; —

Какъ? — почестями себя, иль жертвами
срѣпань!“ —

„Оспавъ швомъ хвалы — рекла — онѣ
мнѣ чужды:

Чѣмъ льстивши себя могу; — раба печалей,
нужды?

Такъ, Вишазь! — смертную ты видишь предъ
собой:

Но я несчастная . . . живущая поскою,
Бездомна, странница, забыта родомъ дѣва,
Пришла сюда искать призрѣнія Царева.
Къ Готфреду я теку . . . надежда на него! —

Всѣ славяшъ крошкѣй духъ Владыки пвоего.
Ахъ! еспьли чувспвуешъ къ нещаснымъ
сожалѣнье,

Молю . . , мнѣ испроси Героя лицезрѣнье!“ —
„И должно, чпобы брашъ Готфредовъ —
онъ гласиль —

Тебя къ нему привель и за тебѣя молилъ.
О дѣва милая! — приходъ пвой не напрасень:
Мой брашъ мнѣ вѣрный другъ — со мною онъ
согласень ;

Надѣйся, все свершишь . . . . повелѣвай
скорѣй

И власпю его, и дланю моею!“ —

Изрекъ — ведеть ея въ шаперъ уеди-
ненный,

Гдѣ шумныя полпы народной удаленный,
Благочеспивый Князь среди вожей сидѣль. —
Склонилася челомъ; спыдъ дѣвспвемный
одѣль

Ланипы нѣжныя; болзнь успа смыкаеть; —
Владыка робкую воззрѣнемъ ободряеть,
Словами кропкими припворный гонить
спрахъ.

Подѣяла слезный взоръ — и въ сладоспныхъ
словахъ

Коварспво полилось, владѣ юще сердцами. . . .

Мрзлкъб.

ПѢСНЬ ВОИНАМЪ.

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА.

Поднялись, месьяю воскипѣвъ,
 Съ родимыхъ гнѣздъ орлы младые,
 И буйству — гибель грозныхъ гнѣздъ!
 Съ полночи вѣспрь въ края чужіе
 Несеть ихъ клики въ страхъ вра-
 тамъ. . .

Содрогся гордый родъ спиропшивой!
 Не въ первой Росскимъ знаменамъ
 Взвѣвать надъ Сеною кичливой,
 И отражаться водъ въ спеклѣ!
 Судьба судила ей смиришься! —
 Униженной гордишься!

И Галамъ въ спыдъ, луна во мглѣ
 Взойдешь предъ ней изъ тучъ — станъ Рус-
 ской освѣтятся!

Лепите въ бой! знакомъ вамъ путь
 побѣдъ!

Васъ новой славою покроетъ подвигъ новый;
 Васъ АЛЕКСАНДРЪ къ безсмертію зо-
 веть —

И съ нимъ Арей, манящій въ брань,
 несетъ,
 Герои, свѣжіе вѣнцы для васъ лавровы!

Въ пупь съ вами вѣра въ Бога сила,
 Любовь къ опечесиву святая!
 Союзникъ храбрымъ вѣчно былъ —
 Надежда средь боевъ благая!
 Кпожь вамъ дерзнешь пропиви-
 спать?

За васъ, и здѣсь родныхъ молишвы,
 И памь — васъ будущь ограждашь
 Средь ужасовъ кровавой битвы
 Благословенія, друзья! . . . . .

Но, ахъ, опянь осиротѣла
 Россіи дружная семья! —

Ея краса и цвѣшь, и сила оплетѣла!

Несипешь въ бой! да вамъ восплещеть
 свѣшь!

Да невредимыхъ васъ — вселенной диво —
 Нашъ мудрый Царь въ опчизну при-
 ведеть!

И цѣлый міръ избавя вновь опъ бѣдъ,
 Нашъ Ангель, нашъ Отець предстанеть
 къ намъ съ оливой!

Но други! сколько здѣсь по васъ
 Печальныхъ слезъ и воспоминаій!
 Умолкъ и пиршествь шумный гласъ,
 Померкъ и яркій блескъ собраній;
 Книж. VIII. В

Здѣсь всѣ : и матери и отцы ,
 Невѣсты , жены , старцы , чада —
 Любовь и радость ихъ сердцецъ —
 Покорны жребію , изъ града
 Спѣсняясь , скорбною васъ толпой ,
 Далече отпускали ,
 И съ вами счастье и покой
 Надолго , можешь быть , слезящи , про-
 вожали .

Когдажъ придетъ свиданья лесный
 мигъ ?
 И скоро-ль отдохнутъ сердца по васъ унылы?
 Когда узримъ Царя Благаго свѣсплый
 ликъ ?
 Когда родныхъ послышимъ громкій
 кликъ —
 И на берегахъ Невы явятся ратны силы ?

Все нынѣ пусто и молчишь
 Въ спѣнахъ высокихъ Петрограда ;
 И скорбно свой кристалль клубишь
 Нева — задумчивыхъ отрада !
 Лишь рушитъ сѣпованій гласъ
 Оставленныхъ стenanье :
 Въ безмолвный полуночный часъ ,
 При блѣдномъ мѣсяца сіяньѣ ,
 Красы покинуты , въ слезахъ
 Уединясь спрѣдаютъ , —

И учась милыхъ въ небесахъ
Съ сердечной робостью и вѣрою чипающъ.

✽

Несипесь въ слѣдъ Вы славному Царю,
И обрученной съ нимъ Побѣдѣ въ ярой
брани;

Ахъ! я на васъ зависпнымъ окомъ зрю!
Вопще дѣлать я подвигъ вашъ горю,
Удѣлъ мой пѣшь! мнѣ рокъ не даль меча
во длани!

Николай Сушковъ.

VI.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Б А С Н Ъ .

Дубъ гордой, молодой въ долину возвы-
шался,
Давая пушникамъ убѣжище, покой, —
И самый лѣта жаркѣй зной
Подъ тѣнью его широкою смирялся. —
„Какія пуспяки, жить вѣчно для другихъ! —
Однажды Трость ему сказала —
Я много глупесшей подобныхъ симъ видаю;

В 2

Но сколько прибыли опъ нихъ?
 Ты дѣлаешь добро — кому? и самъ не знаешь!
 Лишь полько красопу вѣпвей своихъ теря-
 ешь

Опъ грозныхъ бурь и непогодъ!
 Вотъ весь шебъ за всѣ благодѣянья плодъ!
 А я — когда и чижъ съ подружкой рѣзвися,
 Вспорхнешь на вѣлочку мою:

Я голову склоню свою,
 Какъ будто не смогу; а подлинно: бояся,
 Чтобы госпей шакихъ къ себѣ не приучить! —
 Чшо пользы опъ пого? встрѣчаешь лишь
 коварство,

Неблагодарность и лукавство . . .
 Намъ полько для себя на свѣтѣ должно
 жить. “

Какія правила! какое заблуждеме! —
 Дубъ Троспи возразилъ: — одно ожеспочене
 Могло сіе сказать!

Неблагодарный пусть всѣ чувства забы-
 ваешь;

Но мудрый, — мудрый знаешь
 Безъ исключенія равно всѣмъ помогаешь!
 Я слѣдую пому. — Когдажъ меня не спанешь,
 Прохожій, на пупи заспигнумый грозой,
 Вдыхая обо мнѣ, вспоманешь
 И кровь госпеприимной мой.

Волковъ.

VII.

Къ моей Л. — В — ив.

Простите, обольщенья
Честей земныхъ, суешь!
Злапыя заблужденья
Незрълыхъ пылкихъ лѣтъ!

*

Навѣкъ, навѣкъ простите!
Узналъ обманъ, и — радъ! —
Ахъ! чѣмъ вы замѣните
Одинъ *Любови* взглядъ? —

*

Довольно я смилался;
Я видѣлъ хитрыхъ, злыхъ,
Кумирамъ поклонялся,
Игралище слѣпыхъ.

*

Любовь — клянусь — оппныиъ
Ты все мнѣ! — весь я швой!
Благодарю судьбинѣ...
Хранишель Ангель мой! —

*

Пускай честями, славой
Плѣняется гордецъ;
Пускай ему съ оправой
Приноситъ жертвы льстещъ.

*

Одно твое мнѣ слово
Дороже хвалъ Царей;
Оно стремленье ново
Даетъ душѣ моей.

Не роскошь и не пышность
Со щастіемъ живешь;
Блестящая излишность
Невольной спутникъ бѣдъ.

Съ природой, съ простою,
Съ любовью будемъ жить; —
Надъ жизнью городской
Тихохонько шепить,

Чертогъ богатства блещетъ;
Но въ свѣтлой клѣткѣ сей
Богатый самъ претщется
Объ участи своей. —

Ты все мнѣ: честь, награда,
Богатство — ты одна;
Въ несчастіяхъ отрада,
А щастія — вина!

Знакомство наше глѣсно
Дастъ болѣ чѣмъ свѣтъ:

Радушіе прелестно,
И помощь, и совѣшь!

Такъ! сладко жить мы спанемъ,
Послѣдній встрѣпимъ часъ!
Съ любовію увянемъ,
Любовь пробудитъ насъ,

М — съ.

~~~~~

VIII.

Къ МОНУМЕНТУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ ПЕ-
ТЕРБУРГѢ.

На пламенномъ конѣ, какъ нѣкій Богъ,
летитъ:
Объемлють взоры все, и длань повелѣваетъ;
Вражды, коварства змѣй распонанъ уми-
раетъ;
Бездушная скала прісметъ жизнь и видъ; —
И Россъ бы совершенъ былъ новыхъ дней
въ началъ;
Но Смерть рекла ПЕТРУ: спой! Ты не
Богъ: — не дадь.

М — съ.

~~~~~

О В Ъ Н Е Й.

Чего желалъ, что пѣлъ, что въ свѣтѣ
 могъ любить —
 Все въ ней, все только въ ней! —
 Чѣмъ можешь Богъ однихъ щасливцевъ на,
 градишь,
 Все въ ней, все только въ ней! —
 Какъ легкой, тѣмной сонъ, бѣды мои прошли,
 Все чрезъ нее и съ ней! . . .
 Я щастія искалъ напрасно на земли:
 Ахъ! щастье только съ ней! —
 Кому всю жизнь свою охотно я отдамъ?
 Все ей, лишь только ей!
 Когда добрѣе былъ къ несчастнымъ, къ си-
 рошамъ?
 При ней, всегда при ней!
 Когда я выше всѣхъ, и смертныхъ и боговъ?
 Когда сижу при ней! —
 Я цѣлой мѣрь забылъ: богатство, блескъ
 чиновъ:
 Что нужды въ нихъ при ней?
 Что къ щастью я рождень, что сердце я
 имѣлъ,
 Я по узналъ отъ ней!
 Въ безвѣстности, въ глуши я новый мѣрь
 обрѣлъ

Съ одною только, — съ ней!
 О Боже праведный! послѣдній часъ пошли
 Сперва ко мнѣ, не къ ней! —
 Въ комъ Ты достойнѣе сіяешь на земли?
 Въ душѣ Елвиры — въ ней.
 Чѣмъ лучше возмогу Тебѣ я угождать,
 Какъ не любовью къ ней!
 И памъ на небесахъ, въ обители опрадь,
 Моя опрада въ ней. —

М — въ.

X.

*Дѣвицѣ Ивановой, въ балетѣ: Островъ
невинности.*

Не самилъ Граціи тебя образовали,
 И — сѣдинивъ въ тебѣ весь сонмъ кра-
 сопь своихъ —
 Нашли, что ты замила ихъ,
 И для того съ небесъ къ намъ долу низ-
 послали:
 Чтوبъ мы узрѣвъ тебя, сходящу съ облаковъ,
 Прелестну, какъ Псише, любезну какъ Любовь,
 Въ тебѣ имъ равную богиню признавали,
 И — вмѣсто звѣзднаго вѣнца —
 Тебѣ на жерпву посвящали
 Воспоргъ, плесканье рукъ и . . . . спраспниѣ
 сердца?
 1814. Септября 9.

В . . . въ — . . . въ.

ВЕЛИЧІЕ ПРИРОДЫ.

(Изъ *Nouveau dictionnaire d'Histoire naturelle.*)

Исторія природы, или всеобщая Физика, разсмашириваемая во всѣхъ своихъ опрасляхъ, соспавляется изъ предметовъ обширныхъ и безчисленныхъ; человекъ познаетъ изъ нихъ одиъ покмо подробности. Все, что мы можемъ постигнуть въ семь мірѣ, есть единая поверхность существъ, копорыя къ намъ опносятся. И самыя величайшія усилія разума человеческого суть нечто иное, какъ измѣреніе собственнoй его слабости въ опношеніи ко вселенной. Когда разсмашириваемъ мы сей шаперъ небесный, украшенный звѣздами; сіи доли воздушныя, по коимъ преплавають бури; сіи поля злачныя, усѣянныя живописными; сіи оживленныя равнины морей, и сіи горы, коихъ возвышающіяся главы увѣнчаны лѣсами: то и тогда имѣемъ еще слабое поняшіе о природѣ. — Нѣдра

земли, глубины морей, пространства небесъ скрываютъ отъ насъ самыя драгоценнѣйшія ихъ сокровища. Таинственные пружины, одушевляющія все существа, превышаютъ всякое разумѣніе человѣка; силы невидимыя управляютъ движеніемъ вселенной, и владычествуютъ надъ вѣчно постоянными ея *переворотами*; и среди сихъ вѣчныхъ премѣнъ, сама природа пребываетъ неизмѣнною.

Но природа сія есть рабыня, исполнительница предвѣчной воли Всемогущаго: это часль Божества, которая обнаруживаетъ себя въ сохраненіи бытія всѣхъ твореній. При созерцаніи дѣлъ ея, человѣкъ воспорженный возвышается до самаго Творца вселенныя. Въ благоговѣнномъ безмолвіи удивляется онъ симъ непреложнымъ законамъ, сохраняющимъ въ мірахъ согласіе, равновѣсіе и опредѣленную продолжительность. Неушомимая въ своихъ швореніяхъ природа существуетъ собственнымъ непосредствомъ; современная всемъ вѣкамъ, мать всѣхъ существъ, она продираетъ въ недра міровъ сокро-

вища жизни и изобилія; ея могущественная рука пожинаеть, какъ быліе, всѣ пшвенія, погружаеть ихъ во мракъ смерти, и снова извлекаеть опшолѣ, дабы опяшь возсіяли онѣ на позорищѣ міра. Единъ Всевышній съ высоты непоспнжимой Своей славы проспираетъ надъ нею благоуправляющую десницу, и изъ среди вѣчности зрпшь исполненіе Своихъ непременаемыхъ велѣній.

Такова сія живошворящая сила, которая пронцаеть матерію (въ пространномъ смыслѣ сего слова), которая ея движеть безпрестанно, привлекаеть, соспавляетъ, образуеть ея чрезъ измѣннныя послѣдовательныя. Вселенная исполнена духомъ жизни; сіи огромныя звѣзды вращающіяся въ небесахъ суть ея великія части; сіи неизчислимые роды звѣрей и растѣній, дѣляція владычествва надъ землею, всѣ почерпають сущесшвованіе изъ сего общаго божесшвеннаго источника; одна всеобщая душа дѣйсшвуеть въ ихъ различныхъ видахъ, и, подобно внутреннему огню, преисполняетъ оныя силою и

плодородіемъ: она безпрестанно сѣетъ новыя сѣмена, и, открывая ихъ, шворипшь поспепенно существа организованныя. Въ самыхъ нѣдрахъ земли пысячи различныхъ привлеченій возбуждають жизненную матерію; чуждая бездѣйствія, она сородняешся всѣмъ вещеспвамъ, ее оплодотворяющимъ, и, такъ сказаши, роскошная упопаешъ въ сладострастіи со всѣми силами дѣйствующими; подобна будучи баснословному Прошею, облакаешся она во всѣ виды, и въ вѣчныхъ перемѣнахъ всегда одна и та же. Среди сего позорища, въ безпрерывномъ движеніи обрѣшающагося, поставленъ человекъ, дабы чувспвовашъ, дивипшься, воспигашъ, возводишь взоръ къ своду небесному и шеспвовашъ по землѣ власпелиномъ, не зная себѣ равнаго.

Хоша природа и сокрыла опъ насъ многія свои шворенія, но созерцаніе ея все имѣешъ прелестъ неописанную. Когда небеса открывающся нашему взору, шо какое неизчислимое множештво видимъ

мы звѣздъ горящихъ въ эфирѣ! Вождь ихъ, опецъ дня, грядетъ въ пущь свой, какъ величественный исполинъ, окруженный дѣньми своими, разливающій повсюду жизнь и свѣтъ. Висящій, какъ вѣчная лампада, среди нашего планетнаго міра, онъ привлекаетъ сферы; онъ зрѣтъ окрестъ себя сіи блуждающіе шары, и сіи пламенные кометы, образующія неизмѣримыя бразды свѣта, которыя по удаляюпся въ неизмѣримыхъ своихъ уклоненіяхъ, по возвращающя къ солнцу и мірамъ, дабы снова исчезнуть въ безднахъ небесныхъ. Многія планеты имѣютъ сами своихъ спутниковъ. Тамъ, за предѣлами системы солнечной, миліоны звѣздъ горятъ подобно пламенникамъ въ пустыняхъ эфирныхъ, проспирающа по неизмѣримымъ пространствамъ, и чудесное ихъ множество уничтожаетъ совершенно умъ человѣка. Привсемъ помъ порядокъ, правильность и согласіе царствуютъ между еѣми сими сферами отъ начала времени; въ безмолвномъ печеніи своемъ онъ прославляютъ могущество и славу Зиждишеля. Какое зрѣ-

лице для обиташся земли! Колико не-
 постижимъ Топъ, Кшо бросилъ міры сіи
 въ бездны безконечности! Колико малъ и
 слабъ разумъ чловѣковъ въ сравненіи съ
 сею массою вселенной, которую одно
 мановеніе Всевышняго можетъ превра-
 тить во прахъ! Мы унижаемъ Его вели-
 чіе слабостію своею. Но чшо мы предъ
 вселенной? Прахъ, возмешаемый малѣй-
 шимъ дуновеніемъ вѣтра! Наши понашія,
 наше разумѣніе не постигаютъ мѣры ея.
 Безпредѣльная въ своемъ величїи и могу-
 ществѣ, она повелѣваетъ времени, небе-
 самъ и землѣ, какъ единой почкѣ, и въ
 своемъ шеснвїи потрясаетъ столпами
 всего міра. Для нея нѣтъ ни прошедшаго,
 нѣтъ ни будущаго, поелику годы измѣря-
 ютъ токмо наше эфемерное существо-
 ваніе; но она вѣчно неизмѣняема; бытіе
 ея вѣчное продолженіе настоящаго, и кругъ
 безъ конца! . . .

Природа измѣняетъ, преобразуетъ все
 на землѣ. Сїи цвѣтущіе богатствомъ го-
 рода, сїи великолѣпные портики, сїи шор-

жеспивенныя врага, памяшники искусствъ и роскоши народовъ: всѣ погибнуть нѣкогда. — Гдѣ Вавилонъ и Пальмира? Чертоги Царей покрыты шерномъ, и змѣи извивающя въ злакѣ. Паслухи ходящъ по ихъ развалинамъ, и смотрящъ на нихъ съ посмѣянiемъ. Такъ умѣетъ природа опшнмать неправедно похищенныя у ней владѣнiя. Царства попеременно возвышающя на могилахъ падшихъ Царствъ, и въ свою очередь склоняющя подъ власть новыхъ побѣдителей; каждый народъ имѣетъ свой вѣкъ, свое возвышенiе и смерть: вѣчное Провидѣнiе ознаменовало Царства временами ихъ возвышенiя и паденiя. Среди шолыкихъ превращеностей земли и человѣковъ, Единая Десница Бога просперша неколебимо чрезъ всѣ выпренности небесъ.

Такое могущество природы говорило сердцу моему языкомъ несравненно великолѣпнѣйшимъ, нежели языкъ человѣковъ. Я разсуждалъ о сихъ пронахъ, о сихъ богахъ-сшвахъ и о всей гордосши величiя, шолыко

желаннаго : я протекъ мимо ; я обратилъ
 ся вспяшь , и ихъ уже не было ; — и
 ихъ владыки безъ жизни повержены во
 прахъ , какъ послѣдніе изъ людей . Какъ
 исчезли сіи цвѣтушія Царства ; подобно
 сновидѣніямъ ночнымъ ? и гдѣ Сезострисъ ;
 покоритель вселенной ; и сіи стовратныя
 Фивы ! Вопросы эшу при тысячи лѣтъ
 существующую мумію , и научи меня , что
 есть человѣкъ , брошенный въ вѣчность ?
 Въ семь самомъ вѣкѣ мы видѣли превра-
 щеніе дѣлъ человеческихъ . Мы видѣли ;
 какъ смерть и бѣдствія жизни изторгали
 свои жертвы изъ обьяшій славы и ща-
 стія ! И пакъ все должно погибнуть въ
 свою чреду . Когда и Владыки міра
 не избѣгутъ сего ; по что значить жизнь
 наша ? — капля воды въ Океанѣ .

Поученный симъ общимъ жребіемъ , я
 предаюсь Десницѣ , правящей вселенною ;
 и покаяюсь верховнымъ и непремѣн-
 нымъ Бя законамъ . Подобно упомянутому
 еспраннику , жаждущему прохлады источ-
 . Книж. III. . . . . Г . . . . .

ника, удрученная превратностями жизни душа спремится вкусить успокоеніе на мирномъ лонѣ Природы. Какъ бѣдны предъ ней наши общества! — Самое великолѣпное Царей помрачается блистаніемъ простаго цвѣтка. И самый прахъ земли, сколько же, какъ звѣзды ночи, открываетъ мнѣ величіе Природы. Колико таинственныхъ прелестей въ ея изученіи! Кто изобразитъ мнѣ сію чудесную картину міровъ, сихъ царствъ растеній, животныхъ въ воздухѣ, водѣ и на землѣ, и минераловъ, образующихся, движущихся въ нѣдрахъ земнаго шара! Кто укажетъ мнѣ сіи неопостижимыя пружины жизни, сіи непрерывныя явленія рожденія, разрушенія и возобновленія на землѣ? Какая цѣль сего всеобщаго движенія? Сіи предметы, достойныя вѣчныхъ размышленій увлекаютъ душу въ неизмѣримость вѣчности, къ источнику Свѣта и верховной Истины. Среди бездныи временъ мы рождаемся, росшемъ, множимся и умираемъ безъ малѣйшаго нашего содѣйствія. Возможемъ ли мы оставить жизнь, не поучась нѣкошорымъ изъ

тайнствъ сихъ великихъ, и не познавъ, какія сущесва насъ окружающъ, какія наши обязанности; наше состояніе и конецъ!

Сирѣв:

ХП.

П Л У Т А Р Х Ъ.

Плутархъ, кажется, былъ одинъ изъ вѣнченыхъ мужей древности, который болѣе другихъ имѣлъ разнообразныхъ свидѣній; и съ болѣею ясностію разсуждалъ о разныхъ родахъ Философій и учености. Мы уже видѣли его стоящаго на отличной степенѣ между Историками и въ первомъ ряду Жизне-описателей; но прочія его сочиненія, которыя можно назвать истинно едва объятною полнотой, показываютъ намъ, что онъ, будучи человѣкъ съ великимъ умомъ; былъ также писатель чрезвычайно трудолюбивый; и что, естли онъ хорошо судилъ о людяхъ; то онъ не менѣе умѣлъ оцѣ-

Г 2

нивать вещи, начиная съ самой драгоценнѣйшей изъ всѣхъ, то есть, со времени. Не лзя сказать, чпобы въ такомъ множествѣ краткихъ разсужденій: вообще все было до тонкости изслѣдовано, или даже довольно хорошо избрано: мы видимъ только, что онъ, будучи всегда трудолюбивъ и щцапелень, любилъ отдавать себѣ отчетъ во всемъ, и класъ на бумагу всѣ мысли, его занимавшя, и все, что приобрѣлъ онъ посредствомъ чтенія. Посему его *Физическя или Метафизическя предложеня* не что иное суть, какъ обдуманная извлеченя изъ Аристотеля, Платона и другихъ Философовъ, болѣе или менѣе согласныхъ съ сими двоими Корифеями школь, и слѣдственно, ничего другаго не представляющя, кромѣ одной и той же смѣси истинъ и заблужденій. Сколько онъ услаждался ученіемъ сихъ великихъ Мужей, столько же имѣлъ отвращенія къ ученію Стоиковъ, которыхъ парадоксы всегда старался опровергать. Его *застольныя предложеня* (questions de table) часто обращаются около предме-

пловъ довольно незначущихъ въ учености Исторической, и во многомъ сходившуюсь съ нѣкоторыми: опривками, записокъ нашей Академіи (*) о свободныхъ наукъ, гдѣ польза изслѣдованіи ни мало не соопвѣтствуетъ трудамъ, которыхъ онѣ спосили; впрочемъ это ни чужь не мѣшаетъ цѣлому сему собранію, можетъ статься слишкомъ пренебрегаемому Императорами, бытъ весьма полезнымъ хранилищемъ знаній; хотя бы и желательнo было, чѣобы въ немъ находилось болѣе той пріятности; къ которой всѣ предметы до извѣстной степени способны, и которую рѣдко пренебрегали древніе. Образъ разговора, которой ввелъ Платонъ въ употребленіе, или какъ первой подражатель урокамъ Сократа, или какъ самъ изобрѣтатель и образецъ — сей столько впечатливой образъ, присвоенный Цицерономъ и Плу-тархомъ, болѣе всего содѣйствовалъ къ учиненію пріятнымъ по наружности того, что не всегда очень привлекательно, или очень насшавительно по основанію. *Бесѣда седьми мудрецовъ и за-*
 (*) Французской.

стольныя предложенія служатъ сему примѣромъ. Въ сихъ послѣднихъ особливо матерія часто сама по себѣ ничего почти не значить: но разговоръ всегда занимателенъ, по той причинѣ, что разговаривающія особы имѣютъ характеры, и поному, что таковой сборъ умствованій безъ всякой колкости, насмѣшекъ и низкихъ шутокъ, — сей сборъ словъ острыхъ и глубокомысленныхъ, повѣстей и изслѣдованій благонамѣренныхъ, образуетъ нѣчто цѣлое, которое также не упомяетъ ума, какъ и проспой разговоръ честныхъ людей.

Плутархъ въ одномъ токмо сочиненіи выказалъ себя не съ выгодной стороны, а именно: въ книгѣ *о злорѣчїи Геродота*, котораго, по мнѣнію самаго Плутарха, не можно было считать за очень злобнаго человѣка, и который дѣйствительно не таковымъ предсавленъ даже въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ Плутархъ уличалъ его въ погрѣшностяхъ и заблужденіи; но какой Испорикъ когда — нибудь не ошибался? Мы очень согласны въ томъ,

чно, касательно древнихъ династій
 досюда и отдаленныхъ вѣковъ, Геро-
 дотъ, приближаясь къ эпохѣ и царству
 вымысловъ, не могъ обрѣсти достовѣр-
 ныхъ источниковъ для Исторіи, когда
 почти все было одно только преданіе.
 Еслили онъ не могъ питать недоброжела-
 тельства къ Ассиріянамъ и Скиамамъ, то
 конечно спрранно покажется, для чего бы
 ему въ новѣйшія и ближайшія къ нему време-
 на не доброжелательствовать Беотійцамъ
 и Коринтянамъ? Въ семь - то самомъ при-
 спрасніи обвиняетъ его Плутархъ; но на-
 должно знать при семъ случаѣ, что никогда
 и никто не былъ столько прилѣпленъ
 къ своему опечеству, и не простиралъ
 такъ далеко, какъ онъ, любви къ мѣсту
 своего рожденія. Сіе чувствованіе есте-
 ственно всѣмъ людямъ; но въ немъ оно
 было спраснію и, можно сказать къ его
 чести, прекраснѣйшею спраснію, судя
 по мыслямъ, коцорыя она ему вдохнула,
 и по тому дѣйствію, коцорое она имѣла
 на цѣлую жизнь его. Его паланцы и все-
 общее къ нимъ уваженіе учинили то.

что онъ могъ избрать для себя жилище,
 гдѣ ему заблагоразсудится, и въ особен-
 ности въ какомъ-нибудь изъ городовъ, бы-
 вшихъ шеапромя для людей вышшаго клас-
 са. Даже въ Римѣ, въ сей великолѣпной
 столицѣ древняго міра, хотѣли оста-
 вить его навсегда, когда онъ былъ шуда
 посланъ съ дѣлами ошъ своихъ сопря-
 дакъ. Напрасно ему говорили, что въ
 необозримомъ проспраншѣ владѣнія Рим-
 скаго Херонея, мѣсто его рожденія не
 что иное, какъ уголокъ, совсѣмъ неизвѣ-
 стный и непримѣный для славы. Онъ
 на сіе отвѣчалъ шакъ, что, есшлы
 Херонея доселѣ не мѣла никакого блеску,
 то, по крайности, онъ сообщилъ ей блескъ,
 каковъ бы ни былъ, ошъ него произ-
 ходящій, и будешь дѣлать для нее вся-
 кое добро, какое шолько можно сдѣлать.
 Сіе честолюбіе безъ сомнѣнія похвальнѣе
 всякаго честолюбія, и самое лучшее до-
 казательство добросердечія Плутархо-
 ва, какъ въ его дѣйствіяхъ, шакъ и въ
 сочиненіяхъ. За сіи его чувствованія,
 безъ сомнѣнія можно ему просишъ

въ негодованіи на Геродота, кошерами
его мнѣнію, не отдавъ справедливості
народамъ Пелопонеза; и въ сужденіи
сего Пелопонеза доброй Плутархъ ни
коимъ образомъ не могъ сохранить свое
его равнодушія. Между тѣмъ надлежало
бы ему быть гораздо снисходительнѣе къ
неисправностямъ повѣспованій, числамъ
и именъ, потому что онъ самъ, какъ я
сказалъ въ снѣхѣ объ историкахъ, по
добно прочимъ, не изъясилъ оныхъ свѣдѣн
ности. — Причины мною на сіе приведен
ныя, и конечно извѣстныя всему свѣду,
доказываютъ, что онъ въ своихъ заблу
жденіяхъ не скрывалъ никакого дурнаго на
мѣренія, такъ какъ Геродотъ, и не имѣлъ
особенныхъ затрудненій, послѣ которыхъ
очень легко можно было выправить. Но
въ нравственности, я не знаю,
можешь ли кто, вѣдь, изъ древнихъ
взять верхъ надъ Плутархомъ, — по край
ней мѣрѣ, въ обыкновенной нравствен
ности, приспособленной ко всемъ состоя
ніямъ и ко всемъ обществамъ.

Я не хоту сказать сими словами, чтобы
 въ немъ не было возвышенности и
 благородства. Вы увидите нѣкоторыя
 черты сихъ качествъ въ послѣдствіи;
 онъ повсюду встрѣчаются въ его сочи-
 ніяхъ. Но его отличительный характеръ
 состоитъ въ томъ, чтобы всегда свои
 мысли приспособлять къ практикѣ болѣе,
 нежели раздроблять ихъ умозрительно; и
 отъ сего - то происходитъ не только
 изящество его сочиненій, но также и не-
 достатки, къ нему близкіе. Высокій духъ
 Плушарха былъ, можетъ статься, по
 природѣ самой нравственный, какой
 только существовалъ. Онъ служилъ
 основаніемъ удивительныхъ его *сравненій*,
 но также былъ и причиною частыхъ
 его *нападковъ*, которые не имѣютъ ни
 соразмѣрности, ни причины. Такимъ же
 образомъ и въ *Философскихъ* своихъ со-
 чиненіяхъ онъ приводитъ все къ тому,
 что случается со всѣми людьми каждый
 день. Онъ хочетъ все сдѣлать видимымъ
 для глазъ, и посему до того изобилуетъ
Физическими сравненіями, что вы не най-

деше въ немъ ни одной мысли, которая бы стояла одна, и всегда можно надѣяться встрѣтить въ послѣдствіи какое нибудь уподобленіе: методъ сей подлинно пріятенъ самъ по себѣ, и у него даже часто очень остроуменъ; но онъ имѣетъ также что-то однообразное, и походишь иногда въ Плутархѣ на страхъ — полагать предъ глаза другихъ все то, что ему самому извѣстно. Это злоупотребленіе довольно общее, и, можетъ быть, неизлѣчимое у Грековъ. Присовокупивъ къ сему встрѣчающійся по временамъ недостатокъ точности въ сравненіяхъ, и ты увидишь почти всѣ погрѣшности, гримъшивающіяся къ превосходной нравственности Плутарха, — все то, что кришится можетъ замѣтить, не отнимая почти ни чего отъ удовольствія и нравоченія.

Въ семь множествъ краткихъ разсужденій, которыя хотя всѣ полезны и достойны одобренія, можно опланишь

опть прѣчихъ слѣдующія: О способѣ читати стихиотворцевъ; о способѣ слушати; о различіи друга и льстеца; о пользѣ, какую можно получитьь опть своихъ враговъ; о любопытствѣ; о любостыжаніи; о братней любви; о пустословахъ; о неумѣстной опшдливости; о случаяхъ, въ которые можно хвалишь себя самаго; объ оплагашельствѣ Божественнаго Правосудія касательно злыхъ. Все вообще здраво и нишательво въ сихъ избранныхъ опрывкахъ, и очень бы желательво было, чибъ какое нибудь благонамѣренное перо воспріяло на себя трудъ, въ пользу юношества, составивъ изъ всего книжку, оставя зрѣлѣйшему возрасту то, что не такъ чисно, или то, чего не могутъ понять юноши.

Я вамъ обѣщавъ вынисати нѣкоторыя правила изъ Плущарха; и здѣсь предлагаю для васъ попавшія мнѣ при первомъ раскрытіи книги; надѣюсь, что они засмаваятъ пожелать еще продолженія.

„Дѣши болѣ имѣють нужды вѣ руко-
водителяхъ при чиненіи, нежели хожденіи.

„Три вещи соспавляютъ соверше-
ство добродѣтели, а именно: хоро-
шая природа, наставленіе и привычки.

„Въ юношескомъ возрастѣ надобно
полагать основу для щасливой спа-
рости.

„Молчать ксташи часто гораздо
лучше, нежели говорить хорошо.

„Тотъ шокмо свободенъ, кто пови-
нуется разсудку.

„Тотъ, кто повинуется разсудку,
повинуется Богу.

„Человѣкъ не можетъ принять, а
Богъ ничего не можетъ дать болѣе и
величественнѣ истины.

„Уваженіе есть вѣнецъ старости.

„Врагъ есть такой учитель, который
учитъ насъ даромъ.

„Молчаніе есть украшеніе и Ангелъ-
Хранитель юности.

„Чтобы умѣть говорить, надобно
умѣть слушать.

„Умѣйте только слушать, и вы
будете получать пользу отъ ихъ да-
же; которые говорятъ дурно.

„Тѣ, которые скувы на похвалу;
„доказываютъ чрезъ сіе, что они бѣд-
ны заслугами.

„Я уважаю болѣе пчелу, извлекаю-
щую медь изъ цвѣтновъ, нежели жен-
щину, состоявляющую изъ нихъ бу-
кешы.

„Когда слуга мой бьетъ мою одежду;
„по онъ ударяетъ не по мнѣ; точно так-
же поступаетъ и топъ; кто упрекаетъ
меня въ случайныхъ дарахъ природы
или щасія.

„Съ умомъ не должно поступать
„такъ какъ съ сосудомъ; его никогда не
надлежитъ наполнять до верху.

„Верховой вѣдѣ скорѣе всего научаетъ
„ся молодой Принцъ; потому что конь
„его ему не льститъ.

„Топъ, кто сдѣрается всегда гово-
„ритъ такъ, какъ вы говорите; и по-
„ступать такъ, какъ вы поступаете;
„не ешь валь другъ! это ваша шѣвь.

„Хамелеонъ принимаетъ на себя всѣ цвѣты, кромѣ блага: льстець подражаетъ всему, кромѣ добраго.

„Льстець подобенъ тѣмъ дурнымъ живописцамъ, которые, не умѣя представить красоты подлинника, схватываютъ совершенно однѣ только черты безобразія.

„Есть люди, которые для избѣжанія воровъ, или огня бросаются въ пропасть: точно также поступаютъ и тѣ, которые, для избѣжанія суевѣрія, прилѣпляются къ ужасной и ненавистной системѣ безбожія, и такимъ образомъ, переходя отъ одной крайности къ другой, оставляютъ истинную Религію, находящуюся въ срединѣ.

„Закоснѣніе въ порокахъ портитъ сердце, такъ, какъ ржа портитъ желѣзо.“

Не смотря на показанную нами способность Плутарха, давать мысли оборотъ краткій и сильный, пристрастіе къ симъ краткимъ изреченіямъ и напряжка — со всѣмъ ему чужды. Вы видите сами, что всѣ мнѣнія, мною здѣсь пред-

дожейныя; у него разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ, и никогда не бывающъ, такъ сказать, сбиты въ одно мѣсто. Образъ выраженія его хотя обыкновенно бываетъ связной и періодической, а слогъ всегда ровной и постоянной; однако онъ знаетъ, какъ употреблять и разнообразить движенія, и близко даже подходитъ къ слогу высокому, какъ по величію мыслей и отношеній, такъ и по силѣ оборотовъ и выраженія. Слѣдующія два мѣста о льстецѣ служатъ пому доказательствомъ: „онъ говоритъ гнѣву, опмсти за себя; спраспи, наслаждайся; спраху; „убѣжимъ; подозрѣню, вѣрь всему.“

„Патрокль, облекшись въ доспѣхи Ахиллесовы, не осмѣлился взять его копья; „попому что одинъ токмо Ахиллесъ могъ имъ дѣйствовать. Точно такимъ образомъ, лесъ все заимствуетъ отъ дружества, кромѣ смѣлой откровенности; — „сіе вооруженіе для нее чрезмѣрно тягостно; одно только дружество можетъ нести его.“

Когда въ Поэзіи Епической или Драматической встрѣчаются развращающія правила, или порочныя чувствованія; тогда Плутархъ желаетъ, чѣмъ наставники внушали въ молодыхъ чинапелей еще болѣе отвращенія къ словамъ; нежели къ самымъ вещамъ; которыя они выражаютъ. Онъ справедливъ; и его правило означаетъ глубокаго моралиста; ибо дурное правило болѣе причиняетъ зла; нежели дурное дѣйствіе; во первыхъ потому, что множество дурныхъ дѣйствій бываетъ заключено въ одномъ дурномъ правилѣ, и сверхъ того дурныя дѣйствія влекутъ за собою раскаяніе, а дурное правило его опдалаетъ отъ себя. Вы можете замѣтить здѣсь начало сей неизлечимой язвы, имѣющей разлишя во всѣ будущія племена, язвы революціоннаго ученія, которое аксіомами нравственности и законодательства гораздо болѣе вложило яда въ уста тирановъ и злодѣевъ; нежели сколько Спихотворцы осмѣлились вложить подражаніемъ, или изобрѣшеніемъ театральнымъ.

Книж. VIII.

Д

Вы конечно повѣрите охотно по-
му, что ученіе Плулархова о Божествѣ и
Провидѣніи совершенно такое же, какое
мы видѣли въ Платонѣ, и какое послѣ
нашли въ Цицеронѣ. Вошъ, какъ онъ
сравнишельнымъ методомъ, столь ему
свойственнымъ, доказываетъ, что мы
должны удерживаться отъ сужденія о
намѣреніяхъ Провидѣнія, и что должно
препоручить Ему совершенно управленіе се-
го міра: „Тотъ, кто не знаетъ Медицины,
„не въ силахъ опредѣлить причинъ, какія
„Врачъ можетъ имѣть, употребляя такое,
„а не другое лѣкарство, и для чего луч-
„ше сего дня, а не завтра. Такъ поч-
„но человѣку, коего правосудіе столь не
„вѣрно и законодапельство столь не-
„достаточно, не прилично ничего рѣши-
„пельно говорить о ходѣ дѣлъ Божіихъ,
„касательно насъ, кромѣ того только,
„что Онъ единъ вѣдаетъ совершенно, въ
„какое время должно приспособить наказа-
„ніе, такъ какъ приспособляющъ лѣкар-
„ство. Онъ употребляетъ злыхъ для
„наказанія другихъ; Онъ пользуется ими,

„такъ какъ могущественными министрами
 „и исполнителями Своего правосудія, а по-
 „слѣ сокрушаетъ и уничтожаетъ ихъ... Ког-
 „да народы имѣють нужду въ усмирении
 „и наказаніи, Онъ посылаетъ жестокихъ
 „Государей, или безжалостныхъ тиранновъ,
 „и до тѣхъ поръ не разрушаетъ сихъ
 „орудій скорби и опустошенія, пока зло,
 „которое надлежало изцѣлить, не бу-
 „детъ истреблено совершенно: такимъ
 „образомъ царствованіе Фалариса было
 „почто врачеваніемъ для Сициліанъ; такъ
 „какъ царствованіе Марія было тѣмъ
 „же для Римлянъ.“

Онъ съ восторгомъ повторяетъ одно
 мѣсто изъ Пиндара, которое показываетъ,
 что великіе Поэты мыслили столь же вы-
 соко, какъ великіе Философы: „Богъ, Тво-
 „рецъ и Владыка всего есть также Тво-
 „рецъ и Владыка правосудія: Ему едино-
 „му принадлежишь, опредѣляешь, когда
 „какъ, и колико всякой долженствуешь
 „быть наказанъ за зло, имъ учиненное.“

Но я вамъ сказалъ, что сіи сравненія, часто столь прекрасныя, не всегда бываютъ точны; такъ на примѣръ: когда онъ нѣжнаго и великодушнаго друга, втайнѣ другу своему благодѣшительствующаго, сравниваетъ съ Божествомъ, любящимъ шворить добро людямъ, не давая совсѣмъ того имъ знать, какъ существо, совершенно благошворительно по еспешву своему. Конечно справедливо, что мы не знаемъ, и даже не можемъ знать о всемъ помъ благѣ, которое дѣлаетъ для насъ Богъ; но ни мало Онъ Самъ не заботится, чтобы мы не знали объ этомъ сколько, сколько для насъ возможно; напросивъ, Онъ хочетъ, чтобы мы чувствовали блага, отъ Него получаемыя, и чрезъ сіе Онъ налагаетъ на насъ должность, обязывающую любить Его не потому, что дѣйствительно нужна Ему наша любовь и признательность, но потому, что сія любовь и признательность содѣлываютъ насъ лучшими. И Плутархъ могъ это знать, поелику онъ съ похвалою замѣшилъ сіи сло-

ва Пифагоры: „Когда мы приступаемъ къ „Богу съ моливою, тогда станемся „лучшими.“

Ежели онъ не всегда видѣлъ споль далеко, какъ могъ, но по крайности нѣсколько разъ предупреждалъ онъ, такъ сказать, новѣйшихъ писателей, и своимъ примѣромъ заставлялъ ихъ спыдаться того, что они древнія заблужденія нѣкоторыхъ, недоспойныхъ вниманія, мечпашелей предпочли испинамъ, признаннымъ мудрецами всѣхъ временъ. Парадоксъ, возобновленный въ наши времена, и о которомъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи нашихъ бесѣдъ, будто человекъ почиается разумнѣйшимъ изъ животныхъ по той причинѣ, что онъ имѣетъ руки, — сей парадоксъ не принадлежитъ Гелвецію, какъ думали; но онъ есть выдумка безбожника — Анаксагора, и Плутархъ, разбирая его, весьма справедливо говоритъ, что предложеніе Анаксагорово есть истина въ обращенномъ видѣ; что точно, только потому человекъ одаренъ руками, что онъ

имѣеть разумъ, и что природа дала ему руки, какъ орудія, соразмѣрныя его разумѣнію.

Былъ въ Римѣ, во времена Плушарховы, одинъ человекъ, который выдавалъ себя Философомъ, и который, умспвуя, такъ какъ Гелвецій и прочіе наши матеріалисты, не допускалъ никакого нравственнаго союза между тѣломъ и душою. Онъ находилъ въ нихъ токмо отношенія совершенно Физическія. Добросердечный Плушархъ нападалъ на него за сіе очень сильно, и болѣе потому, что онъ хотѣлъ его примирить съ брашомъ, съ которыми его дурные поступки производили отъ его началъ; онъ не рѣдко убѣждалъ его въ священныхъ правахъ, естественнымъ образомъ совокупляющихъ насъ съ опцами, матерями, и братьями: „Поди, сказалъ сей человекъ, поди, проповѣдуй свое ученіе не-„вѣжамъ; что касается до меня, то я „не вижу того, чѣмъ могу быть обязанъ другому человеку, поелику мы, какъ

„онъ такъ и я, произошли изъ упробя
 „одной женщины.“ Совершенно таковое
 же злоупотребленіе анализа Метифизиче-
 скаго мы находимъ и въ одиѣхъ и пѣхъ же
 шерминахъ въ двадцати сочиненіяхъ ны-
 нѣшняго вѣка. Плушархъ, негодуя за то,
 что такъ коварно пользуются одною
 частію Философіи для разрушенія другой,
 и что до такой степени злоупотребля-
 ютъ Метифизику для подрыва нрав-
 ственности, просто и рѣшишельно сими
 отвѣчалъ ему словами: А я напрошивъ
 вижу очень, что для тебя все равно,
 что родишься отъ женщины, что отъ
 собаки. Воиъ человекъ, который былъ
 такой же Философъ какъ и брань!

Сочиненіе о *Пустословахъ* есть са-
 мое остроумнѣйшее и язвительнѣйшее изъ
 всѣхъ его твореній. Никто столь силь-
 но не поражалъ сего порока ума, какъ
 Плушархъ, и это показываетъ, что коми-
 ческіе Поэты могли бы такъ же съ поль-
 зою читать его сочиненія; ибо не въ од-
 номъ, но во многихъ мѣстахъ у него на-

ходящія, также, какъ у нашего Лабрюіера картинныя и драматическія описанія, Онъ изловиль, можно сказать, всѣ навыки пустослововъ, и изображаетъ ихъ съ живоспію такими красками, по которымъ можно подуматъ, что мудрость его, шедши по дорогѣ, нашла на сей родъ глупости, и объ него ударилась. Вы увидите, что къ пустословамъ онъ, какъ и должно, присоединяетъ разкащиковъ новоспей; ибо одинъ безъ другаго не бываетъ, и всякой разкащикъ новоспей есть пустословъ, такъ какъ всякой пустословъ есть разкащикъ новоспей. Плущархъ, чтобъ показатъ отличительныя свойства сей спраспи, приводитъ два досповѣрѣйшія произшествія, которыя совершенно показываютъ всеувлекающую ея силу, и которыя столь забавны сами по себѣ, что вы, безъ сомнѣнія, не будете негодовать на меня, еслили я ихъ приведу здѣсь. Вотъ сперва самое смѣшное; я расскажу словами Авшора.

„Брадобрѣи болшливѣе всѣхъ : поели-
 „ку величайшіе пуспословы со всѣхъ спо-
 „ронъ спекающа къ нимъ , и у нихъ
 „имѣющъ свои засѣданія ; а опъ шого бра-
 „добрѣи изъ подражанія и по привычкѣ
 „дѣлающа сами шаковыми же. Царь Ар-
 „хелай имѣлъ нужду въ брадобреѣ. Бра-
 „добрей , кладя ему на шею салфетку ,
 „спросилъ его : какъ онъ хочеть быть
 „обришымъ ? Принцъ отвѣчалъ : и не
 „говоря ни слова. Другой брадобрей
 „первый разпустилъ по Аѣинамъ новѣсть
 „о сильномъ пораженіи Никіаса въ Сициліи.
 „Онъ получилъ ее опъ невольника , при-
 „спавшаго въ Пирей съ нѣкоторыми дру-
 „гими бѣглецами. Оспавивъ шощасъ свою
 „цирульню , бѣжипъ онъ безъ памяши въ го-
 „родъ , дабы не доспавипъ чести друго-
 „му , похитипъ у него сей новостип.
 „Вдругъ великой шумъ : собирающа въ
 „назначенное мѣсто , и народъ неперпѣ-
 „ливо жадаеть знашь , кшо виновникъ
 „такой бури. Тащашъ въ собраніе наше-
 „го брадобрея , который не имѣлъ даже
 „времени сказашь , опъ кого производила

„его новость; поелику въ поропливости
 „онъ не успѣлъ и спросить о имени
 „невольника. Раздраженный народъ кри-
 „читъ: эшо вымысль сего нещаснаго!
 „Никто другой, кромѣ его, не слыхалъ ни-
 „чего подобнаго. Надобно учинишь ему пыш-
 „бу. Тотчасъ привязываютъ его къ ко-
 „лесу; но въ сію минушу произшествіе
 „подтвердилось со всѣхъ сторонъ шѣми,
 „которыя прибыли изъ Пирея, и всякой
 „занявшись своими родственниками, спѣ-
 „шишь узнать ошъ нихъ новости. Мѣ-
 „сто собранія вскорѣ опуснѣло, и неща-
 „спный брадобрей остался шамъ только
 „одинъ на колесѣ; онъ виситъ на немъ
 „до самаго вечера; наконецъ палачъ при-
 „ходитъ опвязать его. Но угадайте,
 „какое было его первое слово въ шо вре-
 „мя, какъ его опвязывали? *А знаютъ ли,*
какииъ образомъ погибъ Никіасъ? —
 Ворчалъ онъ болѣзненно. Изъ эшаго
 видно, что пустословіе разкащика ново-
 спей естъ болѣзнь неизлѣчимая.

Другое произшествіе гораздо важнѣе
 сего; развязка въ немъ нравственная, и

можешъ опнесись ко многимъ примѣрамъ
 такого рода, копорые доказывающъ, что
 Провидѣніе употребляетъ средства со-
 всемъ неожиданныя, дабы довести безза-
 конниковъ до того, дабы они обманули
 самихъ себя, и учинились орудіями своей
 гибели. „Въ Лакедемонѣ случилось
 „однажды, что храмъ Паллады былъ
 „разграбленъ, и что воры въ немъ оспа-
 „вили бушылку, только что опорожнен-
 „ную. Народъ собирается на сіе мѣсто,
 „и весь свой умъ изощраетъ, такъ ска-
 „зашъ, въ догадкахъ, касательно сей бу-
 „шылки. Естли вы хотите, скажалъ одинъ
 „изъ присутствующихъ, по я вамъ ска-
 „жу объ ней свои мысли. Я думаю, что
 „святошапцы не иначе могли опважись-
 „ся на сію опасность, судя по важности
 „дѣла, какъ принявши цикупы, а вино
 „принесли для того, чтобы пить его
 „безпреспанно до той минуты, какъ увѣ-
 „рялся, что ихъ не увидяшъ, зная, что
 „вино естъ пропивуядъ цикупы, и уничто-
 „жаешъ совершенно ея дѣйствіе; но естли
 „бы ихъ поймали, по бы цикупа могла

„очень способствовашь къ освобожденію
 „ихъ опъ мученій и наказанія. Въспо
 „шого, чшобы приняшь сіе изъясненіе за
 „оспроумную догадку, сочли его учаспни-
 „комъ, и заключили, что говорившій пакъ,
 „не опгадалъ, но зналъ все. Каждый спра-
 „шиваетъ его: кто ты? опъ кого ты
 „слышалъ обо всемъ, шобою сказанномъ,
 „и кто тебя здѣсь знаетъ? Его предають
 „пышкѣ; и кончится шѣмъ, что онъ
 „признается однимъ изъ числа зачинщи-
 „ковъ сего свяшопашспва. Такимъ обра-
 „зомъ охота говоришь и показывашь умъ
 довела несчастнаго до наказанія.

Наконецъ всякой знаетъ, что сочине-
 нія Плущарховы суть магазинъ исторій,
 повѣстей и крапкихъ нравоучительныхъ
 басней, въ которомъ весь свѣшъ можетъ
 находить для себя пищу. Лафонпешъ из-
 влекъ изъ него великое число своихъ басенъ.

Показавъ примѣры сильной чесопки
 языка, онъ пакже предлагаетъ при-
 мѣры сщрогаго молчанія; и удиви-

ипелнѣйшимъ изъ всѣхъ можешь почесться
 примѣръ невольника, который умѣлъ поч-
 носпію въ молчаніи привести въ смяненіе
 своего господина, и обратишь во вредъ ему
 его приказанія самымъ язвительнымъ обра-
 зомъ. Риторъ Пизонъ, не могши терпѣть
 того, чтобы прерывали его мысли, за-
 прешилъ своимъ невольникамъ говорить
 съ нимъ безъ его соизволенія. Однажды,
 приказавши изготовить пышный столъ
 для угощенія друга своего Клодія, получив-
 шаго весьма важной чинъ, посылаетъ онъ
 одного изъ своихъ невольниковъ, просить
 его къ себѣ опужинать. Въ назначенный
 часъ всѣ приглашенные къ пиру прихо-
 дятъ, кромѣ одного Клодія. Пизонъ по-
 сылаетъ человека за человекомъ посмо-
 трѣть, неидетъ ли онъ, и сказать ему,
 чтобы онъ поспѣшилъ придти поскорѣе.
 Между тѣмъ время проходитъ, наступаетъ
 ночь, и всѣ садятся за столъ. *Хо-
 дилъ ли ты приглашать кушать со мною
 Клодія, спрашиваетъ Пизонъ у неволь-
 ника? — ходилъ. — Почему же онъ неидетъ?
 Потому что, какъ онъ оказалъ,*

обстоятельства не позволяютъ ему исполнить вашей просьбы. — Но для чегожь ты мнѣ объ этомъ не сказалъ? — Для того, что вы меня не спрашивали. Послѣ сего господинъ замолчалъ; но невольникъ эпопъ былъ Римлянинъ, — Греческій невольникъ никогда бы сего не сдѣлалъ.

Плушархъ на при рода раздѣляетъ отвѣсы: на отвѣсъ необходимый, на отвѣсъ учивый, на отвѣсъ болшливый; и при эпомъ случаѣ онъ описываетъ самымъ смѣшнымъ образомъ Аѳинянь. Тамъ ли Сократъ? Невольникъ непроверной и угрюмой скажетъ: нѣтъ его тамъ; или ежели онъ приспращенъ къ лаконизму, то скажетъ просио: нѣтъ; такъ какъ Лакедемоняне, копорые, получа отъ Филиппа важное письмо, въ копоромъ онъ хотѣлъ принудить ихъ, дасть ему позволеніе войти въ ихъ городъ, вмѣсто всякаго на шо отвѣща, послали къ нему большой листъ, въ копоромъ крупными словами написано было: **НѢТЬ**. Если

ли невольникъ образованнѣе: то онъ скажетъ: Сократа пѣшь тамъ; онъ пошелъ къ своему банкиру; а когда захочешь еще показать болѣе вѣжливости, то прибавишь: по тому что онъ ожидаетъ тамъ гостей, которые къ нему прѣзжаютъ. Но Аѳинянинъ любословъ скажетъ: Сократъ находится у своего банкира, гдѣ дожидается гостей изъ Іоніи, по рекомендаціи Альцибіада, который писалъ къ нему изъ Милета, гдѣ онъ живетъ при дворѣ Тиссаферна; а эпитъ Тиссафернъ—Самранъ великаго Царя, прежде бывший другомъ и союзникомъ Лекедемонянъ; но Альцибіадъ его отъ эпито отвлекъ, и онъ теперь совершенный Аѳинянинъ, поелику Альцибіадъ смертельно желаетъ сдѣлаться . . . . и проч. И потомъ онъ повторишь ему по порядку все то, что мы знаемъ изъ осьмой книги Фукидида: Онъ разольетъ передъ своимъ слушателемъ, такъ сказать, потомъ словъ, и не позволишь ему сомнѣваться въ томъ, чтобы Милетъ не былъ взятъ, и Альци-

бѣдъ не былъ сосланъ во второй разъ въ ссылку.

Не лзя ничего найти поучительнѣе уроковъ Плущарха, касательно науки — слушать, молчать, и говорить ксшати; и сія наука есть ни частная, ни общая. Совѣты, которые онъ даетъ, и средства, которые предписываетъ, доказываютъ его глубокое познаніе нашихъ привычекъ и способа, которыми онъ образуются или преобразуются. Мы находимъ въ немъ умъ испинно наблюдательный, который напоминаетъ вамъ часто объ томъ, на что вы смотрѣли безъ всякаго замѣчанія, и что послѣ открываешься совершенно такимъ, какъ онъ замѣшилъ. На примѣръ, онъ узналъ, что люди любопытные не живутъ въ деревнѣ: они тамъ скукаютъ. „Для нихъ нуженъ городъ, театры, судилища, публичныя мѣста, морская при-спань. Нѣтъ ничего справедливѣе, и ничто лучше не изъясняетъ того, что мы слышимъ отъ нѣкоторыхъ Особъ, которые говорятъ, что не лзя обойтись безъ Парижа.

Я не могу удержаться отъ того, ишобъ не привести здѣсь еще нѣкопорукихъ испорическихъ отрывковъ, которыми очень богатъ Плутархъ, хотя бы вы сказали, что я увлекаюсь его способностью, легко рассказывать. Такъ, его рассказъ легокъ, но еще болѣе имѣетъ цѣны, когда нравственной; когда имѣетъ цѣль, и когда происшествія хорошо избраны. Слѣдующее происшествіе таково, какого я не знаю, ни поразительнѣе, ни чрезвычайнѣе, судя по вліянію, которое оно имѣло на совѣсть. — Впрочемъ я не долженъ скрывать того (что очень справедливо и признано съ давняго времени); что ешлы вкусъ къ чтенію въ большемъ употребленіи нынѣ, нежели прежде, за то онъ болѣе легкомысленъ, нежели въ другое время. Мы не читаемъ, сказалъ Вольперъ, и онъ имѣлъ на это причину; посліку онъ хотѣлъ сказать: мы не читаемъ того, что должно читать, и читаемъ надлежащимъ образомъ. Теперь я обращаюсь къ моей испоріи, и она будетъ послѣдняя, по крайности, въ семь отдѣ-

леніи, поэтому что я не хочу входить въ обширнѣйшее разсмотрѣніе.

Бессуеъ Пеоніянецъ убилъ отца своего, и сіе пресупленіе скрывалось весьма долгое время. Нѣкогда, идучи къ одному изъ своихъ благопріятелей ужинать съ немвогими друзьями, нечаянно слышитъ онъ крики пшеницъ ласпочки; и за сіе ковьемъ, бывшимъ у него въ рукѣ, сшибаетъ гнѣздо, и убиваетъ пшичекъ. Всѣ удивляются, смотря на етоль глупый поступокъ, и спрашиваютъ у него тому причины. Какъ! ошевѣчаетъ онъ, не ужели вы не видите, что они ложные свидѣтели? Не ужели вы не слышите, что они мнѣ кричатъ, будто я убилъ отца моего? Тотчасъ дали знать о семъ Королю, который приказалъ взять его подъ карауль; и въ скоромъ времени неясный былъ обличень и наказанъ.

Я не могу рѣшиться включить въ число Философскихъ Плутарховыхъ сочиненій двухъ его отрывковъ, одного,

о щастіи Римлянъ а другаго , о щастіи Александра; они миѣ кажутся просто классическими разпроспраненіями , или , какъ древніе называли , Декламаціями. Это не потому , чшобъ не было въ нихъ сполько ума и сполько испиннаго краснорѣчія , дабы увидѣшь , что Плушархъ могъ бышь Орапоромъ , еспълибъ захопѣлъ бышь въ числѣ Орапоровъ. Конечно , мысль величественная , предспавишь добродѣпель и форшуну , спорующихъ жежду собою , кто болѣе изъ нихъ содѣйствоваль къ возвышенію Римлянъ ; всѣ подробности сочиненія не менѣе имѣють блеску и великолѣпія , какъ и цѣлая прозопоея. Впрочемъ признаюсь , что вся сія пышность не только Орапорская , но почти Цишическая , споль чуждая вкусу сочинителя и по приличію предметовъ , объ коихъ онъ разсуждаеть , и по обыкновенному шону , кошорый онъ имѣеть; — сія , говорю , подлинно спранная пышность одна можешь меня убѣдиль въ шомъ , что сіе сочиненіе не еспъ сочиненіе Плушарха Историка и Фило-

Е а

софа, но ученика Рипорики; и это мнѣніе близко подходитъ къ правдоподобию, если мы рассмотримъ сущность одного изъ отрывковъ, касательно Александра. Какъ можно вообразить, чтобы умъ столь правильный, и столь чуждый страсти къ порадоксамъ и блестящимъ чрезвычайностямямъ, рѣшился доказывать, что походъ Александровъ имѣлъ причиною всеобщую образованность; что вся цѣль его была воцарить на востокѣ нравы, законы и писмена Греческія; наконецъ, что все его честолюбіе было совершенно Философское? — Это игра ума, которую Плутархъ позволилъ себѣ вѣроятно въ юности, какъ забаву Топъ; кнѣ описывалъ столь благоразумно жизнь Александрову, и кнѣ не скрывалъ ни его погрѣшностей, ни его спраспей, ни его пороковъ, безъ сомнѣнія не хотѣлъ льстить ему столь грубымъ образомъ, ни вымышлять рода ласкательства столь неумѣстнаго и смѣшнаго. Сверхъ сего онъ самъ былъ хорошій Философъ, и вѣрно, довольно зналъ, что предпріятіе, привести всѣ правленія

недѣ одну мѣсоду, и укоренишь въ народахъ всѣхъ климаповъ одинаковыя, какъ политическія, такъ и обществєнныя обыкновєнія; — свѣйспєнно токмо для головы одного послѣдняго глупца, и глупца таково, каково никогда не видано: поелику между побѣдипєлями, копорыхъ не лзя почєсть за умнѣйшихъ изъ всѣхъ людей, не было ни одного, кто бы мечпаль о подобной диковинкѣ, и что всѣ напропивъ имѣли столько общаго смысла, что оставляли каждому народу то, чего не можно у него опннать силою, т. е. его нравы, обычаи, его мнѣнія, копорыя могутъ токмо перемѣнишья ненуспивипєльно могущєспвомъ все измѣняющаго времени. Еспьли бы возможно было подумать, что Плупархъ писалъ это не шупя, то бы шрудно было рѣшить, похваду ли онъ хопѣлъ написать, или Сатиру на Александра. По щаспю, и то и другое не такъ - то вѣрояшно; но я сочєль сєе замѣчаніє нужнымъ для того, чтобы показать, что, при чтєніи древнихъ, надобно со вниманіємъ оплнчать, не поль-

ко то, что признано за ихъ собственное, или что имъ приписано безъ доказательствъ и достоверности, но также должно замѣчать въ ихъ произведеніяхъ время, въ которое они писали; свойство, и эпоху ихъ сочиненій, не всегда съ довольною предосторожностію и Философскою критикою собранныхъ.

Изъ Лазаря. Веселителій.

ХІІІ.

РОССІЯДА.

(Письмо къ другу. О слогѣ Поэмы.)

Ты пребуешь непременно, чтобы я сказалъ что-нибудь о слогѣ Россіяды; признаюсь, я не имѣлъ намѣренія писать объ этомъ предметѣ, потому что онъ первой бросается всякому въ глаза, и не пребуешь объясненій дальнѣйшихъ: въ то самое время, когда читаешь, уже его оцѣниваешь. — Сверхъ того, я уже предупрежденъ въ этомъ Господиномъ Издапелемъ *Современнаго Наблюдателя*, который весьма тщательно вычислилъ всѣ погрѣшности слога Гна. Хераскова.

Онъ доказалъ (№ 1. стр. 13. и дал.), что взятіе Казани не заслуживаетъ эпопеи, что въ цѣлой Поэмѣ нѣтъ ни одного пиитического сравненія (№ 5. стр. 77.), и наконецъ съ припелемъ своимъ С. рѣшилъ (№ 3. стр. 81.), что въ ней всего только десять стиховъ сряду хорошихъ. Чтѣ мнѣ послѣ эшаго писать? — Строгаго и столь проницательнаго взора его не имѣю, или *лучше, не хочу* имѣть; но шебѣ опказать не лзя; и попому, въ угодность твою, скажу нѣсколько словъ о слогаъ Поэмы сперва вообще, а послѣ приспособлю мои мнѣнія къ Россіядѣ, какъ умѣю. Кажется, на Хераскова должно смотрѣшь съ двухъ споронъ: 1 е. сей Пѣснопѣвецъ (хотя поздній), современникъ Сумарокова, Княжнина, Ржевскаго, Богдановича, Петрова и другихъ Стихотворцовъ, и нѣкоторымъ образомъ ученикъ ихъ имѣешь и неотъемлемыя красоты, можешь быть, очень прочныя, и необходимыя погрѣшности своего времени; 2 е. онъ первый воспріалъ пагреніе величественное, новое на Россійскомъ Парнассѣ, въ которомъ ему не было предшественника: ибо начатки

Пешриады ни для кого не могли бытъ об-
 разномъ, какъ слишкомъ смѣлыя не довер-
 шенныя, изъ кошорыхъ, должно признацца,
 не лзя угадашъ и чершежа, по коему Спихо-
 шворецъ расположилъ Поэму. Такъ она на-
 чапа. — Изъ ашой и изъ другой причины
 произтекающъ выгоды въ похвалу и славу
 Хераскова. — Въ первомъ случаѣ справед-
 ливый и *благоразумный* критикъ судитъ о
 слогѣ Хераскова, сообразно тому времени,
 въ кошоромъ онъ образовался, приобрѣлъ
 привычки и, такъ сказащъ, началъ свое ли-
 тературное поприще, а не по своему; ибо
 слогъ безпрестанно совершенствуется.
 По другой причинѣ самой безсовѣстной
 Зорилъ долженъ говорить объ немъ съ оспю-
 рожностію и уваженіемъ, вспомниъ, что
 онъ первой, и споль щаспливо разспроспра-
 нилъ предѣлы нашей Поэзіи высочайшимъ
 родомъ Спихопвореній — Поэзою *Эпи-*
ческою, илюбющею содержаніемъ своимъ
отечественную славу. Но такъ ли по-
 ступилъ Г. наблюдащель современ-
 ной Словесности, съ такою заботливо-
 стію выбиравшій изъ 12,000 спиховъ

одни дурные, и набравшіи ихъ около
 боши или бо, пусть бы даже до 100,
 не сказавъ ниго о слога его вообще
 какъ будпо нѣшъ въ немъ никакого
 достоинства, или качества, ему свой-
 ственнаго! . . . Не имѣю ни души, ни сердца
 смотрѣшь на сподъ почтенные нѣкто-
 рымъ образомъ антики такъ дерзко! а при-
 шомъ, признаюсь тебѣ, не вижу въ эпомъ
 еще и насроящей пользы, такой, какую при-
 обрѣли оцъ крипики Французы, Англичане
 или Нѣмцы; — они разбирали образцы зрѣ-
 лаго своего вѣка, утвержденныя, освя-
 щенныя всеобщимъ мнѣніемъ современ-
 ныхъ народовъ (хотя и эпо не естъ
 еще слава Гомерова или Виргиліева, или
 Тассова): по крайней мѣрѣ такіе образцы,
 коей возвысили языкъ свой до воз-
 можной степени совершенства, далѣ
 коей онъ не шелъ или не могъ идти.
 Имъ хотѣлось удержашъ языкъ свой на
 сей высокой степени, и потому спара-
 дись они всѣми возможными способами
 презъ крипику сдѣлашъ его почтеннымъ,
 неприкосновеннымъ, какъ наследствен-

ное сокровище. — Мы еще, естли смѣю сказать, не въ зрѣломъ возрастѣ своей липпературы: наши образцы не суть еще послѣдніе образцы; слѣдовательно наши разборы суть только *временные*, и временную приносятъ пользу, но ест, способствующъ болѣе или менѣе успѣхамъ Словесности. Короче сказать: мы, общіе наши пріятели и я, крипикуюемъ по сю пору, какъ наблюдатели, болѣе для *составленія исторіи* нашей липпературы, нежели для прочной ея основы; ибо это не опъ насъ зависить, а опъ времени и образованности народной. — Естли сіи мои замѣчанія справедливы, но я спрашиваю шебя еще, другъ мой, какимъ же образомъ Г. Издапель Современнаго Наблюдателя споль рѣшиительно вычисляетъ погрѣшности слога — самой зыблемой и измѣняющейея по временамъ ведди. — въ Херасковѣ, ни мало не говоря о прочихъ достоинствяхъ его образа изьяняннся:.... Неблагодарные! — опъ кого мы научились писать? — опъ Ломоносова, Хераскова и другихъ: они начи-

нали. — Доспойные ученики ихъ скромно и благоговѣно, шакъ сказашъ, слѣдующіе по споамъ ихъ, Дмитріевы, Карамзины и пр. усовершенспивовали священное и славное наслѣдіе, каждый соотвѣспивенно своему паланцу, . . . Вы, ученики сихъ новѣйшихъ, съ дерзоспію осуждаете своихъ Папріарховъ, какъ бы ихъ современники, не имѣя сполько силы, что бы переселишъ въ ихъ время, и боротъ-ся вмѣстѣ съ нѣми трудностями, которыя они преодолѣли и пріугошпвили вамъ пущъ крапкѣй и легкѣй! . . . Эшого мало: вы въ ваше собспвенное, болѣе уже образованное время, терпите въ другихъ, и сами себѣ позволяете нѣ же погрѣшности въ слогѣ, и спрого взыскиваете ихъ на предшеспвенникахъ! Еще повшорю: слогъ зависитъ ошъ времени, и судитъ объ немъ должно по времени, въ которое писано сочиненіе; и пошому то навсегда оспается свящепною памяшъ не шолько Хераскова, но и Тредьяковского, и другихъ нашихъ Учителией. Извини меня, другъ мой, въ эшомъ ошшупленіи: оно

невольное: мнѣ уже наскучило слушать, что все старое совершенно дурно, что одно только новое, и при томъ новѣйшее хорошо. Такимъ образомъ во времена Ломоносова всѣ и все писало Оды, не справясь съ своими силами, а ослѣваясь единственно божественнымъ блескомъ великаго Поэта; такимъ образомъ при появлении Карамзина, споль удачно и щастливо показавшаго намъ слогъ проспой, чистой и нѣжной, все заспонало, и пролилось въ источникахъ слезъ, также не достигнувъ истиннаго достоинства предводительствующаго Генія; такъ Дмитриевъ и Крыловъ пещерь наполнили весь ючши лиришературный мѣръ Езопами — Лафоншенями; такъ наконецъ, и ты почтенной другъ мой, Ж. . . , прекрасными своими балладами порождаетъ многочисленное племя Балладниковъ. . . . А все это опъ чего? — опъ того, что у насъ юные таланты, въ самомъ дѣлѣ щастливые и прекрасные, подобно весеннимъ мошылкамъ, бросаюшся на первой блескъ, не предводимые иощив-

нымъ свѣтомъ ученія и крипики, занимаюсь единственно настоящими явленіями
 Липперашуры, и пренебрегая, или даже презирая прошедшія . . . Боже меня сохрани; чтобы я говорилъ здѣсь проповѣдь
 подражанія: извѣстно, что во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ слабѣйшіе увлекались за господствующимъ гениемъ: такъ Фоншенель, Дидрошъ и другіе, весь свой вѣкъ
 ушянули опшъ простоты и натуральности первыхъ образцовъ въ кудреватость и напыщенность слога. Въ ихъ же время умнѣйшій человекъ Ламоншъ; и Гомера сокращилъ, и множество словесниковъ подняли ужасной бунтъ проповѣдь древнихъ
 своихъ Учительей, которыхъ слушали уроки, двумя тысячами лѣтъ оправданные; и которыхъ за честь поспавляли подражать. Чему дивисься? эшо дѣло
 уже роскоши и обыкновенной судьбы всѣхъ дѣлъ человеческихъ, достигшихъ своей зрѣлости. Но у насъ, шо ли еще время! . . . Одно все на умѣ у меня, другою; какъ мы; еще младенцы въ Липперашурѣ, мы, *современные наблюдатели*,

столь скоры и рѣшительны въ своихъ приговорахъ о почтеннѣйшихъ нашихъ Учителяхъ ! . . . Но довольно. По желанію своему, разсмотримъ слогъ Хераскова, какъ Эпической.

Поэма Эпическая есть *разсказъ*, или *повѣствованіе* происшествія великаго и чудеснаго, какъ мы прежде говорили уже объ этомъ. — И такъ онъ не Исторической, гдѣ повѣствуется о вѣхъ случившихся происшествіяхъ безъ разбору, важныхъ и неважныхъ, малыхъ и великихъ; онъ не Философской и не учебной, копорого вся цѣль научить истинѣ, или убѣдить въ ней; онъ не романической: ибо живописуетъ не частное происшествіе, но общее, такое, которое вліяніе имѣло на цѣлыя народы; наконецъ, есть ли можно сказать, онъ необыкновенной человѣческой: ибо Пѣвецъ, открывающій тайныя связи происшествій, непоспѣжимыя обыкновеннымъ смертнымъ, и будущія отдаленныя послѣдствія происшествій, слабыми очами ихъ непредвиди-

мыя, непременно долженъ быть исполненъ какимъ-нибудь духомъ высшимъ, или божешвомъ, или Музою, которая устами его *пророчествуетъ*. И такъ сей языкъ есть, и долженъ быть высокій, божественный, производящій вмѣстѣ очарованіе и убѣдительность непрекословную, быспрую, едва постигаемую тѣми самими, которые убѣждаются. Строгая истина скрывается въ облако: въроянность, одѣянная въ ея ризы, заступаесть ея мѣсто, однако съ тѣмъ, чпобъ не противоборствовать ни правамъ своей Царицы, ни ея святымъ цѣлямъ: это прелестная жѣнь солнца, которая увеличивается и уменьшается, смотря по тому, какъ оно уклоняется выше или ниже, далѣе или ближе, но всегда зависитъ отъ движеній солнца. Теперь, кажется, опредѣлилъ я, по крайней мѣрѣ, для себя, снисходительнаго моего друга, правила слога Поэмы. — По *вещалѣ*, заключающимся въ ней должно судить и объ ихъ одеждѣ, или слогахъ. — Но прежде долженъ я раздѣлить его главныя качествя, зависящія

отъ предметовъ и отъ цѣли. — Въ первомъ случаѣ по же самое *убѣжденіе* или очарованіе шребуеть, чтобы онъ былъ не ниже, ни выше своихъ предметовъ. — На семь правилъ основывается достойная и удивительная похвала Квинтилиана Гомеру; — похвала, которая можетъ приесть въ опчаяніе всякаго Стихотворца. — Квинтилианъ говоритъ о Гомерѣ, что онъ умѣлъ бытъ въ изображеніи простѣйшихъ предметовъ самымъ простѣйшимъ; въ изображеніи высокихъ — самымъ возвышеннымъ; въ изображеніи страстей — самымъ страшнымъ; разумѣется, никогда не выходя изъ надлежащаго тона Еписческаго. Въ другомъ случаѣ цѣль Поэты возбудишь *удивленіе*, воспоргъ, великолѣпною обворожительною живописью предметовъ, встрѣчающихся въ Поэмѣ. — Въ семь случаѣ также два обстоятельство: иногда довольно представишь предметъ просто, каковъ онъ есть: ибо онъ самъ по себѣ великолѣпенъ, или шрогашеленъ; иногда онъ самъ очень мало значить, и отъ одного искусства Стихотворца зависишь

едлать его или благороднѣе, или прѣгашельнѣе; другими словами: замѣнивъ недоспашокъ собспвеннаго его достоинства обольщипельнымъ достоинствомъ наружности: воишь дѣло слога! — Отсюда-и произтекають качества его *непрелибныя* и *случайныя*. Отсюда пѣ особенныя средспва, копорыя доставляють Пѣсноиѣвцу его шворческое воображеніе: обыкновенныя, естественныя причины произшествій закрывать чрезвычайными, сверхъестественными, и даже иногда ондалять настоящую историческую связь для того, чпобы чипателя оставивъ въ поражающемъ недоумѣніи, все живошворипъ, все переспавляипъ, и смѣшиваипъ въ необычайномъ порядкѣ, всему придавать прелестъ чудснаго: вездѣ показавъ присуствіе божества дѣйствующаго и божества повѣствующаго.

Непрелибныя качества слога Эпическаго суть: *яеность, точность, благородство, важность, сила, сладость, изящность, прѣстѣта, легкость и гармонія*

Книж. VIII.

Ж

слога. — Случайныя: великолѣпіе, стремительность и внезапность движеній, разительность картинъ, страсти, быстрота повѣствованія, описательная Поэзія, или живописующая гармонія звуковъ. —

Нытъ нужды говорить о каждомъ изъ сихъ свойствъ слога: онъ тебѣ очень извѣсны, какъ писателю и крипику; и, кажешся, довольно сохраненія сихъ эстетическихъ потребностей, чтобы слогъ Поэмы былъ ея достоинъ. Прибавимъ, если хочешь, другія къ тому качества, которыя произтекають отъ характера самаго Писателя: его образъ мыслишь и чувствовашъ имѣетъ вліяніе на слогъ; его собственное участіе въ воспѣваемомъ предметѣ болѣе или менѣе исполняетъ жаромъ его повѣствованіе. Для Гомера Грека сладосно было говорить о Грекахъ своихъ, объ религіи своей и законахъ: Виргилій съ воспорженнымъ сердцемъ воспѣвалъ о возстановившѣ своего опечесства; Херасковъ благородный и чувствительный сынъ опечесства упопалъ въ воспоргахъ, прославляя его избавленіе.

Ясность, по моему мнѣнію, есть глав-
ная сила и душа убѣжденія во всѣхъ ро-
дахъ Словесности и особенно въ Поэмѣ. —
Здѣсь она; можетъ быть; дѣло; бо-
лье, требующее искусства; нежели въ
какомъ другомъ; ибо конечно трудно быть
яснымъ и вмѣстѣ великолѣпнымъ; разно-
образнымъ, чудеснымъ и божесіивеннымъ! —
И такъ; мой другъ; ты не погнѣваешь-
ся; что я началъ отъ яицъ Леды. —
Недостатокъ ясности опіялъ очень мно-
го славы у Поэмы Лукана; и весьма
многихъ Стихотворцевъ; одаренныхъ ве-
ликими талантами; сдѣлавъ; такъ ска-
зать; при богатствѣ бѣдъыми: они тру-
дились; собирали; ихъ не чинили; совре-
менники (не говорю о попомкахъ); за-
мѣтивъ; отъ чего ихъ неудача; вздума-
ли ея воспользоваться: *изъ той же му-
ки печь свои хлѣбы*; — и слава оста-
лась за пекарями; а о хозяевахъ всѣ за-
были. — И такъ стихотворная ясность
Слога — не пустое дѣло; ибо она основы-
вается на соблюденіи безчисленныхъ опъ-
моженій; и при томъ часто не въ двойнѣ-

Ж *

випельномъ мѣрѣ, намъ близкомъ, знакомомъ, но въ вымышленномъ, чудесномъ, гдѣ и для плѣти и для души другая форма, другая мѣра и другой образъ дѣйствія, между плѣтью какъ. вѣчное, неизмѣняемое правило: *одна истина прекрасна*, оспается въ полной своей силѣ. — При споль многихъ обстоятельстввахъ, другъ мой, ты согласишься, что Писатель, чуждой темноты въ слогѣ, есть рѣдкое явленіе въ Литтературѣ всякаго языка, и особенно *младенчестеующаго*, не получившаго надлежащей своей образованности. Херасковъ — это явленіе для насъ! — онъ по сію пору еще оспается образцовымъ въ семь качествѣ Писателемъ. — Всѣ вообще его сочиненія, начиная съ мѣлкихъ, отъ Поэмы о пользѣ наукъ до важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ это свидѣтельствуютъ: даже примѣтна постепенность въ усовершенствованіи слога его, по годамъ издаваемыхъ, въ слѣдъ одно за другимъ, швореній; изъ этого видно, сколь много о семъ предметѣ некая знаменимый Шенювецъ. Скажемъ

мимоходомъ , что сіе же самое щщаніе , чрезъ мѣру разпрощраненное въ преклонныя лѣта его, произвело множество прибавокъ и исправленій въ Россіядѣ и Владимірѣ , которыя не весьма щщасшливы ; онѣ ослабили быспрошу, силу и живость движеній въ слогѣ. Такова судьба всѣхъ Писателей: искусство ихъ безпрещщанно расщщепъ и совершенщщвуется , особливо безпокойное заботливою и щщлишкомъ оспорожную старощщсію ; напрощщтивъ щщого Геній имѣетъ только два возраста: юность и мужество ; онъ погасъ , и нащщпанное опыщщами искусство, какъ природа при удаленіи солнца, возбуждаетъ въ насъ самую правильность свою болѣе скорбныя , скучныя , нежели сладостныя и пріятныя чувщщвованія. — Съ щщакимъ почти чувщщвомъ щщцаемъ и послѣднія прибавленія и прибавки Хераскова ; а пощщтому и люблю я болѣе изданіе его двухъ Поэмъ въ двухъ большихъ Часщщяхъ, нащщечашанное въ Универсщщтешской Типографіи 1786 года. Оно появилось щщогда , когда Геній его былъ въ надлежащщей своей зрѣлости. —

Спихи Хераскова заключающъ въ себѣ почти всѣ качества, на которыхъ основывается ясность: непринужденность, свободу и чистоту; всѣ молодые Спихопворцы должны у него учиться этому искусству; кажется, спихи его тихо и плавно скашивались съ легкаго пера его сами собою, какъ вешній журчащій ручеекъ съ равнаго наклона горы, ни крутой и ни пологой. Эта плавность въ спихахъ осталась его единственнѣмъ достоинствомъ; ни въ одномъ изъ новѣйшихъ Поэтовъ ее непримѣнно въ такой степени. Текучесть и свобода показываютъ, что писать исправно спихи для него было не трудное дѣло. Во всѣхъ Поэмахъ его молодости видно изобиліе въ переспановкахъ, въ сокращеніяхъ, въ несохраненіи ударенія, въ напѣнутомъ смѣшеніи словъ, во всемъ томъ, что слабыя называютъ *licentia poetica*; Херасковъ одинъ изъ первыхъ, рожденный Спихопворцемъ, и совершенно обладающій своимъ языкомъ, выгналъ изъ Поэзіи сію непоэтическую, бѣдную лиценцію, и доказалъ,

что истинный паланъ , обработывающій такой богатой языкъ , каковъ Россійской , можетъ обойтись безъ нее совершенно. — Чистота и правильность грамматическая также отдаетъ пальму сему Писателю. — Очень бы жаль было, если бы какой-нибудь охотникъ иностранецъ, обучаясь Рускому языку, вздумалъ для образованія себя въ слогъ схватиться за нѣкоторыя книги стихотворныя и прозаическія, вышедшія уже послѣ смерти Хераскова! — Горячка, блистательными иностранными словами, иностранными оборотами и какимъ-то жеманствомъ въ слогъ, возникла предъ очами почтеннаго и скорбящаго Писателя уже въ послѣднихъ годахъ его жизни, и первая сѣмена свои разсеяла въ стихахъ и Журналахъ. Онъ не могъ остановить ее, но всегда ждался, и новѣйшія произведенія называлъ обыкновенно уродами новой школы. — Какъ ученикъ Ломоносова, онъ умѣлъ соединять благодѣльныя выраженія Славянскія съ чистыми и употребительными только въ лучшихъ обществахъ

Россійскими выраженіями: онъ пользовался охотно нѣми сильными оборотами Славянскими, копорые всегда, кромѣ свойственной имъ новости, придають важность и величіе эпическое слогу; — и все сіе съ тою удивительною умѣренностію и скромностію, копорая уничтожаетъ всякое различіе между двумя языками: дѣло прекрасное! — И кснати скажемъ теперь нѣсколько словъ о снрастныхъ любителяхъ нашихъ Славянскаго. Во всякой другой нѣсѣ не у мѣсна были бы такія опешупленія; въ письмѣ все позволено: ибо оно есть — домашній разговоръ. — Послушай, другъ мой, что такое Славянскій языкъ въ настоящемъ его положеніи. — Мертвою капишалъ, копорымъ по всѣмъ правамъ долженъ пользоваться живой его наследникъ, языкъ Россійской. — Но чтобы пользоваться капишаломъ, состоящимъ въ золотѣ особеннаго писвенія, относящагося къ опдаленнѣйшему вѣку, что можно и должно дѣлать? — Можно и должно только одно: народъ, посреди копорого

эта монета была ходячая, въ первомъ видѣ шеперь не существуетъ, эпопѣ народъ умоощецъ намъ, мы наследники, и опшискъ монешъ сихъ еще не советъмъ истерялъ къ себѣ наше довѣрѣе по сродству и существенной своей красощѣ. И такъ должно перенести его въ свою казнохранишельницу, и перемѣшиващъ по немногу съ своими монетами, такъ чшобы время столько изгладило наконецъ опшискъ древняго характера, чшо все бы наконецъ имѣло одинъ образъ и одну цѣну, и никшо бы даже не подозрѣвалъ, чшо употребляетъ монету двухъ сродственныхъ народовъ, древняго и новаго; но чшобы вѣрилъ, чшо употребляетъ одну свою собственную, ему въ насшоащемъ времени принадлежащую. Таковъ первый былъ ковачь — Ломоносовъ, искусно смѣшивающій Славянское золото съ Рускимъ; шаковы его послѣдователи, Херасковъ и другіе благомыслящіе Писатели, кошорые понимаютъ и чувствуютъ, чшо мертвое существованіе Славянскаго языка должно продолжиться до щѣхъ вощъ, кокуда не

сольется онъ совершенно съ Рускимъ, что въ этомъ вся цѣль ихъ трудовъ, и что всѣ особенныя успановленія, даже со стороны попечительнаго Правительсва въ разсужденіи его, суть временныя, и что, чѣмъ скорѣе это время кончится, то есть, чѣмъ скорѣе Славянской, какъ вспомогательной, переопанецъ совершенно отдѣляясь отъ Рускаго, тѣмъ лучше. Да пролетѣтся онъ единою великолѣпною рѣкою во славу имени Россовъ! . . .

Вотъ желаніе благомыслящихъ Патриотовъ - Лишчераторовъ! — Да и какую другую цѣль предполагать здѣсь можно? — Мы уже видимъ, что нечувствительно, но много къ ней приблизились: въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ употребляемъ Славянскія слова и не подозреваемъ, что онѣ Славянскія. Точно со временемъ будетъ, что и языкъ церковной или книжной, и разговорной сосздавятъ одинъ великолѣпной Славяно-Россійской! — Обратимся къ Хераскову. Изъ предыдущаго видѣли мы, что онъ былъ достойный ученикъ своихъ Учителей, — Разкроемъ наугадъ что нибудь

изъ Поэмы, въ доказательство всего
вышесказаннаго; ибо сдѣлать обширныхъ
выписокъ не позволяющъ мнѣ простран-
ство письма сего. На примѣръ изображе-
ніе Безбожія:

Есть бездна *темная*, куда не входитъ
свѣтъ ;
Тамъ всѣхъ испочникъ золь, безбожіе жи-
ветъ ;
Оно *Слизгійскими* окружено спруями ,
Піецъ кипящій ядъ , питается змїями ;
Простерли по его нахмуренну челу
Геенски помыслы — печали , горестъ иглу ;
Опъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ ;
Съ оправою сосудъ въ рукѣ оно ищѣетъ :
Устами алчными *коснется кто сему* ,
Противно въ міръ все является тому ;
Безбожіе войны въ *сезъ міръ производитъ* ;
Рукой писателей, лишенныхъ свѣта во-
дитъ ,
И *ядомъ* напоивъ ихъ *каменны* сердца ,
Велишь имъ опрыгачъ хулы пропивъ
Творца ;
Ищѣя пламенникъ съ привѣщствіемъ спроч-
пивымъ ,
За щастьемъ въ слѣдъ лепишь, предыдеши
нечестивымъ ;
Со ацаценемъ предъ щикъ кровавый хо-
дитъ бой ;

Его изчадія: гоненье, страхъ, разбой;
 Свирѣпство мечь оспришь кругомъ его пре-
 спола,
 Ни рода не щадить, ни разума, ни пола;
 Колеблеть день и ночь ограду общихъ благъ;
 Оно безчинства другъ, народной пользы
 врагъ,
 Среди нечестія между развратовъ скрыто;
 Но съя зло вездѣ, злодѣйствомъ вѣкъ не
 сыно!

Пѣснь VII л.

Признаюсь, что это не совсѣмъ щасп-
 лявое мѣсто, наугадъ раскрытое; но въ
 немъ почто все есть, о чемъ я говорилъ
 съ шобою доселѣ: ясность, чистота,
 плавность и непринужденная легкость.
 Таковъ вообще стихотворный слогъ Хе-
 раскова. Надобно помнить, что я гово-
 рю здѣсь единственно о начальныхъ досто-
 инствахъ слога. — Въ эпосѣ самое
 ошрывкѣ ты видишь и погрѣшности,
 сосѣдственныя съ сими достоинствами.
 Желая бытъ слишкомъ ясны, бросаемся
 въ излишнія подробности; желая сохра-
 нять чистоту и исправность, дѣла-
 емъ свои стихи прозаическими и

слабыми. Ихъ означилъ я косыми лиферами. — *Куда не входитъ свѣтъ*, послѣ слова, *темная*, вставка. — *Безбожіе* и *Стиксъ* несомѣсленность. И въ многобожіи сія адская рѣка ничего не значила, кромѣ первой границы, отдѣляющей живыхъ отъ мертвыхъ; и вѣроятно, отъ сего-то произошла она ужасная клятва боговъ (*въ отноше- нии къ смертнымъ*) рѣкою Спиксомъ. *Желѣбетъ*, не удачно. — *Устали алч- ными* — *тому*, проза, самая обыкновенная. *Производитъ*, не спихотворно. — Слѣдующія два стиха относятся ко вре- мени, въ которое писалъ Херасковъ, ког- да Волперы и его сообщники пригото- вляли ужасную революцію, заставившую даже и насъ, сыновъ Сѣвера, почувство- вать всю кровожадную жестокость Философскихъ умствованій. — *Я долѣ напоить каменныя сердца: сомнишель- но.*

Сей отрывокъ показываетъ, что слогъ Хераскова не могъ еще имѣть въ

надлежащей степени другихъ двухъ достоинствъ своихъ, *разборчивости* (elegance) и *точности* (precision), которые суть поздний плодъ времени и опытности.

Разборчивость предполагаетъ чувство, инстинное, врожденное, и разумъ образованный, утонченный: два качества, составляющія то, что мы называемъ *вкусомъ*. Точность есть дѣло изученія Грамматическаго великое! Ее опредѣлить можно очень просто: это есть способъ, *изъяснить вещь, слово или описаніемъ* ни больше, ни меньше, какъ она есть; *сохранивъ между тѣмъ и приличіе, предъ кѣмъ и когда ее изъясняю*, и *собственную мою цѣль, для чего ее изъясняю*, или *описываю*. — Конечно, всякой найдетъ довольно погрѣшностей противъ сихъ качествъ слога въ предложенномъ отрывкѣ; но между тѣмъ онъ не уничтожаетъ его достоинства. Отбросимъ настоящую относительную личность, и разберемъ новѣйшихъ Писа-

шелей, даже изъ лучшихъ: не найдемъ ли того же, хотя они живутъ въ вѣкъ уже образованнѣйшемъ? . . . . Впрочемъ еще повторю, что это мѣсто наугадъ взято изъ цѣлой книги; недостапки здѣсь описанныя рѣдки, — и можно сто мѣстъ предсказать такихъ, которыя убѣдятъ читателя въ выгоду Хераскова, не смотря на то, что Гнъ Совр. наблюдатель и десяти стиховъ хорошихъ найти въ немъ не могъ.

Я сказалъ, что между прочими достоинствами слога Хераскова можно отличить *ровность*, и она есть *благородство* возвышенное, плодъ *благородныхъ чувствованій* и плодъ *благородныхъ выражений*. Въ цѣлой Поэмѣ едва ли найдется вѣсколько мѣстъ, которыя не соотвѣтствуютъ сей почтенной *ровности*, не всегда въ подробностяхъ выдерживаемой, но всегда познаваемой чувствительнымъ и благороднымъ сердцемъ. — Что дѣлать? —

Dormitat aliquando et bonus Homerus!

Но по увѣренію самыхъ знаменитѣйшихъ Ученыхъ, Гомеръ прежде себя имѣлъ весьма многихъ Пѣснопѣвцовъ, которые образовали для него языкъ, и утвердили уже правила Эпической Поэмы. Еслили Херасковъ имѣлъ образцы въ сихъ правилахъ (ибо онъ однѣ для всѣхъ народовъ), то совершенно не имѣлъ образца для Эпическаго слога. — Еще повшорю, Лирикъ-Домоносовъ не могъ научить его въ этомъ: въ его стихотворныхъ описаніяхъ Спрѣлецкихъ буншовъ есть такія излишнія подробности и паденія, что онъ самъ бы ихъ не простилъ никому другому, и вѣроятно оспались онъ пошому только, что авторъ не успѣлъ ихъ выправить. —

Болѣе всего можно замѣпить сію ровность возвышенную въ описаніяхъ Владиміра и Россіяды, а въ прозѣ, особливо въ Кадмѣ и Гармоніи, въ Полидорѣ и въ Нумѣ Помпили. — Сіи прозаическія Поэмы, или стихотворные романы, и въ особенности, Кадмъ и Гармонія по сію пору

единственны на языкѣ нашемъ; но объ нихъ
 никшо почти уже не знаемъ; всѣ увле-
 чены, какъ я прежде сказалъ, новостя-
 ми. — Слогъ ихъ можно, не обинуясь,
 назвать вообще *образцовымъ*, въ полномъ
 смыслѣ сего слова: обильной, чистой,
 величественной и гармонической! — Мо-
 жешь быть, однообразной ямбъ намъ уже
 наскучилъ; и я признаюсь тебѣ, что гар-
 моническая проза Ломоносова въ рѣчахъ
 и проза Хераскова въ Кадмѣ и Гармоніи
 искусственнымъ періодическимъ теченіемъ
 расположенная, сохраняющая вездѣ такъ
 называемый *numerus aratorum*, услаж-
 даетъ слухъ мой гораздо болѣе, нежели
 ихъ ямбы, одинаково падающіе, и продол-
 жающіеся чрезъ нѣсколько тысячъ спи-
 ховъ сряду. Древніе въ своихъ Трагеді-
 яхъ ямбы употребляли только тамъ,
 гдѣ слѣдовалъ рассказъ, или по нынѣшне-
 му речипашивъ; послѣ поспѣшь смѣняли
 ихъ другія стопы быспрѣйшія, или разно-
 образнѣйшія, смотря по матеріи и по
 движенію чувствъ. Желательно очень,

Книж. VIII.

3

чтобъ усовершенствовали съ этой стороны механическую часть нашей Поэзіи; не мечтая однако о Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ гексаметрахъ, на количествѣ шемповъ основанныхъ: ибо они, кажется, совершенно не возможны по природѣ нашего и всякаго нынѣшняго Европейскаго языка, въ которомъ каждое слово имѣетъ определенное свое удареніе; или *качество*. — Согласенъ я, что при всемъ томъ у насъ чистыхъ ямбовъ нѣтъ; ибо почти всегда слово, состоящее изъ четырехъ и пяти слоговъ, имѣетъ между шѣмъ одно удареніе; и мы его *улаживаемъ*; *invitata natura*; въ ямбы: за то въ большемъ, или меньшемъ умѣнѣ; соединяя такія длинныя слова съ короткими, заключается все таинство гармоніи нашихъ ямбовъ; отсюда только и происходитъ ихъ быстрота и медленность, представляющая быстроту или медленность чувствованій: искусство немногими Стихотворцами постигаемое; и все то, что отъ слишкомъ *степеннаго* ямба ожидать можно. Разсмотримъ еще

нѣсколько стиховъ Хераскова, относительно къ искусству *описаній, сравненій* стихопворныхъ и *гармоніи*, о которой шеперь говоримъ, ... но — уже поздно; письмо мое не поспѣетъ на почту. Чшо дѣлать! — до слѣдующаго разу! Тогда побесѣдуемъ съ тобой, любезный мой Пашпріошъ - Филологъ, о качествахъ слога, которыя мы назвали *случайными*. Прощай:

Р. С. Ты меня чрезвычайно одолжилъ присылкою Димитрія Донскаго. — Здѣсь этой книги нѣтъ совершенно. Читаю съ особеннымъ удовольствіемъ, и, можешь быть, сообщу нѣкоторыя свои мысли о сей Трагедіи въ будущемъ же письмѣ.

Мрзлкъ.

Москва
Августа 22.
1815.

Конецъ VIII книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

64545

~~~~~  
СЕНТЯБРЬ.  
~~~~~

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы на
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Октября
25 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Двигубскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

~~~~~

Стран.

I.	Отпрывокъ. Изъ Волперовой трагедіи: Меропа.	- - -	1
II.	Явленія ночи.	- - -	17
III.	Безсмертный духъ.	- - -	21
IV.	Мертвый къ живому.	- - -	25
V.	Сонъ.	- - - -	28
VI.	Осторожный. Шахъ. (сказка)	- - -	29
VII.	Сонешъ.	- - - -	30
VIII.	Баснь. Плющъ и дикая Роза.	- - -	31
IX.	Ночь.	- - - -	32
X.	Пѣснь Лапландца.	- - -	34
XI.	Свѣтъ. Аллегорія.	- - -	36

О г л а в л е н і е.

	Стран.
XII. О воспитаніи дѣвиць. Письмо.	40
XIII. Россіяда. Письмо къ другу.	
О слогахъ. Окончаніе.	49

I.

О Т Р Ы В О К Ъ .

Изъ Волтеровой трагедіи: МЕРОПА.

(Дѣйствіе третіе.)

Я В Л Е Н І Е Ie.

НАРБАСЬ ИСМЕНА (*наперсница
Меропы вдали театра при гробницѣ
Кресфонла*).

Н а р б а с ь .

.....
.....
Предъ кѣмъ открышья здѣсь! — вопще ищу

друзей,

Ктобъ могъ меня теперь представить
тайно къ ней;

Ахъ, никого мой взоръ померкшій не срѣ-
таешь! . . . .

У гроба, мнишя мнѣ, жена въ слезахъ спе-
наешь . . .

Вездѣ печальные! — увы! знашь сей чер-
погъ

Обищелю избралъ свирѣный гнѣва богъ!..

Книж. IX.

А

Я В Л Е Н І Е П е.

НАРБАСЪ, ИСМЕНА

И с м е н а.

Кто незнакомецъ сей! — какое дерзновенье!
Царицы-ль возмущаешь теперь уединенье?
Иль опъ пирана онъ къ намъ присланъ при-
мѣчаешь,
И вздохи тяжкіе несчастливыхъ щипаешь?

Н а р б а с ъ.

Ахъ! вѣдѣшь ты ни была, почувствуй со-
жалѣнье;
Несчастный предъ побой: подай мнѣ утѣ-
шенье,
Къ Царицѣ доведи; могу полезнымъ быть.

И с м е н а.

Какой ты часъ избралъ съ Царицей гово-
ришь!

О спранникъ! удержи усердіе докучно,
Не умножай тоски Меропы злополучной.
Иди опселя скорѣй . . . .

Н а р б а с ъ.

Для праведныхъ небесъ,
Не отвергай меня — не презирай сихъ слезъ!
Ахъ вѣдѣшь! не спранникъ я — не чуждый
я въ столицѣ;
И естли предана несчастной ты Царицѣ,
То вѣдай, сердцемъ ей не меньше преданъ я,
И бѣдствами ея скорбитъ душа моя.

Скажи, чей вижу гробъ, надъ коимъ пы-
спенала,
И горькими въ сей часъ слезами орошала?

И с м е н а.

Причина вѣчныхъ слезъ супругъ и рабамъ,
Въ семь гробъ положень подобный Царь бо-
гамъ,

Кресфонтъ . . . .

Н а р б а с ь.

Мой Царь! — О прахъ, достойный по-
клоненья!

И с м е н а.

Меропа болѣе достойна сожалѣнья.

Н а р б а с ь.

Какими карами еще ей рокъ грозить?...!

И с м е н а.

Ударъ ужаснѣйшій! — послѣдній сынъ
убишь.

Н а р б а с ь.

Эгистъ! — О небеса! жестокая судь-
бина!

И с м е н а.

Уже извѣстна всѣмъ Царевича кончина.

Н а р б а с ь.

Эгистъ? — Эгиста нѣтъ! —

И с м е н а.

У самыхъ градскихъ стѣнъ
Рукю пайнаго злодѣя онъ сраженъ:

Н а р б а с ь.

Ахъ! я предчувствовалъ! — я предре-
калъ, несчастный!...

Спаранья тщетныя! — Усилія напрасны!...
Но, нѣшь, — правдивъ ли слухъ?...

И с м е н а.

Увы! сомнѣній нѣшь.

Эгиспъ покинулъ машь, оставилъ груст-
ный свѣтъ.

Отрадное, какъ сонъ, исчезнуло сомнѣнье...

Н а р б а с ь.

Се, плодъ моихъ трудовъ!....

И с м е н а.

Меропа, въ испуленье,
Зовешь всечасно смертъ, забыла страхъ къ
богамъ:

Единый сынъ ея, является очамъ!

Распорглись узы всѣ съ симъ міромъ для
злосчастной:

Но прежде совершишь обѣтъ рѣшилась
спрашной;

Убийцы кровь она своей рукой прольешь,
При гробѣ семъ его на жертву принесешь.
Чпя матери поску, Царь мещь ей дозво-
ляешь,

И справа грозная убійцу окружаетъ;
Сей часъ его сюда въ оковахъ приведушь,
И крови гнусныя попоки пошекушь.

Желанье матери, чтобы ея печали
Здѣсь взоры чуждые и хладны не смущали.

Н а р б а с ь.

И для чего же мнѣ, желать Царицу
зрѣть! . . . .

При гробѣ семь шеперь осталось умереть.

Я В Л Е Н І Е ШЕ.

И С М Е Н А (*одна*).

Сей спарець, можешь быть, сокрытый
другъ Кресфонта? —

Онъ плачешь, не спрашась и злобы Поли-
фонта;

Онъ плачешь, — а льстецы, забывши чески
путь,

Не смѣюшь у Царя на гробѣ воздохнуть . . .

Его участіе сердечное и сильно . . .

Нѣтъ! соспрананіе не льстѣ слезъ столь
обильно . . .

Къ Эгисту чувства онъ отечески явилъ;

Пойдемъ за нимъ; — пусть онъ . . . увы! что
зрю! нѣтъ силъ . . .

Я В Л Е Н І Е IV е.

МЕРОПА, ИСМЕНА, ЭВРИКЛЕСЬ, и ЭГИСТЪ
(въ цѣляхъ), спража, жрецы.

М е р о л а.

Влеките изверга, влеките на шер-
занья, —

Адъ! — муки вымысли, достойны злодѣянья!
Но что жесточе мукъ собственныхъ моихъ!...

Э г и с т ъ.

Я дорого плачу за мигъ щедротъ твоихъ,
Всесильный! Ты одинъ невинныхъ покрови-
тель!

Э в р и к л е с ъ.

До смерти назови сообщниковъ, губитель!

М е р о л а.

Скажи, злодѣй! скажи, кто пигра на-
училъ,

Чтобъ страшное сіе злодѣйство онъ свер-
шилъ,

И что я сдѣлала тебѣ! . . .

Э г и с т ъ.

Клянусь богами,

Что лжи не вѣщаль ни сердцемъ, ни устами;

Едину истину я предъ тобой открылъ,

И мыслилъ, что твоей гнѣвъ на милость
премѣнилъ.

Ты милующу длань просперла надо мною;

Но что премѣнѣ сей незапною виною?
И чью въ невѣденыи я пролилъ славу кровь?
О комъ душой скорбишь? — къ кому сія
любовь?

М е р о л а.

Къ кому любовь! — злодѣй! . . . .

Э г и с л ь.

Увы! ея ланипы

Зрю смертной блѣдностью, спраданіемъ
покрышы.

Какъ мучусь я! . . . . вѣщай! . . . . Всей кро-
вию моею

Желалъ бы искупитьъ поску души швоею.

М е р о л а.

О извергъ! до чего довель онъ ухищреніе!
Онъ опцилъ жизнь мою, и кажетъ сожалѣнье!

(Бросается въ руки къ Исменѣ.)

Э в р и к л е с ь.

Царица! казнь надъ нимъ достойную
свершай,

За Царственную кровь, за сына опозищай.

Э г и с л ь.

Нль при дворахъ Царей такъ правду
соблюдаютъ,

Вдругъ призрятъ, оградытъ, возвысятъ, и
караютъ!

Почто оставилъ я тебя, родимый лѣсъ?
 Родители мои! не осушайте вамъ слезъ!
 О маперь! ты на вѣкъ уже осиротѣешь!..
 Ты предвѣщала мнѣ. . . .

М е р о л а.

Злодѣй! ты мать имѣешь,
 Ахъ! безъ тебя, и я, я маперьюбъ была,
 Ты сына опнялъ. . . .

Э г и с т ъ,

Какъ? я, я свершила зла? . . .
 Ахъ, еспьли онъ швой сынъ — ты зришь меня
 безсловна;

Не виненъ сердцемъ я, рука мол виновна.
 Но грозны небеса въ свидѣтели даю,
 Что опдалъ за негобъ шеперь я жизнь мою.

М е р о л а.

Ты, извергъ, сей доспѣхъ совлекъ рукой кровавой.

*(Показывая на стоящее у гроба
 всеоружіе),*

Э г и с т ъ,

Онъ былъ на мнѣ. . . .

М е р о л а.

Какъ! что! . . .

Э г и с т ъ.

Клянусь самой побою,
 Симъ сыномъ, мапері ушѣхою драгою,

Безцѣнный сей доспѣхъ мнѣ даль родители
мой,

Мерола.

Въ Эвмидѣ? — швой опецъ? — Какъ сердце
замираешь!

Кто швой опецъ? — вѣщай, . . .

Эгистъ.

Уже Царица знаетъ,

Опецъ мой Поликшеть,

Мерола.

Ты духъ перзаешь мой! . . .

Какимъ сомнѣнемъ я, и жалостью какой
Поспѣдною мяпущь! . . . пойдемъ, накажемъ
злобу,

Влеките изверга къ сему священну гробу —

(Поднимая кинжаль,)

Тѣнь сына моего! сей мапери рукой . . .

Я В Л Е Н І Е V e.

Тѣ же и НАРБАСЪ *(поспѣшно вбѣгая),*

Нарбасъ.

Царица, удержиись!

Мерола.

Чей гласъ! . . .

Н а р б а с ь.

Молю! . . . . . Постой!

(*Поднявъ руки къ небу*)

Назвашь . . . и погубишь! . . . невинныхъ
Покровишель,
Спаси! . . . . .

М е р о л а.

Умри злодѣй!

Н а р б а с ь.

Постой!

Э г и с т ь (*обратя очи къ Нарбасу*),

О мой родишель!

М е р о л а.

Его отецъ!

Э г и с т ь.

Почто, почто сюда спѣшилъ?

Или, чтобъ опщій взоръ въ гробъ сына про-
водиль?

Н а р б а с ь.

Царица! возпрети коварству совершивъ . . .

О вѣрный Эвриклесъ! да жертва удалишь,

Внемаи (*говоритъ ему на ухо*)!

Э в р и к л е с ь.

О небеса! (*уводитъ Эгиста*).

М е р о л а.

Спрахъ чувства оковаль! —

(*Нарбасу*)

За сына мстила я . . . . .

Н а р б а с ь (бросясь передъ нею
на колѣни).

Твой сынъ сраженъ бы палъ.

Эгистъ! . . .

М е р о л а (вылустивъ изъ рукъ
кинжалъ).

Вѣщай! . . . . Эгистъ. . . .

Н а р б а с ь.

Злощасная Царица!

Едва не спала ты теперь сыноубица:

То самъ Эгистъ. . . .

М е р о л а.

Эгистъ!

Н а р б а с ь.

То сынъ несчастный твой.

М е р о л а.

Заспыла кровь! (улаждаетъ въ руки *Ис-*
мены).

И с м е н а.

О рокъ!

Н а р б а с ь.

Смяненіе сокрой!

Она безъ чудствъ! — увы! сіе души вол-
ненье,

Опчаяніе, страхъ, и сладко восхищеніе

Опнѣмушь жизнь ея, копору скорби спомъ,
Гоненіе давно . . . .

Мерола (приходя въ себя).

Нарбась! . . . иль то былъ сонъ? . . .
Нарбась! . . . гдѣжь сынъ? почто, почто
онь не со мною? . . .

Нарбась.

Скрой нѣжность, и владѣй смущенною душою;
(Исменѣ)

Ты шаинство сіе на вѣкъ въ груди сокрой;
Царицы пвоея въ немъ заключенъ покой.

Мерола.

Какая намъ еще опасность угрожаетъ!
Какой мнѣ люпый богъ зрѣшь сына запре-
щаетъ!
За пѣмъ ли возвращенъ, чпобъ болѣ кру-
шипъ?

Нарбась.

Ты, не узнавъ его, хопѣла умерпвишь;
Теперь познавъ, увы! погубишь неизбѣжно,
Коль нашъ приходъ сюда не скроешь ты
надежно.
Гласъ сердца да молчишь! — припворствуй
и крѣпись;
Злодѣй на пронѣ здѣсь; безмоцна ты;
страшишь! . . . .

Я В Л Е Н І Е VIe.

Те же и ЭВРИКЛЕСЬ.

Эвриклесъ.

Царица! — войны свирѣпые схватили ...

Мерола.

Кого?

Эвриклесъ.

Нещаснаго, чпо къ смерти осудили.

Мерола (быстро).

Узнай, нещасный, попь . . . . онъ сынъ

мой! сынъ Царей!

Онъ гибнетъ! полетимъ, друзья, на пьму

смертей!

За мною всѣ! . . . .

Нарбасъ.

Поспой!

Мерола.

Эгиспа увлекають,

Куда! — за чемъ! — меня!... ахъ, мать

оспаиваютъ!

Какъ сына опнимають! . . .

Эвриклесъ.

Когда рѣшишься мспить?

Вѣщаютъ: Царь его желаетъ спросить.

Мерола.

Кого! — о чемъ! — его извѣспна ли порода?

Эвриклесъ.

То тайна для Царя и для всего народа.

Мерола.

Пойдемъ, молишь Царя за сына моего!

Нарбасъ.

Моли однихъ боговъ, и бойся лишь его.

Эвриклесъ.

Когда Эгиспъ Царю наводитъ тѣнь сомнѣнья,

Твой съ Полифонпомъ бракъ — залогъ его спасенья.

Коль васъ у алшаря узль вѣчный сопряжеть;

То сына своего своимъ онъ наречеть.

Пускай боязнью вѣкъ душа его мящется;

Эгиспа пощадишь, коль съ матерью спряжеться.

Нарбасъ.

Онъ вспунишь въ бракъ съ побой!... не обманулся-ль слухъ?...

Мерола.

Ахъ! неизвѣспностью терзается мой духъ!

Иду. . . .

Нарбасъ (останавливая ее).

Ты не пойдешь, несчастная Царица,

Ты брака не свершишь! — смотри: сія гробница. . .

Эвриклессъ.

Народомъ рѣшено, чшобъ онъ супругъ ей
былъ,

Онъ за Царя отмстишь. . . .

Нарбасъ.

Онъ самъ его убилъ!

Мерола.

Сей извергъ! . . .

Нарбасъ.

Онъ! — онъ самъ! — его, его руками,
Въ черпюгахъ сихъ сраженъ Кресфонтъ съ
двумя сынами.

Я видѣлъ, какъ пронзилъ Царя онъ моего,
Я видѣлъ кровь на немъ супруга пвоего.

Мерола.

О боги! . . .

Нарбасъ.

Трупами опвсюду окруженный,
Въ злодѣйствахъ плавань сей убійца по-
таенный:

Пришворствомъ онъ себя, какъ шучей, обло-
жилъ,

Чертоги Царски самъ злодѣямъ отворилъ.

Онъ воспалилъ пожаръ, онъ началъ умерщ-
вленья,

И посреди убійствъ, разбоя, разхищенья,
Въ крови своихъ Царей — разбой погасилъ,
Въ убійцѣ Царскомъ всѣмъ ихъ мстителя
явилъ.

Тебя — тебя я зрѣлъ, безъ чувствъ между
 пѣлами ;
 И изъязвленный самъ, сокрытыми пупями,
 Увлекъ опъ гибели Эгиспа пвоего ;
 Рокъ милосердовалъ къ невинности его.
 Шеснадцать лѣтъ я съ нимъ изъ края въ
 край скипался,
 Чпобъ скрышь его, чужимъ я именовъ на-
 звался ;
 Увы! шеперь, опъявъ надъ нимъ вися-
 щій ножъ,
 Царемъ злодѣя зрю! . . . и ты съ нимъ въ
 бракъ идешь! . . . .

М е р о л а.

Вѣщанье спрашное всю кровь оспановляеть!

Э в р и к л е с ъ.

Идушь! . . .

М е р о л а.

О небеса! . . .

Э в р и к л е с ъ.

Се! Полифоншь вспуаетъ.

Ивановъ.

II.

Я В Л Е Н І Я Н О Ч И.

Уже сокрылось дня свѣпило
За темныя вершины горъ ;

Румяной полосой въ послѣдни озарило
Рѣку, долину, холмъ, поля, дремучій боръ ;
Его прощальный лучъ по Западу разлился,
И въ пурпурныхъ струяхъ на небѣ отра-
зился.

И, се! ужь пламенный блѣднѣешь небо-
склонъ,
И темной синевою подернувъ сводъ небес-
ный.

Величественна Ночь вошла на мрачный
пронъ,
Покровъ разкинувъ звѣздный.

Изъ за - чернѣющихъ стучь

Луна печальный ликъ повременно являетъ,
И въ доли и лѣса дрожащій мещетъ лучъ ;
Въ кристаллѣ чистыхъ водъ его изобра-
жаетъ.

Тамъ тихо межъ бреговъ рѣка спруи влечетъ ;
Надъ ней, какъ море, мгла туманна,
Далече по лугамъ распланны,
На землю влажный паръ ліетъ ;
А тамъ утесы надъ рѣкою
Одѣты ужасомъ споятъ ;

Книж. IX.

В

И полночь мрачная низходишь на дубравы,
 Тебя повѣдають, и мѣсяць величавый,
 Спрямляцій помный лучь сквозь легки облака,
 И сонмомъ свѣсплыхъ сферъ усѣянна дуга,
 Чѣмъ препоясалъ Ты всеильною рукою
 Громаду воздуха, носящусь надъ землёю!
 Тамъ влага спелется парами надъ рѣкой:
 Не селиг еиміамъ хвалы къ Тебѣ паряцій?

Густой покрышы пьюмой.

И гордые верхи надъ безднами взносящи,
 Скалы безмолвныя Творца чудесь гласящы!
 Тамъ рощи, скованны ношною дремопою,
 И мрачный боръ своей ужасной пиши-

ною

Тебя благовѣспящы!

Вѣщають о Тебѣ и темныя долины,
 И возвышенныхъ горъ насупленны вершины,
 И кроюща луговъ зеленый бархашъ мгла,
 И длинна пѣнь холмовъ, по долу разши-

ренна,

И дебрь безмолвна, и поля,
 И степь, во грозный сумракъ облеченна.
 Молчащихъ пварей хоръ, сляанный во хвалу,
 Гремить къ престолу Твоему!

Великъ, гласящъ, великъ премудрый нашъ
 Зиждидель,
 Морей, земли, небесъ всемошный Пове-
 литель!

Б 2

Речешь — и солнце гонитъ тьму —
 И свѣтъ со теплою соуплывують ему.
 Велишь — и скрылось все, и мгла низходитъ
 ночи,

И дивну цѣпь чудесь зрять смертныхъ
 слабы очи,

Которой каждое звено печать чудесь
 И громогласная хвала Творцу небесь.

Пусть придетъ ашеиспъ со мною,
 Въ топъ часъ шоржеспвенный, какъ пшарь
 одѣша тьмой,

Природы мрачною плѣнятсья красою ;
 Онъ смолкнетъ предъ ея священной хвалою,

И прелеснямъ дивясь пворенья,
 Отвергнетъ прежнихъ мыслей тьму,
 И благодарнаго исполненъ восхищенья,
 Съ слезою посвяпитъ хвалебный гимнь Ему.

Но се! — и ночь покровъ свой мед-
 ленно снимаетъ,

И звѣздъ спаль блѣденъ зракъ,
 Луна на Западѣ ликъ пусклый чупъ являетъ,
 И легкій опблескъ зарь погналь съ природы
 мракъ :

Поля, долины, холмъ, дубравы озарились,
 Дыханьемъ упреннимъ всѣ пшари оживи-
 лись ;

Явспаль, и во свое жилище вшедь, Творцу
 Еще принесь благодаренье,

Какъ нѣжный сынъ нѣжнѣйшему Отцу,
За блага, кои Онъ далъ смертнымъ въ на-
слаждение! . . . . .

Петръ Новиковъ.

III.

БЕЗСМЕРТНЫЙ ДУХЪ.

Вскипѣла вдругъ кровава брань :
Смерть люба жало изощряеть,
И швердая *Героя* длань
На подвигъ мышцы укрѣпляетъ ;
Въ очахъ его горитъ огонь ,
Біяся сердце пламенѣеть : —
Гдѣ ужась , злоба , шмы препонь ? —
Лешитъ шуда , и — кто посмѣеть
Его измѣритъ крѣпость силъ ?

✱

Блескъ молніи — его естъ мечъ : —
Падунъ , какъ класы поваленны ,
Среди свирѣпыхъ бивъ и съчъ
Враги , рукой сей пораженны . —
Ни лещъ , ни завистъ не спрашна ;
Обманы , ковы погибають ,
Всѣмъ правда , мощь его видна ;
Безсмертъя лавры украшаютъ
Чело его побѣдъ вѣнцомъ.

●

Но, ахъ! — средь подвига онъ палъ: —
 Не бойшесь! — живь! мы зримъ Донскаго;
 Въ немъ Игорь снова намъ предспаль,
 Въ немъ зримъ Эмилія другаго. —
 Ему побѣдна пѣснь гремитъ,
 Его примѣръ одушевляетъ,
 Героевъ новыхъ онъ родитъ,
 И — фениксъ древнихъ оживаетъ,
 Который прахъ его почтитъ.

Понесъ ли онъ клеветъ яремъ,
 И злобы черной изкушенъ,
 По прудномъ рапованьи семъ,
 Онъ въ сердце найдетъ утѣшенъ:
 Въ убогой хижинѣ своей,
 Единый странннй жезлъ имѣя,
 Безъ копій, грозныхъ и мечей,
 Въ попомствѣ посрамитъ злодѣя: —
 Безсмертннй въ немъ живетъ Ка-
 миль.

Падетъ ли онъ въ поносный пльнъ,
 Онъ о сподвижникахъ жалѣетъ:
 Въ немъ Регудъ снова оживленъ; —
 Забывши цѣпи, пламенѣтъ
 Одно опечество сласатъ. —
 Онъ смерть и бѣдства презираетъ;

Врагу совѣтъ иль помощь дашь
 Единымъ бѣдспивомъ поспавляешь,
 И — въ смерти зрима ему вѣнецъ.

Безсмертный духъ! — тебѣ нѣтъ бѣдъ,
 Тебѣ нѣтъ смерти, разрушенья!
 Ты славы сынъ, единъ предметъ
 Воспорговъ міра, удивленья.
 Ты съ міромъ созданъ, съ нимъ живешь,
 Ты веси, грады воскрешаешь,
 Личину дерзку съ злобы рвешь,
 Единъ, единъ ты вѣкъ сіяешь
 Чистѣйшей свѣта лѣпопой.

Тамъ Мининъ къ гражданамъ речешъ,
 Тобою къ славѣ окриленный:
 Кто кровь намъ Царскую спасешъ? —
 На что металъ, богатства бренны,
 Коль жертвой намъ Сармаповъ бышь? —
 Изрима Героя мы другаго: —
 Пожарской ихъ въ Москвѣ разишь;
 Молишва Паспыря святаго
 Къ Пресполу вышню вознеслась.

Возспалъ злодѣй Наполеонъ: —
 Духъ бранный Россювъ возвышаетъ; —

Коварства, лести полонъ онъ,
 И грудь Россъ пверду ополчаешъ.
 Врага Кутузовъ поразилъ,
 И врагъ — вселенной посрамленъ! —
 Наполеонъ съ главы сронилъ
 Кровавыхъ лавровъ украшенъ, —
 И съ славой спарець опочилъ. —

*

Тиранъ, унынъемъ пораженъ,
 Еще вращаетъ мысль стропшиву;
 Онъ злобой, местию вооруженъ;
 Но сильный Россъ главу кичливу
 На Эльбскихъ берегахъ разилъ. —
 Къ врагу кипящъ Германцы мщенъемъ,
 Въ ихъ сердцѣ къ славѣ огонь горилъ,
 Въ убикомъ сердцѣ обольщенъемъ! —
 Се! Россъ Геройство вновь родилъ.

*

Коль мудро миръ сей сотворенъ! —
 Въ немъ добрымъ благо обитаетъ;
 Наказанъ злой и посрамленъ; —
 Зло мигъ живетъ и умираетъ!
 Ни пронь, ни слава не хранятъ
 Коварнаго опъ изпязанья;
 Въ вѣкахъ, прямыхъ Героевъ чпятъ,
 А извергъ — жершва золь, шерзанья;
 Презрѣнне, срамъ ему удѣль.

IV.

МЕРТВЫЙ КЪ ЖИВОМУ

Сажень земли — мое спяжанье,
 И пѣсенъ молчаливый домъ,
 И ненасытное желанье
 Усыплено подъ симъ холмомъ; —
 И спить спраданье и веселье,
 И пихо все въ угрюмой кельѣ.

Прохожій! жизни сей спезями,
 Какъ ты, и я подобно шекъ,
 И я кропиль свой пупъ слезами,
 И я въ мечпахъ провель свой вѣкъ,
 И для меня съ улыбкой шасстье
 Смѣняло изрѣдка ненастье.

Я шекъ — и цѣль передъ очами
 Еще мелькала вдалекѣ;
 Я быспрыми спѣшилъ спопами; —
 Но смерпи въ гибельной рукѣ
 Коса сверкнула — и могила
 Мое спременение прекрапила!

Герой, побѣдой вознесенный,
 Чье имя, какъ небесной громъ,

И богъ земной, и рабъ презрѣнный,
 Всѣ лягутъ въ молчаливый домъ;
 Изчезнетъ блескъ, какъ свѣтъ зарницы,
 И гордыя падутъ гробницы.

Конецъ могущества и славы,
 Послѣдній пышности предѣлъ!
 Что здѣсь вѣнецъ, что мечъ кровавый,
 И что здѣсь опкликъ громкихъ дѣлъ?
 Хвала не пронетъ спящихъ слуха,
 И гимнъ до ихъ не дойдетъ уха.

Дипя забудется игрою,
 Примчися вслѣдъ за мотылькомъ,
 И съ камня слабою рукою
 Гордящійся сполкнетъ шеломя,
 Покапитъ, взглянетъ и оставитъ,
 И рѣзво вдалъ шаги направитъ.

О вы, хвляющіесь познаньемъ,
 Умомъ, искусствомъ, оспропой!
 Не увлекайтесь мечтаньемъ,
 Не ослѣпляйтесь суепою!
 Я мыслиль, разсуждалъ, прудился: —
 Но ахъ! сырою мглой покрылся.

И мой смущали взоръ печали ;
 Воспора пламень въ немъ свѣплѣль ,
 Любвью перси препепали ,
 И въ сердцѣ дружбы огонь горѣль ; —
 Онѣ погасли , охладѣли ;
 Надъ ними тѣнь надгробной ели !

Взираи на сей , прохожій , камень ,
 Подъ нимъ мой мирный плѣшетъ прахъ , —
 Взираи ! — и пвой попухнешъ пламень :
 Тебѣ ко мнѣ единый шагъ ;
 Вотъ гробъ , изрышый подъ ногою , —
 Онъ ждесть , сомкнувшись надъ побою .

О пилигримъ ! здѣсь край опчизны ;
 Учиси , учиси умирашь !
 Блажень , кто , путь свершая жизни ,
 Не преспаетъ на смерть взирашь :
 Онъ плѣнье сопрясетъ могилы ,
 Какъ юный фениксъ злапокрылый !

Вильгельмъ.

С О Н Ъ.

Въ тихой рошѣ, до денницы,
 Задремаль легонько я.
 Вошь съ жемчужной колесницы
 Порхъ дыня передъ меня.
 Легки спрѣлы за плечами,
 Яркій пламенникъ въ рукахъ,
 Въ кудряхъ золото спруями,
 Въ голубыхъ огонь очахъ.
 — „Пожелай — лишь оспорожно,
 Все исполню неопложно,
 Все исполню, мой пѣвецъ!“
 Такъ сказалъ миѣ богъ сердцець.
 „Миръ давно мое подданство,
 Я, малюшка — царь земли! . . . .
 — „Хловъ, Хловъ постоянство
 Богъ Пафоса, ты пошли!“ —
 Сынъ Киприды улыбнулся,
 Разсмѣлся; — я проснулся . . . .
 Мѣсяць блѣдный догораль,
 Погасали звѣзды неба,
 И предшеспвенницу Феба
 Токъ спокойный отражалъ.

В. Олинъ.

ОСТОРОЖНЫЙ ШАХЪ.

С к а з к а.

Одинъ Персидскій Шахъ

Собаками звѣрей правилъ въ своихъ лѣсахъ,
 И наконецъ прудомъ и зноемъ упомленный,
 Съ коня едва сошелъ ,
 Подъ кедромъ сѣлъ ,

Толпой придворныхъ окруженный.

Но какъ по близости тупь не было воды ,
 То , средь такой бѣды ,
 И всѣ , и каждый ,
 Для упоенья жажды ,

Заѣхавъ въ ближній садъ даюшъ совѣтъ
 Царю.

„Въ чужой?“ сказала Монархъ; нѣтъ, нѣтъ,
 благодарю.

„Хозяинъ опъ меня не приметъ вѣрно
 плапы ;

„А еспьли даромъ съѣмъ хопя зерно гранаты,
 „То Визири мои назавпрежъ цѣлый садъ
 Съ деревьями съѣдятъ.“ —

В. Олинъ.

VII.

С О Н Е Т Ъ.

Такъ ! милыя моею я слышу райскопѣнье!
 Гипара спройная въ рукахъ ея звучишь,
 И каждая струна мнѣ пагубой звенишь!
 По чувстввамъ пайное лѣтся восхищенье!

*

Какое спрашное и сладкое мученье ! . . .
 Огонь съ ея очей мнѣ прямо въ грудь ле-
 пилишь : —

Пылаешь сердце, кровь волнуется, ки-
 пилишь . . . .

Куда сокрышься ? гдѣ, ахъ ! гдѣ найши спа-
 сенье ? —

*

Нещасный ! поспѣшай ! бѣги, бѣги тѣхъ
 мѣстъ,

Которыя швоя Эглей посѣщаетъ !

Спрашися и однимъ съ ней воздухомъ ды-
 шаешь ! . . . .

*

Напрасно все ! — Хошябъ я скрылся въ без-
 дну звѣздъ,

И тамъ мой жадный взоръ Эглею повспрѣ-
 чаешь :

Она вездѣ со мной ; — шакъ ляззаль ея бѣ-
 жать ? ! —

В. Овинь.

VIII.

Б А С Н Ъ .

Плющъ и дикая Роза.

Взобравшись по стѣнѣ Плющъ очень высоко,

Спаль баршпсья, и видя подь собою,

Въ равнинѣ далеко ,

Надъ тихую рѣкою

Кусточикъ дикихъ Розъ, хохочеть великанъ.

„Смотри!“ кричитъ : „удѣль какой намъ

розной дань!“ —

И низостью кустокъ безстыдно упрекаетъ.

Кустокъ съ насмѣшкой отвѣчаетъ:

„Не долго счесться намъ:

Что высоко ты влѣзь , о помъ ужъ я ни

слова ;

Угодно по судьбамъ ;

Но я, и росъ, и поднимался самъ ,

Ты ползаль бы весь вѣкъ безъ помощи

другова.

Исановъ.

IX.

Н О Ч Ь.

Спишь подь кровомъ шихой ноши
 Ужь вечерній мопылёкъ ;
 Не шумяшь зелены рощи ,
 Не журчишь и ручеёкъ.

Ужь подь тѣню сосенъ дальныхъ ,
 Не видашь и пасуховъ ;
 Ужь и мѣсяць , другъ печальныхъ
 Поднялся изъ за - холмовъ.

Вся природа задремала ,
 Въперочка не слыхашь ;
 И зарница перестала ,
 Въ шучахъ западныхъ играть.

Только въ роцѣ за рѣкою
 Пѣсня томная слышна ;
 Соловей , да я съ поскокъ
 Провожаемъ ночь безъ сна.

Онъ поеть — а я перзаюсь ,
 Углубясь душой въ поску ;
 Стонами перекликаюсь
 Съ соловьемъ черезъ рѣку.

При корняхъ густой березы ,
 На берегу одинъ сижу ;

Мрачнымъ взоромъ , и — сквозь слёзы,
На цвѣтущімъ лугъ гляжу.

Нѣтъ моей со мною милой,
Нѣтъ во мнѣ души моей;
Безъ нее въ поскѣ унылой
Скученъ мнѣ и соловей.

Безъ нее печальны рощи,
Лугъ печалень , садъ унылъ;
Тягостно спокойство ноци;
Мѣсяць темень и не миль.

Таково - то въ горькой долѣ
Одинокому грустишь;
Нѣтъ упѣхъ и на престолахъ,
Ешьми не съ кѣмъ ихъ дѣлать.

Ахъ! не лзя безъ друга въ мирѣ
Чувствовать красоту земныхъ,
Пѣшь съ пріятностью на лирѣ
Для себя и для другихъ.

Скройся въ тучу мѣсяць лсный,
Смохни громкой соловей;
Не помите духъ мой страстный
Милой прелестью своей!

Гряньте громы! — зашумите,
Вѣпры буйные въ лугахъ;

Книж. IX.

В

Всколебайте, разбудите
Тёмный боръ на берегахъ!

Ахъ! несчастному въ злой скукѣ
Непріятна тишина;
Милый другъ! съ тобой въ разлукѣ
Вся природа мнѣ скучна.

Шатровъ.

X.

ПѢСНЬ ЛАПЛАНЦА.

Возвратись скорѣе, Зами!
Гдѣ возлюбленны красы?
Хладно Сѣвера дыханье,
Грозно моря колебанье,
Ледъ сковалъ мои власы.

✽

Ты напрасно убѣгашь:
Я любовью окрылень! —
Быстрый токъ шумить съ утеса,
Воешь волкъ во мракѣ лѣса,
Путь метелью занесень: —

✽

Не страшусь! мой лукъ напянушь,
Чушокъ вѣрной мой олень,
Волны раздѣлю рукою:
Зами образъ предо мною;
Я любовью оживлень!

✽

Съ высоты угрюмой сосны
 На долину брошу взоръ :
 Не узрю-ль шебя въ долинѣ ? —
 Пронесуся по пусынѣ ,
 Пропеку вершины горъ; —

*

Хрупкій листь спрехну съ березы ,
 И проспникъ ногой спопчу :
 Онъ не скроешь милой Зами !
 И за бурными морями ,
 Всюду Зами я сыщу. —

*

Ночь приблизилась съ зимою , (*)
 Ужь подъ снѣгомъ спигъ медвѣдь ; (**)
 Вкругъ огней всѣ улеглись ,
 И рассказы начались ,
 И плешупъ дружнѣ сѣтъ :

*

Возвратись и ты , о Зами ,
 Гдѣ возлюбленны красы ? —
 Хладно Сѣвера дыханье ,
 Грозно моря колебанье ,
 Ледъ сковаль мои власы .

Вильгельмъ.

(*) Известно , что въ Лапландіи и въ другихъ полярныхъ земляхъ ночь продолжается во всю зиму. Соч.

(**) Медвѣдь , сурокъ и нѣкопорыя другія животноя проводятъ всю зиму въ берлогахъ подъ снѣгомъ , по большой части опять , и не употребляютъ никакой пищи. Соч.

XI.

С В Ъ Т Ъ.

Аллегорія.

Вступивъ на поприще *Жизни*, всякой рано или поздно долженъ войти въ такъ называемый Храмъ *Сѣвта*. Снаружи онъ освѣщенъ привлекательнымъ блескомъ, среди коего видны надписи на четырехъ основаніяхъ, поддерживающихъ преддверіе сего Храма: *любовь, дружба, истина, добродѣтель*; но вшедь въ послѣднія врата, гдѣ наружный блескъ не имѣетъ уже болѣе силы, сіи надписи читаемъ въ превратномъ смыслѣ: вмѣсто *добродѣтели* видѣнъ *порокъ*; вмѣсто *истины* — *ложь*; вмѣсто *дружбы* — *корысть*; вмѣсто *любви* — *сладострастіе*. Въ сей Храмъ спекающіяся жители всего міра, различные нравами, языкомъ, характеромъ; всѣ они спараются найши въ немъ *Щастіе*, о которомъ давно идетъ молва, что оно скрылось въ семь жилищъ. У рѣдкихъ путешественниковъ споль *проницательное зрѣніе*,

чтобы въ молодости могло показаться имъ, что *щастіе* никогда въ немъ не обшало. По ту сторону Храма видны только старики, несчастные и обманутые, которые раскаиваются, что напрасно приносили въ жертву богамъ свое богатство, свое здоровье, свои чувствованія, свою честь. Во Храмъ ивънъ ни родственниковъ, ни истинныхъ друзей: они не вешупаютъ въ него; естли же имъ случился воиши шуда вмѣстѣ съ мольбою другаго народа, то родственники дѣлаются другъ другу чужими, а друзья неприятелями. У сихъ путешественниковъ невинность слыветъ простотою, а доброты — глупостію; честнымъ почитается шопъ, который не дѣлаетъ явно безчестнаго; добрымъ, кто не дѣлаетъ зла. Старики почитаютъ себя молодыми, а молодые — стариками: сѣдой старикъ остаётся и въ семдесятъ лѣтъ ребенкомъ съ дурачествами; а двадцатилѣтній мальчикъ почитаетъ себя довольно старымъ, когда даютъ ему совѣты. Многорѣчіе и болтливость служатъ

доказательствами ума; кто скромнѣе, тотъ глупъ! — Приятное обхожденіе познается по искусству приятно льстить; остроуміе по искусству, умно насмѣхаться, и умно здословить! — Чтобы показать свое воспитаніе, надобно блистать умомъ; — нужды нѣтъ, хотя на щель Вѣры, Опечесства, родства и дружбы. Чтобы внушить къ себѣ почтеніе, нужны деньги: почтеніе увеличивается по мѣрѣ богатства; за деньги покупаются почести, любовь и дружба. Наконецъ чтобы оплечиться въ семь храмъ болѣе другихъ, надобно имѣть длинный рядъ предковъ: умъ и сердце пустое! Обыкновенныя занятія сихъ людей состоятъ въ искусствѣ обманывать, и осерегаются обмана, хвалятся добро — и не дѣлаютъ его! — Главное божество сего Храма, обожаемое всѣми путешественниками есть *Непостоянство*. Могущество его велико; оно поступаетъ съ человѣкомъ, какъ Юпитеръ съ Сизифомъ; бѣднякъ только что подниметъ свой камень до вѣкошорой высоты: — онъ снова

въ бездну слѣпаешь! — Сіе божество сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, и держитъ въ рукахъ своихъ почести, *любвія*, *фортуну*, *награды*, *улы* и *сердца*. Подлѣ него одною степенью ниже является другое божество — *смирненное притворство*; во власть его дано — представлять вещи совсѣмъ въ противномъ видѣ, нежели въ какомъ онѣ въ самомъ дѣлѣ существуютъ. По сторонамъ сшоятъ другіе боги, окруженные безчисленнымъ множествомъ жертвоприносителей: *тщеславіе* — въ видѣ *познанія* собственныхъ достоинствъ своихъ; *зависть* — въ видѣ *поревнованія*, спрямляющаго къ совершенству; *происки* — въ видѣ *стараній*, открывъ истину; *лиціе* — въ видѣ *удовлетворенія* справедливости. Поклонники сихъ боговъ неизчислимы: Евронецъ и Негръ, старикъ и юноша, мужской и женской пола, повелитель и повластной — всѣ благоговѣюще предъ ними. *Любовники*, *друзья*, *родственники*, *жрецы* и *судьи* — избранные исполнили ихъ власти.

Слрѣв.

О ВОСПИТАНІИ ДѢВИЦЪ.

Отъ Н. къ М. М.

И такъ, ты уже въ доловину убѣжденъ, мой милый другъ, пощому что пребуешь отъ меня объясненій. Убѣдишь волю весьма важное дѣло и для самихъ Орапоровъ; а я не Орапореъ. Ещъли бы надлежало щокмо убѣдишь разумъ, я не щолько бы зашруднялась. Но не всегда по разуму своему мущины судящъ о женщинахъ; мы имѣемъ достоинства и недосщатки, кои не возможно оцѣнишь разумомъ; вы оцѣниваете ихъ щолько чувствомъ, внушаемымъ отъ щого, или другаго предмета. Недосщатки рождающъся изъ отношеній нашихъ съ вами; самыя достоинства наши по необходимости произтекающъ изъ сихъ отношеній. Ещъ дѣ вещи, въ коихъ мущины никогда ничего не поймутъ: это—желаніе нравищъся, и щпыдлибость.

Ты говоришь, что ничего щебѣ не кажешъя щоль приличнымъ и удобнымъ къ

воспитанію молодыхъ дѣвушекъ, какъ въ заведеніи, въ которыхъ онѣ, будучи почти всегда оплучены отъ обращенія съ мужчинами, чужды всего, чѣмъ могло вредить когда-нибудь скромности ихъ пола. Ахъ, мой другъ! ежели дѣвушка никогда nebudeшь подвержена ничему, чѣмъ могло тревожить ея скромности; но, какъ же преобикнетъ она къ необходимому вниманію и осторожности, хранишь ее? Точно отъ обращенія съ мужчинами женщины пріобрѣли стыдливость: въ ихъ присутствіи онѣ, такъ сказать, ссорожать себя; опасеніе взоромъ ихъ занимаетъ женщинъ. Не должно желать, чѣмъ скромность женщины обратилась въ привычку, вѣрить, что она въ совершенной безопасности; подобное самоувѣреніе усыпляетъ бдительность; нагрозивъ того въ виду непріятеля пріучается она строго держать свою спражу. Не въ семействѣ своемъ привыкають женщины нѣжной своей любезности, и не среди женщинъ научаются осторожности. Женщина, умѣющая умѣрнить при нуж-

номъ случаѣ свободу поступковъ своихъ, не есть еще скромная женщина; ибо иногда можно легко забыться въ шомъ, что очень хорошо знаемъ но скромная истинно женщина есть та, для которой таковая свобода въ поступкахъ не постижима, въ которой воздержносшь сѣ происходитъ отъ уваженія къ самой себѣ, а не отъ уваженія къ другимъ, которая одна, безъ свидѣтелей, поступаетъ также, какъ бы поступала, укрываясь искашелейныхъ взоровъ, и которая наконецъ чшобъ покраснѣшь, не имѣетъ нужды, чшобъ ее видѣли. Можетъ быть, говоря вообще, сѣ застѣнчивосшь или принужденносшь семейственнаго воспитанія необходима для образования того обыкновеннаго чувства нѣжной робоспи, которое, кажешся, даже не довѣряетъ и собственной невинноспи, и краснѣетъ отъ всего, что ни мало не предосудительно; она составляетъ сѣю спыдливосшь, которая, не будучи сама по себѣ добродѣтель, хранитъ, поддерживаетъ добродѣтель, а иногда и прибавляетъ къ ней нѣчто, или

по крайней мѣрѣ всегда живо представляешь ея образъ, и имѣешь право на нѣкоторую часть уваженія, принадлежащаго самой добродѣтели.

Я довольно знаю, что сею неловкою или дикостью наиболѣе укоряють семейственное воспитаніе, говоря, что оно слишкомъ рано порабощаетъ молодую дѣвушку пиранству предразсудковъ свѣта, тогда, какъ общественное воспитаніе сохраняетъ для ней всю свободу ея возраста. Но, мой другъ, я не знаю возраста, въ которомъ бы казалось нужнымъ, чтобы молодыя дѣвушки были свободны. Правила общественнаго воспитанія чрезъ мѣру, итакъ сказать, республиканскія для женщинъ; и потому-то болѣе всего оно мнѣ не нравится: преимущества его являются въ отношеніяхъ слишкомъ опвлеченныхъ; въ немъ повинуются вещамъ а не людямъ. Тамъ всѣ права уже соглашены; всѣ обязанности установлены. Наказываются тамъ не иначе, какъ по формѣ; строгости и отказы въ извѣстныхъ правилахъ; тамъ молодая дѣвушка

научается повиноваться только справедливости и разуму. Это очень хорошо, но что ей сдѣлать, когда надобно будетъ повиноваться мужу? На что привыкать къ повиновенію однимъ свѣтскимъ законамъ, когда необходимость требуетъ подчинить себя на всю жизнь непремѣнно чужой волѣ? — Мужчина долженъ знать напередъ, чему обязанъ онъ повиноваться; женщина опасается только знать, кому: разумъ ея не можетъ очертить для нее опредѣленнаго рубежа ея обязанностей. Онъ обязанъ доставить ей способы къ перенесенію всей тяжести ихъ, какія бы онѣ ни были. Она нѣмъ болѣе благоразумна, чѣмъ легче, чѣмъ скорѣе умѣетъ сообщать свою волю съ прихотями мужа; нѣмъ тверже характеръ ея, чѣмъ равнодушнѣе отказывается онъ правъ своихъ. Нѣтъ ничего, не исключая даже и самыхъ добродѣтелей нашихъ, въ чемъ бы мы не должны были чуждаться упрямства, которое производитъ чувство независимости. Женщина не можетъ воображать, что ей будетъ всегда дозволя-

шельно являясь столь простою, непри-
 нужденною въ своихъ нарядахъ, столь
 ограниченою въ своихъ издержкахъ, какъ
 бы она того желала. Не надлежитъ ей
 прилѣпляться къ какимъ-нибудь обязанно-
 стямъ столь сильно, чтобы она уже не
 могла отказатьсь ошь нихъ для большей
 какой-нибудь обязанности. Случается,
 что одна строго привязана къ соблюденію
 принятыхъ обычаевъ; готова поссорить-
 ся на восемь дней съ мужемъ своимъ, и
 несогласилась принять гостей прежде
 окончанія срока какого-нибудь глубокаго
 фамильнаго праура; другая, по прави-
 ламъ своимъ и по вкусу, привыкнувъ си-
 дѣть дома, становится уже нелюдимкою
 и упрямою, не хочетъ ѣздить съ му-
 жемъ по баламъ и спектаклямъ; и я знаю
 точно мужа, который самъ ничѣмъ не
 любитъ заниматься, и въ глазахъ копо-
 раго привязанность жены къ занятіямъ
 стала порокомъ. Вамъ нечего впрочемъ
 бояться, чтобы въ томъ родѣ воспитанія,
 которое хотите дать дочери, сія по-
 слѣдняя спросилъ могла въ ней слишкомъ

усилишься. Склонность къ тому, что называется, *far niente*, всегда казалась мнѣ слѣдствіемъ шакого воспитанія, въ которомъ бездѣйствіе имѣешь по необходимости опредѣленные часы свои, гдѣ оно бываетъ концомъ неудовольствій, отдохновеніемъ послѣ трудовъ, минушою наслажденія, и вѣрнымъ признакомъ свободы благовоспитаннаго человека.

Тверди людямъ, сколько хочешь, что покой есть награда за труды; для нихъ удовольствія всегда милѣе трудовъ. И часто даже нужно, чтобы послѣ утомительнаго занятія слѣдовало цѣлебное разсѣяніе. Но чтобы избѣжать необходимости разсѣянія, которое у женщины происходитъ единственно отъ скуки, а не отъ великихъ трудовъ, она должна искать удовольствій въ свойственныхъ ей работахъ, свое отдохновеніе въ пріятныхъ занятіяхъ; надобно, чтобы она умѣла работать для забавы, и чувствовать скуку отъ праздности. Другъ мой! положеніе наше въ свѣтѣ не есть

самое выгодное, такъ какъ наряды наши не всегда самые покойные; и такъ надлежитъ приравнать характеръ къ нашему состоянію, какъ нѣкогда приравливали нашу талію къ корсету. — Но, ахъ! сколько потребно трудовъ и умѣнья, чтобы не слишкомъ зжать его, ни слишкомъ распустишь, дабы не сообщить ему лишней, такъ сказать, упругости, или не оставитъ въ излишней небрежности. Воспитаніе наше состоитъ изъ безчисленныхъ подробностей: очень малое число общихъ идей и очень много правилъ намъ предписанныхъ. Но общія идеи насъ обманываютъ, доколь опытъ не опредѣлитъ точнаго ихъ значенія; а женщинѣ не позволено дожидаться опыта; надлежитъ, чтобы первые ея шаги были уже точны и вѣрны; первыя движенія чувствъ были истинны; чтобы она знала все, неучась; чтобы судила о томъ, чего не можетъ знать; чтобы благоразуміе свое почерпала она изъ повиновенія; все просвѣщеніе

изъ довѣренности; ведомая шагъ за шагомъ, осперегаемая каждый день, она обязана приобрѣсть навѣкъ, подчиняя все поступки свои суду другаго, искасть въ чужой волѣ правилъ своего поведенія. Необходимо, чтобы опора, для нее ближайшая, поддерживала ее совсѣхъ споронъ, окружала бы ее повсюду, доколѣ укрѣпясь противу бурь, она въ соспояннїи будешъ держаться сама собою. — Другъ мой! предположи въ дочери своей все свѣденія и все добродѣтели: — и тогда найдешъ ли ты въ сей осьмнадцатилѣтней премудрости что-нибудь такое, кошорое могло бы обойтись безъ довѣренности къ совѣшамъ матери!!!...

Съ Франц. Ивановъ.

РОССИЯ ДА.

Письмо къ другу. О слогахъ. Окончаніе.

Мы остановились на *Описаніяхъ*, другъ мой! Описание разнится отъ картины пѣмъ, что сія послѣдняя имѣетъ одну минушу дѣйствія и опредѣленное мѣсто. — Описание — послѣдствіе картинъ; картина составляетъ изъ множества *образовъ*; образъ часто заключается въ одномъ или двухъ словахъ, и самъ собою производитъ иногда картину; но онъ всегда бываетъ вещественная одежда мысли; вошь *родословная* описаній! — Вездѣ, во всѣхъ родахъ Поэзіи имѣютъ мѣсто сія украшенія слога; но, кажется, Поэмъ болѣе приличны описанія, нежели какому-либо другому роду; — напрошивъ того всѣмъ удѣламъ Лирической Поэзіи болѣе свойственны картины и образы: воспорженная, въ быстромъ пареніи своемъ, можешь ли она останавливаться на подробностяхъ? — Самая драма описаній

Книж. IX.

Г

почпи не шерпишь, кромѣ вводныхъ разсказовъ, и то, разумѣея, одинъ разъ въ цѣлой піэсѣ. — И шакъ можно ушвердительно сказашъ, что Описанія, какъ существенная часшь разсказа, сущь одна изъ важнѣйшихъ часшей слога эпическаго. — Всѣ Спихопворцы, опличившіея въ семь родѣ сочиненій, особенно спарались обогащашъ свои шворенія блистательными описаніями. — Наша Россіяда, другъ мой, изобилуетъ ими.

Достоинство эпическихъ Описаній, кромѣ обыкновенныхъ качествъ, какъ-то ясности, вѣроятія, о которыхъ мы уже говорили, познаешя еще, шакъ сказашъ, по своему мѣсту: надобно, чтобы описаніе было *кстати*. — Это маленькое словцо, другъ мой, какъ ты самъ согласишя, заключаешъ въ себѣ весьма много. — Объ одномъ и томъ же предметѣ при разныхъ людяхъ повѣшвуемъ мы различно, то естъ, по временнымъ отношеніямъ и положенію нашему съ ними. — Кто говоритъ, когда, предъ кѣмъ, съ

какою цѣлю: вошь что составляешъ характеръ повѣсшвованія. — Могушь бышь два описанія, — Рускаго и Француза, оба прекрасныя, на пр. о Бородинской битвѣ, гдѣ та и другая сторона сражающихся чувствовала равную тяжесть и ужасы; но могушь ли онѣ бышь, спрашиваю, въ одинаковомъ направленіи, съ одинаковыми подробностями, съ одинакою цѣлю? — Можешъ ли Андромаха рассказывать о пожарѣ Трои такъ, какъ рассказываетъ о томъ же предметѣ Пирръ, или Улиссъ? — Это есть отношеніе между лицами. Потомъ, можно ли объ одномъ и томъ же предметѣ говорить одинакимъ образомъ въ разныя времена? — Опяшь, нѣшь! — При ясной погодѣ говоримъ мы обо всемъ весело, при сумрачной, и о веселомъ уныло — Смощри на живописцовъ: въ каждой картинѣ есть то, что они называютъ *грунтъ*; это главная шѣнь господствующая, отъ которой зависяшь сила и опшвы всѣхъ прочихъ цвѣщовъ. Въ картинѣ, представляющей печаль и радость вмѣстѣ, самая радость, по за-

конамъ природы и искусства, должна быть, такъ сказать, *полурадостна*. Наконецъ понъ описанія зависить отъ цѣли. — Надобно спросить себя: въ такомъ случаѣ, въ такихъ обстоятельствахъ, при людяхъ съ такимъ разположеніемъ и чувствами, въ такомъ-то мѣстѣ, — не теряя своей цѣли, и не нарушая отношеній къ нимъ, какъ бы я сталъ рассказывать объ извѣстномъ происшествіи? — Собственное чувство дастъ отвѣтъ, и рассказъ будетъ въ надлежащемъ понѣ. — Истинно-эпической рассказъ имѣетъ главное отношеніе отъ Пѣснопѣвца къ читателю. И такъ онъ долженъ соединять удовольствіе и пользу. — О пользѣ мы уже говорили въ прежнихъ письмахъ; удовольствіе широкое въ повѣствованіи: одно для ума, другое для воображенія, третье для чувства. — Къ сему въ запасъ присоединимъ еще то, что служило для оживленія повѣствованія: *противоположенія, сравненія, уподобленія*. Теперь разсмотримъ нѣкоторыя описанія Хераскова.

Не будемъ запрудняшья, подобно Гну.
Современному Наблюдателю, и предспа-
вимъ первое описаніе несчастнаго поло-
женія Россіи, слѣдующее пошчасъ за
прекраснымъ воззваніемъ (*Пѣснь 1. стр. 2.*).

Еще восточную Россіи древней часть
За - Волжскихъ наглыхъ ордъ. обременяла
власть ;

На нашихъ пѣвникахъ гремѣли шамъ оковы,
Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы ;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и
градамъ ;

Куреній алтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури шамъ шумѣли.
Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами
лежалъ ,

И пасырь въ темный лѣсъ опъ спада
убѣжалъ.

Когда свѣшило дня къ полунощи взираешъ,
Окровененную Россію обрѣпаешъ.

Оппорженная дщеръ опъ матери, Казань,
Изъ помныхъ рукъ ея брала позорну дань ;
Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Поднявъ главу свою при двухъ рѣкахъ споитъ ;
Опколѣ на берега шумящей Волги зритъ.

Эти 18 стиховъ, кажешя, могутъ бытъ
прибавленіемъ къ шѣмъ хорощимъ деся-

ши, кди только удалось обрѣсти Гну. Современному Наблюдателю вмѣстѣ съ его Товарищемъ. Они соотвѣтствуютъ правиламъ, прежде мною сказаннымъ. Въ нихъ — изложеніе несчастій Опечесшва. Для когожь эпо не занимательно? . . . . И пакъ на 2й страницѣ первой Пѣсни нашили мы хорошіе стихи; а Рецензентъ — едва нашель подобные въ седьмой! . . . .

Описаніе Москвы несчастной, перзаемой неуспройшвами, думаю, пакже не понравилсъ Современному Наблюдателю:

Уныль престольный градъ, Москва главу
склонила;

Печаль ея лице, какъ ночь, приосѣнила;

Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ
уста.

Тоскують вкругъ нее прекрасныя мѣста!

И горестъ, распрепавъ власы, по граду
ходишь;

Попутивъ очи внизъ, опчаянне наводишь!

Біеть себя во грудь, рѣками слезы льешь;

На спогнахъ поржесшва, въ домахъ оправды
нѣшь;

Въ дубравахъ шемноша, печаль въ долинахъ

злачныхъ;

Во градѣ сколица, не слышно пѣсней брачныхъ:

Единой слышенъ вопль во храмахъ Божества;
 Являлася Москва водѣ подобна мушной,
 Которая, лишася движенія и прохлады,
 Тускнѣеть, поршится и зараждается ядѣ.

Послѣднее сравненіе съ мушною и стоячею водою весьма разительнѣ живописуесть состояніе города, лишеннаго спокойствія, движенія, торговли, которая составляетъ жизнь его.

Слѣдуетъ мѣсто, гдѣ воображеніе Писателя должно явиться въ самомъ величайшемъ своемъ блистаніи и великолѣпнѣ. Россія несчастная, угнетаемая, опчаянная, наконецъ обращается къ высочайшему Богу Силь, къ Творцу своему, и показывая Ему раздоры, спраданія и приближающійся конецъ свой, умоляетъ о скоромъ спасеніи. Это мѣсто важно не только само по себѣ, но особенно замѣчательно въ отношеніи къ ходу Поэмы: оно останавливаетъ вниманіе; оно есть та минуша, гдѣ должна рѣшиться судьба Россіи; оно — источникъ и завязка чудеснаго всей Поэмы; оно должно обезнадежить, или ободрить ожиданія чи-

шапелья - патриота; оно разливаешь свѣтъ болѣе, или менѣе яркій на все твореніе. — *Россія обратилась къ Богу: Онъ внялъ, и положилъ въ предвѣчнои судѣ Своимъ рѣшеніе ея жребія!* Вспомнимъ мѣста подобныя у всѣхъ славнѣйшихъ Стихотворцевъ, Гомера, *Виргилія*, *Тасса* и другихъ; какое великолѣпіе, какая сила, какая живопись! — Здѣсь все искусливо; здѣсь, такъ сказать, гений долженъ истощить себя въ своихъ усиліяхъ; и какъ иначе? — Все, что послѣ ни будетъ чудеснаго, величественнаго, чрезвычайнаго, необходимо къ сему относится: — это всего основа. — Сколько подражатель *Виргилія*, *Тасса*, употребилъ красокъ изящныхъ въ описаніи низшедшаго *Гавріила* къ *Готфреду* для возвѣщенія ему закона и Воли предвѣчной. . . . (*) Признаться надобно, что *Херасковъ* уронилъ еіѣ мѣсто такъ, какъ первую почку, съ которой начинается дѣйствіе цѣлаго произшествія *Эпическаго!* Воишь стихи его:

(*) Смори *Амфіона* 8 книжку, стран. 7 я.

Россія, прежнюю утративъ красоту,
 И видя вокругъ себя раздоръ и пустошу,
 Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди Сподвицы;
 Набѣгомъ дерзкихъ ордъ спѣсненныя гра-
 ницы,
 Подъ сѣнью роскошей колеблющійся пронь;
 Въ чужомъ владѣніи Двину, Днѣпръ, Волгу, Донъ,
 И приближеніе вспрѣчая вѣчной ночи,
Бросаетъ къ небесамъ заплаканныя очи;
 Просперла длани вверхъ всѣхъ тварей ко
 Опцу,
 Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
 Открыла грудь свою, грудь помну, изъяз-
 вленну,
 Рукою показавъ Москву окровавленну,
 Другою вокругъ нее сліянно море зла,
 Вырыдала, и речи ни слова не могла.
 На огненныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣ-
 дящій,
 Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гре-
 мящій,
 Предъ Коемъ солнечный подобенъ тѣни
 свѣтъ,
 Въ Коемъ движущая міры, и все въ мірахъ
 живеть,
 Который съ небеси на всѣхъ равнозираеть,
 Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ,
 Царь пламени и водъ позналъ Россіи гласъ;
 И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,

Дни горести ея съ единый мигъ изчислилъ,
 И руку помощи простерши къ ней, по-
 мыслилъ, —
 Свѣтлѣ спали вдругъ надъ нею небеса, и пр.

Стихи сіи вообще хороши; но, кажется, они довольно слабы для такого мѣста. Пѣснопѣвецъ имѣлъ обширное и блистательное поле полешамъ своего воображенія, и обошелъ его кругомъ, сорвавъ на дорогѣ нѣкошорые шокмо, и по ненарокомъ, цѣвпы. Опъ чего въ надлежащей степени не оживляется здѣсь карпина молящейся Россіи? — Опъ того, что Россія, слово *собирательное*, означающее пространѣйшую страну, цѣлую Имперію, и въ переносномъ смыслѣ никоимъ образомъ не представитъ воображенію лица, или сущесства живаго: ибо всегда слово, Россія, являешся намъ народомъ многочисленнымъ, а не лицомъ. И пакъ прекрасные стихи:

И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
 Возносишь къ небесамъ заплаканныя очи;
 Просперла длани вверхъ всѣхъ пшварей ко
 Опцу:

Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
 Открыла грудь свою, грудь помну, изъязв-
 ленну,

Рукою показавъ Москву окровавленну,
 Другою вкругъ нее сліянно море зла,
 Взрыдала, и речи ни слова не могла. —

Оспаюся безъ надлежащаго дѣйствія: —
 Урокъ для Спихошворцовъ, какъ и оп-
 куда занимаешь карпины мешафорическія!
 Только опдѣльный, и однимъ взоромъ об-
 нимаемый предметъ удобно сравни-
 ваешь съ другимъ такимъ же, и слѣдо-
 вательно одинъ онъ можетъ быть взи-
 маемъ вмѣсто другаго, или олицетворять-
 ся. Поставь здѣсь Херасковъ не Рос-
 сію, но *Росса* (въ единственномъ числѣ
 вмѣсто множественнаго), преклоншаго ко-
 лѣна предъ Богомъ: вся картина полу-
 чить новую жизнь. — Другой ослабля-
 ющій недостатокъ заключается, по мо-
 ему мнѣнію, въ спихахъ ненужныхъ, то
 есть, не прибавляющихъ ничего къ дѣлу:
 Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни
 свѣтъ и пр.

До стиха :

Царь пламени и водъ . . . .

Говоря о Судіи Царствъ всемогущемъ, о
 Благодѣшелѣ и Милосердователѣ Россіи,
 о Спасителѣ ея — нужно ли употреблять
 эпитеты столько обыкновенные, и столь
 мало относительные, какъ *Царь пламени
 и водъ, въ Колѣ движутся міры и все
 въ мірахъ живетъ и пр.?* . . . Хороши
 краски, но не кстати!

Царь пламени и водъ позналъ Россіи гласъ:
 И славы чады своихъ послѣдній видя часъ,
 Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ,
 И руку помощи простерши къ ней, ПОМЫ-
 СЛИЛЪ; —
 Свѣшлѣ спали вдругъ и пр.

Если бы Россія казнилась, подобно Ли-
 мѣ, Лиссабону и другимъ городамъ, подвер-
 женнымъ землепрясенію, то есть, огнемъ и
 водою, тогда, конечно, прилично было
 сказать: *Царь пламени и водъ* и пр.; но
 здѣсь для чего? — *Позналъ*, слово для
 Всевѣденія неограниченнаго въ своемъ разу-
 мѣніи Хозяина неприлично, какъ мнѣ
 кажется; — *внялъ, внушилъ*, по образцу
 библейскаго Пѣснопѣвца, могли быть болѣе
 приличные здѣсь выраженія; *помыслилъ* —

великое слово! — Въ немъ — душа цѣлой картины. — Глаголь, *мыцлю*, означаетъ продолженіе разсужденія; съ предлогомъ, *по*, соединенный, *помышляю* или просто *зальшляю*, опредѣляетъ первую степень сужденія: — намѣреніе, предпріятіе; отсюда *помысль* имя существительное, то есть первая идея, на что-нибудь рѣшиться. *Помыслиль*, въ прошедшемъ времени, еще болѣе сокращаетъ или ускоряетъ дѣйствіе. — Надобно, чтобы послѣ сего слова, пошъ же часъ слѣдовало исполненіе, какъ послѣ творческаго слова, *да будетъ* — слѣдовало: *бысть*. Оно такъ и есть:

Свѣтлѣ спали вдругъ надъ нею небеса, и
проч.

А потому, еще въ прошивность Гну. Современному Наблюдателю Россійской Словесности, назову сіе мѣсто и особенно слово, *помыслиль*, истинно высокимъ: ибо оно изъясляетъ все могущество и быстроту Божественной Воли. — Незапятая перемѣна опъ сего одного, — *помыслиль*, произшедшая въ цѣлой природѣ

удивительно поражаетъ благоговѣніемъ чашателя, и оканчиваетъ цѣлую картину. Это слово можно сравнять въ достоинствѣ со всѣми высокими словами, которыя, другъ мой, часто пвердятъ намъ въ образецъ, изъ Гомера, изъ Расина, Корнелля и Волпера, ни мало не думая о разборѣ собственныхъ своихъ сокровищъ.

Но я распространился слишкомъ объ этомъ мѣстѣ; причина прежде мною уже сказана: мнѣ хотѣлось, что бы оно по важности своей столь же было блистательно и отработано, какъ у другихъ первоклассныхъ эпическихъ Спихотворцовъ. Когда я сказалъ, что не столь удачно *отработано*, то сіе отнесица только къ слогу, — къ выбору и разположенію красокъ и подробностей въ описаніи; впрочемъ все мѣсто по вымыслу довольно хорошо: ибо, что приличнѣе можно представить для возбужденія Іоанна къ праведной мести, какъ не пѣни опцовъ и прадѣдовъ царственныхъ, сихъ жертвъ неистовой свирѣлости Тацаръ? —

Всегда люблюсь я прекраснымъ Описаніемъ характера Адашева (спр. 11.); но какъ уже представлень шебѣ сей поршрешъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ писемъ, пошому его и оставляю: мнѣ кажешся, я слышу, что ты читаешъ его теперь наизусть: —

Какъ камень посредѣ кипящихъ турныхъ
волнь,

Борей не боясь, споишь неколебимо,

И волны о него бѣся, идушь мимо:

Адашевъ тако швердъ между пороковъ былъ,

Ошъ міра удалень, отечество любилъ.

Что можешъ бышь върише, напуральнѣе,
и наконецъ шочнѣе сего сравненія? . . .

Совѣшы Адашева и рѣшительность
Государя произвели чудесныя перемѣны въ
сердцахъ опчаянныхъ подданныхъ:

Едва слышанъ былъ во градѣ трубный
гласъ,

Духъ брани по сердцамъ простерся въ полъ
же часъ,

И храбрость на спѣнахъ вздремавшая про-
снулась,

На щипъ, на копіе, на мечъ свой огляну-
лась:

Я вижу въ прахъ васъ , орудіямъ рекла ,
И пыль съ себя спряхнувъ , по спогнамъ
попекла.

Послѣдній стихъ разительнo изображаетъ
внезапно проснувшуюся храбрость.

Описаніе Героевъ, предводительствующихъ арміями, не столько разнообразно и живописно, какъ у другихъ Поэтовъ эпическихъ: кѣо въ эпосѣ виноватъ? — Конечно, болѣе обстоятельна и обычай, нежели самъ Поэтъ. — У Гомера и Тасса соединились разные племена и народы для одной великой брани; знаменитыя сыны Царей, и часто чада боговъ, ими предводительствуютъ. Опъ того описанія ихъ болѣе живы, болѣе занимательны: здѣсь одинъ народъ идетъ свергнуть свое иго; предводятъ полководцы, управляемые Царемъ своимъ самодержавнымъ: Что осталось Спихотворцу? — описывать различіе ихъ характеровъ! . . . . Но. . . . мы уже объ эпосѣ прежде съ тобой говорили. — Вошь какъ выступило войско изъ града :

Мой слухъ стѣнаній съ веселымъ шумомъ
внѣмляешь:

Братъ брата, сынъ отца прощаяся объе-
мляешь.

Тамъ ратникъ зрится мнѣ *покрытый* сб-
дмой,

Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной;

Съ сердечной ревностью на воинство *взи-*
раешь,

И руки томныя на небо простираешь;

Открылася его израненная грудь; —

О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!

Съ высокой храмины *взирающей* со стономъ,
Но въ духъ подкрѣпленъ святымъ своимъ
закономъ,

Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіешь:

Я, можетъ быть, съ тобой въ послѣдній *ви-*
жу свѣтъ!

Но естли жизнь свою ты въ полѣи *оста-*
вишь,

Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы *из-*
бавишь!

Небесный обрѣши, или земный вѣнецъ!

А естли я умру, то Царь тебѣ Отецъ.

Россія подвинулася; объемяешь страхъ
Казанцовъ:

Уже блуспипели Казанскія измѣны,

Восходятъ высоко Свяжска горы стѣны;

Книж. IX.

Д

Сумбекъ городъ сей былъ пучей громовой,
 Висящей надъ ея пресполомъ и Главой;
 И Волга, зря его, свои помчала волны,
 Россійской славою, Тапарскимъ спрахомъ
 полны,

Ужасну вѣсть Ордамъ о градъ понесла:
 Въ Казани смутная опасность возрасла;
 Надежда оиъ сердець кичливыхъ удалилась,
 И матеръ безпокойствъ, въ нихъ робость
 поселилась:

У дня отъемлетъ свѣтъ, спокойство у
 ночей;

Имъ спрашно солнечныхъ сіяніе лучей;
 При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слыш-
 ны громы;

Въ дыму и въ пламени имъ кажутся ихъ
 дома:

Обвиный въ черную одежду *общій* спрахъ,
 Казанцамъ видится на спогнахъ и спѣнахъ;

Имъ часто слышится въ полночный пи-
 хій часъ,

Поющихъ Хрїстіанъ благочестивый гласъ;
 Священный зрится Крестъ рушитель ихъ
 покою,

Начертанъ въ воздухъ невидимой рукою.
 Народамъ такъ грозить вселенная Тво-
 рець,

Когда державъ ихъ готовишь Оиъ конецъ.

Этого описанія не лзя конечно срав-
нить съ подобнымъ же Лукана (явленія
предъ смертью Цезаря); но стихи, кажеш-
ся, достойны бы были вниманія Гна. Сов.
Набл. Вотъ богатырь, Аспалонъ :

Онъ шель, горь подобень;
Сей Выпязь цѣлый полкъ единъ попрашь
удобень;
Опважень, люшь, свирѣпь сей врагъ Рос-
сіянь былъ,
Во браняхъ, какъ простинокъ соперниковъ
рубиль;
Вошелъ въ средину онъ, покрытъ броней
злапою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ прубъ, въцалъ Ка-
занцамъ онъ:
Се въ помощь вамъ пришелъ безстрашный
Аспалонъ! —
И все собраніе окинулъ спрашнымъ окомъ.

Послѣдній стихъ живописно и прекра-
сно окончиваешь всю карпину, оспановляя,
на время удивленный взоръ чипашеля
на эпомъ спрашномъ Героѣ. — Онъ
ескорбленъ отказомъ,
И палицу свою взложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходиль, какъ бурная волна,

Д 2

Въ первомъ стихѣ заключается обобщительство, которое поринишь впрочемъ съ ещасливое сравненіе : Герой съ палицею, взложенной на раменахъ, и утекающая волна: — не сообразишь вдругъ! но за то въ главной мысли, произведшей сіи стихи, сохранена точность разительная. Волна уходитъ отъ берега, или скалы кремнистой съ грознымъ шумомъ, или лучше, съ негодующимъ *ропотомъ*: что ближе и вѣрнѣе объясняетъ слѣдствіе опказа, учиненнаго сильному изъ мужей? — Въ самомъ словѣ *уходилъ* заключается красота; есѣли бы Херасковъ сказалъ *ушелъ*, ушекъ и пр, то это показывало бы только стремительность пылкую честолюбія оскорбленнаго; но онъ желалъ объяснить особенно самонадѣянность и гордость лица оскорбленнаго: и такъ при первомъ неудачномъ опытѣ онъ не *ушелъ*, но *уходилъ* медленно, постепенно, прилично своему достоинству. — Такъ часто у Спиховорцовъ одно слово спойтъ цѣлой картины! — Не соглашаюсь съ тѣми, которые говорили, что сей стихъ естѣ

подражаніе славному стиху Расина въ
монологъ Терамена :

Le flot, qui l'apporta, recule épouvanté!

Здѣсь другая цѣль и другія обясненья;
да припомъ въ словѣ *уходилъ*, по
моему мнѣнію, болѣе силы, нежели въ сло-
вѣ *recule*. И шакъ у Хераскова есть
мѣста, копорыя показываютъ, что онъ
обладалъ и подражательною Поэзією въ
словѣ — Спрогій снарики! какъ ты же-
стко смѣешься надъ молодымъ Гномъ.
Современнымъ Наблюдателемъ, и надъ
всѣмъ ему подобными скоросылками!

Къ замѣчательнымъ описаніямъ мож-
но еще опнеси нѣжное свиданіе въ саду
Сумбеки съ Османомъ, копорый сидѣлъ
съ лирою въ рукахъ,

И тихимъ голосомъ произносилъ Эмиру!

Также великолѣпное изображеніе всемогу-
щества Божія, заспавившаго умолкнушь
геенну, призываемую волшебницею Сум-
бекою.

Но Око Божіе на Полночь обращенно,
 И чернокожижества искусствомъ возмущенно,
 На сей вельмо разъ гееннѣ замолчашъ,
 Ко дверямъ приложивъ ужасную печать:
 Священный Крестъ сія печать изображала,
 Гнепомая Крестомъ геенна задрожала;
 Блиспаніемъ своимъ небесный оный знакъ,
 Въ подземной пропасти сугубишь вѣчный
 мракъ,
 И козни бѣдспвенныхъ замкнулись чаро-
 ваній . . .

Мы поспѣшимъ къ четвертой Пѣсни,
 копорую можно почестъ одной изъ самыхъ
 живописныхъ. *Описанія*, въ ней заключаю-
 щіяся, заимствуюшъ цѣну свою особенно
 отъ любви опечесивенной, копорая съ
 шоржесивующею радостію взираетъ на
 погибель и посрамленіе вѣчное ужаснѣй-
 шихъ своихъ ширановъ.

Подъ тѣнію горы Казанской видѣнъ мѣсъ,
 Въ копорый входу нѣшъ сіянію небесъ;
 На вѣлвяхъ вѣчные лежатъ густые мракъ,
 Прохожимъ дивные являюци призраки.
 Тамъ кажется простеръ покровы помный
 сонъ;
 Трепещущи листы даюшъ печальной спонъ,

Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ ,
 Тамъ вянутъ вокругъ цвѣты , кустарники
 желтѣютъ ;

Когда усыплеть ночь звѣздами небеса ,
 Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи дерева .
 Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бур-
 ный пламень ;

Тамъ камни падаютъ , бѣущися о камень ;
 Не молкнетъ шумъ и спукъ , тамъ вѣчно
 спрахъ не спитъ ,

И молнія древа колеблетъ , жжетъ , разитъ ;
 Пылаетъ гордый дубъ и попопы масписны ,
 Повсюду слышатся званія и свисны ;
 Источникъ со холма кремнистаго печетъ ;
 Онъ шумомъ ужасу пустыни придаетъ ;
 Непоспѣжимый спрахъ входящаго встрѣ-
 чаетъ :

Дѣсь воешь ; адъ ему спенаемъ опивчаетъ ,
 Вѣщаютъ , что духовъ въ печально царство
 по ,

Везъ казни отъ небесъ вопиать не смѣлъ
 никто . . .

Вопь нѣкоторыхъ черны сего клад-
 бища , споль печальнаго для Ташаръ ,
 споль утѣшительнаго для Россіявъ , и
 споль назидательнаго для всѣхъ шира-
 новъ чловѣческа :

Тамъ видѣнь черный гробъ свирѣпаго Батюга,
Которымъ вольности лишилася Россія.

Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣ-
галь,

Рѣками кровь *лочилъ* и грады пожигаль ;

Богемію держаль и Польшу подъ пятою.

Сей варваръ былъ почтенъ, какъ богъ, Ордой
зластою,

Москва ! лишенная цвѣтущей красоны ,

Преобразилась въ прахъ его набѣгомъ ты !

Подъ непломъ зрѣлися твои *прекрасны* дома ;

Дѣвицы были въ плѣнь изъ спѣнь твоихъ
влекомы ;

Позорной смертію кончали спарцы вѣкъ ;

По улицамъ ручей невинной крови шель ! —

Даль сердцу твоему послѣдніе удары ,

Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары !

Какъ бурный вихрь , прешедъ Россію всю
Батый ,

Коснулся и тебѣ , о Кіевъ ! градъ священный ;

Господни храмы тамъ сокровищей лиши-
лись ;

Надолго красныя мѣста опустошились ,

Гдѣ Крестъ пророческій Андрѣемъ водруженъ ,

Тамъ видъ , плачевный видъ развалинь ло-
ложенъ , —

И вмѣсто пѣнія опщельцовъ сладкогласныхъ ,

Спаль въпрорѣ слышенъ шумъ , и ревъ звѣ-
рси ужасныхъ ,

Но чтожь послѣ того? — Завоева-
тели вселенныя! прочтите и ужаснитесь:

Толикихъ зольъ башны причиной ос-
самъ былъ;

Онъ кровью ихъ, Князей престола и тѣ
омыль:

Но чтожь оспалося *посей* причинѣ страха?
Единыи мрачныи гробъ, и горсть испавѣ-
ша праха! —

Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
Того оспапки вихрь разноситъ по дѣсамъ;
Дѣшецы приближица ко праху не им. ютъ;
Лишь спятъ на немъ змии, и только вѣп-
ры вѣютъ!

О вы, которыхъ весь пространный
мѣсенъ свѣтъ,

Которыхъ слава въ бранѣ неправедну зо-
ветъ!

На прахъ, на пѣнный прахъ, Гашевъ
вы взгляните,

И гордости ищесту съ *своею соравните.*

Не кровью купленный прославитъ насъ вѣ-
нецъ,

Но сладитъ васъ любовь вамъ подданныхъ
сердечъ.

Прекрасные стихи! И послѣ этого мож-
но сказать, что у Хераскова нѣтъ де-

сяти сразу стиховъ хорошихъ !! — Безспыденно и наглость!... Пѣснопѣвецъ проходитъ мимо гробницъ враговъ Россіи (щасливѣйшій вымыселъ!) и описываетъ плѣнные и плѣсныя дома ихъ увядшей гордости разительными чертами! — Всѣхъ ихъ привести здѣсь не можно, другъ мой; это бы превзошло предѣлы письма моего. По крайней мѣрѣ, пусть сознаются неприязнели Хераскова въ томъ, что онъ знаетъ очень хорошо сердце человѣческое, и умѣлъ рисовать для него! — Вотъ описаніе Ада у Хераскова; конечно оно не сподъ великолѣпно, какъ у Виргилія, однако имѣетъ свои достоинства; кажется, Авторъ подражалъ болѣе новѣйшимъ, нежели древнимъ. — Въ семь опривкѣ много есть подробностейъ прекрасныхъ: — читашель ихъ замѣшитъ, — по крайней мѣрѣ, шощь читашель, который не оспанавливаеця на бездѣлкахъ противъ нынѣшняго (какъ говорятъ) *пюризма*!!!

Собравъ грубѣйшее твореній существо,
Успроило его во гнѣвъ Божество.

Колико вышній огнь другихъ вещей пончае,
Толчко адъ всего и гуще, и шягчае.

Три краты девять числъ сіе вселенной дно
Отъ круга звѣзднаго лежишь оподалено.

Тамъ разстѣлаеися волнами вѣчныи пламень,
И видима земля, какъ раскаенныи камень;
Зловонный всходишь парь отъ загустѣв-
шихъ водъ;

Изъ мрака сѣвнѣйся, объемлетъ бездну сводъ;
Но свода темнаго проникнуть не возможно,
Подъ онымъ сѣпують ведуши дни безбожно;
Тамъ скрежеть, вопли, плачь, бѣжитъ оп-
полѣ сонъ;

Дыханье грѣшниковъ — повсемпнушнѣй
стонъ!

Тамъ души томныя ко сводамъ возлешають,
Но преткновеніе повсюду обрѣтають,
И тлѣють бездны сей, какъ искры, въ
исходи;

Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей дер-
жавѣ;

Тамъ зрю мучителей, живущихъ прежде въ
слави.

Не дремлющая грусть превожитъ тѣни ихъ;
Драконы огненны вращаються вкруть нихъ.
Тамъ тѣни жизни цѣль по смерти узнавають,
Вспомнивъ прежни дни, помятся, уны-
вають:

Плотскія слабости преобразились въ ядъ;

Отпруды въ мукахъ нѣшь: грѣхъ самъ со-
бою адъ.

Небесной испиной желая просвѣтлѣться,
Слараю пся еще на землю возвращишься;
На солнце съ плотію въ раскальннхъ воз-
зрѣшь,

Дабы покойнѣе впорично умереть;
Но таинственна цѣдь, какъ змій, вокругъ
лежала,

И въ заключеніи преслупниковъ держала!...

.....
Являются еще прелесныи пѣни имъ:

Коснувшись ихъ уснамъ, и превращающа въ
дымъ;

Тамъ вѣчный шерпишь хладъ угрюмая из-
мѣна;

Мучительъ вокругъ себя кровавы зришь зна-
мена,

Треленуци пѣла, мечи, оковы, гладь,
Которы отъ него скрываютъ Божій градъ;
Тамъ страхъ смиренію кичливыхъ пѣни
учишь,

Прошедшее Царей и будущее мучишь.....

Сколько сильныхъ стиховъ, которымъ по-
добныхъ у насъ нѣшь! — Вотъ какъ Гомеръ
крашко и живо описываетъ явленіе зари:

Уже златую дверь Аврора отворила,
И ризою небеса червленою покрывла.

Животвореніе, летая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приносишь цвѣтъ *присутствіемъ*
своимъ;

Разсыпались вездѣ забавы и оспрады,
Подъ тѣнью пляшущи предспавились Дріады;
На вѣтвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поюшь;
Ключи прозрачные въ долинахъ значныхъ
бьютъ,
И въ мѣлкя они испечники дѣлясь;
Наяды, ихъ спруи свивая, веселятся;
И вѣпры иѣжные играя во цвѣтахъ,
Благоуханіе разносятъ на крылахъ.

Тамъ всѣ пріятносшей совокупаются роды,
Которы прелести являютъ намъ при-
родѣ.

Какъ чистое стекло, влечется водный покъ,
На днѣ вмѣщающій жемчугъ, зланный пѣсокъ;
И будно въ зеркалѣ вода изображаетъ
Все то, что берега крупные окружаетъ:
Зелены древесна сошедшись, вокругъ споятъ,
Вершины преклонивъ, въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники въ правѣ журчащи говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умилностью
зрятъ и проч.

Это похоже на очарованный лѣсъ
Армиды! Я ушомляю себя, другъ
мой, выписками; но это дѣлаю для

того именно, чтобы обратить забывшихъ Хераскова къ чтенію его Поэмы, и увѣришь ихъ, что въ семь Писателей, есть мѣста, не уступающія достоинствомъ своимъ и ошдѣлкою новѣйшимъ нашимъ Пѣснопѣвцамъ.

Къ лучшимъ описаніямъ можно отнести еще: изображеніе гордой Казани, предъ кошорою повержена плѣнная Россія. (Спр. 82.) Картины, представленные Царицею Алею (Спр. 84.); садъ Сумбеки (Спр. 88); Ташара, удалившіеся съ береговъ Уфы (Спр. 107.); сраженіе Курбскаго съ Исканаромъ (Спр. 112). Волга, возбужденная Киреметомъ въ своемъ неистовствѣ (137 и 138 Спр.). — Но мы опять остановимся на шакомъ мѣстѣ, которое обработано было многими знаменитѣйшими Пѣснопѣвцами, для того, что бы доставить читателю пріятное удовольствіе сравнивать нашего Пѣснопѣвца съ ними. — Я говорю объ описаніи Зноя, какъ одной изъ важнѣйшихъ ирепонъ, пославленныхъ враждебными Силами противъ мужества Россіянъ, ра-

ствующихъ за Бога, Вѣру и свободу
 Ощечества. Это мѣсто выпишу я
 для тебя почти все: ты можешь
 сравнить его съ описаніемъ Зноя
 же въ освобожденномъ Іерусалимѣ,
 сколько прославляемомъ всеми учеными
 критиками (*). Вошь какъ Херасковъ на-
 чинаешь описаніе Зноя, имѣвшаго сколько
 важное вліяніе на движенія войскъ Рос-
 сійскихъ:

— — — Сокровенная опредѣлила власть
 Во искушеніе послали имъ налать:

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 Злачныхъ,

И будто трубный гласъ возсталъ въ пе-
 щерахъ мрачныхъ;

На холмахъ вѣшныя склонили дресеса;

Багровою ризою одѣлись небеса;

Луны не въ облака, но въ нѣкій спускъ скры-
 вались;

Спада пернатыхъ птицъ по воздуху вѣва-
 вались;

(*) Оно будетъ помѣщено въ одной изъ слѣ-
 дующихъ книжекъ.

Вспала згущенный прахъ , какъ туча опъ
 земли,

И будто возгремѣвъ безъ молній громъ вдали;
 То вихри пламенны средь горъ вооружались,
 На въспреннихъ коняхъ ко войску прибли-
 жались.

Сии незримые и сильные враги ,
 Напрягшись въ воздухъ *подобіемъ дуги* ,
 Просперли крылія , знамена развѣвають ,
 И съ шумомъ ихъ изъ рукъ *дѣновельемъ* вы-
 рывають ,

Сражались межъ собой , згущають пылъ во-
 кругъ ;

День ясный въ мрачну ночь переложился
 вдуругъ.

Когда громада войскъ въ пригоркахъ изги-
 балась ,

Казалось , земля подъ ними колебалась ;
 Срываетъ шлемы вихрь , извившись , копы
 реветь ,

И распилаясь вдаль , все движеть , и реветь ;
 Какъ риза , распустясь въ стремленіи су-
 ровомъ ,

Все войско прахомъ вкругъ объемлетъ , какъ
 покровомъ ,

И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ ;
 То воетъ на горъ , ще съ трескомъ льсъ
 валитъ ;

Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мерсвиить, и ослѣпляетъ очи.

. . . . .

Свѣшило дневное погда въ моря скрывалось,

И небо ризою червленной одѣвалось;
Возвысила чело дрожащая луна:
Серебрянымъ щипомъ казалася она;
Подъемлетъ къ небесамъ рога свои *высоки,*
Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчные токи,
И чистымъ хрусталемъ между бреговъ *те-*
кутъ;

Казалось, томный сонъ они въ струяхъ
влекутъ.

Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
Но хладною росой земли не напаяла,
И *сладкой* влажности на деревья *не льетъ,*
Котора жизни имъ и силы придаетъ.
Вершины уклонивъ, споятъ зелены роіи;
Не можетъ оживлять луговъ прохлада
нощи;

Казалось, воздухъ спитъ, Зефиръ уснулъ
въ кустахъ,

И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе долины *раслушаютъ,*
Но тщетно вѣтви небеснаго алкаютъ:
Прозрачность воздуха *приходитъ* въ гу-
стошю,

И съ мракомъ помную рождаешъ *духоту*.
 Земля для воиновъ всегдашній одръ покой-

ной,

Теперь представилась для спящихъ *дажей*
 знойной;

Жестика права на ней, лице ея горипь,

Возлегишимъ сладкаго покоя не дарипь;

Томленіе главы ко сну на землю клонипь,

Но жаръ съ *естественныхъ* одровъ далеко
 гонипь:

Тускъ зрипся на цвѣпахъ, не хладная роса,

И сводомъ огненнымъ казались небеса:

Въ полночные часы распѣнья увядающъ;

И звѣзды, кажешся, на землю упадающъ;

Лепяющъ дивные по воздуху огни,

Предзнаменующи и зной и жарки дни.

Томленный Царь, небесъ подъ раскален-

нымъ сводомъ,

Хотѣлъ предупредипь свѣшъ солнечный по-
 ходомъ.—

При упренней зарѣ гласъ трубный возгре-

мѣлъ,

Воспѣли воины, и съ ними зной пошелъ.

Не въпры свѣжіе въ долинахъ *ловѣваютъ*,

Которы тихихъ дней предпечами бывающъ;

Едва лишь солнца лучъ на землю прогля-

нулъ,

Какъ печь разженная, палящимъ зноемъ

дхнулъ;

Е 2

Цвѣты и дѣрева, росой не орошены,
 Явились свѣжести и живости лишены;
 Небесные кони, *слышаши солнце влечь*,
 Казалось, хопяшъ вселенную заечь,
 И воздухъ вокругъ земли, недвижимо стоя-
 щей,
Едва не равенъ былъ водѣ, въ копль мина-
 щей;
 Разжегся пашъ песокъ, и травы спали
 тлѣнь. —

Герои начали о буряхъ сожалѣть,
 Копюры прежде ихъ только упруждали,
 Но удручаемыхъ походомъ прохлаждали;
 Огнь солнечныхъ лучей, какъ будто огнь
 огня,
 Ихъ шлемы разпеклись и тяжкая броня;
 Какъ нѣкая рѣка, кругомъ излился пламень;
 Извлекиши влажность *вонь*, приводишъ зем-
 лю въ камень;

Палима воздухомъ, разсылася она,
 И вредныя въ землѣ *сварились* сѣмена;
 Тлепворные пары главы свои подьемаютъ,
 И поднебесный кругъ, какъ ризокъ, объемлютъ;
 Въ пучинѣ воздуха шуманы око зришъ;
 Казалось, надъ главой небесный сводъ го-
 рить.

Змии, *глота* ядъ, изъ мрачныхъ норъ вы-
 ходяшъ,
 Болѣзни, раны, спрахъ и язвы производяшъ;

Извившись, какъ ручей, въ густой травѣ
шипятъ,

Бросаюся стрѣлой и грудь *насквозь* разятъ.

Не страхъ отъ сихъ змievъ Монарха сокру-
шаетъ,

Но то, что воинство рокъ лютой умень-
шаетъ.

Какъ будто острія сверкающихъ *ножей*,

Тамъ жалы видимы извившихся ужей;

Слѣды алкающей повсюду смерти видны:

Тамъ гады спрашныя, тамъ черныя ехидны;

Вода, огонь, земля Россіянамъ грозятъ,

И воздухъ, кажется, стрѣлами ихъ язвитъ.

Томленны жаждою, къ попокамъ приближа-
ютъ;

Піютъ, но воды ихъ упробу разжигаетъ,

И паче къ питію алкающихъ зовутъ;

Мушьясь въ рѣчныхъ, струяхъ *лески*

съ правой плывутъ;

Журчащія ключи, осокой заглушенны;

Въ зеленѣистый коверъ озера превращенны.

Казалось, съ небесъ, какъ дождь, падаютъ огни;

Остановляются въ распутияхъ кони,

Главы упали внизъ, колѣна ихъ шрепсцуютъ,

И пѣну красную уста на землю мещутъ;

Какъ мѣхи, ребра ихъ, расширяя, дрожатъ;

Падаютъ, и подъ ярмомъ безчувственны

лежатъ.

• • • • •

Въщають, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
 И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,
 И памь на пиниспыхъ одрахъ онѣ легли;
 Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ
 жгли.

Опъ солнца воздухъ весь, опъ воздуха по-
 шоки,

Опъ нихъ земля несла спраданія жестоки;
 Другъ друга *думаютъ* спихи испребишь,
 Иль входяпъ въ заговоръ Россіянъ погубишь.
 Какъ съ нѣкимъ спадомъ ппиць, Царь съ
 войскомъ подвизался;

Но прижды двигнувшись, онъ прижды пре-
 пинался.

На высочайшую восходишь зло спенъ:
 Мракъ вечеромъ помипъ, помипъ по упру-
 тѣнъ:

Нашура съ воздуха сняла свои покровы;
 Ни понки облака, ни въпвиспы дубровы,
 Ни въпры спихіе, ни горы, ни лѣса,
 Не могутъ прохладатъ палляци небеса; —
 И смерти рапники поскливой ожидають;
 Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ!
 Горщанъ изсякла ихъ, языкъ горѣль въ ус-
 пахъ;

Дыханье огненно во рпу згущало прахъ;
 Имъ скорби блѣдныя съ оправой предспо-
 ями,

И яды понкие въ утробу изливали.
Тамъ смерть представилась въ свирѣпо-
сти своей, —

И тысячу она рождаетъ вдругъ смертей.
Не утѣлется небесный гнѣвъ молябами;
Хлѣбъ черствый Язва рветъ плетворными
зубами!

И горечь вредная по яслвамъ разлилась;
У хлѣба вкусъ исчезъ и сыпнность опнилась;
Ликнѣя влажная и попопы широки,
Теряють жидкѣя свои природны соки.
Напрасно войны шу влагу достаютъ;
Сорвавъ кору съ древесъ, *кровиву лѣну*
пьютъ,

И былія въ устахъ песками остаются;
Въ вертепахъ ищутъ воду: имъ воды не
даются. . . . .

Изображенное здѣсь препятствіе имѣ-
до предъ собою другое: бурю, чудесно
возбужденную на рѣкѣ Волгѣ, и столь мно-
го причинившую вреда *Морозову*, плы-
вущему съ военными снарядами. Она опи-
сана очень хорошо; и такимъ образомъ чи-
сташель уже исполненъ сердечнаго уча-
стія къ Героямъ Отечества, пре-
одолевающимъ всѣ гоненія силъ вражду-
ющихъ. Въ семь-то движеніи своихъ чув-

ствованій, вдругъ, непосредственно срѣ-
 паешь еще новую препоу! — Рос-
 сіяне спрадуть не только на водѣ, но
 и на сушѣ! . . . Тлѣтворный Зной гу-
 бишь армію въ то время, какъ разъярен-
 ная стихія совершенно лишаетъ ихъ и
 послѣдней необходимой жизненной пошреб-
 носши, пищи! — Положеніе ужасное,
 другъ мой! — И по видимому, оно долж-
 но бы наполнишь душу раздирающимъ,
тяжко, неприятнымъ чувствованіемъ: какъ
 можно чашать двѣ препоны, слѣдующія
 одна за другою, и ешоль разрушитель-
 ныя? — Скажешь спрогѣ судіи изящна-
 го: сіи препоны должно бы распавишь,
 дабы каждая въ надлежащей мѣрѣ имѣла
 свое дѣйствіе на чашателя. И я въ
 этомъ согласенъ; но съ сладкимъ удоволь-
 ствіемъ опскупаю онъ Гг. кришиковъ
 въ пользу Хераскова, видя, какъ онъ ис-
 кусно умѣлъ смягчить слишкомъ продол-
 женныя сцены печальныя. Чѣмъ усаж-
 даешься ужасъ въ Трагедіи? — *Гостра-*
даніель. Сіе-то очаровательное чувство
 старался возбудишь Пѣснопѣвецъ, дабы

картины свои сдѣлашь эстетическими. Онъ не описывалъ только Зной; онъ изъ сего печальнаго приключенія сдѣлалъ Драму: среди разительна описываемыхъ сраданій воинства видишь шы, время отъ времени, Лице, сердечно раздѣляющее сіи сраданія; — эщо Августѣйшее лице естъ *Иоаннъ*, начало и душа великаго ополченія. — Такъ оживляется все описаніе, и дѣлается, по моему мнѣнію, однимъ изъ превосходѣйшихъ во всѣхъ издѣстныхъ Поэмахъ. — Можесть бышь, я ошибаюсь, другъ мой; но оно мнѣ кажется лучше того, которое читаемъ мы въ освобожденномъ Иерусалимѣ. Тассъ, неподражаемый въ краскахъ и искусствѣ живописать, послѣ прелестнаго изображенія свирѣпствующаго зноя въ воздухѣ, на земли, на водахъ, представляешь намъ шюмчасъ предметы сраданія, хошя и близкіе, но не столь сердечные, и шакіе, которыя могутъ составлять болѣе принадлежности картины, но не сущность ея: — изсохшій источникъ Силуамской, коня, пса шюмящихся. Видѣшь

великой мастеръ - живописецъ , знающій
 подводитъ все подъ одну точку зрѣнія ;
 но , по моему мнѣнію , еще пріятнѣе для
 человѣка въ мученіи видѣть подлѣ себя
 съ дѣятельнымъ участіемъ существо къ
 нему ближайшее : человѣка , и еще болѣе,
 человѣка , споль много возвышеннаго надъ
 нимъ . саномъ , могуществомъ , властію ;
 видѣшь Царя своего , который , отка-
 зывая себѣ , спарается врачевать его
 душевныя и плѣсныя муки . — Вотъ въ
 чемъ заключается шайная прелестъ сего
 описанія ! — Въ представленіи общихъ
 подробностей Херасковъ , кажется , не
 уступаетъ первымъ образцамъ своимъ ,
 какъ подражатель . — Зною предшество-
 вали необыкновенные , горячіе вихри , оспа-
 новляющіе походъ воинства :

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 злачныхъ

До спиха :

Дыханіе мерзвипъ и ослѣпляетъ очи .

Согласенъ съ побою , что здѣсь мно-
 го переведеннаго изъ Тасса ; но и ши со-

гласишься также, что есть хорошія черты, принадлежащія Автору. — Сперва замѣшь постепенность: — признаки необыкновеннаго измѣненія атмосферы: опдаленный шумъ, гулъ въ пещерахъ, печальныя деревья, склонившія свои вѣтви; небеса, одѣяныя синею ризою, спадавшия, взвивающіяся въ воздухъ, и наконецъ прахъ, опъ земли возмешенный. — Это было предвѣспіе знойныхъ вихрей, приносящихъ съ собою не благодатныя нучи, но грозную засуху. . . . *Сіи не зримые и сильныя враги, вооружившись среди горъ, приближались къ войску на вѣтреныхъ коняхъ своихъ.* Изображеніе истинно стихотворное! — Они приехали, и измѣнилась вся природа. Войско не имѣешь силъ продолжать пути своего. **Вопъ** первая часть, или вступленіе въ Дразу: тотчасъ является на сцену Лице, для котораго спокойствіе подданныхъ болѣе значить, нежели свое собственное:

Великій духомъ Царь, познавши гнѣвъ
небесъ,

И руки и глаза ко высотъ вознесъ ;
 Колеблемъ вихрями въ слезахъ вѣщаль ;
 Боже !
 Или враги Тебѣ швоишь рабовъ дороже ?
 Ты ужась положилъ въ ограду ихъ спр-
 намъ ;
 Но все преодолѣть , оставь Ты бодрость
 намъ ! ...
 Умолкъ , и небесамъ прашивнымъ не явисься ,
 Велѣлъ межъ горъ крупныхъ полкамъ оста-
 новисься .

Перерывъ весьма удачной ! — Онъ
 удовлетворяетъ шѣмъ требованіямъ опи-
 санія , о кошорыхъ я сказалъ въ на-
 чалѣ письма сего . — При этомъ случаѣ ,
 другъ мой , вспомнишь прекрасное мѣсто
 въ Генриадѣ , гдѣ добрый Царя по-
 могаетъ буншующему прашивъ него горо-
 ду , кошорый шомился въ ужасахъ глада .
 Такъ лучшіе Писатели подражаютъ другъ
 другу . Сладосшно видѣшь , и сердоболіе
 Иоанна , и сіе благочесшіе , всегда го-
 шовое на всѣ испышанія , Всевышнимъ низ-
 посылаемыя ! — Сладосшно видѣшь Царя ,
 подкрѣпляемаго въ но же время и друж-
 бою , кошорая споль рѣдка у Престоловъ !

Тоинъ утѣшается въ несчастіи, опершись на *рамо Адашева!* — — — Наступаетъ ночь: воинство надѣется воспользоваться ея прохлагою; щещно! — Вихри упили только на время; ночь не оживляетъ ни росою, ни прохладнымъ своимъ дыханіемъ упомянутыхъ ратниковъ: воздухъ недвижимъ; зной не уменьшается; все мертво, все предвѣщаетъ еще большіе ужасы: небеса, являющіяся огненнымъ сводомъ, летяющіе огни по воздуху, тускляя звѣзды и пр. — Неупоминимый Царь хотѣлъ предупредить солнечный восходъ; но зло днемъ еще болѣе усилилось. — Жаль, что въ этой часки описанія вспрѣчаются многія повпоренія; однако есть такія подробности, которыя необходимы для полноты и блеска картины: даже удивляешься, что ихъ не находишь въ Тассѣ. — Столько онѣ натуральны и хорошо выбраны! — Но я предоставляю тебѣ самому разобрать и опредѣлить достоинство каждаго стиха въ этомъ большемъ отрывкѣ; письмо мое и такъ уже очень велико, а писалъ къ

лебѣ еще оспалось много. Повпоримъ
хотя одну баршину на концѣ, которая, по
моему мнѣнію, имѣеть равное достоин-
ство съ Тассовой: это описаніе коней;
ушомленныхъ Зноемъ :

Оспановляющія въ разпущіяхъ кони;
Главы упали ницъ, колѣна ихъ препенушь,
И пѣну красную уста на землю мещушь;
Какъ мѣхи, ребра ихъ разширяся дрожащъ,
Падущъ, и подъ ярмомъ безчувственны ле-
жащъ:

Что можетъ бытъ представлено живѣе
и естественнѣе?... Паки является участіе
болѣзнующаго сердцемъ Государя! —
Онъ, какъ опець, спараетъ избрать
мѣсто, сколько-нибудь спасительное для
милыхъ своихъ сотрудниковъ! — Не на-
добно бы, по моему мнѣнію, въ подобныхъ
описаніяхъ, гдѣ натура сама по себѣ
разительна, упошреблять лица и эмбле-
мы изъ Мифологіи, ни Наяды, ни Дри-
ядъ! — За то изображеніе Камы и Суры
ушедшихъ ошъ зноя на дно свое, пре-
красно!

Зло, низпосланное враждебными силами, наконецъ доспигло высочайшей степени.

Мракъ вечеромъ помилъ, помилъ по упру
пѣнь и проч.

Почти всѣ сіи стихи прекрасны! — постепенность соблюдена и, кажется, воображенію чипапеля желать болѣе нечего. — Но искусство Пѣснопѣвца опять представляетъ намъ сцену. Послѣ всѣхъ ужасовъ, описанныхъ прежде, нѣтъ ничего приличнѣе, нѣтъ ничего шрогашельнѣе, какъ произшествіе двухъ добрыхъ воиновъ, которые хотѣли утолить жажду Царя своего изъ источника, нечаянно ими обрѣшеннаго.

Два воина пошли съ свѣтильникомъ въ
ночи ;

Въ ракиновомъ кусту имъ слышатся ключи,
Которы *будто бы* внутри земли журчали:
Се ! кладъ, безцѣнный кладъ ! идущіе вскри-
чали ,

И съ корнемъ въ мигъ они ракишникъ из-
влекли ;

Попеки чистые мгновенно пощекли.

Насытились они, но ключь, что имъ явился,
 Какъ тонкая змя, между правой извился,
 Въжааь, и внутрь земли себъ находить
 пушь.

Но рапники воды успѣли почерпнуть;
 Ушель пошокъ опъ нихъ; водой наполнивъ
 шлемы,

Несли ее къ Царю; усердны, шихи, нѣмы,
 Дабы, гдѣ равная снѣдаеть жажда всѣхъ,
 Опъ нужды, ревности не сдвляль кто
 полвхъ;

Печальнаго Царя опъ сѣни отпоргають;
 И воду свѣжую во шлемахъ предлагають.
 Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя из-
 влекъ,

О други! ихъ обнявъ; Монархъ заплакавъ;
 рекъ:

Или вы чаепе, что въ семь проспранномъ
 полѣ

Вашъ Царь слабѣ всѣхъ, и всѣхъ помился
 болѣ?

Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой
 судьбѣ;

О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ:

Не смотря на нѣкоторыя погрѣшно-
 сти въ сихъ стихахъ, опъ чего они прога-
 ютъ сердце всякаго чувствительнаго чмѣ

шателея? Въ чемъ заключается сія прелестнѣйшая непоспѣжимая? . . . . . Нужно ли отвѣчать на это? — И сыновняя заботливость добрыхъ подданныхъ, отказывающихъ самимъ себѣ въ первомъ средствѣ, поддержавъ жизнь свою, и ихъ вѣжная, недовѣрчивая осторожность, когда несли они къ Государю воды, и великодушіе Іоанна, который также оперекся отъ сего дара, столь искреннимъ усердіемъ ему подносимаго, — въ пользу немощныхъ своихъ ранниковъ: . . . Писновѣвцы! вопль вамъ правило и образецъ, какъ выбирать подробности для стихотворныхъ вашихъ описаній! — Какъ прелестна простота послѣднихъ словъ Государя:

Пойдемъ, и отнесемъ напитокъ сей скорблящій,
 Нещастнымъ ранникамъ, почти въ гробахъ
 лежащимъ;
 Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ
 миль. . . .
 Пошелъ, — и воиновъ скорблящихъ напоимъ.
 Какъ усладительно окончивается Поэшь все
 описаніе изображеніемъ Монарха, который
 Книж. IX. Ж

Послѣдню яствы часпъ съ рабами раз-
дѣляль!

.....
 Не крылся Иоаннь подь черну пѣнь дре-
 весну ;
 Пренебрегая зной , и люту казнь небесну ,
 Томленный жаждою , и въ попѣ , и въ пыли ,
 Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли ;
 Послѣдній пищу браль , но первый передь
 войскомъ ,
 Являлся духомъ твердъ во подвигъ герой-
 скомъ!

Бунтъ , грозившій по случаю
 сихъ несчастій , между нѣкопороми вой-
 нами , взятъ изъ Тасса ; но Иоаннь для
 меня , другъ мой , въ эшой часпи подвиголь
 гораздо выше Готфреда. — Жаль , что
 нѣтъ въ Россіядѣ шой кашаспрсфы ве-
 ликолюпной , копорою окончиваетъ въ
 Освобожденномъ Иерусалимѣ зной по волѣ
 Всевышняго , умилоспивленнаго вождемъ
 Героевъ ! . . . . Эшо весьма важной недо-
 спашокъ ! — Можетъ быть , Херасковъ
 имѣль здѣсь другое намѣреніе : онъ хотѣль
 продолжитъ испытанія Божіи надъ Царемъ
 Иоанномъ до самой высшей степени ; и по-

тому очамъ Его предстало въ ложную помощь *Безбожіе*; — натурально! несчастія смертнаго ведутъ сперва къ роптанію, потомъ къ сомнѣнію въ промыслъ Божіемъ, и наконецъ доводятъ до *безвѣрія* или *безбожія*. — — — Цѣль назидательна; но не знаю: не далеко ли уже это простерто для *Эпической Поэмы*? Надобно помнить, что аллегорія, какъ бы прекрасна до себѣ ни была, всё только фигура *Риторическая*. Что же въ ней вѣроятнаго, когда она продолжится, какъ здѣсь, безпрерывно въ двухъ цѣлыхъ Пѣсняхъ?... И я признаюсь еще опшкровеяно, что *незапная и быспрая кашаспрофа въ Тассѣ* нравится мнѣ несравненно болѣе.

Чтобы не упрекали меня и въ малѣйшемъ невниманіи къ дарованіямъ Хераскова, напомню еще шебѣ помѣщенное въ началѣ IXй Пѣсни описаніе возраждающейся Природы; — скорбь Адашева и воинства по отбытіи Царя изъ снана; и наконецъ извѣстное изображеніе чертлоговь Зимы въ XIIй Пѣсни. При мно-

гихъ спихопворныхъ подробностяхъ, сѣ послѣднее имѣеть многія неисправности противъ точности, несоощвѣствія въ частяхъ картинъ и прошиворѣчія, дѣлающія его не натуральнымъ: погрѣшность, обыкновенно произтекающая отъ того, что мы рисуя, не можемъ и не умѣемъ остано-
 виться, или, какъ живописцы говорятъ, описать отъ кисти. — Какое на про-
 еогласіе между картиною, представляющею Зиму на престолѣ, въ порфирѣ, (*бѣ-
 лѣйшей снѣговѣ!!!*) и въ виссонѣ, также изъ замерзлыхъ паровъ, и картиною, заключающеюся въ стихѣ: *и соки жизненны
 древесныя сосеть?* — Но для чего при-
 водишь всѣ несообразности отъ начала до конца? — Вообще сѣ мѣсто сполько знакомо, что не имѣеть нужды въ дальнѣйшемъ разборѣ. Довольно припомнишь послѣдніе прекрасные стихи:

Ее со трепетомъ лѣса и роши ждуть,
 И спусти ей ковры изъ бѣлыхъ волнь прядуть ;

На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.
 Влакомъ зміями къ ней, Нигринъ къ ней
 въ царство входитъ. —

По моему мнѣнію , гораздо болѣе обра-
работано послѣдствіе сей каршины : по
время, когда Нигринъ съ морозами возвра-
щается къ Казани :

Преобразился вдругъ напурь пихій

чинъ ;

Пришедый съ бурями во смупный градъ ,

Нигринъ ,

На спѣны съ мразами и спужею восходитъ ,

Оковы съемлетъ съ нихъ , въ движеніе при-

водитъ ;

На войски указавъ , сполци за рѣкой ,

Туда онъ гонихъ ихъ , и *машетъ* имъ рукой :

Лешите! вопіетъ , на Россовъ дхните прямо!

Разсыпьте пшамъ снѣга , развѣйте вихри

шамо! . . .

Онъ бури свободивъ , *вертился съ ними*

въругъ (*).

Какъ ппицы хищныя , спущенны съ пупель

вдругъ ,

Поля воздушныя крилами раздѣляютъ ,

На многи пучи ппиць паренье успремляютъ :

Съ *шумленіемъ* шаковымъ оставивъ помный

градъ ,

Во синихъ облакахъ лешащъ морозы , хладъ ,

(*) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ
временъ согласно утверждаютъ. *Прим. Ав.*

Не грѣеть огонь, вода рѣчная не печеть,
И воздухъ и земля преобразились въ ледъ.
Спасенія себѣ Россіяне не чають:

Смущенны на сѣбѣнахъ Нигрина примѣ-
чають,
Который вокругъ бойницъ съ Казанцами хо-
дилъ,

Руками движущій, морозы наводилъ.

Сіе Казанское лукавое злодѣйство,

Признали рапники за адско чародѣйство.

Вступивше въ знакъ вѣсовъ свѣпидо зря они,
Далеко отъ себя *щитали* зимни дни;

Въ проливны времена естествонаму чину,
Назначили зимѣ волшебную причину.

Нигринъ, который ихъ *првожилъ* про-
должалъ,

Россіянь спужами и спрахомъ поражалъ.

Водруженіе Креста Господня среди поля,
по совѣту священнослужителей, спасаетъ
войско чудеснымъ образомъ отъ дѣйствій
адскаго волхвованія. — Сія незапная пе-
ремѣна гораздо удачнѣе той, которая слу-
чилась при укрощеніи зноя.

Довольно описаній, взяшихъ изъ при-
роды и ея чрезвычайныхъ измѣненій. —
Кажешся, очевидно, что Херасковъ

принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ живописцевъ - Стихотворцевъ, и припомъ щѣхъ, которыя всѣ свои картины старались писать для назиданія въ нравственности. — Теперь открываеиъ кровавое намъ поле битвъ великихъ!

. . . . . Bella, horrida bella,
Et Tibrim multo spumantem sanguine cerno!

Другая важная часть для кисти Стихотворца! Должно признасться, что сие поле не столь богато для нашихъ замѣчаній, какъ предыдущее!

Мы уже о семъ предметѣ съ тобою говорили прежде: нѣтъ Героевъ Гомеровыхъ! нѣтъ поспешенности въ сраженіяхъ! нѣтъ занимательныхъ единоборствій! — Битвы у Хераскова начинаются подъ самую Казанью. — И такъ сперва припомнимъ описаніе сего города (П. Х. я 216.), который представилоя Россіянамъ *въ третій день послѣ выхода ихъ изъ Свияжска*; вотъ Казань: Сей градъ ^{*} являеиъ великъ, прекрасенъ, славенъ, Обширностію стѣнъ едва Москва не равенъ,

Казанка быстрая отъ упренныхъ холмовъ,
 Въ воду являя градъ, те-есть среди а горъ;
 Отъ запада Булакъ выходитъ непроходный,
 И пиной заглушенъ, влечетъ источникъ
 водный.

Нашура двѣ рѣки старалась закупъ свесить,
 Бойница первая твердынь едѣ градскихъ
 есть;

Тѣся ногой Кабанъ, другою Арко поле,
 Подъежлется гора великая отполъ;
 Не можеть досязатъ ее вершины взглядъ.
 На пышной сей горѣ спомить въ полкруга
 градъ;

Гожницы гордыя, и царскіе чертоги,
 Являють на своихъ вершинахъ лунны роги,
 Которыя своимъ символъ чпшитъ Казань;
 Но имъ ома сулитъ не миръ, кроваву брань.

Это описаніе споль же вѣрно, какъ описанія въ Гомерѣ и Тассѣ пѣхъ городовъ и мѣсположеній, которыя избирали они теапромъ великихъ произшесствій. — Разпредѣленіе войска по начальникамъ самое обыкновенное: мы уже прежде говорили, что всѣ характеры не опличены надлежащимъ образомъ. Начиная осада: воинство, по воздвиженіи

Святой Хоругви, приближается къ стѣнамъ Казани, которая сохраняла глубокое молчаніе. — Она зрѣлась воинамъ,

Какъ улій пчель,
Который, межъ цвѣтвъ споящій, запустилъ.

Но вскорѣ,

И вдругъ запрепешавъ, изрыгнулъ войска
градъ.

Первая вылазка изъ города смѣшала все воинство Россійское; непріатели раздѣлили его на части, и произвели великое кровопролитіе. — Это конечно надлежало произойти отъ неоспорожности Пронскаго и Троекурова. — Враждебный предводитель былъ въ семь дѣлъ какой-то Озмаръ, сраженный наконецъ Троекуровымъ. — Съ нашей стороны пораженъ Озмаромъ какой-то Русинскій. — — Скажи, мой другъ, что здѣсь занимательнаго? Осада, неоспорожно разположенная; вылазка обыкновенная; Герои, въ которыхъ я не беру никакого участія; ибо ихъ не знаю: что мнѣ во всемъ этомъ дѣлѣ? .. Тронушь ли меня сіи общія черты, принад-

лежащія равно всякому большому и малому сраженію :

Опьемлепъ злой *Озмаръ* супруга у
супруги ;

Возплачутъ опъ него и матери , и други !

Все это сраженіе похоже просто на передовыя нынѣшнія сшибки , и то у Рускихъ съ Турками , а не съ Французами. — Гдѣ Гомеровы сраженія ? гдѣ Гомеровы Герои ? — Херасковъ , кажется , вынулъ изъ виду главное правило для всѣхъ Спихотворцовъ - описателей : — представлять *важные предметы отдѣльно* ; ибо душа наша можетъ принимать участіе только въ *одномъ* опличенномъ предметѣ , или *двухъ* , представленныхъ въ противоположеніи. Что пойму я изъ описанія двухъ армій , дѣйствующихъ въ величайшемъ ожесточеніи ? — Это дѣло полководца , а не мое ! тысячи движеній , тысячи оборотовъ , громъ , стрѣлы , пищали , крики , спонъ и пр. . . Теряется воображеніе ! — и сердце ну-сно ! — Ешьли у Гомера и Тасса пред-

составляются общія сраженія, шѣ всегда составляютъ не основу каршины, но ея принадлежноспи: главныя лица всегда впереди; вниманіе чипашеля сосредоточено, и сцена никогда не выходитъ изъ виду. —

И человѣчество забыли челоуѣки. . . . .

Лишь только умерщвляють на мысли нѣтъ
много!

Окровавились лазоревы поля. . . . .

Что мнѣ во всемъ эпомъ? — Я ищуща характера сраженій, особенностей его, происходящихъ ошъ особенной силы, или благоразумія полководца, или ошъ новости въ дѣйствіяхъ, или даже ошъ случая. — На сраженіи бьютъ другъ друга: эшо не новое! — — —

Глупые Казанцы наконецъ бросились въ городъ; еще глупѣйшая спража городская замкнула воропта: бѣдняки принуждены были преклонить колѣна предъ Рускими. — Кому здѣсь слава? — кто про-

играль, кто выиграл? кому удивляться? . . . . .

Ночь. — Снова вылазка! — Четыре славные Випязя выходятъ изъ Казани, мстишь Россіянамъ; за что? — не знаю. — Эпи Господа Випязи, видно, не похожи на единоплеменника своего Арганша, который хопѣлъ, чтобъ свидѣлемъ подвиговъ его былъ день, а не ночь. — Цѣлую ночь бились четверо — съ двумя; — Чтожъ опять занимательнаго, эническаго?... Сила измѣряется, когда одинъ рапуетъ съ однимъ; тогда зритель даетъ цѣну обоимъ крѣпости и проворству; тогда раждается описаніе ихъ искусныхъ оборотовъ и движеній. Здѣсь для меня такая же ночь, какъ и та, въ которую вздумалось имъ драпаться. — Кончилось пѣмъ, что Князь Палецкой, по опрометчивости своей, попалъ въ плѣнъ! . . . . Сдѣлаемъ еще замѣчаніе, что общія сраженія никакъ не удобны для описаній: онѣ, или необъемлемы для воображенія въ цѣломъ, или по необходи-

ности однообразны! — — Вопль чего избѣгали лучше Пѣснопѣвцы. — Херасковъ не слѣдовалъ имъ, и опъ того у него во всѣхъ бшвахъ одно и то же.

Но вопль начало обѣщающее: однадцатая Пѣснь начинается, подобно одной Гомеровой. — Юлиперъ въ предѣстїе спрашной битвы наспувающего дня, ниспустилъ надъ войскомъ кровавое облако.

Багровый солнце лучь бросало въ небеса;
 Явилась на цвѣтахъ румяная роса;
 Кровавая земля шуманы испустила:
 Обоимъ воинствамъ бой смертный возвѣ-
 стила;
 Тамъ шлопотъ опъ коней, тамъ тяжкій
 млатъ спучить;
 Жельзо движется, и мѣдь сама звучить.

Не бойся, другъ мой, опять то же, и еще менѣе! вопль тебѣ простиная газетная реляція: Ташара *высыпали* изъ города, прогнали было Рускихъ до самыхъ шапировъ; но къ щастїю, поспѣшили къ нимъ на помощь Муромскіе Дворяне, и озорники опять убѣжали въ городъ. Но въ сей

Пѣсни есть замѣчательная исторія плѣна Князя Палецкаго, которую можно прочесть съ особеннымъ удовольствіемъ. — Приготовлень раскапъ; турами обнесены швердины города. — Вотъ бы богатство для Поэзіи! И особенность оружія, и способъ ихъ употребленія, и проповѣдывающіе имъ средства: все золото для Поэта! — Сколько показалъ Тассъ прелестей въ описаніи сихъ орудій! У него составлены изъ эпического двѣ Пѣсни; у Хераскова все описано въ десяти стихахъ! . . .

Новая вылазка. — Ты, гривыкшіи къ сраженіямъ Гомера и другихъ Епическихъ Стихотворцевъ, прервешь меня, и спросишь: вѣрно здѣсь, и новые Герои, и сильнѣйшіе прежде представленныхъ? — Нѣтъ! тѣ же — и опять почти также: шрое на шрое; это наѣзники наши Казацкіе противъ Горцовъ, показывающіе свое удалство предъ наступающею бипвою, и окончивающіе также какъ и они, шо есть, ничемъ! — Кто же эти удал-

цы? Первые предводители арміи: Мстиславскій, Курбскій, Палецкій, испросившіе позволеніе у Государя съ такимъ условіемъ, что, естли прошивная спора побѣдишь, то край Московской будешь испребленъ. — Важное дѣло! — Вопь его описаніе: они спекаюшся, и, какъ обыкновенно при шакахъ случаяхъ,

Земля дрожитъ и небо пмипся;
 Подобень бурному приливу шумныхъ водъ,
 Спекается уже съ обѣихъ странъ народъ;
 Но камень будто бы въ рѣку изъ рукъ па-
 дуцій,
 Изъ точки дѣлаешъ всечасно кругъ распуцій;
 Противоборники мечи изпоргнувъ вдругъ,
 Такъ двигали народъ изъ круга въ большій
 кругъ.

Пошомъ враждующіе Герои въ гордостии
 вzywали къ Рускимъ: *готовьтеса казнъ
 пріять*, и

. . . . Съ симъ словомъ, какъ орель,
 На Палецкаго (Гидромирь) мечъ изпоргнувъ,
 полешель,
 Съ Бразиною копьями Мстиславскій Князь
 сразился,

Мечъ Курбскаго во щитъ Мирседа *водру-*
зился ;

Весь воздухъ возшумѣлъ; и битва началась...
Сражаются, но кровь не скоро пролилась.
Мспиславскій на врага, *какъ молнии, ви-*
даетъ :

То съ лѣвыхъ страны, то съ правой напа-
даетъ ;

Но будто камень онъ орудіемъ бьетъ ;
Уже разитъ копьемъ Бразина устаетъ ;
Вопще ласкается побѣдою и миромъ.

Схватился Палецкій съ свирѣлымъ Гидро-
миромъ ;

Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ ;
Закрыли *ихъ* щиты главы у обоихъ ;
Склоненные къ землѣ еще они бьются ;
Воспрянувъ сдвинулися; удары раздаются ;
Спираясь при чепы, изображаютъ кругъ ;
То *въ грудь* сложатся, то раздадутся другъ ;
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда:
Князь Курбскій копьемъ ударилъ въ грудь
Мирседа ;

Щитомъ себя Мирседъ закрытъ не ускорилъ ;
Взревѣлъ, и шломя онъ хребетъ коня по-
крылъ.

Раида въ оный часъ со стѣны на бранѣ
взглянула ;

И видя во крови Мирседа, воздохнула ! —
Къ Мирседа паче всѣхъ склонна была она :

Книж. IX.

3

И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разить :
Тамъ шлемы сукрушилъ, тамъ лапы, тамо
щипъ.

Какъ дикій вепрь , въ чело стрѣлою уяз-
вленный ,

Такъ мечется вездѣ сей Випязь разъяренный.

Князь Курбскій въ грудь его пускаетъ копье;

Онъ палицей отбилъ оружіе сіе ;

Дворяне тучу стрѣлъ въ Ордынца напра-
ляютъ ;

Пускаютъ, но его еще не уязвляютъ ;

Во твердую броню одѣянъ былъ злодѣй ;

Но кровь текущая изъ раны, какъ ручей ,

Ослабила его не человѣчьими мочи ;

Онъ шажко обращать померклы началъ очи,

Едва и палицу изъ рукъ не опустилъ ;

Шапнулся , и коня ко граду обратилъ.

За нимъ юный Курбскій ; но тогда :

Вдругъ пуля, завиставъ со спѣхъ мятежна
града,

Младому рыцарю ударила въ грудь,

Врагу очистила , ему пресѣкла путь.

За Бразиномъ гнался Микулинской, и
также, по случаю, ничего не сдѣлалъ. Не
правда ли, другъ мой, что это не бип-
вы, а игры гимнастическія? . . . Тамъ
и кончилось.

Царь Казанскій вымыслилъ сдѣлать засаду за горою, находящеюся въ прехъ поприцахъ ошь града. — Седмь дней жестоко беспокоили изъ оной Татара спанъ Россійской. Хилковъ съ отрядомъ воинства выгналъ непріятелей изъ сего неприспупнаго мѣста. Описаніе сего дѣйсствія также не имѣетъ ничего особеннаго; и такъ оспавляло сго. Рускіе приближились къ спѣнамъ града; учреждается подколъ, направленный послѣ извѣснаго уже шобъ волхвованія. — Вопшь описаніе чудесъ, предвѣщающихъ близкую гибель Казани; оно прекрасно:

Въ то время звѣздныя открылись небеса,
Являя на земли различны чудеса:

Виѣ града слышались Казанскихъ пѣней
споны;

Внимались во спѣнахъ церковей Россійскихъ
звоны;

Оспановилося печенге свѣплыхъ звѣздъ,
Просперлась лѣспвица къ землѣ ошь гор-
нихъ мѣспъ:

Небесны жители на землю низходили,
И Россамъ вѣрную побѣду подшвердили.
Надъ градомъ облако багровое лежишь;

Вздыхаютъ горы тамъ, и зданіе дрожитъ;
Тамъ жены горькихъ слезъ не знаютъ упо-
ленья.

Вѣщаютъ близкій рокъ полъ спрашныхъ
явленья!

Съ упромъ иачинаешся послѣднее
усиліе Іоанна.

Военныя трубы во спанѣ возгремѣли;
Казанцы робкіе на бранѣ дерзнуть не смѣли;
Но, видя *молніи оружія* подъ стѣной,
Весь градъ, стѣсняемый осадой и войной,
Казанцовъ Едигеръ на стѣны призываетъ.
Опчальнѣ плодомъ жестокости бываешь!
Опрыгнувъ *подлую* Россіянамъ хулу,
Гоповаятъ на стѣнахъ кипящую смолу,
Горшани мѣдныя, рыгающія пламень,
Горящи углія, песокъ, разженный камень.
Блещаютъ тучи стрѣлъ Россіанъ отпра-
жашъ;
Но можешъли ихъ громъ и пламень удержашъ!
Какъ будто посреди цвѣшовъ въ глухой пу-
спыи,
Россійскія полки подвиглись въ спройномъ
чпнѣ.
Что солнечныя лучи, доспѣхи ихъ горятъ;
Казалось, что орлы прѣшиву тучъ парашъ:

Се! воздухъ пѣніе святое наполняетъ!
 Самъ Богъ! самъ Богъ! съ небесъ идущихъ
 осыняетъ,
 И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ!
 Оспановился въспрь, и шумъ рѣчный ушихъ;
 Повсюду теплое внимаются моленье.
 Во градѣ слышанъ спонъ, виѣ града — умн-
 ленье!
 Въ спѣнахъ гремящій звукъ преногу воз-
 прубиль,
 Но онъ *пронзительнымъ* подобенъ звонамъ
 былъ;
 Унывны немлются шамъ гласы мусикійски;
 Благоговѣніе *бодритъ* полки Россійски;
 За вѣру и народъ грядущъ ополчены,
 Со псалмопѣніемъ Священные чины;
 Свяшою воинство водою окропляютъ,
 И храброспи *огни* во рапникахъ пылаютъ.
 Какъ солнце, *зримо въ живительномъ огнѣ*,
 Такъ войску Царь предспаль, сидящій на
 конѣ.
 Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ прино-
 ситъ,
 Господней помощи сражающимся проситъ:
 О Боже! вопіетъ, вѣнчаемый Тобой,
 Мамая сокрушилъ Димитрій предокъ мой;
 У Невскихъ береговъ Тобой попоранны Шве-
 ды;

Тамъ храбрый *Александръ* пріялъ вѣнецъ
побѣды.

Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
Дай помощь намъ Казань, о Боже! низло-
жишь;

Вели торжесшествовать Твоей Святыи
дому . . . .

Онъ рекъ; слова его подобны были грому,
Которыя въ сердцахъ Россійскихъ разда-
лись, —

И спѣны гордыя Казани попрысались.

Се! войска слышанъ гласъ, какъ нѣкій шумъ
дубровы:

Пролиши нашу кровь за Вѣру мы гошповы!

Пронесся тихій шумъ, наспала тишина;

Такъ вышедъ на берега, смиреняся волна.

Эпо все благородно и величеш-
венно! въ роковую минушу Прешвистеръ,
соверщающій божештвенную литургію,
произношишь:

О боже! подкрѣли, спаси, прославъ Рос-
сію! . . . .

И Богъ къ нему просперъ десницу опъ
небешь.

Едва сей важмый стихъ Прешвистеръ про-
изнесъ:

„Единый паспырь днесь — едина будешь сна-
да“ . . . . .

Разрушился вдругъ подь градомъ *связи* ада;
ПокOLEбались и горы и поля :

Ударилъ спрашный громъ, вспрянула вверхъ
земля ;

Трепещеть, зыблется, воздушный *кругъ*
згущается ;

Казалось, мiръ въ хаосъ Создатель пре-
вращаетъ ;

Разверзлась мрачна хлябь, изходитъ дымъ
съ огнемъ ;

При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.

Читатель желалъ бы съ неперѣливо-
стию дальнѣйшаго описанiя сего спраш-
наго дѣйсствiя : но, признаюсь, оно не
соотвѣтствуетъ своему началу. — Сдѣ-
ланъ съ стихѣмъ проломъ ; впоргаются
Россiане въ городъ. — Спрашная сѣча. —
Описанiе сихъ ужасовъ составляетъ са-
мую большую часть сей Пѣсни. — Есть
подробности довольно стихотворныя,
живописныя, но всегда общiя, и уже по-
вторенныя не одинъ разъ; шы самъ былъ
при шнурмахъ крѣпостей съ безсмерт-
нымъ Суворовымъ ; шы лучше меня это

знаешь, и потому избавляю тебя отъ обширѣйшей выписки. — Съ своей стороны повторю еще только то, что таковыя картины весьма не удобны ни для живописца, ни для Поэты. Весь приступъ — стихотворныя газеты; смятеніе, запальчивость, безпорядки, убійства, междоусобія и пр. — все тутъ есть; но нѣтъ определенной почки (ибо и Государя при немъ не было), съ которой бы читатель могъ смотрѣть на сіи ужасы, и обнять ихъ. А потому, сколько бы подробностей хороши ни были, онѣ не дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ.

И такъ сдѣлаемъ общее заключеніе. *Первое*: что все сіи сраженія? — это простыя ошибки, не имѣющія даже определенной цѣли, случайно начинающіяся и случайно окончивающіяся; разумѣется, кромѣ послѣдняго рѣшительнаго приступа. Изъ сраженій Гомера, Виргилія, Тасса, изъ побѣдъ Александровыхъ, взятыхъ съ описаній Курція живописцы сдѣлали великолѣпныя картины, имѣющія

два необходимыя свои свойства: *единство* и *надлежащую полноту*. Желалъ бы шеперь, чтобы, хотя одинъ живописецъ нашель для себя предметъ въ сраженіяхъ Хераскова, по данному отъ него разположенію! И какъ представить на одной и той же картинѣ *четверыхъ, сражающихся съ четверыми*, посреди многочисленныхъ враждебныхъ армій, Героевъ, всегда однихъ тѣхъ же, или *одного съ цѣлымъ легиономъ Муромскихъ Дворянъ*, и притомъ сражающихся безъ послѣдствія, безъ конца? —

Второе: Должно ли предполагать четыре раза возобновляемыя битвы или сшибки, всѣ одинакимъ образомъ окончивающіяся? По моему мнѣнію, каждая битва, какъ и каждый Герой должны имѣть особенный свой *характеръ*, для того, чтобы быть занимательными.

Третье: Для возбужденія большаго участія, надобно бы, казалось, предувѣдомить, кто, и каковы сіи Герои? Сіи опличительные признаки заимствующа отъ

ихъ рода, отъ ихъ свойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ образа ихъ дѣйствія, отъ различнаго положенія, въ которое они поставлены Судьбою, или случаемъ, или порученіемъ вышней власпи. Ты видѣлъ, есть ли это различіе, составляющее ихъ личную особенность.

Четвертое: Наружность — важное дѣло. Надобно не забыть, какъ они являющіяся на сценѣ. Всѣ лучшіе Стихотворцы находили матеріаль въ описаніи даже ихъ уборовъ, ихъ вооруженія, украшеній, имъ свойственныхъ, даже въ описаніи ихъ паденія, ранъ, неудачъ и смерти, которая ихъ постигла. — У Хераסקова не узнаешь, къ какому вѣку принадлежатъ его битвы? — Оружія всѣхъ вѣковъ перемѣшаны: стрѣлы, пицали, шараны, ружья, пушки (ибо что разумѣшь иное подъ словами: молнія и громы, огненный градъ, какъ не пули (*). — шуры,

(*) Вдругъ *луля* засвиспавъ со стѣнъ мя-
шежна града,
Младому рыцарю ударилась во грудь.

П. XI. стр. 236.

раскапы, подкопы? да къ тому же, ни одно изъ сихъ оружій не описано, не опредѣлено, какъ у другихъ Спихошворцовъ; а въ эпомъ — и въ образѣ сражашся, опносящемся ко времени, изъ коего взято происшествіе по испиннѣ могла бы заключишся вся прелестъ военныхъ описаній. По крайней мѣрѣ опличиш бы должно было оружіе Казанцовъ и характеръ ихъ въ бипшѣ опъ Россійскаго: не уже ли оба народа были тогда въ одинакой степени образованія? . . . .

Пятое наконецъ: По сердцу Патріота можно бы было искуснымъ образомъ, и припомъ не новымъ, — ибо, уже многіе предшественники Хераскова показали его явиш въ дѣйствіяхъ Героевъ перевѣсъ на споронѣ опечесивенной. — И сего, къ сожалѣнію, не можеш ты найши въ Россіадѣ! . . . .

Вопъ главныя причины, почему не занимашельны сіи военныя описанія! Впрочемъ, еще повшорю, что Херасковъ

отличается вездѣ ровностію, чистотою, благородствомъ, стремительностію, гдѣ нужно, и часто силою слога. — Сія два послѣднія качества, особливо чудотворительны въ его *рѣчахъ*, которыхъ весьма много; а изъ эшого видно, что Пѣснопѣвецъ очень хорошо зналъ, сколь способы драматическіе необходимы для Эпопей. Не одинъ разъ прежде случалось мнѣ приводить для себя его рѣчи, и потому почишаю излишнимъ дѣлать шеперь новыя выписки. Укажемъ нѣкоторыя мѣста: Рѣчь Св. Александра, укоряющаго Іоанна (П. I. стр. 8); рѣчь Іоанна Вельможамъ (П. II. стр. 19) и ихъ отвѣты; Адашевъ (П. VII. стр. 127); рѣчь Палецкаго въ плѣну (П. XI. 227.) и пр.

Сердце почтеннаго Пѣснопѣвца исполнено было самою чистѣйшею, небесною нравственностію, которая, услаждаясь сама собою, хотѣла разпространяться на всѣхъ окружающихъ; и потому сочиненія его въ особливости изобилуютъ,

нравственными мыслями, весьма назидательными. — Всякому молодому человѣку, который готовился быть честнымъ гражданиномъ, добрымъ сыномъ опечесыва, хорошимъ супругомъ, отцомъ, другомъ, вѣрнымъ Вѣрѣ и Богу, совѣщоваль бы я любилъ и читалъ сочиненія Хераскова: — Онъ научилъ изъ него здраво мыслить, благородно чувствовать, чисто и благородно изъясняться. Не говоря о другихъ твореніяхъ сего знаменитаго Писателя, Россіяда, какъ героическая Поэма, включающая въ себя великое патриотическое дѣло, заслуживаетъ по всей справедливости того, чтобы ее молодые наши Поэты имѣли всегда подлѣ себя, и между любимыми своими книгами, какъ полезную для ума и сердца. Въ ней есть сташи, примѣры, мысли для Государей, для Вельможъ, для гражданъ, для щастливыхъ и несчастныхъ, для юношей и старцовъ, для добродѣтельныхъ и порочныхъ. Выписки сихъ сташей были бы безчисленны. Читай самъ, другъ мой, ищи

самъ ихъ, и чрезъ то наслаждайся вдвое. Престо мною лежишь реэспрь отличныхъ мѣстъ въ семъ отношеніи; но я не хочу опинимать у тебя удовольствія, бытъ самому себѣ обязаннымъ. — Довольно для меня, еспли я успѣлъ, хотя обратишь вниманіе твое на сіе твореніе, кажешся, немного уже забытое, по модной нашей привязанности къ новизнамъ. — Сверхъ того, говоря о Поэмѣ въ сихъ письмахъ, я нѣкошорымъ образомъ касался вообще самыхъ главныхъ и коренныхъ правилъ Поэзіи: можешь бытъ, ты найдешь ихъ полезными и — съ эшой стороны. — Я не хотѣлъ брать на себя трудной роли рецензента; мнѣ хотѣлось только удовлетворить твоему желанію и собственному чувству почитанія къ знаменишому Пѣснопѣвцу, котораго одни не читаютъ, а другіе изъ нашей братьи Журналистовъ, какъ Гнъ. Совр. Наблюдатель, и хотятъ, чпобъ не читали. — Признаюсь тебѣ, что первое письмо твое ко мнѣ о разборѣ Поэмы Херасковой показалось подо-

зришельнымъ : я подумалъ , что и ты
держишься ихъ мнѣнія. Дѣло прошлое ;
бросимъ все : ошибался я , или нѣтъ ; въ
обоихъ случаяхъ , кажется , доказалъ ,
сколько люблю себя и пр.

Мрелкевъ.

Октябръ 17.
1815 года.
Москва.

Конецъ IX книжки.

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

ОКТАБРЬ и НОЯБРЬ.

Декабрь.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1815.

Sm. 9466 / 1815
№ 10-12

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библиотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Ноября
22 дня 1815 года. П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Денгубскій.

64546 - 78

О Г Л А В Л Е Н І Е.

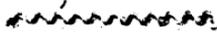

Стран.

I.	Цицеронъ.	1
II.	Рѣчь Посланниковъ Скиѣскихъ Александру.	39
III.	О различіи Поэзіи древней съ новѣйшею.	45
IV.	Удовольствіе, ощущаемое при воззрѣніи на гробницы.	98
V.	Воздушныя гробницы.	105
VI.	Посланіе къ Д. А. Оспафьеву.	107
VII.	Ожиданіе любезнаго.	120
VIII.	Дуня.	123
IX.	Г. Н. Н. Т - - ой.	124
X.	Д. Н. Гл — ву.	126

Оглавление.

	Стран.
XI. Бесеннее утро. " " " "	129
XII. Утро. " " " "	130
XIII. Чудесный поварь. " " " "	133
XIV. Посланіе къ Пизонамъ о Спи- хошворствѣ. " " " "	136
XV. Смерть Клоринды. " " " "	155
XVI. Признаніе супруга. " " " "	168
XVII. Баснь. Два осла. " " " "	169
XVIII. Эпиграмма. " " " "	171
XIX. Эпипафія, " " " "	—
XX. Плачь при гробѣ моего благо- дѣшеля Петра Ивановича Спрахова. " " " "	172

Ц И Ц Е Р О Н Ъ .

Цицеронъ , въ послѣдніе годы жизни своей , удаленный ошъ правленія междоусобными бранями , кошорыя насильшвеннымъ могущесшвомъ оружія замѣнили власшъ законовъ , воспользовался свободнымъ временемъ уединенія , и ошъ прежнихъ трудовъ Орашора и Государшвеннаго Чиншвенника обрашился къ заняшямъ Философіи . Онъ всегда любилъ ихъ ; эшо пришепно во всѣхъ его сочиненіяхъ : но доселѣ философскія размышленія были для него ошдыхомъ ошъ дѣлъ общешвенныхъ ; ишо , какъ извѣшно , онъ былъ знаменишымъ Орашоромъ и народоуправителемъ до самой шой минушы , какъ возгорѣлась война между Цезаремъ и Антоніемъ . Съ сей эпохи до самой смерти своей сочинялъ онъ въ пишину мирной философскія книги , изъ коихъ нѣкошорыя погубило время . Онъ сосшавляли полный курсъ Философіи Греческой , и окончаны были въ продолженіи пяти лѣшъ , при всѣхъ

Книж. X и XI.

A

безпокойствахъ и бѣдствіяхъ, кои прѣвѣщствовали послѣднимъ любимымъ его занятіямъ, и кои нѣсколько разъ вовлекали его въ море гражданскихъ мятежей, и напослѣдокъ погубили вмѣстѣ съ свободою Рима.

Греческая Философія имѣла въ Римѣ ревностныхъ послѣдователей своихъ со временъ Лелія; однакожь немногіе Римляне писали объ отвлеченныхъ предметахъ до Бруша и Варрона; къ первому-то изъ нихъ Цицеронъ наиболее обращалъ свои разсужденія о Философіи и Краснорѣчїи, поелику Брушъ равно упражнялся и въ той, и въ другой наукѣ. Но Цицеронъ одинъ обладалъ столь обширнымъ гениемъ, что отважился обнять всѣ части Греческой Философіи, — одинъ имѣлъ такую довѣренность къ своимъ силамъ, что могъ рѣшиться обогатить Латинскую словесность всею, что ни произвели въ семъ родѣ знаменитѣйшія школы Греціи. Сія-то слава была послѣднимъ предметомъ его честолюбія; пред-

начертанный имъ планъ, въ которомъ описаны онъ самъ въ началъ второй книги о *заданіи*, доказываетъ многообразныя его свѣденія и гибкость его дарованій. Такіе предметы были въ Римѣ еще столь новы, что Латинскій языкъ не имѣлъ даже словъ для описанныхъ понятій Метафизики Греческой: Цицеронъ соизобрѣлъ для Римлянъ языкъ Философій, дошедшій даже до новѣйшихъ школъ нашихъ, которыя и донинѣ не знаютъ еще языка другаго.

Онъ началъ свои философскія сочиненія книгою, подъ названіемъ: *Тортензій*, которая для насъ потеряна, и въ которой въхваляя Философію, онъ оправдывалъ вмѣстѣ самую себя передъ тѣми, кои обвиняли его за сей родъ занятій и сочиненій, какъ бы не соответствующій личному его достоинству. Цицеронъ возвращается нѣсколько разъ къ симъ упрекамъ, и легко опровергаетъ ихъ, основываясь не только на томъ, что упражненія философскія весьма достойны сами по себѣ за-

А *

нимають умъ челоувѣческой, по равно и на
 помъ, чпо онъ ничего не могъ дѣлать
 лучшаго въ своемъ уединеніи, опчужденъ
 будучи опъ обязаноспей гражданина и
 общеспвеннаго челоувѣка. Онъ прибавля-
 етъ, чпо весьма похвально для Латин-
 ской Словесности, ежели не будетъ она
 завидовать Греческой и въ семь родѣ со-
 чиненій, когда какъ опъ спорять
 о преимущеспствѣ въ Красворѣчій и Поззій;
 для него же весьма деспно, ежели Ла-
 тинская Словесность будетъ одолжена
 ему сею новою честію. Наконецъ онъ
 радуется самъ, чпо нашею способъ, при-
 несть пользу Римскому юношеспву во
 времена развращенія, въ кои болѣе неже-
 ли когда-нибудь имѣло оно нужду въ на-
 спавительной помощи и нравспвенномъ
 обузданіи. „Сограждане мои проспяютъ
 „мнѣ“ говоритъ Цицеронъ, „или паче до-
 „вольны будутъ мною, еспли во время
 „порабощенія опечеспва не показалъ я ни
 „слабоспи униженія, ко всему равнодуш-
 „наго, ни негодованія, все опсвергающа-
 „го, ни льспивой угодливоспи, раболѣн-

„спвующей предъ неограниченнымъ гос-
 „подснвомъ, для поддержанія только
 „часныхъ своихъ выгодъ“

Послѣ книги, *Hortensius*, онъ написалъ другую, *Академику*; ошъ ней намъ оспалось весьма мало. Здѣсь спарается онъ защищать избранное имъ ученіе Платона, который, слѣдуя Сократу, допускалъ одно вѣроятное, и не признавалъ ни очевиднаго, ни извѣстнаго. Сіе ученіе, при всѣхъ усиліяхъ оправдать оное, не имѣетъ основательной точности. Ищережь, уснувая невольно необходимости, говоришь, что оно можетъ бытъ основательно, еспли умѣренно. Онъ ограничивается предметами, совершенно негоспнжимыми для разума человѣческаго, и допускаетъ однѣ догадки. Всѣ почти приводимые имъ примѣры къ шому клоняшся; но вообще онъ нигдѣ не оспавляетъ сего положенія секпы свсей, что ни объ одной вещи не лзя сказать, будто она справедлива, а противная ей необходимо ложная. Таковыя слова по-

казываютъ недѣлоспѣ ; это сборъ видимыхъ противорѣчій : ибо кромѣ дѣйствительныхъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ математическихъ познаній, о коихъ нигдѣ не говоритъ онъ, или, кои по видимому не уважаешь, находишься въ семъ ученіи мешафизическое противорѣчіе, которое должно было бы примѣнить самому Сократу, Платону и ученикамъ ихъ; не лзя спастись, чтобы разумъ, какъ часть божества, по собственной ихъ системѣ, внушенная челоѣку, былъ способною шолико обманчивою, что не могъ бы имѣть несомнѣнныхъ понятій, ниже полагаться на вѣрныя изслѣдованія о какихъ бы то ни было вещахъ. Тотъ, кто избираешь цѣль, ищешь и средствъ; а цѣль разумныхъ шварей, по собственному же ихъ сознанію, есть уразумѣніе истины, безъ которой челоѣкъ не имѣлъ бы никакого руководителя. Слѣдовательно, если ли Богъ ошказалъ челоѣку въ познаніи вышнихъ, и пошому ненужныхъ вещей, шосъ другой стороны Онъ безъ сомнѣнія даровалъ понятія, необходимыя челоѣку

на пупи жизни и дѣятельности; иначе Богъ не былъ бы справедливъ и благъ къ Своему созданію, что пропивно и не сообразно Его свойствамъ: ибо хотѣшь и не хотѣшь въ одно время, шакже видимое пропиво рѣчіе. Цицеронъ для избѣжанія слѣдствій, разрушающихъ всю науку о нравственности, говоритъ, что вѣрояшіе, коимъ замѣняешь онъ очевидность, можетъ однакожъ производить удовлетворительныя понятія, и служить вождемъ во всѣмъ дѣйствіяхъ и обязанностяхъ жизни. Но сіе умствованіе не основательно, и со всею правдоподобностію своею всегда будетъ опровергаемо тѣми, кои, вникнувъ въ оное, станушь утверждать (и не безъ причины), что они свободны отъ всякихъ обязанностей; когда ничего нѣтъ доказаннаго; естли ничего нѣтъ вѣрнаго въ основѣ, то равно нѣтъ никакого вѣрнаго добра и зла по отношенію; и тогда, что спале бы съ книгою Цицероновою, о *Должностяхъ*? Какъ! скажущъ ему, ты велишь почивать за неварушимое правило, за первый домъ и

высочайшее щастіе, бытъ честнымъ и добродѣтельнымъ, а самъ не можешь доказать, что по виду прошивное честному, не естъ ли въ самомъ дѣлѣ честное? Ибо изъ теоріи вѣроятія произпекаеть непремѣнно сіе возраженіе, коего опасныхъ слѣдствій не предвидѣла секпа Академиковъ, оспроумнѣйшая изъ всѣхъ другихъ. Цицеронъ, по стипамъ своихъ учителей, всегда обращается на физическія и метафизическія положенія; но избѣгаетъ, кажешся, сущности сего вопроса конечно попому, что боишся вникнуть въ него. Для насъ ошнюдь не важно, будемъ ли мы увѣрены въ величинѣ солнца, или въ тѣхъ способахъ, коими душа дѣйствуетъ на тѣло; мы равнодушно можемъ смѣяться надъ тѣми, копорые представляютъ солнце столь же великимъ дѣйствительно, какъ оно кажешся, или почишаютъ его больше земли, только въ осмнадцать крапъ. Гораздо важнѣе то, чтобы человекъ зналъ свои обязанности и свое назначеніе. Какъ! злодѣй столько развращень, что не внимаешь уже суду совѣсти и

человѣчества, суду всегда священному и справедливому, — и вы не боитесь доставлять ему поводъ, называя сомнительными, или паче опровергая законы, лишаемые вами всей святости? Вы можете думать, что ему довольно одного въроянiя для того, чтобы обязанности, которыя покажутся ему шрудными, предпочиталъ онъ злодѣянiямъ легкимъ и выгоднымъ по виду! О, нѣтъ! сiя система споль же вредна въ исполненiи, какъ и въ умозрѣнiи; сiя острожность сомнительности Академикомъ, которую старались они проповѣдывать догматическому высшому, есть крайность, проповѣдываемая крайности, и подъ собственнымъ своимъ бременемъ упадетъ въ безразсудство пирронизма, коего нелѣпость чувствовали они сами. Утверждаетъ все — есть ослѣпленiе гордости; сомнѣваться во всемъ значить давать орудiе разврату.

Сомнѣваясь во всемъ относительно умственныхъ понятiй, не всегда можно

сомнѣваться въ томъ , что приобретаемъ посредствомъ чувствъ. Въ семь-то случаѣ наиболѣе поржествовали Академики , говоря , что обманы чувствъ многочисленны и доказаны ; но они поржествовали весьма не кспати , и токмо одѣми джеумсп-рованіями , коихъ сами не примѣчали. И во первыхъ то , что называли они обманомъ чувствъ , доказываетъ уже противъ нихъ , что есть ощущенія вѣрныя. Обманъ чувствъ есть опсущствіе истины ; признавая одно ощущеніе ложнымъ , должно предположить , что противоположное ощущеніе есть истинно ; иначе же не можно бы говорить ни того , ни другаго о чувствахъ. Припомъ , обманываютъ насъ не чувства , копорыя судить не могутъ , но душа сама , или способность мыслящая дѣлаетъ сужденія о предметахъ , чувствами передаваемыхъ ; самъ Цицеронъ изъясняетъ сіе въ своихъ разговорахъ Ту-скуланскихъ. Наконецъ , когда чувства обманываютъ , то мы знаемъ причины обмановъ и средства поправитъ ложныя ихъ представленія души. Сему служащъ

доказательствомъ физическіе опыты, какъ то: дѣйствіе давленія, тяжесть и упругости воздуха, сообщаемыя конечно посредствомъ только чувствъ разуму, который судитъ объ нихъ; и сіи дѣйствія сподъ же очевидны для насъ, какъ и математическія выкладки. Однимъ словомъ, эта всеобщая неизвѣстность обратила бы наше бытіе и бытіе міра въ нѣкое сновидѣніе; — что можно утверждать развѣ также во снѣ, или въ шушку, и что было бы равно весьма печальнымъ сновидѣніемъ, и весьма нелѣпою шушкою.

Цицеронъ вездѣ слѣдовалъ методѣ Платоновой, т. е. разговорной; но рѣдко разсуждалъ по методѣ Сократа, въ вопросахъ и отвѣтахъ, которая была сама по себѣ суха и уповченна, мало свойственна генію Цицерона и его тону, болѣе или менѣе ораторскому во всѣхъ сочиненіяхъ. Онъ приближается особенно къ тѣмъ изъ разговоровъ Платоновыхъ, въ которыхъ каждое лицо въ свою очередь предлагаетъ свое мнѣніе, обдумавшее и изслѣ-

дованное; сей способъ даетъ обширное поле для краснорѣчія, а Цицерону весьма хошѣлось блистать краснорѣчіемъ. Изысканность и богатство слога не оставляютъ его ни на минушу; и — что гораздо еще важнѣе для Философіи, — у него вездѣ находящіяся ясность и порядокъ, двѣ вещи, коихъ недостаешь у Платона. Цицеронъ не ограничилъ себя однимъ толкованіемъ и изслѣдованіемъ различныхъ системъ: легко примѣшешь можно, что онъ приводитъ и собственныя мысли, и хочешь во всякомъ случаѣ быть и казаться Философомъ, употребляя чужія средства. Читая пять книгъ его о сущности добра и зла, можно повторить слова Вольшера, сказанныя о Бель, что онъ имѣялъ себя главнымъ защитникомъ Философовъ, однакожъ не безъ прибавки вмѣстѣ съ Вольшеромъ, что Цицеронъ, какъ Бель, не дѣлаешь собственныхъ заключеній; ибо весьма легко опличишь Цицероновы мысли, когда говоришь онъ самъ ошъ себя, защищая ученіе о вѣрояншіи Академиковъ, и опровер-

гая догматы Эпикуровы и Зеноновы, или когда заспавляетъ говоришь какое-нибудь лице, взятое изъ числа вѣнчѣйшихъ Мужей его времени, и изъ числа отличѣйшихъ друзей его, именно Лукулла Кашулла, Кошину, Капона, Торквата и другихъ, также какъ мы уже видѣли Красса и Антонія въ разговорахъ о Краснорѣчии.

Здѣсь изслѣдывается важная задача о *высочайшемъ благѣ*. Если нигдѣ не находится удовлетворительнаго рѣшенія, то потому только, что не возможно достигнуть сего рѣшенія о вещи, не существующей въ мірѣ. Это есть первое (и главное) затрудненіе неопредѣлительныхъ споровъ древнихъ Философовъ. Ни одинъ изъ нихъ не примѣнилъ, что всѣ они искали невозможнаго; ибо никакъ не лзя найти высочайшаго блага въ какомъ порядкѣ вещей, въ которомъ по необходимости все не совершенно. Сіе положеніе кажется намъ теперь столько простымъ, что никто уже не думаетъ въ немъ сомнѣваться; впрочемъ очень простиительно

ошибаться въ помѣ, что въ самомъ дѣлѣ весьма очевидно; естли и новѣйшіе отъ сей задачи, коя въ печеніи многихъ вѣковъ безпрестанно занимала древнія школы, совершенно отказались тогда только, какъ божественной Творецъ Евангелія возвѣспилъ людямъ, что блаженства нѣтъ въ семъ мірѣ, и искашь его здѣсь не должно. Сія истина, хоша и опкровенная, явилась столь ошущительною, что весь свѣтъ призналъ ее, даже и тогда, какъ Евангеліе, въ послѣдствіи времени, лишилось многихъ учениковъ своихъ; впрочемъ не одну только истину сію заимствова-ла отъ Евангелія непримѣннымъ образомъ новѣйшая Философія; не одно только сіе сокровище въ Христіанскихъ книгахъ опкрыли самыя тѣ, кои нѣкогда возставали противъ Религіи: онѣ безчи-сленны! . . .

Въ чемъ состоитъ высочайшее благо? какъ сотворенъ міръ сей? Объ этомъ спрашивали всѣхъ древнихъ Философовъ. Каждый почиталъ себя въ состояніи оп-вѣчать на оба вопроса; и отсюда роди-

лось столько системъ о томъ и другомъ. Епикуръ и Аристиппъ отвѣчали на первой: — въ удовольствіи; — Иеронимъ: — въ отсутствіи скорби; Зенонъ: — въ добродѣтели; и сіи три системы были просны; Платонъ: — въ познаніи истины, и слѣдовательно въ добродѣтели; Аристотель, Карнеадъ и Перипатетики: — въ жизни, сообразной съ законами природы, но не чуждой прелесть; и сіи двѣ системы были сложны. Академія, которой Цицеронъ тщательнѣе слѣдовалъ, согласовалась съ послѣднею системою, разбирала оную и изъясняла. На послѣдокъ, и вещи, и слова шакъ смѣшались въ изложеніи и изслѣдованіи каждаго ученія, что не рѣдко одно замѣняло другое. Самъ Цицеронъ увѣряетъ, что Зенонъ со всѣмъ Портикомъ противорѣчилъ Перипатетикамъ изъ одного безразсуднаго честолюбія, согласенъ былъ въ основѣ ученія, и различествовалъ въ однихъ терминахъ, которые сдѣлали и самую основу порочною и несносною, сдѣлавъ ее исключительною. Жизнь по законамъ природы у Пери-

папешниковъ значило по же, что жить честно; а поспему они принимали высочайшее благо Зеноново, которое состояло также въ честности и добродѣтели (слова однозначущія въ Философіи). Но Зенонъ не признавалъ никакого другаго блага, кромѣ добродѣтели, никакого зла, кромѣ порока; и въ семь - то Перипапешники и Академики согласно возставали противъ него, почитая равно благами: законное употребленіе даровъ природы, и ошсущствіе золь физическихъ; — и въ этомъ они правы.

Всѣ нападали на Епикура, и особенно Цицеронъ, который порицалъ его ученіе, хоня и уважалъ самаго Философа. Вся древность согласна въ томъ, что сей человекъ, содѣлавшійся проповѣдникомъ удовольствія, всегда жилъ благоразумно, удалялся отъ всѣхъ излишесивъ и соблазновъ: вошь доказательство, что итъ, которые хонѣли изъяснить и оправдывать его Философію, ошнося къ душѣ все связанное имъ отъ удовольствія;

совершенно обманывались. Правда, что намъ не оспалось его сочиненій, но во время Цицероново ихъ читали въ лучшихъ обществахъ; и когда Цицеронъ часто приводитъ изъ него цѣлыя мѣста, слово въ слово, въ присупствіи Епикурейца, коего заславляешь опказываешься опъ истинны шекста: шо не лзя думать, чтобы онъ хотѣлъ только насъ забавлять вшунѣ, или приводитъ ложныя мѣста, когда въ эпомъ не было ему никакой нужды. Весьма справедливо, что Епикуръ, будучи дерзокъ и влюбленъ въ свое ученіе (что очень можно видѣшь), дѣлаешь оное запушаннымъ въ нѣкоторыхъ часпяхъ съ намѣреніемъ, дабы бытъ непонятнымъ и прошиворѣчимъ себѣ; а шѣ ученики его, копорые не хотѣли бытъ, по выраженію Горация, *поросятали Епикурова стада* (*), пользуясь сими шемными мѣстами, жаловались на клевету, безпреспанно кричали, что напрасно порицають сію Философію за шо, что не понимаютъ ея.

(*) Epicuri de grege porcum.

И у насъ нерѣдко прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ той же хитрости, дабы прикрывать нелѣпыя, или вредныя мнѣнія развращенной науки, и удерживать за собою право и способы, разгосспранявъ въ умахъ заразу! Жалкая и суенная хитрость! Если ваше ученіе полезно въ томъ смыслѣ, какъ вы одни его понимаете, и вредно, какъ цѣлый свѣтъ понимаетъ, и долженъ понимать его: то явствуетъ, что вы не должны его проповѣдывать. Кромѣ того, слова имѣютъ и по необходимости должны имѣть одинаковое значеніе для всякаго, кто говоритъ тѣмъ же языкомъ; иначе надлежитъ отказанью отъ взаимнаго сообщенія словъ и понятій. Но послушаемъ лучше самаго Цицерона, который употребляетъ здѣсь Діалектику неоспоримую и доказательства, могущія служить рѣшительнымъ отвѣтомъ для писателей, старающихся весьма не кстани возстановить Епикура въ наше время.

Цицеронъ обращаетъ слова свои къ Епикурецу Торквату, который хотѣлъ

прославить сего Философа въ присуствіи Триарія. „Епикуръ увѣряетъ, что высочайшее благо соспоишь въ удовольствіи; и величайшее зло въ болѣзни, по началу прошивоположности. И пакъ выраженіе, соопвѣтствующее въ языкѣ его нашему слову: удовольствіе (*ηδονη*), у Грековъ значить совершенно то же, что у насъ удовольствія чувственныя; и самъ Епикуръ не даетъ ему другаго значенія, говоря опкровенно, что *удовольствіе и болѣзнь принадлежатъ къ одному у тѣлу, и одни только чувства бываютъ судіями того и другаго.* Не положительно ли сіе сказано? Онъ говоритъ ясно, что не знаешь никакого *блага* безъ удовольствія, и не понимаешь опнюдь, что могутъ Стойки разумѣть *подъ высочайшимъ благомъ, которое состоитъ въ честности, и въ которомъ удовольствіе ничего не значитъ.* Онъ ушверждаетъ, что сіи слова не *имѣютъ смысла*; онъ самъ опноситъ къ *удовольствію* ощущенія пріятныя, получаемыя посредствомъ вкуса, осязанія, зрѣнія, слышанія, обонянія,

Б а

и наконецъ прибавляешь то, чего не можно даже вымолвить, не оскорбивъ благоприспойности. Конечно, въ другихъ мѣстахъ онъ самъ, спыдаясь собспивенной нравспвенности (такова сила (*) брожденныхъ чувспвованій!), изъясняется, что не можно жить пріятно, не живя честно; но здѣсь дѣло не о томъ, что говоришь онъ въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. Желательна знашь, какъ можно согласишь сіи мѣста съ цѣлою его системою, какою она кажешся вообще, и какою весь свѣтъ ее понимаетъ. Не наша бѣда, еесли онъ презиралъ Логику, не имѣвъ оной, и еесли не дѣлаешъ никакихъ опредѣленій. Мы опредѣляемъ *честныиъ* то, что справедливо и достохвально въ существѣ своемъ, что намъ любезно безъ всякой частной пользы, безъ всякой чуждой похвалы, безъ всякаго чувспвеннаго наслажденія. Это ясно; — но Епикуръ ошвѣчаешъ, что не лзя понять, какое благо мы видимъ *въ честности*, по

(*) Tanta est vis naturae!

крайней мѣрѣ (говорить), мы не понимаемъ того, что называется славнымъ во мнѣнїи народнымъ, а это въ самомъ дѣлѣ (прибавляешь) часто кажется приятнѣе нѣкоторыхъ удовольствій, и бываетъ желательнымъ только подъ видомъ удовольствія (*). И вотъ оный пресловутый Философъ, возмущившій Грецію и Италию, который столь мало понималъ честность, что сдѣлалъ ее зависимою отъ мнѣнїя черни!... Мы также извѣстно все, что ни выдаетъ онъ подъ симъ сладостнымъ спокойствіемъ духа (*eudemonia*), которое безпрестанно прославляешь до того, какъ говоритъ онъ, что мудрецъ его школы воскликнетъ въ Фаларисовомъ волѣ: Какъ это сладостно! Это уже болѣе, чѣмъ поспойчески; ибо Стоикъ скажетъ только болѣзнь не есть зло; и сіи слова, по крайней мѣрѣ, будутъ слѣдствіемъ того, что онъ называетъ зломъ одно порочное и безчестное. Но кому изъяснить Эпикуръ, какимъ образомъ чувства, единственные

(*). То же слово въ слово, говоритъ Гельвецій о славѣ.

судя удовольствія и скорби, будутъ находить, благодаря спокойствію духа, удовольствіе въ шезаніи и зженіи мучительномъ? Что другое это значить, какъ не пустой звонъ словъ? Наконецъ, чшобы узнать основаніе нравственности Эпикуровой, откроемъ важнѣйшую книгу, шу, въ которой заключены главные его догматы, какъ прорицанія мудрости и уроки щастія, однимъ словомъ, которая называется, *высочайшія мысли* (*κρυπτα δοξασ*). Кто изъ васъ не знаетъ ихъ на память? И шакъ послушайте же и скажите, правилень ли переводъ: *ежели то, что составляетъ удовольствіе роскошнѣйшимъ людямъ, и отнимаетъ у нихъ въ то же время малодушныя суетврія, страхъ смерти и болѣзни, и научаетъ ихъ ушбръять собственныя страсти: то мы ни въ чель не можемъ упрекать ихъ; ибо съ одной стороны они окружены удовольствіями, а съ другой ничего не терпятъ, т. е. не чувствуютъ зла.*

Здѣсь (*) Триарій не могъ удержаться, чтобъ не спросилъ у Торкватта: уже ли это слова Епикуровы? Онъ зналъ это, но хотѣлъ слышать мнѣніе Торкватта. Да, отвѣчалъ Торкваттъ съ увѣренностію: это его собственныя слова; но вы не понимаете ихъ смысла. Если онъ говоритъ объ одной вещи, (прервалъ я), разумѣя другую; то я имѣю причину, не понимаю его мыслей; однакожь не по сему только я не понимаю безразсудныхъ словъ его; ибо онъ значить, что люди, предающіеся вѣсь удовольствіямъ, чужды всякаго порицанія, если они будутъ мудры, если *любятъ располагать своими страстями*. Не смѣшно ли видѣть Философа, предполагающаго, будто удовольствіе можетъ научить, какъ *управлять страстями*? По словамъ его, здѣсь дѣло идетъ только объ *увѣренности*! И такъ сладострастіе будетъ имѣть *мѣру*, прелюбодѣйство *мѣру*, распутство *мѣру*! Какая фи-

---

(*) Цицеронъ отъ своего лица продолжаетъ рассказывать о своей бесѣдѣ.

дософія! она хочеть только убирать, а не изкореняеть пороки! О Епикуръ! ты не почишаешь роскошь предосудительною въ самой себѣ! Ты хочешь только отдѣлишь отъ ней суевѣрные страхи и боязнь смерти? Но въ семъ случаѣ ты могъ бышь покойнымъ: есть люди, столь развращенные и вмѣстѣ суевѣрные, кои пресыщаются изъ жертвенныхъ сосудовъ; есть люди, столь мало боящіеся смерти, кои воспѣвають: *поживемъ, поживемъ шесть мѣсяцевъ, а прочее предоставимъ Плу-тону!* — Въ самомъ же дѣлѣ, Тюрквашъ, я уважаю строгую твою философію, еслили она пребуемъ мѣры удовольствія: ибо въ семъ положеніи, что *высочайшее благо состоитъ въ удовольствіи*, не разумѣешь она, какъ думаю, ихъ удовольствій, которыя дышуть за роскошнымъ сіяломъ, на сладострастной постелѣ, и начинающа съ каждымъ упрямъ, которыя, какъ говорятъ, никогда не даютъ видѣнь ни захожденія, ни восхожденія солнца, и которыя заспаляютъ чувствованъ недоспашиакъ во всемъ, ибо ни-

чѣмъ не насытимы. Нѣтъ, не говори мнѣ о щѣхъ сластолюбцахъ хорошаго пона и вкуса, которые имѣютъ у себя лучшаго повара и пирожника, лучшую рыбу и курицу, лучшую дичь и вино, — однимъ словомъ, всѣ вещи, безъ коихъ Эпикуръ не полагалъ щастія; присоедили къ тому, еспьли хочешь, молодыхъ и прекрасныхъ невольницъ, служающихъ при сподѣ, прекраснѣйшую серебряную, или лучшую Коринескую посуду и великолѣпнѣйшій домъ. Изъ всего этого слѣдуешь, что живущіе такимъ образомъ, живутъ хорошо, по вашему мнѣнію, ибо живутъ *въ удовольствіи*, которое у васъ называется *благомъ*; но опсюда опнюдь не слѣдуешь, чшобы удовольствіе было въ самомъ дѣлѣ щастіемъ, *высочайшимъ благомъ*. Удовольствіе въ самомъ себѣ будетъ всегда только удовольствіемъ, а не чѣмъ инымъ; изъ всего же ученія Эпикурова явспвуетъ одно, что онъ искалъ учениковъ себѣ только въ щѣхъ людяхъ, кои, для того, чшобъ были

роскошными, должны были напередъ сдѣлаться Философами.“

Вопшь, по моему мнѣнію, справедливый судъ о Епикурѣ. Потомъ Цицеронъ обращается къ Стоикамъ, кои имѣли уже въ Капонѣ защитника сильнаго, и предсавишеля, достойнаго Поршика. Я не буду распространяться о ихъ Философіи, которую споль много разбирали, и наконецъ оставили, попому ранѣе, что излишество добродѣтели весьма не привлекательно. Если Епикуръ находилъ въ семь вѣкѣ множество послѣдователей и защитниковъ, то Зенонъ — ни одного. Мы видѣли уже въ говоренной за Мурену Рѣчи, какъ догматы Стоическіе, слишкомъ далеко простираемые, служили поводомъ къ тонкимъ и пріятнымъ насмѣшкамъ, приличнымъ судебному Краснорѣчію. Здѣсь замѣшшь можно, что Цицеронъ поступаетъ весьма снрого, но онъ не отказываетъ себѣ въ шойнѣжной и гривости мыслей, каковую сообщаютъ уму осприя шупки, извлекаемыя изъ самаго дѣла,

и не заключающія въ себѣ личныхъ оскорбленій. Цицеронъ не могъ оставить сей части Краснорѣчія, которую обработывалъ столь же тщательно, какъ и прочія, и какъ одну изъ тѣхъ, которыя составляютъ у него значительную приправу философскихъ бесѣдъ. Онъ спарается показать самому Капону, и весьма легко даетъ понять всякому, даже не Стоику, что Зенонъ съ учениками своими не знали природы человѣческой, желая одну возвысить; они сошворили школьный языкъ столь условный, что пермины ихъ, часно принимаемые въ несобственномъ значеніи, никому не могли быть понятны; далѣе, презирая всѣ средства убѣждать въ нравственности, какъ въ наукѣ, болѣе всего преобладающей убѣжденія, они лишаютъ ее величайшей прелести и силы, никогда не говорятъ сердцу, и всегда обращаются къ разуму. Все Стоическое ученіе спасено было въ скудныхъ формахъ, опвлеченныхъ умствованіяхъ и, какъ говоритъ Цицеронъ, въ *небольшихъ заключеніяхъ* (сіе вы-

раженіе кажется весьма щастливымъ), копорыя дѣлають нравственностъ столь сухою и упонченною, что она, будучи лишена жизни, движенія и цвѣша, представляется, какъ бы "скелетомъ". Разбирая Споическія афоризмы въ собственномъ ихъ видѣ, на примѣръ, въ ручной книжкѣ Еликшеповой, кажется, я слышу стукъ мертвыхъ костей человѣческихъ. Не говорю, чтобы сія секша не имѣла великихъ людей между своими учениками; однакожь, въ семь случаѣ не должно обольщаться наружностію: они были не потому велики, что были Споиками; но высокостъ ихъ характера равно дѣйствовала съ правилами Поршика въ томъ, что имѣли они лучшаго и прекраснаго, т. е. въ достоинствахъ добродѣтели. Все прочее относили они къ школьной принадлежности, которая была, такъ сказать, прошколомъ секшы.

Цицеронъ справедливо упрекаетъ Споиковъ, что они ничего не произвели для общей пользы такою, что можно бы

пропивопоставивъ сочиненіямъ Платона, Аристотеля и другихъ учениковъ ихъ, писавшихъ о нравственности и законодательствѣ. „Клеантъ и Хризиппъ (продолжаетъ Цицеронъ) хотѣли составить Рипорику; но они предположили себѣ такую методу, которая научитъ только, никогда не умѣть говорить, и при всемъ томъ, какое хвастовство и предубѣжденіе! Они хотятъ воспламенять души, и какимъ образомъ? *Mirъ estъ градъ чело-вѣка.* Очень хорошо; и такъ міръ есть столица жителей Пузоли! и сими средствами изобрѣшенія намѣрены они воспламенять души! Они могли бы сіе сдѣлать, естли бы слова ихъ исполнены были огня. Говоря о могуществѣ добродѣтели, они опутываютъ васъ мѣлкими вопросами, какъ бы съпью; и вы сказавши: да, ничего не поняли; никакой перемѣны въ васъ не произошло, и все оспалось по прежнему. Не уже ли спранные, новые термины измѣняютъ сущность понятій и чувствованій? Спрашиваю васъ, какъ можеть болѣзнь не быть зломъ?

И вы отвѣчаете мнѣ: болѣзнь есть нѣчто непріятное, безпокойное, ненавистное, тяжкое. Положимъ такъ! на мѣсто одного слова, сказали вы опредѣленіе; почему же сіе нѣчто непріятное, безпокойное, ненавистное и проч. не есть зло? Въ болѣзни нѣтъ ни коварства, ни обмана, ни злоспий, ни недоспашка, ни спыда, — слѣдовательно и зла. Положимъ, что я могъ бы удержаться отъ смѣха, слыша сіи слова: ни коварства, ни обмана, ни спыда — въ болѣзни: однако, такъ и бытъ! — скажите: все это, какое подаетъ мнѣ средство, переноситъ болѣзнь съ швердосію? — То, что человекъ, считающій болѣзнь зломъ, никогда не будетъ швердымъ. Положимъ; но почему будетъ онъ швердымъ, считая болѣзнь чѣмъ-то непріятнымъ, безпокойнымъ, ненавистнымъ и тяжкимъ? Не думаю, чтобы вы спали на это отвѣчать: ибо швердосъ и слабость непремѣнно относятся къ вещамъ, а не къ различнымъ названіямъ вещей.“

Видите ли, съ какою любезностію и легкостію ума Цицеронъ сражается, не позволяя себѣ оскорбительныхъ колкостей! — Но вы любопытствуете услышать еще какую-нибудь спойческую парадоксу, надъ которою онъ забавляется; да будетъ позволено мнѣ ограничить себя одною изъ сотни другихъ, которая покажетъ ясно, до какой степени можно проспирать философскія бредни, даже съ добрымъ намѣреніемъ. Споики утверждали, что всѣ тѣ, кои не были совершенно мудры, равно достойны сожалѣнія; и убійца своего отца не болѣе жалокъ, какъ и тотъ, кто, живя впрочемъ честно, не достигъ еще совершенной мудрости. И сія мудрость, вѣроятно, принадлежала однимъ Споикамъ, и, по истинѣ, она весьма похожа на совершенную глупость. Но къ смѣшному положенію должно присоединить еще смѣшное сравненіе, на которое они опирались. *Если два челоубка тонутъ; тогда, говорили они, находящійся близь поверхности воды также не можетъ дышать, какъ и находящійся*

на самолюб дѣл; слѣдовательно и проч. Вы смѣялись вмѣстѣ съ Цицерономъ; по крайней мѣрѣ, это смѣшное, но невинное; и должно признаваться, что Спойки, всегда честные въ своемъ поведеніи, были, и въ ученіи своемъ добрѣе, и лучше всѣхъ глупцовъ.

Предметъ пяши разсужденій, предложенныхъ въ разговорѣ, и называемыхъ *Тускуланскими*, ибо онѣ написаны въ сельскомъ домѣ Цицерономъ въ Тускулумѣ, (*) соспоищъ въ изысканіи сущесвеннѣйшихъ средствъ для достиженія щаспія; и нашъ Авшоръ вычисляеть, пять средствъ: презрѣніе смерти, терпѣніе въ болѣзни, швердосць духа въ различныхъ искушеніяхъ жизни, навыкъ прошивоборсшво-вать спраспіямъ, и наконецъ увѣренносць въ шомъ, что добродѣшель должна искать награды шокмо въ самой себѣ. Сія теорія, впрочемъ весьма досшохвальная, болѣе или менѣе заимсшвована изъ

(*) Нынѣ Фрескати.

всего, что Академія и Портикъ ни имѣли
 лучшаго; она украшена, исправлена и
 обогащена Цицерономъ, который объ-
 ясняетъ ее отъ себя съ начала до кон-
 ца сочиненія. Все, что естественная Фило-
 софія ни содержитъ изящнаго въ Метафи-
 зикѣ и нравственности, все то возвышено
 здѣсь краснорѣчіемъ; а что есть неполнаго,
 или недостающаго, — того не должно
 приписывать Автору; ибо одно Откровен-
 ніе могло дополнить сіи недостатки. Ци-
 церонъ во всѣхъ своихъ положеніяхъ весь-
 ма хорошо доказываетъ, что смерть
 въ самой себѣ не есть зло: поелику, еже-
 ли человѣкъ весь погибаетъ, въ такомъ
 случаѣ ничтожество будетъ нечувств-
 вительно; но ежели душа бессмертна,
 какъ онъ думаетъ и утверждаетъ очень
 сильно, — то не смерть уже состав-
 ляетъ зло для порочнаго, но однѣ му-
 ки, за ней послѣдующія, которыя будутъ
 возмездіемъ его преступленій. Добрый че-
 ловѣкъ болѣе желаетъ смерти, нежели
 спрашивается; ибо она даруетъ ему
 лучшую жизнь. Цицеронъ доказываетъ

Книж. X и XI. В

весьма убѣдительными доводами безсмертіе души; и особенно, память кажется ему удивительною въ насъ способностію, которая не можетъ принадлежать матеріи. Тѣмъ, кои опровергають безсмертіе души, не понимая, какимъ образомъ душа можетъ ошдѣлиться отъ тѣла, онъ отвѣчаетъ весьма късати: но лучше ли вы понимаете; какимъ образомъ она соединена съ тѣломъ? — Отвѣтъ рѣзкой, доспримѣчательный, показывающій, что Цицеронъ, по крайней мѣрѣ, замѣнилъ сей способъ убѣжденія, изъ коего лучшая Философія новѣйшая почерпнула, и можетъ еще почерпнуть важное преимущество, пользоваться очевидными, хотя и неизяснимыми истинами, для опроверженія слишкомъ обыкновенной и часпо ложной діалектики, опровергающей поштому только всѣ извѣстныя, и уже доказанныя истины, что разумъ человѣческій изяснитъ ихъ не въ силахъ.

Цицеронъ весьма живо чувствовалъ сей ложный способъ умствованія, столь употреб-

решительной въ его время и наше, отъ котораго происходитъ одно произвольное незнаніе того, что знаніе можно, и которой неправильно основывается на непреодолимой неизвѣстности того, что свыше понятій нашихъ. Вотъ образчикъ его логики о семь предметъ: „Начало нашей души ни коимъ образомъ не могло заключаться въ чѣмъ-либо матеріальномъ; ибо матерія не произвела бы мысли, познанія, памяти, которыя ничего не имѣють съ нею общаго. Вода, воздухъ, огонь, совсѣмъ, что ни представляють стихіи тончайшаго и легчайшаго, не даютъ намъ ни малаго понятія объ отношеніи къ той способности, посредствомъ которой мы понимаемъ прошедшее, настоящее и будущее. И такъ сія способность должна происходить отъ одного Бога: она есть по необходимости небесная и божественная. Слѣдственно то, что въ насъ мыслишь, чувствуешь, движешь насъ, непременно должно быть невредимымъ и вѣчнымъ: и мы не можемъ постигать сущности Бога попому только, что не понимаемъ сущности души нашей,

которая есть безъ сомнѣнія вѣчно совершенно отдѣльное и независимое отъ чувствъ, могущее понимать и двигать все. Вы скажете мнѣ: а гдѣ сие существо, понимающее и движущее, и откуда оно произошло? Отвѣчаю: а гдѣ ваша душа, и какъ вообразить ее? вы почто ничего не скажете мнѣ на это. Но еслили я не имѣю для уразумѣнія чего-либо всѣхъ средствъ, кои желалъ бы имѣть; то не ужели сие даетъ право лишать меня того, что имѣю? Глазъ видишь все, кромѣ себя самого; такъ и душа наша, видя столько много вещей, не видишь собственнаго существа своего; однакожь сознается въ томъ, что мыслить и дѣйствовать. — Но гдѣ она, и что она? сего не должно изслѣдывать. . . . Взирая на порядокъ міра и правильное движеніе небесныхъ тѣлъ, не заключаете ли вы, что есть высочайшій, бдительноый Разумъ? — Въ семъ случаѣ все равно: пусть міръ сей имѣлъ свое начало и сотворенъ онимъ Разумомъ, какъ думалъ Платонъ; пусть міръ существуетъ отъ вѣчности, и сей Разумъ един-

опвенно имъ управляеть, какъ думаль Арисшопель? Вы познаете бышіе Бога изъ дѣль его, изъ красопы міра, хопя и не знаете, гдѣ и чшо есть Богъ: равнымъ образомъ признайте же бышіе души вашей изъ постоянныхъ ея дѣйсствій, изъ красопы ея дѣль, копорая состоишь въ добродѣтели“.

Замѣшивъ, сколь глубокое уваженіе всегда имѣль Цицеронъ къ божественному Платону (эпо имя приписано ему всею древностію), вы не удивитесь, еспьли найдете въ Римскомъ Оранорѣ все, что ни говорилъ Философъ Греческій о смерпи. Я упоминаю о семъ для того, чтобы показать мнѣніе, общее двумъ великимъ Мужамъ, объ одномъ предметѣ нравственности, копорой обыкновенно предшавляють какимъ-то злоупотребленіемъ духовности и строгости, и въ копоромъ весьма неосновательно упрекали Христіанскую Философію. Вы увидите, что Платонъ и Цицеронъ, коихъ никогда не обвиняли въ излишней суровости нравоченія, гово-

рили, какъ Христіане. Весьма замѣчательно, что они приводятъ напередъ всего мнѣніе, для подтвержденія коего не имѣли споль сильныхъ средствъ, каковыми пользуется единственно наша Религія. „Мы разлучая душу, говоритъ Цицеронъ, съ земными предметами, дабы погрузить оную въ размышленіе, что дѣлаемъ иное, какъ не учимся умирать? ибо смерть есть также разлученіе души съ тѣломъ. И такъ будемъ приспособляться къ сему ученію, естли вѣрите вы словамъ моимъ; отдѣлимъ себя отъ тѣла, и научимся умирать. Тогда, наша земная жизнь подобна будетъ небесной жизни, и въ ту минуту, какъ смерть разорветъ тѣлесныя узы, ничто не удержитъ полета души нашей къ небу,

С. . . . .

(Продолженіе впродъ).

II.

РѢЧЬ ПОСЛАННИКОВЪ СКИѦСКИХЪ
АЛЕКСАНДРУ.

Есѣли бы боги благоволили даровать тебѣ шѣло, соразмѣрное алчности души твоей, тогда бы вселенная не вмѣстила тебя: одною рукою ты касался бы Воспока, другою Запада; — и послѣ того захопѣлъ бы извѣдашь, въ какомъ мѣстѣ сей божественный царь дня сокрываетъ свое сіяніе, — Тако спрости алчбы влечешь тебя къ тому, чего поспигнуть не возможно: изъ Европы спремись въ Азію, изъ Азіи переходишь въ Европу; потомъ, когда весь родъ человѣческой покорить своей власти, станешь рабовать прошиву лѣсовъ, снѣговъ, рѣкъ и дикихъ звѣрей. — Какъ? — развѣ ты не вѣдаешь, что огромныя древа растутъ долгое время, а погибають въ одно мгновеніе? Не безуміели, надѣявшись вѣрно, восхишись съ нихъ плоды, неизмѣривъ прежде высоты ихъ? — Возносясь до вершины древа, берегись низ-

распъ вмѣстѣ съ вспвями, къ кошо-
рымъ проспираешь свои руки. И самый
левъ бываетъ иногда пищею безсильныхъ
ршиць; ржа пожираешь булапъ. Нѣтъ
могущества, которое не могло бы спра-
щиться гибели отъ самаго слабѣйшаго
шворенія.

Что у насъ общаго съ шобою! Ни-
когда ешопы наши не касались землѣ
швоей. Или не позволено челоуѣкамъ,
обищающимъ въ дремучихъ лѣсахъ, не въ-
дашь: кшо ты и отколѣ ты? Мы
не можемъ повиноваться, и не хотимъ
повелѣвать. Небо каждому изъ народовъ
низпослало дары особые: оно даровало
Скиоу пару воловъ, плугъ, копые и
кубокъ: вопъ, что мы употребляемъ съ
нашими друзьями, и противъ нашихъ не-
пріятелей. Съ друзьями раздѣляемъ шу-
ды воловъ нашихъ; съ ними вкупѣ изъ
кубковъ ошечественныхъ шворимъ возлія-
нія въ жершву богамъ; враговъ своихъ
издали срѣшаемъ спрѣлами, вблизи по-
ражаемъ копыями. Тако побѣдили мы Ца-
рей: Сирскаго, Персидскаго, Мидійска-

га; — тако отверзли себѣ путь даже до Египца. Но ты, надмѣнно величающій себя изпробителемъ разбойниковъ, — ты самъ первый разбойникъ, испробитель всѣхъ спиранъ, копорыхъ достигнулъ: ты покоришь Лидію; ты опустошилъ Сирію; ты власпелишь Персію; ты обладаешь Бакпріаною; ты посягалъ на Индію, и теперь наконецъ жадныя, ничемъ ненасытимыя руки свои простираешь на похищеніе снадъ нашихъ!

На что тебѣ богатства, когда онѣ только воспаменяютъ твою алчность? Ты первой, въ копоромъ пресыщеніе рождаетъ ненасытность; ибо чѣмъ болѣе имѣешь, тѣмъ неперпѣливѣе жаждешь того, чего еще не имѣешь! Вспомни, сколько времени, и сколь пиягоспно боролся ты съ Бакпріаною? — Сегодня побѣждаешь ее: завтра возстаютъ Согдіанцы; новая брань рождается тебѣ изъ каждой побѣды!

Ты хочешь бышь единымъ владыкою надъ владыками. — Но никто не рѣшится шерпѣшь иноплеменнаго пришельца Царемъ своимъ. Прейди нынѣ Танаисъ, и шы узришь, колико Скиѳія проспранна; — но крайней мѣрѣ, шы никогда не достигнешь до Скиѳовъ. Наша бѣдность быспрѣе и дѣяшельнѣе швоихъ армій, влекущихъ за собою добычи, похищенныя у споль многихъ народовъ; мы преслѣдуемъ и удаляемъ съ одинакою скоростію, и шы увидишь насъ внезапно въ спанѣ швомъ въ шо время, когда мечтаешь, что мы опъ тебя въ далекомъ разспояніи. Мы слыщали, что изъ поруганій надъ пустынными нашими жидищами сосшавились половицы у Грековъ; повѣрь мнѣ, сіи пустыни, сіи равнины дикія и неизмѣримыя любезнѣе намъ, нежели ваши грады и ваши поля, обидіемъ преисполненныя. И пакъ, Александръ, держи крѣпче свою форшуну, она непосшоянна; прошивъ ея воли, не удержишь! Будущее вѣрнѣе, нежели насшоящее показываепъ намъ, сколько совѣшь сей для тебя спасишеленъ.

Обуздай прихотливое твое счастье, дабы удобнѣе впредь управляшь имъ. У насъ говоряшь, что форшуна безъ ногъ; что она имѣешь только руки и крылья, и естли къ кому проспираешь руки, тому не позволзешь въ то же время брать себя за крылья.

Наконецъ, естли ты Богъ, ты долженъ творить людямъ добро, а не похищать ихъ доспояній; естли же ты человекъ, то размышляй чаще о томъ, что ты ешь: ибо безумно занимаешь такими вещами, которыя принуждаютъ тебя забывашь о самомъ себѣ.

Въ людяхъ, которымъ ты не принесешь брани, обрящешь себѣ друзей добрыхъ: ибо дружба прочная существуетъ токмо между равными; а равны только тѣ, которые не принуждены были испытывашь еще взаимно силу своихъ.

Не вѣрь дружеству тобою побѣжденныхъ; между владыкой и рабомъ нѣтъ дружбы; — и среди самаго мира преобладаютъ

права, приобрѣтенныя войною. Не думай, чшобы Скиены увѣряли въ дружбѣ кляшвами; они дали слово;—и въ шомъ вся кляшва. Сія предосторожность нужна для Грековъ, кои подписываютъ договоры, и боговъ приываютъ въ свидѣтели; наша религія — добрая совѣсть. Кпо не уважаетъ людей, шощъ не постыдишся обманушь и боговъ; — и къ чему шебѣ другъ, вѣрность котораго для шебя подозрительна! Впрочемъ, мы можемъ бышь для шебя спражами Азіи и Европы; — шокмо одинъ Танаисъ раздѣляетъ насъ съ Бакпріаною; за сею рѣкою мы населяемъ еспраны до самой Оракіи; Оракія, говоряшь, сопредѣльна Македоніи: имѣя въ насъ сосѣдей двумъ швоимъ Имперіямъ, помысли, ешьли хочешь, чѣмъ бышь намъ, швоими друзьями, или врагами?

Такъ окончилъ рѣчь свою дикой. Александръ опвѣщивоваль, чшо онъ возпользуешся своимъ щаспіемъ и ихъ совѣшаними, чшо послѣдуетъ за форшуною съ

полною довѣренностію, а по ихъ совѣ-
щаніямъ, не предприметь ничего безразсуд-
наго и слишкомъ дерзкаго.

Съ Лапін. Сирѣв.

III.

О РАЗЛИЧІИ ПОЭЗИИ ДРЕВНЕЙ СЪ НОВѢЩЕЮ.

Вниманіе въ наукахъ есть отецъ Ге-
нія; воображеніе въ искусствахъ и Поэзіи --
его основа и начало. Первое обнимаетъ
видимые предметы, и сфера его — міръ
дѣйствительный; второе производитъ,
чего не было, творитъ не существо-
вавшее; его сфера есть возможное.

Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что вооб-
раженіе имѣетъ творческую силу; со
всеми шѣмъ произведенія его составля-
ютъ только новую сложность, новый
порядокъ изъ частей, находящихся въ
природѣ. — Воображеніе само по себѣ не
можетъ производить изъ ничего. И по-

тому оно весьма много зависитъ отъ вліянія обстоятельствъ, дающихъ ему особенное направленіе и краски.

Предметы физическіе и нравственныя, дѣйствующіе на чувства, измѣняютъ болѣе или менѣе сославныя картины, раждаемыя воображеніемъ. Оно даетъ творенію своему разнообразный характеръ, принадлежащій вѣку, странѣ климату, обществу, изъ которыхъ извлекло оно содержаніе картинъ своихъ.

И такъ Поэзія, дщерь воображенія, при равномъ своемъ достоинствѣ, съ перемѣною времени должна принимать и различныя на себя виды. Она шествуетъ всегда одинакими ступами съ образованностію какого-либо народа; и потому должно сперва узнать сію послѣднюю, дабы потомъ замѣнить и объяснить въ точности опличительныя ея черты, принадлежавшія какому-либо вѣку, или области.

Новѣйшій міръ не походитъ на древній. И такъ древняя Поэзія не можешь и не должна походитъ на новѣйшую. Природа, живущая въ Поэмахъ Гомера, оплична опъ шой, копорую ощущаемъ мы въ Поэмахъ Тасса и Аріюста; равно какъ Корнель и Расинъ весьма опличны опъ Эсхила и Софокла.

Топъ нѣкогда существующій міръ, изъ коего древніе заимствовали формы и цвѣшы, упошребляемыя въ своихъ швореніяхъ, и шѣ люди, коимъ хотѣли они нравиться, и коихъ старались произведеніями своими плѣнять, слишкомъ далеко опстоятъ опъ нашего міра и людей, среди коихъ новѣйшіе Поэты желаютъ пріобрѣтать свои лавры.

Мы вѣримъ, что свойство изящнаго не перемѣняется. Въ удовольствіяхъ ума и воображенія человекъ покоренъ неизмѣняемымъ уставамъ, которые свяшо должны бытъ сохраняемы Поэтами; какъ скоро опъ оныхъ удалились, потчасъ

бываютъ наказаны. Эти правила важны для древнихъ и новыхъ. Онѣ между шѣмъ предлагаютъ Генію обширное поприще, для выбору предметовъ, тона и видовъ. Онѣ дѣйствуютъ на Поэза болѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ образомъ: по естѣ, болѣе показываютъ, чего избѣгать, нежели что дѣлать должно.

Можетъ быть, скажутъ, что Поэты, начиная отъ идеала, или спараясь къ нему приближались, не зависяшъ отъ вѣствующаго положенія міра, общества, — природы дѣйствительной; и что сія послѣдняя въ исторіи Поэзіи не заслуживаетъ вниманія. Стихотворцы и артисты, весьма много удаленные другъ отъ друга, находящіеся въ великомъ разстояніи мѣстъ и времени, могутъ часто вспрѣчаться въ идеалахъ. На сіе мы будемъ освѣдѣствовать, что многіе изъ Поэтовъ не имѣли опредѣленнаго своего направленія къ идеалу. Многіе изъ древнихъ Пѣснопѣвцовъ, имѣвшихъ по наруж-

ности вѣчто идеальное, въ самомъ дѣлѣ были только вѣрные изобразители природы, являющейся предъ ихъ глазами. Обвороженіе, произведенное ими въ насъ, конечно, родилось отъ того, что природа, живописуемая ими, весьма отлична отъ той, посреди которой мы живемъ.

Впрочемъ, что значить изобрѣтать идеальное, или дѣйствовать по идеалу? Сіе выраженіе можетъ имѣть два смысла, и который бы мы ни приняли, все можно видѣть, что природа и обстоятельство, окружающія Поэта, непременно будутъ имѣть вліяніе на идеаль-его воображенія. Въ томъ ли состоить идеаль, чтобы сочиненіе расположить по новой какой-либо идеѣ, или мысли? или въ томъ, чтобы обыкновенной идеѣ дать новые чувственные виды? Въ обоихъ таковыхъ случаяхъ родъ и свойство сихъ идей непременно должны зависѣть отъ особенностей генія Поэта, также, болѣе или мѣнѣе отъ образованности общества, и отъ идей, которыя имѣли въ это время

Книж. X и XI.

Г

на него вліяніе. Самый знаменитый Поэтъ Греческій представилъ бы въ наши времена идеаль свой совершенно оплично ошъ того, какъ онъ представлялъ его въ свое время. Пусть будетъ идеаль, — вообразительная, или изящная природа; пусть состоишь онъ въ томъ, чшобъ изъ тысячи въ неодушевленной и живой природѣ разсыпанныхъ частей избрать прекраснѣйшія, и составишь изъ нихъ изящное цѣлое, дабы производишь въ воображеніи чинаптелей сильнѣйшее впечатлѣніе; всегда, въ томъ и другомъ случаѣ идеаль удержишь при себѣ большій, или меньшій оппечатокъ той природы, среди которой онъ, такъ сказать, воспиался, и тѣхъ людей, которыхъ имѣлъ онъ въ виду. И такъ, какія бы понятія ни имѣли о Поэзіи, со всемъ тѣмъ ясно, чшо каждая эпоха образующихся обществъ составляла ея отличительный характеръ.

Въ Испоріи Европейскихъ народовъ замѣчано, чшо работа образованія два

раза возобновлялась, и столько же разъ измѣняла ходъ свой и образы. Въ первый разъ человѣческій разумъ воспріялъ выпренній полетъ свой въ странѣ, обитаемой Еллинами и Пеласгами; во второй, у Германцевъ, основавшихъ всѣ почти новѣйшія Государства. Отъ сего произошло, что мы щипаемъ только два великія переворота въ Словесности; и сколь ни разнородны части, изъ коихъ состоятъ сіи перевороты, однако всегда говоримъ мы: древняя и новая Словесность.

Ироическія столѣтія Греціи можно назвать младенчествомъ Словесности древней; а столѣтія рыцарства — младенчествомъ новѣйшей. Но какъ первыя, такъ и послѣднія имѣли рѣшительное вліяніе на нравы, духъ, характеръ, народовъ; слѣдовательно и на Поэзію вѣковъ послѣдственныхъ.

Объ сіи эпохи представляютъ многія черты, имѣющія рѣшительное сходство.

Въ обѣихъ общественный порядокъ равно не достигалъ совершенства. Сила занимала мѣсто законовъ ; въ нѣдрахъ безначалія личная храбрость могла одна только предупреждать обиды, или мстить за нихъ : все ратовало съ насиліемъ и хищничествомъ ; все принуждено было сражаться съ самою природою, — со стихіями, ужасами, чудовищами, которыхъ искусство не могло еще тогда преодолѣть. Повсемственное невѣжество увлекало ко всему чрезвычайному и чудесному; всѣ шѣлесныя преимущества особливо уважены, какъ необходимыя; отважность и неуспрашимость соединялись съ похвальными качествами, зависящими отъ шѣлесной силы и мужества; епккровенность свободная и чистосердечіе составляли главные черты характера ; гостепріимство, столь свято сохраняемое, родилось изъ самыхъ обстоятельствъ общества, и зависѣло отъ степени образованности; спрасти дѣйствовали сильно, пылко, открыто; люди умѣли любить, умѣли ненавидѣть ; дружество составляло величайшую святыню;

свирѣное мщеніе не знало предѣловъ, и самая необходимость оправдывала его въ нѣкоторомъ смыслѣ. При обѣихъ сихъ историческихъ эпохахъ, бывшихъ для Греціи и среднихъ вѣковъ зарею просвѣщенія, геній народовъ былъ спихотворной. Воображеніе и чувствительность, развивающіяся всегда прежде разсудка, были тогда въ полной ихъ силѣ и свѣжести. Общество и природа носили еще знаменія юношества; да и самый міръ представлялъ изъ себя нѣкоторый піишическій видъ. Первые намѣренія, всеобщимъ согласіемъ предпринимаемыя, начальные подвиги, имѣющіе цѣлю общественное благо, первые дальніе походы, производили въ умахъ глубокія впечатлѣнія, становились избраннѣйшими предметами Поэзіи, и даровали Поэмамъ, въ честь ихъ воспѣшымъ, опличительныя краски, видъ и шонъ. Походъ Аргонавтовъ, брань Седьми Вожей подъ Фивами, и въ особенности Троянская война, служили въ древней Словесности тканію, на которой Греческіе и Латинскіе Поэты

разбросали богатое и великолѣпное шитье, служившее основой Пипической ихъ религіи, и неизсякаемымъ сокровищемъ для всѣхъ искусствъ, представлявшихъ его подь различными видами. Брани съ Гишпанскими Маврами и съ Сарацинами Азіи и Африки равноѣрно были важны и занимательны для времени среднихъ. Сіи событія составляютъ самое по средоточіе, вокругъ коего обращалась вся Поэзія того времени.

Таковы главнѣйшія черты сходства, примѣчаемаго между ироическихъ вѣковъ и рыцарскихъ; различія ихъ, можешь быть, еще болѣе многочисленны и очевидны. Самыя происшествія, которыя, какъ въ древней, такъ и новой Словесности, составляли главную пищу Поэзіи, должны были производить ошущительную разность въ тонѣ и характерѣ стихотворныхъ сочиненій обѣихъ эпохъ. Страна, климатъ, употребленіе оружія, одѣяніе, владычествующія мнѣнія, семейственная и общественная жизнь: все совершенно различно (чтобы не сказать, противоположно

но), какъ въ походѣ Аргонавтовъ, шакъ и брани Мавровъ, въ Кресповыхъ походахъ и Троянской войнѣ.

Кто хочеть опредѣлить несходство, существующее между древней и новой Поэзіи, тотъ долженъ болѣе означить тѣ предметы, которыя въ религіяхъ, благоустройствѣ обществъ, въ обращеніи женщинъ, при обѣихъ сихъ эпохахъ, различествуютъ между собою.

Религія принимала малозначительное участіе въ предпріятіяхъ, воспламенявшихъ воображеніе первыхъ Поэтовъ Греціи; напрошивъ того цѣль войны прошиву Гишпанскихъ Мавровъ, и въ особености, цѣль Кресповыхъ походовъ относились совершенно къ Вѣрѣ.

Сіе различіе хотя и дѣйствительно, но крайнѣ маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, которое происходитъ отъ самаго существа Религіи, посредствомъ Кресповыхъ походовъ одерживающей великія побѣды,

и шой, которой держались Греки. Религія Грековъ чрезвычайно способствовала Поэзіи, ибо основывалась на олицетвореніи силъ природы. Въ сущности же своей была чистый *антропоморфизмъ*. Греческіе боги представляли только идеаль самыхъ Грековъ. Человѣкъ въ понятіяхъ своихъ о божествѣ, безъ сомнѣнія, никогда не отстанетъ отъ навыка, по своему видѣть, чувствовать, судить; мы сами приписываемъ Божеству нѣкоторыя черты умственной и нравственной нашей природы. Но Греки богамъ своимъ придавали совершенно черты и видъ человѣческаго; они каждый родъ твореній природы подчинили охраненію существа, одареннаго физическою красою и силою, смысломъ и свободой, желаніемъ и спрашаніемъ. И такъ религія ихъ представляла воображенію каждое существо съ опредѣленными уже свойствами и чертами; а чрезъ то разпространяла она, украшала, оживляла вещественный міръ, и не только не ослабляла владычества чувствъ, но еще усугубляла и возвышала

ихъ наслажденія; и по всѣмъ симъ отношеніямъ благопріятствовала Поэзіи, доставляя ей безпрестанно новыя средства къ успѣхамъ.

Напротивъ того Религія Христіанъ есть Метафизическая и нравственная, не имѣющая ничего мечтательнаго и бесѣдующая болѣе съ разсудкомъ, нежели съ воображеніемъ. Основываясь на духовномъ единствѣнно, опдѣляетъ она насъ отъ всего чувственнаго къ любленію неплѣнныхъ прелестей безсмертія. Въ среднихъ вѣкахъ нѣкоторыя обряды языческой религіи, учрежденія, вымышленныя ею существа покушались было впоргнуться въ святое царство Христіанства, дабы облечь его чувственностію; но всѣ сіи суешныя замыслы остались тщешны. — Міръ, въ который высокая Религія сія переноситъ человѣка, есть и будетъ всегда идеальнымъ міромъ. Источникъ, изъ коего она проистекаетъ; Существо, коему повелѣвается поклоняться; цѣль, которую она имѣетъ;

средства, которыми употребляешь; враги, прошиву коихъ ополчаешься; казни и награды, коими ограждаешь уславы свои: — все невещественное, невидимое, духовное! — — —

Сія Религія, опчужденная чувствственности, чистая, духовная, высокая — способна болѣе доставлять Поэзіи черты высокаго, выпренняго. Не предлагая ничего чистнаго, даётъ она воображенію сильному особенный характеръ: она замѣняетъ образы идеями, существа законами, черты темныя и разбросанныя чертами опредѣленными и неизгладимыми.

Вообще, что касается до насъ, то, повинуюся державнымъ и непремѣннымъ уславамъ, снисшедшимъ отъ Существа совершеннаго, въ природѣ видимъ мы разнообразіе и единство, движеніе и поспоянство: чудеса, превышающія наши понятія. — Насъ приводитъ въ священное изумленіе бытіе, проспран-

ство, единообразіе природы; мы не понимаемъ глубокихъ ея тайнствъ, и благоговѣемъ предъ безпредѣльностію сего непостижимаго для насъ Цѣлаго. Какъ же новѣйшей Поэзіи не быть болѣе важной, нежели блистательной, болѣе высокой, нежели изящной? Напротивъ того природа, существовавшая для Грековъ, была оживлена, веселя, какъ обитель существъ, на нихъ самихъ похожихъ. Какъ не быть ей болѣе оцущительной, видимой? — Поэзія есть не что иное, какъ природа, населенная жителями, природа, очищенная, оживоворенная выраженіемъ.

Сверхъ сего Религія Христіанская утверждается на единой, великой священной книгѣ; а религія Грековъ и Римлянъ основывалась на сомнительныхъ преданіяхъ, болѣе или менѣе запущанныхъ, хранимыхъ въ обрядахъ, торжествахъ, мѣнумахъ и въ памяти жрецовъ. Слѣдовательно искусства и Поэзія тогда могли гораздо свободнѣе дѣйствовать въ произведеніяхъ своихъ, нежели нынѣ.

Поэты древніе, съ большею удобностію и безъ малѣйшей боязни могли преобразовать быпія, измѣняять понятія, сославлявшія народную вѣру. У насъ одно существованіе той важнѣйшей и древнѣйшей книги, копорая Христіанству служить основою, придало особенной характеръ Словесности и наукамъ, характеръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не весьма благопріятствующій Поэзіи. Вскорѣ книги стали занимать мѣсто природы; люди начали познавать предметы *посредственно*, вмѣсто того, что прежде принимали непосредственныя и прямыя отъ нихъ впечатлѣнія; стали разсматривать списки, вмѣсто того, чтобы изучать подлинники. Въ новѣйшія времена, великіе Мужы, копорые, по отличному достоинству своему, заслужили лестное имя Поэтовъ, безъ сомнѣнія менѣе или болѣе жили также съ природою; между тѣмъ, они же принуждены были большую часть вѣка своего провести въ области книгъ, и вытерпѣли при томъ муки, всѣмъ Ученымъ извѣст-

ныя : а пошому - шо въ пвореніяхъ своихъ, предспавляющъ уже менѣ свѣжести, живоспи, еспешивенноспи, нежели древніе Поэты ; ибо во всѣхъ опношеніяхъ древній міръ гораздо болѣе способень былъ привимать глубокія впечатлѣнія Певзіи , нежели міръ новѣйшій.

Наконецъ Христіянская Религія еспь торжеспво человѣческой свободы ; напрошивъ того, религія языческая была торжеспвомъ судьбы непоспимой. Въ Христіянствѣ господспвующая мысль заключаешся въ поняшіи объ уставахъ долга. Христіянской законъ , будучи проспъ, непремѣненъ , всеобщій , служипъ въ одно и шо же время цѣлю и доказапельспвомъ свободы : онъ иногда погружаешъ въ скорбное раскаяніе, иногда одушевляешъ насъ небесною радоспію. Долгъ предсплагаетъ независимоспъ воли ; а независимоспъ сія соспощъ въ свободномъ , произвольномъ повиновеніи уставу. Приобрѣспъ ес не возможно иначе, какъ шолько укромченіемъ и обладаніемъ спраспей ; страспи сіи , беспрерывно дѣиспвующія

и б у й н ы я , прошивоборствуюшъ долгу, и вмѣсто повиновенія, спремятся сами повелѣвать. Ихъ не должно испреблять совершенно, но и надѣяшся, что онѣ окованы и молчашъ, запрещашъ разсудокъ; онѣ воспаюшъ изъ собственаго своего униженія, и принимаюшъ на себя безчисленные выды. Въ сердцахъ чловѣческихъ не достаешъ столько свободы, сколько нужно для сраженія и обладанія спраспми; впрочемъ, и спраспи никогда не доспигаюшъ споль непреодолимой силы, чпобъ совершенно могли изгладить правила свободы, и лишить ее способности дѣйствовать. И пошому въ Поэзіи новѣйшей борьба спраспей прошиву должноспи и свободы ешъ шо основаніе, на кошоромъ обращашся, какъ Эпическая Поэзія, пакъ и Драшашическая. Предспавленъ ли чловѣкъ добродѣшельнымъ, или порочнымъ, невинною ли жерпвою чуждыхъ преспуленій, или мучишелемъ и злодѣемъ себѣ подобныхъ: упреки его совѣспи и раскаяніе, или сознаніе собственаго достоишства и добродѣтели, являюшъ

его существомъ нравственнымъ, и возвѣщающъ невольнo его свободу. Новѣйшая Поэзія не живописуетъ другой необходимой силы, кромѣ внутренней, кромѣ природы чувствительной, физической, спраспной, зависящей ошь привычекъ и склонностей, воюющихъ прошиву свободы, принадлежащей волѣ и разсудку.

Въ религіи Греческой, слѣдовательно и въ древней Поэзіи, господствуютъ спраспи, прошивоборствующія судьбѣ. Сія послѣдняя предспавляетъ силу великую, непремѣняемую, непреоборимую; желѣзнымъ скипетромъ своимъ она управляетъ могущесствомъ боговъ; она непоспиможимо ввергаетъ въ злодѣянія, приводитъ, или не допуеткаетъ къ добродѣтельнымъ подвигамъ, похищаетъ у однихъ спыдъ, у другихъ ошьемлетъ заслуги, даетъ беззаконію блистательные успѣхи, награждаетъ произмъ бѣдспвіемъ, доспавляетъ пороку благоденспвіе, и дѣлатъ добродѣтели или бесполезными, или бѣдспвенными; ея непреодолимая власпъ посмѣвается надъ

всѣми человѣческими усиліями. Такова сія судьба ; непоспѣжимая брань ея со спрашьями , борьба менѣе или болѣе значительная , продолжительная , жестокая , насильственная , болѣе или менѣе важная и упорная , но всегда безплодная наполняетъ всю древнюю Поэзію , и составляетъ ея особый характеръ. Одно сіе обстоятельство уже разительнымъ образомъ доказываетъ различіе , существующее между духомъ древняго міра и новѣйшаго , и то , что древняя Словесность по всѣмъ отношеніямъ своимъ не можетъ , и не должна походить на новѣйшую. Въ первой необходимостъ оковываетъ свободу ; во второй благородная , святая свобода старается оправдать спасительную необходимостъ закона : въ одной человѣкъ болѣе видимъ и возвышенъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ своихъ отношеніяхъ ; а въ другой , судьба и природа одерживаютъ верхъ , и человѣкъ показывается , хотя сильнѣйшимъ , но несчастнѣйшимъ.

Въ новѣйшей Поэзіи, какъ Эпической, такъ и Драмапической, взаимное сраженіе спраспей и борьба сихъ спраспей съ должностью; — одерживаютъ ли онѣ надъ нею верхъ, или уступаютъ ей побѣду, конечно, много занимаетъ и поражаетъ насъ, съ однимъ только условіемъ, чшобы Герой имѣлъ надлежащее величіе. — О ш с ю д а произшекаетъ удивительная разнообразность въ средствахъ и дѣйствіяхъ піипическихъ. Соопвѣстственно характеру и свойству спраспи, всякой ощущаетъ уже и шрепешъ опшращения, и всѣ движенія жалоспи, и всѣ восшорги удивленія, и всѣ чувствованія, производимыя симпатіею. Поэзія предспавляетъ намъ въ высочайшей степени испупленіе спраспей и чувспвенную энергію, или высочайшіе порывы нравспвенной силы; она всегда даетъ намъ познавать достоинство нашей природы, и убѣждаетъ насъ въ дѣяшельности и свободѣ человека.

Въ древней Поэзіи Эпической и Драмапической, особливо въ послѣдней, од-
 Книж. X и XI. Д

на идея възрождається подъ другими именами, въ другихъ видахъ, и прогаєшь насъ въ дѣйствіи различныхъ лицъ. Сія идея основана общимъ мнѣніемъ о Судьбѣ, шоржеспвующей надъ усиліями человѣка, управляющей самовластно и таинспвенно его жребіемъ, вопреки его произволѣнію. Согладець, что сія шочка зрѣнія предспвляєшь менѣе богашспва и болѣе единообразія. Между шѣмъ неизвѣстная сія и беспреспанно грозящая сила съ непреодолимымъ и неизвѣстнымъ своимъ могущеспвомъ, пропишу коего шщешно възспаєшь человѣкъ, и которое играєшь всѣми-его надеждами, намѣреніями, предспмошришельносшію, не можєшь произвєспи другаго въ душѣ зришєля чувспвовавія, кромѣ ошущєній вѣжнаго соспраданія и сокровєннаго ужаса. Сіє ошущєніє имѣєшь въ себѣ вѣчно необѣемлемое, сумрачное, соспавляющее шо, что мы называемъ высокимъ; а потомъ спановишєся нечальнымъ, унылымъ, поразишєльнымъ, какъ и все высокое; ещє болѣе: оно увижаєшь человѣка въ собспвенныхъ его глазахъ.

Таковое - то существовало различіе между религіями древнихъ временъ и новѣйшихъ. Устройство гражданское, образъ общежитія еще болѣе различествовали. Въ сїи двѣ эпохи древнія государствва имѣли основою личное рабство; а новѣйшія утверждаютъ себя на гражданской свободѣ. Въ первыхъ, по крайней мѣрѣ въ республикахъ, политическая свобода господствовала въ высшей степени; извѣстная часть жителей составляла власть самодержавную, и брала дѣятельное участіе въ управленіи. Общественное дѣло почитали они главнымъ, единственнымъ, важнѣйшимъ своимъ предметомъ; самая большая часть изъ нихъ въ особенностяхъ занимались имъ, и не развлекали себя механическими искусствами, предоставляемыми тогда невольникамъ. Во вторыхъ, по крайней мѣрѣ, во многихъ новѣйшихъ государствахъ, политическая свобода совсѣмъ почти исчезла. Когда одинъ человекъ является, дѣйствуетъ, тогда прочіе оспариваютъ его орудіями, вѣрными исполнителями его воли,

Д 2

и общее дѣло принадлежишь только тѣмъ, копорые участвуютъ въ правленіи; прочіе занимающа единственно собственными дѣлами и выгодами, предаваясь механическимъ работамъ, обезпечивающимъ ихъ соспояніе, и доставляющимъ самому государству внутреннее изобиліе. Граждане сіи должны имѣть болѣе духъ и характеръ своего соспоянія, нежели характеръ народный; впечатлѣнія, получаемыя ими ежедневно отъ своихъ упражненій, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, нежели тѣ, кои происходятъ отъ правительсва и гражданскихъ постановленій.

Наконецъ упомянемъ еще о томъ изъ нашего вѣка, что имѣетъ на современую Поэзію рѣшительное вліяніе. Это — женщины, какъ лица, столь много и разнообразно дѣйствующія въ обществѣ. У древнихъ во времена варварсва были онѣ невольницами; въ Греціи и Римѣ, даже въ самую эпоху ихъ просвѣщенія, скрывались онѣ въ уединеніи, не вступали въ дѣла, не наслаждались народны-

ми удовольствіями, не имѣли обращенія и сообщества съ мужескимъ поломъ, слѣдственно и не могли воспламеняшь воображенія, и владычествованъ надъ мнѣніемъ согражданъ. Подобное состояніе могло возбуждать къ нимъ почтеніе, но не могло сдѣлать ихъ любезными и привлекательными. Греки вообще мало думали объ женщинахъ, и симъ-то объясняется испорченность ихъ вкуса, чрезвычайныя преимуществва одного пола надъ другимъ, и блистательная слава, копорою пользовались Фрины, Лаисы, Аспазіи. Въ Римѣ, въ самыя строгія времена, когда Римляне умѣли дѣйствовать только плугомъ и мечемъ, и когда господились они возобладать цѣлымъ міромъ, женщины наслаждались всеобщимъ уваженіемъ; но онѣ были чужды способовъ, внушающихъ любовь, и заснавивъ раздѣлять ее. Когда покореніе вселенной внесло въ нѣдра стѣнь Римскихъ сокровища народовъ; тогда утонченное сластолюбіе достигло высочайшей степени, и мѣсто чувствительности замѣнила низкая чувстви-

ность; тогда воображеніе вмѣсто того, чтобы воспалять и питать сердечной огонь, служило только къ раздраженію упомянутыхъ чувствованій, и къ возбужденію безсильнаго сладострастія соединеніемъ новыхъ разпущенствъ, вымышляемыхъ безумною роскошью. Мужчины, ревнующіе приумножать легкія побѣды свои, — женщины, алкающія новыхъ удовольствій, неспособны уже были ощущать благородной, нѣжной любви; оба пола не имѣли объ ней даже и понятія. При шаковыхъ обстоятельствѣхъ удивительно ли, что нравственное чувствованіе любви столь мало участвовало въ древней Словесности? Изъ Поэтовъ ихъ одинъ Вергилій спросилъ сію описалъ истинно и сильно; прочіе же изображали только упоеніе желаній. — Читая четвертую книгу Энеиды, не лѣзя не думать, чтобы Вергилій самъ не испыталъ сей спраши; или, согласимся въ томъ, что чувствительная его душа помогала ему оптадывать то, чего нравы согражданъ не могли представлять его взорамъ. Сафо

изображала изступленіе чувствъ; Анакреонъ воспѣвалъ жизненныя удовольствія; Овидіева наука любить — есть искусство обольщать и наслаждаться; Гораций, Капулъ, Тибулъ, Проперцій описывали наслажденія, желали ихъ, или сожалѣли о нихъ. Не измѣняя характера генія своего и дарованій, они воспѣвали роскошь по съ жаромъ, по съ пріятностію, по съ нѣкопорою нѣжною роскошью. Въ древней Трагедіи любовь не только не царствовала на сценѣ, но едва осмѣливалась являться; и, еслили являлась, то всегда безъ силы и благородства. Эсхиль, Софокль, Еврипидъ почитали ее весьма маловажною; или, лучше сказать, они не знали сей пружины; когда же покушались приводить ее въ движеніе, то никогда не имѣли желаемого успѣха. Одинъ Еврипидъ осмѣлился испытать кисть свою надъ изображеніемъ сей страсти. Федра любитъ Ипполита; — но любовь ея есть настоящее изступленіе безумія; это болѣе влode проклятія, низпосланнаго богами, нежели любовь. Предоспавлено было ге-

нїю Расина, возвышенной его душѣ, и въ особенноти его вѣку, изъ испу-
 пленїя Федры произвестъ пламенную
 страсть, и придашь ей нѣчто привлека-
 тельное и нравственное, не оскорбляя
 вѣроятности преданїя и свойства самаго
 предмета.

И пакъ древнїе не могли, или не хо-
 тѣли изображать любви; и сіе произ-
 ходило не отъ недосыпкы чувствитель-
 ности ихъ; ибо они умѣли блистательны-
 ми чертами выражать благоговѣйную лю-
 бовь къ родителемъ, супружескую вѣр-
 ность, нѣжность материнскую, героизмъ
 дружества: Анцигона, Андромаха, Геку-
 ба, Орестъ и Пиладъ останушя вѣчно
 идеаломъ сихъ любезныхъ и сильныхъ
 движеній природы. Если древнїе не
 изображали любви, то пошому, что въ сію
 эпоху историческую это чувство не
 господствовало, какъ въ среднихъ и по-
 слѣдующихъ вѣкахъ. Оно возникло вмѣстѣ
 съ рыцарствомъ, или, лучше сказать,
 было спихіею того рыцарскаго духа, ко-
 торой по всей справедливости можно,

назвать первымъ цвѣтномъ Европейской образованности. Нѣкоторые думаютъ, что Германцы давно уже, во глубинѣ лѣсовъ своихъ, оказывали женщинамъ благоговѣйное почтеніе. Одна Христіанская Религія, проповѣдуя нравственное равенство, возстановила первобытныя права чловѣка, уничтожила рабство, возвратила женщинамъ соотвѣтственное имъ достоинство, извлекла ихъ изъ того униженія, въ которое ввергали общественыя учрежденія и повсемственное невѣжество. Рыцарство довершило то, что начала Религія, и придало сей пламенной спраси нравственную красоту, и даже благородныя черты самой добродѣтели; и съ того времени женщины взошли на высочайшую степень достоинства и величія. Въ сію-то эпоху стали онѣ болѣе сближаться съ обществомъ мужчинъ, возбуждая въ нихъ желаніе нравиться, и наслаждаясь довольною свободою для того, чтобы поступать по собственнымъ прихотямъ, и между тѣмъ бытъ сколько удаленными отъ свѣта,

чтобъ укрываться за завѣсою шайны, и восплаять воображеніе мушницъ особливою предестію, произходящею опъ неизвѣстности. Женщины спали скоро боже-спвами Героевъ, предметомъ робкихъ и непорочныхъ ихъ желаній, украшеніемъ ихъ шоржеспвъ, наградою ихъ неуспра-шимости. Вскорѣ украсили онѣ Поэзію также, какъ украшали общество; и Поэзія не замедлила въ очередь свою окру-жить ихъ магическою, привлекашельною своею силою. — Трубадуры воспѣвали нравешвенную любовь, копорая въ эпоху возрожденія наукъ одѣлалась душею но-вѣйшей Поэзіи, обладала ею весьма дол-го, и была для нее неизчерпаемымъ исто-чникомъ разнообразныхъ красопъ. Да-бы чувствовашъ необьяшное вліяніе об-стояпелъства сего въ новѣйшую Поэзію, и поняшъ все различіе, возродившееся между сею послѣднею и древнею, споишъ только поискашъ въ цѣлой древности по-хожія, хопя издалека, существа на Беаш-прикеу Данша, на безмершную любов-ницу Пешпарка Лауру, на Брадаманшу

Изабеллу, Алину Аріоспа, на Ерминію и Клоринду Тасса, на всѣ шворенія Корнея, Расина, Вольтера, украсившія нашу сцену. Чпо найдемъ мы въ Греческой и Римской Словесности подобнаго Юли и Ромео, Дездемонѣ и Отелло Шекспира, Элоизѣ Попе, и Еввѣ Мильпона? Наконецъ спросимъ самихъ себя, чпо воспослѣдовало бы съ новѣйшею Поэзіею, когда лишили бы ея женщинъ и нравственнаго чувства любви? Не по ли же самое, чпо воспослѣдовало бы съ природою, лишенною благовонія и цвѣшовъ, — съ атмосферою, не освѣщаемою лучезарнымъ солнцемъ, производящимъ безчисленное множество различныхъ пѣней и дѣйствій; — не по же ли самое, чпо случилось бы съ Греческою Поэзіею, когда лишили бы ее Олимпа и боговъ?

Сіи прекрасныя времена рыцарства уже не существуютъ, и, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, нравственное чувствованіе любви начало ослабѣвать въ силѣ своей и владычества. Кокетство и припворство заснупили ея мѣсто, такъ какъ дож-

ная вѣжливость замѣнила искренность ; непрерывное сообщество обоюдо полагало очарованіе воображенія, и ввело въ обычай модную ушонченность, споль же чуждую истины мыслей и языка, сколько удалена она отъ силы чувствованій. Мушцины и женщины, сблизившись въ обращеніи, приобрѣли болѣе образованности, вкуса, просвѣщенія и свободы ; но они удалились отъ природы, и вѣтреное желаніе нравиться, уничтожило, или ослабило нужду, любить. Отъ сего мушцины получили навыкъ къ непостоянству и хитрости, и непримѣнно унизились въ образѣ мыслей своихъ, въ чувствованіяхъ, желаніяхъ и разговорѣ. Все, что истинно, но сильно, спало казаться грубостью ; все, что было крошко, но слабо, спало пріятнымъ. Приличіе и благоприсойность, съ обыкновенными, подругами своими, робостію и недовѣрчивостію, заспунили мѣсто цѣломудрія ; и излишнее усиліе избѣжать всего того, что могло оскорблять чувства нѣжнаго пола, лишило предметы собственнаго своего вида. Съ

другой стороны женщины, наблюдаемая со всею спрогоштію, безпрерывно искушаемая соблазнительною хипросптію, и, такъ сказано, сражающіяся съ собственными своими чувспвованіями, и пылкими спраспями, копорыя, часпю при всепобѣждающихъ своихъ прелеспяхъ могли бытъ опасны для добраго имени ихъ и чеспы, и копорымъ не хотѣли онѣ уступитъ преобладанія, с т о л ь вреднаго въ послѣдствіяхъ своихъ, пріобрѣли навыкъ къ принужденности, скрыпности, лукавспву; онѣ притворялись не знающими тѣхъ вещей, копорыя знали, — не понимающими того, что въ самомъ дѣлѣ понимали; онѣ казались равнодушными въ то самое время, въ копорое были чувспвительны, и часпю являли видъ чувспвительности при совершенномъ равнодушіи; желаніе нравиться заспавило ихъ изобрѣсть шпсчю средствъ, могущихъ доставитъ имъ леспныя побѣды; искусствво въ нарядахъ, обращеніи, разговорѣ, въ движеніи глазъ и лица: все содѣлалось наукою; и щогда дишились онѣ проспшпы

и первобытныхъ своихъ добродѣтелей. Мущины, унизившіе себя, заспавили также женщинъ сойши съ той благородной возвышенности, которою обязаны онѣ были нравственному чувствованію любви. Сія всеобщая униженность Европейскихъ нравовъ, возникшая во Франціи при регентствѣ Герцога Орлеанскаго, простерла вліяніе свое на Поэзію, и лишила ее того характера, который данъ былъ ей предшествовавшими вѣками. Сполъ вредная порча въ нравахъ неизвѣсна была древнимъ, такъ какъ и утонченное искусство нравилъсь, сполъ же было для нихъ чуждо, какъ и самое чувствованіе благородной любви. Новѣйшіе господствующіе нравы переродили современную Поэзію; и по симъ отношеніямъ, должна она сполъ же мало походилъ на древнюю, сколько и по прочимъ.

И такъ Религія, устройство государствъ, состояніе женщинъ, образованность общества долженствовали про- извести ошущительное различіе между древней и новѣйшей Поэзіи, различіе

естественное, неизбежное, разливающее на Словесность особенную занимательность и краски. Какъ древняя, такъ и новая Словесность подвержены одинакимъ правиламъ вкуса, и, хопя спорящъ между собою о преимуществахъ въ разсужденіи единства, испины, силы и простоты, однако не могутъ и не должны походить одна на другую; и споль же нельзя судить по одной о другой, сколь безразсудно новѣйшую вѣжливость сравнивать съ обращеніемъ древнихъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоить сіе различіе между тою и другою Словесностію.

Человѣкъ, одаренный геніемъ (*), похищенный опъ Музь и похвалъ Германіи въ самомъ цвѣтѣ своей жизни, который объявлялъ историческія бытія, какъ Философъ, и предсавлялъ ихъ, какъ живописецъ, обогатившій прагическую сцену смѣлыми и оригинальными произведеніями, и присовокупившій къ высокимъ идеямъ Пиндаровой лиры чувственныя изображенія и прелести гармоніи удивительной,

---

(*) Шиллеръ.

имѣлъ время и силы, предложишь евѣпу правила своего искусства удовлетворительнымъ образомъ. Въ одномъ изъ отрывковъ, исполненномъ оспрыхъ догадокъ и новыхъ видовъ, доказывалъ онъ, что древняя Поэзія въ самой сущности своей весьма была отлична отъ новѣйшей. Первую называлъ онъ простою (naïve), потому что изображала она природу въ собственномъ совершенномъ ея состояніи, въ которомъ противоположность, разнообразіе, непостоянство природы человѣческой сливаются въ очаровательной гармоніи, не представляющей ничего ни высканнаго, ни напявутаго; другой давалъ онъ названіе чувственной, потому что новѣйшая Поэзія изображаетъ человѣка въ его; шакъ сказать, измѣненіяхъ и противоположностяхъ.

Новѣйшіе Поэты любятъ простоту (naïf) шакъ, какъ любимъ потерянное уже сокровище; они сожалѣютъ о немъ, ищутъ его, живописуютъ, и не производятъ другой картины, кромѣ изображающей при-

нужденную борьбу свободы съ природою, заблуждений и неусройства съ порядкомъ и гармонією: прошивоборствіе по смѣшное и комическое, по мрачное и трагическое!

Сіе различіе казалось мнѣ всегда болѣе замысловатымъ, нежели основательнымъ. Предоставлено было Шиллерову Генію примѣнить его, и, особенно, раскрыть съ неподражаемымъ искусствомъ; но ясныя и справедливыя сужденія покажутъ неосновательность его и недоспапки.

Обратимся къ мнѣнію Шиллера. Поэзія древнихъ, согласно съ его положеніемъ, была — изображеніе невинной природы, не представлявшая еще тогда прошивоположностей и явнаго свободъ прошивоборствія.

Нѣтъ слова, можетъ быть, въ языкахъ, столь часто злоупотребляемаго, какъ слово, природа. Исторія сего слова, хорошо сочиненная, была бы безъ сомнѣнія драгоценною частію исторіи

Книж. X и XI.

Е

ума человѣческаго. При употребленіи его безпрестанно опдѣляютъ, шакъ ска-
зашь, природу отъ природы. Говорятъ
обыкновенно: существа природы, законы
природы, какъ будто бы существа сіи и
законы сіи были что-либо другое, а не
сама природа. Въ особенностяхъ же всегда
противопологаютъ ей искусство. Замѣча-
ютъ ее въ дѣтяхъ — въ дикихъ наро-
дахъ, и не хотятъ ее видѣть въ образо-
ванномъ человѣкѣ, и въ народахъ про-
свѣщенныхъ, между тѣмъ какъ человѣкъ,
въ которую бы эпоху на него ни смот-
рѣли, всегда бываетъ рабъ собственной
природы. Свойство природы, — совершен-
ствоваться; слѣдственно необходимо ис-
кусство. Искусство есть не что иное,
какъ та же человѣческая природа, обра-
зуемая и измѣняемая непрерывнымъ влі-
яніемъ мѣсяць, время и обстоятельство.
Сей вѣкъ невинности, въ который нрав-
ственная свобода и склонности естественныя
долженствовали находиться въ
совершенной гармоніи; сей золотой
вѣкъ человѣческаго рода, извѣстный по

Одному только печальному воспоминанию
 всѣхъ вѣковъ, хотя бы и существовалъ,
 но не болѣе являлъ бы истинную природу,
 какъ и прочіе за нимъ послѣдовавшіе. —
 Но ея золотой вѣкъ столько же обрѣ-
 тался въ древнемъ мірѣ, сколько и въ
 новѣйшемъ, и равно принадлежишь какъ
 древней Поэзіи, такъ и новѣйшей. Міръ
 и Поэзія въ безчисленныхъ измѣненіяхъ
 своихъ и опшѣнкахъ всегда предлагали
 намъ борьбу страшней съ нравственною
 свободою.

Когда новѣйшіе Поэты изображаютъ
 дѣйствія, или лица собственными чертами
 ихъ характера: то лица сіи сохраняютъ
 точно свою природу въ настоящемъ
 значеніи слова, хотя бы и принадлежали
 къ такому вѣку, въ которомъ упонче-
 ніе нравовъ доходило до высочайшей сте-
 пени. Улиссъ и паспухъ свицей, Навзикея и
 ея прислужницы, также существуютъ въ
 природѣ, какъ Прелатъ въ наложъ Гна. Бо-
 ало, или Хризилъ въ ученыхъ женщинахъ
 Мольера. Не лзя вообще сказать, что

древніе Поэты ближе новѣйшихъ подошли къ природѣ; въ прошивномъ случаѣ должно утверждать, что одни первоначильные опыты образованія представляють природу, и что всѣ послѣдовавшія перемѣны въ обществахъ болѣе образованныхъ находятся внѣ природы.

Древняя Поэзія, говоряшь, въ превосходной степени изображаетъ простоту. Правда, что простота часто составляла главную прелесть древней Поэзіи; но можно также и обмануться сею мнимой простотою. Многія вещи въ древней Словесности кажутся намъ простыми, потому что намъ представляють ихъ съ той стороны, съ которой привыкли мы смотрѣть, ощущать, думать, и потому еще, что приближаемъ ихъ къ собственному нашему образу жизни. Писатель, который кажется намъ простымъ, можетъ быть, не казался таковымъ своимъ современникамъ, и самыя вещи не были для него самаго столь просты, какъ намъ представляются теперь. И такъ каж-

дое впечатлѣніе , производимое надъ нами древнею Поэзіею , весьма неопредѣленно , и подвержено безчисленнымъ условіямъ.

Съ другой стороны , Мольеръ и ла Фоншень у Французовъ , Аріостъ и Тассъ у Италіянцевъ , Шекспиръ у Англичанъ также опшличаются вообще симъ свойствомъ простоты , каковую замѣчаемъ мы у главныхъ Поэшовъ древности. По примѣру сихъ послѣднихъ знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ Поэшовъ въ швореніяхъ своихъ представляють такую свѣжестъ , цвѣтъ и простоту неподражаемую въ выраженіяхъ , что , кажется , они составляли ихъ безъ всякаго труда. Существа , вымышленныя ими , являются въ такой высокой степени правдоподобія и особенності , что должно почищать ихъ дѣйствительно существующими , или существовавшими , пошому что удерживають при себѣ весь характеръ и принадлежності бытія.

Новѣйшая Поэзія, говорящъ, исполнена излишней чувопвишельности. Наши Поэты весьма разнѣживаются въ изображеніи природы и общества. Они живописуютъ съ таинственною роскошью болѣе ощущенія, внушаемая имъ природою, нежели самую природу; они привыкли бытъ мечтателями. Греческіе же Поэты имѣли болѣе воображенія: предметы, существующіе въ природѣ, или изобрѣтаемые по сему божественному образцу, являлись имъ непосредственно сами собою, и производили надъ ними глубочайшія впечатлѣнія. Довольно было сильныхъ и живыхъ изображеній при гармонической звучности въ стихахъ, чтобы дѣйствовать на сердце. Нынѣ же пребываютъ, чтобы предметы заставляли читателя размышлять. Нынѣ болѣе мысли, нежели картины, дѣйствуютъ надъ нами и восхищаютъ насъ.

Если бы сіе разположеніе ума было всеобщимъ и доказаннымъ, то безъ сомнѣнія имѣло бы великую важность; оно до-

казало бы, что новѣйшіе не имѣютъ піитическаго воображенія, и что нынѣ Поэты суть только Ораторы, или сухіе Философы. Но сіи оппѣнки чувствительности, которыя разливаютъ нѣкоторыя Поэты на природу, и которыя съ давняго времени учинились въ Европѣ всеобщими, не обнаруживаютъ ли болѣе заблужденій, или болѣзни воображенія, или не сославляютъ ли какого-нибудь особеннаго рода, а не общій характеръ новѣйшей Поэзіи? Италіяны, Испанцы, Французы, въ золотой вѣкъ Словесности своей, близко подходили къ Грекамъ и Римлянамъ въ способахъ изображенія природы; они занимались различными предметами, передѣлывали ихъ, давали имъ другіе виды, но не показали сихъ оппѣнковъ особенной чувствительности.

Сія нѣжная и мечпательная оппѣнка у многихъ новѣйшихъ Поэтовъ происходитъ отъ недостатка въ живомъ и плодовитомъ воображеніи и истинной чувствительности. Она долженствуетъ слу-

жизнь отличительнымъ характеромъ превосходныхъ душъ тогда, какъ низкая чувствительность и развратъ сопутствуютъ быспрому развитію умовъ. Въ такое время обыкновенно владычествуютъ нужды мучительныя, дорого спюющія, опягопительныя; искусственныя произведенія возбуждаютъ желаніе и вкусъ къ упонченности; привязанность къ роскоши и суешности раждаетъ и нимаешь спраси; острые умы дѣлаютъ ихъ болѣе дѣятельными, болѣе злыми, болѣе опасными. Вотъ пагубныя слѣдствія превратной образованности! Люди, одаренные обширнымъ гениемъ, глубокою чувствительностию и пылкимъ воображеніемъ, содрогаются отъ слѣдствій сихъ, наблюдаютъ ихъ съ прискорбіемъ, стараются ихъ обличить, и описываютъ ихъ со всеубѣждающимъ краснорѣчіемъ. Если это Поэты, то сообразно характеру, или нравамъ своимъ, изображаютъ угнетающія ихъ чувствованія въ элегіяхъ, или въ самирахъ. Ихъ негодованіе, или скорбь пѣмъ сильнѣе, пѣмъ мучительнѣе, что

должны они спрдашь, не только какъ свидѣтели пагубныхъ чуждыхъ пороковъ, но такъ, какъ жершвы, подверженныя всѣмъ невыгодамъ, происпекающимъ отъ непосредственнаго на нихъ вліянія настоящей образованности. Чѣмъ болѣе изощренъ разумъ ихъ, и чѣмъ возвышеннѣе ихъ духъ, тѣмъ паче привязаны они къ идеямъ умственнаго совершенства, чистѣйшей нравственности, совершеннѣйшаго благополучія. Все это сравниваютъ они съ представляющеюся имъ природой, исполненной столь многихъ несообразностей и недоспашковъ въ дѣйствительномъ своемъ состояніи. Остроуміе ихъ разсѣваетъ всѣ мечшы, украшающія пернистый путь жизни, показываетъ имъ предметы обнаженными, лишая ихъ прелести, копорая очаровывала съ перваго взгляда. Ихъ разумъ, объемяющій всю область человѣческихъ познаній, повсюду встрѣчаетъ мучительное сомнѣніе, или непроницаемую шму. Ихъ душа, углубленная сама въ себя среди вещей преходящихъ, не могущихъ удовлетво-

ришь ей; непрерывно стремится къ безконечному, безсмертному. Наконецъ, скучая въ обществѣ, кидаются они въ объятія природы; живутъ съ нею, вѣряютъ ей чувствованія свои. Она становится ихъ другомъ, съ которымъ раздѣляютъ мрачныя мысли, свои жалобы, сожалѣнія, желанія; она замѣняетъ предпочтительно для нихъ всё общества, потому что во всякое время является совершенною во всѣхъ частяхъ своихъ, между тѣмъ, какъ общество кажется только способнымъ къ совершенствованію, и потому всегда несовершенно. Но и самая природа не утѣшаетъ ихъ; и съ природою они спускаются, если оставитъ ихъ благотворное, животворящее вліяніе Религіи. Въ томъ вѣкѣ, который представляетъ таковыя черты для воображенія, въ томъ вѣкѣ, въ которомъ люди лучшаго общества имѣютъ сію мечтательную, задумчивую, мрачную оштѣнку, Поэзія не можетъ сохранити, ни проспоны своей, ни живописи; непременно долженъ возникнуть новый родъ Поэзіи и Живописи.

рвѣця, способный къ высокой изящности, но въ тонѣ и краскахъ своихъ различествующій отъ другаго, который извѣстенъ былъ древнимъ, и который предпочитали они всѣмъ прочимъ.

Однако не надлежитъ такой характеръ въ сочиненіяхъ приписывать всѣмъ новѣйшимъ Поэтамъ; большая часть изъ нихъ совершенно его чужды, и много приближались къ древнимъ. Не должно въ одномъ ряду спавить Аріоспа съ Каспи, Тасса съ Алфіери; также Шекспира, Мильшона, Дридена сравнивать съ Томсономъ, Юнгомъ, Греемъ, Саважемъ, имѣвшими болѣе, или менѣе сихъ чувствительныхъ опшѣнковъ. Слогъ Расина и Фенелона не походитъ на слогъ Жанъ-Жака и Шашобріана.

Различіе, существующее между древнею и новою Поэзіею, состоитъ болѣе въ различіи предметовъ, которые обрабатывали та и другая, нежели въ главныхъ способахъ и тонѣ. Сіе разнообразіе въ предметахъ происходитъ отъ разнообра-

зія нравовъ и общественнаго духа, принадлежащаго къ обѣимъ эпохамъ. Со всемъ тѣмъ различіе способовъ и пона существуешь дѣйствительно. Постараемся показати его, какъ можно, яснѣе.

Въ древней Поэзіи находится болѣе натуральнаго; въ новѣйшей владычествуетъ идеаль. Въ древней опредѣленныя формы всегда болѣе имѣють совершенства; и сіе свойство генія древнихъ объясняетъ причину ихъ успѣховъ въ образовательныхъ искусствахъ; въ новѣйшей обнаруживается болѣе стремленія къ безконечному, высшему; всемогущее вліяніе Религіи Христіанской на умы можетъ объяснить причину сего событія. Истина стихотворческая разительнѣе у древнихъ; стихотворческая сила чаще вспрѣчается въ новѣйшихъ. Первые жерпвовали всѣмъ изящности; послѣдніе изъискивають и обожаютъ высокое.

Слѣдующее замѣчаніе еще болѣе объяснитъ мысль мою. — Есть роды Поэзіи,

въ копорыхъ Поэзъ забывается и долженъ забыть себя, дабы жить среди міра существъ, изображаемыхъ своею кишью: чѣмъ менѣе онъ выспавляетъ самого себя, тѣмъ твореніе его удивительнѣе; чѣмъ менѣе видѣнъ, тѣмъ совершеннѣе. Таковое движеніе души, которое преселяетъ ее изъ собственнаго соспоянія, и которое обращаетъ чувспва и воображеніе на предметы внѣшніе, есть главное и самое еспественное. Этому движенію предавались лучшіе изъдревнихъ и новыхъ Поэтовъ въ часы истиннаго вдохновенія своего, и оно доводило ихъ до наспоющей цѣли. Тогда они особенно опличались въ тѣхъ родахъ Поэзіи, коимъ сей чудесный энпузіазмъ болѣе принадлежитъ, именно: въ Эпическомъ и Драматическомъ.

Есть другіе роды, въ коихъ Поэзъ показываетъ себя, самъ говоритъ, живетъ среди собственныхъ идей и чувспвованій; и относитъ всѣ предметы ко впечатлѣнію, болѣе или менѣе глубо-

кому, болѣе или менѣе сильному, которое они надъ нимъ произвели. Сіе движеніе заспавляетъ Поэта всегда обращать вниманіе на самого себя, и не позволяетъ ему изображать предметы спольщючно, какъ предешавляющіяся они въ зеркалѣ. Тогда вымышленныя, или собранныя чрезъ наблюденіе каршины суть только средства, или случай для него, изображать и развивать собешвенныя свои идеи и чувствованія.

Многіе изъ новѣйшихъ Поэтовъ избирали сію почку зрѣнія, и успѣвали превосходнѣйшимъ образомъ въ родахъ Поэзіи Лирической, Элегической и Дидактической; ибо симъ родамъ сочиненій весьма благоприятствуешь такой взглядъ на предметы. Въ поприщѣ ума человѣческаго единъ родъ долженъ предешествовать другому. Младенецъ начинаетъ показывать дѣятельность свою въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ; и цѣлыя народы, въ ихъ младенчествѣ, болѣе склонялись къ внѣшнимъ предметамъ природы и обще-

ства. Въ совершенномъ возрастѣ чело-
вѣкъ обращаетъ вниманіе на самого себя;
и государства, приходившія въ зрѣлость,
или состарѣвшіяся, всегда непремѣнно усш-
ремляли болѣе вниманія на таинствен-
ный міръ мыслей и чувствованій. Попому-
то обладаетъ симъ характеромъ *Виргилій*
болѣе *Гомера*, *Еврипидъ* болѣе *Эсхила*,
Тассъ болѣе *Аріосша* и *Вошперъ* болѣе
Расина. Шасплива та эпоха, въ кото-
рой соединяются оба сіи средства, въ
которой числѣйшій идеаль и изящнѣй-
шая природа способствують взаимному
совершенствованію.

Нашъ вѣкъ не подаетъ большой на-
дежды въ разсужденіи сего предмета.
Не много вѣковъ, менѣе его *Пиндиче-
скихъ*; и это самое объясняетъ, можетъ
быть, неуспойства его и бѣдствія.
Когда на большомъ театрѣ свѣта поли-
тического не присутствуетъ дѣятельная
Поэзія; тогда упадаетъ и театръ *Спи-
хотворцевъ*: онъ представляетъ однѣ
только чудовищныя трагедіи, или ку-

кольные фарсы. Сія - то самая дѣятельная Поэзія, оплечающая всѣхъ великихъ Мужей, дышущая въ необыкновенномъ ходѣ и силѣ ихъ подвиговъ, представляешь міру очаровательное и высокое зрѣлище. Въ чемъ заключается сущность высшей Поэзіи, на томъ же утверждаются великіе характеры, властвующіе надъ людьми: это царство идей, или идеалъ. Какъ артисты, одаренные гениемъ, выражаютъ идею начертаніями вѣрными и въ видахъ чувственныхъ, такъ великіе характеры идею свою живо воплощаютъ въ своихъ подвигахъ, даютъ имъ занимательность стихотворную, и поддерживаютъ жизнь и движеніе нравственнаго міра. Лишенный дара, чувствованій прелестнаго искусства и Поэзіи, никогда не доставитъ жизни своей истиннаго величія, съ какимъ бы благоразуміемъ и осторожностію ни проводилъ ее. Жизнь его будетъ имѣть не болѣе достоинства, какъ картина Жерарда Довва, — достоинства обыкновенной природы; и такой Мужъ въ очахъ потомства останется обыкновен-

нымъ человѣкомъ. Но, къ щаспію человѣческаго рода, даже въ самые шѣ періоды, въ копорые Исторія, еспльи смѣю шакъ сказаць , представляеть обширныя и ужасныя пуспыни, вспрѣчаемъ мы по временамъ великіе и сильныя характеры, чиспыя и высокія души, копорыя живутъ не для самихъ себя и не для личныхъ своихъ выгодъ, и копорыя возносились въ полетѣ своемъ превыше развалинъ своего времени : шакъ , пребывая всегда величественными и гордыми, сполпы Пальмиры, вздымають главы свои среди пуспыней Сирскихъ.

Съ Францус. Георг . . . . й.

УДОВОЛЬСТВІЕ, ОЩУЩАЕМОЕ ПРИ ВОЗВРЪЩЕНІИ НА ГРОБНИЦЫ.

Изъ всѣхъ памятниковъ, намъ извѣстныхъ, не одни столь сильно не дѣйствуютъ на наши чувства и воображеніе, какъ гробницы надъ умершими, и особенно надъ родственниками нашими. — Доспойно примѣчанія то, что у всѣхъ народовъ дикихъ, и даже у большей части просвѣщенныхъ, гробницы предковъ служили всегда мѣстомъ собраній, гдѣ приносили они сердечныя жертвы своего богопочитанія, и гдѣ отправлялась существенная часть ихъ религіи. — Такой благоговѣнной почести лишены были только ошцы, которые жестокостію воспитанія заставили дѣшей своихъ себя ненавидѣть, и пренебрегли почтенные обычаи своихъ предковъ; впрочемъ сіе печальное и святое обыкновеніе царствуетъ повсюду. Въ Китаѣ гробницы предковъ суть первыя украшенія долинъ, сель и

предмѣстій городовъ. — Онѣ бывають крѣпчайшими узами, привязывающими народы дикіе къ ихъ опчизнѣ. Когда Европейцы предлагали имъ перемѣнить мѣсто своего жилища, то они всегда отвѣщивали: — „Возможемъ ли мы сказать косямъ ошцовъ нашихъ: возспанше, и слѣдуйше за нами въ землю чуждую?“ И сіе возраженіе было всегда неопровергаемымъ. Гробницы даровали геніямъ Юнга и Грессепа каршины, исполненныя неподражаемыхъ прелестей. Наши Самрапы, копорымъ иногда случалось возвращаться къ забытой мапери своей, природѣ, созидали для виду надгробные памяшники въ садахъ своихъ. Конечно, что не суть памяшники надгробные ихъ родственниковъ. Но какимъ же образомъ, среди роскоши, бурныхъ удовольствій могло родиться въ нихъ сіе сладостное чувство помной и нѣждой меланхоліи? Не существуетъ ли что - нибудь особенное во глубинѣ души нашей? Не оспаешся ли чего драгоцѣннѣйшаго для насъ и послѣ самой смерти? Естьли

Ж 2

гробница не возбуждаетъ мысли ни о чемъ другомъ, кромѣ того, что она заключаешь п. е. шрупа; тогда одинъ видъ сей возмутилъ бы шокмо воображеніе. — При помѣ мы всѣ сполько спрашимся смерпи! И такъ должно, чтобы къ сей естественной мысли присоединялось какое - нибудь чувство нравственное. Это есть сладостная задумчивость, обворожительное мечтаніе, которое рождаешь, подобно всѣмъ прелестнымъ ощущеніямъ, изъ согласія двухъ противоположныхъ началъ, — изъ чувства нашего быстро проходящаго существованія и изъ чувства нашего безсмертія; сіи чувствованія сливающа при возрѣніи на послѣднее жилище человѣковъ: гробница есть памятникъ, сооруженный на предѣлахъ двухъ міровъ.

Она указываетъ конецъ мучительнымъ суешамъ жизни, и вдали представляетъ изображеніе вѣчнаго покоя; она возбуждаетъ въ сердцѣ непонятное предчувствіе блаженнаго безсмертія, въ коемъ увѣренность увеличивается въ насъ по мѣрѣ,

какъ богаша совѣсть воспоминаніями добрыхъ дѣлъ нашихъ. На семь-то чувствѣ основывается почитаніе къ гробницамъ. И сіе споль испанно, что, хопя нѣтъ никакого различія между прахомъ Сократа и Нерона; но никто не захочетъ прахъ Римскаго Императора помѣстити въ садѣ своемъ, хопя бы онъ сокрытъ былъ въ урнѣ, изваянной изъ лапа, и всякой напрошивъ пожелаешъ украсити почешнѣйшее мѣсто въ своемъ обиталищѣ останками Философа, хопя бы сосудъ, заключающій ихъ, слѣвленъ былъ изъ самой простой глины.

И шакъ душевная привязанность къ добродѣтели раждаетъ въ насъ споль сильное и живое благоговѣніе къ гробницамъ великихъ людей. Она же дѣйствительно возбуждаетъ сіе сладостное уныніе при возрѣніи на памятники, сокрывающіе прахъ любезнѣйшихъ предметовъ нашего сердца; ибо какъ скоро мы ихъ встрѣчаемъ, любовь къ добродѣтели потчасъ влечетъ насъ къ нимъ, какъ къ алтарямъ,

посвященнымъ ей признательнымъ чествованіемъ. Почему чувствуемъ мы помненье, смотря на аршинъ земли, сокрывающій прахъ милаго младенца? Мы вопоминаемъ о дѣтской его невинности! Почему съ горестнымъ участіемъ взираемъ на гробъ, подъ коимъ покоится молодая женщина, любовь и надежда семьи своей? — Она была добродѣтельна! Достоинство памятниконъ не состоишь ни въ мраморѣ, ни въ бронзѣ, ни въ золотѣ; чѣмъ проснѣе они, тѣмъ болѣе придають силы чувству меланхолическому. И въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе, возбуждаемое гробницами бѣдными, сильнѣе всегда, нежели тѣ, кои чувствуемъ мы при воззрѣніи на богатыхъ; вѣщія дѣйствуютъ сильнѣе, нежели новыя; напоминающія несчастіе болѣе, нежели предспавляющія пышныя шипла; являющія скромную добродѣтель болѣе, нежели могущество. — Особенно въ деревняхъ, онѣ поражаютъ наше сердце. Простая могила часно исторгаетъ сладкія слезы; а предъ величе-

снвенными кашафалками мы бываемъ кландны, какъ мраморъ (*); Тамъ гореспъ спановинися возвышенною; она спарфепся съ древними шеполоми, осфняющими

(*) Художники, изсвая при гробницахъ мраморныя спашуи, предспавляють ихъ плачущими. — Безъ сомнвня надобно заспавишь плакашь спашую, когда не о чемъ сфповашь людянь. Я часпо видвль погребеніе богачей, но рѣдко замвчалъ слезы; развѣ иногда проливаль ихъ спарой доброй слуга, оспающійся послѣ господина своего безъ прописанія. Недавно, проходя мимо одного жилища, при мѣшилъ я гробъ, и при немъ на колвняхъ споящую женщину, молящуюся съ подъяшпынн вверхъ руками, и разшерзанную гореспью. Когда эша женщина увидвла приближающихся церковныхъ служителей для выноса швла, вскочила, закрыла лицо обѣими руками, побѣжала, и жалобные ея крики разносились по улицѣ. Сосѣди хонѣли оспаовишь ее, вѣрояшно для шого, чшобъ подашь упшвненіе; — но эшо было нищепно; — она бѣжала мимо меня. — Конечно вы поперяли дочь или машь, спросиль я у ней? Ахъ, сударь, я пошеряла благодѣшельницу, кошорая возвращила мнѣ жизнь, и . . . .

кладбище; она распроспирается съ долинами и холмами, она роднилася со всѣми явленіями природы, плачетъ съ рожденіемъ утра, воешь съ шумомъ вѣтровъ, унываетъ съ захоженіемъ солнца, поскуешь во мракахъ ночи. Труды самыя тяжкія, участь бѣдственна, ничто не въ силахъ погасить сего чувства въ сердцахъ наиболѣе угнетенныхъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, по словамъ Гна. дю Терпръ, одинъ Негръ, лишенный доброй жены, каждой день пошчасъ, по возвращеніи съ работы, бралъ малюшкѣ своихъ, сына и дочь, и приносилъ ихъ на ея могилу, гдѣ онъ предъ ними плакалъ, и малюшки, подражая ему, плакали съ нимъ вмѣстѣ. ~~И такъ~~

она хотѣла еще что-то выговорить, но рыданіе помѣшало ей; она скрылась. Я спросилъ у сосѣдей покойницы, кто такая была ея благодѣтельница. Жена бѣднаго спольяра, отвѣчали мнѣ. Богачи! какое употребленіе дѣлаете вы изъ богатствъ своихъ во время жизни? и кто поплачетъ объ васъ по смерти? . . . .

надгробная хвала для супруги и матери!
Кшожь это была? — Бѣдная невольница!

Сирнѣв.

V.

ВОЗДУШНЫЯ ГРОБНИЦЫ.

Пробудилась юная мать, и въ пустынь, озлащенной упрямъ, ищешь взорами дерева, на вѣшвяхъ кошораго могла бы она возложить умершаго сына. Она избрала багряно-цвѣпный клень, украшенный гирляндами апіоса, издающаго цѣлительныя благовонія. Одною рукою пригибаетъ она ближайшія вѣшви; другою полагаетъ на нихъ шѣло дышати своего; опускаетъ вѣшвь, и она возвращается въ обыкновенное свое положеніе, унося съ собою добычу невинную, сокрытую въ листьяхъ благоуханныхъ! — О, koliko чувствительна сіе обыкновеніе Иадѣйцовъ! Въ ихъ воздушныхъ гробницахъ шѣла сіи, проникнутыя сущеспвомъ эфирнымъ, погруженныя въ злачной зелени и цвѣпгахъ, освѣжаемыя росою,

напишанная благовоніями въперковъ, и ими
 колыхаемая, лежащая на шой въшви, гдѣ
 соловей свилъ гнѣздо свое, и воспѣваетъ
 пѣснь унылую; тѣла, такъ погребенныя,
 говорю, не представляющъ ничего мрачна-
 го, соединяющагося съ обыкновенными по-
 хоронами. Но естли эшо прахъ юной дѣвы,
 коюрой рука любезнаго положила на дре-
 во смерпи; естли эшо останки милаго
 младенца, упокоеннаго рукою матери въ
 жилищѣ невзвннхъ пернашыхъ: прелестъ
 несравненная! — Древо Американское!
 ты возносишь тѣла сія на въшвіяхъ сво-
 ихъ, и удаляешь ихъ отъ юдоли земной,
 приближая къ обиталищу Всевышняго!
 Я въ восторгѣ останавливаюсь подъ тво-
 ею тѣнію. Въ высокой Аллегоріи ты
 являешь мнѣ древо добродѣтели; — кор-
 ни твои произрастающъ во прахѣ міра
 сего; вершина твоя перяется въ звѣздахъ
 свода небеснаго; твои въшви естль лѣсп-
 вица, по коей человекъ, странникъ на зе-
 млѣ сей, доспигаетъ до неба!

Сирнѣв.

ПОСЛАНИЕ

къ Д. А. Остафьеву (*).

Semper ego audito tantum, nunquamne geronam?

Juvenal.

Остафьевъ! какъ давно съ побоею я
разспался!

Въ свободѣ, въ тишинѣ ны украшалъ свой
кругъ;

Ты былъ у приспани, въ спокойствіи, мой
другъ!

А я? — рабъ случая, я спранникъ, я скипался!...
Въ Пепрополь, въ Москвѣ, попеременно жилъ,
Собраній, клововъ членъ, — какъ будто свѣ-
ту нужной, —

Казался иногда въ толпѣ, всегда досужной,
И богу праздности повременно служилъ.

Нерѣдко долженъ былъ, какъ гражданинъ по-
корной,

Обряду жертвовати свободой, просидной;
Опъ цѣди уклонясь природы благопворной,
Покоря нещадиль, спремишься — за мечтой!...

(*) Сіе посланіе напечатано было въ 1812мѣ. году; ше-
перь сдѣланы въ немъ нѣкоторыя перемѣны.

Твой подвигъ совершенъ. Подъ сель-
 скимъ, мирнымъ кровомъ,
 ♦ Съ покойной совѣспью, всегда въ весельѣ
 новомъ,
 Природы вѣрной сынъ, ты тихо дни ведешь;
 Съ людьми не ссорисься: довольный самъ
 собою,
 Ты не завидуешь возвышеннымъ судьбою,
 И за полпой во слѣдъ съ покорностью ней-
 дешь;
 Знакомства съ дуракомъ ты честию не-
 считаешь;
 Не созываешь въ домъ сѣпелыхъ невѣждъ;
 О ссорахъ Авторскихъ лишь по журналамъ
 знаешь; —
 Пустыхъ желаній нѣтъ, и нѣтъ пустыхъ
 надеждъ!
 Какъ щасливъ жребій твой! Умѣреннымъ
 довольной,
 Не ищешь почести, сей скуки добровольной,
 Ни блеска ложнаго, ни суетныхъ похвалъ.
 Примѣрами другихъ ты истину позналъ:
 Что почести безъ заслугъ, не честь — а
 посрамленье;
 Что шрусость — воинамъ, приспраспие —
 судьямъ,
 Ученикъ — споръ въ словахъ, лестъ низкая —
 пѣвцамъ,

Не могушь славы дашь; даюшь лишь *возвы-*
шенье! . . .

Смысль испинный сихъ словъ умѣя раз-
личашь;

Къ невѣждамъ - гордецамъ не ѣдишь, умно-
жашь

Ты сборъ прислужниковъ и низкихъ, и пре-
зрѣнныхъ;

Покойный домосѣдъ, безъ замысловъ над-
менныхъ,

Не знаешь, что они суть мудрые шворцы
Системъ неслыханныхъ! они шворцы за-
коновъ!

Они Опчизны щипъ! они опора проновъ;
Такъ барскіе друзья, наемные льстецы,
Такъ ихъ прапезники вседневно величаютъ;—
Мы слушаемъ все должны; — а въ *Инкинѣ* (*)
у васъ

Невѣждъ *невѣждами* свободно называюшь. —
На Волжскихъ берегахъ не знаюшь, какъ у насъ
Здѣсь внучекъ бабушкинъ и дядюшкинъ пле-
мянникъ,

Лишь Руской именемъ, лишь званьемъ Дворя-
нинъ,

Французской ученикъ, въ судилищѣ посада
никъ,

(*) Селеніе Д. А. Остафьева, въ Нижегородской Губерніи.

Вершишь дѣла гражданъ, какъ чуждой гражд-
данинъ! —

Безпечна жизнь пвоя. Поешь на спройной
лирѣ

И дружбу нѣжную, и сельски красопы;
Съ пишешь киспню любимыя черпы (*).

Чего желашь тебѣ? Твой миръ — въ пвоей
Темирѣ!

А здѣсь? — вельможъ соборъ . . . Не видишь
у крыльца;

Какъ *Бавію* поэшь спшишки свои подносишь;
Не видишь помнаго и блѣднаго лица,
Съ какимъ смиренно онъ себѣ мѣспечка про-
сипшь; —

Не слышишь, пы, какъ здѣсь, съ нахмурен-
нымъ челомъ,

Иныя мапушки другъ друга упрекають,
Иль, въ зависпи, судьбы жестокость про-
клинають,

Что мало жениховъ, — а дочекъ полонъ домъ,
Копоры съ дѣтскихъ лѣтъ *все* наизустъ чи-
тали,

И скоро просвѣтясь, *всѣмъ* нравишься же-
лали . . .

„Къ чему покоя мнѣ, ни денегъ не щадипшь?
„Къ чему я дочерей всему — *всему* учила? —

(*) Д. А. О. занимается Спихотвореніемъ и Живо-
писью.

Такъ здѣсь *Бранчивоза* однажды говорила :

„Издержекъ мнѣ своихъ никакъ не возвра-
щай ;

„Учила танцовать : — не въ модѣ танцо-
ванье !

„Учила языкамъ , какимъ лишь захопашь ; —

„А нынѣ Рускіе по Руски говорятъ !

„Напрасны все шруды ! не нужно воспи-
танье !

„Вѣкъ Философіи , вѣкъ мудрости наспалъ :

„Романы пишешь пошъ , пошъ издаешь
Журналь ;

„Зимой собираются въ ученые бесѣды ;

„Съ весны живутъ въ лѣсахъ , готовящъ
шамъ спихи ;

„Бульваръ осиротѣлъ , въ саду одни сосѣды ;

„Гдѣжь дочерямъ моимъ достойны женихи ?“ —

Такъ бѣдная кляла свою нещасливу долю ,

Какъ будто дали ей родительскую волю

На то , чтобы дѣшею невинныхъ застав-
лять ,

Опъ самыхъ юныхъ дней жить вопреки при-
родѣ ,

По модѣ дѣйствовать и чувствовать по
модѣ ;

Чтобы заглушать въ нихъ смыслъ , и даже
умерщвлять

Обрядомъ , навывкомъ , всечаснымъ приуж-
деньемъ

Въ нихъ чувства высшя — удѣлъ цвѣтущихъ лѣтъ, —

Незамѣлемый, ни мнимымъ возвышенемъ,
Ни блескомъ, въ коемъ благъ для сердца
вѣрныхъ нѣтъ.

Рабы ничтожныя молвы, предразсужденя!
Ихъ жизнь, мой другъ, не жизнь, а цѣлый
вѣкъ забвеня! . . . .

— И такъ рѣшился я безъ лести говорить.
Знашь панцы, языки не знакъ образованя;
Но чувства, нравъ и умъ — вопъ цѣли
воспитаня!

Лишь сердцемъ можемъ мы путь къ щасью
находить.

Не слишкомъ золота, награда дѣлъ случай-
ныхъ,

Не ткани дивныя, прелеснѣйшій уборъ,
Не ниши крупныхъ перлъ, сборъ камней
чрезвычайныхъ, —

Не украшеня сихъ искусственныхъ соборъ,—
Не поступъ гордая, не къ бѣдности пре-
зрѣнье;

Но скромность, здравый умъ, въ поступ-
кахъ простота,

Любезность, тихой нравъ: — вопъ жен-
щинъ украшеня!

Безъ нихъ весь блескъ ничто — ничто и
красота!

Мой другъ! не слышишь ты, какъ иног-
 да на балахъ
 Здѣсь юные пшеницы, недавно съ помочей,
 Въ нарядѣ шушовскомъ, при налипыхъ ба-
 калахъ,
 Цѣнятъ правленіе, достоинства людей;
 Какъ *Валдусъ* здѣсь иной, толпою окру-
 женной,
 Въ неистовомъ жару законъ, судьбу кля-
 нешь,
 Лорнетомъ, какъ жезломъ, рѣшишь судьбу
 вселенной,
 И будущимъ вѣкамъ событія даешь,
 И всѣ съ почтеніемъ Орактору внимають;—
 „Вотъ умъ! вотъ рѣдкой даръ!“ съ востор-
 гомъ восклицають. —
 Се наши мудрецы; ученье важно ихъ! —
 Полиптикъ! Философъ! не будьте слишкомъ
 спроги!
 Ученье ихъ — читаешь газеты, каталоги,
 И знаешь по именамъ писателей иныхъ. —
 Ахъ! способъ умнымъ слыть тѣмъ лучше,
 чѣмъ просиѣ;
 А кто изъ дураковъ въ друзья не находилъ
 Другаго дурака — себя еще глупѣе,
 И славнымъ мудрецомъ по дружбѣ не про-
 слылъ?

Ахъ, еспылибъ видѣльшы Парнасса воза
 мущенье!
 Большая, сильна рапъ Славянъ, Антислаз
 вянъ! —
 Тамъ нѣжный напушокъ, здѣсь древнѣй
 Россъ, Боянъ: —
 Во храмъ чистыхъ дѣвъ ужасно ополченье!
 Одинъ *в е Русьное* возносишь, все *свое*;
 Топь *чужеземное* всему предпочипаешь;
 Другой, Бардъ Сѣвера, надменно такъ взы-
 ваешь:
 „Никто прошивъ меня! се мнѣнїе мое!“
 Въ Словесности у насъ большая перемѣна!
 Поэмы, оды здѣсь безъ чувства, безъ спи-
 ховъ;
 Тамъ плачешь Талія, смѣется Мельпомена;
 Здѣсь въ басняхъ смыслу нѣтъ, въ элегі-
 яхъ — сборъ словъ;
 Въ посланьяхъ . . . но къ чему? Нѣтъ нуж-
 ды! все читають . . .
 И топъ славнѣе всѣхъ, кого не понимаютъ.—
 Какой щаспливой вѣкъ! и какъ легко пи-
 сать!
 Бумага лишь нужна, наборщикъ и—печать...
 — Иные съ дѣтскихъ лѣтъ рѣшились быть
 пѣвцами,
 Слагають трагедїи, поэмы соспавляють;

И въ одахъ праздничныхъ паритъ подѣ
облаками;

Ихъ даръ: не славно лѣтъ, но трудъ
свой прославлять!

На что имъ опыты, и вкусъ, и прилѣжанье?

Имъ безъ того сулятъ безсмертіе друзья.

Вельможъ хвала — ихъ щиптъ; размѣръ спи-
ковъ — ихъ знанье;

Ихъ цѣль невинная — сказать: *Поэтъ и я!*

— А шамъ Славяно-Россъ, какъ левъ осви-
рѣпѣвшій,

И правила, и вкусъ, и даже, смыслъ презрѣв-
шій,

Какъ будто успавщикъ, даетъ уставъ
пѣвцамъ,

Бранишь ихъ, сердится, кричишь на нихъ—
а самъ — —

Сей *корнесловія* премудрый поучитель,

Рѣчей поржеспивенныхъ жестокой сочи-
пель,

Всѣ пайны мудросіи опкрывшій въ букварѣ,

Лишь измазиль слова въ Россійскомъ Сло-
варѣ,

И, сколько Филологъ, Орапоръ сей надменной,

О пѣснопѣніи Славянскомъ ни писалъ;

Но истинной красы Поэзіи священной

Онъ, вкуса не имѣвъ, случайно не узналъ. —

А здѣсь другой, поэтъ и прозаистъ слез-
 ливой,
 Нечальной Журналистъ, къ несчастью тер-
 пѣливой,
 Парнасской сиротѣ, вздыхая каждыи часъ
 Опъ горестей любви, опъ жалкихъ вспо-
 мнаній,
 Испрашилъ наконецъ, и слезъ, и восклицаній
 Имъ въ прежнемъ спранспивм накопленный
 запасъ;
 Но путешествованіе съ душой, всегда унылой,
 Чипашелямъ къ бѣдѣ, изволилъ вновь скон-
 чать,
 И на поляхъ родныхъ съ терпѣнлемъ, съ
 новой силой
 Онъ снова принялся, и плакать, и писать. —
 Иные въ скопищахъ, всеобщими прудами,
 Опъ скуки, *всѣхъ* браняшъ и прозой, и
 стихами; —
 Какіе подвиги! удары пѣмъ нанесъ,
 Которые и брань себѣ вмѣняюшъ въ честь!
 Спремисься — на невѣждъ и, такъ сказать,
 завѣпныхъ,
 Ученыхъ безъ наукъ, поэшовъ безопѣпн-
 ныхъ!
 Сапиры, пасквили тамъ льются, какъ рѣкой;
 Но въ томъ Словесности нѣтъ пользы ни-
 какой.

Въ однихъ присирастіе, въ другихъ оже-
 споченье,
 Въ шѣхъ зависѣть, въ шомъ корыстѣ, въ шѣхъ
 духа униженье,
 Въ иныхъ . . . но милый другъ! ихъ жре-
 бій — въ Лепу плыть! —
 Бранишься всѣмъ легко, полезнымъ трудно
 бышь.

Поэзія! ты даръ, какъ небомъ вдох-
 новенной!

Тебя-ль употребляшь возло питомцамъ Музъ?
 На толь внушеніе фампазіи священной,
 Чпобъ разрываешь святой намъ дружеспи-
 ва союзъ?

Поэзія должна бытъ жизни услажденьемъ,
 Въ насъ нѣжишь чувспва, вкусъ, умъ съ
 сердцемъ соглашать;

Должна зланишь мечпы, бытъ въ скорби
 утѣшеньемъ,

Длипъ юность нашихъ дней и душу воз-
 вышать! . . .

Гдѣ бранные стихи *Бранчивова*? — Забышы. —
 Гдѣ дерской *Пустословъ*, всеобщій врагъ
 открытый?

Ахъ! Лета глубока — до времени поеть. . . .
 Но геній истинный въ потомствѣ не умреть.

О мой почтенный другъ! о другъ святой
 свободы,
 Поэзіи, наукъ и нѣжный другъ природы!
 Я многое бы могъ еще пересказать:
 И слепни старыхъ дѣвъ, и юныхъ дѣвъ
 роптанье....

Довольно! — не хочу я духъ твой возмущать;
 Но елики я швое на шумной свѣпшъ вни-
 манье

Разказомъ искреннимъ невольно умень-
 шилъ,
 А, можетъ быть, инымъ невольно доса-
 дилъ:

Не съспуй на меня; — я упомиль пер-
 пѣнье,

Забывъ разщепы вѣв, и презривъ ложно
 мнѣнье,

Рѣшилса сердцемъ я съ побоемъ говорить; —
 А правду говоря, я могъ ли все хвалишь? —

Живи же, милой другъ! какъ гражданинъ
 полезной,

И правую спезей до цѣли достигай . . .
 Прекрасное — хвали, дурное — презирай,
 И щаспливъ будь всегда въ семьѣ своей
 любезной; —

Да сохранять себя и Муромски лѣса,
 И Волги, и Оки слянная краса,

И въ упро ясное часы уединеня,
 Опъ славы суетной — душевнаго помненья!
 Не льстись, мой доброй другъ, народною
 молвой.

Мы всѣ уравнины — доскою гробовой;
 И мирной селянинъ, и мира повелитель,
 Пустыцникъ въ щадашѣ, роскошной Сибаритъ,
 И рацникъ рядовой, и рапи предводитель: —
 Всѣмъ неминуемъ путь ко гробу предлежитъ!

Оспафьевъ, руку дай! среди мірскихъ
 волненій
 Да жизни скользкій путь достойно перейдемъ!
 Не будемъ жертвою минувшихъ обольщеній —
 Да, щастіе *въ себя* и въ дружесствѣ найдемъ!

В. Филимоновъ.

VII.

О Ж И Д А Н И Е Л Ю Б Е З Н А Г О .

Гдѣ ты? — въ какой землѣ? — въ какихъ
спранахъ безвѣстныхъ,
Не раздѣляемый навѣкъ съ моею душой? —
Гдѣ ты, мечпаній богъ и помныхъ, и пре-
лестныхъ,
Всегда присутственный, но, ах! не зри-
мый мной!

Напрасно страстна мысль во слѣдъ пе-
бѣ спремился,
Желаній на крылахъ лепишь изъ града въ
градъ;
Ахъ, сердце прелепно напрасно суешился,
Отгадываешь въ мечтахъ швой радостной
возвращъ.

Нешерпѣливая, спараюсь я напрасно
Услышаешь, гдѣ мой другъ, куда послашь
мой вздохъ.
Такъ спранникъ въ пмѣ лѣсовъ, въ часъ
вечера ненастной,
Дорогу поперявъ, на влажный падшій мохъ,

Внимательной свой слухъ на каждой шумъ
 склоняесть ;
 Въ малѣйшемъ шорохѣ мнѣшь, друга онъ у-
 знаеъ ,
 И всякой свѣтъ вдали вождя ему являесть ; —
 Но мигъ, — и свѣтъ угасъ, и шума не слы-
 хаетъ !

Все глухо, вѣспи нѣтъ ! — и все покрыто
 тмою ;
 Опчаянной душѣ все: — чуждый, мертвый
 видъ !
 И пламенникъ любви не свѣпнѣтъ предо
 мною ;
 И лучъ надежды мнѣ спези не озаритъ ! —

Отдайте мнѣ его, о боги моря, неба,
 О роци и поля ! отдайте мнѣ его !
 Весна прелестная, дщерь пламеннаго Неба!
 Приди, и возврапи полсердца моего !

Зефиры кропкіе ! хотьъ разъ объ немъ шеп-
 ните !
 Носишесь передъ нимъ, и ускоряйте путь ! —

Умершимъ вы полямъ вновь жизнь и цвѣтъ,
дарите :
Ахъ! влейте жизнь въ мою опчаянную грудь!...

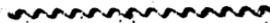

Амуръ, всесильный богъ! къ тебѣ, къ тебѣ
взываю!
Найди жестокаго, и власть свою яви!
Влей въ духъ его пожу, коюрой я спра-
даю!
Дай чувствовашь ему помяненія любви!

Разпоргни всѣ его держащія препоны!
Плѣни его, влеки, дай крылья пы свои,
Дай нѣжность, нѣжности забывшему за-
коны,
И возврати опять мнѣ радости мои! —

Мрзляв.

VIII.

ДУНЯ.

(ВЫЛЪ.)

У рѣки сидя Дуня плакала,
 И рыдаючи говорила такъ :
 „Безпаланная ! что за жизнь пвоя ?
 „Всѣ прошли мои дни веселые !
 „Налепѣли вдругъ бури грозныя ,
 „И развѣяли радость щаспія !
 „Красота моя ! . . . плашья цвѣшныя,
 „Вы къ чему теперь мнѣ осталися ?
 „Для кого теперь показашься мнѣ ?
 „Для кого теперь нарядицъся мнѣ ?
 „Я одна , одна на бѣломъ свѣшу :
 „Кто мнѣ дорогъ былъ , тѣмъ покинуша !
 „Но забывшая злымъ измѣнникомъ ,
 „Я умѣю-ли разлюбипь его ?
 „Я съ любовію не распалася ;
 „Разлучилася лишь съ надеждою.

„Засыхай же ты , мурава - права,
 „Вы поблекнише , цвѣшы алые ,
 „Переспаньте пѣшь милы пшашечки ;
 „При безгодѣ намъ ни въ чемъ нужды нѣшь !
 „А ты , рѣченъка , рѣчка быспрая !
 „Во спруяхъ своихъ попопи меня ! . . .
 „Жипьли мнѣ еще и въ бечестіи ?“ . . . —

Такъ промолвивши Дуня бѣдная,
 Во струяхъ рѣки жизнь окончила. —
 И злодѣй ея, прежній милый другъ,
 Былъ ли щасливимъ, погубивъ ее? —
 Онъ во цвѣтѣ лѣтъ весь иссохъ, поблекъ,
 Во безчестіи самъ во гробъ пошелъ! — —

М — р — вь.

Съ береговъ Дона.

1815. Октябрь.

IX.

Г. Н. Н. Т - - ой.

(Въ день ея рожденія).

Какимъ бы подаркомъ мнѣ Лилу дарить!
 Чѣмъ, другъ мой любезный! твой праздникъ
 почтить?
 Не знаю! горюю! что будетъ со мною? —
 Я бѣднѣ, мой ангель! во всемъ предъ по-
 тобою!

Нѣтъ камней драгихъ,
 Вещей золотыхъ! —
 Одной простиною,
 Съ надеждой — мечпою

И кляпвой любить,
Могуль услужить?

Могу ли и лирой я славить прекрасных? —
Но вошь упишение! — коль въ чувствахъ
сихъ спрашныхъ,
Быть можеть, подарокъ изрядный найдешь,
Быть можеть, опраду мнѣ въ душу вольешь? —

Тогда несравненной,
Во всемъ совершенной
Въ *придачу* смѣлки
Я сердце съ душой
Навѣчно съ собою
Скрѣплю за тобою!

Навѣчно, навѣчно тебѣ подарю
Ту душу, которой къ тебѣ же горю,
То сердце, въ которомъ ты счастья пред-
метомъ,
Любовью и жизнью, и радостью — свѣтомъ.

Съ береговъ Дона.

1815. Октябрь.

X.

Д. Н. Гл. — ву.

(По случаю его дружескихъ упрековъ и разговора на щель моего уединенія.)

Т — вь, милой, другъ сердечной,
 Будь со мной согласень.
 Въ жизни нашей скоропечной
 Всякой шагъ опасень.
 Лишь примѣпишь признакъ счастья,
 Тупь и жди разрыва;
 Бури, грозныя ненастья
 Съ рѣзкаго порыва
 Пошемятъ надежды радости,
 Всю ее развѣюшь;
 Огорчатъ ушѣхи сладости,
 Грусти одну посяюшь!

Ревность съ дружбою знакома,
 Также какъ съ любовью;
 Вдругъ въ разлукѣ — ревность дома
 Съ чувствомъ по условью,
 Шепчетъ на ухо — къ случаю:
 „Ты забышь все въ свѣтомъ!
 „Скоро будешь, знаю, знаю,
 „Бѣдъ однихъ предметомъ!

„Скоро, скоро злая скука
 „Вся тебѣ забава!“... —
 Тупь невольно сердца мука,
 Любая отправка,
 Породивши подозрѣныи,
 Обращаетъ нѣжностію
 Чрезъ поскливые сомнѣныи
 Часто и въ невѣрностію!

*

Я живу въ глуши далекой;
 Тыжь въ привольѣ свѣтскомъ,
 Съ мыслью легкой, не глубокой
 Въ сердцѣ молодецкомъ,
 Тамъ и сямъ, мой другъ, порхаешь
 ласпочкой - косачкой,
 Все голубишь, что желаешь,
 Сладкою привадкой!
 Въ семь разсѣяныи пріятномъ
 Память и о другѣ
 На путии пвоемъ превратномъ
 Сгибнешь въ шумномъ кругѣ....

*

Вопь причина уреканья
 И моихъ сомнѣній! — . . .
 Но пвои при миѣ посланья (*); —

(*) Въ сію минушу я получилъ при извѣстіи отъ
 любезнаго друга.

Нѣтъ и подозрѣній!

Я съ повинной головою

Всѣмъ тебѣ клянуся,

Что навѣкъ, мой другъ! съ побоею

Ужъ не раздрусюся!

Въ щастьѣ - ль, въ бѣдномъ ли прикупѣ

Дружба: помощь - сила!

Съ нею радость не въ минутѣ,

Въ помѣ порукой *Лила!*

Лила! къ слову! признаюся,

Свѣтъ мой несравненной!

Еспѣли ею я клянуся,

Клятеу чпи священной!

Для нее усдиненье

Предпочель я шуму!

Въ тишинѣ мнѣ восхищенье,

Думать сладку думу,

Пѣть для *Лилы*, - не, вѣвашься

Лишь лѣвцемъ *прекрасной!*...

Какъ же въ свѣтъ мнѣ смѣтъ являшься

Съ лирой мнѣ невластной? . . . .

. . . . *въ.*

Съ береговъ Дона.

XI.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

По зыбкимъ, бѣлымъ облакамъ
 Горятъ пылающія розы;
 Денницы упрення слёзы
 Блещатъ, какъ жемчугъ по лугамъ,
 И съ пышной липы и берёзы
 Душистый вѣсъ омѣамъ!

Разлитое спруями злою
 Волнуется на шемъ горь;
 Садовъ богини вѣрный дворъ,
 Зефировъ легкихъ рой крылатой
 Лепитъ на сопканный коверъ
 Рукою Флоры шароватой!

Насталь любви условный часъ,
 Часъ упоеній, часъ желаній;
 Спи Аргусъ подъ крыломъ мечтаній!
 Не открывай ревнивецъ глазъ!
 Красавицы! звѣзда свиданій,
 Звѣзда Венеры будишь васъ!

Оспавъ пы одръ уединенной,
 Услышь, о Дафна, друга зовь,
 Книж. X и XI. И

Накинь свой упренный покровъ,
 И матери не пробужденной
 Оспавъ неблагоклонный кровъ,
 Воспоргами не освященной!

*

Приди ко мнѣ! насъ въ рокахъ ждешь
 Подъ сѣнь таинственнаго свода
 Теперь и нѣга, и свобода!
 Птиць ожилъ хоръ и шопоть водъ,
 И для любви сама природа
 Опъ сна, о Дафна, воспаетъ!

Князь Вяземскій.

XII.

У Т Р О.

(Для дѣтей.)

Какъ прекрасно все созданье!
 Какъ все весело вокругъ!
 Въ разноцвѣтномъ одѣяннѣ
 Улыбаются намъ лугъ! —
 Будто бисеромъ красуюсь,
 Роца свѣщится росой;
 Будто гладкой шолкъ волнуясь,
 Нива движется рѣкой.

Опль чего все такъ прекрасно,
 Все такъ весело вокругъ?
 Чпо пернапыхъ хорь согласной,
 Чпо вѣщаетъ роци въ слухъ? —
 Чпо шамъ шепчетъ со цвѣлками
 Тихой, нѣжной вѣперокъ?
 Чпо лепечетъ съ бережками
 Тамъ игривый ручеекъ?

Дѣпти! — упра появленье —
 Торжесиво природы всей!
 Празднуешъ она рождение
 Изъ ничпожности своей!
 Какъ хозяинъ пребогатый
 Солнце, сынъ ея большой,
 Входишь въ свѣщлыя палаты,
 И зовешъ на пирь съ собой!

Все хвалениемъ срѣщаетъ
 Лучезарныхъ дней отца;
 Онъ насъ снова увѣряетъ
 Въ новыхъ милосняхъ Творца!
 Онъ приходишь: пробудишь!
 Мачезаетъ ночи тѣнь.
 Онъ вѣщаетъ: веселишь!
 Богъ еще даетъ вамъ день.

И 2

Богъ даетъ вамъ день на радость,
 И на добрыя дѣла! —
 Пойте пшички жизни младость!
 Улучняйтесь поля!
 Деревя разпроспраните
 Тѣнь, подобную шапру!
 Люди, другъ друга любите,
 И учитесь добру! —

Преклоните же колѣна,
 Дѣти милыя, въ сей часъ,
 Передъ Тѣмъ, Кого вселенна,
 Въ непрерывной хоръ слясь,
 Громко хвалишь; прославляешь,
 Какъ нѣжнѣйшаго Опца,
 Кто вамъ пищу посылаетъ,
 И щедроты безъ конца!

Говорите: о Безвѣспной,
 Ты, Копорый вѣспень намъ,
 По одной любви чудесной,
 По родительскимъ сердцамъ! —
 Естльи пшичекъ пѣснопѣнье
 Ты внимаешь опъ небесъ,
 Примми дѣшей хваленье,
 Благодарныхъ жерпву слезъ! —

Дай намъ разумъ просвѣщенной,
 Чшобъ дѣла Твои узнатьъ ;
 Дай намъ сердце умиленно ,
 Чшобъ однимъ Тобой дышатьъ ; —
 Дай благое совершенье
 Всѣмъ родишельскимъ мольбамъ ! —
 Людямъ всѣмъ благословенье : —
 Ахъ ! они всѣ брашья намъ !

Мрзлкв.

ХІІІ.

ЧУДЕСНЫЙ ТОВАРЬ.
 (РАЗГОВОРЪ ВЪ ТАМОЖНѢ.)

Смотритель.

Опшоль ?

Купецъ.

Изъ за-морей.

Смотритель.

Куда ? —

Купецъ.

Куда ? въ Россію.

Смотритель.

Какой шоваръ ?

Купецъ.

Товаръ ? — безцѣнной, золотой....

Смотритель.

Мнѣ должно осмошрѣшь ?

К у л е ц ь.

Не снрого, другъ, постой!
Ты Руской! ты великъ! но здѣсь ты склонишь
выю! . . .

С м о т р и т е л ь.

Что? какъ?

К у л е ц ь.

Здѣсь магазинъ всего,
Ума, безумія, нахальства, униженія,
Коварства, гордости, алчбы и развращенія;
Здѣсь тысячи вещей, и вмѣстѣ ничего! . . .
Злой свѣтъ и злая пѣма, невѣжество и
знанье,
Ничтожность и блиспанье,
Родъ жадной саранчи, или нѣкой язвы ядь;
Неволя съ волнованьемъ, безбожіе и гладь; —
Барешпоръ, компаньонъ, лакей и управ-
пель,
Кондишпоръ, опкущикъ, и модъ установи-
пель,
Бодьячій, и миниспръ, агентъ и скороходъ,
И докшоръ для госпожъ, опасной для гос-
подь; —
Ко щастію Рускаго народа,
Болѣзней и лѣкарствъ обильная порода:
Здѣсь модна сальпола,
Сердечна пустоша,
Различныя припадки,
Вершижи, лихорадки,

Болѣзнь; ни ло ни сіо; —

Короче: здѣсь есть всё:

Отець и другъ, и брагъ, и свагъ —
 благопворитель . . . .

С молритель.

Помилуй, кто же онъ, скажи . . . . .

Кулецъ.

Французъ — учитель! . . . .

С молритель.

Учитель! — Боже мой! хопябъ взглянуть...

Кулецъ.

Нѣтъ! нѣтъ!

По вашей милоспи, прошло почи спо лѣтъ,
 Какъ безъ осмопру мы товаръ сей оппус-
 каемъ,

И пошлннь не даемъ . . . .

С молритель.

Когдажъ его узнаемъ? —

Кулецъ.

Теперь нѣтъ времени; корми его, лелѣй;

А чтобы цѣну знать, опдай ему дѣпей!...

М — въ.

Что могутъ выдумать, что въ умъ при-
дешь, пишешь! "

Кто спорить? — кто дерзаетъ права сіи
опинять?

Съ охотой ихъ даемъ, и смѣло просимъ
сами! —

Но только съ пѣмъ, чтобы лугъ украшенъ
былъ цвѣтами

Весной, а не зимой; чтобы въ вымыслахъ
пѣвца

Съ мышами не жилъ копь, а съ пирами
овца.

Начала пышныя не рѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго! — и чтожь? — на рубищѣ
мелькають

Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Шумитъ дремучій лѣсъ; тамъ башня въ
прудъ глядится;

Тамъ радуга блеститъ; тамъ Рейнь сере-
брился!...

Къ чему сей пышной вздоръ? — я дѣло
знаю спѣшилъ.

Положимъ: кипарисъ ны въ краскахъ ожи-
вилъ; —

Но кспати-ль это здѣсь, гдѣ буря, пре-
волненье,

Разбиты корабли, и въ смертномъ упомененъ

Бѣднякъ, съ кошараго пы деньги вьзять за трудъ?....

Положимъ: на заказъ работаешь сосудъ! —
Мнѣ страшной бочкою казался онъ сначала:
Но пы вершль; вершль: изъ бочки
кружка спала! —

Намъ правило дано природою самой: —
Да царствуйешь вездѣ единство съ просто-
той! —

Призначься должно намъ, друзья мои
почтенны,

Мы видомъ истины бываемъ обольщенны! —
Я крапкосць сохранилъ: нельзя понять меня;
Пріятносць, легкосць сень, цѣль силы и огня;
Желая возпарить: въ бессмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть: — и въ прахѣ пре-
смыкаюсь;

Я щедръ на вымыслы; — но чпожь въ мо-
ихъ спихахъ?

Гуляешь кинь въ аьсу; играешь вопрь въ
волнахъ!

Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязку болѣ. —
Одинъ изъ хипрецовъ въ Эмилиевой школѣ,
На бронзѣ изражалъ, на диво вѣрхъ людей,
И мягкосць волосовъ, и нѣжный видъ ногшей; —
Но можешь ли сіе искусника прославить,

Когда не въ силахъ намъ онъ Цѣлаго пред-
спавишь? —

Нѣтъ! съ умникомъ такимъ спашь вмѣстѣ
мнѣ въ ряду,

Есть по же, что пріятнѣ ошъ Бога на реду
Кривой, нескладной носъ съ прекрасными
глазами,

И рошикъ маленькой съ огромными ушами!
Берите прудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбиратъ, судите себя самихъ;
Какъ съ берега пловець объемеритъ пупъ
пространнѣй,

Вникайте въ свой предметъ, и будьте по-
споянны.

Тогда даруетъ вамъ Пьеридъ свѣтлой хоръ
Порядокъ, красоту, пріятностей соборъ!
Но чѣмъ порядокъ насъ, чѣмъ спройнеситъ
насъ павняетъ?

Всеу число, и часъ, и мѣсто назначаетъ. —
Предметъ передъ побой: смотри, раз-
полагай! —

Что должно, говори; что можно, оплагай. —
Ты Авторъ: — ты намъ даль права на
осужденъе:

Разборчивъ, почень, спрогъ, смирян души
парень!

Знай силу, свойство словъ, умѣй ихъ со-
глашатъ,

И связью хитрою имъ новой видъ даватъ.

Со днями множатся, и нужды, и познанья ;
 Что чуждо для ума, то чуждо и названья ;
 Почто же не творить , почто не выдашь
 въ свѣпъ ,

Чего не зналъ Сепегъ , Орапоръ древнихъ
 лѣтъ ? —

Не смѣлость скромная , но дерзость въ за-
 прещеньѣ ; —

И новыя слова наслѣдятъ уваженье ,
 Коль въ Греціи родясь , примутъ нашъ
 нарядъ . —

Когда Цецилій , Плавшь намъ вырождковъ
 даряшь , .

Уже-ль Виргилію и Варувъ помъ опкажутъ ?
 Уже-ль меня за то презрѣніемъ накажутъ ,
 Когда другихъ садовъ цвѣсны , убранство ,
 плодъ

Спремлюсь пересадить въ родимой огородъ ?
 Таковъ нашъ Энній былъ ; таковъ былъ духъ
 Капона ! —

Иди по ихъ слѣдамъ : но не забудь закона ,
 Который пребудетъ хранишь и изражашъ
 Роднаго языка оппѣнки и печашъ . —

Когда съ деревъ листья осенній вѣтръ сры-
 ваешъ ,

Что ранѣ спало цвѣсть , то ранѣ умираешъ ;
 Такъ почто и для словъ свои есть времена :
 Прошелъ ихъ вѣкъ , прошла ихъ важность
 и цѣна ;

Въ любезной новости пріятность ихъ и сила;
Привычка къ прелестямъ, для прелестней
могила.

Смерть люба насъ самихъ и наше все
возмешь! —

Сей гордый прудъ Царей, изрытый горь
хребетъ,

Гдѣ запертый Непсунъ спрежеть опъ вѣш-
ровъ флоты; —

Сей новый пущъ пловцамъ, раскопаны
болоты; —

Пустыни въ райскіе одѣяны сады; —

Рѣка, забывшая въ поляхъ своихъ слѣды,
Чтобъ ниву напоить для жажвы драгоцѣн-
ной: —

Все дѣло смертнаго, все смерти покоренно! —

Названьямъ и вещамъ естъ жребій роковой.

Упопребленіе играетъ ихъ судьбой;

Оно ихъ судія; онѣ — его созданье;

Захочетъ — и въ чести; величье — онѣ въ
изгнанье. —

Неисповодимый пирань! — но свяще его законъ.

Гомеръ — наставникъ вашъ! — какимъ
размѣромъ онъ

Цѣль подвиги владыкъ и ужасы военны,

Вы видѣли. — Спѣхи въ спѣхахъ неур-
венны

Вмѣщали жалобу къ разгнѣванной судьбѣ;

Но послѣ радость ихъ присвоила себѣ.
Какая нужда знать, кѣмъ первой въ зло-
ключеньѣ

Въ Элегіи сыскала сердечно утѣшенье,
Пусть спорить Аристархъ; ... мы съ Ав-
поромъ вздохнемъ! —

Архилохъ, мщенія старающій огнемъ,
Гремящій ямбъ извлекаетъ изъ лиры оскор-
бленной.

Сей стихъ, въ сандалѣ, въ копурины на-
ряженной,

На сценѣ разговоръ собою украшала,
И черни грубый шумъ его не заглушала. —
Фебъ лиръ далъ въ удѣлъ безсмертныхъ про-
славленье,

Ихъ чадъ божественныхъ, Героевъ награ-
жденье,

Труды и честьъ бойцовъ, и юности златой
Любезны суебы, и Вакха даръ благой. —

Пѣвецъ ли, другъ ли я искусства и природы,
Когда, неопытный, твореній разныхъ роды
Ни слогомъ не могу, ни звукомъ отличить! —

Учишься — ильтъ спыда; невѣжди — спы-
дно быть!

Не сроденъ Талии гласъ важный Мельпо-
мены;

Стихами Комика простыми искаженный,
Тіеста спрашный пиръ на смѣхъ меня вле-
четъ:

Пусть каждый родъ спиховъ въ сѣсемь краю
живеть! —

Комедія свой гласъ не рѣдко позымаетъ,
Разгнѣванный Кремесь, какъ иткій богъ,
вѣщаетъ! —

Трагедія, склоняся подъ бременемъ скорбей,
Терпещь гордоспъ, блескъ. — И Телефъ, и
Пелей,

Гонимы злобою спраны неблагодарной,
Забыли Царской сань, языкъ высокопар-
ной,

Чтобъ грусть свою пролить въ чувствви-
пельны сердца! —

Исправноспъ въ правилахъ — не дастъ еще
вѣнца.

Искусство намъ блеспитъ, но холодными лу-
чами;

Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство
правитъ нами;

По взгляду мы въ другихъ участие беремъ,
Съ веселымъ — веселы, съ печальнымъ сле-
зы лемъ.

Умъй свои бѣды бѣдами намъ предспавитъ;
Умъй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ
заспавитъ;

Ты холоденъ — смѣюсь; или, — позволь мнѣ
спать!

Ты въ горѣ — скорбь должна въ рѣчахъ пво-
ихъ дышать! —

Ты въ гнѣвѣ — поражай прерывными сло-
вами ;

Ты гордъ — повелѣвай; шумливъ — рѣзвися
съ нами.

Природа хитрая сердца своихъ дѣшей ,
Устроила для всѣхъ способными спрасшей.
Теперь мы радоспны; но мигъ — препещемъ
въ спрахѣ;

Съ надеждой — въ небесахъ; съ опчаяньемъ —
во прахѣ ; —

Языкъ — органъ души; она имъ говоришь; —
Языкъ съ движенъемъ чувствъ приемлеть
сродный видъ.

Слова съ моей судьбой и званіемъ не сходны,
Не усладивъ сердце , возбуждая смѣхъ на-
родный. —

Едва опкрыль успа , уже примѣшно мнѣ,
Гдѣ хладный старца смыслъ , гдѣ юный умъ
въ огнѣ , —

Гдѣ машь въ кругу дѣшей, и гдѣ она съ го-
спями ;

Поселянинъ , купецъ , бывалой за морями ,
Аргивянинъ , Халдей , Колхидецъ , Скиоъ
проспой ,

Всѣ въ добромъ и худомъ различны межъ со-
бой ;

Послѣдуй мнѣнію , или молвь народа ,
Будь самъ виждишелемъ , и дѣйствиуи , какъ
природа. —

Согласное въ часпяхъ одѣнь въ приличной
видь!

Ахиллъ передь побой: пусть яроспный гро-
зиль,

Жеспокъ, неумолимъ, копорому законы —
Кровава брань и чеспъ, и въ свѣтѣ нѣспъ
препоны; —

Пускай Медея адъ словами попрятспъ; —
Пусть Ио спрансптвуеспъ; дщерь Кадма сле-
зы льеспъ;

Ореспъ раскаянья влечеспъ съ собой мученье,
Вновь спроимъ Иксионъ на свяспость поку-
шенье. —

Но въ царспво вымысловъ направя свой
полеспъ,

Ты хочемъ показатъ невиданный предметъ?
Предспавь! — да будеспъ онъ возможенъ и
удобенъ, —

Всегда, вездѣ одинъ, всегда себѣ подобенъ;
Простому, общему изящны дасть черпъ,
Попребенъ взоръ и спрудъ! — Скорѣ мо-
жеспъ пы

Гомера намъ явишь на сценѣ Мельпомены,
Чѣмъ новое создатъ, природѣ безъ измѣны!
Гомера золото опкрыпо всѣмъ: — бери,
Разполагай, дай видъ, своимъ его пвори!
Не будь списателемъ, не пѣлай за словами;
Мы можемъ подражатъ, не будучи рабами!

Превыси образцы, законамъ безъ вреда; —
 Ужьй онь нихъ опсашь, гдѣ нужно, безъ
 стыда.

Но такъ не начинай, какъ Цикликъ на-
 пыщенный:

„Глашу паденье Царствъ и брани разъ-
 яренны!“

Вопь шупь-шо ждашь чудесь! — ты въ
 страхъ говоришь;

Кричашь: гора въ родахъ! но что роди-
 лось? — мышь!

Сравните мудреца воззваніе простое;
 Се скромности примѣръ! „Пой Муза о Героѣ,
 Который, спранспвуя онь падшихъ Трои
 стѣнь,

Зрѣлъ грады многіе, обычаи племень.“

Не дымъ изъ молніи, изъ дыму свѣтъ рож-
 даетъ;

Что шагъ, шо дивное видѣнье изумялешь!...

Тамъ Сцилла, тамъ Циклопъ, Харибда,
 Антипашь,

Въ огнѣ стиховъ его, свирѣлспвуюшь,
 грозяшь.

Не Мелеагровой несчастною судьбою

Онь началъ похвалы Эольскому Герою; —

Не съ ялицъ Лединыхъ Троянскій началъ бой:

Къ предмету онь спѣшишь, и насъ вле-
 чешь съ собой

Явленій въ новый міръ, какъ въ міръ, для
 всѣхъ извѣстной.
 Въ полетѣ видишь онъ; что слабо, несо-
 вѣстно,
 Гдѣ сильный духъ его красота не оживилъ;
 Вселенная пѣсна: другую онъ творить!
 Здѣсь правда; вымыселъ тамъ; — слились!
 одна картина!
 Все связано съ концемъ, начало и середина:
 Ты хочешь вѣдать долгъ и хитрости
 Пѣвца;
 Внемли: Чтѣшь зритель твой творенья до
 конца,
 То сопраданіемъ; но страхомъ наслаж-
 дался,
 И въ чувствахъ бы его вѣнецъ твой сопле-
 шался;
 Знай нравы всѣхъ людей; среди различ-
 ныхъ лѣтъ
 Премѣненъ образъ ихъ, какъ тѣней быспѣ-
 рыхъ слѣдъ!
 Младенецъ; съ вѣрными распавшимся по-
 мочами;
 Начавъ уже ласкать родителей словами,
 Стремится въ слѣдъ играмъ, въ безопасный
 ровныхъ кругъ,
 Премѣненъ безъ причинъ, сердитъ и кро-
 шокъ вдругъ. —
 Отъ дядьки скучнаго свободой увлеченный,

Другъ пламенный забавъ, мечшатель восхи-
 щенный,
 То бѣгомъ тѣшился, то ловлей, то борьбой;
 Къ совѣщанъ каменной, къ порокамъ во-
 сковой,
 Слѣпецъ, надмѣнный мопъ, для прихотей
 стенаешь;
 Что нынѣ полюбилъ, то завтра пре-
 зираешь. —
 Но время пропечетъ, — просыплетъ жаръ
 спрастей: —
 Онъ ищетъ въ сорокъ лѣтъ богатства и
 друзей. —
 Рабъ знатности, чиновъ, заботами то-
 мится,
 Трудясь для позднихъ дней, быть въпре-
 нымъ спрашится.
 Но можно-ль зрѣлой дѣкъ со старостью сра-
 внять! —
 Несчастной жаждетъ благъ, боится ихъ
 вкушать!
 Трепещетъ, мучится, и самъ съ собой въ
 сраженьѣ,
 Причудливъ, мнителенъ и медленъ въ
 исполненъѣ;
 Брюзгливой всѣхъ судья, повсюду видить зло:
 Все худо, что шеперь; все славно, что
 прошло;

Не вѣришь никому, ни съ кѣмъ онъ несо-
гласень, —

И каждый мигъ ему грядущаго опасень, —

Мы, въ лѣта восходя, въ слѣдъ радо-
стей лепимъ;

А низходя, опть нихъ неволею бѣжимъ.

Противно въ спарѣ по, что въ юности
любезно;

Не терпимъ зрѣлой вѣкъ, что опроку
полезно:

Ужѣ по возрастамъ и нравы измѣняшь. —

Два способа у насъ предметъ живо-
писаць: —

Разказъ и дѣйствіе. — Другихъ повѣ-
ствованье

Не столь дѣйствительнѣ, какъ ваше созер-
цанье.

Мой глазъ вѣриѣ мнѣ: самъ вижу, самъ учусь.

Но есть явленія, опть коихъ опшкажусь. —

Щади сердца и взоръ народа прихотливый!

Иное скажеть пусть посоль краснорѣчивый.

Медея не при мнѣ должна терзатъ дѣшей, —

Не предо мной готовъ ужасный пиръ, Ап-
рей! —

Я Прогну пшпцею, змѣею Кадма вижу;

Что пользы опть того? — Не вѣрю, не-
навижу!

Пляшъ дѣйствій мѣра драмъ , и сей за-
 конъ священъ ,
 Развито дѣйствіе , и зритель услажденъ . —
 Не вызывай боговъ къ развязкѣ приключе-
 ченья ,
 Когда не пребуешь она чудотворенья ; —
 Четвертое лицо пусть рѣже говоритъ .
 Хоръ по же , что актеръ ; онъ долъ его
 хранишь ;
 Онъ въ междудѣйствіяхъ на сцену высту-
 паешъ ,
 Искусно зрителей къ развязкѣ прибли-
 жаешъ ; —
 Защитникъ немощныхъ , другъ добрый и
 прямой ,
 Спрямился умѣряишь порывы спрасни злой ;
 Предъ сильныхъ справедливъ , не робокъ
 передъ прономъ ,
 Чтишь доблестъ , искренностъ , умѣрен-
 ностъ закономъ ,
 И любишь свѣплый миръ , свободу во гра-
 дахъ .
 Хранитель вѣрный шайнъ , онъ въ сладо-
 спныхъ слезахъ
 Къ Престолу Правоты съ молитвой возни-
 каешъ : —
 Спрадалецъ высится — гонитель упадаешъ .
 Но чѣмъ же , древній хоръ народный слухъ
 пѣнялъ ? —

Свирѣлю скромною, на коей не сіялъ
 Еще драгой мепалль блестящими дугами;
 Не спорила она съ гремящими трубами,
 И звукъ ея не зналъ споль многихъ пере-
 мѣнь.

Довольно для проспыхъ и кропкихъ сихъ
 временъ! —

Но жажда обладать съ побѣдой подружи-
 лась,

Владѣнья возрасли, и роскошь воцарилась.
 Предъ алпаремъ любви, предъ Геніемъ за-
 бавъ,

За чашею вина дающимъ свой ушавъ,
 Гармонія предѣль и силы разширила,
 И новымъ языкомъ съ сердцама говорила. —
 Какъ можетъ дикія природы юной сынъ,
 Необразованный наукой, селянинъ
 Дѣлать съ разумными чистѣйши насла-
 денья!

Для дикаго узда — блестящи обольщенья!
 И се! огромный ликъ предшеспвуетъ вож-
 дямъ;

Герой весь въ золотѣ, его жилище — храмъ!
 И арфа съ новыми является струнами;
 И краснорѣчіе всеильными ушами,
 Пріявъ оракула священный, тайный видъ,
 Даешь ушавъ Царямъ, какъ судъ небесъ,
 гремишь.

Успѣхъ нечаянный бываетъ часто лож-
ной. —

Идець, пріѣвъ козла наградою ничтожной,
Рѣшился Сапировъ пуспынныхъ обнажать,
Чтобъ, важность сохраня, умѣть насъ за-
бавлять. —

Искусникъ возмечпаль сей хитроспсію новой
Удерживать народъ неистовой, суровой,
Свершившій таинства на Оргіи святой! —
Но смѣлось безъ границъ — всегда губи-
тель свой. —

Пусть Сапиръ осприхъ словъ игрою забав-
ляеть,

Пусть важность шулками искусно раство-
ряеть;

Но дурно, естли богъ, или вожей собратъ,
На коемъ золопо и пурпура горятъ,
Въ срединѣ подвига, вдругъ низкими сло-
вами

Сравнился съ жалкими на рынкѣ крикунами!
Но дурно, если мы, проспыми бытъ боясь,
Умчимся далѣ звѣздъ, съ умомъ разрушивъ
связь.

Трагедія! храни свой санъ и достоянье,
И, испрѣпивъ Сапировъ неистово собранье,
Умѣй снѣдливой бытъ, какъ знапная жена,
Когда предводишь хоръ въ день шоржества
она!

Друзья! вы знаете, я самъ люблю са-
 пиру,
 Но чпобъ ее явишь въ приличномъ видѣ
 міру,
 Убранства для нее жалѣть я не хотѣлъ,
 И грубымъ голосомъ кричать ей не велѣлъ!
 Ей чуждо томное величье Мельпомены; —
 Но должно сохранить всѣ слога перемѣны:
 Въ ней Пипія дерзка, рабъ низокъ, ухищрень,
 Забавень съ простотой другъ Бахуса, Си-
 лень. —
 Я общій взялъ языкъ и новый соспавляю;
 Пишите, думайте — успѣха всѣмъ желаю!—
 Иной прудится день, прудится ночь...
 но чпо?
 Тѣжъ мысли, тѣжъ слова; однако все не то!—
 Порядокъ словъ и связь: вопъ таинство
 искусства!
 По мнѣнью моему, — безъ упонченья
 чувства,
 Сапирь, дитя лѣсовъ, не долженъ такъ
 вѣщать,
 Какъ наша говоритъ блистательная
 Знать!
 Сапирь разнѣжится—смѣхъ общій воздаянье;
 Пристойность не хранишь — готовишься
 изгнанье!
 Пустьъ плещешь въ честь его памъ вишь
 площадной;

Но добрый, гражданинъ, но здравый вкусъ
 прямой
 Безумца бѣшенствомъ по праву оскорбился,
 И сапира вѣнца почепнаго лишится.

Слогъ легкой, пляжкой слогъ имѣя предъ
 собой,
 Рождаетъ громкій ямбъ, парящій съ бы-
 спропой.
 Шестъ крапъ измѣренный, онъ примепрь
 соснавляетъ,
 Съ начала до конца свой ходъ не измѣняетъ;
 Но чпобы важнымъ быть, чпобы умно-
 жить силъ,
 Онъ оптически права спондею усступилъ,
 Условаясь между пѣмь, чпобъ сей, къ его угоду,
 Два мѣста для него оставилъ на свободѣ.
 Хоть Акцій съ Эннїемъ, на зло почпенныхъ
 Музъ,
 Презрѣли навсегда съ нимъ дружеской союзъ:
 Но онъ все взялъ свое... Спондеевъ взгро-
 можденье
 Являетъ слабый даръ, небрежность, не-
 умѣнье!
 Писатель думаетъ: „Уже ли всякъ знапокъ?
 Не первой виноватъ! — во всѣхъ такой
 порокъ!“
 Причина жалкая! — Мнѣ глупымъ оснаваешься,

За тѣмъ, что есмь глупцы! — не лучшемъ
всѣхъ бояхся,

И думашь, что насъ всѣ и судяшъ, и цѣняшъ,
И всякой нашъ порокъ насмѣшкой наградышъ!
Вашъ правило мое: — я былъ себѣ судьбою;
Надеждою крѣпясь, на обольщался ею! —
И попомъ, и прудомъ не славу заслужилъ;
Мнѣ сладко то, что я исправилъ многихъ
былъ!

Вамъ Греки образцы въ наукѣ сочиненья;
И день и ночь всегда учите ихъ творенья!

(Продолженіе впередъ.)

Мрзлкв.

XV.

СМЕРТЬ КЛОРИНДЫ.

(Отрывокъ изъ 12 книги Освоб. Иерусалима.)

Исходящъ пишиной и ноцію объяпы (*):

(*), Артаншъ и знаменитая Клоринда вышли изъ города, дабы сжечь употребляемыя тогда Христианами осадныя орудія. — Они успѣли въ своемъ намѣреніи. — Но Клоринда, умедливъ на полѣ сраженія, не успѣла войти въ городъ; ибо ворота скоро заперлись . . . Отъ сего обстоятельства произошло странное единоборство любовника съ любовницей. — Они другъ друга не узнали.

Другъ съ другомъ въ рядъ несясь ; шагъ съ
 шагомъ ; тѣсно сжаты ;
 Высокаго холма по скапу пропекли. —
 Явилась страшная бойница имъ вдали ;
 Вспылали храбрые ; грудь бурна воспалила ;
 Нѣтъ силъ себя сдержашь ; нѣтъ ярости
 преда ;
 Гнѣвъ лютой ихъ на кровь , на пламя ихъ
 влечеть .
 Вдругъ справа гласъ дала , и опповѣди ждесть .
 Безмолвные шепчуть . — *Къ оружію !* гласъ
 грянулъ ;
 Къ оружію ! — впоряшъ , — и дальный гулъ
 воспрянулъ ,
 И все подвигнулось ! — — Безспрашная чета
 Не кроется , лепишъ : шажъ дераосишь , бисн-
 ропа !
 Какъ съ горнихъ спранъ перунъ въ единое
 мгновенье
 И блещеть , и гремишъ , и сыплеть раз-
 рушенье ;
 Подобно : сближишъся , достигъ , напасишь ,
 для нихъ
 И впоргнушъся въ среду : все былъ — единый
 мигъ .
 Черезъ тысячи мечей , средь сѣчи и смяшенья
 Достигнули они къ предмопу ихъ спрем-
 ленья !
 Отверсишь сокрышой огонь (*) ! — разлился
 рдяный валь ,

(*) Волшебникъ Исмень далъ имъ въ мѣдномъ сосудѣ
 сіи зажигащельныя матеріи .

И воспалишельну онъ снѣдь свою пожралъ:
 Лепишь, къ древамъ приникъ, — и въ пла-
 мени громада!

Но можно-ль описашь, какъ огонь, послан-
 никъ ада,
 Змѣясь вокругъ ребрь, возросъ, разлился, за-
 ревлъ,

И въ пучахъ смрада, мглы сводъ звѣздный
 пошемнѣлъ!

Восходишь пламень выпрѣ чернобагровъ
 клубами,

Слишь дыма сѣраго съ крутящимись валами.
 Борей, дохнувъ, собралъ разсѣянный вокругъ
 жаръ,

И ветви огней срослись въ единъ пожаръ.

Багрово зарево сразило вѣрныхъ взоры;

Къ оружію пекушь, сливаюпся въ соборы. —

Но грозная сія громада, спрахъ мужей,

Упала! — мигъ пожралъ шруды толкиихъ
 дней!

Въ то время Христіянъ смущенныя дру-
 жины

Явились ко стопамъ пылающей махины. —

Арганшь сръшаешъ ихъ . . . . *Сіе поту-
 хнетъ зло*

Лишь вашей кровью! рекъ, — и показалъ
 чело.

Попомъ, соединишь съ Клориндой, оба спали

Отъ мѣсна успунашь, и къ холму пушкѣ
склоняли. —

Какъ ярой водѣ разливъ; пролитый бурей
вдругъ,
Толпа растешъ, пѣснишь, объемлешъ ихъ
вокругъ.

Уже отверсныя врапа ихъ ждущъ *злабля*;
Гдѣ Царь желалъ, среди дружины боевья;
Гри ты спасишелей опечесства во градъ,
Коль рокъ благоволишь ихъ радостной воз-
вращъ.

Клоринда и Аргантъ возстали врапъ у прага;
За ними Християнъ и мщенье, и опвага!
Но ихъ женешъ Сулпанъ; — врапа запво-
рены;

Всѣ скрылися во градъ; Клоринда внѣ спѣ-
ны!

Клоринда не вошла: — Въ часъ собствена
спасенья

Свирѣпо предалась она порывамъ мщенья:
Опважный Аримонъ наносишь ей ударъ; —
На Аримона весь нейстовыя жаръ. —

Опмстила! — но ее соборъ враговъ освѣшилъ,
И спущницы Аргантъ жестокии не примѣ-
шилъ.

Въ толпахъ, во пмѣ ночной, въ съченіи
мечей

Къ спасенью ближнихъ изъшь, ни сердца;
ни очей!

Потомъ, когда въ крови враждебной яростѣ
гнѣва

Попухла и прешла . . . ахъ, поздно! грозна
дѣва

Взираетъ на врага; заключены; — одна
Среди несчетныхъ силъ, и — смерть ея
вѣрна!

Но зря, что видъ ея не рушилъ вокругъ
спокойства,

Къ спасенью новый путь находить, путь
принворства:

Какъ соплеменная, небрежно сподой
Вспушила въ чуждый сонмъ, смѣшалася съ
полпой.

Какъ волкъ, насытивый сокрытно злостѣ
кроваву;

Спрямился тихо вспяшь въ глубокую дуб-
раву:

Покрыта ноци тѣмой, въ смущеніи враговъ;

Такъ дѣва опдѣлясь уходилъ опъ полковъ.

Единъ Танкредъ ея примѣшилъ ухищренье,

Прибывъ на поле битвъ въ то самое мгно-
венье,

Какъ Аримонъ опъ ней низпосланъ былъ
къ пѣнямъ.

Герой узрѣвъ, и вдругъ приникъ къ ея
спонамъ;

Желаетъ прю держать. — Безвѣстный,
храбрый воинъ

Ему является сей почести достойнъ.

Клоринда клонитъ пущь отъ горнихъ скалъ
назадъ,

Взыска для себя другихъ ко граду врагъ.
Неисповый за ней. — Еще далекъ мужъ боя,
Оружій звукъ уже предвозвѣспиль Героя.

Видла, и обращаея: „о пы, лепящій въ
слѣдъ

Что мнѣ приносишь? бой? — *И бой, и
смерть!* — отвѣпъ.

И бой и смерть несу! — „Въ пвоей
имѣпъ ихъ воля! —

Согласна я,“ рекла, — и спала пвердо
въ полѣ.

Узрѣвъ соперника, гопова предъ собой,
Танкредъ снизшелъ съ коня, да дивный дер-
житъ бой.

Уже изпоргнушы булапы изощренны;
Кипитъ вражда въ сердцахъ; уже воспламе-
ненны,

Ко другу другъ лепяпъ, какъ ярыхъ два
вола,

Въ которыхъ ревность прю кровавую воз-
жгла.

Сраженъе, времени достойнѣе другаго,
Допойное лучей свѣшила золотого!

О ночь, о мрачная и мертва тишина,
Великій подвигъ сей сокрывша въ царствѣ
сна,

Позвожь, чптобы опьявь мракъ пьяжкого заб-
 венья,
 Извлекъ его во свѣпъ, вѣкамъ для удив-
 ленья!
 Да слава сей чепы безсмертная живетъ,
 Да памяпъ о шебѣ въ ихъ славѣ не умретъ!

Избѣгнушь, опразитъ и уклонитъ
 взмаха
 Герои не могли: ни оборонъ, ни страха!
 Не вымѣрянъ, не хипръ, не мѣпокъ ихъ
 ударъ;
 Искусству мѣспа нѣпъ; всемъ правитъ
 сердца жаръ;
 Дають ужасной звукъ, сѣкущѣ другъ друга,
 Сверкающъ мечи. — Не выступятъ изъ
 круга;
 Недвижимы стопы; движеніе въ рукахъ;
 Не мѣпипъ ни одинъ; но язва каждой взмахъ;
 Преоскорбленна чеспъ кровавой алчеспъ ме-
 спи;
 Взаимна меспъ язвипъ высоко чувспво
 чеспи;
 Мигъ каждой новая болѣзнь нанесена;
 Мигъ каждой новая къ боренію вина. —
 Свирѣпы, виѣ себя, сближающъ, пѣснятсѣ;
 Ужь яры ихъ мечи не могутъ обращатсѣ;

Въ ручной вспуають бой; въ ихъ персяхъ
дышеть адъ ;

Ихъ шлемы, ихъ щиты, сполкнувшись,
гремятъ ;

Трикрапы мышцами дебелыми сжимаетъ
Борющую борець: прикрапно изпоргаетъ
Великая жена себя изъ крѣпкихъ рукъ ! —
Какъ люпный врагъ ее пѣснимъ нѣживѣйшій
другъ !

Желѣзо возьмутъ вновь , и вновь наносятъ
раны ;

Изякли силами , и спали — бездыханны !
Шатаясь, движуся; волной клубится грудь;
Разходяпся, чпобъ разъ свободно воздохнуть;
Склонились на мечи , какъ пѣни въ мракѣ
ночи ;

И яростью одной горѣли грозныхъ очи !
Уже послѣдній лучъ звѣздъ упренныхъ съ
небесъ

Воспока предъ челою померкнулъ, и исчезъ:
Танкредъ соперника зреть кровью покров-
веннымъ ;

Межъ пѣмъ, какъ самъ онъ былъ лишь слабо
уязвленнымъ.

Гордился радостный ! . . . о, мыслей суета!
Сколь часто веселилъ насъ гибельна мечта!
Нещасный ! ахъ , умѣрь воспорги твѣ
напрасны !

Ужасень пвой пріумфъ, и подвиги ужасны !

Прольешь ты много слезъ, когда не кончишь
дней,

За каплю каждую безцѣнной крови сей!...

Два винызя еще, опрясь на крѣпость спали,
Другъ на друга смотря, безмолвные спо-
или;

Танкредъ, дабы познашь, кто дивный сънимъ
борецъ,

Прервавъ молчаніе, вѣщаетъ наконецъ:

Судьба обоихъ насъ къ нещасью осудила! —

Толикихъ подвиговъ безмолвна ночь — могила.

Но естли люшый рокъ сей бипвѣ опказаль

Въ свидѣтеляхъ, вѣнцахъ заслуженныхъ по-
хваль,

И естли въ бурѣ сѣчь моленія совмѣспны,

Открой мнѣ имя ты и санъ свой, Мужъ
безвѣспный,

Чшобъ вѣдалъ, побѣдивъ, иль бывши по-
бѣжденъ,

Кѣмъ смерть моя славна, или пріумфъ поч-
пень!

Ты имя, хочешь знашь? — опвѣтспвуешь
герою,

Напрасно! — предъ тобой его я не открою! —

Но кто бы ни былъ, знай: единъ передъ
тобой

Изъ двухъ рушителей громады боевой. —

Опъ сихъ словесъ вспылаль Танкреда духъ
кичливый;

К 2

Ты много мнѣ вѣщаль, о варваръ злочеспивый!
 Теперь уже равно, молчанье или отвѣтъ;
 Все, все меня на муть правдивую вле-
 четъ!

Изрекъ... гнѣвъ входилъ въ грудь, и умо-
 мленныхъ снова

На страшну гонилъ прю; — послѣднѣя прѣ-
 сурова!

Искусство связано, и сила умерла:

Ты яроснь, ты одна борьбу сію вела! —
 Какъ тяжко падають булаты ихъ жестоки!
 Какъ язвы на броняхъ, на шлѣ ихъ широки!
 Давно бы съ кровью жизнь младая изпекла;
 Но держилъ злоснь ее, и въ сердце заперла.
 Какъ водъ опецъ, Егей, свирѣспивомъ бурь
 взволнованъ,

Когда престанеть Нощь, и Аквилонъ окованъ,
 Еще беснуется... спонъ всходитъ къ об-
 лакамъ,

Успалые валы несутся къ берегамъ:

Такъ ратники, хопя со многой крови прѣтвой
 Лишились силъ своихъ и крѣпости бога-
 той,

Еще въ себѣ хранятъ стремленья первой
 жарь,

И плашатъ яросно ударомъ за ударь. —

Но, се! настала та минута роковая,

Какъ дѣвы юной жизнь пресекнется злѣпая!

Направиль острый меч въ прекрасну грудь
Танкредь ;

Ушла глубоко спаль, и кровь багряну пьеть ;
Покровъ блистательный, и златомъ изде-
щренный ,

На персяхъ двъспвенныхъ легко преобло-
женный ,

Зардѣлся ... зришь она кончины часъ своей.
Дрожащія стопы сгибаются подъ ней.

Танкредь, чшобъ бой рѣшишь, подъемлешь
мечъ надъ жерпвой,

Сраженную тѣснить, грозить еще пол-
мертвой ;

Упала ! . . . слабая склонилася глава ;

Съ трудомъ она речеть послѣднiя слова ,

Слова, внушенныя не плошю, не кровью ,

Но Вѣрой чистою, надеждой и любовью !

Богъ духа ей послалъ, и такъ судиль отъ
звѣздъ :

Въ жизнь брань вела съ крестомъ ; да чшишь
кончиной крестъ !

Ты побѣдиль, о другъ ! — прощаю ! — въ
знакъ прiязни

Прости не перспи сей ; — для ней ужъ
нѣтъ боязни ;

Прости моей душѣ, молись о мнѣ, о мой

Ты слабость грѣшныя крещенiя водой !

Слова прерывныя, болѣзненны, смиренны,
 Какъ сладостный органъ, слова сіи священ-
 ны,
 Пронзають грудь вождя, — и люпытый гнѣвъ
 погасъ,
 И слезы полились невольныя изъ глазъ!
 Отшолоъ не вдали изъ нѣдръ скалы кремни-
 спой
 Съ прыпнымъ ропотомъ ручей сребрился
 чистпой;
 Бѣжитъ онъ, черплетъ въ шлемъ, и вспяшь
 печать съ водою,
 Да Тайны велией свершитъ обрядъ свящпой; —
 Къ безвѣстному приникъ, чпобъ снятъ ре-
 менъ забрала,
 И слышитъ: — длань его, касаясь, препе-
 пала. —
 Открылъ, узрѣлъ, позналъ; недвижимъ, нѣмъ
 спойтъ;
 Узнанье спрашное! ужасный сердцу видъ!
 И выпязъ живъ еще! . . . въ рѣшиительно
 мгновенье
 Всю доблессть онъ собралъ души во ограж-
 денье,
 И скорбь спѣснивъ, спѣшитъ крещенія пу-
 шемъ
 Той жизнь другую дасть, у коей взялъ ме-
 чемъ!

Когда онъ произнесъ слова святыя Тайны,
Осклабилась, — и взоръ процвѣлъ необы-
чайный;

Спокойно смертъ зовещъ, вѣщаещъ, мни-
ся, въ снѣ:

„Я съ миромъ опхожду: опверсто небо мнѣ!“

Любезной блѣдностью ланины осіяны

Являющъ лиліи съ фіалками сліяны.

Вперила въ небо взоръ! . . . . И сами,
небеса,

Скломилися къ тебѣ, поблекшая краса! —

Се руку хладную, оледенѣлу, сира, —

Не въ силахъ уснѣ опверстѣ, во знаменіе
мира

Простерла къ вишязю, — и въ видѣ семъ
она,

Машла, не какъ во смертъ, но какъ въ объ-
ящя сна . . .

Мерзлкъ.

XVI.

ПРИЗНАНИЕ СУПРУГА.

„Бываютъ дураки, но я глупѣ всѣхъ!
 „Ахъ! ишь прискорбиѣ для насъ несчастій
 шѣхъ,

„Которыхъ сами мы виною!“

Такъ, вспрѣшившись вчера со мною,
 Сказалъ со вздохомъ мнѣ нашъ добрый
 Праводумъ. —

Знавъ кропкой нравъ его, и правила, и умъ,
 Какъ громомъ пораженъ я былъ ошъ уди-
 вленья;

Скажи, спросилъ его, лишился ты имѣнья?
 Или спалъ жерпвою Вельможи-гордеца?
 Или ошъ безпечности долги твои ско-
 пились?

Или имя потерялъ ты славнаго пѣвца,
 И Музы, въ гнѣвѣ ихъ, съ побою раздру-
 жились?

Или богъ любви тебя спрѣлою поразилъ?
 Или ты въ службѣ прослужился?

„Бѣда важнѣ естъ,“ несчастной возразилъ,
 Какаязъ? „Я женился.“

N. N.

Охотскъ.

1813 года.

XVII.

В А С Н Ъ

Д В А О С Л А.

Въ старь было при Дворахъ тепло гнѣздо
льспецамъ. —

Пущь левъ и не любилъ докучной сей ско-
пины ;

Но левъ, хопъ левъ — все звѣрь. — По да-
чамъ, по лѣсамъ

Онъ вздумалъ походить ; изъ дворскія дру-
жины

Взялъ въ свипу одного съ собой,

Которой льспинь хопя былъ масперъ не
великой,

Да голосъ у него такой былъ дикой,

Чпо ужасъ наводилъ всей челяди лѣсной.

Отправилися въ пущь : левъ, какъ отецъ
народу,

Разсматривалъ звѣриное жипье - быпье,

И слышалъ мѣлкихъ лишъ выпье :

Тамъ въ зубы спряпчава, шамъ въ уxo
воеводу ;

Тамъ въ крюкъ согнулъ дьяка : левъ лви-
нымъ чередомъ

И судипь, и рѣшипь, и бѣепь, и нагража
даешъ,

Левъ грозень! — чщожь осель? при случаѣ
 пакомъ

Осель ушамц всѣхъ бодаепъ.

Случись ему, какъ шель онъ за лѣснымъ
 царёмъ,

Вдругъ съ шѣской вспрѣшнисься, съ осломъ,
 Который, понкоспей, учпivosпей не знаа,
 И съ бариномъ осломъ, какъ ровнымъ, по-
 спупая,

Спросиль: „здоровъ ли онъ? и какъ
 живепъ?”

„Чшо новаго? — Куда идепъ?”

Невѣжа! грублянъ! придворный восклицаетъ:

Ты не узналъ! . . . . Тебя! рабочій отвѣ-
 чаепъ;

А по ушамъ? . . . .

Нѣпъ, брапъ, хощя шы бродишь по лѣсамъ
 И при особѣ львиной, —

Но вѣдь не могъ сокрыпъ шы поступи осли-
 ной! —

Ивановъ.

XVIII.

ЭПИГРАММА.

Какъ! полдень на дворѣ, а Анапесшинъ
спитъ? —

Вѣдь онъ за то всю ночь сидитъ.

Не Аспрономъ — ль ужь вздумалъ онъ
учиться?

Нѣтъ! надъ экспромптами прудится.

Ивановъ.

XIX.

ЭПИГРАФИЯ.

Прохожій! не гордись, мой попирая прахъ:
Я дома — пы въ госняхъ.

Н. Н.

Охотскъ.

1815 года.

XX.

ПЛАЧЬ ПРИ ГРОБѢ МОЕГО БЛАГО-
ДѢТЕЛЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА СТРА-
ХОВА (*).

Благословляю тебя, мирное убѣжище
злополучныхъ! — благословляю васъ, без-
молвные свидѣтели сѣшующихъ здѣсь,
памятники, воздвигнутые надъ упокоивши-
мися въ сей тихой приспани! — благослов-
ляю васъ, пѣни усопшихъ! — съ вами
хочу бесѣдовать я; — вамъ хочу ввѣ-
ришь мои чувствованія! Здѣсь, вдали отъ
людей — людейжестокихъ, болѣе
склонныхъ ко злу, нежели добру; здѣсь,
среди вѣчнаго безмолвія, въ таинствен-
ной темнотѣ ночи, при слабомъ
сіяніи блѣдной луны, помно освѣщаю-
щей ваши мавзолеи, надъ прахомъ благо-

(*) Пётръ Ивановичъ Спраховъ, бывшій Спап-
скій Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ
при Императорскомъ Московскомъ Универси-
тетѣ. Мы помѣщаемъ здѣсь сію пѣсню изъ
особеннаго уваженія къ почтенной памяти
покойнаго, и для ободренія молодого сочи-
нителя. Университетскіе питомцы всегда
опличались благородными чувствами при-
знательности къ своимъ наставникамъ.

дѣшеля моего хочу скорбѣшь и пла-
кашь! —

Ахъ, однѣ слезы и стенанія сущь
вѣрные сотоварищи злополучныхъ! —
Сто крапъ несчастеньшюшь, кпо уже
и ихъ лишился!

Не за шѣмъ я пришелъ сюда, чшобъ
ропшашъ на подобныхъ себѣ; — не за
шѣмъ, чшобъ сѣшовашъ на оставленную ва-
ми жизнь, — вы, щаспливцы, пропекшіе
океанъ превратностей! . . . За чѣмъ нару-
шашъ покой вашъ? Слѣды горесшей давно
истребились изъ памяти вашей! — за
чѣмъ теперь возобновляшъ оныя? . . . .
Гробы ваши потряслись бы, есльлибъ по-
знали здѣсь происходящее! . . . . Нѣшъ,
не за шѣмъ пришелъ я сюда, прискобный;
сюда завлекло меня мое несчастіе, сю-
да влечетъ меня моя благодарносшь!
здѣсь опочіетъ мой насшавникъ, мой
другъ, благодѣшель мой! — Судьба, не-
умолимая судьба, на осьмнадцашой вес-
нѣ моего возраста похишила его у ме-
ня! а съ нимъ вмѣстѣ и мое щасшіе!

Вотъ единственная цѣль моего къ вамъ посѣщенія! . . .

Миръ праху швоему, другъ человѣчества! опочивай покойно въ нѣдрахъ хладныя земли! Съ горестію приближаюсь къ тебѣ, Мужъ почтенный! съ шрепетомъ и благоговѣніемъ объемлю подножіе швоего памятника; — прими лобзанія мои, сіи слабыя доказательства моей къ тебѣ благодарности. — Слезы мои не преша-вупъ вѣчно липсья надъ гробомъ швоимъ! шпенанія мои будутъ передавать одна ночь другой ночи. — О, естлибъ я зналъ, что онѣ могутъ возбудишь те-бя опъ сна его, естлибъ слёзы, эти го-рестныя и вмѣстѣ благодарныя слёзы, могли согрѣшь охладѣвшій прахъ швой и оживишь тебя! о, тогда излились бы онѣ вмѣстѣ съ моею жизнію! я благомъ бы почель смерть свою, естлибъ могъ возврашшь свѣшу благодѣтеля сирыхъ, — полезнѣйшаго обществу члена, — вѣр-нѣйшаго сына Монарху и Ошечеству! —

Но увѣ, спѣванія мертвыхъ не воскресяшъ!

О Благодѣтель мой! — услыши гласъ оставленнаго побою, безроднаго, безъ утѣшнаго, — подобно изсохшему листку опавшему отъ древа, возмѣшаюсь я, жертва бурей житейскихъ! Со спрасыми пылками, съ душой чувствительной и доброй (съ сими ничтожными качествами въ семь свѣтѣ) я осиротѣлъ! Ктожь удержишь меня? кто подасъ мнѣ еоувѣ въ моей неопытности? кто прикриши меня? кто облегчишь бремя золь моихъ? Не спало тебѣ, Благодѣтель мой!... и я, одинъ съ душою унылою прихожу оплакивать не посѣщаемую родственниками могилу твою. Думалъ ли я, такъ рано, на зарѣ еще дней моихъ познашь грусть сиротства, такъ скоро спешашъ надъ прахомъ твоимъ! Боже мой, на то ли ты далъ мнѣ познашь радость, чпобъ чрезъ оную я позналъ болѣе грусти! Ахъ, что ужасно! Въ щасливыхъ дняхъ моей

молодости, руководимый побою, я въ шебѣ имѣлъ отца, брата, друга, наспаника: — все мое родное, все драгоценное! Подъ кровомъ швоей благоспи жизнь моя была подобна ручейку, шико капающему спруи свои подъ сѣнію древесныхъ вѣшвей; — никакая буря не могла возмушшь его. — Никакая грусь не могла упомлять души моей! . . . . Мирно и шасжливо шekli дни мои! . . . Увы! гдѣжъ сіи пріятныя, очаровашельныя минушы моей жизни? — мгновено сокрылись! — И скука, единспвенная подруга нещаспныхъ, неразлучно со мною пребываетъ!

Неисшовый врагъ, поколебавшій спойспвіе любезнѣйшаго Опечешва — принудиль насъ оставишь мирное жилище наше. — И мы удалились сюда (*). Ахъ! думаль ли ты, Мужъ почтеннѣй-

---

(*) Въ Нижній - Новгородъ.

шій, оснавяля милую родину свою, остав-
ляя друзей и товарищей, здѣсь, въ краю
чуждомъ, въ странѣ дальней обрѣсти
вѣчное, шикое себѣ жилище! —

Боже! судьбы швой несповѣдимы!...
Опечесство призывало вѣрныхъ сыновъ
своихъ; — и ты, Мужъ доблесный, —
пылающій всегда ревностною любовію и
вѣрностію къ Добродѣтельнѣйшему изъ
Монаховъ и Опечесству, благословилъ
меня на поле ратное. —

Увы! могъ ли я предсавить себѣ,
когда спѣшилъ исполнить священной
долгъ г р а ж д а н и н а? когда, проща-
ясь со мною, ты не однократно прижималъ
меня къ своему опеческому сердцу, могъ
ли я думать, что оно бѣется для меня въ
послѣдній разъ! — Нещасный! я не во-
ображалъ, что эшошъ мигъ запечашлѣлъ
нашу разлуку, разлуку вѣчную, невоз-
вращимую! я не думалъ, что эшошъ мигъ
былъ послѣднимъ для моего щасія!

Книж. X и XI.

Л

Почто же Смерть, сія жестокая истребительница не соединила меня съ побою памь, гдѣ неисповая рука ея ежеминутно сражала тысячи? — Не однократно была она надъ главою моею, и допустила несчастнѣйшему пережить дни его благодушья; — не уже ли для того, чтобы я понесъ все бремя золь сей жизни! —

Боже! я съ кротостію покоряюсь жребію моему. — Буди воля Твоя!

Едва челнокъ жизни моей началъ свое плаваніе; — едва новому моему взору открылся океанъ преволненной человѣческой жизни; , едва тысячи прелеснѣйшихъ картинъ представились моему воображенію; — едва польспила мнѣ надежда, быть полезнымъ себѣ и другимъ, когда исполню опеческія твои наставленія; — едва только щастіе блеснуло для меня, какъ алчная смерть преврашила драгоценные дни твои, — и все мгновенно сокрылось! —

И гдѣ ужасная вѣсть сія постигла злощастнаго? — Въ странѣ далекой, въ странѣ мадо миѣ извѣстной, на попрощѣ, въ которомъ полезнѣйшія твои наставленія, для меня были болѣе необходимы (*). Меня уведомили сначала о твоей болѣзни. Находясь среди священныхъ Мѣстъ, влекомый сердечнымъ желаніемъ, я спѣшилъ принести моленіе души моей о здравіи твоёмъ. Я припекъ во святынище неплѣнныхъ останковъ Мужей праведныхъ (**); я повергаюсь предъ гробами Очыхъ, умоляю Превѣчнаго, спаси дни моего благодѣтеля, молю! . . . . молю о здравіи тогда, какъ уже не было тебя на свѣтѣ (***)). — О благодѣтель мой! какой еще ударъ можетъ быть жесто-

---

(*) Въ Кіевѣ.

(**) Въ пещеры, гдѣ обрѣтаются мощи Св. Угодниковъ.

(***) На другой день я узналъ о смерти П. И.

чае для сердца? — Гдѣ прежде и слѣда го-
 рести для него не было, тамъ вдругъ съ
 смертію своею — и скорбь, и бѣдность,
 и опчаяніе! — такъ! рано опягошѣла
 надо мною иснышующая рука Промысла
 непоспимаго, надо мною, беспомощ-
 нымъ, опдаленнымъ отъ родшвенни-
 ковъ, отъ друзей своихъ . . . рано я
 я испилъ полную чашу горестей! . . . и
 никто не ушѣшалъ меня, никто не хо-
 тѣлъ видѣть слезъ моихъ; никто не хо-
 тѣлъ слышать вздоховъ несчастнаго. —
 И я одинъ, одинъ съ печалію, съ распер-
 занымъ сердцемъ проводилъ дни среди
 скуки и унынія! — Твой нишонецъ, я
 не былъ свидѣтелемъ блаженной кончины
 своей! — Благодарень мой! — почему
 свирѣпая судьба не допустила меня при-
 нявъ послѣдній вздохъ свой? — почему
 я не могъ получить послѣдняго поцѣлуя
 съ охладѣвающихся устъ своихъ! — И
 послѣдняя слеза своя, выкапавшаяся изъ
 померкшихъ навѣки очей своихъ, пала
 на хладную землю, не будучи оперта

мною! — и я не имѣлъ удовольствія гореспнаго, и вмѣстѣ священнаго, опдашь послѣдней почести шебѣ, моему благодарю, память кошораго не истрепишся изъ сердца моего до послѣдняго вздохамоей жизни! Увы! и мои благословенія, слезы и моленія не напушпвовали шебя въ мѣръ лучшей! . . .

Но я клянусь надъ прахомъ швоимъ, клянусь Богомъ, кошораго шы научиль познавашь меня, я клянусь, и скорбѣшь о шебѣ вѣчно! И еспьли, шамъ, за гробомъ слышатъ насъ души намъ любезныя; шы зришь мои слезы, зришь мою благодарность, — зришь, съ какимъ благоговѣнїемъ я повергаюсь предъ подножіе памятника швоего; съ какимъ неописаннымъ чувспвомъ лобзаю шу землю, кошорая скрываетъ неоцѣненные оспашки швои! . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

И такъ, ты здѣсь покоишься, благоговорительный Спраховъ! . . . здѣсь, подь этой хладной землею, подь этимъ бездушнымъ камнемъ . . . . Гдѣжь та привлекащельная сановитость, та милая пріятность, написанная на благородномъ челѣ твоемъ, — та крошость, которая изображалась въ свѣплыхъ взорахъ твоихъ? . . . Гдѣ шѣ велерѣчивыя уста, которыя споль усладительно проповѣдывали истину и чудеса природы? — Не ужели все на вѣки исчезло? — не ужели человекъ послѣ жизни, которая была споль обильно усѣянна цвѣтами добродѣтели, долженъ преобращишься въ ничтожество? Нѣшъ! . . . нѣшъ! . . . ты не умеръ, другъ человечества! — ты живешь въ сердцахъ, тобою облагодѣтельствованныхъ. — Одинъ тошъ умираешъ навѣки, кто жилъ въ семь мѣрѣ для себя! — но ты будешъ живъ въ памяти тобою жившихъ! — Смерть есть успокоеніе спраснямъ нашимъ и желаніямъ. Она есть пробужденіе ошъ сна печальнаго, или пріятнаго. Истинная жизнь

памъ , за предѣлами гроба. — И ты , наслаждаясь памъ оною , будешь наслаждашься возпоминаніемъ пѣхъ благъ , котороря шворилъ въ сей жизни ! —

Кто знавшій тебя въ семь мѣрѣ , знавшій душу швою , придетъ сюда , увидишь гробъ швой , — и не ороситъ его слезами ! . . . .

Не одинъ я поперялъ въ тебѣ наставника и покровителя ! — Кто отходилъ отъ жилища швоего , не получивъ желаемого ? какой сынъ , оставленный сиротою , не обрѣлъ въ тебѣ попечительнаго отца ? — Кто , лишенный брата или друга , въ швоихъ милостяхъ не возвратилъ его обратно ? Старецъ , угнѣщенный дребноспію , шмящійся подъ игомъ золь находилъ въ тебѣ всегда покровъ и ушѣшеніе ! — Тысячи благословляли тебя ! тысячи молились о имени швоемъ ! — и тысячи лѣютъ слезы о тебѣ ! - - Самое Опечество состраждетъ о преждевременной потерѣ столь достойнаго сына своего ! —

Какъ сладко , какъ утѣшительно
быть благошворителемъ сирыхъ ! имя
благодѣтеля и по смерти его любезно !

О Боже ! Ты, покаравшій меня, прими
моленіе души моей, низпосли опраду и утѣ-
шеніе преселившемуся въ горнія селенія
Твоя. — На лонѣ праведныхъ Твоихъ
даждь ему жизнь вѣчную ! . . . . Про-
спи , благошворитель мой ! — въ по-
слѣдній разъ повергаюсь предъ подножіе
гроба швоего, послѣдній разъ лобзаю, хлад-
ную могилу швою. — Въ послѣдній разъ
слезы благодарности проливаю надъ пра-
хомъ швоимъ (*). Увы, можешь быть, скоро

(*) Прощаніе сіе точно было послѣднее , ибо
на другой день я оставилъ Нижній — Нов-
городъ.

и я преселюсь къ тебѣ! — прости до
радоснаго ушра!

Опочивай съ миромъ, наславникъ и
покровищель сирыхъ! — (*).

Д. Рдль.

Отъ Издателя.

Прекращая издание Амфіона нынѣш-
нимъ годомъ, намѣренъ я возобновить
немедленно Публичныя Чтенія свои о Сло-
весности, начатыя мною въ 1812 году,
и прерванныя несчастнымъ вѣпорженіемъ
въ Москву непріятели. Лестные отзывы
многихъ почтеннѣйшихъ Особъ о прошед-
шихъ Чтеніяхъ, и ободрительное желаніе,

(*) Какъ жаль, что кромѣ сихъ строкъ, на-
писанныхъ мною карандашомъ на гробъ сего
почтеннаго Мужа, другія не украшаютъ
оного! Сочин.

чтобъ я продолжалъ ихъ, принуждаютъ меня остающееся время отъ службы, посвящать на сіе дѣло. Порядокъ и образъ Чтеній будетъ попрежнему, какъ и прежде. Повторивъ сокращенно общія правила о Краснорѣчіи и Поэзіи, займусь я изложеніемъ правилъ различныхъ родовъ сочиненій; также чтеніемъ и разборомъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ Писателей. — Для сего назначенъ одинъ день въ недѣлю, суббота. — Засѣданія открываются въ 1 часу по полудни, въ домѣ Ея Превосходительства, Аграфены Федоровны Кокошкиной, бывшемъ прежде Графа Мамонова, противъ церкви Бориса и Глеба. — Полной курсъ Чтеній продолжится до Іюня мѣсяца. Если скоро соберется достаточное число Слушателей, то я могу начать его въ теченіи сего же мѣсяца. Цѣна билета за 24 чтенія, или полной курсъ полагается 50 рублей.

Смѣю ласкаться себя надеждою, что почтеннѣйшіе Любители и Любительницы

Россійской Словесности удостояяъ меня и нынѣ благосклоннаго Своего посѣщенія; при семъ всепокорнѣйше прошу поскорѣе увѣдомить меня о своемъ желаніи, дабы я немедленно, судя по числу Слушателей, могъ взять нужныя мѣры, какъ въ разсужденіи залы, такъ и въ предуготовительномъ разположеніи работъ своихъ. Упопроблю все мои силы, дабы заслужить благосклонное вниманіе почтеннѣйшей Публики, и особенно, бытъ полезнымъ молодымъ охотникамъ до Словесности, которыхъ, или должность, или другія занятія отвлекають отъ слушанія Лекцій Университетскихъ. — Зная, что я говоришь долженъ предъ Слушателями, изкушенными уже въ главнѣйшихъ началахъ науки и вкуса, постараюсь, чтобы мои Чтенія, сколько можно, болѣе чужды были сухости обыкновенныхъ Лекцій, впрочемъ иногда необходимой. — Сообразно существу преподаваемаго мною искусства, первое попеченіе

мое будущее — соединишь, по силамъ своимъ пріятное съ полезнымъ.

*Императорскаго Московскаго
Университета Профессоръ
Алексѣй Мерзляковъ.*

Конецъ X и XI книжки.

На стран. 160 й въ стихѣ 9 мѣ ошибкою напечатано: *согласна я*, рекла и пр. должно читать *согласенъ я*, рекла и пр.

64574

А М Ф І О Н Ъ.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
ДЕКАБРЬ.  
~~~~~

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1815.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
опечатаніи, до выпуска въ продажу, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ,
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго
Комитета, другой для Департамента Мини-
стерства просвѣщенія, два экземпляра для
Императорской публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ. Января
21 дня 1816 года. *П. О. Профессоръ и Ка-
валеръ Иванъ Девеубскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
I. Цицеронъ. (Окончаніе) -	1
II. Аукціонъ, или секшы Фило- софовъ. - - - -	37
III. Разговоръ о пупешесвіи.	64
IV. Нѣчто о чудесномъ. -	76
V. Сравненіе Ариспида съ Ка- пономъ Ушическимъ. -	83
VI. Посланіе о стихотворствѣ. (Окончаніе) - - -	103
VII. Двѣ Оды Горація. - -	120
VIII. Новый годъ. - - -	123

I.

Ц И Ц Е Р О Н Ъ.

(Окончаніе.)

Цицеронъ въ превосходномъ практическомъ своемъ *о естествоѣ боговѣ*, кажется, предположилъ особенно доказашъ и оправдашъ Провидѣніе. Сперва предспавляетъ онъ Епикурейца, на Провидѣніе воспіающаго, пошомъ догмашы, по видимому, принадлежащіе особенно учипелю сей школы: ибо извѣстно, что, разсуждая объ атомахъ, онъ принялъ все ученіе Демокрипа, хотя и весьма дурно опзывался объ немъ въ своихъ книгахъ. Цицеронъ замѣчаетъ здѣсь со спороны Епикура неблагодарность; это, по моему мнѣнію, походитъ болѣе на нѣкоторую хипросіть шщеславія Епикурова, который спарался унизишъ того, у кого заимспвовалъ физическое ученіе свое, дабы заспавилъ думашъ, что ничего нѣшъ хорошаго въ семъ ученіи, кромѣ собспвенныхъ его, или сходныхъ съ его мнѣніями, предположеній.

Книж. XII.

▲

По справедливости сіе ученіе было очень маловажно, и атомы, какъ Демокришовы, такъ и Епикуровы, не заслуживали того, чтобы объ нихъ спорили. Тщетно Лукрецій спарался придашь имъ важности стихами своими: ибо ничто не препятствуетъ облакашь заблужденія споль же стихотворно, какъ и испину, также убиратьъ безобразіе, какъ и самую красоту. Цицеронъ, который, можетъ бышь, потому, что нападаеть на Епикура, говоритъ прямо, что вся *Епикурова Философія была вообще презираема просвѣщенными людьми*. „Не понимаю (прибавляеть онъ ксташи въ семь случаѣ), почему не „было ни одного безразсуднаго мнѣнія, ко- „его бы не выдавали и не защищали Фило- „софы.“ Епикуръ не былъ исключень изъ сего числа, и его боги явились еще болѣе смѣшными, нежели его міръ атомовъ: ибо, при всѣхъ доводахъ, мы не имѣемъ никакого понятія о томъ, какимъ образомъ сотворень міръ сей; но Метафизика, раздробляющая прослыныя понятія здраваго разума, еще со временъ Епику-

ра открыла свойства, необходимо заключающіяся въ понятіи о Божествѣ. Все заставляетъ смѣяться надъ лѣтъ жалкимъ пріятнымъ досугомъ и сладостною безопасностію, коими Эпикуръ надѣляетъ боговъ своихъ, не принимающихъ ни въ чемъ участія для того, чтобы не упомляясь, не оскорбляющихся ничѣмъ для того, чтобы не имѣть печалей, не заботящихся ни о чѣмъ для того, чтобы не возмущать сего совершеннаго спокойствія, которое Эпикуръ долженъ былъ приписывать богамъ своимъ, также какъ и мудрецу своему. — И Эпикуръ рассуждалъ основательно! Вы согласитесь, что Стоикъ Бальбусъ, котораго Цицеронъ пропировопоставляетъ Эпикурейцу, много выигрываетъ отъ такихъ глупостей: ибо естли Стоики безумно хотѣли сдѣлать мудреца своего какимъ-то богомъ, то съ другой стороны они имѣли о божествѣ священнѣйшія понятія; и Бальбусъ очень смѣется надъ Эпикурейцомъ, который, не примѣчая никакого различія между божественною и чело-

вѣческой природою, увѣреннымъ кажется въ помя, будто дѣла Бога подобны трудамъ чловѣка, будто Богъ равно не зиждетъ безъ орудій и средствъ, какъ и чловѣкъ, будто Богъ не можетъ бдѣть надъ швореніемъ Своимъ безъ собственнаго безпокойства, не можетъ наказывать, не будучи огорченнымъ, хотя и земные судіи наказываютъ злодѣйство безъ смущенія и гнѣва.

Здѣсь должно опдаться справедливости древнимъ. Сіе богословіе Епикурово, возобновленное и въ наши времена съ шѣми же доводами и почти шѣми же выраженіями (*), было у нихъ въ столь общемъ поруганіи, что наконецъ одинъ изъ учениковъ Епикуровыхъ, дабы предохранить память своего учителя отъ пошлкихъ посмѣяній, рѣшился — какъ повѣренный покойника — обнародовать, что Епикуръ никогда не вѣрилъ существованію Божества, что, единственно для

(*) Особенно въ книгѣ Дидроша: *Code de la nature*.

прикрытія своего безбожія, и для избѣжанія бдишельности законовъ, прибѣгнуль онъ къ сему нелѣпному ученію, которое, не отвергая явно Божества, по крайней мѣрѣ допускало нѣкое ненависное божество, существующее безъ всякой цѣли, праздное, презрительное, заставляющее отъ себя отвращаться.

Между прочими глупостями, Епикуръ утверждалъ, что боги необходимо должны имѣть человѣческую наружность: ибо имъ прилична только прекраснѣйшая изъ всѣхъ наружностей, а нѣтъ другой наружности прекраснѣе человѣческой. Пропитное ему разговаривающее лице опровергаетъ его здѣсь съ особеннымъ остроуміемъ; съ другой стороны дѣшская важность, съ какою Епикурецъ выхваляетъ шолки своей секшы, и которая весьма походитъ на важность нынѣшнихъ материалистовъ, кажется еще смѣшнѣе. Съ какою благородною гордостію хвалятся онъ просвѣщеніемъ, разлишымъ отъ Епикура, и великими его заслугами, оказанными ро-

ду человѣческому! Кажется, слышишь одного изъ нынѣшнихъ Профессоровъ! „Вы поспавили надъ главами нашими (говорить онъ) вѣчнаго деспота, котораго бояться должно повсечасно. Кто бы не успрашился Бога, бдящаго надъ всѣмъ, промышляющаго о всемъ, однимъ словомъ, Бога, всегда дѣйствующаго? Епикуръ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ таковыхъ спраховъ, какъ и боговъ освобождаетъ онъ отъ всѣхъ безпокойствъ. Онъ возвращаетъ вамъ свободу, окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ какимъ существомъ, которое никому неспособно причинять ни малѣйшаго огорченія, ниже само огорчаться. *Бошь и сп и н н о е* понятіе, каковое должно имѣть о превосходной и совершенной природѣ! *вошь самое честное и святое почтеніе*, каковое должно Божеству оказывать!“

Одна изъ трудностей, которую пропивонолагаетъ онъ созданію міра, и которая весьма громко повпоряема была въ наше время, состоитъ въ слѣдующемъ

вопросъ: „что дѣлалъ Богъ до сотворенія міра, и почему разсудилъ сотворить міръ въ одно время, а не въ другое? Ибо не лзя вообразить о Богѣ, что Онъ, посреди вѣчнаго Своего спокойствія, началъ производить толикое множество вещей, не шворивъ споль долгое время. И для кого все сіе создано? Для человѣка. Но большая часть людей состоить изъ глупцовъ, и слѣдовательно Богъ, Который не восхопѣлъ бы шворить для глупыхъ, шворилъ шолько для весьма малаго числа!“

Поелику сіе возраженіе было спо разъ опровергаемо въ наши времена, а здѣсь не мѣсто углубляться въ метафизическія умозрѣнія, шо я замѣчу одно. Скучно и спранно слышатъ безуміе гордоспи человѣческой, взывающей къ Творцу міра: я никогда не могу понять, какимъ образомъ создалъ Ты все видимое; по крайней мѣрѣ не знаю, почему не создалъ Ты онаго ранѣе, и что дѣлалъ Ты прежде; я не могу вѣрить, чтобы Ты когда-нибудь не дѣлалъ ничего, по крайней мѣрѣ, чтобы Ты не далъ мнѣ опчета въ Своей вѣчности!

Цицеронъ слегка касается ничтожныхъ клеветъ нашихъ Едикурейцовъ, но говоритъ съ особливою важностію и строгостию о пагубныхъ слѣдствіяхъ сихъ безбожныхъ системъ, клонящихся единственно къ разрушенію основы общественныхъ постановленій, и сверхъ того онъ поступаетъ такъ, какъ поступали всѣ благоразумные, честные люди со времени Цицерона до нашихъ дней. Вы увѣрены, что онъ весьма краснорѣчивъ въ описаніи красотъ, богатствъ и гармоніи физическаго міра; это такое мѣсто, въ которомъ, мнѣ кажется, показалъ онъ особенное искусство и обширность ума своего, и которое обрабатывалъ съ большимъ удовольствіемъ. Надобно имѣть столько же познаній и искусства, чтобы переложить на свой языкъ сіе отличное мѣсто въ Латинскомъ краснорѣчїи (*), и я долженъ отка-

---

(*) См. 2 ю книгу de natura deorum § 39 и слѣд; Ac principio terra universa и проч. Цицеронъ никогда ничего не писалъ краснорѣчивѣе.

вать себя въ удовольствіи, которое могъ бы почерпнуть изъ того, естлибы множество предметовъ не увлекало меня дальѣ, и по необходимости не заключало въ шѣсныя предѣлы.

Цицеронъ слѣдовалъ всегда вѣрно методѣ Академической, говоритъ pro и contra. Послѣ того, какъ Бальбусъ сдѣлалъ напередъ легкое нападеніе на Епикурово ученіе, онъ прошивопоставляетъ защитнику Провидѣнія, Академика Кошшу, который вслупаешъ въ суровый бой, и весьма сильно изъясняетъ трудности, касательно нравственнаго зла, трудности столь существенныя, что одно Откровеніе могло разрѣшить ихъ. Но Цицеронъ, зная и чувствуя, что самыя не разрѣшимыя трудности не могутъ вредить положительнымъ началамъ, одобряемымъ по необходимости разумомъ, и что изъ сихъ трудностей ничего не слѣдуетъ, ежели въ подобныхъ случаяхъ мы не умѣемъ ни на что данъ отвѣта; Цицеронъ, будучи увѣренъ, что понятіе о Провидѣніи

въ самомъ себѣ сполько неразлучно съ понятіемъ о Божествѣ, что одно безъ другаго не можетъ существовать, и что оба сіи понятія споль же доказаны, какъ и необходимы; что, еслии доказательства не разрушаютъ всѣхъ возраженій, по возраженіями еще менѣе разрушающя упробленные доводы, — Цицеронъ оканчиваетъ съ своей спороны въ пользу Бальбуса, коего мнѣніе, казалось ему, болѣе подходило къ правдоподобію (чѣмъ обыкновенно довольствовались Академисты), и коего заключенія, какъ видѣли вы прежде; по справедливости заслуживали вѣроятіе.

Онъ написалъ весьма важное сочиненіе въ шести книгахъ, въ томъ же родѣ и подъ тѣмъ же названіемъ, какъ и Платоново, сочиненіе о *Республикѣ*. Оно для насъ потеряно; за симъ Цицеронъ издалъ другое о *законахъ*, которое дошло до насъ весьма неполное. Частію, оставшаяся намъ, содержишь въ себѣ половину нравственныхъ и до религіи касающихся, и половину политическихъ разсужденій:

Продобно Платону, Аристошелю и всѣмъ древнимъ, Цицеронъ полагаетъ величайшую важность въ религіи и Богопочитаніи, которое занимаетъ весьма обширное мѣсто въ трехъ оставшихся намъ книгахъ сочиненія его о законахъ. Онъ самъ опъ себя говоритъ съ Квинтомъ, братомъ своимъ, и Апшикомъ, другомъ своимъ, кои внимають ему безпрекословно. Изъ сего сочиненія видно, какая основа была того, котораго было оно слѣдствіемъ; видно, что его планъ правленія основывался на власти народа, управляемаго *рѣшеніемъ* Сената, и въ семъ словѣ *рѣшеніе* (*auctoritas*) заключалось на Латинскомъ языкѣ обыкновенно высокое понятіе умственной власти, отличной отъ власти народа, которая была только могуществомъ силы. Всѣ искусные Латинисты признали различіе между словами *potestas* и *auctoritas*, изъ коихъ первое употребляется безъ разбора въ хорошую и въ худую сторону, а другое произносится только въ похвалу, и всегда возбуждаетъ чувствено почини-

тельности. Для сего-то Римляне говорили во всѣхъ производсвахъ дѣлъ: *Senatus populusque Romanus*, полагая Сенатъ всегда на первомъ мѣспѣ. Равнымъ образомъ именемъ *гражданъ* называли они только тѣхъ, кои пользовались правами граждансва, которое пребовало многихъ условій, и долгое время было весьма ограничено. Не менѣе того, они были спруги къ званію воина, и поручали защиту опечесства только тѣмъ, коихъ личноссть ручалась въ любви ихъ къ общесвенному благу. Посему нужно было имѣть извѣстные доходы, чшобы служить оружіемъ, особливо надлежало бытъ свободнымъ. Марій, вооруживъ невольниковъ, чего никогда не случалось въ Римѣ при величайшихъ опасносняхъ, возбудилъ новое, чрезвычайное негодованіе. Въ послѣдствіи времени законы *народные* распространили до излишесства право граждансва, хотя оное никогда не содѣлывалось всеобщимъ. Одни Римскіе граждане могли только подавать голоса въ шеченіи шести еомъ лѣшъ, и когда до-

пущены были къ тому Испаліянскіе народы во время Маріевыхъ браней, погда Республика со всѣхъ споронъ клонилась къ паденію. И такъ не удивительно, ежели Цицеронъ въ политическихъ и философскихъ книгахъ своихъ оказываетъ сильное презрѣніе къ черни: шакovy были правила Римскаго Чиначалія, о кошоромъ долженъ я здѣсь рассказывать, а не судить. Извѣстно, что подобныя изслѣдованія были бы шѣмъ болѣе оскорбительны, что ихъ не лзя рѣшить посредствомъ однѣхъ умствованій, и напрасно было бы перяшь слова и время.

Цицеронъ особенно и весьма краснорѣчиво распространяется объ естѣственной правотѣ, какъ о руководительницѣ всѣхъ законовъ, производя оную отъ правоты Божественной, кошорую полагаетъ единственнѣмъ основаніемъ правоты человѣческой. Вотъ собственныя слова его: „Первымъ основаніемъ всѣхъ правъ должна быть сія всеобщая увѣренность, что

боги суть виновники и распорядители
всѣхъ дѣлъ; всякое управленіе подчинено
могуществу ихъ и провидѣнію; они суть
благодѣтели рода человѣческаго; они въ-
дають, что значить каждое нераздѣли-
мое въ самомъ себѣ, какъ дѣйствуетъ оно,
къ чему спремишься, съ какимъ располо-
женіемъ и благочеспіемъ исполняешь обще-
спвенное служеніе; они полагають раз-
личіе между добрыми людьми и злыми.
Сими-то чувствованіями должны проник-
нушы быть всѣ сердца, желающія уразу-
мѣть благо и истину.“

Ежели Цицеронъ споль высоко цѣ-
нитъ религію, то посему опнюдь не
можно порицать его въ какомъ либо суе-
вѣрїи и легкомысліи. Онъ былъ весьма
далекъ того и другаго. Если бы честь
его и не была ограждена въ семь отно-
шенїи, то для увѣренности довольно про-
читашь его шракташь о *гаданїи*. Тамъ
обозрѣлъ онъ всѣ роды обольщенїй, всѣ
чудеса, предзнаменованія, Сивилльскія
пророчества, и ц. п. Никогда разумъ не

соединялъ такой спростости съ такою
 веселостію. Онъ не щадилъ ничего, и
 изъясняетъ естественными причинами
 событія, освященныя временемъ, который
 братъ его, Квинтъ, весьма приспраспный
 къ гаданіямъ, выдаетъ предъ нимъ за
 чудесныя, хотя оныя по наружности поль-
 ко кажутся таковыми. Цицеронъ, между
 прочими споль же справедливыми, какъ и
 остроумными доводами, отвѣчаетъ ему
 такъ: Я совершенно увѣренъ, что гадатели
 не могутъ быть сполько несчастливы,
 чтобы какая либо вещь, ими предсказанная,
 не случилась: ибо предсказываютъ они на
 всякой случай. Въ заключеніи всего сочи-
 ненія онъ говоритъ, что благоразумный
 человекъ долженъ уважать религію и пре-
 зираетъ суевѣріе. Цицеронъ сдѣланъ авгу-
 ромъ, и вопрошенъ былъ братомъ сво-
 имъ: такъ ли будешь онъ говорить въ
 Сенатѣ, или предъ народомъ, какъ гово-
 ритъ въ саду своемъ между братомъ и
 другомъ о гаданіяхъ, относящихся къ об-
 щественному Богослуженію, каковы на
 прим. суть предзнаменованія и очищенія?

Онъ отвѣчалъ весьма благоразумно: всякая полипическая свѣшья, законами постановленная, не имѣеть ничего общаго съ Философією; и гражданинъ, какъ чловѣкъ общественный, долженъ тогда почитать за общественное устройство все, что ни введено законами въ общественный порядокъ: ибо презрѣніе законовъ всегда бываетъ худымъ примѣромъ и пресупленіемъ; но общественный языкъ авгура не принуждаетъ ни къ какому вѣрованію разумъ Философа, шакъ какъ гражданинъ не обязанъ почитать лучшими всѣмъ нѣ узаконенія, коимъ однакожь долженъ повиноваться. Таковое раздѣленіе весьма основательно, и язычникъ не могъ дать лучшаго отвѣта. Вообще о семъ предметѣ, кощорый, кажется, изчерпанъ былъ Цицерономъ, новѣйшіе Писатели, наиболѣе смѣявшіеся надъ суевѣріемъ, могли только повтораь не-общественныя мысли.

Изъ всѣхъ древнихъ книгъ, писанныхъ о нравственности, не знаю, какую

лучше можно доставить юношесству, как не практическую о должностях (*). Цицерона. Все в его сочинении состоит из сравнения и слияния честного с полезным; каковое сравнение для общественного человека по справедливости служит искушением цѣлой его жизни и камнем пробным его добродѣтели. Цицеронъ чуждается понукостей спойковъ, но допускаетъ начала ихъ вообще, полезныя въ семъ отношеніи; онъ отвергаетъ въ сихъ началахъ излишества, и догматамъ ихъ всегда сухимъ, хотя и справедливымъ, сообщаетъ привлекательное и убедительное краснорѣчіе. Безъ многословія упоминательнаго входитъ онъ во всѣ подробности житейскихъ обязанностей, да-

---

(*) Книгу сію читаютъ ученикамъ во всѣхъ домахъ общественного воспитанія: но, какъ извѣстно мнѣ, исключительно занимающія только ея слогомъ, обращая мало вниманія на мысли, копорыя впрочемъ не превышаютъ способностей дѣтскаго возраста, и могутъ служить сѣменами честности и добродѣтели. Лагарпъ.

еще особенною важность существующей связи между обязанностями строгаго правосудія и благопристойности, связи гораздо высшей и почтительней, нежели какъ вообще думаютъ. Съ прискорбіемъ и какъбы стыдясь, признается онъ, что древніе были строже, и следовательно, благоразумнѣе насъ въ семъ важномъ пунктѣ, чувствуя всю великость нравственнаго общественнаго закона, обязывающаго уважать самаго себя въ отношеніи къ другимъ, и уважать другихъ въ сравненіи съ самимъ собою, въ словахъ и во всѣхъ наружныхъ поступкахъ, коихъ судьями и свидѣтелями бывають люди, тогда какъ единъ Богъ судитъ внутреннія чувствованія. Исторія Римскаго цензорства, поколику общественныя нравы поддерживали оное, и поколику оно само ихъ поддерживало, представляетъ столь блистательныя примѣры соблюденія сего закона, что не нужно здѣсь повторять ихъ. Неблагопристойность и поврежденіе въ послѣдствіи времени находили свое оправданіе въ ученіи Ци-

ническомъ, что и не удивительно: самое имя Циниковъ (*) доказывало безстыдство; но прискорбнѣ того было слышать, какимъ образомъ грубость и соблазнъ обрѣшали пскровительство въ Порникъ, но крайней мѣрѣ на словахъ. Это было слѣдствіемъ тѣхъ всеобщихъ положеній, худо понимаемыхъ, которыя служатъ злоупотребленіемъ Метафизики, не кспати приспособляемой. Метафизика превращается въ глупость, какъ скоро основывается на однихъ умственныхъ вещахъ, такъ какъ всякая вещь не на своемъ мѣстѣ дѣлается дурною. Вошь горшее заблужденіе философское, во все времена опасное! — Оно у древнихъ почти не проспирало важности своей далѣе школы, и иногда служило примѣромъ глупостей и пороковъ, а въ наши времена произвело ужасные соблазны и общественыя зло-

(*) Циникъ происходитъ отъ Греческаго слова, означающаго собаку. Такъ называли послѣдователей сей школы; ибо они имѣли правиломъ бранишь всехъ людей, и безстыдно позволяшь себѣ всякую непристойность.

J

В 2

дѣйства: — успѣхъ горестный, но весьма естественный, пошому что безуміе послѣдовашелей всегда проспирается даље образцовъ, и пошому что излишество подражанія соспавляетъ характеръ или нашей пылкости, или нашего тщеславія.

Цицеронъ, писавъ эту книгу для своего сына, обучавшагося тогда въ Аѳинахъ, предваряетъ его, чтобы въ разсужденіи сего предмета, почти совершенно циническаго, не вѣрилъ онъ ни Циникамъ, ни даже Стоикамъ, кои весьма много воспавали противъ скромности и приличія подъ предлогомъ, будто бы то, что не поспыдно въ самомъ себѣ, можно безъ стыда говорить, или дѣлать въ присутствіи другихъ. Онъ легко опровергаетъ сіе лжеумствование, почерпая свои доказательства изъ самой природы, копорой повелительные и всеобщіе уроки были первымъ начертаніемъ общественныхъ законовъ. „Послѣдуемъ природѣ (заключаетъ Цицеронъ), и будемъ избѣгать всего, что оскорбляетъ слухъ и взоръ.“

Никто изъ древнихъ лучше Цицерона не понималъ и не раскрылъ согласія правилъ разума съ правилами общественнаго порядка. Онъ, пользуясь споль сильнѣйшимъ средствомъ, оправдываетъ и ложное понятіе, и даже ложное названіе *полезнаго*, которое обыкновенно каждый приписываетъ собственной частной выгодѣ. Цицеронъ ясно доказываетъ, что вещь, клонящаяся къ разрушенію устройства общественнаго міра, коего мы бываемъ членами, не можетъ по истинѣ быть намъ *полезною*. Оую теорію, указанную Платономъ, споль сильно и ясно присвоилъ Цицеронъ, что можно ему приписать ее. И такъ ему болѣе, нежели кому-нибудь, обязаны мы симъ спорымъ основаніемъ нравственности; подобно Платону, Цицеронъ соединилъ его съ первымъ, т. е. съ закономъ божественнымъ: но Платонъ хорошо понималъ только сей первый законъ, а другой успѣлъ едва замѣшить. Здѣсь предарю я нѣкоторыхъ людей, коихъ вскорѣ буду оспаривать, и кои до щого

превозносятъ Сенеку, что спановяшся презрипелями Цицерона, предварю въ томъ, что, опносипельно намфреній ишпнно философскихъ, всѣ правила Цицероновы имѣють совсѣмъ другую важность и проспранство, нежели всѣ сентенціи Сенеки. Въ такомъ случаѣ Цицеронъ обладаетъ уже величайшимъ преимущесствомъ:—но сколько имѣетъ онъ другихъ! Онѣи способъ, освящаютъ правому, и лишаютъ довѣрія частную выгоду, сколько превышаетъ во всѣхъ отношеніяхъ ш о ѳ к ш и и гиперболы спощескія, составляющія всю основу Философіи Сенекиной!

Кромѣ того, никогда Цицеронъ не предается излишнимъ умозаклученіямъ, въ коихъ также состоишь главный недостатокъ Поршика и послѣдователя оному, Сенеки. Ушвердишь, сколько должно и сколько можно, сей священнѣи законъ соблюденія общеспвеннаго порядка, Цицеронъ вопрошаетъ себя: позволено ли когда-нибудь жершвовашъ общей пользы

умѣренностію и скромностію (*)? и опшвѣчаетъ рѣшишельно: никогда. „Мудрый и добродѣтельный человѣкъ никогда не опшваживается на поспыдныя и беззаконныя дѣла; никогда, хотя бы то было для блага отечества. И почему? само отечество не хочеть шаковыхъ опш него поспупковъ. И лучшимъ еще образомъ на сей вопросъ опшвѣчать должно шакъ: Никогда не можетъ случиться споль зашруднительное общешельство, чшобы польза общешвенная зашпавила чешнаго и добродѣтельнаго человѣка сдѣлать что-нибудь поспыдное и беззаконное.“

Ежели здѣсь вспомните все, зло, причиненное словами *civisme* и *modéré*; шю легко будетъ заключить, что *революціонисты*, называвшіе себя *философами*, не подобны были *Философамъ древнимъ*,

(*) Не должно забывать, что сіи слова принимаются здѣсь во всемъ шоспіраншвѣ философскаго языка, кошорый объемлетъ все, что ни заключається въ понятіи слова.

или лучше сказать, они сполько же чужды были Философіи, какъ полишки и челоуѣколюбія.

Не нужно прибѣгать къ Цицерону для того, чшобы возгнушались ученіемъ ихъ, кои повелѣвали сыну доносить на отца своего и отца на сына, даже приводить того и другаго на казнь, не сполько за какія-нибудь худыя дѣла, но и за мысли обнаруживаемыя, или сокровенныя, явныя, или предполагаемыя. Чшобы единственно доставить вамъ удовольствіе, успокойтесь на минушу въ нѣдрахъ природы, еще напомню слова сего истиннаго Философа, который, зная хорошо полишку, никогда не прошивопологалъ оную природѣ. Онъ разсматриваетъ множество возможныхъ случаевъ, въ коихъ бы одна должность, по видимому, противорѣчила другой, входитъ во всѣ шаковыя подробности, во первыхъ потому, что излагаетъ часть нравственности, сосшоящую въ различныхъ степеняхъ долга, а во вторыхъ и потому, что

сіи наружныя прошивоположности часпо
вспрѣчаются въ кругу гражданской жи-
зни. Онъ не ограничивается случаями
шкмо общими, но предполагаетъ весь-
ма рѣдкіе, и въ примѣръ приводить свяпо-
папство, которое почиталось ужаснѣй-
шимъ злодѣяніемъ у Римлянъ. „Ежели
знаете вы, что отецъ вашъ ограбилъ
храмъ, или сдѣлалъ подкобы, для по-
хищенія общественнаго сокровища
(которое всегда сохраняемо было въ хра-
махъ); тогда должны ли вы объявить
о томъ начальству? это было бы без-
законно. Скажу болѣе: ежели отецъ
вашъ обвиненъ въ судилищѣ; то вы дол-
жны защищать его, сколько возможно. —
Какъ! не должно ли предпочитать благо
общее всему? — Безъ сомнѣнія должно;
но благо общественное прежде всего ве-
литъ исполнять природныя обязанности,
и не нарушать сыновняго долга. — Но
ежели отецъ мой хочетъ содѣлаться
пираномъ, или измѣнить опеческву; тог-
да буду ли хранить молчаніе? — Сей
только случай требуетъ изключенія. Вы

должны употребить всѣ средства, чтобы отвратить отца своего отъ преднамѣреваемаго злодѣйства. Если же онъ упорно пребываетъ въ своемъ намѣреніи; тогда благо отечества должны вы предпочесть благу отца своего.“

Цицеронъ судитъ основательно. Похищеніе общественнаго сокровища, или ограбленіе храма не могутъ низпровергнуть политическаго шѣла и общественнаго порядка; въ такомъ случаѣ законы природы должны быть предпочтительнѣе; но ежели явная гибель угрожаетъ благу общему; тогда польза общая превышаетъ всѣ обязанности, ибо всѣ онѣ велятъ сохранять общественное благо. Въ томъ достоинствѣ нравственности, столь твердое въ основаніи своемъ, что вы находите въ ней рѣшеніе всѣхъ задачъ, согласное съ шѣми правилами, по коимъ Брутъ, предавъ смертной казни обоихъ дѣшей своихъ, исполнилъ только долгъ свой.

Цицеронъ согласенъ со всѣми моралистами, но не со всѣми политиками въ

помъ, какими средствами лучше удерживать власть, средствами любви, или страха? Онъ говоритъ рѣшительно: „Любовь есть благопріятнѣйшее средство къ сохраненію власти; и нѣтъ ничего въ семь случаевъ вреднѣе страха. Никакая власть не можетъ сопротивляясь всеобщей ненависти. Навослѣдокъ (при совокупляешь онъ) извѣстно, что владычество, основанное на силѣ, обыкновенно думаетъ поддерживать себя жестокостію: такова полишика деспотовъ! Но сія полишика въ народѣ свободномъ совершенно нелѣпа.“

Онъ начерпываетъ правила денежныхъ и торговыхъ оборотовъ, коихъ изслѣдованіе шѣмъ поучительнѣе, что таковыя обороты принадлежатъ всѣмъ людямъ и всѣмъ временамъ. Онъ дѣлаетъ рѣшенія, всегда сообразныя сему правилу своему: противно природѣ вещей и людей, т. е. противно основѣ общественнаго порядка, отнимать у другаго ему принадлежащее, причиняшь ему малѣйшій ущербъ,

посредственно или непосредственно, дѣйствіемъ или опущеніемъ, вредить словомъ или умолчаніемъ. Изъ всѣхъ приводимыхъ примѣровъ извлекаемъ онъ сію великую, всеобщую и дѣятельную истину, что прямая (complete) честность должна просираваться до нѣжности радушной; или иначе: что нѣжность сія есть не что другое, какъ совершенная честность. „Родось чрезвычайно скудень, и слѣдовательно хлѣбъ тамъ весьма дорогъ. Александрійскій купецъ привозитъ туда хлѣбъ и, пользуясь нуждою, получаетъ за него, что хочеть. Но отправляясь изъ Александрии, видѣлъ онъ множество другихъ кораблей съ хлѣбомъ, гошовившихся опплыть въ Родось. Честный купецъ обязанъ ли объявить о томъ Родянамъ?“ Цицеронъ приводитъ противныя мнѣнія двухъ весьма строгихъ и просвѣщенныхъ Философовъ, кои много говорили, и *pro* и *contra*. Онъ даетъ отвѣтъ рѣшительной, основываясь на шомъ правилѣ, что покупающій долженъ все что знаетъ, что знаетъ продавецъ; иначе

торгъ не будетъ равной, каковымъ долженъ оный бытъ по правиламъ общества человѣческаго. „Въ подобномъ случаѣ умолчаніе продающаго прилично ли искреннему, прямому, правдивому человѣку? Нѣтъ! онъ не будетъ человѣкомъ честнымъ.“

Для меня всегда удивительно было, почему въ дѣлахъ торговыхъ самая прибыль не произвела мѣръ, кои служили бы лучшею, дѣйствительною похвалою честности. Я предполагаю, что купецъ, снискавши законную выгоду отъ своей торговли, ограничилъ себя прибыткомъ, составляющимъ справедливую награду его трудовъ и законное пропитаніе его семейства (на примѣръ говоряшь, что торговля доставляетъ на 100 шакую-то прибыль), и рѣшился никогда ничего не набавлять, ничего лишняго не запрашивать, не выдавать своихъ товаровъ за лучшіе, не скрывать въ нихъ недоставковъ, однимъ словомъ, продавать всегда такъ, какъ хотѣлъ бы покупать. Я полагаю точно, что сей человѣкъ, снискав-

шій однажды честное имя (которое можешь снискать немедленно), содѣляется чрезъ извѣстное время весьма богатымъ во своему состоянію, и не будешь имѣть иной заботы, кромѣ труда, удовлетворяешь толпѣ покупающихъ. Я очень знаю, что нѣкоторые хваляся положительною, одинакою цѣной на свои шовары: но что это мало для покупателя, и даже подозрительно, вскорѣ показывается опытъ. Я разумѣю совсѣмъ другое: человекъ, о которомъ говорю, долженъ быть таковымъ, чтобы можно было послать къ нему ребенка, умѣющаго сказать только должное; и чтобы можно было покупать у него съ закрытыми глазами. Я спалъ бы за него бояться одного изкушенія; правда весьма сильнаго, чтобы пріобрѣтенное и утвержденное довѣріе необратилъ онъ въ способъ обманывать, весьма прибыточный, по крайней мѣрѣ до открытія обмана; поелику прибыль рождаетъ пристрастіе къ прибыли, и удача воспламеняетъ жадность. Но въ семь случаевъ жадность еще мало бывала: ибо какъ скоро обнаружится

повсемѣстно обманъ, купецъ не продастъ ничего; никто не придетъ къ нему, какъ къ бездѣльнику. Тогда прибыль, полученная въ продолженіе извѣснаго времени, и полученная несправедливо, будетъ ли стоить того, что могъ бы онъ выторговать во весь остатокъ своей жизни?

Но вотъ слѣдуютъ задачи, совершенно съ другой стороны затруднительныя; и ихъ, по моему мнѣнію, не должно опустить. Два человѣка посреди кораблекрушенія хватаются за доску, которая спаси можетъ только одного. Кто изъ нихъ долженъ уступить другому? Цицеронъ разрѣшаетъ, что доска принадлежитъ тому, который болѣе полезенъ обществу. Но кто разсудитъ сіе? да хотя бы одинъ изъ двухъ и предпочиталъ себѣ другаго, на собственный вредъ (что значило бы уже много): по сего предпочтенія достаточно ли было бы для того, чтобы побѣдить врожденное и законное желаніе, сохранить самого себя? Цицеронъ говоритъ также: если должно

будешь двоимъ умереть съ голода, или отъ спужи, и естли они спорящъ между собою объ остающейся пищѣ или одеждѣ; то одинъ изъ сихъ двухъ, имошь, который наиболѣе нуженъ для своихъ согражданъ, имѣеть право получить хлѣбъ или одежду со вредомъ другаго. Замѣшьте, что дѣло идеть о двухъ человекѣхъ, равныхъ во всемъ прочемъ: ибо примѣры Цицерона не похожи на тѣ, кои часно представляють Испорія, какъ то: ежели воины дѣлають подобное пожертвованіе для спасенія своего вождя, или подданные для спасенія своего Государя. Припомъ случаи, Цицерономъ приводимые, бывають въ крайней физической нуждѣ, когда человекъ слѣдуеть одному махимальному движенію; и можно еще сомнѣваться во всѣхъ обстоятельствѣхъ, будущъ ли сіи дѣла черпами героизма, великодушія, благотворительности. Но я вообще положилъ бы, что подобныя условія выходящъ изъ круга обязанностей, и слѣдовательно должны бытъ чужды пракшапа о нравственности. Нравственность необходимо смощ-

прийти на человѣка, какъ на способнаго пользовашься нравспвенными своими способностями; но въ сказанныхъ примѣрахъ, гдѣ человѣкъ готовъ утонушь или умереть отъ голода и спужи (это слова Цицеронови) (*), человѣкъ приемлешся только за живошное (**), и конечно не время предписывать ему обязанности тогда, какъ чувствуешь онъ одну только первую для всѣхъ одушевленныхъ шварей обязанность, спасаешь самага себя; даже предполагая, что въ подобныхъ случаяхъ могушь являшься опышы великодушія (дѣло возможное), ошибудь не лзя выводить правила изъ того, что бываешъ однимъ исключеніемъ.

(*) Si fame aut frigore conficiatur.

(**) Чрезвычайный холодъ или спужа конечно заглушають разсудокъ. По законамъ нашимъ шощъ человѣкъ, кошорый, умирая съ голода, взялъ бы тайно у продающаго хлѣбъ, не долженъ бышь наказанъ, подобно хищнику. Должно замѣшншь, что я говорю здѣсь объ одной шолько крайности; и сіе исключеніе ни мало не опасно; ибо сія шолько крайность заспашила рѣшншься на прешуплеіне. *Лагарпъ.*
Книж. XII. В

Цицеронъ покажется менѣе спрогимъ въ разсужденіи даннаго слова, или кляпвы, сего предмета, споль часто разсмаприваемаго. Онъ держится вообщеприняшаго мнѣнія, что, ежели дана кляпва на худое дѣло, то слово данное не сполько ничего не значить, но и что всякое вынужденное слово не налагаетъ обязательства. „Данное слово (говорить онъ) имѣетъ отношеніе къ совѣсти; ежели вы дали кляпву не по совѣсти, *non ex animi sententia*; въ такомъ случаѣ нѣтъ кляпвопреступленія.“ Но онъ не касается сего весьма запруднительнаго вопроса: можетъ ли честной человекъ, спрашась какой-нибудь опасности, дать кляпву въ помъ, къ исполненію чего не почитаетъ себя обязаннымъ изъ уваженія къ своему долгу? — Я не буду входить въ изслѣдованіе сего вопроса, зависящаго отъ весьма многихъ обстоятельствъ, кои сполько могутъ измѣнять обязанности, что не возможно почти положить на все общаго закона.

Сочиненія о *Старости* и *Дружбѣ*, натурально менѣе всѣхъ другихъ отвлече-

ценныя, были споль часто переводимы, и споль извѣсны чипашелямъ всякаго рода, что я почиаю для себя не нужными всѣ изслѣдованія и выписки. Давно уже оба опривка сіи снискали всеобщую похвалу; особливо сочиненіе о *Старости* сдѣлалось пріятнымъ даже сполько, сколько и не ожидали: оно, какъ говорили, рождало желаніе сосшарѣваться. Естля замѣчаны были нѣкоторыя недосшашки въ пракшашъ о *дружествѣ*; шо, можешъ бытъ, сіе происходило опъ прошивности въ чувспвахъ: никшо не любитъ спаросши, хотя всякой желаетъ сосшарѣться, и, обыкновенно споль же много щеславяшся дружбою, сколько сожалѣюшъ о рѣдкости друзей. Каждый хочешъ бытъ другомъ, повшоря сіи извѣсныя слова: *о друзья мои! уже нѣтъ друзей на свѣтѣ!* Къ щаспію для Цицерона, доказано; что онъ былъ другомъ, и имѣлъ друга. Письма его къ Апшику свидѣтельствуюшъ шо и другое; Апшику посвятилъ онъ книгу свою о *дружествѣ*; но характеры и правила

въ ней изображаетъ Лелій. Онъ-то говоришь, что Сципіонъ не могъ сказать болѣ оскорбительнаго для дружбы, какъ повпоривъ сіи слова древняго Софиста: *должно любить такъ, какъ бы должно было послѣ когда - нибудь ненавидѣть*. Сіи слова возмущаютъ ваше и мое сердце; и можешь спашься, я буду имѣшь удовольствіе судить объ нихъ вмѣстѣ съ вами. Впрочемъ помню, что сей судъ уже произнесенъ, и даже въ стихахъ, кои, есльи бывають хороши, то дѣйствують всегда лучше прозы; а приводимые здѣсь стихи почто шаковы, хощя Авторъ, ошличившій себя въ другихъ наукахъ, весьма мало стиховъ сочинялъ въ жизни.

Ah! perisse à jamais ce mot affreux d'un sage;
 Ce mot l'effroi du coeur et l'effroi de l'amour!
Songez que votre ami peut vous trahir un jour,
 Qu'il me trahisse, hélas! sans que mon coeur l'offense,
 Sans qu'une douloureuse et coupable prudence
 Dans l'obscur avenir cherche un crime douteux:
 S'il cesse un jour d'aimer, qu'il sera malheureux!
 S'il trahit nos secrets, jé dois encore le plaindre:
 Mon amitié fut pure et je n'ai rien à craindre.

Qu'il montre à tous les yeux les secrets de mon coeur:
 Ces secrets sont l'amour, l'amitié, la douleur,
 La douleur de le voir, infidèle et parjure,
 Oublier ses sermens, comme moi mon injure.

Изъ Лагарпа. О.

II.

А У К Ц И О Н Ъ,

ИЛИ

СЕКТЫ ФИЛОСОФОВЪ.

(Разговоръ Юпитера съ Меркуріемъ.)

Юпитеръ. Приведи въ порядокъ залу собранія, пославъ стулья, убери полчаше, укрась нашъ товаръ; его надобно продашь лицомъ. Меркурій! займи должностъ присава, сзывай купцовъ, уговаривай, привлекай, хвали красоту всѣхъ философскихъ жизней. Мы продаемъ всѣхъ соршовъ ученыя жизни на пошребностъ цѣлаго свѣта; ежелижъ кто не имѣетъ наличныхъ, тому сдѣлаешься кредитъ на годъ за вѣрными руками.

Меркурій. Вонъ и покупщики; не надо ихъ задерживашь; съ чего начнемъ? — поскорѣе.

Юпитеръ. Съ секты Пифагора (*) ; вели предшасть сему важному спарцу съ длинными волосами.

Меркурій. Эй, Пифагоръ! предстань, и обойди кругомъ все собраніе, чтобъ показаться народу.

Юпитеръ. Провозглашай.

Меркурій. Вашъ жизньъ небесная и божественная! кто ее купитъ? кто желаетъ бытъ выше, нежели человекъ? кто хочетъ проникнуть въ познаніе гармоніи вселенной, и возродиться послѣ смерти? —

Купецъ. Какія великія обѣщанія! какая милостивость въ шоварѣ! но въ чемъ состоятъ главнѣйшія его познанія?

Меркурій. Онѣ составляютъ Ариѳметику, Астрономію, Геометрію, музыку, Матію и науку гаданій. Ты видишь предсказателя превосходнаго.

Купецъ. Могу ли его спросить?

Меркурій. Почемужъ! очень можно.

(*) Хотя Пифагоръ былъ изъ Іоніи, но секта его называлась Италійскою, по причинѣ, что она возымѣла начало свое въ Италіи. *Перевод.*

Купецъ. Откуда ты?

Пифагоръ. Изъ Самоса.

Купецъ. Гдѣ ты обучался?

Пифагоръ. Въ Египтѣ, у мудрецовъ той земли.

Купецъ. Ежели я тебя куплю, то чему ты меня обучить можешь? —

Пифагоръ. Я тебя ничему не научу, но сделаю, что ты самъ все вспомнишь.

Купецъ. Какъ же это?

Пифагоръ. Очисти твою душу, и отдаля ея отъ скверны, въ ней живущей.

Купецъ. Положимъ, что ужъ она очищена; чему ты ее наставишь? —

Пифагоръ. Сперва нужны продолжительный покой, скромность и пятидесятидневное молчаніе.

Купецъ. Спущай, братъ, преподавай свои уроки сыновьямъ Крезовымъ; я хочу быть человекомъ, а не болваномъ; ну! еще что будешь, послѣ столь долгаго безмолвія?

Пифагоръ. Буду обучать тебя Геометріи и музыкѣ.

Купецъ. Это забавно ; должно быть прежде гудкомъ, нежели Философомъ; а послѣ этого чему будешь учить ?

Пифагоръ. Арифметику.

Купецъ. Я ужь ее знаю.

Пифагоръ. Какъ же ты считаешь ?

Купецъ. Одинъ, два, три, чешыре,

Пифагоръ. Ты ошибаешься ; что ты предполагаешь быть числомъ чешыре, то это десяць : — (*) совершенный треугольникъ и наша клятва.

Купецъ. Клянусь самою большою клятвою , я никогда ничего не слыхиваль чудеснѣе и божественнѣе.

Пифагоръ. Послѣ сего открою тебѣ, что такое чешыре спихии, то есть земля, вода, воздухъ и огонь, ихъ спроенїе, ихъ фигуру, силу, ихъ движенїе.

Купецъ. Какъ ! воздухъ, огонь, вода имѣють фигуру ?

Пифагоръ. Да, и очень ошупительную: ежелибъ онѣ не имѣли фигуры, то не могли бы двигаться; послѣ сего докажу тебѣ, что Богъ есть число и Гармонїя.

(*) Потому что 1, 2, 3, 4, составляютъ 10.

Купецъ. Ты намъ разсказываешь невѣроятныя вещи!

Пифагоръ. Я тебѣ скажу еще болѣе. Ты совсѣмъ другой, нежели кажешься самъ себѣ, и будешь никогда совершенно другимъ, нежели теперь.

Купецъ. Что ты говоришь? я не помню, кто съ тобой говоришь!

Пифагоръ. Ты помнишь же самой теперь, но ты былъ въ другомъ мѣстѣ прежде, а скоро перейдешь еще въ иной образъ, по системѣ вѣчнаго движенія.

Купецъ. По этому я буду безсмертенъ; но довольно о сихъ вещахъ: скажи, чѣмъ ты питаешься? —

Пифагоръ. Я ничего того не ѣмъ, что имѣетъ жизнь; впрочемъ я ѣмъ все, исключая бобовъ.

Купецъ. Да для чегожь ты не ѣшь бобовъ? чѣмъ они тебѣ опротивили?

Пифагоръ. Не опротивили, но по тому, что натура ихъ чудесная; она предсавляетъ . . . . . она имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное: что очень легко можно

замѣтишь, ежели, взявъ зеленой бобъ, сдерешъ съ него оболочку; сей же бобъ, сваренный и оставленной на нѣсколько ночей при лунномъ свѣтѣ, обращается въ кровь. — Но что всего важнѣе: его въ Афинахъ употребляютъ при выборѣ Судей.

Купецъ. Остановись; слова твои выше человѣческихъ. Но раздѣвайся; мнѣ хочется тебя осмотрѣть. О чудо! у него бедро золотое! это не человѣкъ, но божество; надобно непременно его купишь, во чтобы оно ни стало. Что за него просишь?

Меркурій. Десять миць.

Купецъ. Плачу.

Юпитеръ. Защищи имя купца и мѣсяца рожденія.

Меркурій. Это Испаліанецъ изъ окрестности Кроцоны и Таренна; но онъ не одинъ, ихъ болѣе прехъ сотъ; они сложились, и покупаютъ всѣ вмѣстѣ.

Юпитеръ. Пускай ведутъ; выславляй другаго.

Меркурій. Сюда, сквернавецъ изъ Понта, герой въ опрѣпьяхъ и съ сумкой!

Вопь жизнь мужесивенная, храбрая, свободная: кто хочешь? —

Купецъ. Какъ это, господинъ приславъ! свободной человекъ не продается; развѣ не боишься за это нагонки въ Ареопагъ? —

Меркурій. Онъ объ этомъ не заботится, потому что, въ какомъ бы званіи ни былъ, всегда умѣетъ быть свободнымъ.

Купецъ. Да что можно сдѣлать изъ такого безобразнаго живописца? развѣ заславишь его рыть землю, или носить воду? —

Меркурій. Нѣтъ, сдѣлай его приврашникомъ, для того что онъ лаетъ, какъ собака, и носишь ея имя.

Купецъ. Откудажъ онъ, и что умѣетъ дѣлать?

Меркурій. Объ этомъ можешь самъ его спросить.

Купецъ. Боюсь, чтобъ не укусилъ; онъ скалилъ зубы, и сморщилъ изъ-подлбья. Видишь ли, какъ нахмурилъ брови, и подымаешь палку?

Меркурій. Не бойся; онъ 'довольно ручной звѣрь. —

Купецъ. Изъ кошорой ты земли, дружокъ?

Диогенъ. Изъ всѣхъ земель Свѣта.

Купецъ. Какъ же это? —

Диогенъ. Я гражданинъ вселенной.

Купецъ. Какое швое намѣреніе?

Диогенъ. Подражать Геркулесу.

Купецъ. Почемужъ ты, какъ онъ, не имѣешь львиной кожи, хопя палка швоя впрочемъ и можешь замѣнить его дубину?

Диогенъ. Сія мантія мнѣ служишь вмѣсто львиной кожи; онъ велъ войну съ чудовищами; я пакже сражаюсь съ другими чудовищами, называемыми, спрашти, дѣлаю не по приказу, а по своей волѣ, чшобъ очистишь вселенную.

Купецъ. Похвальное намѣреніе; но въ чемъ состоишь швое искусство?

Диогенъ. Я врачъ души, защитникъ и другъ присяжный свободы и правды.

Купецъ. Да спасеть шебя Богъ! Ну, великій герой, еспши я тебя куплю, шо чемужъ меня спанешь учишь?

Диогенъ. Я прогоню опъ тебя наслажденія, я запру тебя въ жилищѣ нищеты, одѣну въ опрѣпя; ты долженъ работать, спать на камнѣ, пить воду и ѣсть все, что попадется; имѣешь деньги, послушай, кинь ихъ въ море. Впрочемъ ты не будешь заботиться ни о родственникахъ, ни объ опечесивѣ; что бы тебѣ ни говорили, будешь принимать все за басни; на послѣдокъ, оставя домъ ближнихъ и родителей, станешь скрываться въ какой-нибудь развалинѣ или на кладбищѣ, а еспли пожелаешь, то и въ бочкѣ, какъ я. Кошомка швоя замѣнишь все швое богатство; она будешь всегда полна волчьими бобами и всякой дрянью; такимъ образомъ посрамишь ты гордое богатство, и поспоришь славою съ Царями Царей. Пускай тебя будутъ оскорблять, бить, мучить: смѣйся надо всѣмъ!

Купецъ. Для сего нужно имѣть сверхъ шѣла раковину черепахи.

Диогенъ, Дѣлай то, чему насъ учишь Еврипидъ: *терпи безъ ропоту.* Наконецъ, вещь извлеченіе изъ моихъ познаній: Дол-

жно бытъ дерзку, наглу, ругашъ весь свѣтъ; и противорѣчишь всякому. Это лучшее средство, заспавишь себѣ удивляться; надобно имѣть рѣчь грубую, голосъ такъ же, лице пасмурное видѣ варварской и дикой; словомъ всѣ ухватки жестокія и звѣрскія, не соблюдать обходительности, ни скромности, ни стыда, шапашься въ мѣстахъ болѣе блестящихъ, но такъ, какъ бы не было нишѣ никого, бытъ одному между толпами безчисленными. Предметъ любви выбираешь всегда самой гнуснѣйшій, дѣлаешь все то публично, что бы другой стыдился сдѣлать и въ пошемкахъ; когда же наскучишь себѣ жизнь, то посредствомъ зернышка цыкушы отправься на шопъ свѣтъ. Вотъ блаженство, мною проповѣдуемое! —

Купецъ. Это ужасно, безчеловѣчно!...

Диогенъ. За то средство самое легкое; здѣсь не надобно ни книгъ, ни правилъ: оно — есть крайчайшій путь къ достиженію славы, пошому что ты почти ни съ чемъ дѣлаешься знаменитымъ, даже и тогда, когда бы ты былъ чебошарь, или носильщикъ; только надобно безстыдство, безстыдство, и еще безстыдство!!!...

Купецъ. Для этого не нужно учипелей! Не могу придумать, какое бы ремесло было тебе приличнее, или болшупна, или гаера; народъ всегда любитъ говорунувъ и забавныхъ ругашелей; однакожь, ежели хошише, то вопъ вамъ за него два обода.

Меркурій. Давай! мы и такъ замѣшались, чшобъ опъ него опвязаться; онъ ужъ намъ прожужжалъ уши, ругая цѣлой свѣшъ.

Юпитеръ. Вызывай другихъ.

Меркурій. Кого прикажешь?

Юпитеръ. Ариспиппа, сего въ пурпуръ, увѣнчаннаго сласполюбца.

Меркурій. Вопъ лакомой и деликашной кусочикъ! кто его купитъ? Кто же лаешъ вести жизнь сладостную, праздную, на лонъ забавъ и роскоши? кто купитъ сего миленькаго любимца природы?

Купецъ. Пусть подойдетъ, и расскажешъ намъ, что онъ умѣешъ сдѣлать; ешшли понравится, то куплю.

Меркурій. Не шоропи его; ты видишь, что онъ пьянъ, и съ шрудомъ ма-

жешъ передвигаешъ ноги; видишь ли, какъ шапается и бормочешъ.

Купецъ. Какой же человекъ, имѣя хотя малой разсудокъ, захочешъ обременить себя такимъ негодяемъ! какъ онъ разпрысканъ! — какое брюхо! — Ну, чему онъ гораздъ?...

Меркурій. За столомъ поболшашъ и поспоришь, послѣ обѣда поплясашъ; это пріятная забава богатыхъ сластолюбцевъ. Онъ имѣешъ весьма утонченную нѣжность въ разборѣ кушаньевъ и винъ; словомъ, это великой аршистъ роскоши. Онъ воснизывался, жилъ всегда въ Афинахъ, или при Дворѣ Царей, и вездѣ пользовался особенною честию.

Купецъ. Расскажи мнѣ начала его философіи?

Меркурій. Правила его ни объ чемъ не забоишься, пользоваешься всемъ, искаешь сластолюбія повсюду, гдѣ только оно есть.

Купецъ. Пускай предлагаетъ свои услуги другому, а не мнѣ; кухня моя, же сколько достаточна для него снабжена.

Меркурій. Видно, онъ у насъ позаживесться.

Юпитеръ. Вели его вывезти, и показывай другаго; да, лучше сихъ двухъ, плаксу и насмѣшника, для того что не должно ихъ разлучать.

Меркурій. Гераклишь и Демокришь! войдите. — Вопшь сокращеніе мудрости и дурачества жишейскаго!

Купецъ. Боже! какая противоположность! — одинъ не перестаетъ плакать, а другой смѣяется! — чему ты хохочешь, другъ мой? —

Демокритъ. Тому, что все то, что ты ни дѣлаешь, мнѣ кажется смѣшнымъ, даже и ты самъ.

Купецъ. Какъ! ты шакъ дерзко насмѣхаешься надъ людьми и жизнью міра сего?

Демокритъ. Да! ибо нѣтъ ничего въ ней постояннаго; все — снранспивующіе апомы. Человѣкъ не что иное есть, какъ фантазмъ, и безуміе, — игра случая и апомовъ.

Купецъ. Ты самъ безумецъ и глупецъ! какое безспыдство? да переспанешь ли когда-нибудь смѣяешься? — лучше.

Книж. XII.

Г

поговоримъ съ другимъ; мнѣ кажется
 погнѣ поумнѣе. — Скажи мнѣ, любезный
 другъ, о чемъ ты такъ плачешь?

Гераклитъ. О томъ, что состоя-
 ніе людей мнѣ кажется очень жалкимъ;
 вѣшь ничего постояннаго, все подвержено
 плѣнью и переменамъ безконечнымъ.
 Удовольствія людей не что иное, какъ
 скорбь и печаль; знаніе ихъ есть невѣ-
 жество; величіе ихъ униженіе; могуще-
 ство есть слабость. Я жалю о про-
 шедшемъ, скучаю настоящимъ; будущее
 меня ужасаетъ; я вижу повсюду смяше-
 ніе, безпорядокъ, гибель; вся вселенная
 кружится на краю пропасти.

Купецъ. Что есть вселенная?

Гераклитъ. Дитя, играющее въ ко-
 сши, жертва ничтожества.

Купецъ. А люди?

Гераклитъ. Боги смертные.

Купецъ. А боги?

Гераклитъ. Люди бессмертные.

Купецъ. Ты намъ рассказываешь за-
 гадки, они столь же темны, какъ прори-
 цанія Пифіи!

Гераклитъ. Это для того, что я не беспокоюсь, ежели меня и не слушають.

Купецъ. Вѣрно, никто не захочеть тебя купишь, и объ тебѣ не попечется.

Гераклитъ. Я приказываю всѣмъ вамъ плакать. Что мнѣ нужды, купяшь ли меня, или не купяшь: только плачьте! —

Купецъ. Одинъ дуракъ забавной, а другой глупецъ плакса; не хочу ни того, ни другаго.

Меркурій. И эти остаются на нашей шеѣ! —

Юпитеръ. Позови того краснорѣчиваго Аѳинца.

Меркурій. Сюда, Сократъ, войди. — Вотъ жизнь основательная, непорочная; кто покупаетъ? —

Купецъ. Что ты разумѣешь? —

Сократъ. Любишь.

Купецъ. Ты мнѣ не годишься, мнѣ надобень учить для сына, а не соблазнитель. —

Г а

Сократъ. Да кто же можетъ лучше меня образовашь прекраснаго юношу? я люблю душу, а не шѣло, небесное, а не земное. —

Купецъ. Хорошо! — однакожь разскажи мнѣ свои правила.

Сократъ. Это суть идеи, или образцы безконечные всего, что есть въ мірѣ, всего, что ты видишь, подобія и изображенія, существующія внѣ природы.

Купецъ. Да гдѣжь онѣ?

Сократъ. Нигдѣ, для того что, ежели бы гдѣ - нибудь оныя были, то бы не существовали.

Купецъ. Я не вижу сихъ шемныхъ идей и образцовъ, о копорыхъ ты мнѣ разсказываешь.

Сократъ. Это ошъ того, что ты слѣпо шествуешь глазами и разумомъ. Но я вижу идеалы всѣхъ вещей, и себя и себя, однимъ словомъ, все вижу двояко.

Купецъ. Ты долженъ бышь знающъ; а ештли споль прозорливъ, то должно мнѣ себя купишь; чего онъ споишь?

Меркурій. Два шаланша.

Купецъ. Въ первой день вамъ заплачу.

Меркурій. Твое имя?

Купецъ. Діонъ Сиракузскій.

Меркурій. Епикуръ! тебѣ желаюшь видѣшь: вошь ученикъ сего славнаго насмѣшника и сего сласполюбца, съ пою шолько разницей, что ихъ обоихъ еще нечесливѣе; впрочемъ чловѣкъ свѣпской и любящій хорошей ешоль.

Купецъ. Сколько за него просишь?

Меркурій. Двѣ мины.

Купецъ. Вошь онъ; но дайше мнѣ сперва узнать, до чего онъ охотникъ?

Меркурій. До вещей сладкихъ и сахарныхъ.

Купецъ. Не худо; я его буду кормить фигами.

Меркурій. Это ему нужно.

Юпитеръ. Позови сего Споика съ длиною бородой, и корошкими волосами.

Меркурій. Правда. Его давно уже всѣ ожидающъ; сюда Хрисиппъ! вошь совершенная добродѣшель, и высокая мудросшь, ценсоръ, крищикъ, орапоръ, законоучишель; онъ все въ себѣ заключаешъ одинъ.

Купецъ. Какъ ты это разумѣешь?
Меркурій. Я сказала еще мало: онъ
 Царь, воинъ, поваръ, сапожникъ, куз-
 нецъ, плотникъ и проч. и пр.

Купецъ. По этому онъ мастеръ во
 всѣхъ ремеслахъ?

Меркурій. Такъ кажется.

Купецъ. Скажи мнѣ, любезной другъ,
 не оскорбишься ли ты званіемъ слуги?

Хрисиппъ. Нѣтъ; это зависитъ не отъ
 нашей воли, а что не отъ насъ зависитъ,
 то не можешь быть и оскорбительно:
 это ничего.

Купецъ. Я тебя не понимаю.

Хрисиппъ. Какъ! ты не знаешь,
 что есть вещи управляющія и изъ про-
 тивнаго извлекаемыя;

Купецъ. И того меньше.

Хрисиппъ. Это происходитъ отъ того
 что не имѣешь способности умствования,
 и что ты не привыкъ къ нашему язы-
 ку; но когда обучишься діалектикѣ, то
 будешь имѣть понятіе не только о семъ,
 но даже узнаешь, что есть случай, и что
 случай изъ случаевъ.

Купецъ. Разтолкуй мнѣ, что это значить: мнѣ все не постижимо.

Хрисиппъ. Никто не препятствуетъ тебѣ познать это; на примѣръ: ежелибъ кто нибудь былъ пораненъ въ ногу, и былъ опъ того хромъ: то первая рана была бы случай, а второе — случай изъ случаевъ.

Купецъ. Какая удивительная тонкость! но болѣе сего знаешь ли что нибудь?

Хрисиппъ. Я умѣю плести сѣти для ловишвы умовъ.

Купецъ. Какъ онѣ называются?

Хрисиппъ. Силлогизмы. —

Купецъ. Это должно быть дѣло величайшей хитрости.

Хрисиппъ. А вопъ оно какво: слушай! опвѣчай мнѣ: знаешь ли ты своего опца?

Купецъ. Какоежъ сомнѣнiе?

Хрисиппъ. А ежели бы тебѣ показали его въ маскѣ, то чпобъ ты сказалъ?

Купецъ. Что я его не знаю.

Хрисиппъ. По этому ты знаешь своего отца, и вмѣстѣ не знаешь.

Купецъ. Никакъ: попому что, ежели съ него снимуть маску, по я его узнаю; но скажи мнѣ, какая польза отъ науки столь чудесной? и какъ со мною ты живишь спанешь?

Хрисиппъ. Какъ должно, какъ велишь природа; надобно имѣть богатство, здоровье и пому подобное. Однако сперва должно попрудиться и попорнишь глаза надъ древними пачканными манускриптами, и прочитайшь прешолстые комментарии, и вытвердишь многія нарѣчія варварскія и неизвѣстныя; однако и со всемъ симъ не сдѣлаешься еще просвѣщеннѣе, еспли не очистишь мозгу проекратно чемерицею.

Купецъ. Это прекрасно, божественно! однако бышь сущимъ лихоимцомъ (какимъ я себя примѣчаю) кажешься не прилично человѣку, который пьетъ прехрашно чемерицу, и старается достигнуть высшей степени добродѣтели.

Хрисиппъ. Точно такъ ! ибо однимъ мудрецамъ принадлежишь право наживатьъ деньги, и брашь съ процентовъ проценты.

Купецъ. Какъ это ? —

Хрисиппъ. Слушай : они имѣють право выигрыватьъ силлогизмами ; выигрыватьъ ими и наживатьъ деньги есшь одно и шо же искусство. То и другое принадлежишь ученому ! этого мало : онъ долженъ и можешъ взиать прибыль на прибыль ; а сіе доказываеаься силлогизмомъ условнымъ ; ты знаешъ, что прибыль можешъ бышь первая и вшорая, изъ первой происпекающая. Ежелижъ первая ему принадлежишь, шо по сему и вшорая ; а какъ первое ему принадлежащее ; шо по сему и вшорое опдай ему же.

Купецъ. Не такъ ли же разумѣшь должно и о плащѣ , взимаемой щобою за обучение юношества ? Не уже ли мудрецъ можешъ получашъ барышь со всего, даже съ добродѣтели ? —

Хрисиппъ. Ты говоришь правду ; но я беру не для себя, а для шого же, у кого беру. Поелику благородиѣе давать, нежели полу-

чать; но я не отказываюсь быть получателемъ, чтобы сдѣлать ему честь, быть даателемъ.

Купецъ. Но ты говоришь противное; ибо учащійся есть получатель, а учитель, какъ ты, для него даатель...

Хрисиппъ. А! ты смѣешься, но берегись, чтобы я тебя не поразилъ силлогизмомъ, не требующимъ никакого доказательства.

Купецъ. Чтожь случится отъ этого страшнаго оружія?

Хрисиппъ. Стыдъ, безмолвіе, замешательство, оцѣпенѣніе; ежели только захочу, то сей часъ обращаю тебя въ камень.

Купецъ. Какъ это? развѣ ты Персей съ Медузиною головою?

Хрисиппъ. А вопль какъ! камень есть шѣло.

Купецъ. Правда.

Хрисиппъ. А живошное также есть шѣло.

Купецъ. Безъ сомнѣнія.

Хрисиппъ. Ты есть вѣрно живошное.

Купецъ. Это разумѣется.

Хрисиппъ. И такъ пы камень.

Купецъ. Никакъ; но прошу пожалуй
возвратишь мнѣ первое бышье.

Хрисиппъ. Очень легко; будешь о-
пяшь человѣкомъ. Слушай: камень не
есть живошное, а пы живошное, слѣдси-
венно пы не камень.

Купецъ. Благодарспвуй; я даже на-
чалъ чувспвовашь холодъ въ ногахъ, и
крайнѣ боялся о к а м е н ѣ ш ь, подобно
Ніобъ; за это я шебя куплю; сколько за
него простишь?

Меркурій. Двѣнаицашь минъ.

Купецъ. Вошь онъ.

Меркурій. Одинъ ли пы его поку-
паешь?

Купецъ. Нѣтъ всѣ банкиры въ этомъ
учаспвуютъ.

Меркурій. Ой! ой! ихъ многошкъ;
намъ ешъ около чего поживишься.

Юпитеръ. Полно забавляшья; по-
казывай другихъ.

Меркурій. Эй! Перишашешики сой-
дише! — вошь вамъ красивые, бога-

тые , знающіе, крошкіе, разумные , умѣренныя: словомъ , пригодные ко всему въ жизни человѣческой; и вопль самой разумнѣйшій , и припомъ двоякой.

Купецъ. Какъ эшо?

Меркурій. Онъ кажется другимъ внутри, нежели снаружи; и для того ежели его купишь , то не забудь различать въ людяхъ наружность и внутренность.

Купецъ. Въ чемъ состоишь первоначальное его учение ?

Меркурій. Въ томъ , что есть три свойства добра: тѣлесное , душевное , и заключающееся въ вещахъ постороннихъ.

Купецъ. Эшо сходно съ человѣчествомъ ; чего будешь стоишь ?

Меркурій. Двадцать минь.

Купецъ. Эшо много.

Меркурій. Не слишкомъ мой милой , потому что , какъ кажется , у него есть и у самого деньги: купишь ни за что , и будешь въ барышахъ. Да кромѣ того нѣтъ вещи , копорой бы онъ не зналъ. Онъ тебѣ ошкроешъ , сколь долго живешь

блоха, на какую глубину лучи солнца проникаютъ море, какая душа въ усприць, и тысячу другихъ рѣдкостей.

Купецъ. О бездна премудрости!

Меркурій. Онъ знаетъ сверхъ того множество вещей еще любопытнѣе: какъ, на примѣръ, образуется ребенокъ въ утробѣ матери; что человекъ есть животное самое смѣшное, — что осель, всѣхъ важнѣе, потому что онъ не умѣетъ ни смѣяться, ни спать, ни плавать.

Купецъ. Вотъ превосходныя знанія и очень полезныя; возьми за него деньги.

Юпитеръ. Кто еще оспариваетъ?

Меркурій. Сцепщикъ; приступи, мой другъ, надобно поспѣшить, потому что покупщики стали расходиться; — кто хочешь этого?

Купецъ. Я; но прежде скажи мнѣ, что ты знаешь?

Филос. Ничего. —

Купецъ. Какъ ничего?

Филос. Потому что я даже и того не знаю, существуетъ ли что-нибудь на свѣтѣ.

Купецъ. Да вопшь я не уже ли не
существуую.

Филос. Не знаю. —

Купецъ. А ты самъ?

Филос. Еще меньше.

Купецъ. Боже! забавное недоумѣнїе!
а что значашъ сїи вѣсы?

Филос. Я взвѣшиваю на нихъ, сло-
ва и мысли; послѣжь вывѣски и раз-
смащриванїя всего нахожу, что ни та
ни другая сторона не шянешъ, и пошому
я ничего не знаю.

Купецъ. Такъ ли ты сщраненъ и въ
другихъ вещахъ? какъ ты ведешъ свои
дѣла?

Филос. Все могу, выключая одного:
не могу догоняшъ убѣгающаго.

Купецъ. Почему?

Филос. Пошому что не въ силахъ.

Купецъ. Эшому я вѣрю; ибо ты
довольно шяжелъ и неповорошливъ; но
еще скажи, какой конецъ швоихъ познанїй?

Филос. Невѣжесшво: наука, не ви-
дѣшъ, не слышашъ и не умсшвовашъ.

Купецъ. Какъ бышь глухимъ и слѣ-
нымъ?

Филос. И даже не имѣшь чувства
и разсудка, не бышь ни въ чемъ опшѣн-
нымъ опъ землянаго червя.

Купецъ. Ты заслуживаешь бышь куп-
леннымъ за швою рѣдкосшь; что за
него?

Меркурій. Апшическую мину.

Купецъ. Вошь она. Ну! шеперь что
шы скажешь? мой или нѣшь?

Филос. Не знаю.

Купецъ. Однакожь эшо вѣрно; день-
ги опшцишаны, и шоваръ выданъ.

Филос. Я не рѣшаюсь, и вѣсы еще
въ равновѣси.

Купецъ. Однакожь должно за мной
идши, ибо я шебя кушилъ.

Филос. Да кпожь объ эшомъ знаетъ?

Купецъ. Какъ приставъ, такъ и
всѣ присущспвующіе.

Филос. Да ешшли кпо-нибудъ здѣсь?

Купецъ. Я сей часъ объ эшомъ шебя
извѣцу — палкой.

Филос. Я въ эшомъ сомнѣваюсь.

Меркурій. Слѣдуй за нимъ, и не упрямясь. Завтра, государи мои, мы будемъ продавать жизнь мѣщанъ, брадобрѣвъ, носильщиковъ и другіе сорты рабочихъ людей.

Лукианъ.

III.

РАЗГОВОРЪ

о Путешествіи. (*)

Софронилъ, Мелодоръ и Критонъ.

Соф. (разсматривая глобусъ) Вотъ Геллшингенъ, городъ учености; вотъ пышный Лондонъ; вотъ шумный Парижъ! Путешествіе, мысль сладостная! до сихъ поръ все я только надѣюсь. Когда скажутъ мнѣ: надежда швоя исполнилась — отправляйся: ахъ! слова утѣшительныя! — А здѣсь — о nation barbare, какъ мнѣ все наскучило! Однообразіе перзаешь мою душу. Черезъ нѣсколько лѣтъ я бы возвратился въ Отечество съ

(*) Чипанный на Актіѣ Благороднаго Пансіона. Всякой благомыслящій отецъ семейства сердечно порадуется съ нами, видя, какъ скоро процвѣло снова пожеланіе Начальства сіе полезѣйшее заведеніе.

новыми знаніями, насмотрѣвшись на разныхъ людей, на разныя спраны. (*приходитъ Мелодоръ*)

Мел. Здравствуйте, Софронимъ! О чемъ вы пакъ задумались? въ наши ли лѣша смотрѣшь Сенсябремъ!

Соф. Чужіе краи, Мелодоръ. . . .

Мел. Чпо за чужіе краи? Развѣ мы не по же видимъ небо и солнце, какое видѣль и спранный Тавернье, копорый всю жизнь свою мыкаль изъ конца въ конецъ?

Соф. Вы жалки въ моихъ глазахъ, mon ami!

Мел. Не безпокойшесь обо мнѣ, и называйте меня лучше *другой*, а не смѣшнымъ словомъ *ami*. Другъ на эшомъ языкѣ есть игрушка. — Посмотрите на себя: вы совсѣмъ не тѣ, какими я васъ узналъ прошлаго года. Всѣ знакомые меня спрашиваютъ, чпо съ вами сдѣлалось. Прежде на васъ всѣ смотрѣли, о васъ всѣ говорили, вы были душою общеснва. Помните ли шо время, когда вы пакъ прелесно играли Милона на шеангрѣ нашемъ,

Книж. XII.

Д

и восхищали всѣхъ зрителей?... Теперь вы спали нелюдимомъ.

Соф. Было время веселостей, оно прошло; теперь пора спремиться далѣе — выше!

Мел. Ахъ! Бѣдненькой,—и въ 15 лѣтъ...

Соф. И васъ не прельщаетъ обогащеніе ума новыми свѣденіями! Вообразите; что въ Германіи узнаю всю глубину ученоши; у Англичанъ научусь полишикъ; во Франціи увижу, какъ должно наслаждаться жизнию.

Мел. Вы говорите объ нихъ какъ о фениксахъ; эшихъ пшицъ и здѣсь не пересмотришь.

Соф. На людей должно смотрѣть въ собственности ихъ землѣ: тамъ-то они въ настоящемъ своемъ видѣ! Сверхъ того новыя земли могутъ доставить множество предметовъ для новыхъ наблюдений.

Мел. Для новыхъ какихъ-то наблюдений пожертвовашь спокойствіемъ, откажашься отъ удовольствій, которыя такъ очаровательны въ кругу своего семейства, въ кругу друзей и знакомыхъ;

а вмѣсто того, спупай объѣзжашь нѣ-
сколькo тысячъ верстъ! и за чѣмъ же?
Блушашь, какъ въ Лондонѣ или Парижѣ
и дѣши говорашь по Англійски, да по
Французски! Должно бышь совершенно
нечувствительну, чшобъ оставишь бере-
га милой родины.

Соф. Будшо разлука можешь охладитишь чувство любви къ роднымъ и чувство дружбы къ знакомымъ; напроливъ того, какъ восхищительно, послѣ долговременнаго опсущствія, бросишь въ объятія любви и дружбы! Вы не Философъ. —

Мел. И слава Богу! Хорошъ пріѣхалъ Философъ Клеантъ! Къ нему присту-
нишься не лзя. Онъ только и думаешь о заморской своей учености; а что привезъ съ собою? Прожилъ только все имѣ-
ніе въ иноснранныхъ мансеровъ, думая, что уже тамъ - шо все превосходно; щеперь и сидишь въ углу, ни съ кѣмъ ни слова, всѣми гнушаешься. Съ нимъ, вид-
но, сбилось шо же, что съ Тассаномъ

Кабудомъ , который путешествовалъ въ Мекку.

Соф. Взглянитежь на Филалепса: онъ возвратился изъ чужихъ краевъ упѣхою своихъ родныхъ. Посмотрите , какія сдѣлалъ онъ заведенія въ своихъ деревняхъ ; все по Англійски!

Мел. Боюсь , чѣмъ онъ съ этими зашѣями не оспался *философовъ безъ огурцовъ*. Все хорошо на своемъ мѣстѣ , и всего иностраннаго не лзя переносить въ Россію.

Соф. Но знаніе людей — знаніе сердца . . . .

Мел. Прекрасное знаніе еердца увидите вы , особливо во Франціи! Развалины Москвы и до сихъ поръ показываютъ глубокое въ этомъ свѣденіе. Переспаньте , сударь , переспаньте пожалуйста унижать себя и соотечественниковъ своихъ передъ иностранцами. Франція славилась прежде великими умами , но теперь ихъ уже не спало. Народъ , опличившійся во времена Людовика XIV своимъ просвѣщеніемъ , нынче сдѣлался предметомъ по-

сѣвѣнія шѣхъ самыхъ, которыхъ онъ считалъ варварами. Не скажете ли вы, что война заставила ихъ жечь дома, осквернять храмы? Не война ли также была причиною всѣхъ лютоостей эпихъ философовъ, съ ихъ неистовымъ шираномъ, желавшимъ весь мѣръ покорить подъ свою державу? Не опъ войны ли сіи любители просвѣщенія старались искоренить всѣ заведенія, художества, завидя нашему богатству и спокойствію? Мнѣ стыдно слышать это опъ васъ, Софронимъ. Чшобъ узнать Расина, Монтескье, Бюффона, Лакроа; для этого не нужно ѣхать во Францію: въ книжной лавкѣ найдешь все, чѣмъ она славишя.

Соф. Любезный Мелодоръ! такимъ образомъ все очернить можно.

Мел. Я не хочу чернить вашихъ мыслей; желаю только, чшобы вы примирились со всѣми нами, которыхъ шакъ безжалостно возненавидѣли. Чего у насъ недоспаетъ? Въ городахъ блещетъ богатство, на моряхъ видна промышлен-

носпь, въ селахъ довольство. Я бы желалъ побывашь въ чужихъ краяхъ не съ шѣмъ намѣреніемъ, съ какимъ вы, чшобы шамъ мучишь себя, но только для шого, чшобъ блеснуть, какъ Рускому, чшобъ на меня указывали и говорили: вошь Руской, вошь гражданинъ шого народа, который насъ спасъ; желалъ бы посмотрѣшь шрофеи соошечественниковъ, послушашь, какъ вездѣ повшоряющъ имя АЛЕКСАНДРА, имя Рускихъ. — Но вошь идешь и Кришонъ; — авось мы вдвоемъ уговоримъ васъ. — (*входитъ Кришонъ.*) Посмотрите, Кришонъ, на Софронима: пушешествіе вскружило ему голову.

Соф. Я увѣренъ, что Кришонъ синою согласится. Я часшо его застаю за иносшранными книгами.

Кр. Правда, я люблю учишья всему хорошему и у иносшранцевъ; но еще болѣе люблю учишья хорошему у соошечественниковъ.

Мел. А Софронимъ ничего хорошаго не находишь въ Россіи; онъ думаетъ,

только о чужихъ краяхъ, о путешест-
віи. —

Кр. О путешествіи? О! въ наши
лѣта опасно пускаешься въ это море.
Пользуешься множествомъ новыхъ и раз-
ныхъ предметовъ можешь только умъ
зрѣлой; и многіе изъ молодыхъ людей,
вѣрнѣе того, чтобы у иностранцовъ за-
нять хорошее, возвратились сами толь-
ко что иностранцами.

Соф. Вы почто, кажешся, изъ шѣхъ
времени, когда Рускіе плакали, какъ ихъ
посылали въ школу, и когда должно имъ
было разсваваться съ нянюшками.

Кр. Я самъ люблю умныхъ людей,
какого бы они народа ни были; но Оче-
чество для меня всего дороже. Пред-
сдвѣйше Россію за два вѣка, и подиви-
тесь, какъ скоро она возвышается и въ
могуществѣ, и въ благоденствіи, и въ
познавіяхъ. Побѣды всегда предзнаме-
нуютъ цвѣтущее соспояніе искусствъ и
наукъ. Иностранцы сами удивляются
дваспливымъ дарованіямъ Рускихъ. При-
знайтесь, слыхаль я, что, говорящъ, буд-

шо у насъ недоспѣаетъ терпѣнія и шру-
долюбія. . .

Мел. Вы хопите сказаць: мы не-
много безпечны. О Кришонъ! безпеч-
ность есть добродѣтель золошаго вѣка
и великихъ людей. —

Кр. Однако, другъ мой — еспьли бы
мы не имѣли этой добродѣтели; шо вѣр-
но бы, не мы къ иностранцамъ, а они къ
намъ прѣвзжали, смотрѣть на насъ, и все
у насъ перенимашь.

Мел. (*расматривая глобусъ*) Вы бы,
Софронимъ, болѣе принесли пользы, еспьли
бы поѣхали пушешествовать по Россіи.
Вотъ обширное поле для наблюденій! —
здѣсь все: и горы, и земли, и самые
жишели достойны вниманія.

Соф. Вамъ вѣрно угодно ѣздить по
снѣгамъ Сибирскимъ?

Кр. А вы все-таки хопите во Фран-
цію, въ Англию. — Щасливый пушь!
но шолько, чшобы не сдѣлапья космо-
полишомъ, и, удѣляя чувства любви своей
всѣмъ, чшобъ не охладѣть въ своей ро-
динѣ. Мы готовимся къ службѣ; а памъ

не сприсяжь: видѣли-ль мы Рейнской водопадъ, или Тюльери; опечеству нуженъ храбрый воинъ, честный судія, добрый гражданинъ.

Соф. Вѣрно вы не читали Руссова Эмиля. Можно ли быть человекомъ безъ путешествія?

Кр. Я не совсѣмъ вѣрю мечтателью Руссо. Жалю и объ васъ, ежли вы преданы эшимъ Французскимъ Энциклопедистамъ. Хорошіе иноспранные умы всѣ намъ извѣстны; а прочая часть ихъ народа точнехонько, какъ и наша.

Мел. Не то же ли говорилъ и я вамъ?

Соф. А заведенія хорошія: Нѣмецкіе Университеты, Англійскія фабрики, мануфактуры и заводы, Французскіе Музеумы... уже ли это собраніе ума и вкуса не достойно вниманія?

Мел. О! ежли бы васъ услышали наши дѣды: они бы сказали вамъ, что славны бубны за горами.

Кр. Когда будемъ опынѣе, тогда постараемся эшимъ воспользоваться, и тогда мы изъ путешествія возвратимъ-

ся Рускими. Изъ всего надобно выбиратьъ хорошее, сколько возможно. Иногда должно обращать вниманіе и на людей злыхъ, чѣобы видѣшь несчастія и спарашься избѣгать ихъ. Ничто такъ сильно не дѣйствуесть на челоуѣка, какъ примѣръ ему подобнаго. Не должно слѣдовать со-вѣтамъ иностранцевъ, которые въ воспитанниковъ своихъ вселяющъ опшраще-ніе ко всему Рускому, прельщающъ лож-ными описаніями красоты своихъ земель, и такимъ образомъ изъ Рускаго, котора-го предки были первою опорю Престола, дѣлающъ ни къ чему неспособнаго полу-Рускаго.

Мел. Это и не удивительно; спра-ведлива пословица: всякой куликъ свое болото хвалишь.

Кр. Посмотрише-ка пристально на свое Отечество, — вспомните, что въ устахъ болѣе 40 милліоновъ гремишь имя Рускаго Бога, Рускаго ЦАРЯ.

Саф. Криконъ всегда меня переспоришь. Вы имѣете удивительную способ-ность убѣждать.

Мед. Ахъ! какъ я радъ, что нашъ Софронимъ миринся съ Россією! То ли дѣло между Рускими бышь Рускимъ! Мы сами хвалимъ Англичанъ и Швейцаровъ, за ихъ любовь къ опечеспву, и сами же не подражаемъ имъ въ сей священной добродѣтели. — Конечно, нѣтъ никакой причины ненавидѣть иностранцевъ; но и за что сипрастно ихъ любишь? Вѣра, языкъ, правленіе, нравы, обыкновенія, родные: — можно ли все это промѣнять и на золотыя горы иностранцевъ? . . . Позвольте, Софронимъ, припомнить и по вамъ, что Нѣмцы съ глубокою своею учевствію, и Англичане съ своею полишкою, и Французы — эти великіе люди на малыя дѣла — всѣ они не подпашся ли у насъ, не хвалящъ ли насъ въпайнѣ, какъ бы изъ зависти, и не они ли намъ кланяются?

Соф. Поздравляю васъ, Мелодоръ и Кришонъ, съ побѣдою. Adieu теперь, и Гешпингенъ, и Лондонъ, и Парижъ!

Кр. Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ благоразуміи. Новость прельщаетъ

всякаго, и васъ вѣрно воспламенилъ къ путешествуію Руссовъ Эмиль. Но вообразите, какъ нѣжно насъ любятъ родные, съ какою попечительностію заботятся о насъ наши наставники, сколько награды предлагаетъ Отечество людямъ благовопианнымъ! — Представьте себѣ все это, и вѣрно вы станете удивляться Россіи, копорой всѣ удивляются; — и вѣрно будете любить соотечественниковъ — и вѣрно путешествіе свое пока опложите.

Евдокиѣ Лачиновѣ.

IV.

НѢЧТО О ЧУДЕСНОМЪ.

Отрывокъ изъ Марionтеля.

Чудесное сверхъестественное есть или одинъ простой образъ, или символическій и шонкій покровъ истины. Въ первомъ случаѣ оно — совершенный вымыселъ, во второмъ — аллегорія, и

припомъ всегда увеличенное подражаніе природѣ. Разсмотримъ его происхожденіе и употребленіе.

Философія естъ творецъ чудеснаго, и наблюденія природы родили въ ней первую мысль объ ономъ. Она видѣла вокругъ себя множество чудесъ, не имѣющихъ никакой причины, кромѣ движенія, которое само не могло быть безъ причины; и шакъ она сказала: должно быть за предѣлами моего созерцанія Начало силы и премудрости. — Это была первоначальная, живошворная идея о чудесномъ. — Причина всеобщая и единая, дѣйствующая по закону простому, была для народа, и даже для мудрецовъ идеею слишкомъ обширною, и мало ошущительною; ее раздѣлили на множество частныхъ понятій, изъ коихъ пылкое воображеніе, которое все хочетъ живописатьъ себя, сдѣлало столько же дѣйствующихъ существъ, образованныхъ подобно намъ: опсюда Боги, демоны, духи. Легко было дать имъ чувства совершеннѣйшія, шѣла легчайшія, сильнѣйшія и величайшія,

нежели наши; и поелику чудесное дополь было только увеличеніе массы, силы и скорости, то слабѣйшій умъ могъ легко взятьъ верхъ надъ Геніемъ отважнѣйшимъ. Одно правило, неудобное въ семъ увеличенномъ подражаніи природѣ, есть правило соразмѣрности; но и по еще не такъ неудобно сохранить въ физическомъ мірѣ. Какъ скоро перешли за предѣлы природы, то ничего уже не стоить воздвигнуть престолъ Юпитеровъ, дать тяжесъ презубцу Нептунову, приписать конямъ Солнцевымъ, Минервинымъ, Марсовымъ быстроту мысли. Опець Бугуръ замѣчаетъ, что, когда въ Гомерѣ Полифемъ срываетъ вершину съ горы, дѣйствіе его не кажется странвымъ; ибо Спихотворецъ умѣлъ соразмѣрится онымъ спанъ и силу этого исполина. Равнымъ образомъ, когда Юпитерь колеблетъ Олимпъ однимъ движеніемъ бровей своихъ, и когда богъ морей ударяя землю, заспавляетъ бога адскаго спрашивая, чтобъ свѣтъ небесный не проникъ въ царство мрака: всѣ сіи дѣйствія, измѣ-

ренныя машабомъ вымысла, находящяся въ порядкѣ природы точностію своихъ вѣщешеній. Вотъ, говорящъ, великія идеи! Такъ; но это величіе Геометрическое, которое съ матеріею, движеніемъ и пространствомъ до безконечности увеличиться можетъ.

Достоинство увеличенія, сотворяя существа сверхъестественно великія; или сильныя, соспояло бы въ соразмѣреніи душевныхъ качествъ съ сими тѣлесными; вотъ въ чемъ не успѣли ни Гомеръ, ни послѣдователи его. Я знаю только сахану Тассова и Мильтонова, имѣющихъ душу и тѣло соразмѣрныя. Но какъ сохранить въ сихъ сверхъестественныхъ созданіяхъ сію постепенность силъ? Человѣку очень легко выдумать тѣла величайшія, не столь слабыя и тѣнныя, какъ его тѣло: природа представляетъ ему образцы и матеріалы. И при всемъ томъ сколь много производилъ онъ нелѣпостей, даже и въ чудесномъ физическомъ, но сколь болѣе еще въ моральномъ! „Человѣкъ, (говоритъ Монпанъ) можетъ быть поль-

ко тѣмъ, что онъ есть, и выдумашъ только сообразное съ своими способностями.“ Какъ онъ ни выдумываетъ, онъ не знаетъ никакой другой души, кромѣ своей собственной; колоссу имъ оживошворяемому можетъ онъ дать только свои способности, свои чувства, свои идеи, свои страсти, свои пороки и добродѣтели, или тѣ свои склонности, свои чувствованія, которыхъ сѣмя онъ въ себѣ содержитъ. — Вошь почему Существо высочайшее, Существо верховное для насъ непостижимо. Очами моими я измѣряю твердь, а мыслію своею измѣряю только мысль свою. Еслибъ я хотѣлъ вообразить себѣ Бога, и какое бы усиліе я ни сдѣлалъ, чтобы одарить его качествами превосходными; всегда мудрость, благость, величіе души его будутъ только верховною степеню мудрости, благости и высокости моей души. Я придамъ ему такія чувства, какихъ и самъ не имѣю; чувство, на примѣръ, слышатъ бѣгъ времени, чувство, читаешь въ мысляхъ, чувство, предузнаешь будущее, потому что

меня не принуждаютъ объяснять механизмы сихъ новыхъ органовъ: я одарю его пониманіемъ, опъ кошораго, по моему предположенію, ничто не можетъ скряться, силою и дѣятельностію, кошорымъ, какъ мнѣ очень легко предсавить, ничто не можетъ противиться; я сдѣлаю его чуждымъ слабоспей, болѣзней и смерти, приличныхъ мнѣ: ибо идеи отрицательныя, подобны чернымъ цвѣтамъ, которые не пребуяшъ опшѣнковъ свѣта. Но еспли дойдешъ дѣло до понятій положительныхъ, на примѣръ, еспли мнѣ надобно будетъ засавить его мыслишь, или чувствовашъ: то онъ будетъ имѣшь пронцапительности, велерѣчія, или спрасши сполько, сколько я имѣю оныхъ. Одинъ древній писатель сказалъ о Гомерѣ, что онъ самъ видѣлъ, или показалъ боговъ; но спрашиваю: почно ли онъ ихъ слышалъ, или далъ намъ ихъ слышашъ? Также говорили, что Юпишеръ сходилъ на землю для того, чтообъ показашъ Фидію, или что Фидій вознесенъ былъ на небо,

Книж. XII.

Е

чтобъ увидѣть Юпитера. Эта гипербола имѣетъ свою степень истинны: очень понятно, какъ художникъ могъ заслужить сію похвалу величествомъ, которое онъ придалъ своей статуѣ; но Физическое составляетъ все для ваятеля, и ниче-
 го для Поэта, ежели не соединено съ нрав-
 ственнымъ. Это соединеніе совершен-
 ное, было бы чудеснымъ произведеніемъ
 Генія; но излишне и помышлять объ
 ономъ: человекъ имѣетъ лишь человѣче-
 скія средства: *la divinita non può da lui
 essere imitata.*

Петръ Нозиковъ.

СРАВНЕНІЕ АРИСТИДА СЪ КАТОНОМЪ УТИЧЕСКИМЪ.

Обратимъ взоры на тѣ прекрасныя времена Греціи, когда она, въ союзѣ любви и свободы чудесными подвигами добродѣтели и мужества, отражала властолюбіе Персовъ.

Въ сію эпоху великихъ произшествій и великихъ мужей являешся Герой и мудрецъ, которой, не бывъ, по видимому первымъ изъ своихъ современниковъ, былъ гражданинъ лучшій и полезнѣйшій. Наблюдая вліяніе добродѣтелей его, кажется, что оныя были въ Греціи главнымъ источникомъ всего того, что въ семъ знаменитомъ вѣкѣ ни происходило прекраснаго и доспославнаго. Сей мужъ есть правдивый *Аристидъ*!

Исторія показываешъ намъ Аристида посредѣ шрудовъ его для опечества. Но для усердія его мало открывалось способствъ; онъ не принадлежалъ къ крамольствующимъ, и

отрашился имѣшь друзей и враговъ, на счесть блага общаго. Ни польза личная, ни вражда не омрачали его сердца чистаго и великодушнаго.

Его обвиняють предъ согражданами. Но оправданіе его, покрывъ стыдомъ обвинителя, возбуждаетъ противъ него же ненависть народную; — пылаешь опмщеніе за добродѣтельнаго мужа. Другъ добродѣтели не дозволяетъ гнѣвной спрасти и мщенію за него измѣнить строному безприсраспію правосудія. Онъ защищаетъ своего обвинителя, приводитъ его предъ судьей, молишь ихъ приняшь оправданіе — и виновному прощеніе даровано!

Нѣкогда, въ присутствіи его на судилищѣ, одинъ гражданинъ говоритъ ему: Ариспидъ! тяжущійся со мною человекъ также и тебѣ, сдѣлалъ много зла. — „*Говори, какое онъ тебѣ сдѣлалъ зло, опвѣчаетъ онъ; мое дѣло судить не для себя, а для другихъ.*“

Его искреннее и сладостное краснорѣчіе предложило законъ, на который на-

родъ изъявилъ согласіе; но Аристидъ, тогда же вразумленъ будучи возраженіями своихъ противниковъ, воскликнулъ: „поспойте, граждане, я опечалуюсь.“ „Върше пѣмъ, кои совѣпующъ вамъ добро, а не пѣмъ, копорые ошибающся.“ Семиспоклъ, его соперникъ и прошивоборникъ, соединяетъ въ себѣ добродѣтели съ величайшими дарованіями; но сей мужъ, не рѣдко, принося пользу своему опечесипву, бываещъ шоль же вреденъ въ народныхъ совѣшахъ; Аристидъ для него здѣсь бдипельной судія; въ спанѣ воиаскомъ онъ вѣрный его воинъ. Какое величешвенное зрѣлице, когда Аристидъ наканунѣ Саламинскаго сраженія входилъ въ спавку полководца съ извѣспіемъ и совѣшомъ, копорый украшаетъ врага его побѣдоноснымъ вѣнцомъ!

Не уже ли всегда должно встрѣчать неблагодарность народа въ жизни великихъ мужей? И Аристидъ осуждаещся на изгнаніе. Въ сію шо минушу сердце челошѣческое открываетъ или великосшь, или униженіе. Предсшавшешесе

бъ: — къ Ариспиду подходишь Апшичскій поселянинъ, и просишь написать для него, имя обреченнаго имъ на изгнаніе; — имя было Ариспидово. — Другъ мой! какое зло сдѣлалъ тебѣ Ариспидъ? — Никакого; я его въ глаза не знаю; но мнѣ досадно, что твердятъ безпрестанно о его справедливости. — И справедливый молча исполняешь волю безвѣснаго врага добродѣтели, — и возведя очи на небо, говоришь: „молю боговъ, чипобы разстроеныя дѣла Аѣинявъ не принудили ихъ обратню призвашь *Аристида*!

О! сколь добродѣтель величественна въ сихъ благородныхъ движеніяхъ души, въ поступкахъ искреннихъ и пылкихъ, которые составляютъ особенное украшеніе древнихъ нравовъ! Представимъ себѣ Ариспида, избраннаго вождемъ надъ рашующими Аѣинянами; — ему суждено рокомъ, сражаться съ шѣми Греками, которые, измѣнивъ Греци, предались Персіанамъ. Сердце его ужасается убійственной междоусобной вражды; онъ выступаетъ среди двухъ воинствъ,

и съ лицомъ, слезами орошеннымъ, съ руками, къ небесамъ простертыми, и гласомъ, священнымъ гласомъ добродѣтели взываетъ: “ о Греки! вспомните ваше отечество; врозивъ кого поговипесь къ брани? Вы хощите въ присущствіи боговъ кровію вашею обогреть подя Греціи.

Доспославные дни *Марathonскихъ*, *Саладинскихъ* и *Платейскихъ* бипвъ! — Въ дѣшописяхъ вашихъ зрится добродѣтельная покорность Аѳинянь къ священнымъ совѣщаньямъ Аристиды. Персидскій Царь подспрекаетъ Аѳинянь оставивъ другихъ Грековъ, обѣщая имъ Греческое Царство. Лакедемонъ, въ безпокойствѣ своемъ, умоляетъ ихъ чрезъ пословъ, не разрывать общаго союза. Вошь ихъ опвѣсть ширану изъ устъ Аристиды: Аѳиняне прощаютъ варварскому Царю въ шомъ, что онъ почитаетъ все продажнымъ; но жалуется на Лакедемонцевъ, копорые, памяшудя только настоящее бѣдствіе своихъ союзниковъ, забываютъ ихъ всегдашнюю вѣрность и мужество.

Сей народъ представлялся тогда образцемъ для героизма; онъ былъ великодушень и въ мирѣ, и въ войнѣ.

Фемистокль объявляетъ Аѳинянамъ, что онъ желаетъ предпринять важное дѣло, котораго не лзя изъяснить ему всенародно. Кшо достойнѣе бытъ посредникомъ между Аѳинянами и Саламинскимъ героемъ? онъ внимаетъ сей доверенности, и сообщаетъ народу мнѣніе свое такъ: *Нѣтъ ничего полезнѣе, и нѣтъ ничего несправедлиѣе Фемистоклова намѣренія.* — Единодушный крикъ повелѣваетъ сему послѣднему оставить свое намѣреніе; и такъ цѣлый народъ, вѣря единому человѣку, отказывается отъ великихъ выгодъ, — и подобно мудрому и добродѣтельному судіи, шокмо гласу правоты повинуется.

Естьли у народовъ награды, достойныя подобныхъ добродѣтелей? Аристидъ принялъ по крайней мѣрѣ самое лестное для его сердца возмездіе. На возражающихся тогда зрѣлищахъ, куда спекалась вся Греція, представляется лице истин-

но добродѣтельнаго мужа, который не *хочетъ такимъ казаться, но быть*; — зрѣлище прерываешься, и взоры зрительцевъ въ безмолвномъ умиленіи и любви невольно обращаются на Аристида. Правда, что онъ перпѣлъ изгнаніе; но въ опечѣсѣвѣ его изгнаніе было для великихъ мужей и бѣдствіемъ, и честію, какъ бы закономъ, опредѣленными; и по истинно, что великій жилъ и умеръ въ бѣдности; но бѣдность служила оградю и украшеніемъ его добродѣтели; — и мы должны о томъ мыслишь такъ, какъ его сограждане. У него былъ родственникъ богатый, обвиненный и судимый за то, что безкорыстѣйшаго изъ Аѣинянъ оставилъ онъ въ бѣдности. Тогда Аристидъ предсталъ въ судъ съ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что онъ самъ опровергалъ обогащеніе; — всѣ Аѣиняне удалились изъ судилища, говоря: *Лучше быть, какъ Аристидъ, бѣднымъ, нежели подобно Калліасу, богатымъ*.

Но если бы было безчестно подобиться въ богатствѣ Калліасу, то

сколь прекрасно быть столь великимъ и добродѣтельнымъ, какъ Кимонъ! Какая величественная простота во нравахъ сего времени! какая прогащельная противоположность въ жизни двухъ мужей одной эпохи и одного народа! Кимонъ выходилъ изъ своего жилища, окруженъ будучи друзьями, обязанными предупреждать спыдливое прошеніе почтенною щедростію; и домъ его, и владѣнія, такъ какъ народная собственность, были открыты. Въ благотворительности онъ подобила знаменитому Царю; — во нравахъ строгому Лакедемонцу. Смирненное жилище, бѣдная одежда довольствовались Ариспида; отечеству своему онъ предоспавилъ великую честь совершивъ его погребеніе, и данъ приданое за дочерью.

Сіе увлекаетъ меня ко многимъ разсужденіямъ. Въкъ и отечество изображеннаго мною мужа отличались твердою простотою нравовъ и великодушною искренностію въ чувствованіяхъ; но сія твердость нравовъ была смѣшана съ первоначальною грубостію народа, который къ обя-

занностямъ общества оказывалъ покомодно безпокойное и подозрительное повиновение; — а оное возвышеніе чувствованій содержало въ себѣ болѣе склонностей чистыхъ и пылкихъ по природѣ, но менѣе правилъ образованной и основательной нравственности. — Ариспидовъ духъ, кажущаяся, сотворенъ былъ для того чтобы щасливо дѣйствовать на спротивость народа, и управлялъ ходомъ его образованія. Изъ его кропкой души, изъ нравственнаго совершенства его происходила божественная какая-то сила, которая очищала и возвеличивала добродѣтели того вѣка, подобно какъ святость учрежденій Нумы, смягчала свирѣпой духъ Римлянъ.

Но добродѣтели великихъ мужей приобрѣтающъ сіе владычество только при колыбели народовъ. Когда народы достигаютъ высочайшей степени образованія гражданскаго: то вкорененные могуществомъ времени пороки и безпорядки углубляются въ сознавъ государственнаго шѣла; — порядокъ нравственной

и послѣдней прошившихся намѣреніямъ мудрыхъ; тогда добродѣшель съ опважностію шествуеетъ еще къ предположенной цѣли, — и не рѣдко только оставляетъ намъ великаго примѣра!

Въ послѣднія времена Римской Республики явился смертный, котораго небо, казалось, низпослало на землю для того, чтобы возвысить достоинство человѣческой природы, — и показать единожды, какъ далеко простирается добродѣшель. Сей гражданинъ міра, еще болѣе, нежели Римлянинъ, хотя и Римлянинъ, наипаче будучи стоническими правилами, которыя никогда не привышали его твердости душевной, увидѣлъ, что жребій народовъ зависитъ отъ судьбы его опечесства, и что опечесство его перяетъ и свободу, и добродѣтели; сей мужъ во всю жизнь прудился для блага общаго, болѣе нежели Цесарь для своего щасія, и опровергалъ въ Сенатѣ всѣ зловредныя мысли. Среди мяшежей народныхъ сохраняя спокойствіе и постоянство духа, искалъ чиновъ и мѣстъ единственно для удаленія

недостойныхъ; — сей Римлянинъ, несравненный въ мірѣ человѣкъ, дерзнулъ противустоять преклонности правотѣ и стремленію произшедшей, вселенную увлекавшихъ; ему предназначена была грозная слава, — оправдать строгую добродѣшель, по мнѣнію несправедливыхъ клеветниковъ, неспособную къ управленію Государствъ и людей. Какой Римлянинъ его времени лучше зналъ существенную пользу своего опечесыва? Какого не мыслишь, древнее равенство Гражданъ въ Римѣ соединить съ обладаніемъ цѣлаго міра; для соблюденія въ опечесывѣ свободы, онъ старается возвратить свободу другимъ народамъ; и кто другой скорѣе, предупреждая насъ происходящее зло, предусматриваетъ издали грозящее бѣдствіе? Онъ идетъ противъ усилившейся власти, Помпея присвоенной, противъ деспотическаго народа хитраго Цесаря, противъ Красса, — и не столько ихъ раздора, сколько согласія спрашивается. Ни одно намѣреніе искуснѣйшаго изъ враговъ его и враговъ народа не укрывается отъ ис-

шиннаго сына опечеснва; онъ осперегаетъ народъ, Сенатъ, другихъ совѣтниковъ, — и вездѣ опрѣзываетъ ему пули къ славѣ, какъ сильнѣйшіе способы для его честолюбія. Кажется, въ послѣдній разъ сражающіяся добрый и злой духъ Республики. Никто не вѣрилъ тому, — и Римская свобода погибла. Сенатъ опдалъ справедливоспъ, что одни Капоновы совѣтны всегда ко благу опечеснва клонились. Лишась и доспоинспва, и сана, безъ успѣха въ дѣлахъ, не для суешной славы, но съ чистую любовію къ опечеснву предпринявшихъ, — Капонъ, по видимому, всего лишился, даже послѣднихъ почестей, воздаваемыхъ добродѣтели; посмотрите же, какъ добродѣтель его поржеснвуетъ въ Римѣ, въ семь великомъ и разврапномъ градѣ, куда спскались всѣ пороки со всѣми богатспвами покоренныхъ народовъ. И тогда, никто не могъ опвергнушь его совѣтна и мнѣній въ судѣ, не обличивъ себя въ несправедливосп; его нечаянное появленіе прерываетъ безспыдныя позорища Римлянъ, —

и всѣ предстоящія съ удивленіемъ объявляютъ его мудрымъ и непобѣдимымъ въ шу самую минушу, когда онъ бѣжитъ предъ Фарсальскимъ побѣдителемъ. Неустрашимѣйшій мужъ есть и самый чувствительный, и самый кропкій, когда можетъ быть кропкимъ, не измѣняя своему долгу, и не уклоняясь отъ души, предназначеннаго ему богами. — Во дни юности своей никогда не вкушалъ онъ пищи одинъ безъ своего брата; во время междоусобной брани одѣвался въ печальную одежду; рѣшившись умереть, занимается онъ судьбою друзей своихъ; вмѣстѣ съ нѣжною заботливостію объ нихъ, представляюща ему мысли о вѣчности и безсмертіи добродѣтельныхъ мужей; — въ пишинѣ послѣдней юности, наконецъ прощается онъ съ жизнью, подобно челоуку, копорый совершилъ дѣло свое, и спокойно опходитъ къ Пославшему его свыше.

Сравненіе Лопитала и Сюлли.

Оба они жили во времена ужасныя и кровавыя; одинъ видѣлъ начало оныхъ, а другой зрѣлъ конецъ. Оба они были Министры, Мужи Государственныя; одинъ въ особенности былъ одаренъ гениемъ для отправленія дѣлъ, другой для законодательства. Добродѣтель была въ нихъ твердая и спорогая. Въ одномъ видна искренность, достоинство, иногда гордость древняго происхожденія, знашой фамиліи; въ другомъ обнаруживается душа, характеръ и гений, образованные великими мыслями и великими дѣянїями древности; даже самая его наружность, показывая черты Аристошелевы, открывала чрезвычайное благородство и важность. Они были судїи двора и вѣка своего; однако здѣсь слава ихъ не равна: одному надлежало уничтожить безпорядки; — другому предупредить и остановить гибель народную. Какое зрѣлище представлялъ Лопиталь, удерживая одинъ, въ продолженїи семи лѣтъ быстрый потокъ убійствъ, го-

шовой разлился. Онъ говорилъ смѣло о справедливости и челоѵколюбіи при Дворѣ, гдѣ сіи имена священныя принимались за вопли возмущенія; обнаруживалъ и обвинялъ въ собраніяхъ общихъ и въ совѣтахъ Царскихъ всѣ правила преступныя и опасныя; удерживалъ буйственной духъ Гизовъ, покоряя черныя и слабыя души Медицисовъ; — наконецъ дѣйствовалъ въ продолженіи службы своей на двухъ Государей, которые исполнены были невольнаго къ нему уваженія! Ничто не могло сколько возвратить свободы сердцамъ преступнымъ, какъ его изгнаніе. Ахъ! кто же таковъ былъ эпошъ челоѵкъ, съ такимъ жаромъ употреблявшій все могущество добродѣтели? Сынъ изгнаннаго и внукъ Еврея! Такова судьба Лопишала при Дворѣ!

Судьба Сюлли при Дворѣ является въ другомъ видѣ; онъ былъ другомъ лучшаго изъ Государей. Что составляло его счастье, то составило прекраснѣйшую его славу. Никто лучше не исполнялъ своихъ

Книж. XII.

Ж

обязанностей, столь важныхъ и столь затруднительныхъ; надъ сердцемъ Генриха онъ наблюдалъ съ такимъ же попеченіемъ, какъ и надъ управленіемъ Государства; совѣсь его обвиняла, какъ вѣроломнаго, въ шой слабости Царской, которой бы онъ могъ воспрепятствовать. Записки его содержатъ наставленія для всей ревности, для всей искренности, для всей твердости, которая честной челоуѣкъ долженъ приносить въ жертву дружеству Царей.

Сравненіе Тразеаса и Монтозье.

Фортуна участвуетъ во всякой славѣ, и даже въ славѣ добродѣтели. Она можетъ выславлять великіе характеры въ вѣкахъ, поoliko униженныхъ, что они не въ силахъ ничего перемѣнить и ничего предпринимать. Что бы могъ сдѣлать въ царствованіе Нероново, древній Римлянинъ, достойный Стоикъ, не-

успрашимый Тразеасъ? чего могъ онъ надѣяться отъ народа, который сожалѣлъ объ Императорѣ скоморохѣ и маперубійцѣ, и отъ Сената, который умѣлъ подущать злоумышленниковъ къ совершенію новыхъ злодѣяній? Не въ состояніи будучи возвратиться добродѣшелей своему опеченству, онъ возмогъ бы оное освободить; я нахожу для него ролю, которой самъ Пизонъ не былъ достоинъ. Надлежало бы свергнуть съ престола пирана, поразить чудовище, и занявъ его мѣсто; но добродѣтель не любитъ прикрываться видами честолубія: она смѣется надъ пиранами, презираетъ ихъ болѣе, нежели наказываетъ. Въ сіи времена ужасовъ и низостей извѣстенъ былъ человекъ, по жизни уединенной и безпорочной, по виду строгой и печальной. Примѣшно, что онъ носилъ въ сердцѣ своемъ глубокое огорченіе, не имѣвъ другой цѣли для своего мужества, кромѣ сохраненія одной чести. Онъ терпелъ общее униженіе и все то, что долженъ терпѣть несчастной. Но

Ж 2

если онъ увидитъ, какъ Сенатъ приноситъ поздравленія Государю, свою мать умертвившему, онъ выходитъ, предавая себя жестокости пирана; и тогда, когда бесчестнѣйшій изъ обвинителей укоряетъ его, какъ въ преступленіи, въ томъ, что онъ подражаетъ Капону, Тразеасъ разсуждаетъ съ своими друзьями спокойно, что ему дѣлать, явиться ли предъ судьей въ одеждѣ обвиненнаго, говорить съ могуществомъ добродѣтели и со всею вольностью умирающаго, или предупредишь свое осужденіе вольною смертію, чтобы заспавишь сомнѣваться, въ томъ, что сдѣлалъ бы Сенатъ, еслибы онъ внималъ гласу Тразеаса. Тиранъ, алкая мщенія, не опустилъ времени, произнесши отвѣтъ на то, что оставалось еще нерѣшеннымъ. Великіе характеры не токмо являющся во времена униженій, но и въ вѣки роскоши и рабства, когда совершенное единоначаліе утвердилось среди народа, болѣе успѣвшаго въ изящныхъ искусствахъ, нежели въ хорошихъ законахъ.

Въ сіе время, что дѣлается хорошо, дѣлается болѣе по другимъ началамъ, нежели по началамъ добродѣтели строгой и сильной; онѣ не входящъ въ правленіе, онѣ не могутъ даже существовать совершенно во нравахъ. Уже много значить, не скрывать доблести своей ни опъ Государя, ни опъ народа, показавъ ее среди нравовъ новыхъ, какъ величественный оснашокъ древнихъ добродѣтелей, подобно симъ древнимъ швердынямъ, въ кошорыхъ не укрывающа болѣе обитатели полей, но кошорыхъ развалины свидѣтельствуютъ о величествѣ и необоримой ихъ крѣпости,

Тогда Придворный Людовика XIV, строгій Монпозье, не бывъ преобразователемъ своего вѣка, судилъ Дворъ по своимъ правиламъ; онъ изъяслялъ явно презрѣніе къ безчестнымъ людямъ. Онъ говоритъ правду Царю, онъ воспитываетъ наследника престола въ законахъ швердой честности; и тогда, когда воспи-

шанникъ гоповъ содѣлашья его владыкою, тогда обращаетъ онъ къ нему сіи мудрыя слова: „Государь! естли ты честный человекъ, ты меня полюбишь; а естли нѣтъ, ты меня возненавидишь, — и эшимъ буду я ушѣшенъ.“ Вотъ какъ Мояшозье дерзаетъ требовать признательности добраго Государя, или возбуждять мщеніе пирана, обнаруживая совершенную независимость сердца, которое не спрашится вичего, исполняя свой долгъ.

Изъ Лакретея И. Снегиревъ,

VI.

ПОСЛАНИЕ О СТИХОТВОРСТВѢ.

(Окончаніе.)

Пусть наши праотцы въ старинной
простотѣ,
И Плавшовыхъ стиховъ дивились оспро-
тѣ,
Размѣру и красамъ : . . . шакое удивленье, —
Чтисъ глупо не сказать, — излишне сни-
схожденье !
Другія времена, другой и вкусъ у насъ. —
Пизоны ! — здоровой умъ и сердце слышитъ
въ васъ,
Гдѣ естъ гармонія для слуха и для чув-
ства,
Гдѣ грубость дикая слѣпаго неискусства.

Теспись, пріавый свѣтъ съ Парнасской
высопы,
Открылъ Трагедіи начальныя черпы. —
При немъ явились смѣшныя колесницы,
Актёровъ и пѣвцовъ намазанныя лица ! —
Эсхилу здравый вкусъ вдали уже блисталь,
Онъ важность мантіи, личины сценъ даль.
Съ помоста гордаго, открышаго для взоровъ,

Явилъ копуры онъ и пышность разгово-
ровъ ;

Комедія попомъ въ Елладѣ процвѣла ;
Но вольность дерзкая ей гибельна была ; —
Орудье злыхъ людей , коварнаго забава ,
Закономъ лишена граждансвеннаго права ;
Не въ силахъ бывъ язвиль , со срамомъ хорь
упалъ !

И Римлянинъ - Поэтъ путь трудный
испыталъ !

Спрямясь въ слѣдъ Еллиновъ , спрямясь
пропою новой ,

Вездѣ срѣталъ онъ честь съ наградою го-
пвой. —

Не съ чуждыхъ , но съ родныхъ полей собравъ
цвѣтны ,

Претекстъ и погъ явилъ изящны красоты. —

Ахъ ! естлибъ менѣ Пѣвцы себѣ ввѣрялись ,

Съ шерпѣнемъ исправлять пруды свои
спарались ,

Тогдабъ великій Римъ могъ смѣло приложитъ

Къ вѣнцу своихъ побѣдъ вѣнецъ оупъ Пьеридъ !

О кровь Помпиля , сыны ведьможь по-
чпенны ,

Вы должны показатъ путь къ славъ сокро-
венный !

Вашъ первый долгъ Пѣвцамъ , твореньямъ
цѣну дасть ;

Вашъ долгъ нашъ Геликонтъ оупъ перновъ
очищать ;

Гоните съ мирныхъ горь невѣжество, над-
менье ,

И зависть черную , Эреба порожденье ! . . . .

Забавный Демокрипъ , спремьясь увѣришь
свѣшь ,

Что гению въ прудахъ , въ наукѣ нужды
нѣшь ,

Наполниль Гедиконъ одними дураками . —

Пророкъ такой всегда богаты учениками ! —

Я зрю чудовище гуспыхъ дѣсовъ во пѣмѣ ,

Обросшее брадой , ногпями ; — и въ чумѣ !

Неистовый дикарь бѣжитъ дневнаго свѣта —

Увы ! . . . . не смѣйшеса ; вы видите По-
эта ! —

Такъ точно ! пощъ Пѣвецъ — предметъ по-
хваль , молвы ; —

Кто брипвѣ не ввѣряль космапой головы ,

Неизцѣляемой прекрапно чемерицей ; —

Я очищаюся предъ каждою денницей ,

А я и брѣюся ! — бѣда моимъ спихамъ !

Что дѣлашь ? такъ и бышь ; . . . . не рѣ-
жешь камень самъ ,

Но силу разсѣкашь желѣзу дашь удобень ; . . .

Одинъ рождень пишашъ , другой учить
способецъ ! . . .

Мой жребій , показашъ богатыхъ рудъ слѣды ,

Образованіе Поэта и труды ,

Гдѣ чистой лучь красота , гдѣ призракъ
обольщеній ,

Науки торжештво, плодъ горькій заблуж-
деній.

Искусство мыслишь — ключъ къ Искус-
ству сочиняшь.

Философы должны швой умъ образовашь;
Сократъ сокровища тебѣ откроеть новы.
Головой мысли въ слѣдъ слова всегда го-
повы.

Когда, во слѣпотѣ, ни сердцемъ, ни умомъ
О Богѣ не живещъ, объ опчествѣ святомъ;
Когда не упоенъ огнемъ любви эирнымъ
Къ родителемъ, къ друзьямъ, къ добротамъ
гражданъ мирнымъ;

Когда не знаещъ правъ властителей, вож-
дей,

Ни долгу важнаго старѣйшинъ и судей: --
Тогда возможещъ ли приличными черта-
ми,

Ты каждое лице изобразить предъ нами?
Нѣтъ! образъ жизни и нравы ни по-
знай,

Живыя словеса живой струей свивай! —
Повѣрь мнѣ, сходныя съ проспой природой
чувства

Безъ украшенія, безъ хипростей искусства,
Родныя для сердець, дають сердцама за-
конъ.

Блестящихъ словъ наборъ . . . пустой ким-
вальной звонъ.

О Грекахъ мы гласимъ въ восторгѣ
удивленья:

„Имъ геній, имъ дана вся сладость вы-
раженья!“

Но Греки жили чѣмъ? . . . не славой ли од-
ной?

У насъ едва сынокъ зашаркаетъ ногой,
Тотчасъ ему въ глаза родъ знашной и бо-
гапство,

Балы, гулянье, ласкъ, съ вельможами при-
япство,

И маминька, его милуя, говоритъ:

„При деньгахъ, при чинахъ тебѣ учишься?
спыдь!“

Оставь стремленіе умовъ обыкновенныхъ!“

Опечесство мое! . . . чрезъ сихъ ли ослѣп-
ленныхъ

Ты будешь силою и славой возраставать?

Поэта главной долгъ: *учить, или*
лѣннать.

Не рѣдко важное сливается онъ съ припи-
нымъ.

Въ совѣсахъ крапockъ будь, коль хочешь
быть понятымъ! . . .

Что понялъ я легко, по помню навсегда,
Все лишнее уйдетъ, какъ черезъ край
вода!

Спрошенъ вымысловъ, какъ призракъ исче-
заешь,

Коль сила истины его не проникаешь. —
Не вѣришь умной чпещь нескладнымъ чу-
десамъ! —

Одно забавное скучаешь спарикамъ; —
Лѣпа безопасности къ урокамъ не усердны:—
Пѣвецъ! — будь совершенъ; смѣшай цвѣтны
и перны,

Полезенъ, сладокъ, знай, учишь и забавляешь!
Вопь способъ съ книжниковъ оброки соби-
рать;

Вопь способъ приобрѣсть въ попомкахъ
позднихъ славу!

Но всѣ-ль грѣхи идушь подь спругую
разправу? . . .

Всегда ли издають намъ спруны вѣрный
звукъ,

Какого чувствю ждешь, или искусстворукъ?—
Мнѣ нуженъ тихой тонъ, — но громкій
раздается;

Не всякій разъ спрѣла къ предмету доне-
сется. —

Чшожь дѣлашь? — слабость есть; — при
многихъ красопахъ

Она невидима, какъ легка тѣнь въ лучахъ! —
 Несовершенство есть удѣлъ несовершен-
 ныхъ. —

Когдажъ Писатели въ мѣстахъ обыкновен-
 ныхъ

Однѣ и тѣжъ всегда погрѣшности творять,
 И, естли музыкантъ, прудяся въ день
 спокрапъ,

Не можешь взять во плѣнь одной упрямой
 ноты: —

Доспанеть ли у насъ къ прощенью ихъ
 охоты? —

И всякой Авторъ такъ, когда не сохранилъ
 Всѣ правила, — другой мнѣ кажется Хериль,
 Которому смѣясь, кричу ошъ удивленья,
 Когда въ немъ мѣста два найду безъ по-
 грѣшенья!

Вопь жаль, когда Гомеръ самъ вздумалъ бы
 вздремать! —

Но пупь его далекъ! . . , проспипельно
 успать! —

Спихи, какъ живопись: — одно из-
 ображенъе

Плѣняетъ насъ вдали, другое въ приближенъе;
 Одно подъ тѣнь поставь, умножь другому
 свѣтъ: —

Во взорахъ знапока ему улики нѣтъ!

Одно пріятно разъ; — съ другимъ не лъж
разспашься,
Оспавя, вновь спѣшимъ, чпобъ снова на-
слаждашься. —

Пизона старшій сынъ! — къ тебѣ скло-
няю гласъ...

Природа твоего рожденя въ свѣтлой часть
Благихъ даровъ своихъ подь спудомъ не
скрывала;

Рука родителя твой пушь предначерпала;—
Приникни сердцемъ ты къ вѣщаніямъ мо-
имъ. —

Вездѣ посредственность и слабость мы
проспимъ.

Не всѣ законники всеправящаго Рима
Мессаль или Кассель; — но слава ихъ пер-
пима;

Посредственихъ Пѣвцовъ ни смертный,
ниже богъ,

Ниже сіи столпы, держащіе чертогъ,
Не сперпятъ, не проспятъ, безъ казни,
безъ укора;

Исполни свой обѣтъ, — или бѣги ихъ взора! —
Пріятно-ль слышатъ вамъ за лакомымъ
споломъ

Орфея площади съ разспроеннымъ гудкомъ?
Стихи естъ Грацій даръ, и имъ же посвя-
щенны:

Мы гонимъ ихъ, клянемъ, когда несовер-
шенны. —

Смотри, кто не боець, и шпаги не беретъ,
Кто пляскъ не учень, въ хоръ рѣзвой не
войдетъ : —

Имъ спыдно, кажется, вступили въ чужое
дѣло ;

Не знавшій гра ж о ш ъ — спихи кропаешь
смѣло !

„И для чего не такъ?... я вольностью дышу!

„Я знаменъ, я богатъ, я баринъ и . . .
пишу !“

Пизонъ! не лзя писать на перекоръ
Палладъ ?

Вотъ правило швое! вотъ вѣрной путь къ
награда !

Ты новость произвелъ, не вдругъ спѣши
издашь ;

Дай взорамъ суди прудъ юный испытать !

Дай Мецію, опцу, дай миѣ на разсмотрѣнье;

Пусть десять лѣтъ во пмѣ распахъ швое
творенье !

Настанетъ добрый часъ, исправишь самъ
себя. —

Что издашь, не швое, и не найдешь
тебя! . . .

Сначала смертные, какъ звѣри, оби-
тали,

Скипаясь по лѣсамъ, другъ друга пожирали.

Орфей, превыспреннихъ посланникъ и пѣ-
вѣцъ,

Извлекъ огонь любви изъ каменныхъ сердець!...

Скала, бездушной дубъ, хищеньемъ пиргъ
живущій

Склонялися на гласъ, въ пустынь вопіющій;

Спадъ паспырь, Амфіонъ, для Кадмовыхъ
племень

Границы горъ собралъ въ громады пышныхъ
опѣвъ!

И смертному заря блаженства возсіяла!

Поэзія узлы взаимности связала;

Учила чистое опъ скверны опмичать;

Общественно добро предъ частнымъ ува-
жалъ;

Права любви, законъ, твердыни Государ-
ства;

Спокойствіе гражданъ, предметъ чино-
начальства;

Участникъ тайнъ судьбы изрекъ и начер-
палъ;

Священный Бардъ, какъ богъ, народомъ у-
правлялъ.

Гомерова труба гремитъ хваленья боевъ,

Чудесной лирою Тиршей шворитъ героевъ,

Оракуль въ пѣсняхъ намъ даетъ небесный
судъ;

И въ Фебовыхъ садахъ всѣ доблести ра-
стутъ!

Проводитъ во трудахъ свои жадныя
 лѣпы; —
 Онъ терпитъ зной и холодъ, и чуждый нѣги,
 сна,
 Бѣжитъ отъ прелестней любви и вина. —
 Сей флейщикъ, пѣснями плѣняющій со-
 бранье,
 Учился и терпѣть старѣйшинъ наказанье.
 О нашъ прекрасный вѣкъ! вѣкъ милый для
 глупцовъ!
 Мы безъ ума, умны! — мы славны, безъ
 трудовъ!...
 Искусство щастливыхъ — безспысннва
 присвоенье!
 Мудрецъ нашъ мыслишь такъ: предъ смѣ-
 лымъ награжденье!
 Погибни всякой трудъ! могу и безъ него
 Казаться знапокомъ, не зная ничего!

Поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воз-
 доенный,
 Богатствомъ, знапнесшью обильно награж-
 денный,
 Изъ подлой челяди сославивъ свой Парнасъ,
 Мнѣ кажешя купцомъ, который всякой часъ
 Съ прилавка вамъ кричитъ: „вопъ здѣсь
 поваръ богатый!“
 Бѣда, когда припомъ роскошный, поре-
 вашый

Онъ вздумаетъ для всѣхъ открытой стполь
 держапъ,
 За плуша въ судъ ходишь, и деньгами ссу-
 жашъ: —
 Ему-ль знашь искренность? ему ли жишь
 съ друзьями!
 Нещасный! не хвались пы новыми спи-
 хами
 Предъ шѣмъ, кого дарилъ, кто ждешь пво-
 ихъ даровъ;
 Онъ, въ изступленіи, не сыщеть бѣдный
 словъ:
 „Прекрасно! высоко!“ — велишь, — и
 онъ заплачетъ;
 Велишь, — и въ радости поешъ, играешъ,
 скачешъ,
 И лезешъ на спѣны отъ ревности своей.
 Наемный шако льстець, при гробѣ бога-
 чей,
 Биешь себя во грудь, рвешъ волосы, спе-
 наешъ;
 Другъ испшии блѣдень, нѣмъ, лешъ слезы, и
 скрываетъ;
 Одинъ хвалѣ цѣна; другой — хвалѣ по-
 зорь. —
 Какой-то древній Царь друзей своихъ
 соборъ

Подъ пыпкой узнавалъ и сладкой и при-
мѣрной :
Поилъ ихъ на повалъ , и слышалъ опавъ въ
вѣрной ! —
Коль почести пѣнцовъ швой пылкій духъ
манящъ ,
Бѣги ласкашелей : — ихъ взоръ , ихъ сло-
во — ядъ !

Квинтилий , разсмотрѣвъ списки швом
прилжно ,
Замѣшишь : здѣсь поправъ ; здѣсь сказано
небрежно ! . . .
Не въ силахъ , швой опавъ , — со скуки
я умру !
И такъ замучился ! . . . сожги ! но пы въ
жару
Головъ на огонь , на мечъ за дѣнище лю-
безно ! —
Чтожь крипикъ ? . . . онъ молчишь . Съ
пѣмъ споришь бесполезно ,
Кто самъ въ себя влюбленъ , не вѣришь ни
кому . —
Правдивый , честный мужъ , по сердцу сво-
ему ,
Не можеть умолчашъ , гдѣ чувствуешь по-
грѣшность ;
Замѣшишь каждую въ спискахъ швоихъ не-
брежность :

Тупь грубо, шамь цвѣшно, здѣсь жизни,
силы нѣтъ!

Тамь слогу пивой напыщенъ; здѣсь мрачно;
нужень свѣтъ:

Тамь стихъ разперзанный едва, едва вла-
чился.

Онъ Архиспархомъ быль ни мало не спы-
дился:

Не скажешь: малости! — почто вязался
къ нимъ?

Но малости сіи позоръ стихамъ пвоимъ!...
Позволимъ надъ собой мы другу посмѣяться,
Чтобъ послѣ навсегда смѣшными не оспань-
ся!

Безумна страсть къ стихамъ опаснѣй
злой чумы.

Проказа, фанатизмъ, перзающій умы,
Діаны люпный гнѣвъ, горячки разъяренны
Сноснѣ, чѣмъ Поэтъ, самимъ собой пѣвни-
ный! . . .

Всѣ бѣгають его; лишь мальчики пол-
пой

Безумца вселятъ безумной похвалой! . . .

Когда въ спремишельномъ перяся парень,
И выше шумъ гремя въ нелѣпомъ пѣсно-
пѣнь,

Внезапно, шакъ какъ снопъ, въ глубокой
ровъ падеть,

И гласомъ жалостнымъ : „спасите!“ вос-
поеть! —

Друзья! угодно ли извлечь его опшолъ?
Какая нужда вамъ? . . . не по своей ли волѣ
Онъ ринулся въ бѣду? . . . Рѣшился ли онъ

самъ,

Взявъ руку и совѣтъ, изъ ямы выльзеть къ
вамъ?

Повѣрьте, никогда! — что сказывающъ
причину? —

Вы знаете пѣвца Сикульскаго кончину:
Нещастный Эмпедокль, безсмертія искавъ,
Въ кипящій Этны зевъ низвергнулся спремъ-
главъ.

Спихи для рюмача, не Этна ли? ска-
жите!

Пусть гибнеть, пусть горитъ! оставьте,
опступите! . . .

Спасеніе свое убійствомъ онъ почтетъ . . .
Изшоргнувъ Эмпедокль: онъ въ пропасть
вновь идець!

Исправь сей спихъ, другой; но разумъ
кто приправишь?

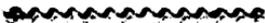
Влюбленный въ свой позоръ, его онъ сла-
вой спавитъ!

Знашь, Божій гнѣвъ виситъ надъ грѣшномъ
главою;

Конечно, не почилъ онъ предковъ прахъ
свѣтомъ;

Конечно, пренебрегъ къ богамъ благого-
 вѣнъ, —
 И фурія стиховъ ему небесно мщенъе!
 Какъ будто злой медвѣдъ, сорващійся съ
 цѣпей,
 Терзаетъ, мучитъ вѣкъъ Поэзіей своею;
 Знаюкъ и незнаюкъ съ нимъ встрѣнясь,
 убѣгаетъ;
 Хочу иль нехочу, онъ, знай, свое чи-
 таешь;
 Не выпустишь, пока мой духъ во мнѣ жи-
 веть;
 Піавица, не спавъ сына, не опадеть.

Мрзкъ.

VII.

ДВѢ ОДЫ ГОРАЦІЯ. (*)

Къ Сексту.

Ode IV. ad Sextium. Solvitur aeris hiems, etc.
 Свирѣпая зима Фавоновымъ дыханьемъ
 Несется вдаль съ полей,
 Дешяшь въ моря съ береговъ громады ко-
 раблей,
 Бѣгутъ спада на лугъ съ блеяньемъ,
 Орапай позабыль блескъ милаго огня,
 Свѣпившаго въ его конурѣ;
 Не замешаюшя поля снѣжистой бурей;
 Но въ полночь, какъ видна ужъ на небѣ
 луна,
 Богиня красоты выводишь дѣвъ соборы,
 Другъ съ другомъ сплешшихся, плѣняющихъ
 всѣхъ взоры,
 При плескахъ юношей, играющихъ въ лугахъ;
 А тамъ Вулканъ въ огняхъ
 Битъ спаль Циклоповъ засиавляемъ.
 Увьемъ, о Секспъ! главу
 Иль миршомъ, иль въ лугахъ разцвѣтши-
 ми цвѣтами,
 Заколемъ Фауну овна предъ алшарями,
 Или козла, коль по пріятнѣе сему
 Роцъ нашихъ полубогу.

 (*) Пѣсы присланныя.

Смерть блѣдная идетъ къ порогу.

Равно и хижинъ и дворцовъ.

О Секстъ! намъ жизньъ есть даръ не вѣчной
отъ боговъ :

Надежда съ нею не совмѣстна.

Смотри, и ночь близка, и домъ Плупона
тѣсный,

Бога пылы тѣнями, къ себѣ насъ въ гости
ждеть. . . .

Винь сладкихъ тамъ ужь нѣшь.

8

К ъ П и р р ъ.

Quis te gracilis etc. Od.

Кто юноша молодой

Въ прелестномъ гробѣ, розъ на благово-
номъ ложѣ,

О Пирра! щасливой рукой

Ласкается къ тебѣ, съ богиней юной схо-
жей?

Кому разсыпала ты желтые волосы,

Небрежно по плечамъ висящи?

Ахъ! сколько слезъ ему готовишь въ тѣ
часы,

Опчаяньемъ грозящи,

Когда, перемѣня любовь,

Ты благость премънишь на гнѣвъ къ нему
боговъ!

Онъ легковѣренъ, онъ владѣть тобою
льспился,

Не слыша, какъ морей зыбь яростно кру-
пилися.

И кто подумаешь въ тебѣ измѣну зрѣшь,
Въ тебѣ, безхипростной, котору боги сами
Создали пламенемъ священнѣйшимъ горѣшь,
И сердцемъ то пвердишь, что сказано
успами?

Нещасливъ, на кого ты взглянешь въ
первой разъ!

Ахъ! нѣкогда твоей зорь приковывалъ и
насъ: —

Но времена врапялся, —

На мраморной стѣнѣ, спасены отъ зыбей,
Одежды мокрая Горація сушашся,
Въ дань божеству морей. . . .

